

ПЕСНИ СТЕПЕЙ



АНТОЛОГИЯ
КАЗАХСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ



DALA ÇĖRLARĖ



Redaktor
Leonid Sobolev





АНТОЛОГИЯ
КАЗАХСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Под редакцией Леонида Соболева

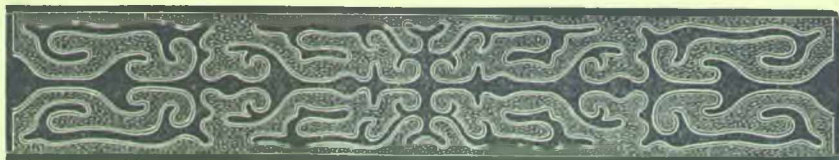


ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1940

*Иллюстрации, переплет,
титул, шмуцтитул, заставки и форзац
И. Костылева и Г. Петрова*

ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА
УЛ. АРХАНГЕЛЬСКАЯ, 10

Проверено



ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

На Первом съезде советских писателей Алексей Максимович Горький говорил: «Речи на заседаниях и беседы вне зала заседаний... обнаружили недопустимо малое знакомство наше с искусством и вообще с культурой братских республик. Если мы не хотим, чтобы погас огонь, вспыхнувший на съезде, мы должны принять все меры к тому, чтобы он разгорелся еще ярче. Необходимо начать взаимное и широкое ознакомление с культурами братских республик».

Этот огонь не погас. Он и не мог погаснуть в нашей стране, где освобожденные народы спаяны великой сталинской дружбой. Один за другим народы Советского Союза поднимают над миром творения своих классиков, сбрасывая с них покровы, злобно и несправедливо накинутае великодержавным шовинизмом, очищая эти бесценные алмазы от пыли веков и от грязи, которой закидали их буржуазные националисты. Оживают прекрасные и мудрые безымянные эпические поэмы. Произведения, написанные советскими писателями на своих родных языках, стали достоянием русского читателя так же, как русская литература стала доступной якуту, грузину или казаху. Советская литература, по природе своей, *многонациональна*: ее создает не один народ, а все народы Советского Союза. В этом отличие ее от литератур прошлых веков и от литератур современных капиталистических стран.

Великой цели «взаимного и широкого ознакомления с культурами братских республик», к которой призывал Горький, служит и эта книга.

Здесь собрана лишь малая часть поэтических сокровищ казахского народа. Эта книга, являющаяся лишь началом большой работы, не может, конечно, претендовать на полный и верный показ *всей* казахской литературы от эпоса до наших дней. Она лишь приоткрывает завесу, скрывавшую до сих пор от русского читателя прекрасный мир мужественных и пленительных образов, созданных поэтическим гением казахского народа.

В казахской советской литературе одновременно существуют две равноправные и равноталантливые струи — литература профессиональная, письменная и литература народная, устная. Такое положение существует и у других народов, где письменная литература возникла сравнительно недавно — в историческом масштабе, конечно. Однако в казахской литературе есть свои особенности, отличающие ее от аналогичных в этом смысле литератур.

В силу исторических условий, роль устного творчества в развитии литературы Казахстана неизмеримо выше, чем там, где устное творчество остановилось в своем развитии на формах эпоса, перейдя непосредственно в литературу письменную. Казахский народ еще до появления письменной литературы уже выдвинул ряд поэтов — Махамбета, Шернияза, Ахан-сэри, Шортамба, Мурата и других, чьи устные произведения составили целую эпоху: это была уже поэзия, а не эпос, — поэзия, создаваемая отдельными и известными истории авторами.

С развитием письменной литературы огромные запасы поэтических сокровищ устной казахской литературы не перешли сразу в письменную, а остались существовать сами по себе в устной передаче акынов и жирши. Ранняя письменная литература занялась, главным образом, переводными темами исламистского, религиозного характера. Тем более велика историческая заслуга Абая Кунанбаева, значение которого в развитии казахской литературы справедливо будет приравнять к значению Пушкина в русской. Литератор высокой культуры, разносторонне образованный мыслитель, гуманист и реалист, поэтическая и гражданская совесть казахского народа — Абай отлично понимал, какую огромную роль в историческом пути народа будет играть зарождающаяся письменная литература. Но заветы Абая были восприняты лишь небольшой группой демократических писателей. Остальные представители письменной литературы несли в аул проповедь исламизма. Они пропагандировали национализм с тем, чтобы, прикрываясь призраком освобождения от русского царизма, еще вернее отдать народ в руки собственных баев и нарождающихся промышленников. Враждебная интересам народа сущность буржуазной письменной литературы была полностью раскрыта лишь после Октябрьской революции, когда представители этой литературы оказались в рядах контрреволюционной партии алаш-ордынцев. Народные чаяния и надежды, неумирающую волю казахского народа к борьбе за освобождение — за эти годы попрежнему выражала, главным образом, устная литература. Закономерно, что в исторические дни восстания 1916 года именно устная литература послужила выразителем подлинных чувств народа в песнях и поэмах акынов.

Устное творчество донесло до первых лет Великой социалистической революции драгоценную чашу казахской поэзии и сомкнулось с зарождавшейся в те годы советской письменной литературой. Акыны — устные поэты (и в большинстве случаев — импровизаторы) — продолжают слагать свои песни и в наши дни; более того, каждый раз, когда над родиной проносится освежающий шквал новых социалистических побед или свистит

горячий ветер войны,— глубокое и вечное море казахской народной поэзии выносит к нам все новые жемчужины народных талантов, новых молодых акынов.

Устная казахская литература создала и гигантское явление, рожденное национальными особенностями казахского народа и победами интернационального социалистического строя в Казахстане,— поэзию Джамбула. Его могучий талант хранителя народных поэтических традиций и его ясное советское миропонимание — слили воедино обе струи казахской литературы. Имя Джамбула войдет в историю литературы потому, что именно он сумел страстные политические мысли облечь в высокохудожественную и глубоко народную форму казахского стиха-песни и, наоборот, придать подлинно народной казахской поэзии остро политическое звучание. Поэзия Джамбула — блестящее раскрытие сталинской мысли о культуре национальной по форме и социалистической по содержанию, мысли, определяющей путь искусства в стране многоязычной, в стране многих, веками сложившихся культур, в стране — семье народов.

Диалектическое сочетание в одном русле казахской советской литературы этих двух разных течений — литературы устной и литературы письменной, обусловленное всем историческим ходом развития, определило содержание и характер антологии. Линия устной литературы представлена в ней отрывками из героического и лирического эпоса, образцами народных обрядовых песен, сказок, пословиц, устной поэзией акынов девятнадцатого века, песнями восстания 1916 года и поэзией современных нам советских акынов. Письменная литература представлена поэзией Абая Кунанбаева, поэтов-просветителей, поэтов-демократов девятнадцатого и начала двадцатого веков и произведениями советских поэтов и писателей.

Этот материал расположен в антологии хронологически в целях решения второй задачи, стоявшей перед составителями: поэтическим языком рассказать об истории казахского народа, показать его непрерывную, длительную борьбу за освобождение, начало которой теряется в глубине веков. Героический эпос рассказывает о войнах казахского народа за свою национальную независимость, поэтически воплощая мужественный и воинственный его дух в мощных образах непобедимых батыров Кобланды и Таргына, безрассудно-смелого Ер-Саина, защитника бедняков — Камбара. Лирический эпос утверждает в трогательных и пленительных образах Кыз-Жибек и Толегена, Баян-Сулу и Козы-Корпеша вечное свободлюбие юности. Гневные и страстные стихи Махамбета и Шернияза, народная поэма о Бекете поэтически выражают непреклонный дух «эпохи восстаний» начала и середины девятнадцатого века ¹. Скорбь казахского народа, закованного в двойные цепи свои-

¹ Именно в целях освещения этой эпохи сюда отнесена построенная на народных песнях того времени, но написанная значительно позднее поэма Игилмана Шурекова «Исатай и Махамбет».

ми баями и пришлыми царскими колонизаторами, передана в стихах поэтов «эпохи скорби» — Шортамбая и Мурата. Стихи последователей великого Абая, поэтов-демократов, свидетельствуют о подавленном протесте казахского народа, не оставляющего мысли о борьбе и освобождении. Песни восстания 1916 года показывают, как силен был этот протест, вспыхнувший в историческое лето восстания, непосредственно перешедшего позднее в гражданскую войну 1917—1920 годов. Эти песни доказывают, как неистребим был в народе пламень революционной воли, доказывают историческую подготовленность казахского народа к Великой социалистической революции. Националистическая клевета на русский народ разбита этими песнями, изобличившими подлинных врагов казахского народа в лице контрреволюционных националистов, алаш-ордынцев, предававших народ во время восстания и позже предательски убивших Амангельды Иманова, вождя восстания 1916 года и героя гражданской войны. Продолжение этой освободительной борьбы, победа пролетарской революции, создавшей в полуголодной степи высокую аграрную и индустриальную мощь, превратившей полуфеодалное общество в социалистическое общество равноправных и свободных людей, благодарное обращение к вдохновителю этих побед, к великому другу казахского народа, к Сталину, — вот темы советской литературы и песен современных нам акынов.

«Бывает, что отрубают голову, но никогда не было обычая отрезать язык», говорит казахская пословица, утверждая силу и значение человеческого слова. Слово — гордое, свободное и прямое слово поэта — сопровождало казахскому народу на протяжении всей его истории. Как светлый меч, сверкало оно в могучих руках непримиримого Махамбета, меткой стрелой разило ханов в ядовитой иронии Шернияза, слезами народа плакало в скорбных устах Шортамбая...

..(Все, что наш дух томило и жгло,
Сгустками в этой песне легло...
Стяг над войсками шумел стихом,
Стих обращался в священный стяг.
Дух испустив, пронзенный в бою
Песню живым оставлял свою:
Стяги касались стынувших уст,
Гневный напев бушевал в крови,
Скрежет зубовный и костный хруст
Клятвой звучали, клятвой любви.
Чинше отцы не знали святынь,
Слаще мечты, чем грозная месть...

Слово было оружием, клятвой, призывом, жалобой, учителем, другом — всем было для казахского народа слово. Только предателем не был и не будет вовек верный казахский стих, которому новую жизнь дала великая социалистическая революция:

Жаждой он был — напитком стал,
Жалобой был — избытком стал.
Омутом был он — бродом стал,
Окисью был он — медом стал.
Был он нуждою — пиром стал,
Был он враждою — миром стал...

Этот путь казахского поэтического слова и следит антология от эпоса до наших дней.

Джамбул и Абай — вот имена двух гигантов казахской литературы, двух отцов и учителей современной казахской поэзии. Внимательный читатель найдет в образцах советской казахской литературы, представленных в антологии, и великие традиции Абая, и живое, оплодотворяющее влияние традиций народного творчества. Заключающая сборник коллективная поэма советских поэтов, посвященная Сталину (из которой взяты приведенные строки), особенно ярко подчеркивает это влияние. Поэма написана в народной форме «толгау» — бессюжетного философского размышления, насыщенного образами. Такие «толгау» Бухар-жирау, Ахансэри и самого Абая ставили философские вопросы человеческой жизни и почти всегда были окрашены в пессимистические тона. «Толгау», говорящее о победах социалистического строя в Казахстане, пронизанное оптимистическим ощущением, «толгау», неизменно и благодарно приводящее поэтическую мысль в конце каждой главы к творцам этой счастливой жизни — к Ленину и Сталину, «толгау», с абаевским размахом мысли передающее в древней испытанной форме живые чувства современности, — как бы символизирует единство поэтов и акынов, единство народных поэтических традиций и традиций советской поэзии, творческий синтез двух течений казахской литературы, утвержденный непревзойденным образом его — Джамбулом.

Закончен большой и благодарный труд, навсегда связавший с казахской литературой тех русских поэтов и писателей, которые работали над антологией. Следующей работой этого коллектива является подготовленный к печати том казахского эпоса, куда вошли полностью поэмы, представленные в антологии отрывками. Переводятся неизвестные русскому читателю эпические поэмы «Едиге», «Алпамыс», «Шора Нароков», «Ханшайм и Наурызбай», «Энлик и Кебек», которые составят следующий сборник эпоса. Наполовину закончен уже перевод большого сборника казахских сказок, готовится к печати собрание стихотворений Абая Кунанбаева, переводятся и издаются поэмы, стихи и романы советских писателей. Это дает право нам сказать, что тесная дружба русских и казахских литераторов установлена. Великий завет Горького в отношении казахской литературы выполняется, и первым толчком к этому послужила эта антология, большой и благодарный труд.

Если антология вызовет в русском читателе то же желание проникать все дальше и дальше в прекрасный и своеобразный мир казахской литературы, какое работа над антологией вызвала у нас, если русский читатель полюбит песни степей и поймет трудный и многострадальный путь великого народа, трагического кочевника по степям и по столетиям в поисках счастливой страны Жер-Уюк, нашедшего, наконец, ее на солнечном жайляу коммунизма, — задача антологии будет выполнена.

Именно в этом смысл нашей работы: довести до русского народа воспоминания, мысли и чувства казахского народа, выраженные высокой поэзией народного творчества и советской литературы, сблизить эти два народа могучей силой искусства, чтобы еще более укрепить великую сталинскую дружбу народов, залог вечного счастья человечества.

Редактор-составитель

Леонид Соболев



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ



ЭПОС
И СТАРИННЫЙ
ФОЛЬКЛОР





Областна*
Библиотека и «Г.Г.»*
Уважени аки о
отделение



Мухтар Ауэзов

КАЗАХСКИЙ ЭПОС И ДЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ФОЛЬКЛОР

1

Центральное место в казахском эпосе занимают героические поэмы-былины.

Чаще всего это поэтические рассказы о подлинных исторических событиях, имевших место в далеком прошлом среднеазиатских и крымско-волжских кочевых племен. Таковы, например, былины о «старших богатырях», связанные с такими историческими событиями, как распад Золотой Орды при Тохтамыше и Тимуре (былина об Едиге), покорение Казани Иоанном Грозным (былина о Шоре Нарокове или о Кобланды), совместные набеги смежных родов — казахов и ногайлы (былина о Санне, былина об Алпамысе), междоусобные войны в Крымском ханстве (былина о Таргыне).

Когда и кем эти былины были сложены и кем исполнялись позднейшие их варианты — установить невозможно. Из века в век передавались они без указания имени певца, без упоминания даже о каком-нибудь общем «вещем баяне».

Но из того, что герои их еще не казахи, а «выходцы из Ногайлы», можно заключить, что первоначальные варианты героических поэм восходят к эпохе, когда самостоятельный *казахский* политический союз еще не образовался, когда роды, составившие этническую основу казахского народа, фигурировали еще в составе Золотой Орды, Крымского и Казанского ханств под общим, более популярным, именем «Ногайлы».

Лишь о вариантах «Кобланды-батыра» и «Ер-Таргына» мы знаем, что они исполнялись в прошлом столетии знаменитым акыном Марабаем. Но и это стало известно лишь благодаря свидетельству непосредственных слушателей, его современников. Сам Марабай ни в одной былине не назвал своего имени.

Отличительная черта былин о старших богатырях — преобладание социального, общественного мотива над личным. Богатырь — это носитель концентрированной в одном образе мощи коллектива, олицетворение своего рода, водитель его войск. Свою удачу он проявляет обычно в большом походе против какой-нибудь *внешней* силы: в одном случае — против

завоевателей части его государства (покорение Казани), в другом — против враждебных, соперничающих племен (в поздних вариантах — почти всегда против калмыков), причем род всегда делит с батыром славу победы и военную добычу.

Но если коллективное участие акынов и жирши многих поколений в расширении и украшении той или иной былины почти не нарушало единства стиля, то рожденная в глубине веков сюжетная канва не могла, конечно, остаться свободной от влияния различных эпох и различных социальных слоев. И в позднейших вариантах в описании боев и подвигов сказываются уже идеология и стремления родовой аристократии — борьба и героизм идущей с батыром массы оставляется в тени. Народ фигурирует лишь как фон, воины — как статисты. Певец вспоминает о них либо при описании дележа добычи, либо при перечислении понесенных потерь.

Непременным атрибутом героя казахского богатырского эпоса является его личное окружение (родня, жена, друзья), конь и доспехи. Почти в каждой былине вступительная глава посвящена многострадальной судьбе престарелых родителей, тщетно жаждущих сына. Батыр появляется на свет при необычных, сказочно-преувеличенных обстоятельствах.

Первым и обязательным этапом личной судьбы батыра является его женитьба. До женитьбы нет батыра, женитьба — как бы последняя степень его физической зрелости. Это первое испытание богатырских качеств будущего героя проходит не легко: любимая девушка достается ему ценой тяжелой и опасной борьбы. Жена батыра впоследствии становится необходимым дополнением к личному образу героя. Если батыр не блещет особым умом, она дополняет его образ как воплощение разума (такова Кортка, жена Кобланды); если в нем недостаточно развито чувство чести и достоинства, то жена дополняет его личность как воплощение чести (Ер-Таргын и Ак-Жунус). Такую же огромную роль в судьбе героя играют его друзья и особенно его конь — тулпар. В былинах, созданных кочевым народом, конь — ближайший друг человека; былины наделяют богатырских коней сверхъестественными качествами: они птицей перелетают через горы (Тарлан, конь Ер-Таргына), они говорят человеческим голосом (конь Ер-Санина). Имена коней старших богатырей и их отличительные свойства известны казахскому народу наравне с именами их хозяев-батыров.

Былинные поэмы обычно сложены размером *жир*. Жир — это семивосьмисложный стих с различным количеством строк в строфе (от четырех до четырнадцати). Рифма внутри строфы не имеет постоянного места, зато музыкальность стиха достигается инструментовкой, построенной на звуковых повторях, на аллитерациях и ассонансах. «Бегающая» конечная рифма при одинаковом зачине ряда строк, богатых внутренними аллитерациями и частыми эпитетами и метафорами, подбираемыми по созвучию, создает порой насквозь звучащую строку, отличая казахский (так же, как и киргизский) эпос высокой техникой.

Форма жира предусматривает наличие и другого стихового ритма — *жельдирме*, чаще всего употребляемого в местах наиболее динамичных,

насыщенных событиями. Жельдирме — это беглый, убыстренный напевно-декламационный стих. Само название его, означающее «рысистый бег», определяет и его форму, являющуюся контрастом стиху жира, ведущему повествование как бы медленным, плавным шагом.

2

Особое место в казахском эпосе занимают лирические поэмы типа «Козы-Корпеш и Баян-Сулу», «Кыз-Жибек», «Айман-Шолпан». В этих поэмах описывается тяжелая доля казахских девушек и молодежи вообще и борьба их за личные права.

Наиболее древней из этих лирико-эпических поэм следует считать «Козы-Корпеш и Баян-Сулу», относящуюся к XI—XII векам. Параллельные варианты этой поэмы (как и некоторых названных выше богатырских былин) встречаются и у других родственных казахам народностей. Да и в казахском эпосе поэма «Козы-Корпеш» имеет целый ряд вариантов. Она исполнялась многими выдающимися поэтами-акынами прошлого столетия, которые внесли ряд существенных изменений в ее содержание и по своему усмотрению перенесли место действия поэмы. Так, по варианту акына Жанака, исполненному и записанному среди рода Сыбан, события происходят в восточных степях Казахстана, в районе распространения рода Сыбан.

Поэма рассказывает о любви и страданиях Козы-Корпеш и девушки Баян, нареченных женихом и невестой еще до рождения. Разлученные в детстве, они ищут друг друга, стремясь соединиться. Но Козы-Корпеш погибает от руки Кодара, и Баян-Сулу, завещая похоронить ее вместе с возлюбленным, падает у его гроба на острие кинжала.

Эта глубоко лирическая поэма блещет правдивыми и художественно убедительными яркими образами: скупого отца — Карабая, влюбленных — Корпеша и Баян, властолюбивого пастуха — Кодара и дает живое изображение кочевого скотоводческого быта казахского народа. Весьма оригинален двуединый образ Ай-Тансык — двух воспитанниц Карабая, действующих и говорящих в поэме неразделимо друг от друга. Популярность этой поэмы среди казахов всегда была исключительной. Недаром названия многих гор, рек и урочищ ряда областей Казахстана имеют отношение к событиям поэмы. А имена Баян и Корпеш сделались нарицательными для несчастных молодых любовников, подобно именам Ромео и Джульетты на Западе.

Другая, не менее популярная поэма этого типа — «Кыз-Жибек» уступает «Козы-Корпешу» в сложности и богатстве сюжета. Но зато «Кыз-Жибек» в отношении красочности, музыкальности и формального совершенства стиха остается непревзойденным в казахском эпосе образцом народного творчества.

Из лирико-эпических поэм более позднего времени надо отметить «Айман-Шолпан». Это — трагикомическая поэма, посвященная судьбе двух сестер, уведенных насильно в плен своевольным и корыстолюбивым феодалом-батыром Котибаром, вследствие случайной ссоры его с отцом деву-

шек во время одного тоя (пиршества). Смелость и находчивость девушек спасает их от насильнических притязаний Котибара. Эта поэма отличается от старинных эпосов большим количеством бытовых элементов. И события, и отношения людей, и образы их трактуются в ней убедительно-реалистически. Здесь нет характерных для эпоса преувеличений в описании качеств героя и героических событий. Благодаря своему вполне реалистическому показу отживающих и выродившихся черт батырства, благодаря острому акценту на самодурство феодалов — героев поэмы, «Айман-Шолпан» представляет собою сатиру на эти социальные типы и явления.

Устное творчество казахского народа, помимо перечисленных больших форм эпоса, представлено еще и многообразными мелкими поэтическими формами. Каждое событие в жизни казаха — рождение, смерть, женитьба — имеет свое отражение в песне.

Вот основные виды бытовых песен:

Кыз-танысу — песня девушки, выдаваемой замуж и прощающейся с родной семьей.

Жар-жар — песня проводов невесты. Она исполняется в виде диалога между жигитом и девушкой, причем жигит перечисляет всех родственников невесты и утешает ее тем, что отца ей заменит свекор, мать — свекровь, брата — деверь и т. д. Девушка же выражает печаль по поводу разлуки с родными, которых ей никто заменить не сможет.

Бет-ашар (буквально: «раскрытие лица») — песня встречи невесты в ауле жениха.

Айт-келин (буквально: «скажи, невестка») — такая же песня встречи, где в шуточной форме предписываются невесте правила поведения и перечисляются подарки, которыми должны ее встретить родственники жениха.

Баксы-жиры — песня шамана, призывающего к себе на помощь духов при лечении больного. (Замечательно в ней по своей откровенности мольба к духу: «а не станешь мне помогать, плохо будет мое дело...»)

Естирту — извещение о чьей-либо смерти.

Кониль-айту — песня, выражающая соболезнование.

Кос-тасу — песня прощания.

Жок-тау — поминальная песня, в которой перечисляются достоинства умершего.

Некоторые из этих песен (жар-жар, танысу, жок-тау) исполняются хором, другие — отдельным певцом, который, в рамках установленной формы песни, нередко импровизирует и присочиняет ряд куплетов.

— Богатейший отдел казахского фольклора представляют народные сказки, легенды и предания. По характеру и тематике казахские народные сказки чрезвычайно многообразны. Сказки фантастические: о семиглавом жалмаузе (циклопе), о коварной старухе Пистан-кемпир; сказки мифологические: о подводном и подземном царствах, о дивах и пэри, о змеином цар-

стве, о героях-охотниках Едиль и Жаик, Кула-Мерген; бытовые сказки; детские сказки; сказки-притчи и комические сказки и, наконец, обширный отдел сказок о животных и птицах — вот приблизительный перечень основных разделов казахских сказок.

Помимо этих собственно казахских сказок, в народе издавна бытовали также арабо-иранские и общетюркские сказки, как «Тысяча и одна ночь», «Сказка о попугае», «Похождения Рустапа» (по Фирдауси), «Похождения Жинигида», «Сказки Бахтажара» и казахские варианты «Корь-Углы», «Лейла и Мажнун» и мн. др.

Персонажи казахских сказок давно стали нарицательными. Таковы насмешник и веселый плут — Алдар-косе (буквально: «безбородый насмешник»); угнетатель-скупец Карынбай («бай, заботящийся о своем животe»), забравший, по легенде, у народа весь скот; мечтатель Асан-кайгы, искавший для казахского народа страну счастья и довольства. В образах Жиренше-шешена («красноречивого Жиренше») и жены его — Карашансулу народная сказка воплотила мудрость и красноречие казахского народа. Легенда об отце казахской музыки — Коркыте — имеет глубоко философское содержание: Коркыт не мог примириться с неизбежностью смерти, ушел от людей к вечной природе, но горы, степи и леса поведали ему об ожидающем их разрушении; тогда Коркыт выдолбил из дерева ширгай первый кобыз и заиграл на нем первую мелодию на земле, найдя бессмертие в искусстве.

Многие казахские легенды переложены на музыку. Почти все инструментальные мелодии для домбры или кобыза («кюйи») сложены на темы устных образцов фольклора и сопровождаются короткой новеллой, рассказывающей содержание их.

Из песенно-поэтических жанров старины наибольший интерес у казахского слушателя вызывали импровизации во время состязаний (айтыс) — певцов и музыкантов. История устного творчества казахского народа изобилует этими песенными состязаниями, распространенными и сейчас среди колхозников. Из струнных состязаний наибольшей известностью пользуются айтысы таких знаменитых акынов, как Акбалы и Боздак, Тогжана и Сакау, Сары и Биржана, Жантела и Мурата и многих других. Содержанием этих состязаний служил спор на заданную тему: о превосходстве одного рода над другим, о правах женщины, о личности самих поэтов, о любви — выраженный в поэтической импровизации. И посейчас айтыс существует в форме шуточно-игривых импровизаций-состязаний — между двумя колхозами, между бригадами или отдельными ударниками и ударницами колхоза.

На вечеринках казахской молодежи айтыс нередко переходил в массовые состязания, которые помогали выявлению поэтических способностей молодежи. Условия этих шуточных игр требовали от участников значительного мастерства. Достаточно упомянуть, например, о том, что жигит должен был победить противника в остроумии и в умении импровизировать, спев песню из двадцати четырех куплетов по четыре строки

в каждом: в первых шести куплетах нужно было восхвалить избранного молодежью «хана» праздника и его «ханшу», следующие три должны были содержать в себе комплимент двум соседкам певца, затем следовали шесть куплетов о качествах скота и вещей, три куплета явно неправдоподобных, потом пять куплетов о возлюбленной певца. Последний куплет мог быть на любую тему, но должен был быть построен так, чтобы при пении его с конца, то есть в обратном порядке слов, сохранялся смысл.

Такие высокие требования к песне-игре показывают, какого мастерства ждали присутствующие на айтыс от признанных акынов-мастеров. Поэтом считался тот, кто был способен создавать острые и меткие стихи экспромтом. Степень таланта поэта слушатели определяли его способностью импровизировать на всякие неожиданные для него темы.

Только пройдя множество таких испытаний на сборищах и состязаниях, поэт получал признание своего дара. Акын, признанный народом, защищал свое звание как в случайных состязаниях, так и в специальных, связанных с праздниками или с событиями общенародного значения.

Почти все народные поэты начинают свои выступления с айтыс. Серьезный айтыс с кем-либо из признанных и популярных старших акынов определяет судьбу нового акына. Суд слушателей и оценка старшего поэта утверждают звание акына за молодым, начинающим талантом.

Поэт, прошедший такую школу и изощренный в импровизации, мог при желании легко браться за исполнение различных видов эпоса. Отсутствие записей и невозможность дословного заучивания большой былины давали поэту-импровизатору право и возможность, при знании основной канвы сюжета и манеры былинного певца-предшественника, вести свое повествование с собственными сложными поэтическими вставками. Таким образом, наиболее талантливые народные акыны являлись носителями множества народных жанров — от свадебно-ритуальной песни, от пересказа чужого айтыс — до исторической песни или до былинно-геронического эпоса.

Эта древняя традиция большого акына-импровизатора, располагающего огромным запасом фольклорных памятников, и выдвинула после Великой пролетарской революции многочисленную группу ярко талантливых народных акынов, создателей революционно-советского фольклора казахского народа.



ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС



КОБЛАНДЫ-БАТЫР

(Последняя часть поэмы)

Поэма «Кобланды-батыр» — один из наиболее ярких образцов устного творчества казахского народа — отличается особой мужественностью, изобилием описаний битв. Поэма известна в народе с пятнадцатого-шестнадцатого веков; предлагаемый здесь ее вариант записан в прошлом столетии из уст акына Марабая.

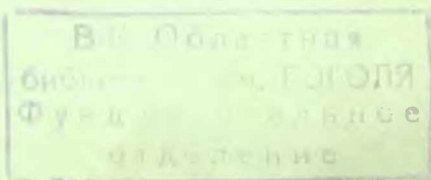
Содержанием поэмы является борьба казахов с калмыками, причем в лице калмыков эпос объединяет многочисленных противников казахского народа. Сам Кобланды, как и вообще герои богатырских поэм, уже в тринадцать лет почти непобедим. Успехам его содействует ум жены его, Кортки, и преданность полюбившей его дочери калмыцкого хана, Карлыги. В противоположность честности, благородству и храбрости Кобланды, поэма создает образ Карамана, боевого спутника Кобланды, — жадного, коварного и заносчивого.

Поэма рассказывает о походе Кобланды-батыра на калмыков, о его плене, о бегстве из плена при помощи Карлыги и о возвращении в родные места, которые Кобланды освобождает от осады калмыков.

Кобланды-батыр (из рода кинчаков) и его жадный друг Караман (из рода князов) бегут от пленившего их калмыцкого хана Кобикты и, в сопровождении дочери этого хана — Карлыги, влюбившейся в Кобланды-батыра, уводят калмыцких лошадей.

Скачут снова два храбрых друга,
На каждом звенит кольчуга,

№ 13755



Висит за плечом садак
И полон стрел корамсак.
Спешит Караман, хануга;
Тулпары пред ним бегут,
Свободны они от пут,
Хвостами траву метут.
Характер у хана круг:
Поймает — придется туго!
Он гнева взметнет рога,
И будет убита ханом
Изменница Карлыга,
Бежавшая к мусульманам!
Родного отца предав,
Прекрасна она в измене,
И стан ее величав,
И слиты с конем колени.
Ей матери жаль своей,
Однако любовь сильней,
И лишь на Сары-узене
Сдержали они коней.
Весь в пене, отцовский чалый
Внезапно заржал скакун
И бросился вспять, как шалый,
Усталый разбив табун.
Напрасно друзья втроем
Скакали за тем конем.
И, видя, что плохо дело,
Чтоб делу тому помочь,
Калмычка домой летела,
Не глядя на мрак и ночь.
Конское слыша ржанье,
Мыло видя Тарланье,
Гневаться стал калмык.
Но Карлыга поспела:
«Цело все, хан мой, цело!
Чалый твой баловник:
К яслям Тарлан привык...»
Гнев тут отцовский сник,
Вновь захрапел старик.

И вновь коня Карлыга
Роскошным кроет седлом,
Под шапкой блестит серьга,
Связаны косы узлом.
Мчится она напролом,

Мчится на те берега,
Где ждет ее Кобланды.
Но, лишь достигла воды, —
Новый бежал жеребец:
Напрасно Коблан-храбрец,
В предотвращенье беды,
Старался в другой конец
Направить его следы, —
Все же ушел беглец....
И, видя его, отец,
К дочери полон вражды,
Мчится вслед на коне —
И смерть в его кистене.

Карлыга говорит Кобланды-батыру: «Я помогу тебе одолеть моего отца хитростью, потому что силой ты его не возьмешь. Его белую кольчугу — ак-саут — делала я сама. Посередине у пупка, три колечка не соединены. Только в этом месте кольчугу можно пробить стрелой».

Кобикты с кистенем в руке
Снеговой подобен реке,
Той реке, что сверлит гранит;
На разгневанном седоке
Ак-саут, кольчуга, звенит.
У противника издавна
Лук был меткостью знаменит,
Кобланды был на стрелы скуп:
Он нацелился в ханский пуп,
В те несомкнутых три звена,
Где могла быть сталь пронзена.
Вот съезжает на конский круп
Окровавленный ханский труп,
И болтаются стремяна,
И победа завершена.

Гложет зависть грудь Карамана,
Он кричит: «Коблан, сауга!
Я хочу, чтобы Карлыга
Мне на память далась, как след
Лучезарных твоих побед...»
И Коблан говорит в ответ:
«Не мила ей стала родня,
От родного ушла огня
Эта девушка для меня,

От предательских трех колец
Жертвой дочери стал отец, —
В мире преданнее сердец
Я наверное не найду!
Но пусть будет в твоём роду,
Коль ты ей ещё больше мил,
Коль меня перед ней затмил.

Возвратились они втроем
К ждавшим их киятским жигитам:
Ждал кията пышный прием —
Кобланды же стоял забытым.
Грудь выпячивал Караман,
А в речах его был туман, —
Похвальба была, словно он
Сам врагам причинил урон,
Сам увел Карлыгу в полон.
Он, с предательством на уме,
На почегной сидит кошме,
Освещен костровым огнем,
А Коблану слышно во тьме,
Как шушукаются о нем:
«От кичака, — шепчут, — уйдем!
Непричастен он к дележу...»
«Вот как платят мне за труды, —
Гневно думает Кобланды. —
Я вам больше не удружу:
Горсть друзей я вооружу,
Дам по пи́ке им и ножу
И изменников уложу!»
Долго думал он об одном
И забылся тяжёлым сном.
И увидел он старика,
Что явился изда́лека.
Тот сказал: «Ты поручен мне.
Я — твой предок, мне верь вполне!
Предка выслушай: потерпи!
Встречен мной Токтарбай в степи:
Нищий — пас он чужих овец,
Девяностолетний отец!
Знай, Коблан, что слезы слепят
Мать, которой за шестьдесят:
Треплет шерсть и арканы вьет,
Собирает сухой кизяк,
Плачет ночи все напролет,

И запас ее слез иссяк.
Карлыгач же, твоей сестре,
Плохо жить на чужом дворе,
Где ей отдыха не дают
И, что варит она, — жуют.
А калмыцкий хан Алчагир
Хочет свадебный справить пир,
Ладит свадьбу с твоей Корткой,
Гладит грязной ее рукой...
Весь твой род погубит калмык!»
С этим словом сгинул старик,
У батыра ж вырвался крик,
Он вскочил — и с виду был дик.
Не хотела кыз-Карлыга
С Караманом лежать постылым —
И ходила за Тай-бурылом¹
До утра она, как слуга.
«О, бесценная Карлыга! —
Кобланды ей сказал, вскочив: —
Будет речь моя не долга,
Я не буду красноречив:
Топчет недруг мой луга,
Разоряет кипчакский род.
Я один, с киятом вразброд,
На калмыка пойду в поход.
Дай нагрянуть мне на врага!»
И сказала ему калмычка:
«Покажи землякам моим,
Что такое бранная стычка
С Кобланды, с любимым моим!
Да вкусят мои земляки
Тяжесть грозной твоей руки!
Драгоценных часов не трать.
Мне ль о родичах горевать,
Мне — предавшей отца и мать?
Здесь три дня я повременю,
Из киятов я на резню
Постараюсь бойцов набрать —
И тебя тогда догоню!»

Кобланды подъезжает к городу калмыцкого хана Алчаги-
ра, где томится в плену его семья и весь род кипчаков. Батыр
слышит голос своего отца — Токтарбая:

¹ Тай-бурыл — имя богатырского коня (тулпара) Кобланды.

«Кобланды, мой любимый сын,
Мой тринадцатилетний сын!
Возвратиться тебе пора!
Боевой, как верблюдо-бура,
С пышным волосом на груди,
С верблюжатами позади, —
Где, в какой же ты стороне?
Где найза твоя и чокпар,
О, блистательный, как тулпар
В многотысячном табуне?
Видишь, слезы мои текут,
Я горюю, простертый ниц.
Где летаешь ты, мой беркут?
Много ль в мире подобных птиц,
Что с охотничьих рукавиц
Рвутся в небо и зверя рвут?
Кобланды, мой любимый сын,
У родителя ты один,
Помыкают кяфиры мной,
В клочья рван мой теплый кийим,
И гуляет ветер степной
По коленям голым моим.
Лбом касаясь чужой земли,
Я молю тебя, бог-кудай:
Если умер он — смерть мне дай
И страданий моих не дли!
Наказал меня бог, велел
Мне кяфирово стадо стричь,
Но вернись и меня покличь —
Встрепенусь я, мой сын, как лев,
Да, как лев, почувявший дичь!»

Затем Кобланды слышит голос своей матери — Аналык:

«Мне зайчата снились в лесу,
Я в подоле кизяк несу...
Токтарбай, мой бедный койши,
Больше нет ведь у нас детей,
Аналык, супруге твоей,
Вспомнить первенца разреши!
Мне сегодня в ночной тиши
Южный ветер лицо согрел,
Южный ветер лицо ласкал, —
Не Бурыл ли это, пострел,
С нашим мальчиком прискакал,

Чтоб вернуть мне жаром ноздрей
Радость высшую матерей?
Токтарбай, оглянись назад:
Чья-то тень стоит за тобой, —
Не ягненок ли это мой?
Различить мой не может взгляд...
Я сегодня примет полна:
Расчесалась моя спина,
Будто грубый на мне халат
Без подкладки из полотна;
Оба старых моих бедра,
Что морщинистей, чем кора,
Расчесались еще с утра,
Будто я на бугор с бугра
На коне скакала вчера;
Словно вновь полны молока
Два пустых и вялых мешка,
Что над ложечкой я ношу:
Вновь мне ноша эта тяжка,
Словно, к сердцу прижав божка,
Вновь я, кажется, орошу
Ротик жадному малышу...
Ах, не брызнут ли две струи?
Губы тоже зудят мои,
Словно сына теперь опять,
Как обрадованная мать,
Буду ими я целовать!
Вот, задержавшись в добрый час,
Говорит мне правая бровь,
Что увижу я сына вновь,
Что алда его чудом спас
И сберег бесценную кровь,
Чтобы вновь осчастливить нас.
Поспеши, мой сын, поспеши:
О Кортке горюет свекровь —
Ей навязывает любовь
Грязный хан, лишенный души,
Ей грозит калмык Алчагир...
Поспеши, Кобланды-батыр!»

Узнав по ржанию Тай-бурыла о возвращении Кобланды-батыра, Кортка бежит к хану Алчагиру с такими словами:

«О, грозный хан Алчагир!
Сокрыл от меня ты мир,

Томишь меня взаперти.
Хоть раз погулять пусти!
Взглянуть на равнину-кыр
Мне хочется, Алчагир!
Султан и защитник мой
Вернуться забыл домой, —
И стал мне твой дом тюрьмой.
О, грозный хан Алчагир!
Не скроюсь я, будь покоен:
Вели, чтоб слева меня
Один караулил воин,
Вели, чтоб справа меня
Другой караулил воин,
Двух верных и зорких жен
Приставь ко мне с двух сторон:
Измучась тюремным гнетом,
Пойду за сухим пометом,
В стены собирать кизяк...»
Просила и так и сяк,
И хан, наконец, размяк.

Засверкали глаза жены,
Увидавшей с вражьей стены,
Как прилегший вдали батыр,
Опираясь на лук-садак,
Одинокый готовит пир:
Жарился на костре дувалак,
Конь пощипывал дикий злак.

Обе пары своих провожатых Кортка сводит для любовных утех, а сама незаметно приближается к Кобланды-батыру и, стоя перед ним в нерешительности, говорит ему так:

«Стяг победы в руке зажав,
Покоритель чужих держав, —
На тулнаре своем крылатом
К нам прибудь, невредим и здрав!
Я попала в плен к супостатам,
Натерпелась от них обид,
Разделить я должна была там
Мусульманских девушек стыд...»
«Благородная кыз-Кортка,
Твоя исповедь не сладка!
Но ведь ловят же сосунка,

Что чужим табуном отбит?
Если зреет во чреве плод —
Это нашей орде приход.
Нарожай хоть по сотне в год:
Это мощь мою укрепит.
Возвращайся в свою тюрьму;
Не жалея своей красоты,
С ханом считанные часы
Проведи, не перечь ему.
А не то эти злые псы —
Если ты не вернешься к ним —
Отомстят старикам моим,
Тяжким мукам их предадут.
Пусть меня они утром ждут!
Всем кипчакам скажи о том,
Что калмыкам я отомшу,
Что обиды я не прошу.
Это будет им поделом!
Завтра вспомнишь мои слова:
Будет в крепости их пролом,
Будет стража ее мертва,
И вступлю я в свои права.
Эту ночь переждать мне дай,
Да поможет нам бог-кудай!
Лишь последняя ночь пройдет,
Лишь заря вдали расцветет,
Мой Бурыл, мой тулнар ат-тай,
Взроет землю у этих стен.
Я надену броню, саут,
Что когда-то ковал Давид,
Будет грозен тогда мой вид,
Будут падать калмыки тут
И калмычки плакать навзрыд.
Пусть не спят сегодня кипчаки:
Передай, что твой господин
(Хоть и справится он один)
Посоветовал бы для драки
Принасти им вдоволь дубин.
Скоро, скоро кончится плен, —
К нам идет заря-тене́ртен!»

Томившиеся в плену
Коблановы земляки
Хвалили его жену
За весть, подобную сну,

Дивились уму Корткй.
Вдруг пыль над степью взвилась,
Вокруг земля сотряслась, —
На запад взглянули все:
Оттуда во всей красе
Бесстрашная Карлыга
На общего всем врага,
На ханский город, неслась.
Был мех бобровый на ней,
Был конь бедовый под ней,
И парой волков скакал
Отряд суровый за ней.
Из двух ей верных детин,
На левой руке один
Саврасого гнал коня,
На правой руке — другой
Каурого гнал коня.
Был слева Сиямов сын —
Кият Караман лихой,
Был справа батыр Урак,
Прославленный исполин, —
Могуч и широкоплеч,
На сечи большой мастак,
Беспечный любитель драк
И бич неверных собак.

В это время старая мать хана Алчагира, гадая, говорила ему:

«Верблюжонок мой, Алчагир!
Зоркой матери верь своей:
Грозно сдвинув космы бровей,
Самый страшный из всех задир,
Скачет к нам Кобланды-батыр,
Не боящийся ни секир,
Ни чокпаров, ни кистеней, —
Не теряй же времени, сын мой!
Горбонос и светловолос,
Как беркүт, нелюдим и лют,
Караман к нам несется в стан —
Не теряй же времени, сын мой!
Злой Урак быстрее борзой
На кауром к нам правит бег,
Нашим шкурам грозит найзой
Этот среднеордынский бек, —
Не теряй же времени, сын мой!»

Но смеется хан тупой
Над старухиной ворожкой:
«Птицы, мать, клюют Кобланды,
Звери жрут у желтой воды, —
Кобыкты ведь неуязвим
С ак-саутом своим стальным!»
Но унять он не может мать,
И опять она хнычет: «Сын мой!
Верят все ворожке старух,
А того, кто упрям и глух,
Не хранит того предка дух.
Над жаровней гадала я:
Что греховней, чем речь твоя?
Ничего в ней мудрого, сын мой.
На сыновний трон золотой,
Ах, боюсь я, сядет кипчак!
Я томлюсь, как перед бедой:
Наглядимся мы натошак,
Как сливает он твой удой,
Как считает стада твои,
Как сбивает с тебя шишак,
Как ломает латы твои...
Зорким глазом ворожеи
Я провижу все это, сын мой!
На прелестную Ханикей,
На известную Тиникей
Он слетит, как беркут-злодей
На беспомощных лебедей.
Не видать этих милых дев нам,
Свет затмит он твоим ханевнам,
Двум подруженькам задушевному».
Тут прелестную Ханикей,
Тут известную Тиникей
В кюймé трехместной своей
Бабка за город увезла.
Но чиста была и гола
Степь великая, кыр-дала,
Глаз был зорок у Карлыги:
«Поздно, бабушка, не беги!» —
Девка вскрикнула удалая,
Ханикей с Тиникей хватая.
Но Сиямов сын Караман
Вновь был жадностью обуян.
И сказал он ей: «Карлыга!
Не бери их, не будь строга,

Подари их мне, сауга!..»
И сказала она: «Жадюга!
И на все ты востришь рога!
Оттого нам с тобой так туго.
Ты — колючка с сырого луга,
От которой болит нога!
Видно, всё, чем ты стал богат,
У других ты взял напрокат,
У других ты выклянчил, рвач,
Побируха ты, саугач!
Да ведь я же тебе сама
Отдана была задарма!
Дать подарок тебе двойной
Соглашусь я, когда сама
Откуплюсь я его ценой».
И сказал Караман ей: «Что ж!
Эти девушки мне подстать.
Ради двух вожделенных лож
Почему одно не отдать?»

Над стенью меркла заря,
И, скрытые за бугром,
Четыре богатыря
Сидели перед костром,
Беседуя вчетвером
И ужин себе варя.
У жадного Карамана
Свободу купив свою,
Отдав ему дочек хана,
Блаженная, как в раю,
Сменить Карлыга могла
Стервятника на орла
И спать с любимым легла...
Такие-то вот дела.

Но лишь только звезда Шолпан
Из полночных вернулась стран, —
Снова каждый в седле сидел,
Снова каждый волком глядел.
Кобланды их опередил,
Доскакал до вражьих ворот,
В них он пикой заколотил,
Заревел, как верблюд ревет:
«Эй, гдо ты, хан Алчагир?
С Кобланом сразись, Чигир!

Свой лук ты, плут, захвати,
Броню — саут — захвати,
Кистень — чокпар — захвати,
Кинжал — канджар — захвати,
Топор ты свой захвати,
Сто стрел ты, вор, захвати,
А если б сумел найти —
И мужество захвати!»

Много подвигов Алчагир
Совершил на своем веку,
Правоверных этот кяфир
Обезглавливал на скаку.
Запылал он гневным огнем,
Услыхав, что кричат о нем,
Увидав, как тяжким дубьем
Разбивают его ворота.
В рот коню он вдел удила,
И заискрилась позолота
На оправе его седла.
Вот убрали с ворот засовы,
Вот помчался калмык суровый
В степь широкую, кыр-дала.
Нетерпеньем Коблан горел,
На калмыка он посмотрел,
Увидал, что противник смел,
Что колчан его полон стрел.

Вот съезжаться стали они:
Засверкали в глазах огни,
Желваки напряглись у скул,
Острие влеклось к острию,
И в Бурылью морду уткнул
Конь калмыка морду свою.
Шибче молний под рев грозы
Вдруг сверкнули пики-найзы.
Рукояти из кизиля
Сжали оба, гневом бурля,
Конской пеной взбухла земля,
И кровавой струей сопля
Потекла по губам калмыка.
Он голодным присел хорьком, —
Но сняла его вражья пика,
Чтоб не ездить ему верхом...
Подымал батыр найзу —
Помирал Чигир внизу.



ЕР-САИН

(Главы из поэмы)

Поэма «Ер-Саин» описывает подвиги Саина в боях против калмыков. Создание поэмы относят к шестнадцатому веку.

Поэма подробно описывает жизнь отца Саина—Боз-Моная, тщетное ожидание им рождения сына, бунт его рабов, пророчество о появлении на свет сына, пир по случаю его рождения, детство, сватовство его и женитьбу на Аю-Бикеш, встречу с Кобланды-батыром, совместный поход на калмыков, смерть и воскрешение Саина.

В сборнике печатается ряд глав поэмы.

ЗАПЕВ

Все.

Были люди иные встарину,
И обычаи иные встарину.
Степи наши родные встарину
Населял народ Ногайлы.
Он тремя крепостями владел,
Он несметным скотом владел.
Но пришла большая беда:
Летний мор его стада сгубил,
Зимний джуг их тогда сгубил,
Голода наступили года.
Не осталось скота в Ногайлы,
Жизнь пошла не та в Ногайлы.
За трехстенной крепостью — стон,
За трехстенной крепостью — плач,

Скорбь и нищета в Ногайлы.
У всех юношей—чахлый вид,
Девушки потеряли стыд, —
Нечем им прикрыть наготу.

БОЗ-МОНАЙ

А в далекую пору ту
В городе трехстенном том
Жил один богатый человек.
Далеко был известен он,
Славился благочестьем он,
Соблюдал он каждый намаз,
Ежедневно молился пять раз,
Одевался и в будни, как хан,
А пешком — и на полдня пути
Не ходил никогда, и притом
На коне он не ездил простом,
Ездил он на белом иноходце.
Всем его богатство — закон,
Жил без подданных ханом он, —
Вот такой был богатый бай,
Имя было ему Боз-Монай.
А богатства он такие имел:
Девяносто он рабов имел,
Девяносто табунов имел,
Девяносто имел он стад,
Много золота и серебра,
Много всякого другого добра, —
Так тот бай Боз-Монай был богат!

Одного нехватало ему,
Одного он достичь не мог:
Было баю за шестьдесят,
Байбише его за пятьдесят, —
А детьми не наградил их бог.
Не беременела бая жена,
Не рожала ни разу она,
Не была судьбой суждена
Материнская радость ей, —
Не ласкала она детей,
Не кормила грудью своей.
Божья кара, дурной ли глаз?

W- III

Созывал Боз-Монай лекарей,
Щедро он одаривал их,
III
Лекаря собирались не раз,
1984
Не один творили намаз,
1984
Не один держали совет,
1984
Не один давали наказ, —
А ребенка у бая нет.

БУНТ РАБОВ

Время шло. И случилось так:
Девяносто байских рабов,
Девяносто тех пастухов,
На охране его табунов,
Опьянели, кумысом опившись,
В голову им ударил кумыс.
Злобой их сердца налились
Против благочестивого бая.
И сошлись рабы на холме,
И держали совет меж собой,
То, что трезвый хранит на уме,
Пьяному того не сберечь, —
И такую повели они речь:
«Не для нас породистый конь,
Не для нас камковый шапан,
Не для нас шелковый бешмет,
Не для нас парчовый халат.
В пище сладость какая нам?
В жизни радость какая нам?
Сохнет молодости нашей цвет,
На калым ничего у нас нет.
Байского барана — не тронь,
Хозяйской кобылицы — не тронь.
Слову байскому — не перечь.
Нам — его лошадей стеречь,
Девятью потоками истечь,
Падалью в степи тут лечь.
Подавился бы добром он своим,
Старый этот, жадный скупец!
Опекал ли он нас, как отец?
Уделял ли когда-нибудь он
Из несметных своих овец
Нам, своим пастухам, на калым?
Коль ты пес, то, как пес, погнбай!

I (Пусть лишь явится завтра бай,
Девяносто на одного —
Сразу мы прикончим его,
Труп его подальше закопаем.
Блиzkих нет людей у него,
Нет ни братьев, ни детей у него,
Чтобы на розыск его поспешить, —
Мы угоним табуны его,
И на девяносто частей
Меж собой мы разделим их,
Мы свободными станем жить...»

II Заговорщики ждут утра.
Спит спокойно в кибитке бай,
Спит спокойно его байбише.
Вот и звезды меркнут уже,
Вот редет ночная тень, —
Рдеет на востоке день,
Просыпается Боз-Монай,
Надевает свой черный тон
И велит подать коня.
III Бел, как снег, а глаза — огонь,
Боз-монаев любимый конь.
Золоченой сбруей звеня,
Ржет, гарцуя, в сияньи дня.
Рассказать, описать ли нам,
Как, в седле золотом развалясь,
Едет бай, как знатный князь?
IV Хан без подданных, важен и строг,
Подъезжает он к табунам.
V Подъезжает к рабам господин, —
Девяносто стоят, как один,
Перед ним, спины не сгибая, —
Не приветствуют бая рабы.
VI Бай глядит на них, оторопел,
Закипает в бае гнев,
Он, рассвирепев, кричит,
Он, как грозный лев, кричит,
VII Но угрюмо молчат девяносто.
VIII За рабом он вызывает раба:
«Э, собаки, рабы, голытьба!
На колу околеть вам судьба!..»
IX Вышел тут один из рабов,
Поднял бай свою плетъ воловью, —
Плетъ окрасилась алой кровью.

Бай хлестнул пастуха—и не рад:
Окружили бая уже
Девяносто тех пастухов.
И посыпались их удары, как град,
На испуганного Боз-Моная.
Имя бога в душе поминая,
Он, чуть жив, на коне ускакал.
«Ай, алда, ай, кудаи!»—так крича,
Скачет он, коня горяча,
Воет степь от байского воя:
«Что наделал я сгоряча?
От рабов я снискал побой!..»

Боз-Монай прискакал домой и, от огорчения и позора, от-
казался входить в кибитку, лег на голую землю и заснул.
Во сне ему явился святой Баба-Омар и предсказал ему ро-
ждение сына. Через год у Боз-Моная и его жены родился
на старости лет сын—Саин.

ДЕТСТВО ЕР-САИНА

Не по дням стал Саин расти
От мозгов кобылей кости,—
Стал Саин расти по часам.
Он в три месяца ходил уже сам,
В год он был в борьбе искушен,
А двух лет достигнув, он был
У почтенных мужей в чести.
Когда трех лет достиг Саин,
Целый день скакал на коне, —
До ночи о пище не вспомнит.
Четырех лет достигнув, Саин
Сосновую пику метал.
В ночь святую кадыр-туне¹,
Когда он пятилетним стал,
Караулил он уже один
Все три крепости Ногайлы.
Нравом скромн, как девушка, был,
Расточать улыбок не любил,
Ложью не осквернял он губ,
Как мудрец, был на слово скуп.

¹ Ночь в канун мусульманского поста —
рамазана.

Всем обиженным — крепкий щит,
Всем обидчикам вредным — гроза,
Не заносчив ни с кем, не груб,
Был он всем ногойлинцам люб,
Юный тот Саин-мурза.
Зажили при нем ногойлинцы!
А когда шести лет достиг, —
Он, коня отборного мча,
Золотыми удилами бренча,
Был степному ветру — брат.
Черны молнии — его глаза,
Шириною в аршин — плеча,
Алая на нем епанча,
Золотая по ней парча,
Золотой на кушаке булат,
Свищет в левой руке камча,
В правой — шестигранная пика, —
Степь гудела от топота и гика!

Как от старого он такой родился,
Как он месячным сразу родился,
Тот отмеченный богом Саин?
Повстречавший хоть раз его —
Становился иноходцем кулан,
Неуклюжий, глупый баклан
Сразу превращался в гуся.
Диву тому дивному дивясь,
Пересохшая, как камень, вся —
Снова тиной расцветала грязь.
Девяностолетних же старух,
В ком давно огонь потух,
Чуть коснется о Саине слух, —
Трепетом охватывало вдруг,
Перехватывало дух,
Превращались в молодух
Девяностолетние те старухи.
Девяностолетние же старики,
Что в сорокадневный летний зной
Не вставали никогда с перин,
Чуть заслышат, что едет Саин, —
Все плешивыми становились.
А садился Ер-Саин на коня, —
Тут менялась и природа сама:
Шестимесячная зима
Оборачивалась весной.

Далеко пошла о нем весть, —
Вот каков был тот Ер-Саин!..

В семь лет Ер-Саин, карауливший отцовские табуны, встретился со знаменитым батыром Кобланды, который, во главе тысячной рати, шел в поход на калмыков. Кобланды предложил Ер-Саину выступить вместе с ним, но Боз-Монай, ввиду малолетства Саина, не отпустил его, дав Кобланды обещание отпустить сына через три года. Когда Ер-Саину исполнилось десять лет, Кобланды вновь явился за ним, и Саин со своей дружиной в сорок жигитов отправился в набег на калмыков.

БОЙ С КАЛМЫКАМИ

Ровно год продолжался поход,
Много натерпелись они бед,
И, добыв калмыка-языка,
От того калмыка узнают,
Что граница вражья близка.
Широка калмыцкая степь!
Расседлали они коней,
И, расставив дозорных цепь,
Стали они готовить обед.
И сказал Кобланды-батыр:
«Сам я родом — кара-кипчак,
Дал я смолоду крепкий обет —
Перед каждой великой схваткой
Получать от предков совет.
Принесите мне кость-лопатку, —
Побеседую с предками я!
Через эту кость-жаурын
Попытаю у них примет:
Ждать ли нам над калмыком побед?»
Зажигает он кость-жаурын,
И сгорает лопатка дотла,
Остается одна зола.
Хмур, как туча, сказал Кобланды:
«Получил я от предков запрет,
Напророчила кость беду, —
Я на этого врага не пойду.
Э, жаман, мусульмане, жаман!
Всех назад я кличу! Аттан!

Кто не хочет, пусть гибнет в бою.
Я возьму шестьдесят жигитов
И вернусь в отчизну свою.
Слушай слово мое, Саин:
Знаю я — ты горяч и горд,
Как гранит, как кремь, ты тверд,
Мужественен и мудр, как муж.
Но смотри, чтоб твой юный пыл
Мудрость мужа не ослепил!
Ляжешь ты костями на чужбине
И людей своих погубишь к тому ж!
Коль чужого жаждать скота,
Будет нам еще барымта.
Или так уж нужда крута
И приплода нет своего?
Только предки мои не лгут, —
Ты расскаешься, Ер-Саин,
Не иди ты против судьбы!..»
Как кулан, что попал на аркан,
Заартачился Ер-Саин.
Сразу же он стал на дыбы.
И сказал он: «Дурус, Кобланды!
Верю я, что не трус Кобланды,
Упрекать тебя не берусь —
Нашей дружбой горжусь, Кобланды,
Но принять твой совет не могу.
Раз вооружившись на врага,
Я посмешищем не стану врагу, —
От опасности не убегу.
За тобой я шел не на байгу, —
Шел на ратную передрягу я,
Брал я пику, а не тобылгу.
Как с женой в постель лягу я?
Что отвечу малым сыновьям?
Что скажу я ногайлинцам потом, —
Коль, безводную пустыню пройдя,
Коль, до вражьей твердыни дойдя,
Не выдавши вражьего лица,
Убегу я, боз-монаев сын?
Ты мне правду сказать разреши:
Против предков своих не греши,
Уезжай, Кобланды, спеши,
Но моей не смущай души!
Я пойду на врага и один,
Без моей, без твоей дружин.

Я на неприятельский стан
Брошусь, как свирепый арстан,
И пока не лопнет тетива
И стрелы последней не спущу,
И не защербится острый меч,
И не раздробится булава,
И пока с моих батырских плеч
Яблоком не рухнет голова, —
Битвы я с врагом не прекращу!..»

Тысяча конников Кобланды
За батыром назад идут.
Сорок удалыцов Ногайлы
На калмыков вперед идут.
Что пришли Кобланды и Саин —
До калмыков доходит весть,
А калмыков лихих не счесть.
Стали они в разных местах
Укрепления возводить.
Наступают сорок жигитов,
Возглавляет их Ер-Саин.
Восхищаются сорок жигитов,
Удивляются, как один, —
Что за храбрый батыр-исполни!
На вершину белого холма
Подымается с ними он,
Видит — город большой стоит,
Крепким валом обнесен,
Рвом глубоким окружен,
И калмыков — несметная тьма.
Посходили все жигиты с ума.
Поскакали они с холма,
Точно черная шла чума,
Точно смерть на них шла сама.
«Э, вы, сорок жигитов моих!
Что вы воете, как на тризне?
Я насильно вас не держу —
Вы вольны спасать свои жизни:
Оставайтесь внизу пока,
Я один сдержу калмыка!
Только просьба к вам есть одна:
Коль такие придут времена,
Коль другая случится война
И попросит защиты у вас
От врагов родная страна, —

Если будет вам равен враг,
Не пускайте врага к рубежу,
Да не будет в тот черный час
Несогласья, жигиты, у вас!
Если мне тут пасть не суждено —
Скоро свидимся мы за холмом.
Если смерть, однако, суждена, —
Смерть нам богом дана одна, —
Встречу смерть мою лицом в лицо.
Если смерть сулит моя звезда,
То из мусульманского гнезда
С радостью, как тухлое яйцо,
Жертвою пусть выпаду за вас...»

И помчался он на белом коне,
На батырском своем скакуне.
Как рванется конь да захрапит,
Только пыль из-под копыт клубит,
Только ветер гриву теребит.
Закричал воинственно Саин,
Засвистал, загикал на скаку:
«Погоди же, враг ты несносный,
Разочтемся с тобой, калмык!»
Опадал в чернолесье лист,
Как от грома трескались сосны,
Птица падала на лету, —
Так был буен батырский гик,
Так свиреп неистовый свист.
Увидал Саин вражий табун,
Захватил сейчас же табун
И погнал его к белому холму,
К самому месту тому,
Где укрылись его сорок жигитов.
Доскакал Ер-Саин туда, —
Нет его жигитов — беда!
Струсили, убежали жигиты...
А калмыки суетятся сильнее,
Все людней у них и шумней.
Разленившихся в летние дни
Собирают стреноженных коней,
И заброшенную летом сбрую
Долго ищут они по юртам.
Кое-как они собрались там,
Кое-как выезжают, злы,
Над Саином глумятся калмыки...

Слышит их насмешки Саин,
Закипает в нем лютый гнев,
Он сидит в седле, побледнев,
Подпускает калмыков поближе.
Подошел к нему вплотную враг.
...Божье имя горячо помянув,
Боевого коня повернув,
Начинает он с калмыками бой.
Стал он их на части дробить,
Стал он каждую часть рубить.
Всех врагов он решил перебить.
Размахнется — трещат костяки,
Развернется — летят башки,
Он рубил их, как овец, на куски,
Он швырял их в глубокий овраг.
Черный пал на калмыков мрак,
Посетило их великое несчастье...
Долго дрался Саин-герой,
Многих он калмыков побил,
Отбивался от них он яро,
Истребил бы весь вражий стан.

Но, от собственной силы пьян,
Он о боге в том бою забыл,
И ни разу не вспомнил он
Предка своего Баба-Омара.
И покинула удача его,
Сила истощилась его.
Весь изранен он был, иссечен,
Не было его ранам числа,
Кровь из каждой раны текла —
Как ручей багряный, текла...
Чуть не падает батыр из седла...
Богу горячо помолясь,
Повернул он коня своего
И помчался от врагов назад.
В замешательство впавший враг
Сразу тут в себя пришел,
И, над бедным Саином глумясь,
С бранью за ним устремясь, —
Ринулся всей ордой калмык
За батыром раненым в погоню.
Девятьсот за ним скакало человек,
Порезвели их ленивые кони,
Но Саинов белый конь-скакун,

В свой лихой пустившись бег,
Далеко от них унес батыра...

Смертельно раненный Ер-Саин догоняет свою уклонившуюся от боя дружину. Он наказывает им ехать на родину, а сам остается умирать в степи. Жена Ер-Саина—Аю-Бикеш, узнав о его смерти, отправляется на розыски его тела.

ПЛАЧ АЮ-БИКЕШ

И узнав, что остался Саин
Умирать вдалеке один,
Стала белей полотно,
Стала, как снег, бледна,
Задрожала Аю-Бикеш,
Закричала страшно она.
Рвет одежды свои на куски,
Рвет ногтями обе щеки,
Распускает черные косы
И бежит, не видя пути,
Как безумная, к себе домой.
«Ай, супруг мой, любимый мой!
Знатным был и счастливым ты,
Статным был и красивым ты,
Мужем ты справедливым был,
Воином не ленивым был, —
Без тебя как я стану жить?!.
Весь оружием украшен был,
Ты врагам своим страшен был,
Крепче каменных башен был,
Ты защитником нашим был, —
Как я жить буду без тебя?..
Был могучим батыром ты,
Был грозой всем кяфирам ты, —
Без тебя как я стану жить?..
Ты горячим супругом был,
Мне отцом ты и другом был, —
Если даже весь мир пройду,
Где такого, как ты, найду?
Шестизвенна орда моя,
Незабвенна беда моя,
Всех несчастней на свете я,
Коль такого лишилась льва!..

Ай, Саин мой, любимый мой, —
Не вернуться тебе домой,
На чужбине неведомой
Ты остался лежать навек!
Без тебя мне отрады нет,
Никакой мне улады нет,
Ни улыбки, ни взгляда нет,
Ни любви и ни ласки нет, —
Чахнуть буду в расцвете лет...
Песнь любви не допела я,
Насладиться не успела я,
Сохнет грудь моя белая,
Лишь к тебе прикипела я.
Год прошел, как уехал ты,
Но конца тому году нет, —
Дольше он, чем пятнадцать лет...
Вся, как яблоко, румяна я,
Яблоня благоуханная,
Всем жигитам желанная,
К ним в юрты не входила я, —
Для тебя я себя блюла.
Что же ты недоволен мной,
Что меня покинул не в срок?
Одиночества дам зарок,
Буду гнать от себя мужчин;
Целовать им не дам себя,
И сама я к ним не войду,
И к себе не пущу в орду,
С ними ложка не разделю,
Одинокой буду жить вдовой.
Одного лишь тебя люблю,
Ай, широколобый ты мой!
Только вспомнится облик твой, —
Как душе моей не гореть,
Как не слепнуть глазам от слез?
Ай, на этом уж свете мне
Мужа милого не увидеть,
Овдовела Аю-Бикеш!..
Так являйся мне хоть во сне,
Хоть во сне ты меня утешь,
Светлый лик от меня не прячь!
Э, супруг мой, любимый мой,
Как я жить буду без тебя?..
А беда придет нежданная,
А пора наступит бранная,

Коль на родину грянет враг, —
Как матерого кабана, я
На защиту кого пошлю?
На заре встану рано я,
Подниму безутешный плач,
А умолкну к закату лишь.
О тебе я лишь подумаю,
Я лицо свое румяное,
Яблоко благоуханное,
Все ногтями исцарапаю,
Алой кровью всю закапаю
Белую орду мою,
Ай, Саин мой, любимый мой!..»

ВОСКРЕШЕНИЕ ЕР-САИНА

...И сказала Аю-Бикеш:
«Безутешною жить вдовой,
Э, свекровь, у тебя не хочу.
Шепчет сердце мне тайную весть:
Коль на свете он где-то есть,
Может быть, он еще живой,
Может быть, его разыщу.
Если раненый он лежит,
Я водой на него поплещу,
Матерью подаренную мне
Шкуру белого медведя возьму,
Выварю медвежий жир,
Жиром раны его умашу, —
Может быть, оправится он.
Не герой, кто в кибитке сидит,
Мне и думать об этом стыд.
Пару рыжих из табуна
Мне табунщики пусть приведут!»

Грустно-озабочена,
Едет день и ночь она,
А куда — не знает сама.
И слезами коротает путь.
И однажды высокий холм,
Черный холм перед ней предстал, —
До луны он был высотой,
Он до самого б солнца достал
Черною вершиной той.

Взволновалась красавица вдруг:
Рядом с высоким холмом
Тополь высокий стоит.
Словно чуя близкую кровь,
Стая белобоких сорок
Над ветвями его кружит.
«Тут Саин мой, как видно, лег!..»
...Шевельнула она камчу,
Задыхаясь, крикнула: «Чу!»
Рыжегривые два коня
Прянули, как буря, вперед,
Понесли ее, не чуя ног.
Ветер гривы рыжие рвет, —
Как червонная медь, горят.
Как два буйных костра, горят
Гривы бешеных ее коней.
Облачком красавица летит!
И, к тому холму прискакав
И могилу вмиг разыскав,
Соскочила она с седла.
Видит — мертвым Саин лежит.
И колени пред ним склонив
И две полные чаши глаз
Опрокинув ему в глаза,
Окликая его не раз,
Все глядит на него красавица:
«Видишь ли, как взор мой игрив,
Видишь ли, как лик мой красив, —
Что ж ты холоден, мой супруг?..»
И над телом мужа-воина
Поникает головой она,
Поднимает снова вой она,
Отрыдавшись, умолкает вдруг.
И, на плечи свои взвалив,
К протекавшему там ключу
Тело мужа она несет,
Отмывает она его.
А все раны его отмыв,
Той медвежьей мазью своей
Натирает она его —
И Саин подымается жив.
Ай, как радость их горяча!..

В это время оживший Саин и Аю-Бикеш заметили вдали ко-
выляющую к ним старуху. Это была мать Саина: вещее ма-

теринское сердце привело ее к тому же месту. Снова происходит радостная встреча, и все трое ложатся спать. А калмыки, между тем, также узнают, что Саин жив, и также отправляются на розыски его.

Рыскать по степи враги пошли,
Ищут место, где пал батыр.
Черный холм они видят вдали, —
Тут Саин невредим и жив!
Тихо всех троих окружив,
Ближе, ближе подходят враги.
...Крепко мать-старуха спит,
Крепко спит Аю-Бикеш,
Сам Саин спокойно храпит.
Только вдруг встрепенулся он,
Во мгновение проснулся он,
Посмотрел — содрогнулся он:
Перед ним (шайтан его ешь!) —
Можно уже пикой достать —
Жоламан-великан стоит,
Сам шайтан не страшной на вид!..
Испугался Саин: «Боже мой!
Ты, Баба-Омар, предок мой,
Все, кому я с детства молюсь!
Не страшусь я смерти самой,
Э, не за себя я боюсь!
Только мать мою как спасти,
Чтоб над ней не глумился враг?
Но жену мою как спасти,
Чтоб не взял ее в жены калмак?
Помоги мне, господь, помоги,
Пусть мои не ликуют враги!..»
...Сел в седло боевое Саин.
Белый конь, удила закусив,
На Саина глаза скосив,
От ушей до хвоста задрожав,
И копытом забив, и заржав,
Человечьим голосом вдруг
Утешительно заговорил:

«Будь храбрей, Саин, мой друг,
Будь бодрей, забудь испуг,
Разъярись, мой крутолобый,
Разгорись, кабан мой, злобой!
Силу, данную тебе,

Ты сегодня вновь испробуй!
Если сквозь калмачий круг,
Сквозь ряды их крепостей
Не пробьешься ты, Саин,
Так и знай, — твоя вина!
Если же из вражьих стрел
Долетит хотя б одна,
Так и знай: моя вина!
Свистни, гикни — понесусь,
Соколом я полечу,
Я козулей поскачу,
Я стрелой тебя помчу, —
Я в бою ли не резвлюсь?
Всех врагов, как саранчу,
По пути я растопчу.
Э, Саин, смотри, не трусь!»
Так сказал ему белый конь.

Белый панцырь заговорил:
«Э, храбрый, батыр мой, будь,
Страх ты поскорей забудь:
Я ль тебе не верный друг?
Если сквозь калмачий круг,
Сквозь ряды их крепостей
Не пробьешься ты один, —
Не пеняй, мой господин,
Так и знай: твоя вина!
Коль из девяноста стрел,
Что калмык в тебя метнет,
Хоть одна меня пробьет,
Если я не буду цел, —
Так и знай — моя вина!..»
Так сказал ему панцырь стальной.



НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

*Не поссориешься, двое сильных не
подружатся.*

*Когда единственное дитя скачет на
коне, мать и дома сжимает ноги.*



ЕР-ТАРГЫН

Создание этой поэмы относят к шестнадцатому веку.

Содержанием ее является история Ер-Таргына, выходца из народа, ставшего военачальником и возглавлявшего войска различных ханов. Поэма подчеркивает предательство и коварство ханов, готовых на всё при приближении опасности и нарушающих свои обещания тотчас по избавлении от нее.

Бежав от хана, визиря которого он убил, Таргын идет на службу к крымскому хану — Акша-хану, спасает Крым от нашествия врагов и становится полководцем хана. Взаимная любовь Таргына и ханской дочери Ак-Жунус послужила причиной нового бегства в степи. Старый батыр Карт-Кожак, посланный ханом в погоню, сжалился над молодостью влюбленных и отпустил их. Таргын, по возвращении в родные степи, становится военачальником ногайлинского хана Ханзады. Совершив ряд подвигов и оттеснив калмыков, Таргын был предательски брошен ханом в степи. Готовясь к смерти, он поет песню — прощанье с женой и конем. Ак-Жунус отвечает ему песней, полной любви. Ее песня придает Таргynu столько силы, что он сам вправляет себе вывихнутый позвоночник, выздоравливает и догоняет хана. Калмыки опять теснят ногайлинцев, но, в ответ на подвиги Таргына, Ханзада вновь обманывает его.

Здесь приводятся два отрывка из поэмы — песнь Ак-Жунус перед Карт-Кожакom и бой Таргына с калмыками.

ПЕСНЯ АК-ЖУНУС ПЕРЕД КАРТ-КОЖАКОМ

Карт-Кожак, нагнав бежавших влюбленных, вступает в поединок с Ер-Таргыном. Но, пожалев храброго Таргына, он рассчитал силу своей стрелы так, что, пробив восемь слоев его

брони, она не тронула девятого. Таргын признал себя побежденным, Ак-Жунус, плача, закрылась покрывалом.

Тогда Кожак сказал ей: «Не проливай напрасно слез. Я хоть и стар, но не из тех, кто женится на ком попало. Открой мне лицо, обнажи свой стан. Понравишься — возьму тебя в жены, не понравись — мне и даром тебя не надо».

Ак-Жунус, обидевшись и рассердившись, ответила старому батыру:

Окарачь коня, Карт-Кожак!
Ты горяч, но стар ты, Кожак!
Подхожу, не подхожу тебе —
Я лица не покажу тебе,
Я свой стан не обнажу тебе,
О себе лишь расскажу тебе —
И такой совет тебе дам:

Ездил по свету, слава богу, ты,
Не одну топтал дорогу ты,
Городов знаешь много ты,
А бывал ли ты в Бухаре?
Бухара — отец городам,
Мать столицам всем — Бухара:
Хоть дорога и далека,
Поезжай в Бухару, старик!
Ай, базар в Бухаре велик,
Ай, базар в Бухаре богат,
Хороши в Бухаре шелка,
Знаменитая пряжа там.
До чего там пряжа тонка,
Словно пух лебяжий, легка!
Так бухарский шелк пушист, —
Все ласкала б его рука!
Если в шелке смыслишь толк,
Ты погладь бухарский шелк —
Так и волос мой шелковист...

А к чеканщикам ты зайдешь,
У чеканщиков найдешь
Много пуговиц золотых.
Поглядел бы, Кожак, на них —
Я сказать бы тебе могла,
Как моя голова кругла!

А к ученому ты зайдешь —
Очиненное иред ним перо.

Ай, как речи его мудры,
Ай, перо его как остро!
О моем вспомни слове ты —
И представь мои брови ты:
Как перо, мои брови остры.

Хочешь знать, мой нос каков —
Ты в Имран-город поспеши.
Ай, фисташки там хороши!
Ты отборнейших наберешь,
Погляди на них — и реши,
Плох мой носик или хорош:
На фисташку мой нос похож.

Зеркала везде найдешь, —
Ты два зеркала поставь
И глаза мои представь:
Так они круглы, говорят,
Так они светлы, говорят,
Так лучист мой влекущий взгляд.

В Самарканд еще поезжай:
Много кузниц там, говорят,
Наковальням — тесно в ряд.
Если наковальни хрупки,
То и зубы мои не крепки.

И к тянульщикам зайди,
К тем, что тянут искусно медь
Через проволочные станки, —
На ту проволоку погляди —
Так и пальцы мои тонки.

Если выйдешь в поле ты,
Наглядишься вволю ты
На молоденьких зайчат:
Как они в траве шалют,
Как легки прыжки у них,
Спины как гибки у них.
Так спина моя гибка,
Так и пляска моя легка.

И еще я сказать могу:
Что на свете земли черней?
Что на свете снега белей?

Пал на черную землю снег, —
Полубуйся-ка снегом тем
Незапятнанным, белым ты, —
Налюбуешься моим телом ты:
Свежим телом, как снег, я бела.
Что на свете крови алей?
Кровь на чистый снег пролей, —
С алой кровью на снегу
Мой румянец сравнить могу.

Родилась я в лазурном Крыму,
На зеленом морском берегу,
Знатный хан Акша-хан — мой отец.
Я у матери-ханши в дому
Среди белых, дебелых гусынь
Белоснежным гусенком росла;
Самым нежным ягненком росла
Среди тучных курдючных овец;
В табуне резво-белых коней,
Молока парного белей,
Белолица и телом бела, —
Кобылицей я белой была;
Ай, была я резва, весела!..
Хоть далек от Крыма Китай
(Сколько месяцев ехать — считай!) —
Приезжали на игрища в Крым
И жигиты китайские к нам, —
Каждый именем бредил моим...

Осади коня, Карт-Кожак,
Пощади меня, Карт-Кожак!
Ай, постигла неожиданно меня,
Да напала беда на меня,
Стерегли меня грозы тут!
Словно нежная роза тут,
Лью горячие слезы тут.
Мои лучшие грезы тут
Суждено ли мне схоронить?
Или с милым оставь меня,
Или ты обезглавь меня, —
Разлучиться с ним не хочу.
Слезы я, как ручьи, точу,
Я за стремя тебя ловлю,
Как рабыня тебя молю:
Если так благороден ты,

Как прославлен в народе ты,
Если истинный ты батыр,
Ты ль отвергнешь мольбу мою,
Ты ль погубишь судьбу мою!
Отпусти меня с нареченным моим!..

Ты в пять лет уже, Карт-Кожак,
Делал из лозы садак,
Конский волос и бечеву
Сам сплетал на тетиву,
Ты всех сверстников скликал,
Тонкий чий в степи искал,
Дальше всех стрелу пускал,
Свист ее твой слух ласкал.
Славу лучника ты снискал —
Но была твоя слава безрога¹.

В десять лет, э, Карт-Кожак,
Твой бешмет был ал, как мак,
Зеленю пылал кушак.
Был ты строен и пригож,
На жеребчика был похож —
Но была твоя слава безрога!

В двадцать лет, э, Карт-Кожак,
Был ты весельчак-смельчак,
Ай, жигит был, азамат!
И не ведал лени ты,
Обнажать колени ты
Для борьбы всегда был рад.
Словом острым, как булат,
Острой шуткой был богат.
Многих девушек ты любил,
И наперсток твоих губ,
Ай, как девушкам был люб!
В них будил ты страсти пыл,
Разъярялся скоро ты,
Дрался без разбора ты,
Всем соперникам гроза, —
Как буря матерый, ты
Храбро всем глядел в глаза.
В двадцать лет ты был батыр —
Но была твоя слава безрога!

¹ *Рога* — символ высшей славы.

В тридцать лет, э, Карт-Кожак,
Насмерть твой разил кулак,
Стал могучим мужем ты,
Медный ты носил шишак,
Весь блистал оружием ты,
Весь в броне кольчужной был,
Меч твой харалужный был,
Звонкое ты копьё держал,
Конь твой на свободе ржал.
На коне на сером ты,
На горячем том коне
По долам да по горам
И в степи открытой ты,
Подставляя грудь ветрам,
Неустанно рыскал там.
И бесстрашен, и удал,
Грозно гикал ты и свистал,
На врагов там нападал.
В их рядах ты сеял страх,
Рушил крепости ты в прах —
Но была твоя слава безрога!

В сорок лет, э, Карт-Кожак,
Ратный пыл твой не иссяк.
Словно горная гряда —
Так же был необорим
Ты никем в боях тогда.
Сильный враг напал на Крым —
Ты отчизну защищал!
И с наветренных сторон,
И с подветренных сторон
Ты родные города
Подпирал, как столп, тогда.
Чуть с холмов донесется гул,
Лишь ворвется враг в аул, —
Расправляешь плечи ты,
И летишь навстречу ты,
И вступаешь в сечу ты.
Против тысячи ты, сам-друг,
Бьешься, как тысячерук,
Сыплешь снег с бровей, со скул,
И, грознее горных выюг,
Леденишь ты все вокруг,
Превращая в север юг!
Тысячу смущаешь ты,

Гнев свой вымещаешь ты,
Ярость источаешь ты,
Вспять их обращаешь ты...
Тьмы врагов ты сокрушал —
Но была твоя слава безрога!

В пятьдесят лет, Карт-Кожак,
Стал степеннее твой шаг.
Шел на сходы — важен, горд,
В спорах был спокоен, тверд,
Красноречьем ты блистал,
Бием опытным ты стал —
Но была твоя слава безрога!

В шестьдесят пять лет, Кожак,
Не батыр ты, не вожак, —
Похотливый ты лошак:
Облинял ты, высох весь,
Не к лицу былая спесь, —
Что же хвалишься ты здесь?
Спелой красоты моей,
Белой наготы моей,
Цвета юности моей
Жаждешь безответно ты.
Не надейся тщетно ты,
Обо мне мечтать не смей!
Обладать не будешь мной!
Мне ль Таргына позабыть,
Мне ли старика любить?
Можешь ты меня убить,
Мне не быть твоей женой!

Некогда могуч ты был,
Ай, силен, кипуч ты был,
Как горячий ключ, ты бил,
Был ты мудр и велик, —
А теперь — пойми, старик,
Что давно твой ум иссяк,
Что давно сухой кизяк
В голове твоей, Карт-Кожак!..

Пораженный умом и смелостью разгневанной девушки, Карт-Кожак отказался от Ак-Жунус. Он подозвал Ер-Таргына и сказал: «Моя жизнь — вся позади, ваша жизнь — вся впереди. Не стану вас разлучать, поезжайте, куда хотели».

БОЙ С КАЛМЫКАМИ

Видит Таргын калмычью рать,
Стал подпруги он проверять,
Поднял бело-желтый флаг.
Зазвенела бахрома
На булатной его броне,
Зазвенели бунчуки
На взыгравшем его коне.
Громы гремели в слове его,
Снег рассыпали брови его,
Лед на ресницах его вырос,
Весь он стал, как суровый мороз.
Плечи могучие, как утес,
Пара могучих, длинных рук,
Туго натягивающих лук,
Могущих кулана остановить,
Когда бежит он на водопой, —
Вот каков он был, Таргын!

«Ну, калмык, выходи на бой,—
Ер-Таргын сразится с тобой!»
И вскочил на Тарлана он.
А Тарлан — побежит с утра,
К вечеру лишь возьмет разгон.
Если путь преградит гора —
Не касаясь ногами земли,
Скачет он, разгорячен,
Перепрыгивает гору он.
Из ноздрей его огонь,
На скаку его не тронь,
А прервешь его дикий бег,
Станет плакать, как человек;
Если взмылится под седлом,
Не бежит—летит орлом;
В шесть прыжков перемахнуть
Может месячный долгий путь.
Вражий шорох услышав,
Черным потом весь блестя,
Чуткими ушами взыграв,
Высочайшие холмы
Перелетает птицей он,
Не оступится, не упадет.
Коль по камню мчится он,
Словно в глину, в камень вбит

Каждый след его копыт, —
Тропку в скалах он проторит.
Вот каков он был — Тарлан!..

...И подумал Ер-Таргын:
«Их — семь тысяч, а я — один.
Э, куда, помоги ты мне, —
Нет другой защиты мне!
Многотысячного врага
Как могу один разбить?
А погибну — так и быть!
Только честь мне дорога!

Ты, каленая стрела моя,
С наконечником, как жаурин,
Ты, резной, золотой мой лук,
Чья длина шестьдесят аршин,
Выручай меня, верный друг!
Коль изменит мне сила рук
И тебя мне не натянуть, —
Я за это проклят будь!..
А не выдержишь силы моей
И сломаешься ты вдруг —
Сам за это проклят будь!

Ты, второй мой ратный друг,
Разрубающий бронь кольчуг,
Крепкий мой булатный клыш,
Мой прославленный харалуг,
Мой шестиаршинный меч,
Крови жаждущий, как зверь,
Ты зачем же в ножнах спишь?
Или кровью прежних сечь
Ты еще и поныне сыт?
Час пришел тебя извлечь!
Если мне силы не напречь,
Если не развернуть мне плеч,
Если не размахнуться тобой,
Не начать калмыков сечь,
Чтоб летели с них башки,
Чтоб костями им тут полечь,
Чтоб потокам крови течь, —
Будь я проклят, Ер-Таргын!
Если же из всех врагов
Уцелеет хотя б один,

И хоть моя не устанет рука, —
Ты перестанешь резать врага, —
Ты тогда проклят будь, мой меч!

Ты, на сосновом своем древке
Несущее знамя пестрое, ты —
Отточенное, двуострое ты,
Врагов разившее не раз,
Друзей веселившее не раз,
Шестигранное мое копье!
Если тобою не потрясу,
Если, тебя держа на весу,
Я не брошусь в гущу врагов,
Если им гибели не нанесу, —
Знамя мое тогда — тряпье,
Пусть надо мной смеется бабье,
Будь я проклят во веки веков!
Если же осрамишься ты,
Если утомишься ты,
Если не выдержишь схватки ты
И слетишь с рукоятки ты
Иль сломается рукоять, —
Ты, копье мое, проклято будь!..

Ты, мой короткозапястный конь,
Узкопоясничный конь,
Мой широкогрудый конь,
Высокоголовый конь,
Ты, стремительный, как ураган,
Друг испытанный, Тарлан!
Нам с калмыками не играть, —
Я — один, калмыков — рать.
Слушай, что я тебе говорю:
Смертной быть борьбе, говорю,
Быть большой гоньбе, говорю,
Прыть свою удвой, утрой!
Коль проскочишь вражий строй,
Коль врагов сметем дотла,
Я тебе, дорогому слуге,
Выдам потом отличный байге.
Если я выскочу из седла,
Ярости не истощив на враге,
Прокляты будь мои дела,
Проклят будь мой батырский путь,
Сам будь проклят я, Таргын!

А если ты, хотя б на миг,
В битве высунешь язык, —
Ты, Тарлан мой, проклят будь!..»

И во всей боевой красе,
Золототканную сняв кисэ,
Слез Таргын с коня своего,
Стянул кушак свой туго он
И проверил доспехи все,
И подтянул подпругу он,
И подхвостник укоротил:
Не имел ведь он родных,
Не имел и друга он,
Кто бы теперь помог ему, —
Помощник только бог ему!
Дал бы куда-то хороший исход —
Он и этих врагов разобьет,
И у этих, как у других,
Лишь только ринется он на них,
Сердце превратится в лед.
Победу, алда, батыру дай,
Погибель тому кыфиру дай!

И прилив небывалых сил
Ер-Таргын в себе ощутил.
И вскочил в седло батыр,
И загикал зло батыр,
И камчой коня горячит,
И, врагов кляня, кричит, —
Гнев охватил великий его.
Враг многочислен и хитер,
Окружают калмыки его,
Мчится он на них в упор, —
Как решится неравный спор?
Плещет, привязано к пике его,
Желто-белое знамя его.
Брови нахмуря, как буря — скор,
Врезался он во вражьи ряды.
Въехал он с месячной стороны,
Выехал с солнечной стороны.
Как матерый волк-одинец,
Что напал на отару овец,
Гонит врагов он и рубит их,
Калечит калмыков, губит их,
Колет налево, направо — сечет,

Рекой калмыцкая кровь течет,
Убитым давно потерян счет,
Этому бою когда конец?
Изгрыз удила во рту Тарлан,
Скачет в черном поту Тарлан,
Частым дождем с него каплет пот,
Хрипит уж — нет терпенья — Тарлан.
А сеча — попрежнему горяча,
И хлещет конский круп камча.
И, хоть батыр задыхается сам,
Но, снова развернув плеча,
На тулпаре своем скача,
Он разит врагов копьем,
Мертвых и живых топча,
Он передышки врагам не дает,
Бушует бранный в нем пожар.
И, сменив копье на канджар,
Настигнет калмыка и режет его,
Страшен зубовой скрежет его.
Неистов Ер-Таргына вид,
Как овцы — все враги на вид,
Каждый спрятаться норовит,
Нет меж ними смельчака —
В лицо Таргыну посмотреть.

Меняет он канджар на клыш,
На свой шестиаршинный клыш,
Калмычьи головы сносит батыр,
Жалбардинцев косит батыр,
И передышки коню не дает,
И передышки врагу не дает...

...Смеркалось. Черная пала ночь.
Двенадцатая вставала заря,
Красное солнце опять взошло.
Ищет батыр врагов, но зря:
Озирается он кругом,
Сам себе не верит батыр,
Начисто справился он с врагом:
Все калмыки легли костями,
В глазах от мертвецов рябит.

Осмотрел Таргын коня:
От больших горшков-копыт
Осталось теперь с наперсток лишь,

От шерсти всей — подшерсток лишь.
От губ, как подолы длинных, едва
Оставалось пальца на два.
От длинных, острых его ушей,
Похожих на хвостики камышей,
Осталось пальца четыре лишь.
От кудрявой гривы его
Оставалось на вершок.
Пышный хвост красивый его
Превратился в куцый клочок.
Стал костляв его круглый круц,
Весь он был похож на труп,
Весь изранен был Тарлан,
Зияло на нем семнадцать ран.
Но и коню был хранитель дан, —
Не допустил его смерти алда.
Ран не чувствуя, весел и рьян,
Конь натягивает поводя,
Играет конь, удила грызет,
Рвется резвой рысью вперед.
А прижмет Таргын бока
Иль хлестнет камчой слегка,
Чуть поводья тронет он, —
И усталый тот Тарлан
Вновь такую прыть берет, —
Всех бегущих по земле
Без труда обгонит он.

Гордо сидит на Тарлане Таргын,
Оглядывает поле брани Таргын.
Забрызган кровью калмыцкой весь,
Едет в час этот ранний Таргын,
Топчет он сухой ковыль,
Столбом батыр вздымает пыль.
Едет и грустную песню поет, —
Жаль ему убитых врагов.
К своим вернулся с первой звездой, —
Бии, мурзы, во главе с Ханзадой,
И весь ногайлинский народ простой,
Все они удивились ему,
Низко все поклонились ему,
Все расточают ему хвалы,
Той устраивают Ногайлы.



КАМБАР-БАТЫР

В отличие от других героев эпоса, Камбар — представитель и защитник нищего рода. Начало поэмы описывает подвиги Камбара, бесстрашного охотника на хищных зверей, добывающего пропитание себе и родичам. Далее поэма рассказывает о любви к Камбару красавицы Назым, о нападении калмыцкого хана, о подвигах Камбара в этой войне, о его победе и женитьбе на Назым.

Поэма относится к шестнадцатому столетию.

ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ

Почтенные, я сказ начну!
Судьбе доверясь, помяну
Сперва святого моего,
Вы ж соблюдайте тишину.

Стремись, чтоб жизнь твоя была
И беспечальна и светла —
И в памяти своей храни
Батыров славные дела.

И если ты не стар душой.—
Батыров подвиги воспой,
Чтоб перешел из рода в род
Деяний их пример живой.

Как поразмыслишь — жизнь течет
Изменчивей движенья вод,
Обманчивей, чем моря дно,
И недоступней, чем оно.

Так в золотой норе дракон,
Сокровищами опьянен,
Свое богатство бережет.

Но что богатство? — Звук пустой!
Богатство — пешим конь лихой,
Богатству стад будь рад душой:
Пусть в пользу все оно пойдет
Народу в трудный черный год.

СМОТРИНЫ НАЗЫМ

Растит шестерых сыновей Азымбай,
Красавицу-дочь его знает весь край,
Всем каждое слово его — как приказ.
Дороге любви посвящу я свой сказ.
Ты ж род Бактемиров не вздумай винить,
Что стих не сумел я складнее сложить.

Красавицей дочь Азымбая слывет,
Пошел ей уже девятнадцатый год;
Под шанкой бобровой она хороша,
Сверкают алмазы в ее волосах,
И каждый, от бека и до бедняка,
Беседу с прекрасной всему предпочтет.

Казахские бии, ногаец, калмык
Слыхали о ней средь просторов степных,
Молвой о красавице ветер шумел,
Но были, как тигры, шесть братьев Назым,
И в трепет такой повергал Азымбай,
Что близко никто подойти к ней не смел.

Голос Назым — трель певуны лесной,
Звенит колокольчик в нем золотой.
Она по утрам и по вечерам
Выходит гулять с заплетенной косой,
Как гурия рая, легка и стройна —
И каждый ее очарован красой.

В свидетели бога могу привести —
Она благородной была кости
И в полнолуние месяц затмить
Могла бы собой на небесном пути.
И были одежды на ней — за аршин
Не меньше рублей по шестидесяти.

Кибитка, в которой ездит она,
Гнедым иноходцем запряжена.
Когда повстречает ее кто-нибудь —
Пламенем грудь его сразу полна.
Она — распустившийся дикий цветок,
В походку ее ты влюбиться бы мог!
С родными Назым беспечно жила,
Как только увидевший свет сосунок.
Надменно молву распустив, что готов
На выбор дочерний созвать женихов, —
Людей на смотрины скликал Азымбай.
И до малолетних степных пастухов,
Чтоб даже они не отстали от всех,
Дошли эти вести от многих гонцов.

На девять подкладок камзол ее взят,
Все девять на ней без морщинки лежат.
Покамест не выберет мужа Назым —
Покою жигитам больше не знать:
На помощь аллы уповая, женой
Хотел бы любой ее сразу назвать.
Стояли ногаец, калмык и казах
С времен незапамятных в этих местах,
И каждый, стремясь на Назым поглядеть,
Спокойно на месте не мог усидеть.
На той, на байгу, на обильную снедь
Народ собирался с волнением в сердцах.

На холме высоком, над склоном крутым
Возвел Азымбай минарет для Назым.
Стояла Назым пред толпой в вышине,
Назым без калыма — приманка вдвойне,
Стремилась и старцы добиться ее
(Их тоже немало на тое нашлось,
Давно охладевших к старухам своим),
Старались лицом не ударить в грязь,
Каракулем шапок высоких кичась.
А жены их горем объаты большим:
Услышишь рыданья за каждой кошмой —
Боятся старухи прекрасной Назым:
Разлука с мужьями мерещится им.
Надеется всякий, что, может быть, вдруг
Сумеет сорвать этот спелый урюк.
На троне сидит, угощаясь, Назым,
Как сокол, что ищет сокольных рук.

Свет дивной красоты ее неотразим,
И каждый, рисуясь жигитом лихим,
Незнатный и знатный, бедняк и богач,
Проходят толпой пред глазами Назым.
Толпу озарила ее красота,
Ее красота, как бумага, чиста.
Становится поле базаром людским.
Вниманья Назым не дарит никому,
И взор ее холоден и недвижим.
А по полю стелется пыль от толпы,
Собравшейся полюбоваться Назым.

Знатнейшие беки ни с чем отошли,
Ни хитрость, ни ум им не помогли —
Дурной и хороший прошли чередой,
Но гордой Назым покорить не смогли.
Над берегом юрты ногайцев стоят,
Народ этот дружен, умен и богат;
Не больше, чем бедным, досталось и им, —
Ни с чем они тоже вернутся назад.
Кто ждал благосклонности — ждать перестал,
Кто чаял любви ее — чаять устал.
Обиду в душе затаивши, народ
Решил возвратиться в родные места.
Воспрянув, казахи гордятся Назым.
Она ж обращает вопрос к ним такой
И сыплет слова, словно жемчуг крутой:
«В степи, среди жигитов, найдется ль жигит,
Что к нам не явился сегодня на той?»

Двенадцать в узбекском роду ты считай
Колен. Но всей знати знатней Азымбай.
Ууз¹ у него разливают рекой,
Саба его полны кумысом по край.
Он древностью рода ни с кем не сравним.
Никто по душе не пришелся Назым.
Стоит она, брови нахмутив свои,
Тоскою объятая, горем большим.

Тогда из толпы ей один говорит:
«Отсутствует здесь знаменитый жигит.

¹ Ууз — первое после отёла молоко коровы (молозиво).

Он сын Алма-бая, могучий батыр,
Камбар достославный наш—гордость степей,
Скакун вороной его—ветра быстрей.
Батыра никто превзойти не сумел,
Но бедность досталась Камбару в удел...

Тогда отвечает народу Назым
И в очи не смотрит ни тем, ни другим:
«Достойный руки не явился на сбор,
Какое мне дело до остальных?»
Услышав ответ, был печалью объят
На празднике этом и стар, и млад:
Заочно красавицы мысль приковал
Батыр, о котором песни гремят.

Отца и всех братьев своих шестерых
Склонила к согласью, как рифмою стих:
Не выбрав себе жениха из толпы,
Гостей по домам распустила своих.
Сошла с минарета, нахмурясь, молчит,
Запречь иноходца в кибитку велит.
В Камбара заочно она влюблена
И слышит хвалу ему всюду она.
Не знает его, никогда не видала,
Каков из себя он, каков его вид.
Поспешно домой возвратившись, Назым
К герою заочной любовью горит.

ВСТРЕЧА КАМБАРА И НАЗЫМ

Назым, видя, что Камбар избегает встречи и разговора с ней,
попыталась задержать его, расставив на его пути сотканные для
этого всем аулом шелка. Но тулпар Камбара легко перескочил
преграду, и Камбар помчался дальше.

Медовое слово Назым до ушей
Камбара — увы! — не дошло, и, бледна,
Красавица, вновь погрузившись в печаль,
Вздыхает лишь, гневом до края полна.
Как дикий степной жеребенок, она
Всё мечется, места себе не найдет,
В самое сердце уязвлена.
Берет она в ярости меч и, прокляв
Бесцельность тканья, шестикратно клинком
Шесть мест распорола сразмаху в шелках.

«О, джан, что с тобой?» — всполошился весь дом,
И тетки режут над пропавшим добром.
Отхлынула кровь — и лицо у Назым
Становится серым прибрежным песком.
Хоть мимо уже и проехал Камбар,
Назым его кличет и машет рукой.
Батыр осадил вороного коня,
В раздумии, сам рассуждая с собой:
«О чем мне красавица хочет сказать?» —
Прислушался к девичьей речи герой.

И слышит он слово: «Скажи мне, куда,
Не обернувшись, ты мчишься вперед,
Ой, благородно рожденный Камбар?
Невесело конь под тобою идет,
Не поен, в какой он годится поход?
Душа его держится в теле едва,
Он шагу не ступит, как мертвым падет!
Открой свои уши для жалоб моих,
И если умен ты — загадка легка:
Груди моей белой, как снежных вершин,
Еще ни одна не касалась рука.
Коня напою я водой родника,
Кумысом смогу твою жажду унять.
Аул ожидает к себе ездока,
Найдешь ты в нем отдых и сладкий покой.
Исполню, мой друг, все желанья твои.
Лицо оберни поскорее назад:
Как крылья, протянуты руки мои,
Остановись же, коня напои!
Глянь: ров впереди тебя — крут и глубок —
Он путь пересек, как весною ручьи».

Тогда отвечает ей храбрый Камбар:
«Проели родные весь скот мой; лишь конь,
Любимый скакун — все богатство мое;
Хоть с виду я холоден — в сердце огонь;
Меня не понявши, ты сердца не тронь:
Судьбою мне в спутники бедность дана,
И нищ я, как волосом нища ладонь.
Баранов пасти я привыкнуть не смог,
Войною свой хлеб добываю везде.
Аул мой — седло, и мой отдых — верхом;
Один я орленок в родимом гнезде,
Оставлю ль родителей милых в беде? —

Я вся их опора средь злой нищеты,
Для них я забочусь о скудной еде.
Еще на руках у меня — шестьдесят
Аулов аронцев, — по крови родня, —
Ну, как развлекаться с тобой мне, скажи?
Судьба обернется ведь против меня.
Я душу правдиво раскрыл пред тобой —
Пойми меня, дева, прости, не кляня».

Назым же в ответ: «Мне отдай хоть полдня!
Батыр, ты всегда мимо нас проезжал, —
Сегодня же гостем побудь у меня!
Дорога проезжая рядом прошла.
Мы ляжем сегодня — с кошмою кошма,
С рукою рука, — до восхода зари.
К аулам аронцев, лишь скроется тьма,
Поедешь ты, милый. Скажи: их дома —
Пусть все шестьдесят — разве лучше моих,
Ужель не мила я герою сама?
На байского сына с отарой овец
Я не променяю и легкий твой след.
Мой лев! Мой герой! Вся отрада моя,
Мне в жизни желаннее радости нет!»

Тогда ей Камбар достославный в ответ:
«Бедняк я, не пара тебе, о, Назым!
Избранник твой должен быть в шелк разодет.
Тебя только прихоть ко мне привлекла:
На глаз не прикинешь в отарах голов,
Тулпаров ты б счастье в косяках не смогла,
В кочевках гуртам ты не знаешь числа.
Судьба ведь капризна: она бедняка
Пустынею голою быть обрекла,
И озером, что не объять, — богача.
Одних — придавила, других — вознесла.

Но я не обижен своею судьбой:
Спускаю борзых, бью орлов на лету,
Хоть кости и ноют, а весел мой бой!
И я говорю, о, Назым, пред тобой:
В кругу своем я среди всех храбрецов
Один из храбрейших, батыр удалой!
Из хищников лютых — лютее всех барс,
Но, встретясь однажды с ним, пяди пути
Не уступил я, ничто не смогло

Его в поединке жестоком спасти.
Хоть я неимуш, но пока никому
Я в щедрости не дал себя превзойти.

Тебе протянув свою руку, Назым,
С твоею судьбою свой жребий связав,
Страшусь я, что кто-то, богатый скотом,
Тебя увезет, хоть он с виду плюгав.
Я ж честь потеряю, что мне дорога, —
И с голову лошади величиной
Раздуется сердце, покой потеряв».

Опять возражает герою Назым:
«Что брeнная жизнь с ее кратким концом?
Жигиту печаль и раздумье к лицу ль? —
Никто еще выковать сабли не смог,
Залив полотно раскаленным свином.
Откажешь ли в девичьей просьбе моей
И гостем взойти не захочешь в мой дом?»

Кого мне мой жребий судил умолять?
Ой, в сердце змеею вползает тоска!
Раба я того, чей достаток — лишь конь,
Кто горькую участь познал бедняка!
Но если я к цели желанной близка, —
Пусть знают двенадцать узбекских колен,
Такая судьба для Назым не горька,
И я соловьем заливаюсь, мое
Отточено слово, как в песне строка.

Особою долей отмечен твой путь:
Народ свой от бедствий тяжелых времен
Ты б мог оберечь, как надежный заслон.
Лишь это меня привлекает к тебе —
Подумай, размысли, коль вправду умен.
Я ж больше сказать не могу ничего:
Увидишь ты сам, где вершина, где склон».

Излишнею стала меж ними борьба,
Что могут добавить Назым и Камбар?
Их гложет тоска, затянулся их спор,
Трясет, как в ознобе, то холод, то жар.
А время летит, улетает, как пар;
Мгновенье возврата батыр упустил —
Его не спасет и горячий тулпар.



ПЛАЧ ПО МАМАЮ ЕГО МАТЕРИ КАРЫ-УЛЕК

Мурза Мамай, правнук богатыря Едиге, жил в середине шестнадцатого века. Имена Орака, Ормамбета, названия стойбищ Мамаю и упоминание в плаче об огнестрельном оружии доказывают, что плач этот относится именно к этому Мамаю, а не к известному полководцу Золотой Орды, сражавшемуся с Дмитрием Донским на Куликовом поле в 1380 году.

• Плач этот—один из лучших памятников этого рода народного эпоса.

О, мой сын, мой Орак, Орак,
Ты и скорбен, и сир, и наг!
Был Мамай тебе братом родным,
Был истоком несчетных благ.
На врага вы ходили вдвоем,
И дрожал перед вами враг,
И бежали от вас калмыки.
Без товарища ты, Орак,
Мои очи окутал мрак!

Ты, Орак, свет единый мой,
С окровавленной булавой!
Только крикнут уран войска,
Ты вперед устремлялся в бой.
Вот покинул тебя Мамай,
Твой товарищ, твой брат родной.
Бросит вызов, бывало, враг,—
И Мамай уже рядом с тобой,
И Оркоз, твой конь боевой.

Одинок ты теперь, одинок,
Твой соратник — в земле сырой.
Я носила в утробе его
И питалась тою порой
Львиным мясом — и стал он такой!

Он, Мамай, твоей силы исток.
Калмыков он в пустыню завлек
На два года, не дав им воды.
Кто Мамаю противиться мог?
Словно овцы от волка, враги
Устремлялись вскачь наутек.
Кобылицею белою мне
Доживать без сына свой срок.

Он, Мамай, был другом тебе,
Ты с ним в бой без рати ходил
И булатным своим мечом
Беспощадно врага разил.
Карамана, вождя калмыков,
Ты, мой сын, мой Орак, положил,
Его ханскую голову снес.
Каты-хан, калмык, на тебя
Трижды шел — и его ты убил,
Его ханскую голову сжег.
Он, Мамай, был мишенью в бою,
Но свинец Мамаю щадил —
Дробь из ружей, с овечий помет.
Почему среди славы такой
Умереть мне рок не судил!

Был Мамай тебе как оплот,
С ним не знал ты тревог и забот,
Разъезжал конь о конь вдвоем.
Иноходцев лучших народ
Вам под седла ваши дарил.
Есим-хану ты добыл почет,
Каты-хана крепость разбив
И победам теряя счет.

Ты с Мамаем с давних времен
Был народу верный заслон,
И твоею рукой бий
Ормамбет смещен, отстранен, —

Сам ногойцев судил ты, воссев
На его золоченый трон,
И как хана чтили тебя...
Тленный свет, погибель, урон!
Почему из обоих нас
Я живу—не Мамай, не он?

Ты, Орак, ты тешил мой взор,
Твой булатный меч был остер.
Словно волк, задравший коня,
На желания был ты скор.
Не расходятся гости твои,
Облепившие косогор,
Не оступятся ноги твои,
Когда враг наскочет в упор.
Развернув бело-желтый стяг,
Калмыкам давал ты отпор,
Ханским козням наперекор.

Был Мамай очей моих свет.
Соберется ханский совет —
И уж он впереди, на виду.
Кликнут клич во имя побед —
И без страха он шел на врага.
Растеряются люди от бед —
Он, Мамай, — источник ума.
Закручинятся хан и народ —
А Мамай: «Все, ногойцы, пройдет,
Где ваш враг? Его уже нет!»

Облачался в броню Мамай,
Гордых подвигов жаждал Мамай,
Упивался кровью Мамай,
Тосковал по крови Мамай.
Калмыков воевал Мамай,
Меч булатный точил Мамай,
Иноходцев хилил Мамай,
Все четыре вида скота ¹
Над Чаганом ² держал Мамай,

Пыль столбом вздымая, кобыл
Косяками доил Мамай.

¹ Лошадь, верблюд, баран и корова.

² Чаган — приток Урала.

Был друзьями ты окружен
И товарищами, Мамай.
И в несчастный-злосчастный день
Я лишилась тебя, Мамай!

Серебро ты чеканил, Мамай,
Много черных копченых саба
Ты повсюду ставил, Мамай.
О шести решетках, в шелку,
Разбивал ты ставку, Мамай.
Гордых ханов скидывал ты
С золотого трона, Мамай ¹.

Плачет мать твоя, Кары-Улек:
Весь народ тебя славил, Мамай.
В землю втаптывал ты врагов
И друзей возносил, Мамай.
Аюк² ты голову снес
И, как волк голодный, шагнул
Через тело его, Мамай ².
В серебре ты пику держал.
Нападет на ногайцев враг —
И уж ты не дома, Мамай.

В белой броне блистал ты, Мамай,
Все нутро мое рвется, Мамай,
Истомилась в слезах я, Мамай,
Мои силы иссякли, Мамай,
Ноют кости мои, Мамай,
Ретивое болит, Мамай.
Стонет мать твоя, Кары-Улек.

Был ты жизнью моей, Мамай!
Был ты жив — и полнился свет
Громкой славой твоей, Мамай.
В девяносто лет твоя мать
Похвалялась тобой, Мамай.
Косы старые по ветру я
Распустила в горе, Мамай.

¹ Орак убил хана Ахмеда, Мамай—хана Мухамед-Гирея.

² Повидимому, позднейшая вставка пепцов: Аюке, калмыкский хан, жил на полтора года лет позднее Мамай.

Желто-белый склонился стяг.
Твой народ безутешен, Мамай.
Я покорна — так бог судил.
Не вернуться тебе, Мамай.
Калмыки уж грозят нам, Мамай,
Грабят ставку твою, Мамай.
Где тот день, когда место твое
Юный сын заступит, Мамай?
Нет, и сорок твоих сыновей
Не заменят тебя, Мамай!

Калмыки подступают, Мамай!
Кто же вскочит в седло, Мамай?
Мез-Аяк, иноходец твой,
На конюшне тощает, Мамай.
Плачет мать твоя, Кары-Улек,
Льет рекою слезы, Мамай,
Лев в кибитке белой — Мамай!
Сад, цветущий в кибитке — Мамай!

В даль ушел, не вернулся Мамай,
Одрыхлела я в горе, Мамай!
Мрак повис надо мной, Мамай,
Трижды в день воплю я, Мамай¹.

Грозной тучей темнел Мамай,
На врага кидался Мамай.
Сон ли это тяжкий иль явь —
Днями я гадаю, Мамай.
Ты покинул свой дом, Мамай,
Разошлись твои гости, Мамай.

Умер ты и не встанешь вовек,
Ты, при жизни большой человек!
Был оплотом стране Мамай,
Плачет мать твоя, Кары-Улек.

Твоя броня в сундук сложена,
В униженьи твоя жена,
Счета нет коварным врагам,
Муку горькую терпит страна.

¹ По обычаю, казахские женщины оплакивали покойников при восходе и заходе солнца и в полдень.

Плачет мать твоя, Кары-Улек.
Как гордилась, бывало, она,
Видя стан величавый твой!
Умер ты — как сижу я живой!
Как живу на свете одна!

Умер ты, и не встанешь вовек!
Твой отец был простой человек,
Ты же ханам ровнею стал,
И ногайцев дивил, поражал,
За набегом свершая набег.

Пешим кров ты давал, приют,
С конным — бранный делил ты труд.
Ныне умер — и пеплом стал,
Вихри пепел твой разметут.
Прахом стал ты, прахом, Мамай,
Прахом стал — что уж скажешь тут!



НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

*Без единства — нет жизни.
Герой не злопамятен.
Гений для всех народов не чужд.
Глаза пугливы, руки дерзновенны.
Дерзновение разбивает или камень,
или свою голову.
Драгоценности — в горах ищи, ум —
у молодых ищи.*



ЛИРИЧЕСКИЙ ЭПОС



КОЗЫ-КОРПЕШ И БАЯН-СУЛУ

(Отрывки из поэмы)

Поэма эта является одним из самых древних памятников казахского эпоса. Содержание ее—история Корпеша и Баян, нареченных женихом и невестой при рождении, но разлученных злой волей отца Баян еще в детском возрасте. Выросши, Козы-Корпеш отправляется на поиски невесты, но, едва найдя ее, трагически гибнет от ревности Кодара. Баян на похоронах Козы-Корпеша убивает Кодара и бросается на кинжал.

Один из вариантов поэмы записан в 1870 году академиком В. В. Радловым. В архивах Пушкина есть краткая запись содержания поэмы, сделанная для него неизвестным собирателем фольклора во время поездки Пушкина в Оренбург. В начале девятнадцатого века акын Жанак, состязаясь в лучшем исполнении «Козы-Корпеш», спел свой вариант поэмы, получивший в народе широкое распространение.

В сборнике приводится ряд глав жанаковского варианта.

ОХОТА ОТЦОВ

Зачем былину слушать натошак?
Давайте сядем за кешке-томак
И насладимся песней, что поют
Нам Сыбанбай, Бекбау и Жанак!

Бай Сарыбай, из рода Орманбет,
Был так богат, что жил, не зная бед,
Что у соседей зависть вызывал,
И был не раз акынами воспет.

Держал коней он столько в табуне,
Сколько мгновений в долгом летнем дне.
А если ты так знатен и богат —
Не угодишь завистливой родне!

Вот почему он бросил свой народ,
Вот почему он двинулся в поход,
Вот почему взбешенный Сарыбай
Погнал к далеким пастбищам свой скот:

Стерпеть не мог домашней он хулы!
Шли день и ночь верблюды и ослы,
Пока в пути не встретились ему
Род Балталы и род Баганалы.

В занятой песне скрыт сладчайший хмель,
Дух улаждает вам акын Кемель,
Оставим Сарыбая мы на миг
Среди им облюбленных земель.

Жил Карабай там, знатный богатеи,
Он мог бы быть всех праздней и сытей,
Но мало счастья видел Карабай
От девяноста тысяч лошадей.

Несметный скот среди подгорных трав
На луговых джайляу нагуляв,
Был Карабай несусветимо скуп,
Его халат был нищенски дыряв.

К нему родня пришла с Тайлаком раз —
Просить скота, но ждал ее отказ.
Тут бий Тайлак сказал: «Не человек,
Кто в столь презренной жадности погряз!»

А Сарыбай отказ услышал тот
И поступил как раз наоборот:
Он карабаеву созвал родню
И ей отборный предоставил скот.

Тут времени народ не стал терять,
Народ сказал: «Ты должен управлять!
Ты, Сарыбай, достоин ханом быть,
Коль щедро так умеешь одарять!»

А Карабай остался не у дел, —
Его табун зато не поредел.
Из девяноста тысяч лошадей
Он взял одну — и ногу в стремя вдел —

И поскакал охотиться старик
Под Калбадай, а может, под Мыржик...
Он увидал косулю на-сносях,
Был от плода живот ее велик.

Но не успел он выхватить стрелу,
Как зверь ушел, судьбе творя хвалу,
И Карабай, раскрыв беззубый рот,
Застыл, подобный старому стволу.

«Зверь на-сносях — едва ли быстроног,
Он далеко уйти от нас не мог.
Я выпасться успею», — он сказал,
Коня стреножил и в кустах залег.

Охота — страсть. Вот и другой богач,
Хан Сарыбай, в облавах был горяч:
Он до рассвета выехал в тот день,
Чтобы искать охотничьих удач.

Когда же он горами проезжал,
Он услышал, как чей-то конь заржал.
Конь был стреножен, и в густых кустах
Его хозяин, заспанный, лежал.

«Кто до полудня спешенный лежит?
Кто, — крикнул хан, — собой не дорожит?»
И Карабай на это отвечал:
«Ах, счастье зверем от меня бежит!..»

Потом сказал, издав глубокий вздох:
«Несчастен я! Восьмидесяти трех
Достиг я лет, но, чтобы стать отцом,
Последних я не пожалел бы крох!»

И Сарыбай ответил: «Никогда
Не надо думать, что навек беда.
Кто праведен — и в старости тому
Даются богом дети и стада!» —

«Мне много лет, мне — восемьдесят три,
Я очень стар, что там ни говори.
Сам Магомет жил менее, чем я,
А где мой сын, шайтан меня дерит?» —

«В бездетном горе — братья мы с тобой:
Мне тоже счастья не дал рок скупой.
На восемь лет моложе только я,
Но не ропщу, не спорю я с судьбой». —

«Нет, кто хоть раз дитя поцеловал,
Тот скрежет совести в душе прервал.
Мой младший брат, дождешься ты скорей,
Чтобы отцом тебя ребенок звал!» —

«Ах, не тужи, мой милый Кареке,
Отцовство дремлет в дряхлом старике,
И почему б ребенка не родить
Тому, кто валит горного текё?»¹ —

«Спасибо, брат мой, милый мой ыным!
Порой старик поспорит с молодым!
Давай дружить, — авось, отцовство нас
Еще лучом согреет золотым».

Он Сарыбая обнял, старика,
По бороде прошлась его рука,
И в их сердцах взаимная любовь,
Как степь, как вечность, стала широка.

И поклялись, что если год спустя
У бога каждый вымолит дитя
И если парой дети будут те, —
Их поженить, калыма не платя.

И Карабай сказал, повеселев:
«Кипит, ыным, охотничий мой гнев, —
Вчера я здесь косую прозевал,
Ее стрелой достигнуть не сумев!» —

«Свой, Карабай, ты лук побереги!
Ее найду я, делая круги,
Ее убив, к тебе приволоку,
Тебе отдам, по праву сауги!» —

¹ Текё — козел.

«Косуля близко, кажется, от нас,
И недалек ее последний час:
Она брюхата. Подстрели ее —
Пополню тем я сил моих запас...» —

«Нет, Карабай, прости меня, мой брат,
Я не стреляю, если зверь брюхат:
Когда жена ребенка мне зачнет,
Я буду в трудных родах виноват». —

«Что говоришь ты, брат мой? — Пустяки!
Убей мне дичь, приметам вопреки!
Возможный грех беру я на себя,
Я есть хочу, мне дичь приволоки!»

Сарыбай долго думал и, наконец, сказал:

«Непонятно мне твое упорство, друг!
Непригоден для подобных я услуг.
Разве дичи не нашли бы мы другой?
Нерожденного да пощадит мой лук!

Разве хочешь нашу дружбу ты порвать?
Ты же сам хотел дитя поцеловать!
Безнаказанно нельзя, мой Кареке,
Всё, что встретится, на месте убивать».

Но не слушал Карабай его, оглох,
Дичь брюхатую решил застичь врасплох,
Зверя высмотрел и выпустил стрелу;
Зверь подстреленный в кустарнике издох.

Сарыбай отворотился от греха,
Чтоб не знала горя в будущем сноха...
Нож свой выхватил безумный Кареке,
Теплой жертве искромсал он потроха.

Отшатнулся Сарыбай от подлеца,
Рук отнять он не решился от лица...
И заблеяли в утробе под ножом,
Два детеныша, два сирых близнеца.

А убийца был упрямей, чем ишак!
Верен извергу был нож его — пышак.
Он зарезал близнецов, проговорив:
«Подкрепиться не мешает натошак!»

Свежей крови опьяняет страшный вкус, —
Белоусый — стал убийца красноус;
Кзыл-сакалом стал кровавый ак-сакал...
«Я не плакальщик, — сказал он, — и не трус!

Почему ты, Сарыбай, окаменел?
Ты напрасно так раздумчив и несмел:
Если б шаг мой был кудаем осужден —
Я б расправиться с косулей не сумел...» —

«Ты содеянным мне сердце поразил,
Больше нет у Сарыбая прежних сил,
И приходит мой последний, смертный час,
Ибо дух мой ты в косуле прострелил!

Как тулпар, освобождаясь от подпруг,
Я слабею... Поверни меня на юг...
Пусть народ меня осудит, если я
Вел себя с тобой сегодня не как друг.

Но забудем, кто был прав и виноват:
От тебя я не потребую расплат,
Об одном прошу я только — не забудь,
Что и мертвому — до гроба мне ты сват.

Если сына мне жена моя родит,
Если дочерью судьба тебя почтит, —
Не забудешь ли о клятве ты своей,
Как бы ни был родовит ты и мастит?» —

«Если сердцем я к кому-нибудь влеком,
Бьет радушие из сердца родником:
Дочь родную я за сына твоего —
Пусть родятся только — выдам хоть силком!» —

«Ну, спасибо, старший брат мой Карабай!
Брата младшего в могилу закопай...»
Напоследок прикоснулся к бороде,
Помолился и — скончался Сарыбай.

Карабай же, нечестивый этот плут,
Отряхнулся от своих обетных пут,
Все три туши он навьючил на коня
И от спеси, как пузырь, он был надут.

Потрудился ль этот алчный зверолов
Другу мертвому последний вырыть кров? —
Нет, уехал он и друга своего
Хищным воронам оставил на поклёв!..

Через лес он, через лиственную гниль —
Помня правило: «тулпара зря не мыль!» —
Тихим шагом до степи свой груз довез
И увидел там клубящуюся пыль.

Подскакали из аула молодцы,
Взяли лошадь святотатца под уздцы.
«Сарыбаев мы, — сказали, — ищем след:
Божьей милостью и он попал в отцы!»

Не видал ли ты, почтенный человек?
Он охотился в тогаях этих рек,
Мы вернуть его, обрадовать спешим,
Новорожденный там ждет его эркек!»

Неприятен был хрычу такой вопрос,
Дернул повод нечестивый этот пес:
«Ничего я вам ответить не могу,
Не видал, куда шайтан его занес.

Долго ждать его желанный будет сын!
Мне не лжет мой нюх охотничий — мурын:
Он уехал, мне сдается, «в никуда»,
В невозвратность он ушел, в Маргауын...» —

«Как, скажи, Маргауын мы тот найдем?
Сколько ехать самым кратким нам путем?» —
«До него вам не доехать никогда,
Остановит вас безбрежный водоем!

Завлекла его в те дебри дичь, кийик.
Непосильно этот путь для вас велик,
Легче пешим пересечь Бетпак-дала!» —
Так коварный их запугивал старик.

«Слишком много этот путь отнял бы дней...»
Повернули молодцы своих коней.
И, довольны улыбнувшись, Карабай
«Всех, — подумал, — аксакалов я умней!

Стать отцом — моя единственная цель», —
Думал он на рубеже своих земель,
И, не зная, что отцом уже он стал,
Заикавшуюся встретил он айэль.

«Ве-веселые тебя ждут де-дела!
Я б за весть по-по-подарок приняла,
И-и-истину тебе го-говорю:
До-до-дочь тебе жена ро-родила!»

Был разгневан этой женщиной старик:
«Нехватало мне насмешек от заик!
Чтоб камчой тебя своей я не огрел,
Прикуси-ка, окаянная, язык!»

«О-отсутствовал ты много не-недель:
Ре-ребенок у-украсил вам постель!
В на-награду хоть один ша-ша-шапан
За пра-авду бе-бе-бедной дай айэль!..»

Но казалось это выдумкой хрычу:
«Я, — сказал, — тебя за шутки проучу!»
Раз и два он на заику опустил,
Опустил свою свистящую камчу...

«Ви-ви-вижу, же-жесток ты, хоть и стар!
Под тобой пу-пусть издохнет ту-тулпар!
Пу-пусть бог от-отвернется от тебя
И по-по-поработит тебя Кодар!»

Но увидев, что с женой он дочь прижил,
«Счастья вестницу, — сказал он, — зря я бил!»
И от радости тотчас же для себя
Два десятка он халатов накупил.

«Потерял я Сарыбая-свояка,
Но беда, — подумал он, — невелика..»
Для поминок девяносто взял мехов
И кобыльего в них налил молока.

После этого коня камчой хлестнул,
Всем свидетелям лукаво подмигнул.
«Ехать, — крикнул, — мне свойство мое велит,
Сарыбаев я проведаю аул!»

Пес, клыков не досчитавшийся во рту,—
Сарыбаеву увидел он юрту.
Никого в то время не было внутри,
Сам коня он стал привязывать к шесту.

Там лежал — как будто знатным баем был,
Словно в иноходи лучшим таем был, —
Новорожденный, по имени Козы,
Светлым месяцем он почитаем был.

Растерялся обезумевший старик,
Головой он перед мальчиком поник:
«Ты родился, чтобы мстить мне за отца, —
Я не скрою от всевышнего улик!

Далеко тебе до лет моих — алыс!
Ты в пуху еще, когда уже я лыс...
Но — боюсь тебя!..» — сказал он и в овраг
Поминальный свой он выцедил кумыс.

Вдова Сарыбая отыскала тело мужа, устроила ему погребение и богатые поминки и потом отправила к Карабаю сватов, чтобы закрепить будущий брак маленького Козы и дочери Карабая — Баян-Сулу. Но Карабай, проговорившийся об уговоре с Сарыбаем, наотрез отказался, не желая родниться с сиротой, и чтобы навсегда избежать этого, решил покинуть родные места.

УХОД КАРАБАЯ ИЗ РОДНЫХ МЕСТ

«Ненавистен стал, ой-бой, мне этот край,
Скарб, жена моя, в дорогу собирай,
От соседей опостылевших уйдем,
Дай мне наров, чтоб навьючить мой сарай!»

«Что задумал, Кареке мой? погоди!
Наше счастье мы оставим позади:
Как прокормим всех овец мы и коней?
Девяносто их ведь тысяч, — посуди!»

«Я согласен кочевать по пустырю,
Пусть там засуха щекочет мне ноздрю!
Я охотно — чтоб уйти от Балталы —
Девяносто этих тысяч заморю!»

«Проклят богом ты, отступник, антурган!
Взят шайтаном ты, как лошадь, на аркан!
Не помощница тебе я, хоть убей,
Хоть упрячь меня живую под курган!»

Льда души не растопил в ней мужний крик,
Прикусил он свой от бешенства язык
И, не в силах сам кибитку разобрать,—
Двух воспитанниц он кликнул, Ай-Тансык:

«Ай-Тансык, мои две девочки, ко мне!
Друга верного утратил я в жене,
Отказалась мне покорствовать она, —
Мне лентяйку вы замените вдвойне!»

Неуступчив Карабай был и спесив.
Покорились Ай-Тансык, заголосив,
Сняли кошмы, покрывавшие юрту,
Девяносто крепких наров нагрузив.

«Посмотрите, Ай-Тансык: не пивши, пьян
Пес лядащий, окаянный мой смутяин!
Дайте на руки малютку мне мою —
Жениха не повидавшую Баян!

Что, дитя мое, тебя в скитаньях ждет?
Где пасться ты будешь, ласковый мой скот?
Вашей гибели, должно быть, захотел
Шелудивый наш, бесстыжий обормот!..»

И повел жестокосердый господин
Сотню тысяч — без десятка — животных,
Не оставил он на месте ни одной,
И заржал под ним печально Ак-Хаин.

Но отстали от кочевки Ай-Тансык
По указке двух сердец их, горемык,
Чтоб «прости» промолвить водам и горам,
Тем, к которым взор их девичий привык.

«Мир вам, род Баганалы и Балталы!
Мир вам, заводи, где скачут бакалы,
Мир степям, где наш свивальник просыхал,
Где пупочные нам резали узлы!

Да хранит вас бий-тайлакова рука!
Вы осудите шального старика,
След бредущих обреченных косяков
Не сотрется, как священная строка!

Мир земле, с которой жили мы в ладу,
Мир ей, нашу созерцающей беду!
Мир садам, где мы девчонками росли,
Где мы яблоки срывали и джиду!

Мир вам, Тау-Биткенды и Сегизсай!
Мир вам, все, кого обидел Карабай!
Мир тебе, наш мальчуган Козы-Корпеш,
Спи, спеленутый, близ матери! Бай-бай!

Мир, Тайлак, тебе, наш бий и властелин!
Мир вам, травы орошаемых долин,
Всем — от плесени, ползущей по камням,
До излюбленных скотиной камышин!

Мир вам, все, кого мы будем вспоминать,—
Наши сверстники и выборная знать!
Дважды мир тебе, спеленутый Корпеш,
Лживым тестем обокраденный ты зять!

Вынуждает Ай-Тансык к отъезду тесть,
Выкрал милую твою невесту тесть,
И, на север взор безумный устремив,
Покидает обжитое место тесть.

Но, пока наш будет длиться переход,
Возмужаешь ты, созреешь ты, как плод,
И наполнишься желаньем отомстить
За добрачный, за насильственный развод.

Будет гибельный в пути грозить конец,
Но нигде не остановится беглец,
И протянется тропа из костяков
Карабаевых верблюдов и овец.

И тогда тебе, родной наш, будет дан
В покровители от бога Ер-Лукпан,
Чтоб по праху передохшего скота
Привести тебя к скиталице Баян.

Трижды мир тебе в свивальнике твоём,
Мир тебе, с кем мы прощаемся вдвоем!
Вам, все наши свояки и земляки,
Мы сердца свои навеки отдаем!..»

Время катится, как быстрая волна,
Две девицы вдели ноги в стремя
И насилу оторвались от земли,
Что слезами их была увлажнена.

Две печальных, две заплаканных луны —
Ай-Тансык свои догнали табуны,
По следам их, отпечатанным в траве,
Путь проделав полусуточной длины.

Карабай гонит свои стада на север. Сорокадневный переход по Голодной степи грозит потерей скота, страдающего без воды. Тогда его нагоняет Кодар, прослышавший о богатствах Карабая и о красоте его подрастающей дочери, Баян-Сулу, и берется провести его стада через Бетпак-дала при условии, если Карабай отдаст ему в жены свою дочь. Роя в песке колодцы, Кодар довел стада до Аягуза и остался управлять хозяйством

Карабая, ожидая, когда вырастет Баян.

Когда нареченным исполнилось пятнадцать лет, жигит Айбас из рода Козы-Корпеша отправился на поиски Баян. По черепам и скелетам карабаевского скота, павшего в трудном переходе, Айбас нашел на севере Баян. Она передала ему девять подарков невесты жениху («тогыз»).

АЙБАС ВЕЗЕТ ПОДАРКИ

Распрощался жигит с Баян-Сулу,
Помахала невеста рукой послу,
И к седлу своему жигит Айбас
Приторочил топор, меч и пилу.

На Тайкоке ¹ взлетал он, в траву нырял,
Но, послушный чутью, нигде не застрял.
«Кзыл-бельбеу» ² с тех пор то место зовут,
Где невестин он дар—кушак потерял.

На Тайкоке взлетал он, в траву нырял,
Но, послушный чутью, нигде не застрял,

¹ Тайкок—конь Айбаса.

² Кзыл-бельбеу—красный кушак.

И зовется то взгорье «Чубар-айгыр»¹,
Где коня он пегого потерял.

На Тайкоке взлетал он, в траву нырял,
Но, послушный чутью, нигде не застрял,
И, «Мейизом»² ту гору теперь зовут,
Где изюм он, с ним посланный, растерял.

На Тайкоке взлетал он, в траву нырял,
Но, послушный чутью, нигде не застрял,
И зовется «Жалау»³ тот перегон,
Где он знамя невестино потерял.

На Тайкоке взлетал он, в траву нырял,
Но, послушный чутью, нигде не застрял,
И зовется поныне «Каркаралы»⁴
Холм, где он «каркара» потерял.

На Тайкоке взлетал он, в траву нырял,
Но, послушный чутью, нигде не застрял,
И теперь «Шидерты»⁵ ту реку зовут,
Где он пути подаренные потерял.

На Тайкоке взлетал он, в траву нырял,
Но, послушный чутью, нигде не застрял.
Потеряв все, что вез от Баян-Сулу,
Он ее лишь поклона не потерял.

Вернувшись, Айбас отыскал Козы-Корпеша и обратился к нему:

«Здравствуй, радости не видевший жених,
Пусть поклон мой будет ниже трав степных:
Скромный дар твоей невесты — он ценней
Всех подарков здешних щеголих.

Пусть о ней тебе напомним мой поклон.
Тестем злым с Баян-Сулу ты разлучен.
Сам увидишь ты, женой ее назвав,
Что достойнейшей владеешь ты из жен.

¹ Чубар-айгыр — пегий жеребец.

² Мейиз — изюм.

³ Жалау — знамя.

⁴ Каркаралы — украшение для головного верблюда каравана.

⁵ Шидерты — конские пути.

Брат Тайлака, твоего опекуна,—
Говорю я: далеко твоя жена.
Так хотел ее родитель Карабай,
Перед вами велика его вина».—

«Я, — сказал ему Козы, — «тогыза» жду,
В каждом знатном это принято роду.
Ты подарков от невесты не привез,
Не привел мне жеребца на поводу».

«Ах, невестин для тебя я вез «тогыз»,
Но с предгорий Джетысу спускаясь вниз,
Пять подарков я дорогой растерял,
А тулпар ее свой повод перегрыз.

От предмета далеко упал предмет,
То довез лишь я, во что был сам одет:
На, возьми себе подарки от Баян—
Лисий тон ее, и перстень, и бешмет.

Вот любви тебе и преданности знак!
Поезжай, с Баян-Сулу ты вступишь в брак.
Я—твой друг и твой помощник, месяц мой,
Я—Айбас, и старший брат мой—бий Тайлак».

Козы-Корпеш, впервые узнав от Айбаса, что у него есть невеста, отправляется на ее поиски, испытывая ряд лишений и приключений. Подобравший его в пустыне мудрый ходжа советует ему прокрасться к невесте под видом пастуха, покрытого паршой («тазша»), чтобы сберечь себя от Кодара.

ПЕСНЯ ПЕРЕОДЕТОГО ПАСТУХОМ КОЗЫ-КОРПЕША

...Острым взором он в сердце кольнул Баян,
Ей понравился гордый этот буян.
Ночью трижды ходила она к нему,
В нем почуяв того, кто был с детства ждан.

От волненья была она чуть жива:
Там, где спал он, мерцала вокруг трава,

Стадо в сотни голов могла б озарить
Нежный свет испускавшая голова.

Утро землю омыло свежей росой.
Кыз-Баян была девушкой с хитрецей,
И, когда он отправился скот пасти, —
Выбрав шкуру, оделась она овцой.

«Кто под видом отставшей старой овцы
Вслед за мною пробрался на солонцы?
Пусть услышит, — решил он, — что могут петь
На пастьбе одинокие молодцы!»

«Благородный Козы-Корпеш,
Я ничтожным стал пастухом.
Возмечтав о Баян-Сулу,
Я не видел счастья ни в ком.
Многих девушек мог ласкать,
Но к одной был сердцем влеком.
Возмечтав о Баян-Сулу,
На Курена я сел верхом,
Голодал я, сбившись с пути,
Погибал на песке сухом,
Караваном спасен я был
И ходжей одним — стариком.
Об услуге ходжи забыть
Величайшим было б грехом!
Он велел мне ходить в тряпье,
Самом ветхом, самом плохом...
До полудня я дома спал, —
Тут же будят нас тумакom,
Тут я должен скот выводить
С первым утренним ветерком.
Я люблюсь Баян-Сулу
Лишь украдкою, лишь тайком.
Разве может простой тазша
Быть поближе с нею знаком!

Здесь я вдоволь терплю невзгод,
Далеко мой кочует род,
Все, что было, — осталось там:
Материнская жалость — там,
Бий Тайлак поседельный — там,
Мои верные стрелы — там,
Жеребцы на арканах — там,

Кобылицы с приростом — там.
Позади меня брата нет,
Впереди меня брата нет,
Здесь ни друга, ни свата нет,
Здесь приличной одежды нет,
На взаимность надежды нет.
Впереди меня гривы нет,
Позади меня крупа нет,
Боевой мне разживы нет,
Перстня с вражьего трупа нет,
Мне к невесте лазейки нет,
К ней прохода, к злодейке, нет,
По утрам ее шейки нет,
По ночам ее грудки нет.
Ничего, кроме дудки, нет,
Кроме света в рассудке, нет!
Нет отмычки к ее кюйме,
Скрыто будущее во тьме, —
У проклятых что на уме?
Я бедую у них в ярме,
Я на скотском сижу дерме!»

Баян-Сулу ту песню поняла,
Была та песня девушке мила.
Дрожа, она приблизилась к нему,
Овечью шкуру перед ним сняла.

Что ж? — молодости пылкость не в упрек:
Чудесен звон запястий и серег!
Тот, кто хоть раз был пленником любви,
К поступку кыз не будет слишком строг.

Открылся сердца нежного тайник,
В кюйме к невесте юноша проник.
С ней по ночам сиял он красотой,
Днем — пас он скот, как собственный двойник.

Вот раз Кодар сказал ему: «Босьяк,
Пойди, сгребь на топливо кизяк!»
А тот ответил: «Сделай это сам,
Запас терпенья моего иссяк».

Тогда Кодар сказал: «Из табуна
Мне приведи, бродяга, скакуна!»

А тот ответил: «Сам его ве­ди,
Ленивый пес, дермо тебе цена!

Тебе служить я больше не хочу,
Ты недостойн пить мою мочу!»
Так он сказал и, разъяренный раб,
Над ним Кодар занес свою камчу.

Тогда Корпеш ему вцепился в бок.
Не тратя слов, с коня его сволок
И отхлестал в присутствии Баян,
Чтоб навсегда запомнил раб урок.

«Эй, молодежь! — сказал Кодар, привстав: —
Эй, пастухи, любители забав!
Тазше потешить хочется народ.
Силен лишь тот, кто перед небом прав!»

Народ столпился, жадный до игры.
Корпеш схватил Кодара за вихры,
И бросил в грязь, и кучей навалил
Всех девяносто слуг его, сары.

Взмолился раб: «Не бей меня, кяп-кяп!
Таких тяжелых не видал я лап!
Меня бы меньше испугать могли
Беркута клекот и жолбарса храп!»

Тазшу смешил его собачий лай,
Раба он гнул, как ветер гнет курай.
Он говорил: «Барахтайся в грязи,
Перед Баян штаны свои марай!»

Давай тягаться, он сказал, в другом:
Ловить коней и приводить силком,
Стрелять из лука в десять узких дыр
И колья тына воздвигать кругом!»

Ловить коней Кодар веревкой стал:
Пока с одним он еле совладал,
Козы курук отбросил — и рукой
Их за хвосты десяток нахвата­л.

Когда для тына колья принесли,
Кодар спросил: «Помягче ль нет земли?»

А тот вогнал их голым кулаком,
Как будто с корнем там они росли.

Ушко бадьи, и стремя, и лука,
И череп волка и костяк сурка —
Сквозь это все стреле не проскочить,
Когда лишь малость дрогнула рука.

Чуть не задев стрелкового судью,
Стрела Кодара врезалась в бадью,
Стрела Козы, сквозь десять узких дыр,
Прошла, глумясь над всеми десятую!



НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

*Счастье не опоздает и к старику, оно
не будет ранним и для юноши.*

*Кто не знает своих возможностей, зря
будет мучиться.*

*Самохвальство подобно предсмертному
бреду.*

*Тот, на кого ты опираешься, должен
быть сильнее того, кому ты веришь.*

*Котельщик сам знает, куда припаять
ушки.*

*Шуба, скроенная по совету друзей, ни-
когда не будет мала.*

*Боец должен быть в полном вооружении.
Со знакомым врагом легче воевать.*

Кто разделся—тот воды не побоится.



КЫЗ-ЖИБЕК

(Глава из поэмы)

Время возникновения этой поэмы не установлено; во всяком случае, она сложена гораздо позже, чем «Козы-Корпеш». Одним из лучших исполнителей поэмы был народный акын прошлого века Саим-Жырау.

Впервые поэма была напечатана старым арабским алфавитом в Казани в конце девятнадцатого века. Характерно, что при чтении этой книги неграмотные старики останавливали чтецов и целыми строфами, оставшимися в их памяти от передачи поэмы Саимом, вносили в издание коррективы, требуя заучить эти вставки и вставлять их на свое место при следующем чтении.

Варианты поэмы не так расходятся между собой, как варианты «Козы-Корпеша». Основное содержание — история любви Толегена и красавицы Кыз-Жибек («девушка-шелк»), оборванной предательским убийством Толегена его соперником Бекежаном.

По форме изложения, богатству стиха, по смелости композиции поэма «Кыз-Жибек» не имеет себе равных в казахском эпосе. Изумительно звучит сцена поисков Толегеном Кыз-Жибек, о которой он знал только понаслышке: он обгоняет ряд красавиц, кочующих по степи, и каждая из них так прекрасна, что кажется, это и есть Кыз-Жибек. Но каждый раз сопровождающий Толегена акын Каршыха, смеясь, отвечает, что этой красавице «не сравниться с Жибек вовек». Кажется, что не хватит красок для изображения Жибек, но поэма доводит это нарастание до конца и создает ослепительный и нежный образ Кыз-Жибек.

ГИБЕЛЬ ТОЛЕГЕНА И МЕСТЬ ПЕРЕЛЕТНЫХ ГУСЕЙ

Толеген был помолвлен с красавицей Жибек. В роде Алты-Шекты было много жигитов, влюбленных в Жибек. Во главе с жигитом Бекежаном их однажды собралось шестьдесят человек. «Можем ли мы мириться с тем, — говорили они, — что какой-то скиталец увезет Жибек?» Они решили убить Толегена, когда женщины приведут к нему Жибек и он останется с нею вдвоем. Это подслушал один человек, который рассказал Толегену об опасности. Толеген вызвал к себе акына Каршыху. Видя, что Толеген чем-то опечален, Каршыха сказал:

«Мой курай с далеких озер,
Солнце, радующее взор,
Обитатель белой орды,
Ты не терпишь ни в чем нужды,
Твой веселый трещит костер,
На тебя я трачу труды,
Я стихом, где язык остер,
Где звучит лишь правда, не вздор,
Славлю друга на все лады.
Но какая-то боль когтит
Сердце твое, жигит;
Словно с гор ползущий ледник,
Холоден стал твой лик;
Словно снег идет с бровей,
Меркнет день от грусти твоей,
Ты осенней травой поник».

«Я признаюсь тебе, акыну, —
Оттого я травую вяну,
Оттого ледником я стыну,
Что помехой стал Бекежану.
Оттого на бровях снежинки,
Что подкралась тайком измена,
Что не в праведном поединке
Смерть готова для Толегена.
Я скажу тебе без запинки:
Я не смерти боюсь, не тлена,
Я боюсь, что по мне поминки
Будет ночью справлять гиена,
Что, когда мне выстрелят в спину,
Что, когда я Жибек покину,
Посмеются над ней служанки,
Перейдет мой конь на чужбину,

Мой кушак порвут на портянки,
И, на радость ночному джину,
Враг обгадит мои останки».

«С перевала на перевал
Ветер весело кочевал...»
Так, раздумывая, жирши
Каршыха меж тем напевал.
«Путь за мной, — он сказал, — держи,
К Сырлыбаю путь соверши,
Нас он в гости к себе позвал.
Я, — сказал, — тебе помогу
Не попасться в лапы врагу.
В дружбе с родом Алты-Шекты,
В безопасности будешь ты.
Зван ты в гости шурином младшим,
Жиренбаем, бойцом горячим.
Этот шурин — молодожен.
Мы тебя там в отау спрячем.
Будешь лаской ты окружен.
Так давай же, мой друг, поскачем!
Мы врагов твоих озадачим,
Бекежан будет смешон».

Когда Каршыха, устроив Толегена в отау мурзы Жиренбая,
собирался уехать, Толеген ему сказал:

«С перевала на перевал
Ветер весело кочевал...»
Почему я один пою?
Приведи Кыз-Жибек мою,
Не пора ль испытать восторг,
Не тебе ль я дал пару джорг?
Вот, впридачу, еще здесь три,
Трех караковых джорг бери,
Но Жибек среди бела дня
Приведи, на глазах у всех!
Я любого отдам коня,
Только был бы в любви успех».
Каршыха медлить не стал,
Он добрался до Кыз-Жибек,
Поклонился и прошептал:
«Выдь на солнышко, Кыз-Жибек!
Ай, весенняя степь, цветы,
На лицо мне, пыльца, лети,

В жиренбаевом новом отау,
Кыз-Жибек, в медовом отау
Ждет приветливая сноха,
Я не вижу в том греха», —
Лукавый пел Каршыха.
«Я, — сказала она, — пойду.
Но откуда на поводу
Трех коней ты привел в орду?
Ты же сводничаешь за мзду!
Пять коней — за счастье четы!
Неужели к иному ты
Неспособен уже труду?
Впрочем, ладно, скажи — приду...»
На свиданье к другу спеша,
Кыз-Жибек соскочила с ложа.
Ой, жемчужная, хороша
Обнаженная ее кожа!
Запах тела ее хранит
Постельного шелка гряда,
След лопаток ее хранит
Постель, высотой с верблюда.
Ею род ее знаменит,
Ибо чем Жибек не чудо?
Ни один, ни один жигит
Не ласкал Жибек покуда.
Ее нарядить спешат
Хлопочущие подруги,
Золотыми бляхами сжат
Живот, по-детски упругий,
Где плод еще не зачат.
Кто взглядом встретится с ней,
Растаять готов, как сало.
Она тростника стройней,
Стремительней кер-марала.
В ногах ее рвенье стрел,
Слетающих с тетивы,
Им лень коснуться травы.
Вокруг ее головы
Воздух, казалось, горел,
Весь мир на нее смотрел.
Пред взором ее стыдливым
Робеющий мир скользил.
Грудь вздымалась приливом
Любовью внушенных сил.
Звенели на ней запястья,

Звенел убор алтынный,
Как будто, отдав ей счастье,
Рыдали ночные джины,
Как будто шайтан бесчинный,
Ее покоренный властью,
Клыкастой лязгал пастью!

Встречу Жибек с женихом
Выразить трудно стихом.
В полумраке белой юрты,
С невестой наедине,
Он вглядывался в черты,
Пленительные вдвойне.

О чем они речь вели,
Сердцам послушные юным,
Жибек, вторая Лейли,
С Толегеном, вторым Мажнуном?

Известно, о чем с ханжой
Ханжа тайком говорит:
Мол, платой ли их большой
За святость бог одарит.

Известно, о чем скупой
Беседует со скупым:
Хвалу, мол, богатству пой,
Все прочее — жалкий дым.

Известно, о чем жигит
С жигитом спорит порой:
Чей конь, мол, быстрее бежит,
Кто метче разит стрелой.

Но знает ли кто, о чем
Ведут влюбленные речь,
Когда на кошму вдвоем
Доводится им прилечь?

Их спрашивать — лишний труд.
У страсти много причуд.
Известно только одно:
Когда на дворе темно,
Жених подобен кырану,
Подобен соколу он,

Он жертве наносит рану,
И это — вечный закон.

Толеген провел со своей возлюбленной три месяца. Наконец он решил съездить к себе на родину. Накануне его отъезда Жибек увидела сон, испугавший ее. Она вызвала к себе свою младшую невестку, женге, и обратилась к ней с такими словами:

«Участь моя горька,
Дорогая женге, невестка!
Моему ты сердцу близка,
Ближе, чем золотая подвеска,
Из алтына литая алка,
Носимая на груди...
Толегену ехать не надо,
Толегена предупреди:
На пути его ждет засада,
Сон я видела, полный яда,
Толегена предупреди.
Строит козни соперник подлый,
Снился мне кок-джорга бесседлый,
Толегенов снился джорга;
Снились низкие берега,
Где траву пырей глушил...
Последний наш старожил
С насиженных мест ушел;
Ветер звезду потушил,
Освещавшую путь мой, джол;
Белопер-Базарбаев сын
Сел мне на руку, как туйгын,
Он сидел двенадцать недель.
Из-под облака метя в цель,
Налетел кыран чернохохлый,
Растопырил когти, женгель,
«Будешь тварью, — сказал он, — дохлой!..»
Толегену сон Расскажи,
Если сможешь, то удержи,
Пусть не ищет чужих земель,
Сон в грядущем открыл мне щель...»

Женге пересказывает сон Жибек Толегену.

«Не дрожи, как в ухе серьга, —
Дал мурза ей ответ сухой. —
Кыз-Жибек чересчур зорка

И смущается чепухой.
Привезу я назад шелка,
Шелк мой, кыз мою успокой.
Хочет сын своего старика
Поздравить с милой снохой.
Если буду, скажи, убит,
Сансызбай за меня отомстит.
На Жибек он будет женат, —
Мой младший, любимый брат.
Он придет с акыном Шеге,
Это ей передай, женге!
Если с жизнью не распрощусь,
Я весной к Жибек возвращусь,
Неизменно пылкой любовью
Возле милой опять зажгусь!
Мне дорогу укажет гусь, —
Верный избранному гнездовью
Перелетный попутный гусь».

Толеген благополучно вернулся к себе на родину. Его родители по этому случаю устроили пир, той. При собравшемся народе Базарбай, отец Толегена, предложил ему рассказать о своей поездке. Когда Толеген кончил рассказ, Базарбай спросил его: «Когда ты снова поедешь к своей невесте?» — «Весной», — ответил Толеген. Тогда отец сказал: «У меня к тебе просьба: не езди весной, поезжай через год».

«Отец, — сказал Толеген, — я все выдумал. У меня нет никакой невесты. Если тебе угодно, я никуда не поеду», — и вышел из юрты. Базарбай сказал собравшимся: «Я не верю ему. Если он все-таки поедет, я его прокляну! Никто не должен его сопровождать».

Толеген стал тайно готовиться к отъезду. Свои доспехи, вооружение, серого иноходца он держал за пределами аула. Однажды он выехал с Сансызбаем на соколиную охоту. Они услышали крик двух гусей, пролетавших над ними. Тут Толеген вспомнил о своем обещании вернуться вместе с гусями. Он извлек из потайного места всё нужное ему для похода, наложил в коржуны сто тысяч дильд и восемь пудов серебра, взвалил это все на коня и, воспользовавшись тем, что Сансызбай далеко от своего коня и не может его догнать, стал с ним прощаться.

Толеген храбрее всех
В Жагалбайлинском калыке.
Шелк его без прорех,
Золотой надел он доспех,

Солнце играет на пике.
Алмазы, каждый с орех,
Украшают шлем острошлыкий.
Своему покорный владыке,
Конь кунан не знает помех,
Нипочем ему ни арыки,
Ни леса, густые, как мех.
Для весенних брачных утех
Все готово на Ак-Жаике.
В поднебесном гусином крике
Невестин слышится смех.
«В путь-дорогу! мешкать грех!» —
Гогочет странник дикий.
Схожий в легкости с ветерком,
Схожий в прыти с тощим хорьком,
Сансызбай, подросток-ыным,
Побежал за братом родным,
Уезжавшим от всех тайком.

Толеген сказал Сансызбаю, что едет за его невесткой и что плакать не надо. Сансызбай на это отвечал:

«Как не плакать мне, кокежан?
Ты так долго был нами ждан,
И уже ты опять в дороге,
На своем коне, кокежан,
В боевой броне, кокежан,
Дорогой вдвойне, кокежан!
Ты останешься без подмоги,
Базарбай тебя проклял строгий,
Как не быть ыному в тревоге?
В седло свое братца втисни,
Без тебя тут нет мне жизни.
Что мне делать тут без тебя?
Только петь лишь, петь под кобыз мне,
Жалуясь и скорбя».
Толегенов ответ был прост:
«Не окончен еще твой рост,
Оставайся, моя опора,
Оперенье мое и хвост!
Будет надо — придешь на смену
Брату старшему, Толегену.
Не боюсь я вражьих засад,
Глух я, брат, к твоей укоризне,
Мне Жибек всех нужнее в жизни,

Ты помянешь меня на тризне,
Если я не вернусь назад.
Я один, но еду не труся,
Я попутчик дикого гуся,
Я попутчик диких гусынь,
Надо мной — небесная синь,
Подо мной — степная полынь,
Сгинь! — тоске я моей говорю, —
Навсегда от сердца отхлынь!

Ты — перо мое маховое,
Придающее мощь крылу,
Ты справляешься с тетивой,
Нас недаром на свете двое, —
Если стану жертвой разбоя,
Ты сумеешь спустить стрелу,
Что помчится, визжа и воя,
На защиту Жибек-сулу.
Так сосна, вместо сгнившей хвои,
Молодую растит иглу.
Для тебя я, мой мальчуган,
Приготовил про черный день
Золоченый конский турман,
Медный шлем и литой кистень;
Приготовил белый семсер,
Вправленный в золотой балдак;
Приготовил меткий садак,
Чей настолько велик размер,
Что с лопатками крепких ягнят
Жала стрел его в песнях сравнят.
Это все я прикрыл ковром,
Ты пока ничего не тронь.
А еще, с двухлетним тавром,
Для тебя предназначен конь.
А еще есть акын Шеге,
Он гадает на очаге,
Он проводит тебя к женге,
Если я этот мир покину.
Верь как преданному слуге
Мудрому своему акыну.
Не вернусь — не моя вина.
Пусть луну сменяет луна,
Терпеливо считай до семи,
А когда заблестит восьмая,
Поезжай, коня подгоняя,

Перелетным гусям внимая,
И Жибек в жены возьми».

Плохо людям, плохо скотине
В девяностодневной пустыне.
Только озеро — Кос-Опа
Голубое — посередине.

Там на влагу почва скупа,
И бежит за тропой тропа
К вожделенному водоему,
К многоводному Кос-Опа.

К той воде, среди знойных марев,
Гладь песков глазами обшарив,
Сорок дней Толеген скакал
На измученном жануаре.

Той воде был не всякий рад,
Там курай был местом засад,
В том курае прятались часто
И грабитель, и конокрад.

Вот куда по тропам звериным,
По безводным скупым равнинам
Сорок дней Толеген скакал,
Утешаясь криком гусиным.

Вот где, туго набив колчан,
Во главе своих сополчан,
Шестьдесят их взяв на подмогу,
Поджидал его Бекежан.

Стал слабеть их табун, худея,
Надоела им их затея:
Опоздай чуть-чуть Толеген —
И засаду сняли б злодеи.

Толеген, обгоняя дичь,
Кос-Опа мечтая достичь,
«Дай нам сил, — говорил, — о боже!
Нашу выдержку увеличь.

Без воды мы семнадцать суток,
Но недаром джорга мой чуток:

Он заржал, значит — близко цель,
Заповедник цапель и уток.

К многоводному Кос-Опа
Вместо вех бегут черепа.
Что за пыль? и зачем здесь эта
Угрожающая толпа?

Не сдадимся, джорга мой серый...»
Враг подлей, чем сама холера,
Перестрелка на Кос-Опа
Длилась вплоть до намаз-дигера.

Давней жажды не утолив,
Как на грех стал конь спотыклив,
И не мог Толеген в тулпаре
Вызвать мощи былой прилив.

Доставаясь врагам заклятым,
Погибая невиноватым,
«Мой закат, — сказал Толеген, —
Совпадет с небесным закатом!

Я Жибек не сказал прости,
Я едва лишь начал цвести,
Я смогу ль, семнадцатилетний,
С Бекежаном счеты свести?

Дал куда-то мне брачное ложе,
Гибель мрачная от него же,
Для чего он меня взыскал,
Если враг мой ему дороже?»

Две стрелы лишь хранил колчан,
Да и те отклонил шайтан, —
Не попал мурза в Бекежана,
Семерых пронзив аргынжан.

Ни к чему ему лук бессильный,
Если сзади мылтык фитильный,
Если сзади клубится пыль
И разит его выстрел тыльный.

Две стрелы — шестьдесят врагов...
Бекежан, смотрите, каков:

Из-за заросли тростниковой
Отсчитал шестьдесят шагов..

Лютый шарик из самопала —
Не крупней овечьего кала,
Но, когда он сердце порвал,
Разве смерти этого мало?

«По Жибек обронив слезу,
К ней шелков я не доведу!..»
Вот ограбили, вот разули
Насмерть раненного мурзу...

Базарбай, помолись о сыне!
Вот валяется он в пустыне,
Вот плывут в бездонную синь
Гуси белые и гусыни...

Собрав последние силы, свалившийся с коня Толеген обратился к Бекежану с предсмертной просьбой:

«Я погублен во цвете лет,
Я разбойниками раздет,
Звери мясо растащат это,
И рассыплется мой скелет.

Бекежан, твои пули метки,
Брешь пробил ты в кольчужной сетке.
Погребешь ли меня иль нет,
Снизойдешь ли ты к однолетке?

И для мести предел ведь есть:
Как бойцу, окажи мне честь,
Что ты скажешь моей невесте,
Если лень тебе прах погресть?»

«Без камней, что крупней орехов,
Без алмазных сдохни доспехов!» —
Враг ответил под общий смех,
От несчастного прочь отъехав.

Для убийцы конь изменил,
Кос-Опанской воды испил.
И, оставшись один в пустыне,
Взглядом их мурза проводил.

На всем пути до озера Кос-Опа Толегена сопровождали шесть гусей, возвращавшихся с юга. Усталые и томимые жаждой, они собирались отдохнуть на озере, но шестьдесят разбойников хотели их подстрелить, и гуси кружились на одном месте. В последний раз придя в сознание, умирающий Толеген увидел гусей и обратился к ним с такими словами:

«Мой привет вам, дымчатопёрым...
Вы стремитесь к родным озерам,—
Берегитесь моих убийц,
Не доставайтесь им, живодерам!

Жаждой мучитесь вы все шесть,
Бекежан не дает вам сесть,
Отнесете ль к шурьям и к тестю
И к Жибек печальную весть?..

Север ждет вас, гуси-южане,
Ждет он правды о Бекежане,
Но не птицам дар слова дан,
Что расскажете вы, горланя?

Ваши крики в небе висят,
Не о мести ль они гласят?
Мой совет вам, друзьям пернатым, —
Дома выпестовать гусят.

Вам, свидетелям вероломства,
Мой совет — воспитать потомство
И с коварным нашим врагом
Никогда не сводить знакомства.

Дети облачной синевы —
Не гонцы ль всесильной молвы?
Пролетя над степью ковыльной,
Не расскажете ль правду вы?

Возвращаясь на мой Тениз,
Поглядите, милые, вниз:
Там привет вам, дымчато-сизым,
Сансызбаев пошлет кобыз.

Спросит вас отец престарелый:
«Все ль у сына косточки целы,
Иль распались, как белый мел,
И торчат, как прелые стрелы?»

Спросит мать: «А с каких ты вод,
Кочевой гусиный народ?
Сын, вскормлённый джалом и медом,
Избежал ли, милый, невзгод?

Где мой мальчик, — вас она спросит, —
Скоро ль, глупый, мытарства бросит?
Ведь на джале баловень рос,
На меду, что пчелы приносят».

Мне пером служа маховым,
Мне копытом став роговым,
Нужный мне, как ветер для дыма,
Вас о брате спросит ыным.

Он любитель игральных бабок,
Он в борьбе валил меня на бок,
Среди отроков не был слаб,
Не в пример вам, не был он зябок.

Прогорланьте им вшестером,
Что не кончил ваш друг добром,
Что лежит в непробудной дрёме
И песок ему стал одром;

Что, готовя доспех кольчужий,
Надо звенья вязать потуже,
Что тогда я, сраженный муж,
Не лежал бы в кровавой луже;

Что джорга мне мой изменил,
Кос-опанской воды испил,
Что, оставшись один в пустыне,
Толеген свой дух испустил...»

Удалился выводок птичий,
В небе звездный возник Возничий,
Кликнул ворон победный клич
И кружиться стал над добычей.

Шестьдесят разбойников, убив Толегена и поделив между собой
все, что у него было, долго скрывали это от народа. Бекежан
попрежнему мечтал жениться на Жибек.

Надоело молчать Бекежану, псу,
Захотел он Жибек вовлечь в айтысу,

«Ей, — сказал он, — сомненье в душу внесу я,
Мне пора посягнуть на ее красу».

Он вечернее время избрал для тоя,
Девяносто ягнят он заклал для тоя,
В свете сумерек дым поднялся густой,
И огромный костер запылал для тоя.

И запел Бекежан: «От каких утрат
На ресницах Жибек слезинки дрожат?
Твой жених не оставит младшего брата —
Предают ли верблюдицы верблюжат?»

И в ответ Бекежану Жибек запела:
«Нет тебе до меня никакого дела,
Если б медлить жених мой семь лет хотел,
Я семь лет бы его ожидала смело».

«Ну, а что бы, Жибек, мне сказала ты,
Если сгнил он и тщетны твои мечты?»—
«Даже след его был бы моей святыней!
Что Аргын мне и что мне Алты-Шекты?»

В этот миг протянулась божья десница —
Шесть гусей, шестизвенная вереница;
Осветив шестьдесят помертвелых лиц,
В этот миг над землей блеснула зарница.

«Лучше б, — крикнул злодей, — не иметь мне глаз,
Режет уши гогочущий ваш рассказ!
Почему вас тогда не убил я сразу,
Шесть гусей, толегеновы алты-каз!»

Не трудись, Бекежан, и на птиц не шикай:
Ты захвачен врасплох вереницей дикой,
Бессловесная тварь обрела язык,
Алты-каз Бекежану служат уликой.

«В черном сердце твоём — ни зги.
Он убит тобой, нет, не лги!»
Кыз-Жибек скорбит о погибшем,
К сыromятным припав коги.

«Вот что значило айтысу!
Ты издохнешь в этом часу,

Ты оправдываешься всеу:
Шесть орлят¹ закогтят лису.

Я сестра им, шести орлятам,
Над тобою, трижды проклятым,
Крылья их вот-вот зашумят,
Грянут громом над супостатом.

Будь же проклят твой род навек!
Пусть он станет сбродом калек!»
Взял кудах под свою опеку
Мести жаждущую Жибек:

Дети старого Сырлыбая,
Шесть орлят подошли, вскипая,
И у хищника с Кос-Опа
Исказилась морда рябая.

Ни на миг расправы не для,
Горло пса настигла петля,
Опустился чокпар тяжелый —
И прияла жертву земля.

¹ То есть шесть братьев Кыз-Жибек.



• НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Печаль — море: утонешь и пропадешь;
риск — лодка: сядешь и переплывешь.
Кто долго просит — получит, кто много
думает — найдет.

У языка нет костей, у думы нет дна.

Краса дерева — листья, краса человека —
одежда.

У найденного ножа — на сорок обхватов
тяжбы.

Острый нож еходит в ножны, лживое
слово — в душу.

У потерянного ножа ручка всегда бы-
вает золотая.

На сражение надо ехать всем, на тяж-
бу — одному.



АЙМАН-ШОЛПАН

Одна из позднейших эпических поэм. Фантастика в ней уже уступает место реалистической трактовке образов. Поэма создает замечательный образ Айман — умной и хитрой девушки, спасающей свой род от вражды, загоревшейся между ее отцом, Маманом, и гордым шектинцем Котибаром, «грозыным в расправе», задирой и забиякой.

Бай Маман знаменитый, из рода Тама, кочевал
Вдоль долины Тургая — и лучшей судьбы не желал.
А кочевья просторные рода Шекти были там,
Где катился по отмелям волжский рочочущий вал.

О богатстве Мамана не скажешь в словах ничего:
Каждый год верблюжилось верблюдиц пятьсот у него,
И дивились гости: снимаясь с кочевья, Маман
Сразу мог увезти только долю добра своего.

Он саба¹ себе делал из шкуры пяти жеребцов —
Длиньше шеи верблюжьей: не схватишь обоих концов.
Только сына ему не родила жена... И Маман
Был несчастнейшим самым среди несчастливых отцов.

Что ж, что много скота у Мамана? — ведь все мы помрем:
Жизнь людей быстротечна... Недаром сегодняшним днем
Малой сотни² роды, Шомекея, Жаппас и Алшин,
Погребая жигита, — поминки справляют по нем.

¹ *Саба* — кожаная посуда для кумыса. Саба из шкур лошади могут делать лишь очень богатые: чтобы наполнить такие саба кумысом, надо очень много кобыльего молока.

² Казахский народ делился на три «сотни» (орды), в которые входили отдельные роды.

Шокейцы Мамана зовут к себе издалека,
Твердо помня, что сила богатства его велика
Между баями Малой Орды. Собираясь на той,
Бай Маман повелел оседлать себе аргамака.

Шокейцы ж, стремясь на поминки к себе пригласить
Тех, кто в случае распри жестоко умеет платить,
Котибара-шектинца¹ с долин Кара-Тау, зовут,
Чтоб смог он со всеми умершего память почтить.

По богатству с Маманом равняться не мог целый род!
Благодарен судьбе был Маман за богатый приплод.
Уезжая на пир, девять длинных саба кумысом
Он наполнить велел, чтоб чужой подивился народ.

Был ли в жизни еще кто-нибудь, как Маман, знаменит? —
Ведь пятьсот верблюдиц на приколе для дойки стоит;
Девять наров везут с кумысом девять полных саба —
Каждый нар быстроходный ковром золотистым покрыт.

За богатство Маману высокая честь воздана:
Его свита почетная — биев окрестных полна.
У хозяев поминок, Алшин, Шокейцев, Жаппас,
Для почетных гостей — золоченая юрта одна.

И Мамана в ту юрту отводят с дороги тотчас,
Рассуждая: «Маман из гостей — самый важный у нас.
Мы должны оказать ему самый высокий почет...»
Золоченая юрта Маману по вкусу пришлась.

И батыр Котибар, грозный в распре, из рода Шекти,
С Кара-Тау приходит, устав от большого пути.
Сахар, чай дорогой и витушки большие тюки
Разгружают погонщики с наров его девяти.

Кто был в мире еще знаменитее, чем Котибар? —
Но с собой кумыса не привез ни один его нар:
Долог путь с Кара-Тау, прокиснет от солнца кумыс;
Только чая не портит пустыни убийственный жар.

Котибару поставили юрту с другими в ряду.
«Я в кошемную юрту, — сказал Котибар, — не войду!
Дайте юрту Мамана мне, я ведь не хуже его,
И должна моя юрта стоять у других на виду.

¹ Шекти — один из родов Малой сотни.

Распустив по степи о поминках немало молвы,
С Кара-Тау шектинцев к себе приглашаете вы!..
Как же юрту такую смогли вы Маману отдать?
Иль ума не хватило для вашей дурной головы?»

Так извечно судьба нашу участь решает без нас.
Пир, сзывавшийся долго, расстроиться может сейчас!
С затаенной тревогою к баю Маману идут
Устроители пира — Алшин, Шомекейцы, Жаппас.

«Мамеке ¹, там привел триста сабель — всю свиту свою —
Котибар, грозный в распре и непобедимый в бою;
Не желает итти он в обычную юрту никак, —
Хочет он получить золоченую юрту твою».

Возражает Маман: «Разве есть у него хоть пятак? —
Бродит этот шекти по степи, как голодный ишак.
Пусть не ищет он юрту среди богатейших мужей, —
Водонос с Кара-Тау, безвестный, презренный бедняк!

Необъятных кочевий просторы судьбой мне даны,
Покрывают долину моих лошадей табуны! —
Под соломенной крышей родившиеся бедняки
Ставить юрту свою возле юрты моей не должны!»

Если так продолжаться все будет — расстроится пир!
Сам к Маману идет Котибар, презирающий мир.
Велика золоченая юрта — но возле дверей
Был без почести принят Маманом могучий батыр.

Два степных великана сошлись, как скала со скалой.
Гнев глаза Котибару наполнил кровавою мглой,
Но великую ярость из гордости в сердце сдержав, —
Обратился к Маману с вопросом батыр удалой:

«Кто богат, а кто беден — об этом лишь богу судить;
Скот сожрет твою жизнь, он, как червь, в твоём сердце сидит.
За глаза ты ворчал, словно старая женщина. Что ж,
Как мужчина — сумей те слова мне в лицо повторить.

Бай Маман, ты приехал на сборище, славу любя.
Чем же между жигитов ты можешь прославить себя? —

¹ Мамеке — почтительное обращение к Маману.

Ты кичишься обильем скота перед родом Шекти,
Но не видим мы сына на детском седле у тебя!»

Отвечает Маман: «Всем известна здесь слава моя.
Сам ты больше подумай о том, чтоб родная семья
Полюбила тебя, голодранец, презренный шекти, —
У тебя, бедняка, не просил ведь наследника я?»

Котибар усмехнулся: «Ты, бай, говоришь не о том,
Зря на сборище этом ты хвастал несметным скотом,
Укоряя Шекти... Разве это твои — те стада,
Что хранишь и пасешь ты всю жизнь на разлужьи густом?

Весь тот скот, что пасешь ты, мне нужен теперь самому.
Я дурную башку твою с плеч, если надо, сниму,
Чтоб она прикусила навеки свой лживый язык, —
А Шолпан и Айман — дочерей твоих — в жены возьму».

«И чего ты шумишь здесь, бедняк, обреченный беде? —
Возражает Маман: — Я богат — это знают везде.
Скот приносит приплоду мне много... А в юрте твоей
Молока не бывало от веку и в праздничный день.

Много нищих приходит ко мне, и обласкан мной всяк.
Ты ж, известно то каждому, с гор Кара-Тау бедняк.
У тебя даже лошади нет ни одной... Приходи —
Так и быть — я шектинцу кобылу пожалуй так.

Чем ты можешь гордиться, несчастный бедняк, посреди
Знатных баев?... А мне ведь не равен из них ни один...
Ты своих голодранцев, не пробовавших молока,
Собери и в саба мою — в свежий кумыс поклади».

Тогда Котибар, вытащив меч из ножен, говорит:

«Бай Маман, ты запомни, и пусть это слышит народ:
Если конь Котибара не первым на скачке придет
И Айман, твоя дочка, не будет мне третьей женой,
То пусть имя мое — Котибар — под землей пропадет!

Если я в твой аул не направлю жигитов семьсот,
Если племя шектинцев аул твой с земли не сметет,
Если нар мой Айман не прокатит на голой спине¹,
То пусть имя мое — Котибар — под землей пропадет!

¹ Увезти женщину на неоседланном верблюде — высшее оскорбление для нее, приравнивание к рабыне.

Ты увидишь, что я не боюсь ни ударов, ни ран.
Но тебя я заставлю сквозь слезы смеяться, Маман!
Я саба, что из шкуры пяти жеребцов, — изрублю,
И на стену твою же повешу, как старый чапан!

Бай Маман, ты напрасно открыл для ответа свой рот:
Говоря с Котибаром, ты силу учти наперед;
Я клянусь: если нар не прокатит Айман без седла —
То пусть имя мое — Котибар — под землей пропадет!»

Далее следует описание байги на поминках. Рыжий конь Котибара берет приз. Вернувшись в свой аул, Котибар собирает войско, чтобы сдержать свою клятву и разгромить Мамана.

Брат Котибара — Арыстан — идет в поход нехотя.

Под горой у Мамана аул его выстроен был.
Ой-бой, зря Котибара Маман на пиру оскорбил!
Золоченое знамя воткнув на горе, Котибар
Бая куцеголового, утром нагрязнув, разбил.

Бая куцеголового утром разбил Котибар;
Лошадей и верблюдов и много овечьих отар
В свой аул он направил. Сам встал посредине двора,
И над ним золоченое знамя горело, как жар.

Высоко золоченое знамя горело, как жар.
Над Айман в это утро судьба занесла свой удар:
«Пусть Айман и Шолпан поскорее с постели встают!» —
Торжествуя победу, вскричал со двора Котибар.

У Айман на девичьих, на маленьких ножках — кебис
(Ведь Маману от стада его — деньги рекою лились!).
В золоченой кровати на пуховиках спит Айман,
Но сквозь сон, испугав ее, крики врага донеслись:

«Пусть узнают они, что такое — батыр Котибар;
Пусть безропотно примут решение наше, как дар.
Поднимите, жигиты, с постели Айман и Шолпан,
Пусть оденутся быстро: их ждет неоседланный нар».

Злей камчи — оскорбленья Айман благородную бьют.
«Боже мой! без седла повезет на себе нас верблюд!..»

Убивается гибкая, как камышинка, Шолпан;
И, обнявшись, две девушки слезы в отчаяньи лют.

Два жигита-врага волокут их из юрты во двор;
Нет надежды у них, — кто спасет беззащитных сестер,
Разве пленниц жалеют?.. И девушки в страхе дрожат:
Неоседланный нар повезет их в безвестный простор.

У Айман нежный локоть — белей, чем в горах облака;
Словно медная удочка — девушка станом гибка.
На расседланном наре качаясь, запела Айман,
Чтоб врагам показать, что она — не рабыня пока:

«Маман — это имя отца дорогого,
А я называюсь — Айман.
На мягком седле иноходец мой серый
Имел золотой талисман.
Постой, придержи-ка коня боевого,
Могучий батыр Котеке¹, —
Ты разве не слышишь отсюда, шектинец,
Как плачет по дочке Маман?

Маман — это имя отца дорогого,
А я называюсь — Айман.
Возил меня конь с золотой подковой,
Топча низкорослый бурьян.
Но как-то в похмельи на сборище людном,
С отцом поругавшись моим,
Батыр Котеке полонить меня вздумал,
И вместе со мною — Шолпан.

Маман — это имя отца дорогого,
А я называюсь — Айман.
Меня без дорог иноходец мой серый
Носил по степи, как буран, —
Лишь шубка из жаркого меха енота
От скачки слетала с плеча,
На праздниках всюду мне первой с поклоном
Всегда подносили айран.

Маман — это имя отца дорогого,
А я называюсь — Айман,
Где мой иноходец с жемчужною гривой,
Какого не выдывал хан?

¹ Котеке — почтительное от имени Котибар.

Судьба присудила в добычу шектинцам
Богатство и счастье отца;
Напрасно глаза его старые плачут,
Напрасно в них горький туман!»

Бесполезно Айман свою жалобу-песню поет;
Котибар, заупрямившись, выдержит слово свое:
Как Айман горемычная горькие слезы ни лей, —
Котибар безучастный домой не отпустит ее.

«Любому, кто бьется за правое дело,
Не страшен озлобленный враг.
Любого возьми скакуна: его сила —
В надежных и легких ногах.
Маману судьба только нас подарила —
Несчастных Айман и Шолпан;
А в битве — царят Котибар с Арыстаном:
Их сила — в каленых клинках.

Жигиты наш скот угоняют с собою,
Аул наш погиб от огня;
И лишь на тебя вся надежда осталась,
Вели подвести мне коня,
Чтоб ехала я на своем иноходце
И рядом с тобой, Котеке:
Жигиты-шекти угрожают оружием,
Их пики пугают меня.

О, мой Котеке, в голове твоей — мудрость,
И храброе сердце — в груди.
Себе мы несчастье накликали сами,
На горе ты нас осудил.
О, мой Котеке, твоих слов я не слышу:
Твой конь убегает вперед,
А мой неоседланный нар, отставая,
Идет далеко позади.

Неловкий язык мой, я буду довольна,
Скажи стороне не родной,
Что дома меня по долинам зеленым
Возил иноходец степной...
Батыр Котеке, прояви свою милость
И выслушай просьбу Айман:
Дай мне иноходца с жемчужною гривой:
Привык он ходить подо мной...

О том ли, о самом ли нужном сказала? —
Сама я понять не могу.
Я больше не в силах смеяться так звонко,
Как раньше, играя в лугу.
Сказала я только, что с самого детства
Привыкла к коню своему;
Мне нужен один иноходец мой серый,
Другой — растрясет на бегу».

Поглядите, жигиты, как девушка эта грустит!
Будь что будет... Хоть можно добычу из рук упустить. —
Но не дважды же девушке просьбу свою повторять? —
Котибар иноходца ей тут же велит подвести.

Пусть все спетое мною до вашего слуха дойдет...
Вот Айман замолчала, успевши сказать наперед:
«Если буду жива я, то как-нибудь не пропаду,
Только пусть этот конь не меня, а Шолпан повезет».

От насильственной смерти на жертву позор не падет.
Но слепая судьба нежной девушке счастья не шлет:
Уступила она своего иноходца Шолпан,
И никто из шекти ей второго коня не дает.

От девичьего тела верблюжьей спине горячо;
Нар кричит от испуга, что девушка сядет еще...
«Вот, презренный верблюд, за несчастье мое получай!» —
От стыда — чуть не плача, Айман его хлещет камчай.

О, жигиты, любой из вас должен быть с жизнью знаком;
Честно сердце акына, — он правду поет о былом:
Нет коня у Айман... И несчастные сестры свой путь
Продолжают — одна на седле, а другая — пешком.

Но Айман, спотыкаясь, все плачет слабей и слабей,
Замечая давно, что ее горемычной судьбе
Стал сочувствовать храбрый шектинец — жигит Арыстан,
И Айман у него просит вновь иноходца себе.

Арыстан постигает значение слова до дна:
Хоть свободная лошадь в отряде его не видна.
Но не дважды же девушке просьбу свою повторять? —
Он сажает Айман на оседланного скакуна.

Тогда Айман обращается к обоим батырам с просьбой:

«Говорят, вы богаты людьми и скотом
И прославлены мудрым умом, —
Посудите, как тяжело отцу без детей,
Одинокому, в доме пустом.

Вы, наверно, жалели детей и жену,
Уезжая от них на войну.
У Мамана вы взяли двоих дочерей, —
Возвратите ему хоть одну!

Сына нет у отца... Для родительских глаз
Мы последняя радость... И вас
Я прошу: не лишайте отца дочерей,
Хоть одну — возвратите из нас...»

Котибар оставляет эту просьбу без ответа, но Арыстан, брат Котибара, тронутый мольбой, разрешает одной из сестер вернуться. Айман говорит: «Светик Шолпан, возвращайся домой». Шолпан возражает: «Сестрица, вы возвращайтесь; моя душа не лучше, чем ваша».

Айман же говорит: «Лучше, чтобы ты вернулась. Если ты останешься с ними, то на другой же день будешь вынуждена таскать дрова, разжигать огонь и превратишься в их рабыню. Я же, пока час мой не пробьет, ни с чьей стороны оскорбления не потерплю».

Так батыр Арыстан бедным сестрам помог в этот раз,
И к отцу возвратиться Шолпан собралась тотчас.
Горячо на прощанье сестру обнимая, Айман
Поручает свезти ей на родину тайный наказ:

«Перед дверью пустыни, где даже трава не растет,
Есть бархан, и в песке его, с той стороны, где восход, —
Я зарыла сундук: в нем богатство запрятано мной,
Трижды больше, чем стоит шектинцами угнанный скот.

Перед дверью пустыни бархан этот вырос крутой.
Мой сундук охраняет там книга с молитвой святой.
Рядом — ящик закопан, в нем золота десять горшков
И серебряных сорок посуды упрятано мной.

Перед дверью пустыни бархан этот вырос немой.
Знала я, что шектинцы разграбят аул наш родной, —
И четыре тюка закопала в бархан, где сундук, —
В них полтысячи новых халатов отсчитано мной.

Перед дверью пустыни, где властвует солнечный зной,
Есть поляна... И пусть я наказана горькой судьбой, —
Там под деревом старым зарыто четыре тюка,
В тех тюках — триста шуб дорогих запаковано мной.

Средь богатства отца я росла беззаботнее птиц;
Но, боясь Котибара и с гор Кара-Тау убийц, —
Согнала я на остров пять сотен отцовских коней,
Под седлом не ходивших, и восемьдесят верблюдиц.

Ум Айман до конца не оценит никто никогда;
Пусть мой род не дивится словам моим: я не горда...
Все богатства, спасенные мной, пусть отец соберет,
При уменьи — хозяйства его не коснется нужда.

Только я буду плакать одна в стороне не родной.
Долетят ли до бога все слезы молитвы земной?!
Алибеку скажи, чтобы ждал шестьдесят он ночей,
И потом, если любит, пускай приезжает за мной.

Передай мой привет Алибеку. Коль любит меня —
То пусть ранней зарею он шестидесятого дня
(И не раньше, скажи ему, слышишь, Шолпан? — не забудь!)
Быстроногого чалого в путь оседлает коня.

С детства род меня начал красавицей-умницей звать,
Но сейчас не могу я письма Алибеку писать;
Ты скажи — пусть два месяца ждет... когда минут они, —
Может он боевого коня своего оседлать.

Ты жезде¹ своему мой привет передай поскорей,
В Оренбург он уехал недавно с отарой своей,
Если был бы он дома — ни с чем бы ушел Котибар,
Но сейчас нету в мире несчастья нашего злей.

Опалили мне душу любви огневые лучи, —
Пусть в руках у судьбы человеческого счастья ключи, —
Но пока я жива — Котибару не стану женой,
И судьба лишь со смертью сумеет меня обручить».

Обращаясь к Котибару, Айман говорит:

¹ Жезде — муж (или жених) старшей сестры. В данном случае, Алибек — жезде Шолпан.

«Дома кушали сахар мы, сладкое пили питье,
Жили, не замечая большое богатство свое;
А Шолпан еще девочка, трудно ей будет в пути...
Проводите, жигиты, к родному аулу ее».

И желанье Айман тут услышано было судьбой;
Арыстан — чуток сердцем, батыр и красавец собой;
Он не ждет, пока девушка просьбу свою повторит,
И пятнадцать жигитов Шолпан провожают домой.

Вновь сказала Айман: «Горяча молодежь ваших гор!
Я боюсь, что меж ними возникнет дорогой раздор,
Их пятнадцать всего...Самый сильный других победит,
И Шолпан увезет к себе в дом на беду и позор».

Ум Айман изворотлив и видит вперед далеко;
Арыстаново сердце задела она глубоко;
Не дав девушке дважды желанье свое повторить,
Он к жигитам прибавил пятнадцать седых стариков.

«Ой, не верю я этому, храбрый батыр Арыстан!
Среди старцев беззубых в опасности будет Шолпан,
Коль не силой, так хитростью кто-нибудь из стариков
Овладеет сестрой, ибо сила бессильных — обман...»

У батыра могучего чуткое сердце в груди...
«Эти старцы обманут Шолпан мою, то и гляди, —
Продолжает Айман, — я прошу тебя, о Ареске¹,
Ты Шолпан до аула с жигитами сам проводи».

Арыстан свою свиту в пятнадцать жигитов берет,
Дважды девушке просьбу свою повторить не дает,
И к аулу Мамана, на сторону Красных Песков
Повернув свой отряд, он с Шолпан уезжает вперед.

Вот кочевья Мамана уже показались вдали.
«Скот Мамана, который шектинцы с собой увели,
Возвратим вам, — сказал Арыстан, — не печалься, Шолпан!»
И жигиты назад повернули и скрылись в пыли.

Полоса Кызыл-Кум — далеко позади, не видна.
Слезы гнева роняя, торопит Шолпан скакуна.

¹ Ареске — почтительное от имени Арыстан.

«О, когда же настанет отмщения нашего день?» —
В безысходной печали судьбу вопрошает она.

Уж от слез непрерывных опухли глаза у нее;
Иноходец заржал, узнавая кочевье свое.
На знакомое ржанье к Шолпан выбегает отец
И с седла расписного, целуя, снимает ее.

Так вернулась Шолпан из позорного плена домой,
Где родилась, где с детства резвилась в степи голубой.
То узнав, Алибек боевого седлает коня
И друзьям своим верным велит приготовиться в бой.

Шолпан передает Алибеку наставления Айман, и Алибек, по-
слушавшись, откладывает поход на Котибара.

О, жигиты, акына послушайте вы в этот раз,
Ибо всякий рассказ, кроме этого, есть не рассказ!
Котибар с Арыстаном решили добычи судьбу
И Мамана стада меж собой поделили тотчас.

Тогда Айман, средь полной тишины,
Сказала: «Мне богатства не нужны,
Но раз меня вы сделали своей,
То долю мне вы тоже дать должны, —
Ведь я на вашей стороне была
И разгромить Мамана помогла;
Теперь Маману я не дочь, а враг...»

И Котибару молвил Арыстан:
«Я думаю — ей должен скот быть дан,
Она права». А пленнице сказал:
«Тебя зовут красавица Айман,
Я — Арыстан — батыром был всегда,
Так едем вместе посмотреть стада».

Могуч и честен храбрый Арыстан,
Без страха с ним поехала Айман.
Как туча, скот идет: пятьсот голов
Одних верблюдов потерял Маман.
И девушка себе сто штук берет.

Желание красавицы сполна
Свершил батыр, и счастлива она.
Когда же солнце, наконец, зашло, —

Отряд заснул. Настала тишина.
И Котибар, углей сгребая жар,
Сказал: «Ты стадо получила в дар,
Тебя зовут — красавица Айман,
Меня зовут — могучий Котибар;
Тебе добычи часть была нужна,
А мне нужна красавица-жена».

Котибар с Кара-Тау, храбрый среди храбрых:
От стыда заслонила Айман рукавами лицо!
Люди, вслушайтесь в эти слова: ведь несчастной Айман
Было б легче оспорить решение ста мудрецов.

И она Котибару сказала: «Твоею женой
Стану я, но не раньше, чем справим мы свадебный той.
Так судьба рассудила, зачем же ее торопить? —
Все равно, кроме свадьбы, мне нету дороги иной».

Котибар соглашается. Оставив Айман и награбленный скот
под охраной жигитов, он едет один вперед, чтобы приготовиться
к помолвке. Айман допытывается у жигитов, что Котибар больше
всех в семье любит семилетнего сына Есета. Айман начинает
вышивать для Есета халат и шаровары. При въезде в аул Коти-
бара никто не выходит встречать Айман, так как Тенке, вторая
жена Котибара, из ревности не пустила никого ей навстречу.

Айман обращается к жигитам с гневным вопросом:

«Где ж народ Котибара, знатнейшие баи, родня? —
До сих пор — все соседи с почетом встречали меня!
Обещал он мне юрту поставить, но где же она?
Иль батыры Шекти обещаний своих не хранят?»

Поступает разумно Айман, говоря в этот миг:
«Пусть бы родичи вышли ко мне, если болен жених...
Почему же никто не встречает? Или Котибар
В темной юрте сидит, старых жен испугавшись своих?»

Про аул Котибара меж сотнями слава слышна,
Но Айман повстречала в ауле его — тишина:
Ни один из шектинцев не вышел из юрты своей,
И в аул Арыстана проехала молча она.

Твердо данное слово выдерживает Арыстан.
Всех жигитов своих он выводит навстречу Айман,

«Это место твое», — говорит он и вводит ее
В златоверхую юрту, какой не имел и Маман.

Люди, эти слова мои слышит пусть каждый из вас:
Мудрость нежной Айман вам поможет в несчастьи не раз.
Вот она, перед вечером выйдя из юрты своей,
Видит: куча детей средь аула игрой занялась.

Айман подходит к сыну Котибара Есету и говорит:

«Человека с задатками издали можно узнать;
Пробираясь в аул твой — в пути не пришлось нам устать.
Подойди-ка поближе ко мне, милый мальчик Есет,
Ведь теперь, как Тенке, для тебя я такая же мать!»

Котибар же, вернувшись, на той собирает народ;
Самый лучший и жирный для этого режет он скот.
От рассказа подобного вам невозможно устать,
Пусть же каждое слово до вашего слуха дойдет.

Котибар на лугу собирается той открывать,
Но Айман не желает с собою на праздник он брать,
И она говорит: «Ты на той поспеши, Котеке,
А Есета оставь мне, я здесь уложу его спать».

Как чинара высокая, девушка станом стройна,
Но ее голова всяких замыслов хитрых полна:
Лишь Есет в своей юрте с Айман остается один, —
Шаровары из меха ему надевает она.

Кто бы смог из вас, люди, подобную хитрость раскрыть? —
Драгоценный подарок ребенок успел оценить,
Но подумал: «Задаром таких шаровар не дают».
И спросил: «Апеке¹, сколько нужно за них заплатить?»

«Я подарками, милый Есет, не торгую никак.
Если ты меня любишь, то больше не спрашивай так,
А ступай-ка к отцу да на радость себе попроси
Что-нибудь, только пусть он подарит тебе не пустяк.

Если скажет отец: «Сын, на радость ты просишь себе? —
Уступаю я право шектинцами править — тебе», —
Или скажет: «Я трон свой тебе отдаю», — не бери,
Ты батыром рожден и к любой приготовлен судьбе;

¹ Апеке — почтительная форма от «апа» (мать).

Но скажи: «Власть и трон я сейчас у тебя не возьму, Проживу и без них, — надо славы достичь самому, Обещай мне два месяца только не трогать Айман, Большой радости сердцу не сможешь ты дать моему».

Есет идет к отцу и, выпросив у него это обещание, возвращается к Айман.

И Есет со всех ног к тихой юрте Айман полетел, Чтоб отец не раздумал и слов изменить не успел, «Апеке, мне отец обещание дал подождать Шестьдесят дней до свадьбы... иного я взять не хотел...»

«Молодец ты, Есет! Вырастай, чтоб дрожали враги, Знаменитым батыром, и пусть тебе будут легки Все пути и дороги. На радость тебе я дарю Пояс, вышитый мною из золототканной камки».

Очень рада Айман, — ей большая отсрочка дана, Но и часа Айман с этих пор не проводит одна — Все играет с Есетом: «Скажи мне, какой талисман Помогает отцу?» — хочет испытать тайну она.

«У отца моего талисмана особого нет, — Над вопросом подумав, Айман отвечает Есет, — Есть лишь рыжий скакун, замечательны свойства его, И отца он спасал много раз от несчастий и бед».

Вновь сказала Айман: «Лишь судьба в нашей жизни вольна, Я насильно тебя заставлять отвечать не должна, Но скажи мне, Есет, если рыжий скакун знаменит, То какое же главное свойство того скакуна?»

И ответил Есет: «Он стремителен, как ураган... Но другая особенность в нем для отца дорога. Если к нашим границам подходит невидимый враг, То скакун беспокоится, издали чует врага».

Айман задумала забрать коня батыра в свои руки. Однажды, когда лошади пришли на водопой и Котибар вышел к ним на встречу, Айман, почтительно встретив его со сложенными руками, сказала: — «Я совершила глупость. Я хотела провести в вашем ауле девушкой два месяца, думая, что этим сниму с себя позорную кличку «рабыня». Я заблуждалась и поступила неумно: у меня нет никакого дела и никакого развлечения».

ния. Прошу вас, сделайте так, чтобы я походила на замужнюю женщину». Котибар предложил: «Так сделай меня мужем!» Айман ответила: «Это будет еще через пятьдесят дней. Но пока поручите мне вашего коня и ваше вооружение, батыр, чтобы все знали, что я ваша невеста. Я буду ухаживать за ними, как замужняя женщина». Котибар без всякого опасения передал Айман свое вооружение и рыжего скакуна.

Боевого коня и доспехов тяжелый металл
Сохраняет Айман, помня то, что ей мальчик сказал.
Пролетело два месяца. В шестидесатую ночь,
Чуя близко врага, рыжий конь беспокоиться стал.

Рыжего, как огонь, оседлала Айман скакуна,
Меч взяла, — золотые звенели во тьме стремени,
«О, батыр, конь твой верный поблизости чувствует врага!» —
Прискакав к Котибару, воскликнула громко она.

Котибар, слыша это, с постели вскочил налегке:
«Где оружие?» — но голос Айман прозвучал вдалеке:
«Еду я на разведку, узнать, где находится враг,
И пока не вернусь, до тех пор потерпи, Котеке».

Котибар крикнул: «Айман, ты берешь грех на душу! Я никогда не позволял врагу переходить границы моей родины, — сам выезжал ему навстречу». Айман ответила: «Я даю тебе слово: до вторжения врага в твой аул, я передам тебе коня и вооружение». Затем она ускакала и услышала песню Алибека:

«Как в мороз подо льдом
Замирает волна,
Так душа моя тяжкой
Печалью полна:
Где-то сокол мой белый,
Невеста Айман?
С головой непокрытой
Грустит ли она?»

Иль она не придет
К Алибеку назад? —
Каждый смертный женою
Назвать ее рад...
Вороного бы в жертву
Принес я коня
За улыбку ее,
За один только взгляд.

Или выход какой-нибудь
Найден был ей? —
Почему шестьдесят
Назвала она дней?
Если б встретил Айман,
То принес бы тогда
В жертву лучшего я
Из чубарых коней.

Младший брат у чубарого
Есть скакуна.
Я клянусь, — и душа моя
Клятве верна:
Если б встретил Айман,
То принес бы тогда
В жертву я вороного
Коня-игруна...»

Айман бросается к нему навстречу, но Алибек, приняв ее за воина, ранит ее пикой и спрашивает, кто она такая. Айман говорит:

«Знала я, что недолго живет на земле человек,
Но не знала, что будет так краток мой девичий век!
Убери свою пикку, мне в тело вонзилась она, —
Иль невесту свою перестал узнавать Алибек?»

Алибек отвечает: «Судьба нас свела в этот миг,
Но дурной и хороший сойдутся ли в мыслях своих?
Ты забыла, Айман, золотые слова: «честь» и «стыд»,
А для нас сохранилась великая истина в них.

В пасть матёрого волка попала в несчастный ты час,
Для него ты чиста, но чужда и бесчестна для нас.
В царство смерти туманное, в край, недоступный живым,
Путь, широкий, как степь, ты сама проложила сейчас».

Тогда, возражая, сквозь ветер и тьму
Сказала Айман жениху своему:

«Ты умен, Алибек, и душа у тебя широка,
Восемьсот человек ты привел через море песка,
Чтоб меня отыскать; так узнай же всю правду, батыр:
Для Айман в царство смерти пока что дорожка узка.

Сам суди, если выхода я не смогла отыскать
За два месяца, то — можешь голову саблей мне снять...»
И тогда Алибек руки к ней протянул, и Айман
Поспешила батыру про замысел свой рассказать.

Покамест слов их длился ряд,
Отставший подошел отряд,
И Алибек заговорил,
И смелый загорелся взгляд:
«Знамена вверх! Как ураган,
Сквозь мрак ударим на врага.
Батыров охраняет рок,
Им жизнь в бою недорога!
Шектинцам, сбившимся с пути,
Поможем — правильный найти,
Мы двадцать девушек возьмем,
Чтоб долго помнил род Шекти, —
И нар один их повезет».

Айман сказала: «Погоди,
О, Алибек! — В твоей груди
Бесстрашная душа, и я
Прошу: как хочешь осуди
Потом, но выслушай сейчас
Слова Айман, не горячась:
Аулы Котибара ты,
Пока не будет полдня час,
Не трогай. Здесь другие есть —
Пока на них обрушь ты месть.
Я Котибару поклялась,
И надо помнить клятвы честь.
Прошу, не хмурься, Алибек...»

Алибек отвечает: «Тебе здесь знакомы пути;
Ты в аул Котибара отсюда, как ветер, лети.
Там в смятеньи тебя ожидает батыр Котибар, —
Поскорее коня и оружие ему возврати.»

Ибо крылья батыра — оседланный конь боевой,
А стальное оружие — грозная сила его.
Я с жигитами здесь подожду того часа, пока
На высокие травы не ляжет туман заревой.

Котибару есть выход, батыра достойный вполне:
Здесь его пред жигитами жду я на верном коне.

Если только батыр он, то пусть вооруженье берет
И, коня оседлав, выезжает навстречу ко мне».

Ускакала Айман, и еще не настала заря,
Как батыру оружие вернула она, говоря:
«Там с отрядом в четырнадцать сотен пришел Алибек, —
Чуя силу врага, беспокоился конь твой не зря».

Так сказав Котибару, ложится с ребенком она.
Проследите, о люди, как девушка эта умна:
Тяжесть распри неся на себе, не мешает Айман
Котибару решать, что удобнее — мир иль война.

Ранним утром шектинцев в бою разгромил Алибек,
Мсть таминцев отныне запомнят шектинцы навек,
Скот угнав, во дворе Котибара остался батыр,
И почетная свита с ним из десяти человек.

То увидя, Айман выбегает из юрты своей,
Как хозяйка богатства враждующих двух батырей.
«Вы сражались друг с другом, — батырам она говорит, —
Вас обоих теперь я хочу помирить поскорей».

И решили тогда помириться с батыром батыр,
Каждый хочет из них, чтобы был справедлив этот мир.
Каждому его скот возвращает Айман целиком,
Арыстана ж она приглашает на свадебный пир.

Так Айман рассудила; за то и воспета певцом,
Что умом она так же прекрасна была, как лицом.
Алибек стал ей мужем, и, ссору свою позабыв,
Был на свадьбе ее Котибар посаженным отцом.

Замуж за Алибека Айман отдавал Котибар,
И в приданое ей подарил он немало отар,
Сотни сотен ковров золотистых, халатов и шуб
Вез к аулу Айман от него пятьдесят один нар.

А за то, что за слабых вступался везде Арыстан,
Свою дочку Шолпан отдал в жены ему бай Маман.
Так жестокою распрю могучих и славных родов
Благородным умом своим в мир превратила Айман.



СМЕРТЬ ДРЕВНЕГО ВОИНА

Тележный скрип уже далек и глух,
Тревожно кони ржут в ночную мглу.
А мать, жена и малолетний сын,
Прильнув лицом к скрипучему седлу,
Вцепились в платье воина: они
Остаться в стане не хотят одни.

Над станом, опускаясь до земли,
Все небо злые тучи облегли.
А воина ушедшего жена
В платке, едва белеющем в пыли,
Вдруг замерла у ткацкого станка,
Услышав крик ворон издадека.

Пылал закат — просторен и широк.
Жена батыра убрала станок.
«Убит твой муж», сказала сердце ей.
И, застонав, бледнее, чем платок,
Она упала ниц. И день погас
От слез, как ливень хлынувших из глаз.



ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ



ЖАР! ЖАР!

«Друг! друг!» — поется во время свадебного пира на состязании певцов перед отправлением молодых в дом жениха. Жигит и девушка обмениваются песнями, в которых сравнивают родных невесты с ее будущими свойственниками и выражают горе невесты и утешения друзей.

Ж и г и т.

С базара вернулись со всяким добром,	Жар! жар!
Бархат в невестин приносят дом,	Жар! жар!
Голову сжал, что тисками, убор,	Жар! жар!
Высок сауклѐ, оторочен бобром.	Жар! жар!
Отца не оплакивай ты без конца,	Жар! жар!
Свекор невестке заменит отца!	Жар! жар!

Д е в у ш к а.

Пруд перед домом, как зеркало, чист,	Жар! жар!
Вижу я в зеркале бледность лица,	Жар! жар!
Ярко блистает под солнцем вода,	Жар! жар!

Девичья вольность ушла без следа.

Как же мне горькой слезы не пролить,

Отца не заменит никто никогда!

Жар! жар!

Жар! жар!

Жар! жар!

(Так же продолжается перечисление остальных родственников.)

Д е в у ш к а.

Узор на кошму ложится, как стих.

Режут на свадьбу кобыл яловых.

Но мать умолю я отца упросить

Оставить хоть на год меня у своих!

Жар! жар!

Жар! жар!

Жар! жар!

Жар! жар!

Ж и г и т.

Красна молодежь огнем молодым,

Ты красною птичкой уходишь к чужим,

Уже на отца не надейся теперь,

Тебя увезет тот, кто платит калым.

Жар! жар!

Жар! жар!

Жар! жар!

Жар! жар!

Д е в у ш к а.

Тесьмы украшают кибитку мою,

Вам, снохи, на память их все отдаю.

Нам, милый отец, разлучаться пора,

Но здесь оставляю я душу свою.

Жар! жар!

Жар! жар!

Жар! жар!

Жар! жар!

Ж и г и т.

Поедешь со мной на коне вороном,

Ты гриву расчешешь ему гребешком.

Жар! жар!

Жар! жар!

Не плачь же, горючие слезы уйми,
Мать провожать нас поедет верхом!

Жар! жар!
Жар! жар!

Д е в у ш к а.

Пушиста тесьма на кибитке моей,
Нам свидеться, мать, через год, не скорей,
От светлой верблюдицы ты для меня
Храни верблюжонка, что солнца светлей.
Как лужицы, слезы блистают огнем,
Меня ты вскормила своим молоком,
Как отплачу за твое молоко?
Чужому теперь становлюсь я дружком!

Жар! жар!
Жар! жар!
Жар! жар!
Жар! жар!
Жар! жар!
Жар! жар!
Жар! жар!
Жар! жар!

Ж и г и т.

От нас ты бежишь, словно заяц-беляк,
Ты белым росла верблюжонком в степях.
Зачем тебе слезы горючие лить?
Бывать у нас будет твой братец в гостях.

Жар! жар!
Жар! жар!
Жар! жар!
Жар! жар!

Д е в у ш к а.

Отец, ты гнедого жалел жеребца.
Хоть девушка я, но твое ведь дитя!
Меня ж, не жалея, семьи ты лишил,
И места не стало мне в юрте отца!

Жар! жар!
Жар! жар!
Жар! жар!
Жар! жар!



КЫЗ-ТАНЫСУ

(Песня девушки, выдаваемой замуж)

Гусь по речке плывет за текучей водой,
Дом родимый покинуть пришлось молодой.
Капнешь на воду кровь — кровь сейчас утечет,
Выйдешь замуж — далеко увозит чужой.

В кошмах белой кибитки росла я цветком,
Умывалась я белых кобыл молоком,
Да напрасно растила родная меня, —
За немилого, бедной, итти мне силком.

Будто в грудь ты мне выстрелил, милый отец!
За табун меня продал ты, милый отец!
В юрте стало просторнее, милый отец!
В ней местечка мне нет уже, милый отец!



БЕТ-АШАР

(Свадебная песня)

Ты на белом коне летишь, спеша,
Иноходцу рада твоя душа.
Если первой ты девочку родишь,
В ярких бусах будет она хороша.

Пред кибиткою тополь стоит, высок,
Сядешь с радостью ты за ткацкий станок.
Если в первый год ты сына родишь —
Для тебя будет счастьем твой сынок.

Ты на рыжем едешь лихом коне,
Хорошо говоришь о своем скакуне,
Но лишь сына баюкая на груди,
Ты счастливою женщиной станешь вполне.

Белой масти верблюдка бродит в степи,
Верблюжонок весь белый лежит на цепи,
Верблюжонком, в девицах, всех бегала ты,
В юрте белой теперь с мужем ласковым спи.

Ты в дверях белорыбцей встала сейчас,
Белорыбицу мы бережем пуще глаз,
Коли даришь платок — то дари парчевой,
И я добрый пуцу о невесте рассказ.

Ты в дверях белорыбцей встала сейчас,
Белорыбицу мы бережем пуще глаз.
Если бязевый мне ты подаришь платок,
То дурной о невесте пуцу я рассказ.



АЙТ-КЕЛИН

(Встреча невестки)

Ты легко, невестушка, речь веدي,
Ты коня, невестушка, осадил,
Как сорока, невестушка, ходи.
Как яичко, беленькая сиди.

Ты еще, невестушка, жеребчик тот,
Что брыкается и матку свою сосет.
Твой передний верблюд спешит вперед.
А твой задний верблюд едва идет.

Ты спешащего верблюда совсем не бей,
В голову, невестушка, его не бей,
Отстающего верблюда тоже не бей,
По ленивому заду его не бей.

Ты при ранних, невестушка, вставай лучах,
Не торчи, невестушка, у всех на глазах.
Коль к кибитке скот подойдет впотьмах,
Палки не ломай на его боках.

Ты за куртом не лазай тайком в мешок,
Не клади ничего на язычок,
Не валяйся в постели долгий срок,
Мужу не тверди: «Вставай, муженек!»

Языком, невестушка, не болтай,
Даром сплетен, невестушка, не пускай,
Стариков, невестушка, уважай
И дорогу, невестушка, им давай.

Не ходи в сафьяновых сапожках
Легкой поступью в траве и цветах,
По аулу пыльный вздымая прах,
Не скрипи ты в кожаных сапогах.

Все невестушку посмотрите,
За смотрины ее заплатите,
То да се уж не говорите,
А скотину ей подарите.

Если конь — то дайте ей
Иноходца серых мастей.

Свекру привет!

Коль верблюды — пусть будет на вид
Белошерст он и плодовит.

Свекрови привет!

Коль корова — пусть будет черна,
И гладка, и здорова она.

Старшему деверю привет!

Коль баран — пусть будет курчав,
Плодовит, не зол, не лукав.

Золовке привет!

Коль коза — с желтизною в шерсти,
Чтоб горластей ее не найти.

Младшему деверю привет!

Из рогов — для ножа черенок,
А из шкуры — штаны на долгий срок.

Живот у ней полон козлят
И много у ней молока доят.

Белых баранов пастуху,
Легконогих коней жожаку,
Самому старому старику, —
Дедушке привет!



НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

*Хорошая жена может вывести в люди
плохого мужа, но хороший муж не смо-
жет вывести в люди плохую жену.
Без жены и двух голов скота не на-
живешь.*

*Первое богатство — здоровье, второе бо-
гатство — жена, третье богатство —
десять овец.*

*Красива не красавица, красива любимая.
Многодетный дом весел, как базар, без-
детный дом — могила.*

*Раз женился — запасайся дровами да
прибереги еще вязанку про черный день.*



ЕСТИРТУ

(Извещение о смерти)

Сын Жошы-хана был убит на охоте ударом копыт дикого кулана. Сопровождавшие боялись сообщить хану об этом несчастье. Но хан, ожидая в течение нескольких дней возвращения сына с охоты, сам догадывался о его смерти. Поэтому он приказал: «Скажите мне, что случилось с сыном? Но знайте, того, кто сообщит мне, что он умер, я убью, залив ему глотку свинцом».

Тогда сопровождавшие, посоветовавшись, решили передать эту печальную весть не словами, а звуками кобызы. Старый кюйши заиграл на кобызе песнь под названием «Аксан кулан, Жошы-хан!» и звуками кюйя дал хану почувствовать смерть его сына. Хан, вполне поняв речь музыки, сказал, что обещание свое он выполнит, и приказал наказать кобыз, залив переднюю его часть расплавленным свинцом.

Поэтому-то, говорят, верхняя, сожженная свинцом часть кобызы и остается всегда открытой.

Акыны переложили впоследствии этот кюй в следующие слова.

1. СООБЩЕНИЕ ЖОШЫ-ХАНУ О СМЕРТИ ЕГО СЫНА

Звенит кобыз. Послушай, Жошы-хан,
О чем поет он, горем обуян.

Из дальних, солнцем выжженных степей
Хромой и хитрый убегал кулан.
Через холмы, топча сухой бурьян,
В простор безбрежный убегал кулан:
Охотник-мальчик испугал его,
Тебе знакомый мальчик, Жошы-хан.
А за хромым, не рассыпаясь врозь,
Вослед куланов племя понеслось,

Которое до этого всегда
В долине мгlistой табуном паслось.
Тогда тулпар-двухлетка сгоряча
В табун куланов мальчика примчал...
Что ж делать? — В жизни волен лишь алла,
И смерть всегда за нами — у плеча...
Хитрейшим был из табуна всего
Хромой кулан. Когда нагнал его
Играющий тулпар, то злой кулан
Загрыз до смерти сына твоего!
И, мертвого топча (ведь им не жаль!),
Куланов племя ускакало вдаль.

Народ об этом говорить не мог
И в звуках песни выразил печаль.

Кобыз тебе рассказывает, хан,
Что сын твой спит в пустыне, бездыхан,
И нас ты не вини, ведь мы молчим...

Убитого околдовал кулан,
Тот самый — хитрый и хромой кулан,
Что улетел в простор, как ураган...
Владыка наш, тебе поет кобыз,
Поверь напеву горя, Жошы-хан!

2. СООБЩЕНИЯ О СМЕРТИ БЛИЖНЕГО

Лебедь уплыл, отражаясь в озерной красе.
Взвившийся сокол на скалах заоблачных сел.
Сын твой — не заблудился. Он скрылся в те страны,
куда
В некое время уйдут неминуемо все.

* * *

Ловить неуловимое — забудь.
Не плачь о том, кого нельзя вернуть.

* * *

Сокол в небо взлетел из гнезда своего.
И руками теперь не достанешь его.

* * *

Нет подковы, чтоб сбита она не была,
И с целым крылом — не бывает орла.

* * *

Кузнец изделий вечных не скует,
Бессмертного сам бог не создает.

* * *

С копытами целыми — нет в этом мире коня.
Нет древа такого, чтоб, каждый листок сохраняя,
Шумело под солнцем. Нет сокола с целым крылом.
Нет в мире людей, у которых жива вся родня.

Если драки не будет, то крови не будет вовек.
От сосновых семян не взойдет тростниковый побег.
Убеленных годами, мудрейших спроси стариков, —
Разве это возможно, чтоб не умирал человек?

Разве есть где-нибудь человек, не клянуший судьбу,
Без печали на сердце или без морщины на лбу?
Неминуема смерть, это общий удел всех людей:
Как и сын ваш, они успокоятся тоже в гробу.

Если смерть не настанет — душа не уйдет на покой,
Если скот не растратишь — то весь он останется твой,
Не обидишь другого — душа твоя будет цела,
Сколько б грозных годин ни прошло над твоей головой.

Так тебе говорю я, и это же скажет любой,
Пораскинь же умом, Человек, над своею судьбой.



БАКСЫ-ЖИРЫ

(Песня шамана)

Духи предков, духи отцов,
Ко мне летите на зов!
Древний прашур, явись ко мне,
Укажи мне дорогу вновь.
Ты, водивший святых на земле,
Ты, источник пламенных слов,
Пособи ты мне, Акшорá,
Воскресивший семь мертвецов!

Прародитель джинов, ко мне,
Призываю, слети, Ергоян!
Ты летаешь в кавказских горах,
Ты паришь среди горных стран,
Гонишь с севера ты чертей,
Вяжешь бесов, могуч и рьян.
Бес, теперь назад не гляди,
А оглянешься — ждет аркан!
Налетит покровитель мой,
Словно горный поток, ураган.
В броневой безрукавке он,
Гневом пламенным обуян;
Он стремительнее орла,
Лоб нахмурен и гибок стан;
Вьются по ветру чубы его,
Словно темные тучи в буран!
Мой Орак¹, мой дракон огневой
С окровавленной булавой!
Ты откуда, Орак, прискакал?
Прискачи не как воин на бой,
Пособи мне хворь распознать,
Исцелится ли мой больной?
Как вдохнуть в него жизнь, скажи?

¹ Орак — полководец, потомок батыра Едиге.

Приколоть ли скот молодой?
Или тело простится с душой?
Осмотришь, оглянись кругом,
Прорицай и правду открой!

Ты, считающий звезды в ночи,
Стерегущий восход и закат,
Ты, мой белобородый пророк!
На тебе парчевый халат,
Гордо ходят твои сыновья,
Твои дочери гордо глядят.
Ты, мой беловолосый, как лунь,
Предок с белой, как лунь, бородой,
Ясновидящ твой зоркий взгляд!
Джинов в белых палатках — гони
Их сюда, числом шестьдесят.
Не верхом, а пеший явись,
Не в грозе, а в мире явись,
Приходи, мой лекарь, вещай,
Чтобы вышло лечение впопад.
Мой скуластый предок-мудрец,
Ясновидец скуластый и жрец,
Прорицай мне всю правду подряд, —
А не будешь ты прорицать,
Не пойдет мое дело на лад!

Темнобурые птицы две
С яркой сеткою на голове,
С бечевой тугой на ногах, —
Ко мне летите, ко мне!
Широка ваша грудь и пестра,
Крепче вашего нет пера, —
Мои милые птицы, ко мне!

Витязь — семьдесят восемь страстей,
Девяносто один амулет,
Бахрома на левом плече,
Хвост совиный у правого вдет!
Ты скакал на рыжем коне,
За врагом носился вослед,
Ты копье скрещал с ним в бою,
Одержал ты много побед,
И, завидев твой красный колпак,
Озирался в ужасе враг.
Прискачи — и дай мне совет!

Два гнедые мои коня,
Конь чубарый, жарче огня,
Конь с отметиной белой на лбу,
Конь каурый, в тисках ремня!
Вы, ретивые кони мои,
Густогривые кони мои,
Поспешите, неситесь вскачь,
Выручайте, кони, меня!

Головою ты грозно трясешь,
Лохмы шерсти на ляжках твоих,
Страшен скрежет зубов коренных.
Подойди, мой старый буря,
Лучший друг из друзей моих!

Много пэри в небе парит,
Пэри серая всех затмит.
Ты, посланница-дева, вещай,
Пусть твой голос правду гласит!
Славен голос твой, знаменит,
В серых перьях ноги твои,
В пух укутаны руки твои,
Зуб за зубом во рту блестит,
Гибок стан твой, как легкий тростник,
Прорицай, опора и щит!

Развернись, подползи ко мне
По решетке кибитки, змей!
Ты, медянка, ползи ко мне,
Под кибиткой шипеть не смей.
Ездишь ты на шести змеях,
Гад, длиною в шесть сажений.
Две змеи у тебя — два кнута,
Ты любого духа сильнее, —
Так согни же болезнь в дугу,
Вкруг нее свои кольца обвей!

Ты, что кормишься райской травой
И не ешь никакой другой,
Ты, баран с рогами дугой,
Ты, мой серый баран племенной!
Рог один ты в землю упер,
А другим ты небо подпер,
Подойди, мой зверь дорогой,
Прорицай и правду открой!



ПЕСНИ О СКОТЕ

ВЕРБЛЮД

Важно, важно он ставит ноги,
На шерсти оседает пыль дороги,
И горбы подпирает жир отлогий.
Лебеда степная, колючие травы
Не тревожат язык его шершавый,
И несет мурундук¹ он величаво.
Скажешь: «Шок!»² — он тебе ответит: «Уч!»
На колени поставь, кибитку навьючь!

КОЗА

Коза баранов ведет,
Козе от баранов почет,
Коза — моя любимица.

Зарежешь — ляжки худы.
Подойишь — звоном воды
Молоко в кувшин заструится.
Коза — водитель стад,
Рога закладывает назад.
Когда подбежит козленок, —
Рогами чешет его.

Для гостя, для одного —
Достаточное угощенье;
И двое приедут — она,
Хоть и не так жирна, —
Достаточное угощенье;

¹ *Мурундук* — палочка, продетая в ноздри верблюда.

² «*Шок*» — обращение к верблюду, когда его принуждают опуститься на колени.

Приедет девять гостей —
Съедят ее до костей,
Ребенку нечего дать,
Заснувшему до угощенья.

Со скалы на скалу, стройна.
Забавляясь, скачет она,
Капризничает и резвится.
А дождик пойдет иль снег,
Хозяин кричит ей: «Шек!»¹
Она же и в ус не дует.

КОРОВУШКА

Кто, скажи мне, тебя поймет,
Моя черная коровушка?

Ковыль тебе в пользу идет,
Моя черная коровушка.

Там, где густо растет камыш,
Бродишь ты, моя коровушка.

Из кормушки коня норовишь
Клок сена украсть, моя коровушка.

Сядешь, чтоб ехать на пир, —
Иноходью ты бежишь, коровушка.

А когда тревожит тебя окыр²,
Во все лопатки летишь, коровушка.

Ночь придет — от страха дрожишь
И к жилью ты жмешься, коровушка!

Сайгельды³ для тебя — хоть плачь,
От окыра всегда несешься вскачь.

¹ «Шек» — окрик на козу, когда ее хотят вернуть или заставить перестать шалить.

² Окыр — личинки, поселяющиеся под кожей коровы.

³ Сайгельды — насекомое, беспокоящее корову, откладывающее весной личинки под ее кожей.

Поводок, пока не износится,
Продет в твоей переносице.

На хвосте твоём кисть пышна,
Бродишь там, где трава жирна.

Норовишь нащипать её всласть,
Меж кибиток любишь лепешки класть.

ЛОШАДЬ

Кони — сивы, чубары и пегі,
По ветру хвост ложится в беге.
Как хозяин, жеребец спокойный
Косяки кобыл охраняет.
Все кобылы с пухлыми сосками,
Круглый день кобылы удоины,
Никогда не иссякает молоко,
Через край подойника бежит легко.

На земле натягивая веревку,
Жеребят привязывай со сноровкой.
При перекочевке дети
С гиком полетят за табунами,
Чтоб паслись они над ковылями.

Убегающего конь настигает,
А бегущий за конем — не догоняет.

КАК ЦЕЛУЮТ ЖИВОТНЫЕ СВОИХ ДЕТЕЙ

Баран барашку твердит: «Мой тихонький!»
Целуя, шепчет ему: «Мой смирененький!»

Корова так говорит: «Теленочек!
Боишься ночи ты, несмышленочек!»

Верблюду целует дитя: «Верблюжонок мой,
Какой красивою ты покрыт кошмой!»

Коза козленку твердит: «Дорогой сынок,
Люблю я твой бойкий по скалам скок!»

Лошадь целует: «Жеребчик мой,
Всех превзошел ты быстротой!»

Свинья целует: «О, хрюшка моя,
В земле ты копаешься у ручья!»

Волчица целует: «Мой тощенький,
Барашка на ужин себе тащи!»

Собака целует: «Щеночек мой,
Мать рассмеши, полай, повой!»

Кошка целует: «Мой слепенький,
Мышку поймаю тебе, мой серенький!»

Ворона целует: «Мой беленький!»
Еж гладит дитя: «Мой мягонький!»

ЧТО ДУМАЕТ ВОЛК, ПОСМАТРИВАЯ НА СТАДО

Малютка-пастушок, пошел бы ты
От стада поиграть подальше за кусты!
А вы, четыре пастуха, в сторонке
Сошлись бы лучше поболтать!
Ну что за прибыль вам в одном ягненке?
Не лучше ль мне его отдать?..

Три пастуха, нет гибели на вас!
Хоть бы подпасок задремал сейчас...

Два пастуха, сойдитеесь поболтать!
Должны же вы ягненка мне отдать...

Но хуже всех — на лошади пастух:
Я от него спасаюсь во весь дух.
Зато почти недвижим он, когда,
Верблюда оседлав, пасет стада.

А лучше всех — подпасок на быке:
Он — все равно, что мертвый. Вдалеке
Успею мирно скушать я ягненка,
А он, пока вокруг объедет стадо, —
Увидит только кости на лужке.

ЖЕЛАНИЕ ДЕТЕЙ

Моя овечка, ты роди мне восьмерых ягнят,
А если можешь, то роди девятерых подряд,
Чтобы колечками вилась их шерстка на груди.

Кобыла, жеребенка мне, пожалуйста, роди,
А если можешь, то роди двух стригунов подряд.

Ты, темнобурая коза, роди скорей козлят,
В четыре месяца, коза, роди мне четверых,
Чтоб темнобурым каждый был, чтоб шерсть вилась у них,
И чтоб не падали они, и чтоб из них любой
Большое стадо быстрых коз водил бы за собой,
Чтоб были все они — козлы и шли бы впереди.

Моя буренушка, телят мне шестерых роди,
Чтобы под шеей кожа их болталась на ходу,
Чтоб стали крупными они, когда в стада пойдут,
Чтобы прямые ноги их шататься не могли,
Чтоб не прогнулись спины их до самой до земли,
Хотя б на них сел такой человек, как мой дедушка!



НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

*Конь — крыло мужчины.
Земля — мать, скот — ее сын.
Не лошадь скачет, а уход за ней скачет.
У сытого коня восемь ног.
Где тучна земля, там тучен и скот.
Крепкой палкой скота не гоняй, жест-
кой бечевой скота не привязывай.
Если золотое седло трет спину коня,
сними его и сожги.*

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ



СОРОК НЕБЫЛИЦ

Было то или нет — суди сам.

Давным-давно, в давно прошедшие времена, один хан народом повелевал, народ от того хана беды претерпевал. Хан делал, что хотел, народ молча все терпел. Когда хану скучно становилось, народ его игрушкой становился. Вот какой был хан: опасный, как лезвие бритвы в руках сумасшедшего цирюльника.

Играет кровь у бездельника-хана. От выпитого вина потеряв разум, объявил хан своему народу:

— Если — кто бы он ни был — кто-нибудь без задержки расскажет мне сорок небылиц, такого человека с головы до пят я осыплю золотом. Я одарю его богатством, достаточным на всю его жизнь. Если такому человеку будет угодно, я выдам за него свою дочь, посажу рядом с собою, сделаю своим визирем... Но если — кто бы он ни был — в рассказе его окажется хоть одно слово правды, — такого рассказчика я тут же повешу!

Объявление хана дошло до ушей всех. «Без надежды — один сатана», говорит пословица: у многих зачесались языки, многим захотелось ханской награды.

Голодные бедняки, безлошадники, те, кого нужда связала по рукам и ногам, захотев сразу разбогатеть, подумали: «Что тут трудного? Слепой курице — все зерно. Тот, кто уже разделся, не побоится нырнуть». Рассуждая так, они являлись перед ханом, и немало невинных людей было повешено.

Другие же, в особенности приезжие, представ перед грозным ханом с готовой сказкой на устах, увидев повешенных, от испуга не могли ничего сказать, лишились рассудка и, таким образом, тоже напрасно погибли.

Ханский сарай весь был завален повешенными и заставлен виселицами, когда перед ханом предстал один мальчишка-сирота,

задавленный нищетою, захудалый, вшивый, ни разу в жизни досыта не наедавшийся, весь в лохмотьях, с посиневшими губами, с израненными ступнями и растрескавшимися ладонями.

— Душа моя, — сказали мальчику люди, сидевшие у порога ханского сарая. — Ты совсем юн, как бесперый гусенок; здесь побывали люди гораздо старше тебя — и то погибли напрасно. Неужели с юных лет ты не находишь места в жизни? Ко всему надо спешить, кроме смерти, — говорит пословица. Послушайся нас, вернись на свои следы!

Мальчик, не слушая их, вошел в ханский дворец и приветствовал хана, согнув колени. Хан спросил:

— Ну, что хочешь сказать?

— Таксыр, я пришел рассказать вам сорок небылиц, — ответил мальчик.

Хан, насмехаясь над мальчиком, молвил:

— Как сможешь ты справиться с задачей, с которой и взрослые не справились?

— Не тот знает, кто много жил, а тот знает, кто много видел, говорит пословица, — ответил мальчик.

— На заре жизни ты напрасно погибнешь, — сказал хан.

— Таксыр! Моя жизнь не краше, чем у тех, кого ты повесил. Но уж если падать, говорит пословица, так падать с хорошего верблюда!

— Если так, рассказывай, — разрешил хан.

— Таксыр! — начал сирота. — То, о чем хочу я тебе рассказать, было еще тогда, когда небо было не больше потника, а земля не крупнее седла, и меня еще тогда не было во все на свете. В то время я был еще в семени отца, в утробе матери и кормился тем, что пас лошадей своего внука. За пятнадцать лет я заработал себе на калым, поскорей родился, сосватал себе невесту и женился. Самый младший из пятерых моих детей как раз вчера достиг двадцати пяти лет, сейчас он на десять лет старше меня самого...

Однажды в знойный летний день я погнал лошадей моего внука на водопой к разлившемуся по всей степи колодцу. О, таксыр! Вы сами поймете, какой жаркий был день: вода в колодце замерзла, лед был толщиной в рост человека. Не слезая с коня, я стал рубить его топором, чтобы добраться до воды, да не вышло, только топор выщербился. Тогда я засунул топор за воротник, вынул из кармана лом, чтобы пробить лед, — да не вышло, только лом согнулся. Не зная, что делать, я стал теряться, но тут меня осенила счастливая мысль: я схватил себя за глотку, оторвал голову от туловища и один раз слегка ударил по льду своим виском. Ой, таксыр мой, тут ни одного словечка лжи: лед тотчас разломался, и столько воды вытекло,

что я спокойно напоил своих лошадей, поставив их в один ряд. К счастью, колодезная вода оказалась соленой, и лошади напились так, что животы их раздулись, и потом охотно стали пастись на льду, где росли густой ковыль и высокая полынь.

Я прикрыл глаза, чтобы заснуть, и тогда увидел, что среди лошадей не оказалось семисаженного рыжего жеребенка, рожденного от пестрой двухвершковой кобылы. Что же, думаю, конокрад украл или волк съел? Стал озираться по сторонам — нигде не видать. Тогда я воткнул свой курук в лед, забрался на него и стал глядеть вокруг. Нет, не видать! Думая, что курук оказался слишком низким, я воткнул в его петлю нож, залез на нож: опять ничего не видно. Тогда я надел на нож ножны, забрался по ним еще выше, — нигде не видать моего жеребенка! Воткнул я в конец ножен веревочную камчу, снова забрался на самую макушку. Чтоб ему пусто было, не видать нигде жеребенка! Что же, думаю, теперь делать? Тут меня еще раз осенила счастливая мысль: у меня была с собой иголка, которую я всегда носил под языком, о ней-то я и вспомнил. Радуюсь, я воткнул ее в рукоять камчи, снова забрался на самую ее верхушку, но опять ничего не увидел. Тогда в отчаянии я вынул глаза, поднял их в руках над головой, осмотрел ими всю степь — ничего нет! Не зная, что предпринять, я обратился за советом к своему куруку. Курук, чтоб ему пусто было, начал поносить меня. Что же, как бы ты думал, сказал он мне, ругаясь во-всю? «Если ты не дохлая собака, то вместо того, чтобы глазеть на землю, закрой бы ты глаза крепче и взглянул бы на небо», — вот что сказал мне мой курук. Я возразил ему: «Ой, ой, разве ты не видишь, что все небо покрыто тучами?» Он еще пуще озлился и закричал: «Эх ты, дурень, разве у тебя нет рук? Отодвинь часть туч в одну сторону, часть в другую!» Подумал я над его словами и понял, что курук мой правду говорит. Я бросил вниз ненужные мне теперь глаза, протянул руку и раздвинул тучи, потом зажмурился и взглянул на небо. О чудо, что же нужно больше? Я увидел своего рыжего жеребенка: взобравшись на веточку высокого дерева и там же ожеребившись, он стоял себе преспокойно у самой Полярной звезды, кормя молоком сына, который находился у Венеры, у склона горы Кап. Я так обрадовался, будто жена родила мне сына, и, не мешкая, тут же бросился в море, отделявшее меня от моего жеребца, сделав лодку из своего курука, а из ножа — весло. Не тут-то было, почему-то я стал тонуть. Тогда я сделал из ножа лодку, а из курука — весло и таким образом в одно мгновение пронесся через море.

Добравшись до жеребца и рожденного им жеребчика и боясь, что они опять убегут, я привязал жеребца к хвосту жеребен-

ка, а жеребенка к хвосту жеребца, переплыл море и пустил их пастись на лед. Тут я увидел на льду, что под невыросшим еще старым раскидистым тростником лежал неродившийся жирный заяц. Я тотчас схватил свой лук и пустил в зайца стрелу, но она отскочила от его меха. Тогда я сбегал за стрелой, принес ее обратно, перевернул тупым концом и вновь ее пустил. Стрела прошла теперь зайца насквозь.

Проголодавшись, я привязал свою лошадь к торчавшему из льда столбику и начал собирать кизяк в полы халата, чтобы поджарить зайца. Вдруг гляжу: лошадь моя, закрыв от испуга глаза хвостом, бьется на привязи, как бешеная. Свалив в кучу собранный кизяк, я побежал было к лошади, но кизяк вдруг сделал — фрр... — и разлетелся в разные стороны: оказывается, я насобирав на льду перепелок, приняв их за кизяк!.. Осмотрев лошадь, я понял, что по ошибке привязал лошадь к шее белого лебедя, и она, испугавшись взмаха крыльев, бесилась и брыкалась. Я вытащил свою иголку и, не имея под рукой молотка, вбил иголку в лед своей головой, привязал коня к иголке и получил, наконец, возможность отдохнуть. Собрался было прирезать пойманного зайца, но в ножнах не оказалось ножа. Эх, думаю, где же он запропал? Думал, думал, — три дня и три ночи думал, наконец вспомнил: ведь я же сам воткнул его в конец курука, он там и остался! Леню мне было съездить за ним, и я вытащил один из передних зубов и стал им резать зайца. Я всегда славился как хороший резчик, и, применив все свое искусство, я закончил резку зайца за каких-нибудь пять дней. Высушил мясо, засолил его песком, а одну ляжку зайца положил в котел, чтобы натопить себе сала. Но сало все время вытекало из котла. Тогда я выкинул цельный котел, взял дырявый — и что же получилось, таксыр? Когда-нибудь вы видели такую штуку? Ни одной капли сала не протекло, и набралось его столько, что я наполнил им кишки верблюда, кишки вола и кишки самого зайца и еще осталось пудов шесть.

Видя, что сала мне не хватит и на завтрак, я подумал: «Лучше я смажу им свои сапоги, все-таки польза». Но сала едва хватило на пятки одного сапога, голенище его осталось несмазанным. Другой сапог тоже, конечно, остался без смазки.

«Храбрец своим трудом должен хоть раз насытиться», говорит пословица. Я взял в руки кусок мяса и, дождавшись, когда он поджарился на солнце, потянул его ко рту. Вот так штука! Моего рта не оказалось почему-то на месте! От испуга сердце у меня похолодело: ой-бой, где же мой рот? Я стал водить рукой по лицу, отыскивая его. Что же оказалось? Недоставало не только рта: всей головы не оказалось на моей шее. Ой, таксыр! До сих пор я трясусь, вспоминая свой тогдашний испуг.

«Эх, эх, как же я буду жить без головы?» — задумался я, схватившись за затылок. В это время кто-то дотронулся до моего плеча: «Маке! Не знаете ли вы, чья это голова?» Всмотревшись, я увидел, что голова моя и что тот, кто принес мне ее, был мой собственный сын, тот самый, который родился ровно двадцать шесть лет спустя. «Светик мой, где ты ее нашел?» спросил я. Мой сын ответил: «Она лежала там, где ты разбивал лед, я сразу узнал, что она твоя, потому и принес сюда». Ой, так-сыр! До сих пор я смеюсь, вспоминая свою тогдашнюю радость.

Голова моя оказалась сильно утомленной от долгой бессонницы, и, пристроив ее на место, я улегся, постлав себе постель из льда и покрывшись снегом. Согревшись, я заснул, как убитый. Около середины ночи я проснулся от сильного шума и возни. Испугавшись, я стал озираться — и что же оказалось? Оба мои сапога дрались, все в крови. «Эй, батыры, что с вами?» — спросил я. Оставшийся без смазки сапог слезливо ответил: «Этот жадюга выпил все сало, а я и не попробовал его!» А второй возражает: «Разве ты достоин сала, ничтожный?» Я рассердился, щелкнул пальцами по лбу того и другого и, расставив их в разные стороны, опять улегся спать.

Проснувшись утром, я увидел, что оставшийся без смазки сапог, разобиженный, удрал ночью, чтоб ему ослепнуть. «Эх, ты, стервец!» — крикнул я и, всунув обе ноги в оставшийся сапог, пустился в погоню по следу убежавшего сапога. Месяц иду, другой иду... От усталости конь околел подо мною. Год иду, другой иду... От тоски по убежавшему сапогу умерла оставшаяся дома жена.

В один из дней я добрел до садовника, который сидел, вырастив дыню на затылке вола, и варил эту дыню. Когда она сварилась, он протянул мне ее и сказал: «Светик мой, у тебя есть нож, разрежь ее и кушай на здоровье!» Я вытащил свой нож и вонзил его в дыню. Но лезвие выпало из рукоятки и провалилось внутрь дыни. Эх, думаю, правду говорят, что кому не повезет, того собака укусит, пусть он заберется хоть на верблюда! Вот все время мне не везло; нож этот с малых лет всегда и везде был со мною, как же я могу оставить его внутри дыни? Раздевшись, я нырнул внутрь дыни и начал разыскивать свой нож; искал в горах, искал в песках, искал в долине, выбился совсем из сил. Наконец, я повстречал такого же неудачника, как и я, который бродил, отыскивая свою потерю. Я стал было расспрашивать его, не видал ли он моего ножа, описав ему подробно его масть, вид, тавро, походку и кличку. Чтoб ему пусто было! Он ни с того ни с сего взял да плюнул мне в лицо. «Что с тобой, взбесился ты, что ли?» — напустился я на него. Но он тоже оказался горячим и грозно мне крикнул: «Я в течение

нескольких месяцев, загнав несколько коней, ищу в этой дыне целый табун моих пропавших лошадей. Ты же ищешь какой-то четырехвершковый, ничего не стоящий нож, да еще расспрашиваешь!» Я был сильно разгневан его словами и вступил с ним в жестокую драку. Оба мы оказались в крови, ни одного волоска не осталось в бороде у обоих. Наконец и я, и он сильно утомились, выбились из сил и, прекратив драку, взяли один у другого по понюшке табаку, понюхали и разошлись во-свояси.

В поисках ножа я набрел на большое сборище по случаю чьих-то поминок. Вот, думаю, хорошо угодил: тут-то я поспрошаю народ и о своем пропавшем сапоге и о пропавшем ноже. И что же? Среди молодых жигитов, разносивших гостям мясо, я еще издали увидел свой собственный сапог, — он так и кинулся мне в глаза! Я обрадовался так, как будто жена моя родила мне сына. Сапог мой также заметил меня и весь покраснел от смущения. Он нес объемистую посудину, наполненную лошадиным мясом, казы, джалом и прочими лучшими частями. «Вот это — не то ли самое сало, которого ты когда-то пожалел дать мне полизать?» — сказал он, поставив передо мною полный казан. Ой, таксыр мой! До сих пор я краснею, вспоминая мой тогдашний стыд.

Забрав с собой оба сапога, я вернулся к лошадям. От съеденного мяса и от сильного зноя меня одолела жажда. Я наклонился над прорубью и стал пить, наконец, напился, хотел подняться — и никак не могу. Что же оказалось? Пока я пил воду, к моим усам примерзло шестьдесят диких уток и семьдесят селезней. Куда, думаю, мне столько дичи? Променял я их на одного журавля, который был ростом с верблюда и пил воду из глубокого колодца, даже не нагибаясь...

Тут хан, видя, что рассказ близится к концу, а сирота не сказал еще ни одного слова правды, закричал в гневе:

— А может быть, не так уж глубок был твой колодец?

— Может быть, и не так глубок: камень, брошенный в него утром, лишь к вечеру падал на дно, — ответил мальчик.

— Ну, может быть, в те времена дни были короткие, — возразил хан.

— Дни, и верно, были очень короткими: в те времена стадо баранов проходило всю степь от края до края за один день, — сказал мальчик. — Все, что я тебе рассказал, таксыр, произошло в один день. А если б я стал рассказывать, что произошло в следующие, я бы состарился, прежде чем кончил рассказ!

Хан приказал выдать сироте обещанное золото, отдал за него свою дочь, а сам, не снеся досады, слег и умер через три дня.



МУДРЫЙ ЖИРЕНШЕ И КРАСАВИЦА КАРАШАШ

В давние времена жил мудрец, по имени Жиренше-Шешен. Ум этого человека был глубок и беспределен, как море, речь текла из его уст подобно песне соловья. Но, несмотря на все свои достоинства, был Жиренше беден, как никто в степи: лачуга его была так убога, что когда он ложился в ней, то ноги его торчали за порогом, а в ненастную погоду ветер и дождь свободно проникали в нее сквозь множество щелей. Как-то раз ехал Жиренше-Шешен с товарищами по степи. День клонился к вечеру, и всадники торопили коней, чтобы засветло добраться до жилья. Вдруг путь им пересекла широкая степная река. На том берегу реки лежал аул, а на этом несколько женщин собирали в мешок кизяк. Подъехав к ним, всадники учтиво поздоровались и спросили, как переправиться им через реку.

Тогда из толпы женщин вышла молодая девушка, которую подруги называли Красавицей Карашаш. Было на ней ветхое заплатанное платье, но вся она сияла невиданной красотой: глаза у нее были как звезды, рот — как месяц, а стан — точно стройная и гибкая лоза.

— Есть два брода, — сказала девушка. — Тот, что налево — близок, да далек, тот, что направо — далек, да близок. — И она указала две тропинки, ведущие к бродам.

Один лишь Жиренше понял слова девушки и повернул коня направо.

Через некоторое время он увидел брод. Дно здесь было песчаное, вода мелкая. Он без труда переехал реку и быстро доскакал до аула. А товарищи его выбрали ближайший брод и вскоре раскаялись в этом. Не достигли они и середины реки, как кони их глубоко увязли в тине, и им пришлось спешиться на самом глубоком месте и с поводом в руке, пешком, брести к берегу. Уже смеркалось, когда, мокрые и озябшие, въехали они в аул.

Жиренше остановил коня у крайней кибитки. Это была самая бедная кибитка в ауле, и он сразу догадался, что она принадлежит родителям той девушки, которая указала ему брод.

Жиренше дождался товарищей, и лишь только всадники сошли с коней, как навстречу им вышла мать Карашаш и попросила их быть гостями ее семьи.

Они поблагодарили добрую женщину и вошли в кибитку. Внутри кибитка была так же бедна, как и снаружи. Вместо ковров хозяйка постелила гостям шкуры шерстью вверх.

Спустя некоторое время в кибитку вошла и Карашаш с мешком, полным кизяка, за плечами. Пора была весенняя, и перед закатом пролился сильный ливень. Все женщины вернулись из степи с мокрым кизяком, и семьи их в эту ночь легли спать без ужина. Одна только Карашаш принесла сухой кизяк. Она развела костер, обогрела и обсушила гостей.

— Как ухитрилась ты уберечь кизяк от дождя? — спросили ее приезжие.

И девушка рассказала им, что, когда начался дождь, она легла на мешок с кизяком и заслонила его своим телом. У нее вымокло платье, но платье ведь легко высушить у очага. Она не могла поступить иначе, так как отец ее, пастух, возвращается к ночи голодный и мокрый, и ему худо пришлось бы без огня. Другие же женщины во время дождя сами спрятались под мешки, но замочили и одежду, и кизяк.

Гости выслушали ответ девушки, подивились ее уму и спросили, какое угощение ждет их за ужином?

Карашаш сказала им так:

— Отец мой — бедный, но гостеприимный человек. Когда пригонит он байское стадо, то, если он добудет, — зарежет для вас одного барана, а не добудет — так зарежет сразу двух овец.

Никто, кроме Жиренше, не понял слов девушки, все приняли их за шутку.

Пришел отец Карашаш. Увидев у себя в кибитке чужих людей, он побежал к баю просить барана на ужин неожиданным гостям. Бай прогнал его, не дав ничего. Тогда пастух зарезал свою единственную овцу, которая вскоре должна была принести ягненка, и из ее мяса приготовил вкусное кушанье для приезжих жигитов. Тут только гости поняли значение слов Карашаш.

Жиренше за ужином сидел напротив Карашаш. Пленившись ее красотой и умом, он тайком приложил руку к сердцу в знак того, что горячо ее полюбил.

Карашаш, не спускаясь с него глаз, заметила это движение и дотронулась пальцами до своих глаз. Она хотела этим сказать, что его чувства не укрылись от ее взора.

Тогда Жиренше погладил себя по волосам, желая спросить, не потребует ли за нее отец в калым столько скота, сколько у него волос на голове.

Карашаш провела рукой по шерсти шкуры, лежавшей под

ней, намекая, что отец не отдаст ее и за столько голов скота, сколько шерстинок на бараньей шкуре.

Жиренше, вспомнив о своей бедности, печально опустил голову.

Девушке стало жаль его. Она отвернула уголок шкуры и прикоснулась пальцами к ее гладкой стороне. Так дала она понять Жиренше, что отец отдаст ее и даром, если найдется ей достойный жених.

Пастух все время наблюдал за безмолвным разговором молодых людей. Он понял, что они полюбили друг друга и что Жиренше так же умен, как и его дочь. Поэтому, когда Жиренше решился просить у него Карашаш себе в жены, он с радостью согласился на их женитьбу.

Через три дня привез Жиренше молодую жену в родной аул.

Слава о прекрасной и мудрой Карашаш быстро облетела всю степь и, наконец, достигла дворца хана. Слушая льстивые речи своих визирей о том, что нет на свете женщины красивее и умнее Карашаш, хан загорелся завистью к бедняку Жиренше и решил отнять у него жену.

Однажды прискакал к лачуге Жиренше ханский гонец и именем хана приказал ему немедленно явиться с женой ко дворцу. Делать нечего, отправились они в путь. Как только хан взглянул на Карашаш, он тут же почувствовал к ней любовь и, решив во что бы то ни стало сделать ее своей женой, повелел Жиренше остаться у него в услужении.

Днем Жиренше служил в ослепительном ханском дворце, вечером, усталый, возвращался в свою хижину к Карашаш. И тут, наслаждаясь своей свободой, он склонялся головой на колени любимой жены, говоря:

— Какое счастье сидеть в своей лачуге, она просторнее ханских палат!

А ноги его в это время торчали за порогом.

Шло время, и хан не переставал думать о том, как бы погубить Жиренше и овладеть Карашаш. Много раз давал он ему опасные и мудрые поручения, но Жиренше всегда быстро и точно исполнял их, и не было повода его казнить.

Случилось так, что хан проезжал со своей свитой по степи. День был ветреный. Степью катилось перекати-поле.

Хан сказал Жиренше:

— Догони перекати-поле и разузнай у него, куда и откуда оно катится. Смотри, не добьешься от него ответа — не носить тебе головы.

Жиренше погнался за перекати-полем, настиг его, пронзил копьем, и, постояв над ним некоторое время, вернулся назад.

Хан спросил:

— Ну, что сказало перекати-поле?

Жиренше ответил:

— О, великий хан, перекати-поле шлет тебе поклон, а сказало оно мне вот что: «Куда и откуда я качусь — ведомо ветру, где остановлюсь — ведомо оврагу. Это понятно само собой, и то ли ты дурак, что задаешь мне такие вопросы, то ли хан дурак, что прислал тебя расспрашивать меня об этом».

Хан понял намек, но ничего не ответил Жиренше и лишь глубже затаил злобу против него.

Другой раз хан приказал Жиренше под страхом смерти явиться к нему так, чтобы было это ни днем, ни ночью, ни пешком, ни на коне, чтобы не остался он на улице и не вошел во дворец. Опечалился сначала Жиренше, но потом посоветовался с Карашаш, и они вместе придумали, как выйти из затруднения.

Жиренше явился к хану на утренней заре, сидя верхом на козе, и остановился под самой перекладиной ворот.

Опять не удалась ханская хитрость. Тогда он изобрел новую. Когда наступила осень, он потребовал к себе Жиренше и, вручив ему сорок баранов, сказал так:

— Я даю тебе этих баранов, и ты должен ходить за ними всю зиму. Но знай, если к весне они не оягнутся, я прикажу отрубить тебе голову.

Жиренше побрел домой в глубокой печали, гоня перед собой стадо баранов.

— Что с тобой, муж мой? — спросила его Карашаш. — Отчего ты так печален?

Жиренше рассказал ей о сумасбродном приказании хана.

— Возлюбленный, — воскликнула Карашаш, — стоит ли горевать по пустякам. Зарежь к зиме всех баранов, а по весне, увидишь сам, — все обойдется как нельзя лучше.

И Жиренше сделал так, как сказала Карашаш.

Наступила весна, и у дверей хижины Жиренше постучался ханский гонец и объявил, что следом за ним скачет сам хан; хочет хан узнать, оягнились ли его бараны. Опечалился Жиренше, чувствуя, что уж теперь не избежать ему смерти. А Карашаш говорит:

— Не горюй, дорогой. Иди, спрячься в степи и не показывайся до вечера. Я сама приму хана. Все обойдется как нельзя лучше. Иди.

Жиренше послушался жены и ушел в степь, а Карашаш осталась в хижине. И вскоре слышит она конский топот и чей-то грозный голос:

— Хабарлас — откликайтесь!

Карашаш по голосу сразу узнала хана. Она вышла из хижины и низко поклонилась ему.

— Где твой муж? Почему он не встречается меня? — сердито спросил хан.

Карашаш ответила ему почтительно:

— О, могущественный хан, смилуйся над моим несчастным мужем: он убежал в степь из стыдливости. Как услышал он, что ты едешь к нам, так он вспомнил, что бараны твои еще не оягнились, и от испуга у него начались преждевременные схватки, и он убежал рожать в степь, чтобы не осквернять твоего светлого взгляда недостойным зрелищем. Присядь здесь, великий хан, я пока угощу тебя кумысом. Муж мой разродится скоро, бедра у него крепкие!

Хан рассвирепел.

— Ты смеешься надо мной, негодная женщина! — закричал он. — Где же это видано, чтобы мужчины рожали?

— Чем же ты поражен, великий хан? — как ни в чем не бывало молвила Карашаш. — Разве тебе не известно, что в стране, которой управляет мудрый, случаются и не такие чудеса. Не твои ли сорок баранов собираются оягниться со дня на день?

Хан понял, что попал впросак. Не зная, куда деваться от стыда, он в досаде круто повернул коня; что есть силы хватил его плетью и скрылся с глаз.

С той поры он оставил Жиренше и Карашаш в покое, и они счастливо прожили вместе до глубокой старости.

Жиренше был на охоте, когда умерла Карашаш.

По обычаю того времени, товарищи его выехали за околицу, чтобы еще на дороге уведомить его о несчастье. Вдали показался Жиренше. Он ехал шагом и пел веселую песню. У седла его висело три убитых лебедя. Товарищи пригласили Жиренше присесть возле них и, не решаясь сообщить ему горестную весть, начали беседу издалека.

— Ты повсюду прославился своей мудростью, Жиренше, — сказали они. — Так ответь же нам: чего лишается человек, когда у него умирает отец?

Помолчав, Жиренше ответил:

— Умер отец — рухнули стены крепости, хранившие человека от бед.

— Хорошо, — сказали товарищи, — чего же лишается человек, когда у него умирает мать?

Жиренше ответил:

— Умерла мать — иссяк родник любви, поивший человека.

— Хорошо, — сказали товарищи, — с чем же ты сравнишь смерть брата?

Жиренше ответил:

— Умер брат — сломалось правое крыло.

— Скажи же напоследок нам, мудрый Жиренше, с чем сравнишь ты смерть любимой жены?

Жиренше ответил:

— Умерла любимая жена — это все равно, что сломалась рукоять камчи.

Тогда друзья спросили:

— Посмотри хорошенько, Жиренше, цела ли рукоять твоей камчи?

— О, горе мое, горе! — вздохнул Жиренше, догадавшись.

Он хотел поспешить к телу своей возлюбленной и, весь в слезах, стал подниматься на ноги, опираясь на рукоять плети.

Но рукоять переломилась под ним, и Жиренше мертвый повалился на землю.



НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Краса подбородка — борода, краса речи — пословица.

Язык — острее клинка.

Ветер горы разрушает, слово народы подымает.

Пусть лучше спотыкаются мои ноги, но не язык.

Мать дороги — копыто, мать слова — ухо.

Много говоришь — назовут трещоткой, ничего не говоришь — назовут дураком.

Хорошее слово — половина счастья.

Будешь говорить мягко — змея выползет из норы.

Слово вылетает сквозь тридцать зубов и облетает тридцать родов.

Венец искусства — искусная речь.

Речь оратора и искусство мастера принадлежат народу.

Гнилые слова вылетают из конючего рта.



БОГАТЫЙ И БЕДНЫЙ

В прошлом веке жили на свете два брата. Младший детей не имел, вел большую торговлю и жил богато. Старший жил бедно, единственным счастьем для него были два его сына — Хасен и Хусаин.

Летом, как только начинали созревать ягоды, Хасен и Хусаин уходили в поле собирать ежевику. Мать уносила ягоды на базар и продавала их. На это и жила вся семья.

Однажды в полдень, когда все затихает в природе, когда тень становится самой короткой, когда от яркого блеска трудно разглядеть — течет или стоит вода в реке, Хасен и Хусаин проходили берегом через кустарники. Вдруг перед ними из травы вылетела невиданной красоты синяя птичка. Ребята не успели и полюбоваться ею, как она поднялась над ними высоко-высоко и вскоре совсем исчезла в небе. Тогда Хасен и Хусаин решили поискать ее гнездо и быстро его нашли. В гнезде лежали яйца, белые с голубыми прожилками. Ребята проголодались и обрадовались находке. Но яйца были настолько малы, что Хасен и Хусаин решили: «Если мы их съедим — будет мало пользы. Лучше отнесем их богатому дяде». Не заходя домой, они прямо пошли к дяде и спросили его, не купит ли он белые с голубыми прожилками яйца синей птички.

— Где вы их взяли? — спросил дядя.

— В поле, в траве, где собирали ежевику, — ответили ребята.

Дядя взял яйца и, к удивлению Хасена и Хусаина, дал им сто рублей и сказал: — Если вы поймаете самую птичку, я дам вам еще двести рублей.

Зачем понадобилась дяде синяя птичка, Хасен и Хусаин не знали, но, не раздумывая над этим, взяли капкан и пошли к тому месту, где видели птичку. Быстро нашли они гнездо, установили в нем капкан, а сами спрятались в кустах. Вскоре прилетела синяя птичка, осмотрелась по сторонам и, убедившись, что опасности нет, впорхнула в гнездо — и попалась

в капкан. Как ни жалко было ребятам этой чудесной синей птички, все же они отнесли ее к дяде. Обычно скупой, он на этот раз сдержал свое слово (видно, очень дорога была для него эта птичка!) и дал Хасену и Хусаину еще двести рублей, сахару и одежды. Все это ребята принесли домой, и семья обрадовалась несказанно!

Но недолго продолжалось счастье в семье бедняка.

Дядя принес синюю птичку домой, зарезал ее и отдал жене.

— Вечером я приду домой, — сказал он, — а ты к моему приходу свари из нее обед. Смотри, ни одного кусочка этой птички не давай никому! Поняла?

Жена подумала: «Какой из этого обед?» Но мужу перечить не стала, очистила птичку, разрежала, бросила в казан, залила водой и поставила на огонь, а сама пошла к соседке и засиделась там, заговорившись.

В это время Хасен и Хусаин, сгорая от любопытства, решили зайти к дяде узнать, что случилось с птичкой. Войдя в комнату, они увидели, что никого нет и что над казаном подымается густой пар.

— Неужели это наша птичка варится? — спросил удивленно Хасен.

— Неужели она? — произнес не менее удивленный Хусаин.

Они подошли вместе к казану, приоткрыли засаленную крышку и убедились, что варится та самая птичка, которую они поймали.

— Неужели мы не попробуем мяса птички, которую мы сами поймали? — спросил Хасен.

— Конечно, попробуем кусочек! — ответил Хусаин.

Они выловили ложкой сердце птички, поделили его пополам, скушали и ушли.

Пришла хозяйка, решила проверить, все ли в порядке с обедом. Взяла ложку, выловила все мясо — и побледнела: сердце исчезло. «То-то попадет мне от мужа! И надо было так долго засиживаться в гостях!» — ругала она себя. Но словами делу не поможешь. Вышла она во двор, поймала петуха, зарезала его, вынула у него сердце, бросила в казан и успокоилась.

Вечером пришел муж. Обед оказался очень вкусным. Когда покушали, муж хитро подмигнул жене и, улыбнувшись, сказал:

— Ну, жена, бог нам счастье послал! Утром, когда проснемся, под подушкой у нас будет золото.

Ничего не сказала в ответ жена, потупила взгляд и пошла стлать постель. Наутро проснулись они, заглянули под подушки — никакого золота нет. Перетрясли всю постель — золота так и не было.

Велико было удивление Хасена и Хусаина, когда они, проснувшись утром, обнаружили у себя под подушкой по целому мешку золота. Не меньше ребят была удивлена и обрадована их семья. Отец Хасена и Хусаина, никогда не выдавший так много золота, перепугался и кинулся к своему брату за советом.

— Ой-бой, брат, скажи мне, что такое случилось? Утром под подушками наших ребят мы нашли по мешку золота. Худо это или хорошо?

Глаза торговца заблестели от зависти, но, нахмутив брови и глядя в землю, он грозно заговорил:

— Худое дело, это вмешались духи. Я как-то спрашивал у хазрета об этом, и он, по милости аллаха, ответил: «Дух испортил такого человека, его надо немедленно повесить...» Возьми ты их, увези куда-нибудь и убей, иначе не будет тебе в жизни добра от таких детей!

Отец вернулся домой опечаленный. И так и эдак думал он, наконец решил: «Нет, убивать своих детей я не могу. Уведу их подальше в степь или в лес, чтоб глаза мои их не видели и уши не слышали». Утром он попросил у соседа телегу, посадил в нее детей и сказал:

— Нынче я отвезу вас туда, где много-много ягод. Вечером я за вами приеду, а вы должны собрать мешок ежевики.

Долго ехали они степью, наконец, очутились на опушке дремучего леса. Меж стволами деревьев переплелись густые кустарники, и ребята увидели много знакомых ягод.

— Ну вот, дети, оставайтесь здесь, собирайте ягоды.

Больше отец ничего не мог сказать, отвернулся и, плача, пошел к лошади.

Долго собирали Хасен и Хусаин ежевику, присели отдохнуть, поджидая отца, — вот-вот приедет. Отец так и не приехал. Пришлось ребятам ночевать в лесу. Наутро проснулись они, смотрят, а под головами у них опять появилось по мешку золота. Не дотронулись до него ребята, бросили на том месте, где ночевали и пошли по лесу, куда глаза глядят. Повстречали на пути старика-охотника.

— Здравствуйте, дедушка, — сказали в один голос ребята.

— Здравствуйте, дети! Откуда и куда идете?

— Откуда — не знаем, лес большой, а идем до первой встречи. У кого нет дочерей, — сойдем за дочерей, у кого нет сыновей — за сыновей.

— У меня ребят нет, будете мне сыновьями? Пойдете ко мне?

— Пойдем, — согласились ребята.

Старик был на лошади. Усадив на нее ребят, он сказал:

— Езжайте, лошадь сама привезет вас к моему жилью!

Ребята поблагодарили старика и сами не остались в долгу.

— Дедушка, — сказали Хасен и Хусаин, — там, где мы спали, лежат два полных мешка золота!

Долго жили Хасен и Хусаин у старика-охотника, привыкли к лесной жизни, научились хорошо стрелять, сами стали опытными и смелыми охотниками. К этому времени бедный когда-то старик был уже самым богатым человеком в окрестности.

Когда ребята подросли, золото перестало появляться у них под подушками. Однажды они долго беседовали между собой и вспомнили всю свою прошедшую жизнь.

— Знаешь ли ты, Хусаин, старую пословицу? — сказал Хасен. — «Собака, где ни бродит, всегда вернется туда, где нашла кость с мясом, а человека всегда тянет к тем местам, где он родился». Пойдем, Хусаин, разыскивать своих родителей!

— Мысли моего брата — мои мысли, куда ты — туда и я, — ответил Хусаин. — Пойдем!

Они пошли к старику, чтобы сообщить ему свое решение. Пожалел старик-охотник молодых жигитов и сказал:

— Могу дать вам в подарок гурт скота, да вижу, не нуждаетесь вы в этом. Желаю вам счастливого пути и успеха в поисках родителей!

Дал старик Хасену и Хусаину двух лучших скакунов, и, попрощавшись, они поехали. Ехали они целый месяц и, наконец, увидели, что дорога раздвоилась.

— Наши пути расходятся, — сказал Хасен, — ты езжай вправо, а я поеду влево.

— Пусть будет так, — ответил Хусаин. — Где бы мы ни были, на обратном пути встретимся здесь!

У развилки дорог они воткнули в землю нож.

— Жив или мертв будет каждый из нас, покажет этот нож, — сказали они. — Если кто из нас умрет, половина ручки, обращенная в сторону его дороги, должна сгореть.

Прощавшись, Хасен и Хусаин поехали в разные стороны. Пусть едет Хусаин, у него своя дорога, сейчас рассказ будет о Хасене.

Когда Хасен миновал несколько перелесков и выехал в открытую степь, перед ним раскинулся большой город. Чем ближе подъезжал Хасен к городу, тем больше он удивлялся: всюду видны были черные флаги, большие черные полотноща окутывали дома.

— Почему это ваш город в трауре? — спросил Хасен первую встречную старуху.

— Видно, не нашего города ты житель, — ответила старуха. — Что ж, изволь, если хочешь, скажу! Появился у нас прожорливый семиглавый змей. Каждый день даем мы ему одну девушку и одного зайца. Сегодня пришла очередь отдать змею дочь хана.

Хан объявил всюду: если кто убьет змея и спасет Ханшаим, за того он выдаст ее замуж. Только не отыскался еще такой смельчак в городе, вот хан и приказал вывесить всюду черные флаги.

Хасен прямо направился к хану. Хана дома не оказалось, а рядом с ханскими покоями, в одной из комнат, Хасен увидел связанного зайца и с ним девушку неопытной красоты. Черные косы ее блестели, как иранский шелк, жгучий взгляд был равен ослепительным лучам солнца. Увидев Хасена, Ханшаим вздрогнула.

— Не пугайся, — успокоил ее Хасен. — Если я спасу тебя от змея, чем ты сможешь меня отблагодарить?

— Если б ты освободил меня, я бы вышла за тебя замуж.

Хасен присел рядом с ней на корточки, подумал немного и сказал:

— Я много проехал нынче и сильно устал. Лягу отдохнуть, а когда появится змей, ты меня разбуди!

Так и сделал. Хасен уже крепко спал, когда вдруг что-то застучало, загремело, и дверь широко распахнулась. Ханшаим оцепенела от ужаса, увидев на пороге голову змея, и стала быстро будить Хасена.

Крепко спал утомленный Хасен. Он не проснулся даже от криков девушки. Змей приближался. Тогда Ханшаим, потеряв все надежды на спасение, покорилась судьбе и, склонившись над Хасеном, горько оплакивала приближение смерти. Горячие, крупные слезы девушки падали на лицо Хасена. Своей жгучестью они разбудили молодого жигита.

Проснувшись, Хасен увидел перед собой змея. Выхватив из-за пояса тяжелый тесак, Хасен взмахнул им, и все головы змея разом полетели прочь.

Ханшаим радостно подтвердила свое обещание и, сняв с пальца золотое кольцо, отдала его Хасену. Хасен ушел из дворца, а в это время в дверь случайно заглянул визирь хана. Увидев, что девушка жива, а змей убит, визирь удивился, но вмиг сообразил, что подвернулся удобный случай возвыситься перед ханом. Не показавшись девушке, он поспешил уйти и предстал перед ханом с неожиданной радостной вестью.

— Я собственноручно убил змея и спас Ханшаим! — сказал визирь. — Сдержи обещание, хан: пусть Ханшаим станет моей женой!

— Да будет так! — ответил хан. Он приказал вывесить по всему городу белые флаги, украсить все дома белыми полотнищами, чтобы все население знало, что хан освободился от противника, и потом созвал всех мулл в мечеть, чтобы справить свадьбу дочери с визирем. В это время появился в ханском дворце Хасен. Услышав, как визирь хвастливо рассказывал

о своей победе над змеем, Хасен, указывая на визиря пальцем, сказал:

— Это лгун и трус! Чем ты можешь доказать правоту своих слов? Змея убил не ты, а я!

Все обернулись на Хасена и стали его разглядывать.

— А чем докажешь ты? — надменно возразил визирь.

— У меня есть доказательство, — сказал Хасен, доставая из кармана кольцо и показывая его всем собравшимся.

— Он украл это кольцо у Ханшаим! — закричал рассви-репевший визирь.

— Если ты убил змея, — сказал Хасен, — значит, ты сможешь поднять его мертвого и перебросить на другое место?

Напрасно визирь пытался поднять змея, он не мог даже сдвинуть его. Тогда подошел Хасен, легко поднял змея и выбросил его через окно в реку. Тут Ханшаим, которую вызвал хан для свидетельства, указала на Хасена:

— Меня освободил этот молодой жигит, и ему я дала кольцо, — сказала она. Хан выгнал прочь визиря и, выдав за Хасена свою дочь, сделал его своим приближенным.

Скоро Хасену стало скучно жить при ханском дворе в роскошных палатах, и он часто стал отлучаться на охоту. Однажды в жаркий полдень он ехал по берегу реки. Его сопровождал красивый охотничий пес. Вдруг неожиданно подул ветер, день похолодал, и посыпал густой снег. Хасен начал осматриваться, где бы укрыться от ветра и снега и согреться, и увидел вблизи одинокую ель. Высокая и стройная, покрытая мягким снегом, она напоминала большой шатер. Хасен укрыл под ней коня и собаку, наломал сучьев, разложил костер и стал греться. Тут он заметил на дереве среди ветвей старуху, — сидит и жалобно плачет, точно вьюга завывает.

— Почему ты плачешь? — спросил Хасен. — Может, озябла? Слезай, подойди к огню и погрейся.

— Я бы слезла, сынок, — говорит старуха, — да собаки боюсь. Дай мне твою палочку!

Хасен протянул ей палочку, чудодейственной силы которой он не знал. Старуха взмахнула ею над конем, над собакой и над Хасеном — и все трое превратились в три камня и так и остались под елью.

Пусть Хасен остается в лесу, превращенный в камень, сейчас рассказ будет о Хусаине.

После разлуки с братом, он тоже вскоре стал ханом и жил в одном большом городе. В тот день, когда Хасена не стало в живых, загрустил Хусаин сердцем и решил ехать на поиски брата. Снарядив коня, Хусаин отправился в путь и, наконец, подъехал к тому месту, где разошлись их дороги. Нож оставался

на прежнем месте, только та половина, которая была обращена в сторону пути Хусаина, была цела, а другая половина — обгорела. Хусаин понял, что Хасен умер. Заплакал он и решил: «Не живого, так мертвого поеду искать!»

Повернув коня на дорогу, по которой уехал брат, Хусаин вскоре очутился в том городе, в котором жил Хасен. С почетом приняли его там и отвели во дворец. Тут Хусаин встретил молодую женщину и узнал, что она была женой его пропавшего брата.

Слишком радушный прием и радостное настроение визиря, который опять вернулся ко двору, вызвали у Хусаина подозрение. «Что-то здесь неладно, — подумал он. — Уж не жертвою ли этого визиря стал мой бедный брат?» Всю ночь думал об этом Хусаин, а утром, узнав от Ханшаим, что брат пропал на охоте, поехал сам берегом реки на поиски.

Так же, как и Хасена, Хусаина захватила вьюга. Ель, которая стала пристанищем и могилой брата, приютила и Хусаина. Разведя костер, он так же увидел среди ветвей старуху и тоже пожалел ее.

— Слезай, бабушка, с дерева, погрейся, — сказал он.

— Я бы слезла, сынок, — говорит старуха, — да собаки боюсь, погоди, я ей палочкой погрожу!

Хусаин посмотрел на старуху, и словно что-то толкнуло его в сердце. Он встал с камня, на который присел, и поднял ружье.

— А ну-ка, слезай, не то пристрелю, — сказал он, прицеливаясь. Старуха, дрожа, слезла с дерева.

— Кажется мне, что ты знаешь, где мой брат, говори — или убью, — приказал он.

— Камень, на котором ты сидел, и есть твой брат, — ответила старуха. — Визирь приказал мне заманить его и убить. Пощади меня, я верну тебе брата. Возьми на ели спрятанную меж ветвей палочку и взмахни ею.

Хусаин так и сделал — вмиг перед ним вместо камня, на котором он сидел, оказался Хасен. Нельзя описать, как обрадовались братья после долгой разлуки.

Долго гостил Хусаин у Хасена и однажды сказал ему:

— А теперь, Хасен, я тебе напомним пословицу, которую ты мне сказал у старика-охотника: «Собака ищет место, где сыта бывает, а человек — где родился». Не думаешь ли ты, что пора нам поехать на поиски родителей?

— Хоть и переврал ты пословицу, но я согласен. Если мы думаем найти их живыми, откладывать больше нельзя.

Как порешили, так и сделали. С первым же торговым караваном Хасен и Хусаин отправились в путь и, наконец, в праздничный день въехали на ярмарочную площадь родного города. Здесь они встретили своего дядю, богатого купца, который про-

ходил меж торговых рядов и встречал каждый новый караван. Племянников он не узнал, а когда они назвали себя, тотчас стал льстить, заискивать и готов был целовать им руки.

— А где наши отец и мать? — одновременно спросили Хасен и Хусаин.

— Здесь, в городе. Только зачем вам старики, которые давно уже не видят света? Я вижу, вы достаточно богаты, — сказал дядя.

Спросами и расспросами Хасен и Хусаин нашли на окраине старую полуразвалившуюся избушку. Окон в ней не было, темнота мешала разглядеть, кто в ней находится. Хасен и Хусаин зажгли огонь и увидели перед собою своих слепых стариков в грязной, изношенной в клочья одежде.

— Отец! Мать! Что с вами случилось? — вскричал Хасен.

— Вы совсем не видите света? — спросил Хусаин.

Мать заплакала, услышав родные голоса. Отец замахал руками и заговорил:

— Неужели есть еще на свете такой человек, который ищет меня? Неужели мои сыновья, которые давно умерли, пришли навестить меня?

Хасен и Хусаин рассказали все по порядку, где жили, что видели и как, наконец, попали к родителям.

— Почему ты тогда бросил нас в лесу, неужели погнался за золотом? — спросил Хасен отца.

— Почему ты не приехал тогда за нами, ведь у нас было еще больше золота? — спросил с упреком и Хусаин.

— Не обижайтесь, дети мои, иного выхода не было, — заплакал старик. — Ваш дядя сказал мне, что по воле аллаха я должен убить вас, потому что вами овладел злой дух. Я не мог этого сделать, я поступил, как родной отец. Разлука с вами была нам тяжела, и вы видите, как мы живем, ваш богатый дядя ни в чем нам не помог. Самое тяжелое наказание для нас — это то, что мы не можем вас видеть!..

Старик умолк. Хасен и Хусаин на время покинули избушку. Они пошли на ярмарку, отыскивали своего жадного до наживы дядю, бросили его в глубокий колодец и, вернувшись к родителям, увезли их к себе.



АЛДАР-КОСЕ И ШИГАЙБАЙ

Жил-был бай Шигайбай. Во всем мире не было человека скупее его. За всю свою жизнь никому он не дал куска и никого не позвал к себе в гости.

В то же время жил и Алдар-Косе, безбородый обманщик, известный всей степи своими хитростями и проделками.

И вот прослышал Косе о необыкновенной скупости Шигайбая и решил при случае погостить у него. Вскоре пришлось ему проезжать неподалеку от тех мест, где жил скряга, и он завернул к его юрте.

Прежде чем войти в кибитку бая, Косе заглянул в щелочку, чтобы узнать, что делается внутри. Посреди кибитки горел костер, над ним в казане варилось мясо. Бай сидел перед костром и делал колбасу. Рядом с ним сидели его дочь, жена и служанка. Дочь ошипывала журавля, жена месила тесто, а служанка мыла опаленную баранью голову.

Тут Косе вошел в кибитку и почтительно поклонился хозяевам. Те растерялись и в смятении стали прятать под себя все, что держали в руках. Потом бай ответил Косе на поклон и, чтобы только избежать угощения, обратился к нему с приветливой улыбкой:

— Косе, я рад тебя видеть! Садись и расскажи, что с тобой приключилось в пути. Не обессудь только нас, дружок, нечем нам тебя попотчевать!

— Ладно, — отвечал Косе, — рассказывать-то я мастер. Но о чем тебе, бай, рассказать — о том, что я видел, или о том, что слышал?

— О том, что ты видел. Слухи врут, я не верю им, — сказал Шигайбай.

— Ну, пусть будет по-твоему, — говорит Косе. — Слушай же. — Еду я, еду к тебе и вдруг вижу — ползет по дороге уж. Длинный-предлинный — ничуть не короче той колбасы, что лежит под тобой. А голова у него черная да страшная такая, — точь-в-точь, как та, которая спрятана под служанкой. Увидел

я его и обомлел. Но тут же опомнился, схватил камень, да как тресну им ужа по голове! Тут от него только месиво осталось, вроде того, на котором сидит твоя жена. Вот какое происшествие со мной стряслось, и если ты мне не веришь, то лучше бы мне быть ощипанным, как тот журавль, которого только что раздывала твоя дочь.

Сказав это, Косе замолчал, и бай понял, что от него ничего нельзя скрыть. Тогда, желая выжить Косе из кибитки, он стал помешивать в казане ложкой, говоря:

— Кипи, мой казан, три месяца!

Косе сразу сообразил, к чему клонит бай. Он разулся, поставил сапоги рядом с собой и сказал, обращаясь к ним:

— Отдохните, мои сапожки, до будущего года!

А потом улегся на бок, подложил под голову кулак и громко захрапел.

Среди ночи проснулся Косе, озирается: кругом тихо, все спят. Поднялся он тихонько с земли, достал из казана мясо, наелся доотвала, а вместо мяса бросил в котел кожаные штаны бая. Сам же снова улегся и сделал вид, что крепко спит.

Перед рассветом Шигайбай растолкал жену, дочь и служанку и говорит им шопотом:

— Вставайте скорей, давайте съедим мясо, пока не проснулся Косе.

Положила служанка штаны на блюдо, поставила на скатерть. Уселись все в кружок и хотели разрезать штаны на части, а их и нож не берет.

— Что такое, неужели мясо превратилось в жилу оттого, что долго варилось? — говорит Шигайбай.

Наконец им удалось отрезать себе по куску. Взяли они кожу в рот, жевали, едва зубы не переломали, а разжевать не могли.

Тогда бай говорит:

— Нет, жена, это мясо есть невозможно, припрядь-ка ты его до завтра, а нам налей жижицы.

Так прошла ночь, и Шигайбай не догадался о проделке Косе.

Утром Шигайбай собрался в поле, подозвал к себе жену и говорит:

— Эй, жена, дай мне с собой айрана, да смотри, чтобы этого не видел Косе!

Жена налила айрана в пустую тыкву и тихонько передала баю. Тот спрятал тыкву в карман и хотел уже уходить. Но тут Косе заметил, что топорщится его карман, бросился ему на шею и ну обнимать его, будто перед разлукой.

— Ну, бай, сегодня я уезжаю от тебя. Прощай, дружок, прощай.

А сам трясет бая, что есть силы, мотает его из стороны в сто-

рону. Льется да льется айран на ноги баю, а тот терпит. А потом не выдержал, швырнул тыкву на землю и закричал:

— Ну, чорт, на, пей мой айран!

Так и ушел в это утро бай из дому голодный.

На другое утро Шигайбай опять собрался в поле и шепчет на ухо жене:

— Жена, а жена, испеки-ка мне лепешек, только так, чтобы Косе не видел.

Напекла она лепешек украдкой от Косе и думает про себя: «Уж на этот раз Косе ничего не заметил. Пусть бай вдоволь наестся лепешек». А Косе все видел и лишь притворился, что спит.

Только бай засунул за пазуху горячие лепешки, он мигом вскочил с постели и говорит так ласково и сердечно:

— Ну, бай, погостил я у тебя — и хватит! Сегодня решил я обязательно уехать. Дай обниму тебя покрепче на прощанье!

Не успел Шигайбай и рта раскрыть, как Косе обхватил его руками и давай тискать да прижимать. А лепешки припекают бая все больше и больше. Не вытерпел бай, вдруг как завопит:

— Ой, ой, жжет живот!

Отпустил его Косе, и Шигайбай побросал на землю все лепешки, приговаривая:

— На, бессовестный Косе, на, ешь мои лепешки!

Косе съел лепешки и снова повалился на бок, а бай опять ушел в поле голодный.

Так прошло много дней, и Шигайбай все никак не мог отвязаться от Косе. И вот стал он думать, чем бы досадить непрошеному гостю.

У Косе был конь — вороной жеребец, с белой лысиной на лбу. Он стоял в конюшне Шигайбая вместе с его собственными лошадьми. Бай решил зарезать этого коня. А Косе догадался о замыслах Шигайбая и думает про себя: «Постой же, бай, пожалеешь ты о своей затее!» И он тут же замазал лысину своей лошади навозом, а на лбу одной из лошадей Шигайбая вывел мелом белое пятнышко.

В полночь встал с постели Шигайбай, отправился в конюшню и, чтобы обмануть Косе, кричит оттуда тревожным голосом:

— Косе, Косе, твоя лошадь запуталась на поводу, — совсем подыхает!

А Косе ему в ответ:

— Пусть себе подыхает. Прирежь-ка ее, чтобы мясо не пропало. Да только помни, что лошадь с меловой лысиной — твоя, а с навозной — моя.

Бай не понял слов Косе и заколол лошадь с белой лысиной. А наутро он пошел в конюшню и видит, что зарезал свою собственную лошадь. Даже заплакал бай от огорчения.

Между тем Косе надоело сидеть на одном месте, и он начал собираться в путь. Как-то раз говорит Шигайбаю:

— Дорогой бай, одолжи мне биз¹. Я хочу уезжать, а у меня совсем изорвались сапоги.

— Пойди, попроси у жены, она даст тебе биз, — ответил бай и ушел в поле за скотом.

Подошел Косе к жене бая и говорит:

— Байбише, Шигайбай приказал, чтобы ты отдала мне в жены свою дочь Биз-Бекеш.

— Ты что — рехнулся? — закричала жена бая. — Да разве мой муж отдаст за тебя Биз-Бекеш?

Тогда Косе вывел ее из юрты и при ней кричит баю:

— Бай, бай, ты обещал мне биз, а твоя жена мне Биз не даст.

На это Шигайбай кричит с поля:

— Отдай ему, жена, отдай биз, пусть он только отвяжется!

Что поделать, пришлось старухе отдать красавицу-дочь. Расплакалась она, прощаясь с дочерью, и говорит:

— Уж и насолил ты нам, проклятый Косе, век тебя не забудем! Убирайся подальше, чтобы тебя глаза мои не видели, да смотри, не возвращайся больше к нам!

Оседлал Косе лошадь, посадил перед собой Биз-Бекеш, тронул поводья, и след его простыл.

¹ Биз — шило.



ЗАГАДКИ

¹ Черная корова спокойно стоит, красная — лизет.

² Семьдесят старух стоят, кусая землю.

³ Желтый, он встает на ноги, когда приходят люди,

Рычит, почуяв воду и огонь.

Имеет четыре ноги, как верблюд.

Состарившись, опускает голову;

В нем узкая дверь, приносящая удовольствие,

И широкая, выпускающая нечто, от чего люди плачут.

⁴ Пятьдесят ножек и две руки, все ножки бегут по одной дорожке.

⁵ Нечто неодушевленное имеет на шее два уха.

На нем резвятся сразу десять козлят.

На спине у него восемь повязок, в руках — две веревки.

Бывает этот предмет веселым царем.

На лбу у него один только глаз,

Но речь его — на девяносто родов.

1. Котел и огонь. 2. Юрта. 3. Самовар. 4. Пила. 5. Домбра.



АЛДАР-КОСЕ И ЧЕРТИ

Однажды Алдар заснул около очага. Выспался, только хотел открыть глаза — чувствует, что-то возле него крутится. Приоткрыл он тихонько один глаз, видит — два чорта. «Притворюсь-ка я мертвым, что они с мертвого возьмут?» — подумал он, скорей прикрыл глаза, лежит и не дышит.

А черти были голодные. В поисках съестного они наткнулись у очага на Алдар-косе и обрадовались.

— Слушай, Кулан, — говорит один. — Давай нашепчем сонному дурные мысли. Проснется — сделает, как мы сказали.

— Давай, Тулен, — говорит другой. — Вор ведь половину ест, а другую у него из-под носа черти берут!

Они вскочили ему на грудь и давай нашептывать в оба уха.

— Казах, казах, пойди своруй, — шепчет Тулен.

— Казах, казах, пойди обмани! — шепчет Кулан.

А Алдар лежит, как мертвый. Бились они с ним, бились — и шептали, и щекотали, и кричали, — он не просыпается. Они даже устали и, убедившись, что перед ними действительно мертвый, начали совещаться.

— Пойдем, — говорит Кулан. — На что нам мертвый казах?

— Нет, — говорит Тулен. — Нам и мертвый пригодится. Давай воскресим его, вот он и будет на нас работать!

— Что ж, давай. Только как?

— Это же был нищий казах, видишь, у него и савана нет, — говорит Тулен. — Пойдем, сами скрадем казы пожирнее и кумыса, положим рядом — он живо воскреснет!

«Э, — думает Алдар, — легко же вы меня поймать хотите! Так я и пойду к вам в кабалу за казы!» Однако, когда они принесли казы и дали ему понюхать, он все же не стерпел. Рот его сам собою раскрылся в сторону казы, и черти завизжали от радости, а Алдар испугался, что себя выдал.

«Ладно, съем казы, а там посмотрим, что делать», — подумал он и продолжал лежать неподвижно, пока черти не скормили ему все казы и не вылили ему в рот весь кумыс. Тогда он открыл глаза и встал, а черти сразу сделались невидимыми и вскочили ему на плечи, чтобы управлять его поступками. Но Алдар-косе громко заплакал:

— Кто это меня оживил? Ой-бой, кому нужно было такое дело?

Душа моя обрела успокоение после всех невзгод, перенесенных мною в жизни... Ой-бой, я с таким трудом умер, а теперь опять все сначала? Что ж, пойду утоплюсь!

И он, будто в отчаяньи, так ловко схватился руками за голову, что прижал ноги чертей к себе, и с плачем, шатаясь, побрел к обрыву. Черти испугались, что он сейчас утопит их вместе с собой, и скорее сделались видимыми.

— Слушай, жигит, — сказал Тулен. — Зачем тебе умирать? Мы будем все время с тобой, и вместе мы прекрасно заживем.

— А кто вы такие? — спросил Алдар-косе, будто бы ничего не понимая.

— Да мы черти, Тулен и Кулан. Мы научим тебя ловко воровать и мошенничать, а доходы пополам!

Алдар подошел уже к самой реке. Тут он задумался и потом решительно сказал:

— Нет, друзья, все-таки ничего не получится. Вы ведь невидимы, и если мы попадемся, — бить будут одного меня! Меня и так уже много били, я лучше утоплюсь. И вам помогу; вы еще не умирали и не знаете, как это спокойно быть покойником: все равно тебе — голоден ты или сыт!

И он опять шагнул к обрыву. Черти не на шутку перепугались. Тулен закричал:

— Поймай! не прыгай! Мы сделаем тебя таким, как мы! Ты тоже будешь невидимым чортом.

— Ну, это разговор другой, — сказал Алдар. — А что надо сделать?

Тулен дал ему монетку. Алдар положил ее под язык, мигом превратился в чорта, и втроем они пустились в путь к большому городу. Шли, шли, устали. Тогда Кулан, перемигнувшись с Туленом, предложил:

— Слушайте, друзья, чем нам всем уставать, не лучше ли ехать по очереди на плечах другого? Алдар посильнее, он может нести нас сразу обоих, а сам потом поедет тоже на нас двоих.

Алдар и Тулен одобрили это.

— Ну, кто первый повезет, мы или ты? — спросил Тулен.

— Я бы рад оказать вам услугу, — ответил Алдар-косе, — но только я после смерти совсем еще не отошел, едва плетусь. Давайте, я поеду первым, отдохну, а там вас повезу.

— Ладно, — сказали черти, — только уговоримся, сколько времени каждый везет?

— Да чего же проще? Я затяну песню, и если вы позволите посидеть на ваших шеях, пока песня не кончится, то мне вполне достаточно будет времени, чтоб отдохнуть.

Черти согласились. Алдар уселся к ним на шею и негромко затянул: — Алялай, лалялай, ай-ай-алялай...

Черти везли, везли его, а «алялай» все тянется, уж дело к вечеру подошло, а песне и конца нет. Тулен не вытерпел:

— Слушай, друг, когда же кончится твоя песня?

— Да я еще и первой строчки не спел,—удивился Алдар.— Вот сейчас начну вторую: ари-айдм, ари-айдм, ари-айдм...

Черти так устали, что, не выдержав, прислонились к дереву, чтобы отдохнуть. Дерево было сухое и дуплистое, от тяжести чертей и Алдара оно повалилось, и в дупле оказался слиток золота величиной с голову коня. Тулен первый увидел его и быстро сел на слиток.

— Говорят, у найденного ножа на сорок обхватов тяжбы,—сказал Тулен.— Я боюсь, мы перебрались из-за этой находки. Давайте делать по обычаю: пусть находка достанется тому, кто почтеннее всех возрастом.

Кулан живо смекнул, куда клонит Тулен: чертям было бы тысяче с лишком лет. Алдар тоже понял, что чорт хитрит, но не показал и виду.

— Что верно, то верно,—сказал Алдар,—Старшему всегда уважение. Ну, давайте считаться, кто из нас старше!

Тогда Тулен сказал:

— Я, должно быть, старше вас обоих: когда я родился, земля была величиной с островок. Нет, пожалуй, еще меньше: с потник... Нет, вот сейчас я вспомнил: она была величиной с ладонь.

Кулан удивился:

— Опрмай, кто бы мог думать, что ты моложе меня? Когда я родился, земля еще не была отделена от неба, и байгу в честь моего рождения отцу пришлось устроить на облаках...

Алдар-косе, услышав это, начал реветь во весь голос. Черти подумали, что он жалеет о золоте, и начали его утешать. Но Алдар, не слушая их, проливал обильные слезы, а потом начал биться головой о землю и причитать: «Ой, светик мой, никогда я тебя не увижу!»

— Ну, что ж ты плачешь? — сказал Тулен. — Раз решили, так решили. Золото берет Кулан.

— Что мне ваше золото! — вскричал в слезах Алдар-косе. — Никакое золото не заменит мне моей потери... Ой, Кулан, когда ты заговорил о своем рождении, ты разбередил во мне старую рану... Я стараюсь об этом не вспоминать, а ты, как нарочно, напомнил. Знаешь ли ты, что во время байги в честь твоего рождения мой младший сын провалился сквозь гнилое облако и упал в неведомый простор, где потом устроили землю?.. Вот мое горе, которое я ношу в себе и которое ты оживил!

Алдар опять зарыдал и закричал так, что самим чертям стало тошно. Не зная, как заставить его замолчать, они уговорили его взять золото. Но и взяв его и снова забравшись вместе с ним

на плечи чертей, Алдар еще два дня плакал так, что черти под ним шли мокрыми. Это горе убедило их, что он говорил правду.

Потеря золота обозлила чертей, да и таскать на себе Алдара, песня которого все не кончалась, им порядком надоело. Устроились они как-то на ночь в брошенной тесной землянке, и Тулен начал такой разговор:

— Слушай, Алдар, видно песня твоя никогда не окончится. Мы согласны, что тут ты нас перехитрил, но по справедливости надо сделать другое условие. Пусть теперь поедет на других тот, кто одолеет в бою. Давайте драться!

Алдар-косе подумал и согласился.

— Хотя это и нарушение договора, но уж ладно... А чем будем драться? Только тут и есть, что курук да камча.

— Вот куруком и камчой и будем драться, — сказал Тулен, обрадовавшись и думая про себя: «Ну, теперь я отомщу этому казаху. И вздую его, и верхом на него сяду»!

Алдар повертел в руках длинный курук, примерился к камче и протянул курук Тулену:

— Знаешь, по справедливости, возьми ты себе курук: ты ростом поменьше, тебе надо оружие подлиннее. А я возьму камчу.

«Вот дурак, — думает Тулен. — Совсем глупый этот казах! Сам отдает лучшее оружие!» Алдар-косе взял камчу и, оглянувшись с беспокойством, сказал:

— Давай лучше драться здесь, в землянке, а то кто-нибудь увидит нас, подымет шум. Согласен?

— Согласен, согласен! — кричит Тулен. — Давай драться!

— Давай, начнем, — сказал Алдар и замахнулся камчой. Тулен тоже замахнулся куруком, но длинный шест зацепился за стенку, и как ни вертелся Тулен, он ни разу не смог ударить Алдара в тесной землянке. Между тем Алдар так отвозил его своей камчой, что Тулен оказался весь в крови.

— Кяп-кяп, стой, погоди! — закричал он. — Давай меняться оружием!

— Давай, — согласился Алдар, — я и то пожалел, что отдал тебе лучшее оружие. Только выйдем из землянки, тут такая пыль поднялась, что дышать нечем.

Тулен обрадовался этому. «Тут я никак не мог размахнуться, как следует, а уж на просторе я ему покажу!»

Они вышли на воздух и стали продолжать драку. Длинным куруком Алдар-косе пуще прежнего избил Тулена, не дав ему даже подойти к себе с короткой камчой.

Ночью черти, посоветовавшись, тихонько выбрались из землянки и убежали от Алдар-косе, оставив ему и волшебную монетку и золото.



НЕВИДИМЫЙ ВОР

Как-то старый вор отчитывал своего сына:

— Вот уже три года бьюсь я над тобой, а все не могу сделать из тебя настоящего вора. Брал бы ты пример с меня: я украду яйцо из-под сороки, и сорока ничего не услышит.

— Хорошо, — говорит сын вора, — покажи же мне, отец, свое умение.

Они тотчас же отправились в лес и отыскиали там столетнее дерево; в ветвях его было скрыто сорочье гнездо, а в гнезде сидела на яйцах сорока. Старый вор взобрался на дерево и запустил руку в гнездо. Сорока даже не встрепелась и продолжала сидеть как ни в чем не бывало. Тем временем сын вора отпорол потихоньку у отца подошву, вынул из сапога стельку и встал в сторонке, приняв простодушный вид. Старый вор, окончив свое дело, опустил руку с дерева: в руке у него было сорочье яйцо.

— Видишь, — говорит он сыну, — а сорока думает, что у нее в гнезде все в порядке.

Тогда молодой вор громко рассмеялся и спрашивает:

— А у тебя, у самого, отец, все ли в порядке?

Оглядев себя с головы до ног, старый вор только тут заметил, что у него из сапога пропала стелька. Он заплакал от радости, обнял сына и сказал:

— Теперь я вижу, что ты вор из воров и даже меня превзошел в воровской сноровке. Иди же, куда хочешь, добывай себе денег и счастья.

Он поцеловал на прощанье сына, и тот отправился в путь.

Он шел три дня и три ночи, прошел три горы и три долины, и, наконец, вышел на большую дорогу.

Той порой некий бай вел по дороге к городу козу и козленка. Козу он тащил за собой на веревке, а козленок бежал следом. Вор подкрался сзади, унес козленка в кусты и там перерезал ему горло. Бай не заметил пропажи и все шел да шел вперед, а когда оглянулся, то очень удивился, не увидев козленка. «Э-э-э, — подумал бай, — видно, отстал козленок дорогой? Надо за ним вер-

нуться». И, привязав козу к дереву, он направился в обратную сторону.

Тут вор, перерезав веревку, увел и козу.

Бай шел по своим следам, пока не выбился из сил, но не найдя козленка, вернулся на старое место. Смотрит, а там, где была привязана коза, только болтается обрывок веревки. Ничего не понимая, бай схватился за голову и стал звать на помощь.

Между тем вор переправился вброд через реку и, спрятавшись на другом берегу, трижды подал голос, подражая блянию козы:

— Ме-е, ме-е, ме-е...

Бай обрадовался, услышав бляние, и сказал самому себе: «Должно быть, коза перешла реку и пасется с козленком где-нибудь на лужайке». Не долго думая, он скинул с себя одежду и, войдя в воду, поплыл на другой берег. А вор в это время перебежал брод, схватил его одежду и снова скрылся в кустах. Бай переплыл реку, обшарил весь луг, но не отыскал ни козы, ни козленка. Когда же он в отчаянии приплыл назад, то не нашел и одежды. Тут он, голый, повалился на землю, стал плакать и причитать во весь голос, проклиная вора и жалуясь на свою участь.

Случилось так, что в ту пору проходил мимо караван с богатыми товарами, и караванчики решили стать здесь на ночлег. Услышав это, голый бай подошел к ним и, рыдая, стал их уговаривать:

— Уезжайте отсюда поскорей, это нехорошее место! Поселился тут невидимый вор, обокрал он меня, ограбит и вас!

Караванчики рассмеялись:

— Нас-то вор не проведет — мы выставим на ночь стражу!

Они развьючили верблюдов, сложили товары в кучу и легли спать, оставив возле товаров двух караульчиков.

Караульчики развели костер и стали поджидать вора. Наступила ночь. Один караульщик говорит:

— Видно, не придет уже вор.

А другой в ответ:

— Нет, придет непременно.

Первый опять свое:

— Не придет вор!

Второй не уступает:

— Нет, придет!

Пока они спорили, вор подполз к ним незаметно и, нацелившись, сунул первому караульщику палкой в глаза. Тот заревел от боли.

— А-а-а, — закричал он, — так ты еще и драться!

И набросился с кулаками на товарища. Они сцепились и с

бранью начали кататься по земле. От шума и криков проснулись караванщики. Они решили, что стража поймала вора. Прибегают к костру и видят — лежит на земле человек, а другой сидит на нем верхом и что есть сил колотит его кулаками. «Ну, так и есть, — думают караванщики, — вот караульщик оседлал вора, да, видно, один не может с ним справиться». Они навалились на лежащего, сбились в кучу, машут кулаками и уже ничего в темноте не могут разобрать, где вор, где караульщик, кто здесь свой, кто чужой.

— Держи вора, бей вора! — кричат караванщики и зная тузят друг друга по чем ни попало. Между тем вор не зевал: он угнал всех верблюдов и спрятал их за горой.

Стало светать. Караванщики опомнились, осмотрелись и видят—все они в синяках и ссадинах, а вора между ними нет, и верблюдов след простыл. Тогда пустились они в погоню за воров и вскоре исчезли вдали.

Тут вор вышел из своей засады и унес тюки с товарами. Он навьючил тюки на верблюдов и отправился в город. В городе он продал все, что добыл в дороге, и поселился в маленьком домике неподалеку от базара.

В том городе жил султан. И вот вскоре дошел до вора слух, что у султана, среди других сокровищ, есть слиток золота величиной с конскую голову. Но где его султан прячет, — никто не мог сказать.

Однажды ночью вор подкрался к кибитке султана и, заглядывая в нее сквозь щелочку, закричал:

— Султан, проснись, твое золото украли!

Султан вскочил с постели и стал будить жену:

— Жена, слышишь, кричат, что мое золото украли!

Султанша приподняла свое изголовье, и под ним засверкало золото.

— Да нет же, — говорит она, — золото на месте. Это, видно, кого-то другого обокрали!

И султан захрапел опять, а вор запомнил, где лежит золото.

На другую ночь он залез через шанграк в кибитку султана, вытащил из-под изголовья султанши слиток, и незамеченный, выбрался вон.

Когда султан узнал об исчезновении золота, он пришел в страшное бешенство и дал себе слово во что бы то ни стало изловить вора. Он повелел рассыпать посредине улицы мешок денег, а по сторонам поставить стражу и хватать всякого, кто сделает попытку поднять хоть одну монету.

Услышав об этом, вор переоделся водоносом, а пятки намазал глиной, потом взял в каждую руку по ведру и принялся таскать воду взад и вперед мимо стражи.

Стражники говорят между собой:

— Этот человек — честный водонос, он не выпускает из рук ведер и даже не смотрит на рассыпанное золото.

А вор, идя в одну сторону, незаметно наступал пяткой на монету и, идя в другую сторону, делал то же самое. Монеты прилипали к пяткам, и так он по одной денежке унес все золото.

Вечером стражники спохватились, но было уже поздно. Дрожая от страха, они отправились к султану с повинной. Выслушав стражников, султан рассвирепел еще больше и повелел наказать их палками и бросить в темницу. И распорядился положить посредине улицы мешок, полный золота, а по сторонам опять поставил стражу. «Не так-то легко будет украсть мешок с золотом», — думает султан.

Вор же и на этот раз не стал втупик.

Он купил белого скакуна, вымазал ему один бок сажей и, вскочив в седло, как ветер, промчался мимо стражи, на скаку схватил мешок и скрылся с глаз.

Когда стражники прибежали к султану и стали наперебой рассказывать ему о случившемся, султан прикрикнул на них и спросил:

— Скажите же, по крайней мере, разини, на какой лошади был вор?

Одни ответили:

— На белой.

А другие сказали:

— На черной.

— Вы, должно быть, сговорились и дурачите меня заодно с вором, негодяи! — в гневе воскликнул султан и повелел тотчас же казнить всех стражников.

Вскоре после того вор, бродя за городом, встретил дочь султана, гулявшую в кругу подружек. Ни в степи, ни в горах не было подобной красавицы, и среди небесных звезд одна только Омир-Зая¹ могла бы быть ей соперницей. Вся она была осыпана драгоценными украшениями, и вор долго не знал, на чем ему остановить взор, пока не увидел ослепительное ожерелье, охватывавшее шею девушки. Его составляло сто самоцветных камней, и самый меньший из них светился, как луна, а самый крупный блеском затмевал солнце.

С тех пор вор лишился сна и покоя. Ни на одно мгновение воспоминание об удивительном ожерелье не выходило у него из головы, и он день и ночь только и думал о том, как бы им завладеть. «Я умру, если не добуду ожерелья дочери султана», — повторял он самому себе и, наконец, решился действовать.

¹ Омир-Зая — Венера.

Однажды, на склоне дня, когда на базаре уже прекратился торг и все торговцы расходились по домам, вор постучался подле лавки мясника.

— Послушай, приятель, — сказал он, — я хочу купить у тебя фунт мяса.

Мясник отвесил кусок мяса и уже хотел было отворить дверь лавки, чтобы передать его покупателю, но вор сказал ему:

— Я очень тороплюсь, протяни мне мясо в эту щель.

Когда же в щели появилась рука мясника, вор ударил по ней со всего размаха ножом и, спрятав отсеченную руку в карман, исчез за поворотом улицы.

В полночь он пробрался в кибитку султанской дочери. Она крепко спала, и ожерелье своим сиянием освещало ее лицо. Была она так прекрасна, что вор невольно залюбовался ею. Сняв ожерелье с шеи девушки, он склонился над нею и поцеловал ее губы. Дочь султана проснулась и схватила вора за руку.

— Наконец-то ты попался, проклятый вор, теперь уж ты не уйдешь! — вскричала она.

— Госпожа, — вкрадчиво и покорно сказал вор, — не поднимай среди ночи шума, я и так не собираюсь от тебя бежать.

Дочь султана поверила ему: крепко сжимая руку вора, она стала дожидаться рассвета. Прошло много времени, и вор начал умолять девушку:

— Госпожа, у меня совсем затекла рука. Сжался надо мной — возьми меня за другую руку.

— Хорошо, — ответила дочь султана, — протяни мне другую.

И тогда вор протянул ей руку мясника. Она уцепилась за мертвую руку и не отпускала ее до утра, думая, что держит вора, а вор ползком выбрался из кибитки и был таков.

Когда рассвело, дочь султана, увидев, что вор ее перехитрил, стала кричать и звать на помощь. На ее крики прибежал султан. Выслушав рассказ дочери о том, что случилось ночью, он сказал:

— Вор, желая скрыться, отрезал себе руку, теперь-то я разыщу его!

Султан приказал в тот же день созвать и выстроить рядами на городской площади всех своих подданных. Когда народ собрался, он стал обходить по рядам, отыскивая вора по мертвой руке, но все было напрасно. Наконец он заметил в одном из рядов безрукого человека и радостно воскликнул:

— Вот вор, схватите его!

Стража схватила безрукого, и тут султан узнал в нем мясника. Тогда он в отчаянии разорвал на себе одежды и сказал:

— Не тот вор, кому принадлежит эта рука, а тот вор, кто украл эту руку! — И, опечаленный, он ушел в свою кибитку.

Через короткое время к султану прибыл гонец от хана и передал ему такое послание: «Если ты, султан, так ничтожен, что не можешь справиться с вором, хозяйничающим в твоей ставке, то ты должен отдать мне все свои владения. А не отдашь, я все равно возьму их силой.

Султан сильно обеспокоился этой вестью и отвечал хану через гонца так: «О, великий хан, ты вправе был бы отнять мои владения, если бы я не смог обнаружить обыкновенного вора. Но тот вор, который причинил мне столько огорчений, превосходит хитростью всех, бывших до него, и даже сам ты, о, могущественный хан, не смог бы с ним сладить».

Когда хан получил ответ султана, им овладела страшная ярость, и он тут же снова отправил к султану гонца.

«Дерзкий султан, — писал хан, — даю тебе сроку сорок дней! Если за это время твой вор унесет из моего дворца хоть щепку, я отдам тебе половину моих земель и вместе со своим войском стану являться к тебе на помощь по первому твоему зову; если же вору не удастся меня обмануть, ты отдашь мне всю страну, и я не оставлю в твоей ставке камня на камне и тебя самого навеки сделаю своим рабом».

Услышав эту угрозу, султан совсем смутился. Он созвал мудрецов и визирей и три дня совещался с ними. Потом он приказал собрать на площади всех своих подданных и, сидя перед ними на коне, прочитал им послание хана и сказал:

— Вас здесь много, и я не знаю, кто из вас вор. Но кто бы из вас ни был вором, я обещаю ему, — если он в течение сорока дней украдет у хана какую-нибудь вещь, — я отдам ему в жены свою дочь и сделаю его своим наследником.

Сказав это, султан удалился в свою кибитку и сорок дней оставался там один, не смыкая глаз и не принимая пищи.

Когда миновало тридцать девять дней, вор сказал себе:

— Пора приниматься за дело.

Он купил верблюда и козлиную шкуру с рогами, к каждому волоску на шкуре пришел по бубенцу, положил шкуру в мешок и, сев на верблюда, отправился в столицу хана. Прибыв в столицу, он зашел в чайхану и там провел весь день, играя в кости. Когда же наступила ночь, он вскинул на плечи мешок и, взяв за повод верблюда, направился к ханскому дворцу. Он привязал верблюда перед дворцом, а сам по дереву забрался во внутренние покои. Здесь он вынул из мешка козлиную шкуру, напаялил ее на себя шерстью вверх, улегся под дверью ханской спальни и стал кататься с боку на бок.

В это время хан ложился спать и, смеясь, говорил ханше:

— Завтра истекает срок моего договора с султаном. Завтра он сам отдаст мне свои владения!

Вдруг за дверью спальни раздался страшный шум и звон. Хан побледнел и, не веря своим ушам, спросил у жены:

— Жена, слышишь ли ты звон? Что бы это могло быть?

Ханша, дрожа, отвечала:

— Я слышу звон, но не знаю, что это такое. Пойди взгляни, кто решился беспокоить нас перед сном?

Хан взял в руки светильник и, холодея от страха, вышел за дверь, и перед ним запрыгал вор, трясая козлиными рогами и неистово гремя бубенцами.

— Кто ты? — чуть слышно спросил хан.

— Я шайтан, — отвечал вор.

— Что тебе надобно от меня? — еще тише спросил хан.

— Я пришел за твоей душой.

Тут хан упал перед ним на колени и стал умолять позволить ему проститься с женой.

— Хорошо, — сказал вор, — иди, простись с женой. Но не заставляй меня долго ждать, я тороплюсь в преисподнюю!

Хан, как безумный, вбежал в спальню, крича:

— Жена, жена, это шайтан пришел за моей душой! Спрячь меня куда-нибудь поскорее!

Ханша открыла сундук, и хан залез туда на самое дно. Потом она и сама забралась туда же и захлопнула крышку. Тогда вор вошел в спальню, перевязал сундук волосяным арканом, вынес его на улицу, взвалил на верблюда и поехал назад.

Еще не всходило солнце и все спали, когда вор вернулся в ставку султана. Он сразу же поехал к султанской кибитке, поставил сундук у дверей, а сам ушел домой.

Утром султан вышел из кибитки и, увидев сундук, обрадовался и развеселился. Он приказал снова созвать весь народ.

Когда все собрались, султан сказал:

— Вот стоит сундук из ханского дворца. Пусть же выйдет ко мне вор, укравший его, и скажет, что в нем находится, и я награжу его, как обещал.

Тогда из толпы один за другим стали выходить юноши, мужи и старики и каждый из них называл себя вором, но никто не мог сказать, что спрятано в сундуке.

Наконец выступил вперед настоящий вор. Он сказал:

— Я вор, которого ты, султан, не мог поймать, я украл и этот сундук. Спрятаны же в нем хан и ханша.

Никто не поверил вору, и все стали смеяться над ним.

Тогда султан повелел открыть сундук. Слуги осторожно приблизились к сундуку и распахнули крышку.

И тут из сундука вышли хан и его жена, не смея поднять глаз от стыда и унижения.

И султан сказал хану:

— Ты насмехался надо мной, когда вор похищал мои вещи, так вот теперь он украл тебя самого!

Потом он вывел за руку из кибитки свою дочь и обратился к вору с такими словами:

— Вот тебе моя дочь. Отныне ты будешь моим визирем и наследником. Искусный вор — лучший помощник султану в его делах.

На радости султан устроил роскошный пир, и на том пиру пели лучшие певцы и состязались в ловкости лучшие наездники.

ЗАГАДКИ

- ¹ Вот чудо — есть на свете пес:
Сторожит он дом, не лая,
И ходить не может — нету ног.
Сунешь в зубы палку — заговорит,
Но люди не понимают этой речи.
Пока этот пес не позволит —
Никто не войдет в дом.
- ² Зеленый теленок толстеет на тонкой привязи.
- ³ Туда-сюда ходит, а следов не видно.
- ⁴ Что за вещь, которая отдает себе в пищу свою одежду,
Соединяя в себе большую пользу и большой вред?
Если вредное ее свойство возьмет верх,
То прозорливость этой вещи и выразить невозможно.
- ⁵ Пока мать ичиги надевала, дочь до Москвы добежала.
- ⁶ Белый баран ушел, черный остался.
- ⁷ Вот так птица: мала, в пищу негодна, боится и ребят и взрослых,
Кровь ее — вредна, а тело — скверное, ловить ее
надо без ружья.
- ⁸ Другая птица: очень мала, но пугает и ребят и взрослых;
Кровь ее — чиста, а мясо — дурно, нет ни меча, ни сабли,
а поражает врагов.
- ⁹ Упругая моя шкурка до старости не изнашивается.
- ¹⁰ Ряд в ряд камни поставили, рыжую лошадь за забором оставили.
- ¹¹ Белая собачка прыгнула с телеги.
- ¹² Тысячу баранов одной хворостиной гоняю.
- ¹³ У одной мыши — два хвоста.
- ¹⁴ Души и языка нет, а говорит разумное.
- ¹⁵ Никого не обижает, а все ее бьют.

1. Замок. 2. Арбуз. 3. Ветер. 4. Огонь. 5. Дым. 6. Снег и земля весной. 7. Блоха. 8. Пчела. 9. Ухо. 10. Зубы и язык. 11. Плевок. 12. Бритва. 13. Ножницы. 14. Книга. 15. Дверь.



ПИСКУН

В одном ауле жил богатый старик. Имел он десять сыновей. Старшие девять были задиры и драчуны, а самый младший был уступчив и робок. Братья постоянно обижали и колоутили его, а он, не смея перечить им ни в чем, только прятался по углам да пищал потихоньку. За это так и прозвали его — Пискун.

Умирая, старик призвал к себе сыновей и приказал им все его имущество разделить между собой поровну. Но старшие сыновья не послушались отца. Они забрали себе все самое лучшее, а Пискуну дали лишь то, что им самим не было нужно. Каждому из них досталось по десяти быков и по богатой кибитке, а Пискуну — один хромой бык да ветхий шалаш.

Стал жить Пискун в шалаше, а чтобы не умереть с голоду, нанялся он к братьям в батраки. Он работал на них в поле с утра до ночи и получал за это только обеды из их казанов. Каждую минуту со всех сторон сыпались на него насмешки и попреки, и не было дня, чтобы он трижды не пожелал себе смерти.

Когда Пискун возмужал и окреп, стал он замечать, что хоть братья и богаче его, но умом они не превосходят и годовалой овцы. И решил он тогда разделаться с ними за все, что вытерпел от них.

Однажды хромого быка Пискуна ужалила змея, и он околел. Ничего не говоря братьям, Пискун перерезал горло мертвому быку и стал снимать с него кожу. Увидев его за этим занятием, братья вскричали в один голос:

— Что ты наделал, глупец?

— Да вот, видите, — отвечал Пискун, — зарезал я своего быка. Пришло мне в голову, что сам он не стоит того, что можно выручить за его шкуру.

— Ну, ну, посмотрим мы на твою выручку! — сказали братья и громко рассмеялись.

А Пискун содрал кожу, взвалил ее себе на плечи и отправился в соседний аул. Там отыскал он кибитку богатого бая и стал ходить перед ней взад и вперед.

Бай заметил его.

— Эй, жигит! — закричал бай. — Продашь кожу?

— Продаю, — ответил Пискун.

— А что хочешь за нее?

— А что дашь?

— Дам меру пшеницы.

— Согласен, — сказал Пискун и вошел в кибитку бая.

— Послушай-ка, жена, — сказал бай, — возьми у этого парня бычью шкуру да отсыпь ему меру пшеницы, а я пойду взгляну, не лентяе ли работники в поле.

Сказал и ушел.

Пискун получил свою пшеницу и тоже уже совсем было собрался уходить. Но тут в кибитку вошел брат бая и, отозвав хозяйку в сторону, стал шептать ей что-то на ухо. Пискун прислушался.

— Сегодня ночью, — шептал брат бая, — мы совершим с тобой то, что давно задумали совершить. Я приду к тебе в полночь с ножом, мы убьем твоего мужа, тело его зароем в землю, а золото поделим пополам.

Услышав это, Пискун как бы нечаянно уронил мешок и рассыпал пшеницу. Жена бая накинулась на него с бранью и, присев на корточки, принялась помогать ему подбирать пшеницу, чтобы только скорее выпроводить его из кибитки. Но Пискун нарочно не торопился и подбирал с земли по одному зернышку. Так они ползали по земле, пока подле кибитки не раздалась шаги бая.

Жена и брат бая переполошились.

— Полежай скорее в ступу! — крикнула хозяйка своему сообщнику.

И только он скрылся в ступе, как в кибитку вошел бай.

— Ты что здесь делаешь до сих пор? — спросил бай Пискуна.

— О, мой бай, — ответил тот. — Я рассыпал нечаянно пшеницу и собирал ее, чтобы и зерна не валялось у тебя под ногами. Да, кроме того, я хотел дожждаться тебя, чтобы сообщить тебе кое-что... Не буду тебя долго томить: я видел, как в эту ступу заползла огромная змея. Боюсь, не наделала бы она тебе беды.

Бай побледнел и затрясся от страха.

— Как же теперь быть? — спросил он, пятась к двери.

— Есть выход, — сказал Пискун, — так и быть, я выручу тебя по дружбе. Прикажи только сварить побольше киселя, и тогда змея не уйдет из кибитки живой.

Бай тотчас же приказал жене сварить казан киселя, и Пискун стал медленно лить его в ступу.

Брат бая заметался в ступе, а бай, видя, как она раскачивается из стороны в сторону, говорил Пискуну:

— Ты мой спаситель, ты мой спаситель! Не случись ты здесь во-время, погиб бы я со всем моим домом.

Пискун перелил весь кисель, прикрыл ступу кошмой и посоветовал баю не открывать ее три дня.

— Останься у меня на эти три дня, — взмолился бай. — Вот тебе в награду десять золотых.

Пискун взял деньги и остался у бая.

Ночью бай заснул, а жена его поднялась с постели, хотела вынуть из ступы труп и похоронить его втихомолку. Пискун заметил это и громко кашлянул.

Перепугавшись, жена бая дала ему еще двадцать золотых, чтобы только он не выдавал ее мужу.

Тогда Пискун помог ей зарыть мертвеца, и бай за три дня ни о чем не догадался.

Через три дня Пискун вернулся домой. Он показал братьям тридцать золотых и сказал, что выручил их за шкуру быка.

Когда братья увидели у Пискуна столько золота, они едва не умерли от зависти. Они проворочались без сна всю ночь, а наутро, лишь только показалось солнце, зарезали всех своих быков, содрали с них шкуры и понесли их продавать.

Они проходили весь день, побывали во многих аулах, но никто даже и не взглянул в их сторону. Злые и усталые, вернулись они домой поздней ночью и тут же порешили жестоко отомстить младшему брату.

Наутро братья толпой направились к Пискуну. Завидев их издали, он убежал в степь. Братья долго искали его и, не найдя, подожгли его шалаш.

Когда Пискун вернулся назад, на месте шалаша лежала лишь куча остывшей золы. Он собрал золу в мешок, навьючил на ишака и погнал его мимо аула братьев.

Братья, стоя у дверей своих кибиток, смеялись ему в лицо:

— Что ты собираешься делать с золой? — спросили они Пискуна.

— Я везу ее продавать в город. Хочу получить за нее мешок золота, — как ни в чем не бывало отвечал он.

Путь Пискуна лежал мимо дворца хана.

В дворцовом саду играли и резвились молодые ханские жены. Увидев на дороге ишака, они пристали к Пискуну с просьбами, чтобы он позволил им покататься на нем.

— Хорошо, — сказал Пискун. — Только знайте, что осел мой навьючен золотом и золото это заколдованное. Если кто-нибудь из вас, сидя на осле, в мыслях пожелает смерти хану,

оно тут же превратится в золу. Смотрите же, вам придется тогда платить мне сполна.

Красавицы сделали вид, что рассердились на невежу погонщика:

— Что ты такое говоришь, грубиян! Ты, видно, забыл, что перед тобой ханские жены!

Отчитывая так Пискуна, они стали по очереди кататься на ослике по дороге туда и обратно, и это доставило им большое удовольствие. Когда они, накатавшись вволю, наконец, вернули ослика хозяину, тот прежде всего поспешил заглянуть в мешок. Едва приоткрыв его, он пронзительно вскрикнул и, повалившись на землю, стал плакать и причитать:

— Бедная моя головушка, мое золото превратилось в золу! Ханские жены разорили несчастного погонщика!

Видя, что от него теперь не отвяжутся и, опасаясь, как бы хан не услышал его стонов, красавицы побежали во дворец и вынесли оттуда по пригоршне золота. Они высыпали золото в мешок Пискуна; мешок был полон.

Пискун взвалил его на осла и, весело напевая, пустился в обратный путь.

Когда братья увидели у Пискуна столько золота, они совсем обезумели от досады и зависти. Не долго думая, они сожгли свои кибитки со всем, что в них находилось, и, навьючив мешками с золой десять ослов, двинулись в город.

Три дня они простояли на базаре, и никто даже не взглянул в их сторону, а когда они сами предлагали прохожим купить у них золу, те поднимали их насмех, как сумасшедших. Злые и голодные, вернулись они к месту, где недавно стояли их красивые кибитки, так разговаривая между собой:

— Мы обладали богатством и почетом, Пискун же превратил нас в нищих, презираемых всеми. Мы не утешимся до тех пор, пока не сживем его со света!

Однажды, когда Пискун спал на траве, братья подкрались к нему, связали и, зашив в кошму, понесли его топить к реке.

На пути они увидели несметное множество народа. «Что за сборище?» — подумали они и, бросив тюк на дороге, поспешили к толпе. Там они узнали, что по случаю смерти хана народ собрался выбирать нового.

Между тем дорогой проходил один бай, знаменитый в округе своей глупостью. Он наткнулся на мешок из кошмы и, заметив, что в нем зашит человек, стал расспрашивать его, за что он терпит такую муку.

— Видишь ли, добрый человек, — отвечал Пискун, — меня хотят избрать ханом вместо умершего, но я отказываюсь на-

отрез, потому что мне противна власть и роскошь. За свое упрямство я и подвергнут этой пытке.

«Вот так дурак! — подумал бай. — Он отказывается от своего счастья! А я так совсем бы не прочь был сделаться ханом».

И он обратился к Пискуну:

— Послушай, любезный. Мне стало жаль тебя. Я готов очутиться на твоём месте, чтобы только избавить тебя от страданий. Больше того, я дал бы тебе полный золота кошелек, если бы ты согласился зашить меня вместо себя в кошму.

Пискун не заставил себя долго просить. Как только он оказался на свободе и получил кошелек, он наскоро зашил бая в кошму и скрылся среди народа.

Через короткое время братья вернулись на дорогу, подхватили тюк и поволокли его к реке. У бая все внутренности переворачивались на ухабах и кочках, но он не переставал орать во все горло:

— Я хочу быть ханом! Я хочу быть ханом!

— Ты будешь ханом подводного царства, — смеясь, сказали братья и, раскачав тюк, бросили его с обрыва в воду.

Они возвращались назад, радостные и довольные, рассуждая о том, что никогда больше Пискун не будет дурачить их своими проделками.

А Пискун тем временем шел да шел по степи.

Наконец достиг он владений другого хана и увидел здесь неисчислимое стадо баранов. Стадо караулил старый пастух. Голова его была покрыта отвратительными болячками, и он стонал от боли.

— Здоров ли ты, добрый человек? — приветствовал пастуха Пискун. — Чье это такое огромное стадо ты пасешь?

— Пасу я стадо нашего хана, а здоровье мое — сам видишь какое: вот уже тридцать лет мучат меня проклятые болячки на голове. А ты кто такой, прохожий?

— Я лекарь, — ответил Пискун, не сморгнув глазом.

Тогда пастух начал кланяться и просить вылечить его от болячек.

— Хорошо, — сказал Пискун, — я вылечу тебя.

Он велел пастуху зарезать молодого козленка, мясо сварил и съел, шкуру выбросил, а желудок положил в яму.

— Опусть голову в яму, — сказал Пискун пастуху, — на день на нее желудок козленка и оставайся в таком положении до вечера. Вечером я смажу тебе темя мазью, и ты будешь совершенно здоров. А пока я сам попасу твоих баранов.

Пастух не знал, как и благодарить Пискуна, он сделал все, что тот ему приказал.

Но лишь только голова пастуха исчезла в яме, Пискун под-

нял с земли его палку и не спеша погнал гурт баранов в свой аул.

— О, всемилостивейший аллах! Да ведь мы же бросили тебя в реку, каким же чудом удалось тебе спастись? И откуда у тебя эти бараны? — такими возгласами встретили Пискуна братья.

— Братья, — сказал им Пискун, — вы много сделали мне зла, но я не помню обид и не хочу скрывать от вас того, что видел и слышал под водой. Как только я ступил на дно, взору моему открылась роскошная долина; по ней ходили бесчисленные стада баранов, и в их пастухе я сразу узнал нашего покойного отца. Он очень обрадовался, увидев меня, тут же выделил мне часть баранов и указал дорогу, по которой я легко выбрался из подводного царства. Прощаясь со мной, отец очень просил, чтобы и вы навестили его и заодно угнали бы к себе остальных баранов, потому что ему уже трудно становится их пасти.

У братьев глаза разгорелись и помутился рассудок от зависти. Они окружили Пискуна и со всех сторон наперебой стали приставать к нему с лицемерными просьбами:

— Дружок, — говорили они, — прости нас за прошлое. Отныне ты будешь нашим любимым братом и товарищем. Покажи ты нам, как пробраться к отцу. Мы никогда не забудем тебе этой услуги.

— Что с вами подлаешь, — как бы нехотя сказал Пискун. — Ладно уж, идите следом за мной.

Он привел братьев к реке. На берегу паслось стадо баранов, и их отражение мелькало в воде. Пискун, показав братьям на отражение, стал уверять их, что это одно из многочисленных подводных стад отца.

У братьев и дух захватило при виде баранов. А Пискун довел их до самого бурного водоворота и остановился.

— Прыгайте здесь, — сказал он.

Сначала братья не решались прыгать, но, наконец, самый старший из них и самый жадный поборол страх и, подобрав полы халата, с разбегу бухнулся в воду. Он, как камень, пошел ко дну, и только палка, которая была у него в руке, на мгновение показалась над поверхностью и снова исчезла под водой.

Тогда Пискун закричал:

— Смотрите, смотрите, брат уже отыскал отца, и вот он машет вам палкой, чтобы вы поспешили за ним.

Тут братья, один за другим, попрыгали с берега и пропали в водовороте.

А Пискун прожил еще много лет и немало совершил различных дел.



АЯЗ-БИЙ

Давным-давно это было. Жил на земле хан. Звали его Маден. Был он мудр и находчив, и не было в степи хана умнее и справедливее его.

Хан Маден имел сорок визирей. Однажды он призвал их к себе и сказал:

— Вы отмечены печатью мудрости и осчастливлены высоким местом при моем дворе. Мне угодно дать вам испытание. Найдите мне самого ничтожного человека из всех живущих на свете, найдите мне самую никудышную птицу на земле и найдите мне самую никчемную траву в степи. Даю вам одиннадцать месяцев срока. Если в течение этого времени не исполните моих приказаний — жестокое наказание постигнет вас.*Так говорю я, хан Маден!

Коли хан приказал — ничего не поделаешь. И визири, посоветовавшись между собой, отправились искать самого ничтожного человека, самую никудышную птицу, самую никчемную траву.

Долго искали визири. Много испытали они бед и лишений пока нашли то, за чем послал их хан.

«Самая никчемная трава — шенгель, — подумали визири. — Скот отказывается есть ее колючки, когда идешь мимо, она цепляется за одежду и рвет ее. Наверное, это и есть самая никчемная трава в степи», решили визири и, набрав ее целый выюк, отправились дальше.

Ехали они, ехали, вдруг смотрят, — сидит в кустарнике птица фазан — небольшая, невзрачная.

«Это и есть, наверное, самая никудышная птица», подумали визири.

Они изловили фазана и поехали дальше.

На склоне горы встретили они человека, одетого в лохмотья. Он пас не более десятка овец. Визири стали внимательно разглядывать его: не это ли самый ничтожный человек из всех людей, живущих на земле? Пока визири рассматривали его, человек сам обратился к ним:

— О, высокочтимые, что вас так удивляет во мне?

Визири рассказали ему о поручении хана.

— Нам осталось найти самого ничтожного человека, и мы смогли бы тогда смело вернуться домой, — сказали они. — Но мы потеряли надежду найти ничтожного человека, и поэтому душа каждого из нас полна страха. Твой жалкий вид порастил нас, и вот мы стоим и глядим на тебя: не ты ли и есть самый ничтожный человек?

Оборванец ответил:

— Ну что же? Меня зовут Жаман (что значит — ничтожный, плохой). Должно быть, этот человек и есть я. Ведите меня к хану, и ваше дело будет закончено.

Визири согласились с Жаманом и повезли его во дворец.

По дороге Жаман посоветовал визирям выбросить фазана и шенгель-траву, а вместо них взять кара-когу и сороку. Визири потребовали объяснения, но Жаман заявил, что ответит лишь самому хану, и визири сделали, как он советовал.

Когда визири предстали перед ханом, он, посмотрев на Жамана, сказал:

— Человек, которого вы привели, действительно похож на ничтожного. Ничтожнее его уже, наверное, нет никого на свете! Отведите его пока на кухню, пусть повар накормит его похлебкой с хлебом. Завтра я буду с ним говорить.

Увели Жамана на кухню.

— А что касается никчемной травы и никудышной птицы, — продолжал гневно хан, — то вижу я, что вы их отыскать не смогли. Ведь издавна считается никудышной птицей — фазан, никчемной травой — шенгель. Незачем было ездить так далеко: кара-кога заполняет все берега моих озер, а сороки живут в любом из моих лесов. И хотя вы это отлично знали, вы все же притащили их сюда!

Визири ответили:

— Хан! Ты прав. Мы, действительно, взяли было шенгель и фазана, но по дороге Жаман сказал нам, что самая никудышная птица — сорока и самая никчемная трава — кара-кога и посоветовал нам взять именно их.

Задумался хан.

— Э-э! Что-то есть на уме у Жамана! Откуда он знает, что самая никчемная трава — кара-кога, а самая никудышная птица — сорока? Приведите-ка его сюда!

Жамана привели к хану. Хан посмотрел на Жамана и спросил:

— Откуда тебе известно, что кара-кога — самая никчемная трава, а сорока — самая никудышная птица?

Жаман ответил:

— Великий хан! Я стал ничтожным не от старости, а смолу: всю жизнь я работал у чужих людей. Когда я приносил в зимовье шенгель и топил ею очаг, то жар держался в печи до утра, как будто я топил саксаулом. Тогда я понял, что хотя шенгель рвет одежду и хотя скот не ест ее, но все же шенгель полезна человеку. А кара-кога? Когда я бросал ее в огонь, она не горела, когда я пытался раздуть пламя, зола поднималась кверху, а пламя потухало. Тогда я подумал: может быть, скот будет есть ее? Но скот не ел этой травы, отходя от нее прочь. Вот почему я решил, что кара-кога и есть самая никчемная трава.

— А сорока? Откуда ты взял, что она никудышной фазана?— спросил хан.

— Каждый знает, что фазан приятен на вкус, — сказал Жаман. Нельзя винить его за то, что у него невзрачный вид, таким уже сотворила его природа. А вот сорока, хотя и красива перьями, но никудышна нутром. Подобно тому, как пестры ее перья — нет меж сороками согласия; две сороки вместе не летают, две сороки вместе не сидят. Человеку от нее никакой пользы нет, в пищу она не годится. Поэтому сорока — самая никудышная птица.

— Хорошо, — сказал хан, — ты все правильно говоришь. Но откуда ты знаешь, что ты-то и есть самый ничтожный человек?

— О, хан! — ответил Жаман. — Мне пятьдесят лет. Сверстники мои давно поженились. Их окружают дети, жены им прислуживают, посторонние оказывают уважение. А я скитаюсь по миру, тружусь на чужих людей. Кто же тогда ничтожный человек, кто же тогда Жаман, как не я?

Хан покачал головой.

— Ой, рад бы я был, если бы ты действительно оказался Жаманом! Ну, ладно. Ты сказал все правильно. Теперь, вот, послушай. Есть у меня один чудесный конь, взгляни на него и скажи, каков он.

— Хорошо! — согласился Жаман.

Когда привели к нему коня, Жаман внимательно его осмотрел и сказал:

— По виду — у коня недостатков нет. Позволь, хан, проехать на нем.

Хан согласился, Жаман переехал на коне через реку и, вернувшись, сказал:

— Мой хан! У этого коня нет недостатков, если не считать, что у него в повадке есть что-то коровье.

Хан удивился.

— Ох, злодей! Откуда ты это узнал? Ты угадал! Мать этого жеребенка пришлось прирезать, и пока он вырос и смог сам пас-

тись, его кормили молоком коровы... Но как ты догадался об этом?

— Я заметил, что, переходя реку, конь этот задние ноги отряхивал, а голову все время пригибал к воде. Корову хоть сорок раз напои, она не пройдет через реку, чтобы не напиться в сорок первый.

Окружавшие хана визири с удивлением посмотрели друг на друга. Хан некоторое время сидел задумавшись. Потом он сказал:

— У меня есть драгоценный камень. Этот камень обладает чудесным свойством, подобно перстню Соломона, посоху Моисея, сумке Давида. Отгадай, каким свойством обладает мой камень!

И хан велел принести из своей сокровищницы драгоценный камень. Жаман взвесил камень в руке и сказал.

— Твой камень, хан, действительно чудесен! Но кто-то позавидовал тебе и сглазил его: в нем завелись два черноголовых червя. Они уже источили сердцевину камня. Пройдет два года — камень расколется и потеряет свое чудесное свойство.

Приближенные хана не знали, верить Жаману или нет. Тогда хан решил сам, приказал расколоть камень — и в нем нашли двух черноголовых червей.

— Откуда ты узнал, что в камне живут черви?—спросил хан.

— По своему чудесному свойству, камень должен был бы обладать необыкновенной тяжестью, — ответил Жаман. — Но он оказался легче, чем я того ожидал. Отсюда я заключил, что в нем должна быть пустота.

Тогда хан задал еще вопрос:

— Ты, оказывается, не Жаман, а мудрец! Так вот, скажи, пожалуйста, как древен мой ханский род!

Жаман обошел вокруг ханского трона и, глядя хану прямо в глаза, ответил:

— Мой хан! В мудрости ты не уступаешь никому, но в твоем роду был единственный хан — ты сам. Родители твои были простыми людьми, а не потомками древнего ханского рода...

— Что ты болтаешь! — гневно воскликнул хан. — Я происхожу из рода, семь колен которого были ханами!

Но Жаман продолжал стоять на своем.

— Нет, государь, — сказал он. — Только ты один — хан. Твои родители были простыми людьми!

Хан приказал позвать свою мать.

— Пусть не окажется она повинной в крови человека и скажет правду: я не могу простить Жаману подобной дерзости и приказу отрубить ему голову!

Когда пришла мать хана и ей рассказали все то, что говорил Жаман, она, глубоко вздохнув, обратилась к хану:

— О, мой светик! Я стара. На склоне жизни я не хочу быть причиной смерти невинного. Я хранила одна тайну, которая была известна лишь богу и мне. Но зачем мне ее беречь, если тайну эту знает еще Жаман?.. Отец твой имел до меня девятнадцать жен и одну за другой убил их за то, что они рожали ему дочерей. Двадцатой женой его стала я. Когда я забеременела, то, испугавшись за свою жизнь, обратилась к знахарям. Они мне предсказали, что я рожу дочь. Я долго горевала в ожидании дочери и своей смерти. В эти дни у одного простого человека, жившего недалеко от нашего дворца, жена была тоже беременна. Я снова призвала знахарей, и они открыли мне, что во чреве простой женщины растет сын. Тогда я вызвала простую женщину к себе и поведала ей свое горе. Я подарила ей много золота и просила ее, если у нее родится сын, отдать его мне взамен моей дочери, сохранив тайну до могилы. Женщина согласилась. Когда пришел час мне рожать, хан был на охоте. Мы разрешились с простой женщиной одновременно. Чтобы сохранить тайну, мы не допустили к себе никого постороннего. Лево́й руко́й я отдала свою дочь, а право́й руко́й приняла к себе тебя, светик мой... Если бог предвидел, что тайна эта раскроется и этот человек ее будет знать, — значит, так суждено! — и она горько заплакала.

— Если это так, — сказал хан, обращаясь к Жаману, — то я менее достоин трона, чем ты, мудрый!

И он сошел с трона, уступив Жаману ханское место.

— Нет, хан! — сказал Жаман, — я — ничтожный человек, и у меня нет желания занять ханский трон. Я удовольствуюсь тем, что буду находиться в твоей тени. Садись же на свой трон, хан Маден!

Хан вернулся на трон и сказал:

— О, государь! Как вы узнали, что я сын простого человека?

Тогда Жаман ответил:

— Умен я или глуп, прав ли, виноват, но когда я пришел к тебе — я был твоим гостем. Ты послал меня на кухню и велел накормить похлебкой с хлебом. Ты не назвал ту пищу, которую едят ханы, а назвал ту, которая считается лучшей у народа. В этом проявилась твоя простота, и я догадался, что ты хан не по рождению...

И вся свита хана и все визири хана не переставали удивляться проницательности Жамана.

А хан попрежнему управлял своими подданными. За ум и находчивость хан полюбил Жамана, назначив его своим главным визирем. А остальные сорок ханских визирей впали в немилость.

Однажды, выйдя из дворца, Жаман увидел неподалеку большую белую юрту. Возле юрты толпился народ, ожидая очереди, чтобы войти внутрь. Жаман вернулся во дворец и спросил хана, что это за сборище.

Хан сказал:

— Видишь ли, Жаман, тут живет один человек: по положению — простолюдин, по богатству — хан, по имени — Вали. У него есть дочь, зовут ее Менды. Вот уже с пятнадцати лет выбирает она себе жениха и не может выбрать, потому что хочет, чтобы жених превосходил ее умом. Сейчас ей уже тридцать пять лет, и до сих пор не нашелся жених. Все приходят к ней, пытаются завоевать ее сердце, и возвращаются обратно, будучи не в силах выполнить ее условий. Люди, которых ты видал возле юрты — баи и мурзы, которые хотят победить ее сердце.

Выслушал все это Жаман и подумал: «А ну, пойду-ка я, попытаю счастья!»

И вечером, когда народ разошелся по домам, Жаман постучал в дверь белой юрты. На его стук вышла стройная молодая девушка. Увидав невзрачного Жамана, она грубо спросила:

— Тебе чего нужно?

— Мое дело не к тебе, — спокойно сказал Жаман. — Мое дело к твоей госпоже. Иди, скажи ей!

Служанка засмеялась и, вернувшись к своей госпоже, сказала:

— Ты хотела, госпожа моя, выбрать себе хорошего мужа, а люди из-за того осмелели без меры: приходит всяк, кому не лень. Вот сейчас пришел такой человек, что на него и смотреть противно, а спрашивает тебя! — закончила она со смехом, подшучивая над своей госпожой.

Менды улыбнулась.

— Хотя вид его невзрачен, откуда ты знаешь — кто он? Вот возьми эти вещи и отнеси ему...

Служанка завернула в шелковую скатерть драгоценный камень, оселок и нож и отнесла Жаману. Жаман осмотрел вещи и сказал:

— Пойди к своей госпоже, возьми у нее те предметы, которых тут не хватает, чтобы сделать все так, как она хочет...

— Ой-бой! — сказала служанка, воротясь к своей госпоже. — Тот Жаман просит предметы, которых недостает среди посланных тобою вещей, чтобы сделать все так, как ты хочешь...

— Хорошо! — сказала Менды. — Тогда снеси ему вот и это!

И она указала служанке на молоток и наковальню.

Жаман, получив то, что просил, положил на наковальню оселок и ударом молотка расколол его пополам. Потом он от-

бил нож от рукоятки и, наконец, превратил драгоценный камень в два осколка. Сделав все это, он собрал осколки, отдал служанке, приказав отнести их девушке.

Увидав разбитые вещи, Менды вскочила.

— Если это не чорт, а человек, — то это и есть тот, кого я так долго ищу! — воскликнула она. — Зови его сюда!

Обомлевшая служанка не знала, что и думать. Она позвала Жамана, и он вошел в юрту, спокойный и медлительный. Говорят, Менды встретила его с почетом, раздела и дала место на своем ложе.

Раньше к ней приходили сыновья баев, ханов. Всем им посылала Менды те же вещи, что и Жаману. Но они, ничего не поняв, лишь возмущались, говоря: «Разве в моем доме нет ножей! Или в казне нет драгоценных камней? Или, наконец, я не видел простого оселка?» — и они уходили недовольные.

В тот самый вечер, когда Жаман вошел к Менды, ее братья держали между собой совет.

— Как же так? — говорили они. — Ей уже тридцать пять лет, она все выбирает себе жениха?! Тут что-то не ладно! У нее, наверно, есть тайный дружок. Надо его обязательно изловить!

И вот в ту же ночь они поставили возле юрты Менды караульных.

Чуть свет Жаман, покинув теплые объятия девушки, счастливый, зашагал домой. Едва он сделал несколько шагов, на него накнулись караульщики, схватили и приволокли к братьям девушки. А те, в свою очередь, взяв Жамана за шиворот, привели его к хану.

— Вот, — сказали они, — поймали, хан, твоего визиря! Ночью, тайно, он ходил соблазнять девушку. Не успел Жаман поселиться в твоём дворце, как начал обижать народ!..

Хан махнул рукой, и братья ушли.

— Ну, — спросил хан строго, когда они остались с Жаманом наедине, — был ты у девушки?

— Нет.

— Но ведь братья ее говорят, что тебя изловили у нее.

— Они клеветают на меня, хан, — ответил Жаман. — Меня поймали, когда я шел через поле...

— Из уважения к твоей мудрости, — сказал хан, — я даже хотел уступить тебе свой трон. Но ты не принял трон. Тогда я сделал тебя главным визирем. А Вали-бай, отец этой девушки, мне менее дорог. Скажи правду, и я обещаю тебе сосватать девушку.

Но Жаман продолжал отпираться. Тогда хан рассердился и приказал палачам повесить Жамана. Палачи повели Жамана к

виселице, накинули на его шею петлю и подняли его высоко под перекладину.

Жаман читал молитвы. Потом он стал хрипеть. Уже дыхание его остановилось, как вдруг, рассекая толпу, прискакал всадник, на белом коне, в белой одежде, с лицом, закрытым покрывалом, подъехал к виселице и ловким ударом сабли перерубил веревку. Когда Жаман упал на землю, всадник сошел с коня, положил на грудь лежавшего саблю и так же быстро, как появился, умчался неизвестно куда.

Прошло немного времени, и Жаман пришел в себя. Палачи хотели было вешать его снова, но он сказал:

— Теперь ведите меня к хану!

И палачи повели его к хану.

Увидав Жамана, хан вскочил со своего трона и с гневом закричал:

— Почему до сих пор не казнили его?

Палачи, упав на землю, рассказали хану обо всем случившемся. Хан обернулся к Жаману.

— Что же, ты решился, наконец, сказать мне правду?

— О государь! — сказал Жаман. — Я пришел сказать всю правду...

— В таком случае скажи, правда ли, что ты был у Менды, дочери Вали-бая, в ту ночь?

— Правда.

— Дал ли ты слово, что женишься на ней?

— Да, мой хан, дал слово.

— Почему же в тот раз ты не сказал мне об этом?

— Государь! — молвил Жаман. — В тот раз я не сказал правды по следующей причине. Когда я пришел к дочери Вали-бая и дал ей знать об этом, то она послала ко мне оселок, нож и драгоценный камень. Это означало: «до тех пор, пока оселок не сточится, до тех пор, пока нож не отделится от рукоятки, умей хранить тайну. Человек, не раскрывший тайны за этот срок, своей верностью завоеует мое сердце, подобно тому, как силой рассекают драгоценный камень...» Так говорила она этим посланием предметов.

Я ответил: «Тайну буду хранить до тех пор, пока голова моя не оторвется от плеч, подобно ножу, клинок которого я отделил от рукоятки. Тайну буду хранить, пока оселок не сточится, и я его разбил вдребезги. Буду хранить тайну и завоеую твое сердце, подобно тому, как раскалываю драгоценный камень. И я сделал это. Как видишь, я дал слово. И потому, в тот раз, я не говорил правды. Но когда меня привели к виселице и стали вешать, девушка, пожалев меня, приехала на белом коне и, разрубив веревку, положила мне, упавшему на землю, поперек

груди, свою саблю. Это означало: «Без вины за меня не погибай. Я убедилась в твоём мужестве и твоей верности. Поэтому я возвращаю тебе обратно данную тобой клятву!» Этим она сама освободила меня от связывавшего мои уста слова, и я теперь говорю правду, истинную правду.

Убедившись в правдивости Жамана, хан созвал народ и устроил большой пир, длившийся тридцать дней и сорок ночей. Потом он сосватал Жаману красавицу Менды.

Так Жаман, благодаря своему уму, находчивости и верности, полюбился хану ещё больше, и они стали друзьями.

Однажды сорок визирей, возненавидевших Жамана с тех пор, как хан приблизил его к себе, держали совет.

— И этого Жамана мы своими руками привели к хану, как самого ничтожного человека из всех живущих на свете! — сказал один визирь.

— А теперь хан сделал его своим главным визирем! — тяжело вздохнул второй.

— И он стал самым близким к хану человеком! — сказал третий.

— Хан женил его на красавице Менды, устроил его счастье, а нас совсем перестал замечать! — горестно сказал четвертый визирь.

И все сорок визирей завидовали Жаману и его удаче.

— Нет! — наконец решили визири. — Так это продолжаться не может! Надо посеять вражду между ханом и Жаманом. Надо привести хана к Жаману в гости, показать ему красавицу Менды. Хан не устоит перед её красотой, и, таким образом, мы зажжём между ними огонь вражды...

И уговорившись, они стали наперебой хвалить хану красавицу Менды.

— О государь! — сказал, наконец, один из визирей. — Эта женщина действительно достойна вашего лица!

Хан поддался уговорам коварных визирей и, побывав в доме Жамана, собственными глазами убедился в необычайной красоте Менды.

«В самом деле, — подумал хан, — она достойна меня!»

Вернувшись во дворец, он призвал к себе сорок визирей.

— У меня не было никаких мыслей против Жамана, — сказал он, обратясь к визирям. — Вы заронили их во мне. Я увидел красоту Менды и теперь спрашиваю вас, к какой хитрости вы прибегнете, чтобы мне овладеть ею?

Визири ответили:

— Мы уже придумали, господин наш! Позови Жамана. Пош-

ли его в Барса-Кельмес, в страну, откуда никто не возвращается. Там он и умрет. После его смерти кто же возьмет его жену, как не ты, хан?

Хан послал за Жаманом жигита. Подошел жигит к юрте Жамана и стал смотреть через щель. Видит жигит: лежит Жаман на кошке, отдыхает. А жена его сидит возле него, смотрит в зеркало, любит себя и говорит Жаману:

— Я удивляюсь делам аллаха. Если бы он каждого поставил в свой ряд, на свое место! А он объединяет таких людей, разница между которыми, что между небом и землей. Вот какая его сила! Если я посмотрю на себя, то скажу, что подобна четырнадцатидневной луне, достигшей полнолуния. Если посмотрю на тебя, то скажу, что ты подобен озеру, вода которого высохла.

Жаман поднял голову и ответил:

— Не так ты говоришь, Менды! Вот послушай... Когда нашего предка Адама изгоняли из рая, аллах обратился к нему: «В раю, который был создан для тебя, есть три вещи, бесценные для человечества. Первая вещь — вера. Вторая — счастье. И третья — ум. Ты можешь взять с собой в изгнание любое». Тогда Адам подумал и выбрал ум. «Где ума нет — там нет и для нас возможности существовать», сказали вера и счастье и отправились вслед за умом... Подобно этому, ты была золотом в казне счастья, а я был умом. Ты соблазнилась не моим темным цветом кожи или моей старостью, а вышла замуж за мой ум, — закончил он, рассмеявшись.

Менды, улыбнувшись словам мужа, обернулась. Лицо ее было открыто. Жигит, входивший в это время в юрту, пораженный ее красотой, потерял сознание и упал на землю.

Жаман и его жена sprыснули жигита водой и, когда он пришел в себя, стали спрашивать о цели его прихода. Жигит сказал, что хан послал его за Жаманом, и ушел.

Когда жигит вернулся во дворец, хан недовольно сказал:

— Ты ушел давно! А мы тут сидим и ждем тебя.

Жигит рассказал хану, как все было, и хан от его речей еще больше загорелся желанием.

Когда жигит ушел, Жаман спросил жену:

— Пойти к хану или нет?

— Иди, — сказала Менды. — Я давно подозреваю, что он хочет послать тебя в Барса-Кельмес. Коли пошлет — согласись. Но не бери в дорогу быстрого скакуна, не бери и плавного иноходца. А возьми самую сытую, самую отъевшуюся лошадь из табуна. Сорок визирей будут тебя провожать на трехдневное расстояние. Но лишь только они скроются из виду, ты вернись обратно, зайди в лес, зарежь своего откормленного коня и привези его мясо домой. Вот мы и будем питаться им.

Когда Жаман пришел к хану, хан сказал:

— Я хочу тебя послать в дальний, трудный путь. Моя надежда не на твоё мужество, а на твой ум. Поедешь?

— Поеду! — сказал Жаман. — Посылай, куда велишь!

— Есть такая страна, — сказал хан, — называется она Барса-Кельмес. Там пасется овца, один волос которой золотой, а другой серебряный. Если её зарезать, то из её шкуры выйдет человеку шуба. Хочу я облачиться в халат из шкуры этой овцы. Над той страной летает утка, крылья которой из серебра, а перья из золота. Из них я хочу сделать себе корону. Там живет великан — у него есть черный аргамак. За один шаг он сто верст перешагивает. Я хочу сесть на этого коня. Вот иди — достань мне шкуру овцы, перья утки, аргамака-великана!

Тогда Жаман, выбрав из табунов самого откормленного коня, пустился в путь. Сорок визирей провожали его на трехдневное расстояние. А проводив, вернулись назад. Едва скрылись визири, Жаман повернул своего коня, заехал в густой черный лес Кара-тогой. Там он зарезал своего коня, сходил домой за вьючной лошадей, привез в свою юрту мясо и посолил его. Под кроватью вырыл Жаман глубокую яму. Днем сидел в ней, а ночью вылезал наверх и, питаясь мясом коня, жил со своей женой беззаботно.

Прошел год. Однажды, будто бы для того, чтобы высказать соболезнование, хан приехал к красавице Менды. После угощения хан начал:

— Когда я посылал своих визирей за самой никчемной травой, за самой никудышной птицей, за самым ничтожным человеком, то твой муж оказался этим Жаманом. Но хотя он был жаманом, я, покоренный его умом, даже уступил было ему ханский трон. Благодаря своему уму, он женился на тебе. Но теперь, видно, зря я понадеялся на его ум, послав его по одному важному государственному делу. Срок возвращения его прошел. Быть может, такова воля аллаха... Но я не хочу оставить тебя одинокой. Недаром говорят: «Когда умрет старший брат — жена его остается в наследство младшему». Жаман был мне как брат — вот и решил я взять тебя к себе, заботиться о тебе...

— Э-э! — сказала Менды. — Если такова воля аллаха, то ничего не поделаешь! Когда он впервые приезжал к вам, мой хан, у вас в руках был драгоценный камень. Этот камень вы, по совету Жамана, разбили. После этого камень стал никчемным. У каждой вещи, хан, есть время, в которое она дороже, чем в любой другой час. Тогда я была девушкой, а теперь я подобна рассеченному камню: все равно, служа тебе, я не угожу! Поэтому, лучше не трать, хан, время попусту!

Говорят, что хан, смущенный ответом красавицы Менды, вернулся домой побежденным.

Когда хан ушел, Менды кликнула Жамана из ямы.

— Теперь иди к хану и сам отвечай! — сказала она.

Едва хан вернулся во дворец и уселся на троне, как раскрылись двери и, склонясь в приветствии перед своим господином, вошел Жаман.

Хан совсем растерялся.

— У-а! — сказал он. — Когда ты вернулся? Ну, рассказывай!

Жаман ответил:

— Рассказ мой короткий. После того как визири проводили меня, один голодный лев стал преследовать Жамана. Тогда я решил: «Чем итти в Барса-Кельмес, лучше расправиться с этим врагом!» И, вынув из ножен саблю, я сам пошел на льва. Он сначала забрел в мой аул, забрался в мою юрту, а потом выскочил оттуда и, если глаза мои не ошибаются, — забежал в твой дворец, хан!

Хан не знал, что сказать, то краснел, то бледнел. Наконец, он собрался с духом и сказал:

— Я виноват перед тобой, Жаман! Я ошибся. Я поддался соблазну шайтана, причиной чего были мои визири. Теперь они сделают зло либо тебе, либо мне. Лучше всего ты уезжай куда-нибудь!

Жаман согласился, и хан, навьючив сорок верблюдов драгоценностями, отправил его в страну соседнего хана Акшахана.

Жаман стал жить в стране Акшахана и прослыл там одним из самых уважаемых людей.

Тщетно пытался хан забыть Жамана. Дни шли за днями, но мысль об утерянном друге не давала хану покоя.

Однажды, когда хан отдыхал на кошме, устремив взор на шанграк, к нему вошли сорок визирей.

Хан поднял голову и сказал:

— Враг нагрянул, страна в волнении, гибель близка! Что это значит? Отгадайте. Иначе я вас казню!

Визири посовещались между собой и поехали к Жаману, чтобы разгадать слова хана.

Жаман, приветливо встретив сорок визирей, выслушал их и сказал:

— Тут ничего мудреного нет. Сейчас я вам все объясню. Хан, видно, очень скучает без меня. Вот лежал он у себя в юрте и вспоминал происшедшее. Наверное, он гневается на вас. Очевидно, пока хан лежал, глядя на шанграк, одна из пере-

кладин — кульдереуш — выпала. Хан решил вас испытать и сказал эти слова потому, что, когда враг разрушает юрту, то начинает это дело с кульдереуша. Вернитесь назад, вставьте выпавшую перекладину на место, и хан будет доволен.

Визири вернулись к хану и говорят:

— Государь! Кульдереуш выпал. Разрешите его исправить. Хан рассмеялся.

— Кто это вас научил?

Визири сказали правду.

Тогда хан стал наставлять визирей:

— Хотя он и был жаманом, зато в трудные минуты, благодаря своей мудрости, помогал нам выйти из беды. Он всегда шел навстречу каждому, готовый помочь советом и делом. Вы же из зависти сделали так, что я расстался с ним. Если бы он теперь не выручил вас советом, все бы вы были казнены. Недаром говорится: «Не рой яму другому, сам попадешь».

Сорок визирей хотели угодить хану, всячески пытались развеселить его. Они каждый день устраивали игры и пиры, но ничто не могло развеселить хана. В своей тоске по Жаману он был безутешен.

Однажды, в сопровождении сорока визирей, хан поехал на охоту. В погоне за зверем, на склонах гор, они встретили старика, пасшего овец.

Сказав обычное приветствие, хан спросил старика:

— Отец! Сколько лет прошло с тех пор, как вершина этой горы покрылась инеем?

— Наверное, лет двадцать, — ответил старик.

— А сколько времени прошло с тех пор, как подножие этой горы покрыл иней? — спросил хан.

— Лет пятнадцать, — ответил старик.

— А сколько лет прошло с тех пор, как с вершины этой горы течет ручей? — снова спросил хан.

— А этому уже, наверное, лет десять, — ответил старик.

Хан задумался на мгновение, а потом спросил еще:

— Отец! Ты из скольких состоишь?

— Ой, светик мой! — ответил старик. — Когда ложусь, нас — двое, когда встаю — четверо.

— Дед! — сказал тогда хан. — У меня есть сорок пестрых гусей. Мне нужно, чтобы их перья были выдернуты незаметно, чтобы мясо их было сварено без огня, чтобы их зарезать без крови. Найдется ли такой человек, который мог бы сделать это?

— Найдется! — сказал старик. — Если найдешь такого человека, так он больше сделает.

Хан удовлетворился словами старика, повернул коня и поехал домой. По дороге он сказал визирям:

— Вы слышали, что говорил я и что отвечал мне старик? Так вот, отгадайте, что это все значит! Даю вам одиннадцать месяцев срока. Если не отгадаете, то ни одного не оставлю в живых!

Визири растерялись и, убедившись в том, что им самим ничего не придумать, опять поехали к Жаману за советом.

Вот приехали они опять к Жаману и рассказали о том, что приказал хан.

— Так! — сказал Жаман. — Это дело будет не легким. Все вы, сорок визирей, осуждены на смерть. Ничего не поделаешь, надо отгадывать! Но я вам помогу. Кажется, я нашел выход. Вы должны оставить одного коня живым, а остальных зарезать. Свою одежду вы должны сжечь и на костре, который из нее получится, сварить мясо одного коня. После этого я сяду на оставшегося живым единственным коня и погоню вас нагими к хану. Если вы не сочтете это недостойным для себя и потом не будете мне мстить, то я заступлюсь за вас перед ханом.

Визири в один голос ответили:

— Ой-бой, господин Жаман! Не будем сердиться! Лишь бы остаться нам живыми. Хан очень сердит на нас!

Послушав Жамана, они зарезали тридцать девять коней, оставив живым лишь одного. Потом мясо одного из зарезанных коней сварили на костре, устроенном из своих горящих одежд. Покушали мяса, и Жаман, сев на единственного оставшегося в живых пегого бесхвостого коня, взял в руки курук и босых, бесштаных — погнал сорок визирей к хану.

Дошла до хана весть о том, что едет к нему Жаман. С сорока жигитами выехал хан навстречу Жаману. На полдненное расстояние приказал хан расстелить по степи шелковые ковры, чтобы ноги дорогого Жамана не касались земли. У самой своей юрты приказал хан поставить Жаману белый шатер.

По приезде друга хан забыл про визирей и устроил пир, длившийся тридцать дней и сорок ночей.

Визири начали роптать.

— Наш хан думает только о себе. Он занят только своими забавами и пустяками, как, например, теми, что он нам загадывал!

Услыхав это, Жаман вызвал их во дворец и перед ханом, перед народом сказал им:

— Тот старик, которого встретил на охоте хан, был мудрецом. Хан угадал в нем ум и поэтому обратился к нему, в надежде, что он мудрым советом поможет исправить его визирей. Когда хан спросил: «Сколько лет прошло с тех пор, как вершина этой горы покрылась инеем?» — это означало: «Сколько

лет прошло с тех пор, как седина появилась на твоих волосах?» Когда хан спросил: «А сколько времени прошло с тех пор, как подножие этой горы покрыл иней?» — это означало: «Сколько лет прошло с тех пор, как борода твоя стала седой?» Когда же хан спросил: «А сколько лет прошло с тех пор, как с вершины этой горы течет ручей?» — это означало: «Сколько лет прошло с тех пор, как текут из твоих глаз старческие слезы?» А то, что хан спросил: «Ты из скольких состоишь?» — означало: «Сколько в твоей семье душ?» А старик ответил: «Когда ложусь, нас — двое, когда встаю — четверо». Это означало: «У меня умерла жена, и я женился на женщине, у которой умер муж. Когда мы ложимся спать — нас двое, а днем, когда я нахожусь на пастбище — я думаю о своей покойной жене, а моя жена вспоминает дома о своем покойном муже».

— Сорок пестрых гусей, которых нужно ощипать незаметно, зарезать без крови и сварить без огня, — это вы, сорок безмозглых визирей, которых нужно, не убивая, исправить. А старик сказал: «Если найдешь достойного человека, так он больше сделает!» Этим самым он направил хана ко мне.

— Когда вы, в поисках ответа на ханскую загадку, явились ко мне, я снял с вас одежды и велел сжечь их. Это означало, что я выщипал у гусей незаметно их перья. Я велел вам резать ваших лошадей, значит я сварил вашу силу без огня. А то, что я вас босыми и нагими, — словно стадо баранов, пешком! — пригнал ко дворцу хана, это равносильно тому, что я вас зарезал без крови. Думаю, что на этом заботы хана о вас кончаются, — закончил Жаман.

Тогда хан обратился к Жаману:

— Раз ты благополучно вернулся ко мне, я прощаю визирей. Не однажды разжигали они между нами огонь раздора. Они были причиной твоего изгнания. Я хотел, чтобы они были побеждены и признали свою вину. Мое желание исполнилось. Мой народ! — сказал хан, обернувшись к стоявшей перед дворцом толпе. — Вот уже сколько времени, как я ханствую над тобой. Я наслаждался ханской властью и ханской славой. Теперь я передаю ханство моему другу Жаману! — О, государь мой, Жаман! Не отказывайтесь теперь от трона! Пора уже вам стать ханом. Я же свою оставшуюся жизнь хочу посвятить верной службе у вас, мой хан! Я хочу видеть собственными глазами вашу славу.

С этими словами хан Маден взял под руку Жамана и посадил его на трон.

Народ устроил большой пир, продолжавшийся тридцать дней и сорок ночей. Народ посадил Жамана на белую кошму и, подняв, как это велит древний обычай, высоко на воздух,

провозгласил его ханом. Так Жаман, самый ничтожный человек из всех живущих на свете, — стал ханом.

Жаман послал жигитов за женой — красавицей Менды, находившейся в стране Акшахана.

После того хан Жаман сел на трон и без войны, благодаря своему уму, завладел пятью ханствами. Люди из других ханств, покидая свою страну, в поисках справедливости приходили сюда и лишь здесь, у хана Жамана, находили ее.

Говорят, что с тех пор, за справедливость и мудрость, народы пяти ханств называли Жамана Аяз-бием, и это прозвище сохранилось за ним до самой смерти.

Аяз-бий был справедлив. Он всегда бескорыстно решал дела. Помогал бедным.

Свои старые пожитки Жамана — рваный малахай и худую шубу — повесил он над дверьми своего дома.

И когда, возгордившись своим ханским положением, отклонялся Жаман-хан-Аяз от истины, то, взглянув на висящие одежды самого ничтожного человека из всех живущих на свете, — он говорил себе:

— Эй, Аяз! Не гордись тем, что ты богат, не гордись тем, что ты хан!

Аяз, знай силу свою!
Муравей, знай свою дорогу!



НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Если ты велик — будь скромн.

*Подымай голову до небес перед гордецом,
склони голову до земли перед скромным.*

*У дерева, отягощенного плодами, верхушка
клонится вниз.*

*У справедливого судьи — нет родственни-
ков, у судьи с родней не ищи правоты.
Не тот знает, кто много жил, а тот,
кто много видел.*

К малознакомой лошади не подходи сзади.



ЛИСА, ВЕРБЛЮД, ВОЛК, ЛЕВ И ПЕРЕПЕЛКА

Бежала по степи Лиса. Навстречу ей Верблюд.

— Верблюд, Верблюд, куда ты идешь? — спрашивает Лиса.

— Ищу хорошие места, где вдоволь сытной еды и вдоволь светлой воды, — отвечает Верблюд.

— Возьми меня с собой!

— Коли хочешь, изволь, пойдем вместе.

Пошли они вдвоем. По пути встречается им Волк.

— Эй, приятели, куда идете? — спрашивает Волк.

— Ищем хорошие места, где вдоволь сытной еды и вдоволь светлой воды.

— Возьмите меня с собой!

— Коли хочешь, изволь, пойдем вместе.

Пошли они втроем. По пути встречается им Лев.

— Эй, приятели, куда идете? — спрашивает Лев.

— Ищем хорошие места, где вдоволь сытной еды и вдоволь светлой воды.

— Возьмите меня с собой!

— Коли хочешь, изволь, пойдем вместе.

Пошли они вчетвером.

Шли, шли и вот приходят, наконец, в зеленое ущелье. В ущельи всего изобилие — трава такая, что ступить не дает, разной дичи видимо-невидимо, из-под каждого камня бьет студеный ключ.

Тут звери и поселились. Лев, Волк и Лиса охотились на птиц. Верблюд питался травой. Жили они дружно, не ссорились, не бранились. Так прошло лето. К осени Верблюд совсем разжирел на хороших кормах.

Но вот настала зима. Птицы улегели в теплые края, мелкие зверьки спрятались в норы. Трудно стало зверям добывать пищу. Бывало и день, и два, и три ничего не попадало им на зуб. Один Верблюд не унывал — доставал из-под снега траву и жирел все больше.

Тогда Лев, Волк и Лиса собрались на совет, стали судить-рядить, как им быть дальше.

Лев говорит:

— Один из нас должен пожертвовать собой для товарищей.

Звери обрадовались сначала предложению Льва, но, пораздумав, приуныли: никому не хотелось умирать.

Тут-то и поднялась с места хитрая Лиса.

— Мудрый Лев, ты рассудил вполне справедливо, — подобо-бостранно начала она. — Но позволь мне, глупой, сказать несколько слов. Кто из нас всех больше? Верблюд. Кто из нас жирнее всех? Верблюд. Стало быть, Верблюд и должен пожертвовать собой для нас.

Всем понравились слова лисы, и порешили звери убить и съесть Верблюда.

Услышав об этом, Верблюд стал плакаться:

— Друзья, ведь я всегда был вам верным товарищем. Пощадите меня, и я пригожусь вам еще не раз...

Лев и Волк пожалели Верблюда и не тронули его. Утешился Верблюд, ходит себе по ущелью, разрывает снег, ест траву, да жиреет все больше.

А звери попрежнему жили впроголодь, и так они под конец исхудали, что и на себя стали непохожи — кожа да кости.

Вот однажды Лиса и говорит товарищам:

— Отпустите меня потолковать с Верблюдом. Может, мне удастся уговорить его отдать нам свое мясо.

Звери согласились.

Лиса стрелой помчалась к Верблюду, покрутилась-повертелась возле него и, не сказав ему ни слова, вернулась обратно.

— Верблюд согласился умереть, — объявила Лиса Льву и Волку. — Только он строго-настрого наказывал, чтобы мясо его мы разделили между собой поровну, никого не обижали. Если же кто-нибудь будет несправедлив при дележе, он, мертвый, поднимется с земли и убежит от нас.

Звери поверили Лисе и убили Верблюда.

Вот содрали они с него кожу и принялись делить мясо.

Как увидел Волк свежее мясо, так и не стерпел: схватил верблюжью почку и проглотил ее целиком, даже не разжевав.

Лев заметил это и, рассвирепев, кинулся на Волка. Волк бежать, Лев за ним. В одно мгновение они скрылись за горой.

А Лисе только это и надобно. Не теряя времени, она спрятала все мясо в скалах и, пригорюнившись, села на старое место.

Прибегает Лев, спрашивает:

— Куда девалось мясо?

Расплакалась Лиса горько и отвечает:

— Вот вы не исполнили предсмертной воли Верблюда, теперь пеняйте на себя — Верблюд убежал.

Лев поверил Лисе и, голодный, улегся спать.

Ночью, крадучись, подползает к Лисе Волк. Она и ему сказала то же, что и Льву.

Повалился Волк на землю, лежит и стонет от голода.

А Лиса тем временем сбегала к скалам, достала кишки Верблюда, уселась поодаль и лакомится.

— Лисанька, а Лисанька, что это ты там жуешь? — спрашивает Волк.

— Да вот, — отвечает Лиса, — так я проголодалась, что вытаскиваю свои кишки и ем их.

— И тебе не больно? — удивился Волк.

— Сначала было немножко больно, а теперь ни капельки, — говорит Лиса.

Волк и пристал к ней:

— Лисанька, если ты говоришь правду, так вытащи, сделай милость, и мои кишки. Я ведь тоже очень проголодался.

А Лиса только того и ждала; вытащила она из Волка кишки, он и околел. Лиса содрала с него кожу, а мясо спрятала в скалах.

Проснувшись наутро, Лев увидел подле себя Лису. Лиса смотрела на него в упор и лукаво хихикала.

— Чему ты смеешься? — мрачно спросил Лев.

— Храбрый Лев, глядя на тебя, я вспомнила твоего отца. Это был могучий богатырь. Взгляни на эту высочайшую скалу, он любил, взобравшись на ее вершину, прыгать в пропасть. Ты очень похож на своего отца, а силой, пожалуй, даже превосходишь его, но мне думается, что у тебя никогда не станет решимости прыгнуть в пропасть, — смиренно проговорила Лиса.

— Ты плохо меня знаешь, — гордо молвил Лев, и глаза его засверкали. В три прыжка он вскочил на скалу и остановился у самого ее края. Он заглянул в пропасть, и у него закружилась голова.

А Лиса смеется под скалой:

— Я же говорила, что ты не решишься прыгнуть со скалы.

— Ты плохо меня знаешь, — прорычал Лев, ринулся вниз и упал на острые камни. Он лежал, истекая кровью, и не мог пошевелиться.

Тогда, осторожно ступая по выступам скал, к нему спустилась Лиса.

— Как ты себя чувствуешь, отважный Лев? — злорадно спросила она.

— Мне очень плохо. Я, кажется, умираю, — простонал Лев.

Убедившись, что Льву уже больше не подняться с земли, Лиса подобралась к нему поближе и вонзила зубы в его тело.

— Прошу тебя об одном, — взмолился Лев, — откуси прежде всего мой язык, чтобы я не мог кричать от боли.

— Не беспокойся, приятель, — смеясь, сказала Лиса, — всему свой черед — начну с хвоста, а кончу языком.

Мяса Верблюда, Волка и Льва Лисе хватило почти на всю зиму. Но к весне у нее опять подтянуло живот. Наконец как-то посчастливилось ей поймать старую Перепелку.

Лиса говорит ей:

— Если ты взамен себя отдашь мне своих птенцов, я отпущу тебя на волю.

— Я согласна, — дрожа, отвечала Перепелка. — Мои птенцы прячутся в тех вон зарослях. Отправляйся туда, кликни их трижды моим голосом, и они выйдут к тебе.

— Как же ты их кличешь?

— Я кричу им: «лить-поливать, лить-поливать, вот ваша мать», и они уже знают этот зов.

Лиса отпустила Перепелку и стала красться к зарослям.

— Лить-поливать, лить-поливать... — позвала она по-перепелиному, а дальше забыла.

— На Лису наплевать, на Лису наплевать! — весело крикнула перепелка, вспорхнула и улетела.

Так Лиса и осталась ни с чем.

Через некоторое время шла Лиса по опушке леса. Видит — на дереве сидит Перепелка. Задумала Лиса отомстить ей за прошлое и говорит сладким голосом:

— Перепелка, слышала ли ты, какой указ издал бог?

— Нет, не слышала.

— Так знай же, что бог приказал, чтобы отныне все звери и птицы жили в мире и любви, не обижали и не притесняли друг друга. Давай же и мы с тобой помиримся. Спустись, дружок, вниз на землю — я обниму тебя, как сестру.

Перепелка ничего не ответила и вдруг стала растерянно оглядываться по сторонам.

— Что же ты там вертишь головой? — нетерпеливо спрашивает Лиса.

— Да вот вижу я с дерева, что сюда бегут борзые собаки, да только всех не могу их сосчитать, — отвечает Перепелка.

— Борзые? — ахнула Лиса и задала стрекача.

— Постой, постой, — кричит ей вдогонку Перепелка. — Чего же ты испугалась? Ведь ты сама сейчас говорила, что отныне все звери будут жить в мире.

— А почему я знаю, что этим собакам известен божий указ! — успела сказать Лиса и скрылась из виду.



ЛИСА, МЕДВЕДЬ И ПАСТУХ

Шел степью Медведь и шла Лиса. Увидел Медведь Лису и погнался за ней.

Лиса — наутек, добежала до своей норы, хвостом махнула и пропала под землей, будто ее и не бывало.

А Медведь остановился над норой и растерялся, не знает, как ему теперь быть: сам большой да толстый, нора длинная да узкая. Только жаль ему упустить Лису, обидно остаться в дураках.

Вот стал Медведь в нору протискиваться. Всунул в нору голову до ушей — дальше голова не лезет, хотел вытащить голову из норы — не может. Застрял косолапый — ни туда, ни обратно.

А Лиса тем временем пробежала нору от края до края и выскочила в степи совсем в другом месте. Оглянулась и видит: бьется медведь над норой, тужится изо всех сил, хочет освободить голову, а голова точно вросла в землю.

Обрадовалась Лиса, подбежала сзади к Медведю и сделала на него такое, отчего он вмиг стал весь мокрешенек.

— Вот тебе, Медведь, от Лисы на память, — сказала она, рассмеялась громко и была такова.

Долго еще маялся Медведь, насилу вытащил голову. Отдышался он, отряхнулся и озирается по сторонам — не видел ли кто, как его Лиса отделала.

Неподалеку Пастух пас стадо баранов. Медведь к нему, спрашивает:

— Не видел ли ты чего, Пастух?

— Видел, — отвечает тот.

— А что же ты видел?

— Да видел я, как одна Лиса одного Медведя провела.

Рассердился Медведь.

— Коли видел что, — говорит, — так, знай, помалкивай, никому про то не сболтни. Не то я тебя съем.

Испугался Пастух, стал клясться да уверять, что до гроба не заикнется о медвежьем конфузе.

Пригрозил ему Медведь на прощанье еще раз и побрел своей дорогой.

Вечером пригнал Пастух баранов в аул и не утерпел — всем рассказал о проделке Лисы. Так и повалился народ со смеху на землю, а ребяташки тут же сложили песенку про Лису и Медведя и давай распевать ее на все голоса:

У Медведя, у Мишки, видно, высох умишко.

Ведь бывают же чудеса:

Захотел пообедать Лисою наш Мишка,

Да надула растяпу Лиса.

Услышал издалека эту песню Медведь и чуть не околел от злости. Наутро приходит он к Пастуху — шерсть дыбом, глаза горят.

— Такой-сякой, Пастух, — рычит, — где же твое обещание? Ты обманул меня и опозорил на всю степь, теперь пеняй на себя — я тебя съем.

Пастух в слезы, стал кланяться да просить, чтобы дал ему Медведь хоть три дня сроку проститься с семьей и товарищами.

— Ладно, — говорит Медведь, — так и быть, даю тебе три дня сроку, только потом уж не жди пощады.

Сказал и ушел.

А Пастух повалился на землю, закрыл лицо руками, горько плачет.

Подбегает к нему Лиса.

— Что ты, Пастушок, плачешь?

— Ой-бой, как же мне не плакать, пропал я теперь совсем, — и рассказал он Лисе все по порядку.

— Полно горевать! Что дашь? — я спасу тебя от Медведя.

— Проси, чего хочешь — ничего не пожалею, — отвечает Пастух.

— А коли так, — говорит Лиса, — то скажи: согласен ли ты за спасение отдать мне свои почки?

— Согласен, согласен, выручи ты только меня.

На том и договорились.

Тогда Лиса и говорит Пастуху:

— Иди в свой аул и три дня гуляй, как знаешь, а через три дня приходи на это место. Только не забудь захватить с собой мешок побольше да дубину потолще. Я буду тебя ждать неподалеку. Как только явится к тебе Медведь, ты начинай кланяться и просить, чтобы он отпустил тебя домой еще на три дня. А я тем временем стану в стороне хвостом вертеть, пыль поднимать. Увидит Медведь пыль, спросит у тебя: «Что за диво, отчего такая пыль?» Тут ты и скажи Медведю: «Дескать, так и так, у нашего хана жена совсем взбеленилась, ничего не хочет есть, просит медвежьего сердца. Вот хан по степи с копьём и

рыщет, медведя ищет, оттого и пыль». Скажешь так, а что дальше делать надобно, сам догадаешься.

Послушался Пастух Лисы, ушел в аул, а через три дня вернулся в условленное место.

И вот идет к нему Медведь — шерсть дыбом, глаза горят, а сам облизывается.

Упал Пастух перед ним на колени, начал кланяться и просить, чтобы он отпустил его домой еще на три дня.

Как заревет Медведь:

— Хватит с тебя и первых трех дней. Погулял и довольно. Пора мне с тобой рассчитаться.

И уже совсем было он собрался наброситься на Пастуха, как вдруг в стороне поднялся огромный, до самого неба, столб пыли.

Медведь оробел.

— Что за диво, — спрашивает, — отчего такая пыль?

Пастух отвечает ему:

— Так и так, у нашего хана совсем взбеленилась жена — ничего не ест, просит медвежьего сердца. Вот хан по степи с копьем и рыщет, медведя ищет.

Задрожал от страха Медведь и взмолился жалобным голосом:

— Спрячь меня, Пастушок, от хана, век тебе этого не забуду.

— Ладно, — говорит Пастух, — полезай в мешок.

Влез Медведь в мешок, а Пастух завязал мешок потуже и ну колотить по нем дубиной. Колотил, колотил — из Медведя и дух вон.

Подбегает к Пастуху Лиса.

— Вот ты и избавился от Медведя, — говорит. — Теперь ты должен расплатиться со мной.

Видит Пастух — все равно не миновать ему смерти. Заплакал он горче прежнего и стал развязывать пояс.

«Хоть бы поесть перед смертью хорошенько. Жил впроголодь и умирать приходится натошак», подумал он про себя, и тут как забурчит, как загудит у него в животе!

Лиса уши наострила.

— Кто это, — спрашивает, — у тебя, любезный, в животе рычит?

Пастух отвечает ей сквозь слезы:

— Да видишь ли, Лисанька, вчера я от голода проглотил борзого щенка. А сейчас он уж, видно, подрос да почуял близости лисицу — вот и рычит.

Как услышала Лиса про борзого щенка, так хвост трубой, вся в струну и — ходу.

С той поры никто уж больше не встречал ее в тех местах.



ХРАБРЫЙ ОСЕЛ

Надоело Ослу поклажу таскать. Вот и говорит он однажды Верблюду — своему товарищу:

— Эй, Верблюд, надоело мне поклажу таскать: живого места на спине нет. Давай убежим от хозяина, станем жить вдвоем на воле, как вздумается.

Помолчал Верблюд, подумал, говорит:

— Плохой у нас хозяин, верно: кормит дурно, работать заставляет много. Я бы и рад убежать, да как убежишь?

А у Осла ответ уж наготове:

— Я все обдумал, — говорит он, — не беспокойся. Завтра хозяин повезет на нас соль в город. Сначала мы будем итти послушно и смирно. А как дойдем до перевала, так упадем на дорогу и притворимся, будто совсем обессилели. Станет хозяин нас бранить, станет палкой колотить, а мы ни с места. Выбьется он из сил и уйдет домой за помощью. Тут уж нам раздолье — беги, куда хочешь, только бы ноги не сплосшали.

Развеселился Верблюд.

— Вот хорошо ты придумал, вот славно! Так мы и сделаем, как ты сказал!

Дождались они утра. Поутру хозяин навьючил на них мешки с солью и погнал в город. Полдороги шли они, как всегда: Верблюд спереди, Осел за ним следом, а сзади хозяин с палкой. Но вот достигли они перевала, и тут Осел и Верблюд упали на землю и притворились, что совсем обессилели, не могут на ногах стоять.

Хозяин кричит:

— Ах, вы, лентяи, ах, вы, лежебоки, поднимайтесь сейчас же, пока я вас палкой не отходил!

А они и хвостом не повели, словно и не слышат.

Рассердился хозяин и давай их палкой дуть с плеча.

Ударил он Верблюда тридцать девять раз — ничего, а как замахнулся в сороковой — заревел Верблюд и вскочил на ноги.

— То-то же, — говорит хозяин, — давно бы так! — А сам принимается за Осла.

Ударил он его сорок раз — Осел и не охнул, ударил пятьдесят раз — Осел и не вздрогнул, ударил шестьдесят раз — как лежал Осел, так и лежит.

Видит хозяин — дело плохо: должно быть, подышать собрался Осел. Велика беда, да что поделаешь! Снял он с Осла поклажу, взвалил ее на Верблюда и тронулся в путь.

Еле шагает Верблюд под вьюком, клянет Осла:

— Проклятый Осел, из-за тебя я битый иду, двойную кладь несу.

А Осел подождал, пока хозяин с Верблюдом скрылись за перевалом, потом поднялся и — ходу, не разбирая дороги.

Бежал он три дня, перебежал три горы и три долины и, наконец, достиг Широкой поляны у Быстрой реки.

Ослу понравилась поляна, тут он и поселился. А той поляной уже много лет владел сильный и могущественный Тигр.

Однажды надумал Тигр осмотреть свои земли. Вышел он в путь утром, а в полдень набрел на Осла.

Ходит себе Осел по поляне, помахивает хвостом, ест траву.

Тигр думает: «Что за зверь? Никогда не видел такого».

А Осел взглянул на Тигра и обомлел.

«Ну, — думает, — пришел мой конец... Чем умирать, не защищаясь, покажу-ка я лучше Тигру свою отвагу».

Поднял он хвост, взмахнул ушами, раскрыл пошире рот да как затрубит во все свое ослиное горло.

У Тигра и свет в глазах помутился. Кинулся он назад, бежит, что есть мочи, боится оглянуться.

По дороге встречается ему Волк.

— Кого ты так испугался, повелитель?

— Испугался я зверя, страшнее которого нет на свете: вместо ушей у него — крылья, пасть у него — шире головы, а ревет он так, что содрогается земля и меркнет небо.

— Пстой, царь, пстой, — говорит Волк, — да уж не с Ослом ли ты повстречался? Так оно и есть. Ладно же, завтра мы с тобой окрутим его арканом.

На другой день Волк добыл аркан, один конец аркана привязал к шее Тигра, другой к своей шее, и так они отправились на поляну. Волк идет впереди, а Тигр сзади, — все упирается.

Приметил их Осел издали и опять за свое: хвост кверху, пасть настежь и заревел громче прежнего.

Тут Тигр и кричит Волку:

— Э-э-э, приятель, да ты, видно, тащишь меня в подарок этому чудовищу! — Рванулся он изо всех сил в сторону — у Волка и голова долой.

Прибежал Тигр домой, не может отдышаться.

В это время прилетела к нему Сорока. Натрещала, налопотала, расспросила Тигра обо всем, а потом и говорит:

— Погоди-ка, царь, слетаю я на поляну, погляжу, что за зверь там ходит и что он делает. Разведаю все подробно и доложу тебе.

Полетела Сорока на поляну.

А Осел заметил ее издали, лег на землю и вытянул ноги, будто мертвый.

Сорока глянула вниз и глазам не верит: страшный-то зверь околел! Спустилась она на Осла, расхаживает по нем взад и вперед, придумывая, что бы такое наврать Тигру о своей победе над чудовищем.

Тут, на свою беду, заметила она на земле пшеничное зернышко. Хотела она клюнуть зернышко, совсем уже нацелилась носом, да оступилась и попала головой Ослу между колен.

Тут-то Осел и ожил. Зажал он ногами Сороку покрепче и давай ее хлестать хвостом. Хлестал-хлестал, хлестал-хлестал — только перышки из Сороки летели во все стороны. А потом как двинет ее копытом — отлетела Сорока на край поляны.

Отлежалась она здесь, опомнилась и кое-как, бочком-бочком, кряхтя да охая, полетела обратно.

Летит и еще издали кричит Тигру:

— Беги, царь, отсюда подальше, покуда цел! Навеки меня искалечил проклятый зверь. Смотри, как бы тебе того же не было.

Совсем оробел Тигр, собрал он свои пожитки и навсегда ушел в дальние страны.

А Храбрый Осел и доныне живет на Широкой поляне.



ЗАГАДКИ

¹ Двое караулят, четверо спят, один тесто месит.

² Вся в заплатках, да не видно, как сшито.

³ Усы есть, да бороды нет; шуба есть, да халата нет; зачем ему ходить в поле, всё найдет дома.

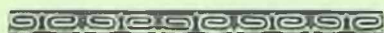
⁴ Есть голова, да нет волос; есть глаза, да нет бровей; есть крылья, да не летает; в холоде не зябнет, жары не боится.

⁵ Голова лошадиная, рога оленьи, шея волчья, бедра сайгачьи, крылья птичьи, ступни муравьиные, ноги — как у верблюжонка.

1. Верблюд. 2. Пегая лошадь. 3. Кот. 4. Рыба. 5. Кузнечик.

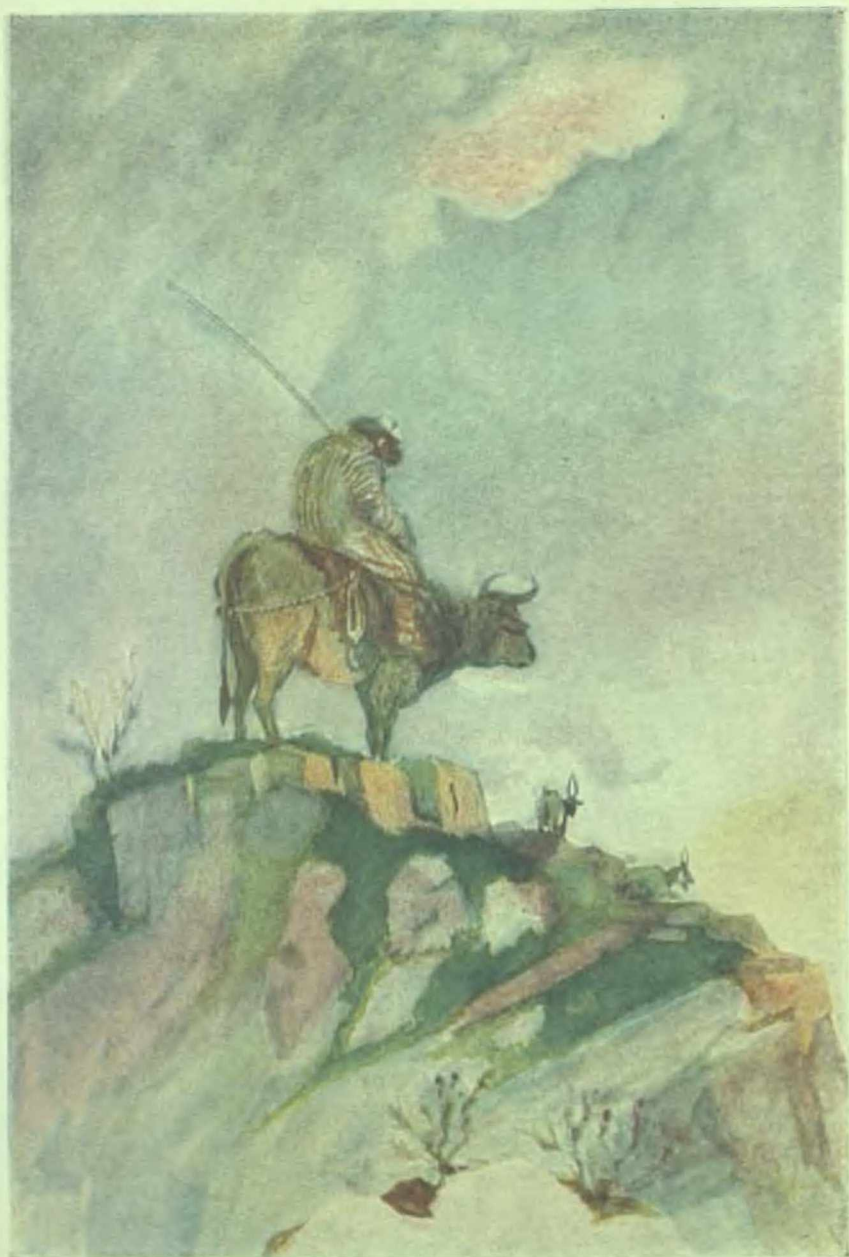


ЧАСТЬ ВТОРАЯ



ЛИТЕРАТУРА
XIX
И НАЧАЛА XX ВЕКОВ







Сабит Муканов

КАЗАХСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА

В отличие от устного народного эпоса, автором которого являлся коллектив безымянных акынов и жирши, создавших поэмы и украшавших на протяжении веков их первоначальные варианты, — казахская литература девятнадцатого века характеризуется, прежде всего, появлением поэтических произведений, имена авторов которых известны истории. Одним из первых таких авторов был жирши Бухар, придворный поэт хана Средней Орды — Аблая, живший в конце восемнадцатого века. В девятнадцатом веке среди поэтов появляются представители письменной литературы, хотя наряду с этим в народе бытуют в устной передаче и поэмы, сложенные неизвестно кем (например, «Бекет-батыр»).

К началу девятнадцатого века царизм заканчивал так называемую «военную колонизацию», окружив казахскую степь кольцом степных городов-крепостей (Уральск, Орск, Троицк, Петропавловск, Павлодар, Семипалатинск, Усть-Каменогорск). В 1822 году сын хана Аблая — Вали-хан — передал Среднюю Орду в русское подданство (Малая Орда перешла в русское подданство еще в 1734 году). Царское правительство prepares вторую линию опорных пунктов — города Тургай, Иргиз, Атбасар, Актюбинск, Каркаралинск, Акмолинск, заселяя десятиверстную полосу вдоль этого нового кольца казахским населением. Опираясь на ханов и баев, почувствовавших для себя выгоды в открытом союзе с колонизаторами, царизм начинает проводить свою грабительскую политику налогов, сборов и торговли. Произвол ханов, разорявших народ своими поборами, с одной стороны, и давление колониального пресса царизма с другой — привели казахский народ к обнищанию: достаточно сказать, что с 1830 по 1835 год количество скота в среднем на одну кибитку — сократилось вдвое.

Этот двойной гнет вынуждает казахский народ к открытому сопротивлению, и вся первая половина девятнадцатого века отмечена рядом вооруженных восстаний против царизма и его опоры в ауле — ханов, биев и баев.

Среди множества таких восстаний наиболее значительными являются: восстание в западной казахской степи, вождями которого были Исатай Тайманов и Махамбет Утемисов — в тридцатых годах; восстание казахов среднего Казахстана в тридцатых-сороковых годах, возглавленное Кене-

сары и Наурызбаем Касымовыми, и восстание казахов Актюбинской степи во главе с Бекетом Серкебаевым и Есетом Кутебаровым, — в пятидесятых годах.

Об этих восстаниях сохранилось множество поэм и песен, воспевających героическую борьбу казахского народа за свою независимость, его мужество и отвагу, и, собственно, эта тема определяет собою всю литературу первой половины девятнадцатого века.

Восстание Кенесары нашло свое отражение в поэме «Кенесары и Наурызбай», созданной Насынбаем, участником этого движения. Восстание казахов западной степи воспето в поэмах Махамбета, бывшего одним из его руководителей. Об этом же пел и современник Исатая — акын Шернияз; впоследствии поэт Игилман Шореков, живший в конце девятнадцатого века, написал на ту же тему большую поэму: «Исатай-Махамбет». Восстание казахов Актюбинской степи описано в поэме неизвестного акына «Бекет-батыр».

Эти песни и поэмы до революции передавались из уст в уста, некоторые из них были изданы в конце века. До наших дней они пользуются самой широкой популярностью среди казахского народа.

Родственные в тематическом отношении, эти поэмы далеко не равноценны по своим политическим и художественным качествам.

Султан Кенесары Касымов, внук Аблай-хана (носивший звание султана лишь номинально, так как ханство среди сибирских казахов было упразднено царским правительством еще в 1822 году), использовал в своих целях вооруженное восстание казахского народа, начавшееся в 1837 году. Хитроумный потомок ханов, он в начале восстания выдал себя за поборника народной воли и встал во главе движения, рассчитывая впоследствии руками народа вернуть себе отнятую царизмом ханскую власть. Завоевав доверие массы, он, вместо борьбы с царским правительством, повел казахов войной против братского народа — киргизов. Когда поддавшиеся обману казахи убедились, что Кенесары стремится завоевать киргизов и стать ханом над обоими народами, они массами стали переходить на сторону киргизов, и Кенесары был убит в неудачном бою с киргизами в 1847 году.

Такова история восстания. Поэма Насынбая не охватывает всего движения, носившего народный характер, а описывает только часть его — столкновение казахов с киргизами. Поэт ставит себе задачей показать образы Кенесары и Наурызбая как последних героев пошатнувшегося ханского строя, горько оплакивая участь народа, «оставшегося без хозяев-ханов». Истинные намерения этих достойных потомков Аблай-хана, по существу лишь не желавших выпустить из своих рук владычество над казахским народом, в поэме скрыты. Все это, а также явное натравливание в поэме казахов на киргизов, является причиной того, что поэма «Кенесары-Наурызбай» не пользуется особым уважением среди современной народной аудитории.

Другой поэт, Досхожа-бий, также оставил памятник этого восстания — песню, спетую им перед переселением Кенесары с Кокчетава, относящуюся,

примерно, к 1837—1838 годам, когда Кенесары, после нескольких неудачных стычек с царскими войсками, задумал откочевать на юг и увести с собой народ. Прощаясь с родиной, поэт яркими красками рисует в этой песне кокчетавские степи, подчеркивает их ценность для благосостояния народа, пугает предстоящими бедствиями и, наконец, дает понять, что алчный Кенесары нигде не найдет лучшего приема:

Ты к Алима сынам придешь,
Ты к Шомена сынам придешь,
Тебя ханом поставят они...
Ты привык очень много брать
И не будешь доволен мздой
Новоподданных нищих твоих.
Тебя баловал щедрой рукой
Весь народ, — и добро, если ты
Не узнаешь нужды в лошадях,
Покинув свой край родной!

Слова Досхожи сбылись: Кенесары стал жертвой своей алчности в стремлении сделаться полновластным господином над казахами и над киргизами.

Не стерпев произвола, чрезмерных поборов, колонизаторской политики царского правительства и его приспешников-ханов, казахи Шектинского рода Малой Орды подняли восстание, продолжавшееся в форме партизанской войны около тридцати лет подряд. Руководство над повстанцами принял на себя Бекет вместе с двоюродным своим братом — Есетом. Повстанцы фактически овладели степью, хан Арыстан боялся показываться в степи без конвойного царского отряда. В 1855 году он под охраной рискнул выехать из Оренбурга для сбора налогов. Весть об этом быстро домчалась до Аральского моря, где находились отряды Есета и Бекета. У реки Илек повстанцы, в числе пятисот всадников, напали перед рассветом на ханскую ставку, заставив ханский отряд отступить, и Бекет убил хана. Царские чиновники вызвали Бекета в Оренбург якобы для переговоров, в качестве посла повстанцев, и там заключили его в тюрьму, после чего через год отправили на каторгу в Сибирь.

Эти события послужили темой безымянному автору поэмы «Бекет-батыр». Здесь также показано не все восстание, а лишь некоторые его эпизоды: арест Бекета, отправление его в ссылку, прощание с матерью, бегство при помощи жены и возвращение.

Наиболее полно, политически остро и художественно ярко отражено в литературе восстание Исатай-Махамбета. В отличие от двух названных выше поэм, здесь дается полная картина всего этого движения, причины его воз-

пикновения, ход развития, причины поражения и начало новой борьбы — восстание Бекета. Кроме того, восстание трактуется как подлинно народное, демократическое движение, где трудовой народ выступает не только против царизма, но и против своих баев и ханов. Особенно ярко эти черты восстания подчеркнуты в творчестве Махамбета.

Махамбет Утемисов — величайший народный поэт девятнадцатого века и, одновременно, крупнейший организатор восстания против царя и ханов. Махамбет был не только правой рукой Исатая, но и целеустремленным, вдохновенным агитатором восстания: своими боевыми песнями, полными ненависти к угнетателям, поэт вел повстанцев в бой. Махамбет был душой восстания, хотя сам он оценивает свою роль в нем очень скромно:

Исатай был нашим вождем,
Я ж подручным лишь был при нем...

Махамбет и вся его семья отдали свою жизнь за дело народа: брат его Сулейман был выдан ханом Баймагамбетом царским властям, получил семьсот пятьдесят ударов шпицрутенами и сослан в арестантские роты; второй брат — Ахмет — взят в плен в бою при Акбулаке, наказан тысячью шпицрутенов и сослан на восемь лет в арестантские роты, третий — Исмаил — получил тысячу пятьсот шпицрутенов и после шести лет тюрьмы был сослан в Сибирь. Сам Махамбет в 1845 году был убит подосланными ханом Баймагамбетом убийцами.

Эти восстания первой половины девятнадцатого века были жестоко разгромлены царскими войсками в союзе с казахскими баями и ханами. Чтобы оградить себя от повторения восстаний, царизм держал побежденный народ в железных цепях; малейшее сопротивление народа царским мероприятиям каралось жесточайшим образом, ссылка и тюрьма завершали каждый незначительный протест против произвола царизма и его ставленников.

Со второй половины девятнадцатого века царское правительство начало проводить так называемую «земельную колонизацию», выразившуюся в отбирании у народа лучшей земли. Для успеха этой политики правительство наделяло казахских баев и ханов лучшими участками земли наравне с русскими помещиками, зачисляя их в дворянское сословие.

Еще тяжелее стало народу под таким гнетом. Но, скованный, он мог лишь проливать горькие слезы. В эти годы и зарождается в литературе направление, получившее наименование литературы эпохи скорби («Зар-заман»).

Яркими представителями этого направления выступили поэты второй половины девятнадцатого столетия — Шортамбай, Базар, Абу-бакир, Мурат, Нармамбет, Ахан-сэри и другие.

Ранее других появились в свет три поэмы Шортамбая: «Зар-заман» («Эпоха скорби»), «Бала-зар» («Детская скорбь») и «Олер-зар» («Скорбь смерти»).

В этих поэмах Шортамбай пел о безвыходном положении трудового народа, о тех пытках, которым подвергается народ со стороны своих и пришлых угнетателей, о нищете, явившейся следствием новых порядков в степи. Но выход из этого тупика Шортамбай искал не в продвижении народа вперед, а в повороте колеса истории назад — в возвращении к патриархально-родовому строю. Поэтому социально-экономические изменения, которые происходили в ауле в связи с проникновением в степь товарно-денежных отношений, Шортамбаю казались главной причиной зла:

Вместо стад — деньги. Из такого скота
Ты не выдоишь себе молока,
Никак не положишь на него седла...

Из этой установки Шортамбай исходит и в дальнейшем: во всем виноваты деньги — благодаря им разлагается хозяйство, увеличивается число бедняков, бай становится более жадным, деньги разваливают семью, портят людей. Свою предсмертную поэму «Скорбь смерти» Шортамбай заканчивает словами: «Я бы хотел и еще петь о скорби моего народа, но вышли все мои слова, застыл мой язык — и немой иду я в могилу».

Поэты Базар, Мурат, Абу-бакир, Ахан-сэри и другие по существу являлись продолжателями поэзии Шортамбая, углубляя пессимистическую и мистическую струю в казахской литературе.

Из истории известно, что язычество среди казахов было гораздо сильнее, чем ислам, который начинает прививаться лишь с четырнадцатого-пятнадцатого веков, после установления экономическо-политической связи с народами Средней Азии. Заботу о развитии ислама среди казахов взяла на себя царизм. Вместе с колонизаторами в степь хлынули татарские миссионеры — проповедники ислама. Мулла выполнял три функции: проповедника ислама, письмоводителя канцелярии и шпиона. Благодаря этим муллам, в девятнадцатом веке ислам получает широкое развитие в ауле.

В письменной литературе религия получила значительного союзника в лице поэтов — выразителей идей феодальной верхушки. Среди поэтов появились так называемые «книжники», которые считали своей главной задачей — перевод на казахский язык религиозно-мистических поэм, арабско-персидского и шагатайского происхождения. Представителями этого направления были: Муса-молда, Ораз-молда, Жусупбек, Шайхол Исламов, Акалбек Сабалов, Шади-торе и другие. Этот вид литературы, получивший название «кисса», насчитывает несколько десятков книг.

Надо отдать справедливость, что вместе с религиозно-героической, религиозно-мистической поэзией на казахский язык было переведено и золотое наследство восточной литературы: «Тысяча и одна ночь», стихи арабского поэта Абу-гала-эль-Магарри, стихи и поэмы классиков персидской литературы — Фердауси, Шаих-сагли, шагатайской — Омар-Хайям, Фаули.

Среди поэтов-«книжников» были и авторы оригинальных стихов: Ак-молда, Нуржан Наушабаев, Машур-Жусуп Копеев и другие. Они тоже преи-

мущественно писали на религиозные темы, сочиняли хвалебные песни аллаху, пророку и святым, проповедывали ислам. Некоторые из них, как Акмолда, выступали порой с критикой господствующего порядка, некоторые, как Машур-Жусуп, откликались и на вопросы, волновавшие казахский народ, — о земле, о просвещении, о царской колониальной политике, о национальном равноправии. Несмотря на отдельные попытки решать сложные общественные вопросы, в основном эти поэты-«книжники» оставались идеологами старого, феодального общественного порядка.

Связь с русскими городами постепенно вызвала интерес отдельных передовых представителей казахского народа к западноевропейскому просвещению и культуре. Со второй половины девятнадцатого века отдельные казахи начинают посылать своих детей в русские школы. В казахском народе образуется интеллигентский слой людей с европейским образованием. Представители этой среды заражаются идеями русских народников-просветителей. Одним из таких людей был Ибрай Алтынсарин (1841—1889). Сын крупного бая Балгожа, он получил образование в русско-казахской учительской школе и по окончании ее сделался инспектором народных училищ. Училища эти, основанные по идее известного миссионера Ильминского, имели задачей воспитание культурных кадров казахов для помощи царизму в «освоении края». Ильминский вел с Ибраем оживленную переписку, надеясь использовать его в целях миссионерства. Но Ибрай пытался расширить сеть школ, чтобы как можно шире распространить среди казахов просвещение, видя в этом единственный путь спасения темного народа от угнетения колонизаторами. Он всячески доказывал казахам пользу русских школ, организовывал ряд школ в аулах, написал учебник для казахских детей и вместе с этим пропагандировал просвещение и в стихах, призывающих народ к образованию. Выше этой идеи просветительства Ибрай не мог подняться, и другие стороны общественной жизни остались в его творчестве незатронутыми.

Другой крупный поэт того времени, также имевший европейское образование, — Шангерей, сын Жангир-хана, живший в своем имении Борсы, стоял в стороне от политики, совершенно не затрагивал вопросов, волновавших народ, ограничиваясь узко-лирическими темами, философствованием, созерцанием природы. Обладавший крупным поэтическим талантом, Шангерей несомненно мог бы сделать очень многое, если бы не эта оторванность от жизни и не предрассудки феодальной знати, не позволявшие заниматься «предосудительным ремеслом» акына.

То, чего не могли сделать Алтынсарин и Шангерей, сделал их современник, классик казахской письменной литературы — Абай Кунанбаев (1845 — 1904).

Абай — первый казахский поэт, отразивший в своей поэзии общенациональные интересы. Бескультурье, невежество, произвол царских чиновников, грабеж ставленников их, хищническая эксплуатация бедноты баями, бесправие женщины, многоженство, калым — все это получило отзвук в произведениях Абая.

До Абая казахский литературный язык пестрел арабо-персидскими словами, внесенными в него исламом и поэтами-«книжниками» и непонятными для широких слоев народа. Впервые в истории казахского народа Абай очистил от них литературный язык и сделал его достоянием народных масс.

Абай был человеком огромных знаний. Получив образование в мусульманской медресе и всего три месяца обучавшись в русской школе, он самостоятельно занялся изучением литературы. Абай великолепно знал произведения всех русских классиков девятнадцатого века. Большую роль в этом сыграла его дружба с сосланными в Семипалатинск народниками. Одаренный от природы ярким талантом и умом, Абай взял от русских классиков все, что ему было нужно. Так, подражая Пушкину, Абай методом реалистического отображения действительности рисовал замечательные картины дореволюционной жизни аула. От Лермонтова он взял его глубокую и потрясающую своей силой лирику, от Салтыкова-Щедрина заимствовал острую сатиру против чиновников и эксплуататоров, от Некрасова — его народность и демократизм.

Абай впервые перевел на казахский язык множество стихов Пушкина, Крылова, Лермонтова, часть глав «Евгения Онегина». Переводы его по своей художественности и близости к оригиналу до сих пор остаются непревзойденными.

Вместе с тем, учась у русских классиков, Абай не копировал их. Он относился к ним критически, сознавая, что история возлагала на него почетную задачу — заложить основу письменной казахской литературы. Изучив творчество казахских акынов, живших до него, Абай ввел в казахское стихосложение восемнадцать новых форм, причем пользовался ими так мастерски, что они быстро были освоены народом.

Любопытно отметить, что в первые годы своей литературной деятельности Абай скрывал свое авторство, выдавая свои песни за песни своего ученика Кокпая. Феодальные предрассудки не позволяли ему — знатному бию рода — заниматься поэзией, делом акынов, выходцев из черни. Лишь дружба со ссыльными русскими народовольцами, которые и познакомили Абая с русскими классиками, заставила его решиться раскрыть свой псевдоним.

Годы реакции, наступившие после 1905 г., характеризуются ростом буржуазно-националистической литературы, наиболее полно выявившей свою реакционную и враждебную народу сущность после февральской революции, когда представители ее тесно сомкнулись с контрреволюционной националистической партией «Алаш-орда». Но и в годы наивысшего развития этой литературы, выражавшей идеологию буржуазной верхушки аула, отдельные демократические писатели пытались служить своими произведениями делу народа. Таковы Испандиар Кубеев, первый казахский прозаик (роман «Калым» 1908 года); Султан-Махмуд Торыйайыров, впервые в казахской литературе выступивший с публицистическим романом и

политически насыщенной поэмой («Кедей»); Сабит Донентаев, выдающийся сатирик, высмеивавший деятельность националистов, забывавших о народе; Машур-Жусуп Копеев, отошедший от «книжников» и пытавшийся защищать интересы всего народа (книги «Наше положение» и «Кому же принадлежит степь?») В эту борьбу буржуазной и демократической литературы восстание 1916 года влило свежую и мощную струю народного творчества.

В июне 1916 года царское правительство издало указ о мобилизации на прифронтовые тыловые работы казахского населения в возрасте от девятнадцати до тридцати одного года. Мобилизация сама по себе вызвала взрыв негодования казахского народа, никогда не отбывавшего воинской повинности, а злоупотребления волостных управителей, которые включали в списки мобилизуемых только бедноту, освобождая за взятки сыновей баев и богатых людей, привели к открытому восстанию, охватившему всю территорию Казахстана с главными очагами в Семиречье и Западном Казахстане. Здесь в Тургайском районе создались крупные партизанские отряды, руководство которыми народ вручил Амангельды Иманову. Царскому правительству пришлось направить в Казахстан крупные военные силы. Партизанские отряды продолжали борьбу вплоть до Февральской революции и впоследствии примкнули к большевикам в борьбе против предателей-алаш-ордынцев, поддерживавших Дутова и Колчака. Амангельды был измученно убит алаш-ордынцами в 1919 году.

События 1916 года народ запечатлел в множестве песен, поэм, рассказов, в которых с огромной силой выражены ненависть и возмущение народа против империалистических поработителей, против всей системы угнетения, завершившейся теперь насильственным вовлечением казахской молодежи в хищническую бойню в интересах колонизаторов. В народной литературе 1916 года красной нитью проходит ненависть и презрение к предателям восстания — волостным управителям, буржуазным националистам, баям, биям и муллам, предавшим казахский народ. Имена героев восстания — Амангельды, Жалбыра, Бек-Болат и других становятся в ряд с именами эпических героев казахского народа.

Материалы этой революционной народной литературы собраны далеко не все. Вместе с призывными боевыми песнями, подобными призыву акына Бзаубака, вместе с поэмами Орымбая, Саядила, восстание оставило нам и песни прощания матерей и жен с мобилизуемыми, гневные эпиграммы по адресу царя и его приспешников, стихотворные письма жигитов, отправленных на фронт, и другие памятники народного творчества.

Восстание 1916 года вызвало новый подъем народного творчества. Песни и поэмы, созданные народом под влиянием восстания, явились как бы предвестником близкого расцвета казахской литературы в эпоху гражданской войны, установления советской власти и освобождения трудящегося населения степей от многовекового гнета.



ПРИДВОРНЫЕ ПОЭТЫ



Бухар-Жирау

Бухар жил в конце восемнадцатого века. Современник и один из влиятельных биев хана Аблая, стремившегося расширить свои владения за счет киргизов и калмыков путем продолжительных войн,— Бухар был сторонником завоевательной политики Аблая, одним из столпов феодального строя и идеологом его. До нас дошли его стихи: «И светило земное угаснет», «Кедей, куда идешь?», «Объяснение песен Асана Кайгы», «Ой, Аблай, Аблай».

Предлагаемое ниже «Обращение к хану Аблаю» имеет следующую историю. Хан Аблай (1711—1781) собрался в поход, вопреки желанию своих полководцев, в том числе и Кабамбая Каракерейского; поход этот не оправдывался никакими разумными соображениями и поддерживался только одним из батыров хана — Богембаем из рода Канжигалы. Бухар явился к хану и, напоминая Аблаю его нищее детство, спел эту песнь, чтобы умерить его спесь и воинственный пыл.

ОБРАЩЕНИЕ ПОЭТА БУХАРА К ХАНУ АБЛАЮ

Ой, Аблай, Аблай!
Когда я узнал тебя,
Был ты, как кобчик, мал.
В Туркестане ты жил тогда
И Абулмамбету служил.

Ты в каких краях поумнел?
За верблюдами ты ходил
У уйсунского бия Толе.
В двадцать лет — на твою главу
Птичка счастья слетела вдруг,
И Кадыр тебя навестил,
Ночевал в твоём доме Бак¹.
Словно белый кречет, ты взмыл,
Ты добычу искал с высоты,
И дробил ты скалы мечом.

Ну, а ты, Богембай Канжигалы,
Где батыром ты прозван был?
Где, какую ты крепость взял?
Говорил ты: «Удачи муж
Больше сделает, чем батыр».
Ты за легкой славой бежал,
Был известен народу ты
Как какой-нибудь конокрад,
Что на взмыленном скачет коне.
Ты врага хоть раз поразил
Пикой раньше, чем Кабамбай?

Ой, Аблай, Аблай!
Побеждал ты всегда врагов,
Но не сыт еще до сих пор.
Ты поборами жал народ,
Беком стал у мирных людей
Ты — не помнящий рода раб!
Рассказать ли, кто ты такой?

Нам был чужд твой уран — «Архар»².
Стать султаном когда ты смог?
По Карсы и по Гузаре
Вечно бегал ты босиком,
Ткал мату, словно сарт простой.
Ты о матери хочешь знать?
Чьей женой она была?
Я ее когда-то знавал:

¹ *Кадыр* и *Бак* — мифические существа, которые приносят счастье избранным, ночуя у них в качестве гостей.

² *Уран* — боевой клич. Ханы и султаны имели боевым кличем *архар* (горный козел).

Мать твою рабыней была
И таилась в глухих углах.

Справа стала твоя звезда —
За тобой все живое спешит,
И народа несчастных сынов,
Как баранов, ты усмирил.
На посылках все у тебя.
Пусть трава греет твой очаг,
Пусть калмычка будет женой
И летовье — в казахской земле,—
Если можешь гордиться чем,
То пожалуй только одним:
Что султаны твои живут
В постоянной и злой вражде!

О, не гневайся, мой Аблай!
Я свалю, я зарою тебя,
На съеденье зверю отдам.
Желчь свою ты не разливай,
Не шуми и не горячись,
Против русских не выступай,
Не накличь войну на народ:
Он, как жемчуг, тебя хранит!
Говорящих, как я, стариков
Девяностотрехлетних — ты
Больше нигде не найдешь!



НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

*Пережитое вместе с народом — торжество.
У рыбака лошадь погибает от жажды.
При переходе через мост удары получает са-
мый старый верблюд.*



Насынбай

Насынбай — один из придворных поэтов хана Средней Орды Кенесары, участник вооруженной борьбы Кенесары против царского правительства за сохранение самостоятельности ханства, начало которого было положено дедом Кенесары — Аблай-ханом. Борьба эта продолжалась десять лет — с 1837 по 1847 год.

После гибели Кенесары и его брата Наурызбая во время неудачного похода на киргизов в 1847 году, Насынбай скрывается от преследования русских войск.

Насынбай известен своей поэмой «Кенесары-Наурызбай», где он описывает поход Кенесары против киргизов, различные эпизоды войны, героизм, проявленный Кенесары и Наурызбаем, их смерть.

Насынбай — один из главных певцов феодального строя, начинавшего уже сходить с исторической арены.

ПЛАЧ ПО КЕНЕСАРЫ И НАУРЫЗБАЮ ПЕВЦА НАСЫНБАЯ, БЕЖАВШЕГО ИЗ КИРГИЗСКОГО ПЛЕНА

Он был вождь могучих вождей,
Всех он был мудрей и сильней.
Хан Кене, что стряслось с тобой?
Почему отсутствуешь ты,—
Ты, даривший сабли и в бой
Посылавший нас на врага?
Мы их гнали, крича: «Аблай!»

Что случилось, чалый, с тобой?
Ты в степи был лучшим конем,

Мы из торбы кормили тебя
Золотым отборным зерном,
Молоком поили тебя.
Ждали мы: от врага орлом
Ты хозяина унесешь,—
Ты ж родного бросил Кене!

Что стряслось с тобой, Наурызбай?
Ждать так долго не заставляй!
Бог послал тебе через край,
Ты всегда был неутомим,
Словно беркут. Ты, Наурызбай,
Был один у матери сын
И всегда бывал одинок.

Лишь ушел от нас наш Кене —
День наш горестный наступил,
Без хозяев-ханов народ
В одиночестве загрустил.
И как будто крылья мои
Кто-то злобно переломил,
С золотым эфесом клинок
Словно камнями притупил.
Я теперь унижен совсем
И пред каждым страх затаил.

О, моей одежды сукно!
Нет, не дождь тебя замочил!
И стальную саблю свою
Не о камни я притупил.
Словно жизнь поломали мою,
Я остался, увы, без крыл!
Наурызбай и Кенесары,
О, властители, видно был
Нам удел написан такой,
Чтобы вас киргиз погубил!

Если бога смел ты забыть,
Как душою ты будешь благ?
Как спокойно ты сможешь жить,
Если голоден ты и наг?
Как без музыки у бойцов
Будет стройный, правильный шаг?
Одиноко звезды горят,
Коль луна уходит во мрак.

Одинок и беден народ,
Коль его покинул вожак.
Наурызбай и Кенесары,
Кто направит жигитов шаг?

О, владыки-ханы, когда б
Речь моя была горяча!
Сохранит ли перья фазан,
Коль грызет его саранча?
А совой испуганный гусь
Полетит ли ввысь, гогоча?
Разве сильным будет народ,
Жизнь свою без хана влача?
Твоего удастся ли мне,
Милый хан, коснуться плеча?

При великом хане Кене
Были мы сильны и грозны.
Налетали на вражий стан
Наши доблестные сыны,
Словно горный снежный буран,
Окружали кольцом стальным
Под воинственный наш уран.

Всех бояться осуждены,
Как птенцы, которых фазан
Вдруг покинул, — принуждены
Мы терпеть даже сартов обман,
Сартов, что нами покорены!
Как покинул Кене народ, —
Опустел престол золотой,
Наурызбай покинул народ, —
Мы несчастны стали с тобой.

Мы певали, как соловьи,
А теперь — весь народ немой.
Не конец ли это, друзья?—
Вот грубит нам чабан простой...
О, покинутый мой народ!
Потерял ты мощь и покой.
О, народ, в горчайшей беде
Очутились мы с тобой!



Досхожа-бий

Сведений о жизни и творчестве Досхожа почти не имеется. Судя по его песням, он является одним из акынов эпохи Кенесары-хана. Большая песнь «Уход Кенесары с насиженных мест» относится, примерно, к 1837 году, когда Кенесары, после нескольких стычек с царскими войсками, продвигавшимися в степь, решил покинуть свое летовье под Кокчетавом.

Этой песней Досхожа пытался удержать хана от откочевки, описывая прелесть кокчетавских степей.

Песня записана в 1894 году под Оренбургом со слов буртинского акына Ахмета.

ПЕСНЯ, СПЕТАЯ ПЕРЕД ПЕРЕСЕЛЕНИЕМ КЕНЕСАРЫ С КОКЧЕТАВА

Ассалау малейкум,
Алди-яр¹, мой султан стальной!
Выше сверстников ты своих,
Смелый, сильный и удалой.
Против хана Уса-Серен
Еще дед выступал войной!

Если с этих кочевий уйдем,
Не увидим больше с тобой,
Как цветет долина Ишим,
Как течет Ишим голубой,
Наш Ишим, что радует взор
Издалека в степи глухой

¹ Ассалау-малейкум — приветствие.
Алди-яр — бог в помощь!

И глубоко волнует глаз.
О земле затоскуют родной
Все мурзы, что на резвых конях
Гарцевали в одежде цветной.

Видишь, там, в темноте заснул
На зимовьи младший аул —
Казылык и Баян-аул?
И весенний байский привал
Здесь глубоко след протянул.
Так бывало: весна придет,
За аулом другой аул
По широкой степи шумит.
Так бывало: весна придет,
И стоит аул восемь дней,
Кумысом наполняют сабы,
Байских сватают дочерей,
Пир шумит, и летит байга.
Благодатью счастливых дней
Осеньяла нас эта гора!

Или сходится молодежь,
Как сазаны, резвой толпой.
С веткой яблони милых своих
Сравнивают между собой.
А потом идут к старикам
И почет им приносят свой,
Называлась эта гора
Благоденствующей горой.

Здесь была лишь одна беда:
Много злых и жадных волков
По ночам окружало стан.
Лютых баи спускали псов,
Сторожили собаки стада,
Подымали с ближних холмов
Угрожающий злобный лай.

Под широкой шумящей сосной,
Под покровом ее ветвей
Собирался в прохладной тени
Хоровод молодых людей.
На горѣ веселились они...
Но к чему вспоминать о ней?
Бренно все на земле, увы!

Наших гибельных, черных дней
Стала свидетельницей гора.
Что ж, прощайте же навсегда,
Вы, вершины прохладных гор,
Ты, зеленый ковер травы!
Не покинули б никогда
Мы тебя, — но теснят враги.

С ревом скатывающийся вниз
О, студеный ключ, ты бурлив,
Как сабы прохладный кумыс!
Были шапки у наших рабов
Из пушистых и рыжих лис,
Что шныряли средь таволги,
Словно стаи огромных крыс.
Не ценил всего этого я!
О, прощайте, мои друзья!
О, прозрачных озер камышом
Окаймленные берега!
Мой народ здесь раскидывал стан
И вытапывал здесь луга,
И, бывало, пока подойдет
Караван весь издалека,
Бии, ханы и старики
Собирались в кружок тогда
И, стреножив своих лошадей,
Заводили беседы всегда.

О, изень, и полынь, и шагры!¹
Мы бросаем наш вольный дом,
И грозит разоренье нам.
Развернувшаяся ковром,
Словно бархат, песчаная степь,—
Ни холма, ни оврага кругом,—
О, песчаная степь, прощай!
Здесь мы станом не отдохнем,
И не загрустят ли мужи,
Если вспомнят все это потом?

Нас качал одnogорбый нар,
Горячили мы серых коней,
Мы, казахи — народ кочевой,
Знаем: жажда трудна для детей.

¹ Изень, шагры — степные травы.

Золотистый густой камыш
Отражает солнечный лик.
Здесь когда-то лютой зимой
Зимовал аулом Салык.
Покидая эти места,
Разве ты душой не поник?

Говорят, что кочует в степях
Род Алимовых сыновей.
Горячи они, — о себе
Им расскажем, поймут ли нас,—
Необъезженных горных коней,
Хотя имя твоё, Кенесе,
Прогремело по степи всей?

О, родные мои острова,
Где бродили архаров стада
И маралы, и дикий баран!
О, летовья мои, навсегда
Покидаю я вас, чтоб спастись!
Мы напрасно боролись года...
О, прощайте, мои острова!
О, татры оставленный мой!
Здесь раскидывали шатры,
Предков прах здесь нашел покой,
Как оставит тебя народ,—
Сгонят власти здесь скот на постой,
И по кладбищу загремят
Колымаги, и за собой
Станом пыль подымут они.
Мы же здесь молились с тобой
У могилы предков своих.
Осиротели теперь они!
(Бог им даст пусть в раю покой!)
И остался теперь позади
Лес дремучий наш сиротой.
Мой народ, что жил в том лесу,
Будет мучиться лютой тоской.
Не забыть мне родных лесов
С их густою пестрой листвой,
Голубою окутанной мглой.

О, березы и сосны мои,
Вы, кочевий моих красота!
Полугодьями жили средь вас,

И белее, чем в лавках мата,
Были жены наши белы.
Там, где водоросль так густа,
На Балхаше летней порой
Острокою мы били тогда
Дико мечущихся сомов.
Красным летом эти места
Шумом полнит лягушечий хор,
И резвится рыба в воде.

В летний зной, бывало, народ
Расположится у реки,
Собираются пить кумыс
В полдень баи и старики.
И взбивает кумыс байбише
И вздыхает, как белый нар.
И как пеликаньи сынки,
У богатой юрты, смеясь,
Молодежь собралась в кружки.
Льется пенистый крепкий кумыс
По тюменским чашам, — на них
Расписные цветут цветки,
И — остуженный в холодке —
Молодые и старики
Пьют напиток чудесный свой...
О, счастливых времен деньки!

Вы, прозрачные воды рек,
Ты, из жимолости курук,
Что удерживал конский бег!
О, колки мои из сосны,
Вы отбрасывали не раз
Ветра северного набег!
Суетен этот мир, увы!
Чем нам родину заменить?—
Бросив эти кочевья, мы
Будем новых искать, чтоб жить,
Но найдем ли хоть ветку мы?

Реки, вьющиеся змеей,
Все останутся позади.
Гнали скот мы в простор степной
И не трогали их долин.
Конь, носивший нас в летний зной,
Вместе с вольным конем в табуне
Здесь нагуливал свой жирок.

Были счастливы мы с тобой —
Все кочевья были у нас,
Затоскуют мурзы-бойцы
По своей по земле родной.

О, любимые кони, у вас
Мясо — сахар, молоко — мед!
В стужу лютую на снегу
Вы паслись всегда без забот.
Мы покинем зеленый Ишим,
Кто нам пастбище лучше найдет?
У ишимских прозрачных вод
Жир нагуливал резвый конь.
Тарлау, лебеда, ковыль
Горб верблюжий жиром нальет.
Драгоценнейший кулмамбес,—
Кенеке тебя не найдет!

Словно тучи — вокруг нас враги.
О, изменчивый бренный свет!
На пушистый зеленый луг
(Луга мягче на свете нет!)
Мы пускали своих жеребят.
Дедов наших правдив завет:
«Постоянства в богатстве нет!»
Восседали ты в ставке своей,
Жеребцом пятилетним ржал
И подвластных биев тебе
Ты пред очи свои вызывал.

А бывало, в полдневный зной,
Как казарки, к кибитке твоей
Вереницей тянулась толпа
Твоих подданных и друзей.
Становилось душно — ковры
Под прохладною сенью ветвей
Расстилали. Пенный кумыс
Приносили для всех гостей.
В пестрых чашах тюменских ты
Сам, рукою хозяйской своей,
Разливал его... И сильней
Ты вздохнешь, вспоминая все.

Ты к Алима сынам придешь,
Ты к Шомена сынам придешь,

Что кочуют по шири степной,
Тебя ханом поставят они,—
Ты Аблаю ведь самому
Самый лучший внук родной.
Ты привык очень много брать
И не будешь доволен мздой
Новоподданных бедных твоих.
Тебя баловал щедрой рукой
Весь народ,— и добро, если ты
Не узнаешь нужды в лошадях,
Покидая свой край родной!

Но коль твердо решил уйти,
То пусть скачет гонец-казах,
Пусть узнают дулатовцы все,
Пусть узнают аулы Санрык,
Пусть узнают герои — Байзак,
И Бекен, и Жазы,— что бегут
От кокандского хана, — они
Ищут новых владык для себя¹.

¹ Досхожа намекает здесь на возможность союза с перечисленными старейшинами дулатовского рода, нередко восстававшего против бесчеловечного угнетения кокандским ханом и откочевавшего в степь.



НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

*Растерявшаяся утка ныряет задом.
При нужде конь напьется и в удилах,
при нужде перейдешь воду и в сапогах.
У разоренного народа не бери и бульдирги¹.
Пешеход не подымает пыли, одинокий го-
лос не подымает народа.
Если тебе осталось жить до полудня, все
же заработай, чтоб хватило до вечера.
Лучше быть подметкой в своей стране,
чем султаном в чужой.*

¹ Ременная петля на рукоятке плети.

ПОЭЗИЯ ЭПОХИ ВОССТАНИЙ



Игилман Шуреков

В 1836 году казахи, занимавшие степи между Уралом и Волгой, подняли восстание против букеевского хана Жангира и царских колонизаторов. Восстание возглавил Исатай Тайманов. В несколько недель число восставших достигло десяти тысяч. В первых сражениях повстанцы одержали победу над ханскими и царскими отрядами. Жангир-хан, начав переговоры и выиграв время, вызвал крупные отряды царских войск, и теснимые ими повстанцы устремились за Урал для соединения с силами других повстанцев. Двенадцатого декабря 1838 года, окруженные войсками, повстанцы дали на реке Акбулаке последнее сражение, в котором погиб вождь восстания — Исатай. Восстание было жестоко подавлено.

Вместе с Исатаем одним из организаторов и руководителей движения был акын Махамбет, своими песнями вдохновлявший народ на борьбу с угнетателями.

Восстание это народ запечатлел в ряде песен и поэм, на основе которых поэт Игилман Шуреков написал в конце девятнадцатого века поэму „Исатай и Махамбет“; здесь приводится сокращенный вариант поэмы.

ИСАТАЙ И МАХАМБЕТ

Начинаю, братья, рассказ
О батыре славном сейчас,
Его имя знает весь мир.
Не судите же строго меня,
Если что-либо я забыл.
О, великий, славный батыр!

Твоя сила — солнцем зажглась,
Твое имя — жарче огня
В сердцах казахских горит!
Ты одним сверканьем глаз
Врага во прах повергал —
И бежал твой враг, как шакал.

Если прошлого не рассказать,
Тайн минувшего не узнать.

Хочешь знать, каков был батыр?
Не обидел он никогда
Тех, кто мирно в труде живет,
Тех, кто плод своего труда
В поте лица достает.
Но когда бы сам хан подошел,
Потирая жирный живот,
И с места б уйти приказал,—
Исатай бы с места не встал.

Хочешь знать, каков был батыр?
С любовью навстречу он
К друзьям выходил всегда,—
Слушал мудрые речи он,
А сам — был молчалив.

Хочешь знать, каков был батыр?
Если враг к нему подходил,—
Загоралась гнева звезда,
И врага он сплеча рубил,
И ни разу меча не сложил,
Злого врага не смирил.

В десять лет, как соловей,
Разливался песнею он.
До пятнадцати дожил лет —
Стал мудрейшим среди людей,
И вещим вестником он
Народного горя стал.
В двадцать лет — взял он байгу.
В двадцать пять — от народных бед
Ночей он не досыпал,
И во сне и наяву
За свой народ он страдал.
В тридцать лет — он поднял главу,

Он сказал: «Надругаться врагу
Не позволю я над тобой,
Мой народ, мой народ родной!
Исатай — твой слуга и друг!»

.....
Ханской милости тщетно ждать,
Злобу хан глубоко таит:
Не рукою ль казаха убит
Ханский предок — Есимхан?
От руки Барака пал
Не дед ли его — Абильхаир?
Не от гнева ль народа бежал
Нуралы, великий хан?
Местью злобною хан не сыт,
Помнит хан старый завет,
Помнит хан, как учил его дед:
«Всегда сохраняй вид
Любящего отца,
Хитро людьми управляй,
Властвуй и разделяй,
Потому что, когда народ
Свои силы соединит,
Его мощи нет конца!»

.....
Все горше казахский стон,
Все гуще нависла тьма.
И конь, и верблюды, и вол —
Всё за подать в казну идет,
Всё грабит кровавый хан,
Огонь его счастья горит.
На одной стороне — народ,
Приспешники — на другой.
С поникшею головой
Народ, замучен, стоит;
Далеко от хана народ —
Приспешники под рукой.
Возле трона стоит Балкий,
Назначенный ханом бий,
Возле хана стоит Шамбал...
Им каждый кусок мал,
Мало им народных обид.
А хан одного за другим
Назначает биев теперь!
Каждый бий — точно хищный зверь,
Ни один грабежом не сыт...

И вот, мученьем гоним,
Однажды казахский народ
На великий собрался сход.

Поможет ли, хан, твой дед!
Поможет ли дедов завет?
Гудит измученный край...
И встал батыр Исатай,
За оружие взяться велит,
И встал батыр Махамбет,
Он местью хану грозит,
И расправил плечи казах,
И родимый поднялся край,—
То на хана вышел он —
Великий батыр Исатай!

Много ночей и дней
Войска готовит батыр.
Горячих, диких коней
В степи ловит батыр.
Обучает батыр людей,
Ищет охотников он,
Отбирает сотников он,
Отбирает десятских он.
И тех, кто за ним идет
Против хана в святой поход,
Встречает по-братски он.
А тех, кто хана ждет,—
Беспощадно он гонит вон!

«Тот, кто хочет бабою стать,
Тот, пожалуй, может отстать!
Ну, а тот, кто за жен и детей,
За простор свободных полей
Не жалеет жизни своей,—
Не упустит копья из рук,
Не свернет с великих дорог,
Пока еще дышит хан!
Да поможет народу бог!»

Махамбет, Уби, Такатар
Исатаево слово несут,
Повторяя его везде.
Внемлет слову и млад и стар.
И пошел на хана в поход
Могучий казахский народ.

...По просторам степи войска
Шли долгие ночи и дни.
С двух сторон подошли войска,
С двух сторон сходились они.
Кара-Ул¹ расставлял полки,
Исатай расставлял полки.
И в поту и в пыли — войска
Друг на друга ринулись в бой.
Кровь по бранному полю лилась,
Руки в кровь окунали бойцы,
И в последний, смертный час
Крепче стали были бойцы!
Пули пели, косил свинец
Разъяренных битвой людей,
Оглушенных битвой коней.
Рядом падали — сын, отец,
И сверкал молнией меч,
И под острым клинком с плеч
Скатывалась голова,
И упругая тетива
В схватке грозной пела струной...
А над всеми, орлом степным,
Покорившим земную ширь,
Парил Исатай-батыр,
Велик и непобедим.
Кровь была на виске его,
Знамя было в руке его,—
Не отступит он ни на шаг,
Побежит пред батыром враг!
Махамбет позади стоял,—
Он одышкой тяжелой страдал,
Но забыл про болезнь герой,
Когда разгорелся бой:
Он во вражьи ряды влетел,
Он, как сокол, клевал врага,
От кровавых бранных дел
Не устанет его рука!
И летел, как буря, скакун,
Его темнобурый скакун,
Меж врагов расчищая путь...
Дух героев высок и смел,
Оттого и враг побежден.
Исатай победил врагов.

¹ *Кара-Ул* — военачальник ханских войск.

Он победную песню пел.

.....
Семи тысяч отряд достиг,
А бойцы все идут да идут...
Тех, кто стал поперек пути,
Спалило войско дотла,
Как ночной огонь — мотыльков...
Шел отряд широкой волной
По родным безбрежным степям,—
Даже заяц меж конских ног
Проскочить бы тогда не смог.
Впереди — Исатай сам:
Он шел расквитаться с Ордой,
Вел народ он рукою стальной.

Брат Балкия — гнусный Егиз —
Из трусости шел за ним,
Но батыр Исатай не знал,
Что изменник, злобой томим,
Бокета к хану послал...
Проснись, Исатай, проснись!
Вокруг себя погляди!
Ты змею согрел на груди!
Бокет поскакал к Орде
И к Балкию ворвался он,
И хан узнал, что к Орде
Ведет Исатай войска,
И сердце пронзил мороз
Привезенных гонцом угроз.

Возвести валы из земли
Испуганный хан велит,
Обнести деревянной стеной
Он в страхе Орду велит,—
Хан от ужаса сам не свой,
Он не в силах ни пить, ни есть.
В Уральск пишет в страхе хан:
«Исатай — супротивник твой,
Исатай — супротивник мой!..
Правду, царь, я тебе говорю:
Исатай мне не простит,
Что слуга я покорный твой.
За позор недавних обид
Мне жестоко он отомстит.
Повели ж, о, великий царь,
Исатая низвергнуть в прах,

Чтоб в пыли, о великий царь,
Предо мной распростерся враг!»

.....
Шембал и Бекмакамбет
К батыру в лагерь пошли.
Бии, послам вослед,
Исатаю в дар повели
Степных коней под уздцы,
Верблюдов пригнали ему,
Ковры расстилали ему,
По приказу биев бойцы
Дорогие шубы несли,
Расписные шали несли.
Но сказал тогда Махамбет:
«Ты не слушай ханских послов:
В каждой складке одежды их — нож.
Ты не слушай их льстивых слов:
В каждом ласковом слове — ложь.
Мой тебе, Исатай, совет:
Разговоры скорей кончай,
Надо всех послов перебить!
Мне родня — Бекмакамбет,
И его я убить готов.
Моих слов, батыр, не забудь:
Хан дары разложил пред тобой,
А к царю уж, в далекий путь,
Тайно скачет ханский гонец!
Нас послы задержать хотят,
Они помощи ждать хотят,
Нож вонзить, словно тать, хотят!
Коль Балкия мы не уьем,
Коли хана в плен не возьмем,
Пасть тогда, Исатай, тебе
В неравной с ханом борьбе!»

Не послушался вещей слов,
Говорить с народом не стал
Исатай, могучий батыр:
Хан, мол, дружбу мне обещал,
Хан, мол, мне предлагает мир!
Дни проходят один за другим,
По семьям скучают войска,
Все редет костров их дым,
Исатаевы тают войска.
А коварный посол Шамбал

Всё беседы свои ведет
И в сердце лелеет месть.
Вдруг дошла внезапная весть:
Из Уральска вышел в поход
На помощь хану — отряд
Жестоких царских солдат!..

Эта весть к батырам дошла.
Спohватились они тогда,
Что ласка врага — всегда
Коварна, страшна и зла.
Позабыли они о том,
Что тот, кому жаль врага,
Кто впустит врага в свой дом,
Даст место у очага
И поделится с ним теплом,—
Будет сам ужален врагом!
... И с тоскою батыр увидал,
Что редее войско его:
Перебежчики ночью тайком
Уходили — и шли с врагом...
Это было страшней всего!

.....
Было тихо. И лагерь спал.
Чуть начал брезжить рассвет.
И внезапно коварный враг
На батыров отряд напал
И со всех окружил сторон.
И тогда раздались в степи
Вопли, скрежет, грохот и стон —
И ужас сердца объял,
И казалось — спасенья нет...
По лагерю мчится батыр,
Под ним белоногий конь,
В очах батыра — огонь,
И бегущих, назло врагу,
Удержать стремится батыр.
... На солнце блестят штыки —
То царские идут полки,
И ханское войско — вослед.
Битва кипит горяча,
Не сдается батыр Махамбет,
Исатай не роняет меча.
Но войска мало у них,
Но войско устало у них.

Тут батыры созвали жен,
Томаки надели на жен,—
Пусть-де женщин издали враг
За бойцов народных сочтет!
Но враги идут все вперед,
И все ближе вражеский шаг,
А пули и ядра, как снег,
Простор степи занесли,
Засыпали грудь земли,
И все шли, и все шли войска...
Страшен хана-злодея набег!
Тяжела царева рука!
Ерсары уже пулей сражен,
Кулдыбай уж пикой пронзен,
Все редуют бойцов ряды...
Все убийственной пушечный гром,
Пули, ядра льются дождем.
Все победней поступь Орды...
Изнемог и, не выдержав, вспять
Было вздумал отряд бежать.
Но в кочевьях был плач и гам,—
А у каждого воина там
Оставалась жена, или мать,
Или сын, или дочь, или брат,—
И остался стоять отряд...

.....
Но спаслись в этот страшный час
Исатай и Махамбет.
Горстка воинов с ними спаслась,
Сорок их друзей боевых
Сквозь кольцо пробились врагов,
Уходили от ханских оков.
Гул сраженья уже утих,
Был декабрь беспощадно лют,
И бойцы с батырами шли,
Забыв про очаг и уют,
По дорогам мертвой земли,
Вел вперед бойцов Исатай,
Вел вперед бойцов Махамбет
Средь степей, промерзших, чужих.
А когда настал курулай,
И в бескрайних даях степных
Месяц хмурых дождей настал,—
Храбрецы перешли Урал
Для спасенья, для новых побед.



Махамбет

Махамбет Утемисов—поэт первой половины девятнадцатого века, один из организаторов и руководителей национально-освободительного движения, вдохновитель восстания против царизма и ханства в 1830—1845 годах в нынешней Западно-Казахстанской области. Родился в 1804 году, убит в сентябре 1845 года.

В молодости Махамбет был воспитателем сына букеевского хана Жангира. Изгнанный ханом за резкие высказывания против ханского деспотизма и произвола, Махамбет сближается с Исатаем Таймановым, организатором восстания против царя, ханов, биев и других угнетателей, и становится певцом народного гнева. В 1829 году Махамбет был захвачен царскими войсками и посажен в тюрьму, откуда бежал в 1831 году и продолжал агитацию за восстание, вдохновляя народ своими песнями. Потеряв в бою с царско-ханскими отрядами друга своего Исатая, Махамбет продолжал организовывать народ. В 1841 году он был вторично схвачен и брошен в тюрьму, откуда ему снова удалось бежать. Премия в две тысячи рублей за его выдачу не соблазняет народ, который укрывает Махамбета еще в течение четырех лет. В 1845 году поэта предательски убивает агент хана Жангира — Ихлас.

Махамбет оставил около сорока песен и поэм, имевших большое влияние на творчество как современных ему акынов, так и позднейших. Все творчество Махамбета направлено против угнетателей народа. Смелый и темпераментный поэт, бьющий своими стихами вековых врагов народа, разоблачающий лицемерие и произвол ханского строя, пламенный патриот, горячо любивший родину и свой народ, несгибаемый борец за дело народа,— Махамбет вошел в историю казахской литературы как один из ее классиков.

ГЕРОЙ

Не стреляя наверняка,
Не обращая в бегство врага,
Не владея фитильным ружьем,
Не посылая стрел дождем,
Стрел с отточенным острием,
Широким, словно лопатки ягнят,
Не окровавив клинок стальной
Сабли по самый эфес золотой,
Не оседлав боевого коня,
Не пригибаясь к луке, гоня
По степи, копьём о стремя звеня,
Не рассекая грудью ветров,
Пока не истлеет потник до основ,
Чепрак не истреплется до лоскутков,
Не насыщаясь шестью малта,
Не проводя в походах года
(Вернешься — у сына уже борода),
Не проскакав всю жизнь на коне,
Не голодая в чужой стороне,
Не испытав всех лишений вполне,
Не позабыв мяса свежего вкус,
Не отказавшись от мягких одеял,
Не нападая один на врагов,
Не унывая в холод и мрак,
Не оседлав коня кое-как,
Не засыпая на камнях порой,
Не превращаясь в бродягу-бойца,—
Может ли цели достигнуть герой?

НА НАШЕМ ПУТИ — ГРЯЗЬ ПО КОЛЕНУ

Мы идем по колену в грязи,
Чтобы вытянуть нас из нее —
Одногорбый черный верблюд
Нужен для этого нам.
Нам для этого нужен герой,
Не боящийся боли, хотя б
Поломали все ребра ему
Одно за другим пополам.

Взять свое — не дано было нам:
Мы не можем теперь широко
Разместиться на поле своем, —
Враг надменный тугим кольцом
Нас охватил кругом.

Эй, жигиты! Проклятие ей,
Нашей жизни несчастной всей!
Под тобою быют лошадь твою,
Мать, отца предают хулам.
Был свободен каждый мурза.
Вольным зверем за чистой водой
Мы ходили; как дикий конь,
На просторе щипали траву, —
И опять мы врагом стеснены.

Удивляться возможно ль еще
Таким вот божьим делам?

МЕТИС, РОЖДЕННЫЙ АРГАМАКОМ

Аргамаком рожденный метис
В долгой скачке не устает,
А метисом рожденный конь
Расстоянья на день не пройдет.
Жанпос, что двугорбым отцом рожден,
Кладь не меньше отца несет.
Майя — дочь аруаны¹ — сильна,
И так красива она,
Что не верится — может ли быть
Столь прекрасным животного вид.

Добрый — злым бывает рожден,
Не поверишь, коль мать назовут.
А у добрых — рождается злой,
За такого и шкуры простой
Нигде никогда не дадут.

¹ Жанпос, май-я аруан, — лучшие породы верблюдов.

Сын Таймана — Исатай
Был над родом своим главой,
Был седла золотой лукой...
Что напрасно тратить слова?
То, что был убит Исатай, —
Всенародною стало бедой.

ПРИЗЫВ

Корни дуба, как желтый мед,
Мысль вдохновенная — желтый мед.
Мысли, как зерна, бросаю я,
Тот, кому нужно, их подберет.
Тот, кто вместе со мной идет,
Не изменит и не солжет.
Так внимайте ж моим словам!

Степь покрыта цветным ковром.
Цел тихоня и цел его дом.
За дурным человеком смотри, —
В день, что будет решительным днем,
Сам себе не станет врагом.
Лучшего я оседлаю коня,
От родины прочь унесет он меня,
Поэму сложу вдохновенную я,
Умерю в душе моей силу огня.

Дуб высокий в степи растет,
Кто листочки его сочтет?
Легкий ветер колышет их,
Корни дуба земля бережет,
Если ханы уйти не хотят, —
Их заставит уйти народ.

Рвами в крепость проход закрыт,
Делят доходы, как бай велит,
Резво скачет горный козел,
Если он достаточно сыт.

Если хочешь стать батырём,
Будь бесстрашен, бейся с врагом.
Знает только судьба, друзья,
Где мы смерть свою обречем,

ЧТО ТОЛКУ?

От взлелеянного тобой
Сына, что чист, как желток золотой,
Разве дождешься пользы какой,
Если он в руки меч не возьмет,
Если по следу отцов не пойдет?

Что толку народу от богатств его,
Если, кроме куланов, нет ничего,
Если даже ночлега нет своего,
Если помощи не окажет народ
Батырам, что свершают тяжелый поход?

Что толку народу от тронов златых,
Что толку народу от ханов лихих,
Если для немощных и бедняков
Нет справедливости, правды у них?

КАМЫШОВЫЕ ОЗЕРА

Камыш приозерный, песчаный бархан,
Чей не стоял возле вас караван?

Камыш темножелтый, степной старожил,
Ты знаком могильным кому не служил?

И сколько у этих могильных холмов
Склонялось укутанных вдов?

Не здесь ли могучий скакун боевой
Нес храброго воина в смертный бой?

Не здесь ли кулану от жажды всегда
Шербетом казалась гнилая вода?

И стрелы-шмели из колчанов бойцов
Не здесь ли разили презренных врагов!

Не вражки ли головы падали здесь?
Так будем же пить мы, и будем мы есть!

Давайте же сядем на резвых коней,
Давайте скакать и играть веселей!

Пусть каждый, жигиты, умрет батырем, —
Отметит могилы народ камышом.

ОБРАЩЕНИЕ БАТЫРА МАХАМБЕТА К СУЛТАНУ БАЙМАГАМБЕТУ

День, когда все небо в тучах
И несчастье наступает,
Бууршин в грязи ломает ноги
И бура атана¹ покрывает.
День, когда бывшее счастье
Баловня внезапно покидает,
День, когда, арканы срезав,
Воры наров белых похищают,
День, когда розовощеких
На конях красавиц умыкают,
День, когда могучего, как лося
Всенародного героя убивают,
День, когда из сундуков, как воду,
Золото грабитель расхищает, —
О, алда! Да постигнет этот день
Ханов и султанов, как постиг он нас!

День, когда убили Исатая;
День, когда народ наш разгромили;
День, когда, как дождь, нас засыпая,
Падали раскрашенные стрелы;
День, когда крылом искусно правя,
Сокол лебеда вдруг настигает;
День, когда трепещущее знамя,
Свертываясь, наземь упадает;
День, когда породистая сука,
Свой ошейник бронзовый теряя,
Превращается тотчас в дворнягу;
День, когда саврасый легконогий
Вдруг плетется клячею, хромая;
День, когда на Аркауле
Северная буря, воя, бьется;

¹ Бура — верблюд-производитель, атан — кастрированный верблюд.

День, когда стальная сабля
Переламывается или гнется;
День, когда огромный рухнет тополь, —
Шум падения его несется
В стан врагов, и враг наш, успокоясь,
Начинает петь и веселиться...

Я был я, и я был сам собою,
В дни, когда я жил в Нарыне.
Был тогда я доблестным героем,
Находился я при Исатае.
Леопардами мы были оба, —
И какой тогда казахский воин
Состязаться бы посмел со мною?

Ханов я хотел, тебе подобных,
Биев толстобрюхих — обезглавить,
Их орать верблюдом заставляя,
Чтобы с поднятою кверху мордой
Были, сан свой прежний вспоминая.
Заселить хотел моим народом
Берег Волги, что богат лугами,
И заполнить поселения эти
Конскими без счета табунами.
Я в твои хотел ворваться юрты
С белоснежнейшими куполами,
Я хотел их остов деревянный
Изрубить, как хворост, топорами,
Кошмы тонкие твои хотел я
Искромсать на потники кусками,
Ваших ханш, о, коронованные ханы,
В жены взять хотел себе насильно, —
Ханш, сидящих на почетном месте.
Этими хотел осиротить руками
Их любимых сыновей и дочек,
Выпить ханского хотел я меду,
Обладать парчою и шелками,
Что на хане пышно красовались.
Взять хотел, не принося калыма,
Хана дочь, что Ханикей прекрасней.
Дочь твою с красивыми глазами,
Что, как Тиникей,¹ высокородна,

¹ *Ханикей и Тиникей* — имена дочерей хана Алчагира, красавиц, упоминаемых в поэме «Кобланды-батыр».

Как щенка, визжать бы я заставил!
Перед тем, как распрощаться с жизнью,
Как хореk, она бы извивалась...

Так хотелось поступить мне с вами,
С каждым на тебя похожим ханом, —
Бог не принял моего желанья.

Я был я, и я был сам собою,
В дни, когда я жил в Нарыне,
Был тогда я доблестным героем,
Находился я при Исатае.
Леопардами мы были оба.
Для врагов презренных был тогда я
Острием копья, покрытым кровью.
Для людей хороших был я добрым,
А для подлых — смертною бедою.
Кровь врагов я пил, коль было нужно,
Тех врагов, что билися со мною.

Ты — мой враг, и много поколений
Друг за другом мы следим с тобою.
Ты — потомок ханов белокостных,
Я тебя извечно ненавижу.

✓ Враг заклятый другом стать не может,
Из полы не сделаешь халата.

Если б ты, потомок белокостных,
Ты, помет верблюжьего ублюдка,
Ты, султан Баймагамбет почтенный,
Мне один бы на один попался, —
Я бы взял тебя, как с отмели рыбешку,
Прикусив, тебя бы проглотил я,
Подавиться не боясь костями!



НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

*Герой умирает раз, трус — тысячу раз.
Не будь сыном отца, будь сыном народа.*



Шернияз

Шернияз — крупный акын, современник Махамбета. От начала и до конца народного восстания Исатая-Махамбета Шернияз выполнял функции агитатора и пропагандиста восстания. После смерти Исатая (1838) и эмиграции Махамбета в Хиву, Шернияз, спасаясь от преследования царских властей, прибежал к защите султана Баймагамбета, который, рассчитывая сделать Шернияза придворным поэтом, оказал ему поддержку.

Но и скрываясь у хана, Шернияз остался откровенным и смелым другом народа. В 1845 году Баймагамбет предложил ему обманным путем завлечь бывшего соратника Шернияза — Махамбета — для поимки. Шернияз в песне ответил, что предпочитает быть убитым, чем принять участие в этой мерзкой игре. Однажды Шернияз оказался в отряде, посланном для поимки Махамбета. Издали узнав Махамбета, выехавшего навстречу, Шернияз громкой песней дал ему понять о скрытых намерениях отряда и этой же песней отвлек внимание преследователей и дал возможность Махамбету скрыться.

До нас дошли «Песнь Шернияза хану Баймагамбету» и «Состязательная песня с Баркамбаем». В первой из них, печатаемой здесь, Шернияз просит у хана защиты, одновременно очень зло издеваясь над ханом и его семьей, в форме почтительной придворной песни, и смело восхваляя Исатая.

Шернияз — ученик Махамбета. Он был одним из лучших импровизаторов.

ОБРАЩЕНИЕ ШЕРНИЯЗА К ХАНУ БАЙМАГАМБЕТУ

Перед тобою, о, хан, преклонившись сейчас, не дыша,
Я, гонимый судьбою, как ветром листок камыша,
От врагов своих злобных приюта ищу: помоги!
Близкой смерти боится моя молодая душа!

Древних ханов в тебе говорит благородная кровь.
Я — простой воробей, дай мне пищу, одежду и кров!
Наг и бос пред тобою предстал я в дорожной пыли,
Обрати же свой взор на меня — и не будь так суров.

Сокол, ты серебром основание пики покрыл!
Разреши воробью приютиться в тени твоих крыл.
Хан! Ты взором — бархан превращаешь в песок золотой,
Обратись же ко мне, чтобы взор твой меня возродил!

Хан Баймагамбет, продолжая совершать омовение, спросил:

«Кто ты, что поешь, как нищий, глубокой ночью?»

Ш е р н и я з з а п е л :

Далеко-далеко, под знаменами Аргын-газы,
Я слагал свои звонкие песни военной грозы.
Я — певец Шернияз — с Исатаем могучим скакал,
Веселясь... А теперь взор мой мутен от горькой слезы.

Ярый гнев твой — зима, твоя милость — весна, Байеке!
Без тебя — я погиб... А давно ли еще налегке —
Соловей байулинцев — смеялся и пел Шернияз,
И веселье играло, подобно весенней реке!

«Виджу, — сказал хан, — что ты никак не можешь забыть
своего Исатая, хотя благодаря ему лишился всего!»

Ш е р н и я з

Все, что дал мне народ мой, ты можешь назад отобрать:
Были б целы уста и язык, чтобы песни слагать,
Пусть обрежут мне уши, о, хан, как простому рабу, —
Даже волю готов я за вольную песню отдать!

«Ну, если ты в самом деле Шернияз, то иди в юрту», сказал
хан, и сам повернулся ко входу. Шернияз его остановил:

Байеке, своих песен я не растерял на пути,
Но не ведаю, что ожидает меня впереди,
Безо всякой одежды, в одной лишь дорожной пыли,
Не могу же я, голый, в богатую юрту войти!

Клятве верит и враг, — просто слову поверь, если друг:
Будут песней моею довольны все люди вокруг.

Но ханым и ханшй непременно прогонят меня,
Если вовсе раздетым пред ними предстану я вдруг!

Хан передал Шерниязу свою шубу. «Пока надень это, а в юрте тебя оденут». Ханшй (дочери хана) по его приказанию собрали для Шернияза верхний костюм и хотели взять у него шубу. Шернияз пропел:

Кто посмеет взять шубу, которую сам ты мне дал?
Белый сокол взлетит выше острых заоблачных скал,
Если глупый охотник потянется—хоть не за ним,
А за тем волоском, что к ноге соколиной пристал!

Начинается испытание Шернияза как импровизатора. Хан попросил его сложить хвалебную песню в честь своих дочерей — ханшй.

Ш е р н и я з

Разве могут быть дочери славного хана дурны?
Говорить так и сяк о них — разве права мне даны?
Будь то воины — ханом любую сажай хоть сейчас,
Жалко лишь, что ханшй были *женщинами* рождены!

В Оренбурге и в Троицке жизнь по-иному течет:
Самым мудрым ученым и школам — потерян там счет.
Но зачем же учиться твоим дочерям? — всех мудрей
Они стали давно... в материнской утробе еще!

Если гурии рая не могут прекрасней их быть,
То напрасно певец будет гурий небесных хвалить, —
И, *бессилен* найти не плохих, но хотя б *недурных*,
Средь твоих дочерей — не могу я, о, хан, их хулить!

Недостатки найти в них — задача совсем не легка:
Ведь по воле судьбы все ханшй зовут их... пока!
И недаром зовут: *дорогие* невесты они, —
Нет средь них ни единой, что *стоила бы пятака*...

Хан не совсем разобрался в этой «похвале» и попросил прославить его жену — ханум. Шернияз пропел:

Байеке, в свое время имеешь ты каменный дом
(А Шери — только песни создал неустанным трудом),

У тебя есть ханум, раздобревшая, словно свинья, —
Низкоросла, курноса, с большим, как бурдюк, животом...

Посуди, скрыл ли что-нибудь я из того, что видал?
Песня—ветер, напев—тот костер, что под ветром пылал!

Такая похвала хану не совсем понравилась. Нахмурясь, он сказал: «Ну-ка, а похвали меня! Посмотрю, что ты скажешь?»

Ш е р н и я з

Байеке мой, три раза к царю заявлялся ты сам,
И немилость и милость встречал не однажды ты там,
И — полковника званье и чин генерала потом
Получил от царя ты в награду себе — по делам!

Байеке, не забыл ты столицы торжественных дней:
Даже сам белый царь поражен был осанкой твоей,
И тебе, Байеке мой, служил весь российский сенат!..
Не проси же у бога, — ты все получил от людей.

Довольный Баймагамбет воскликнул: «Ай, Шери мой! среди рожденных во вселенной был ли кто вдохновеннее тебя?» — «Так-сыр мой, раз есть вселенная, почему бы не быть и певцам вдохновеннее меня?» — возразил поэт и продолжал стихами:

Время лучшее — прожито. Мной совершон перевал,
И к порогу чужому приплелся я, наг и устал.
А давно ли Шери разливался, гремел соловьем,
И — теплей, чем отец, — Исатай Шернияза ласкал?

У глупца не возникнет хорошая мысль, — не мечтай.
От живущих уже не родится второй Исатай.
Подлецы подымают в прокисшем тепле от простуд,
Исатай пал в бою за народ, за родимый свой край!

Хан сказал: «Ну, похвалил ты и меня — живого, и Исатая — мертвого. Покажи теперь свои зубы — сложи обо мне хулительную песню!»

Ш е р н и я з

Если стану хулить я — не взвидишь ты белого дня,
В гневе свалишься с трона, певца Шернияза кланя!
Когда очи заплачут и кости зануют твои, —
Я боюсь, что не стерпишь ты, хан, и зарубишь меня.

Х а н

Ой ты, дурной! Я сам напрашиваюсь, чтобы ты похулил меня, стало быть, наказывать не буду. Раз говорю — покажи зубы, значит, показывай!

Ш е р н и я з

Оставь, господин! Не стерпишь.

Х а н

Ой, дурной, бывает ли дважды милость моя? Пой, или я зарублю тебя!

Тут хан вытащил меч из ножен, и Шернияз подумал: «Если я запою — я погиб, смолчу — тоже погиб. Песня моя есть моя исповедь. Чем умирать молча, лучше умру с песней». Он заиграл на домбре, и хан вложил меч в ножны и повесил на трон.

Ш е р н и я з

Исатая забота была мне дороже всего.
Льются слезы из глаз моих, только припомню его!
Хан, подобного друга на недруга ты променял, —
Почему же недуг тебя не задушил самого!

Воевали на севере ханы — Букей и Аргын,
Ты же — дома народ свой дотла разорил, господин!
Пил ты кровь Исатая, хитрей, чем презренный шуршут¹,
Тот, чью темную речь человек не поймет ни один.

Как святому корану, так песне неведома ложь:
Никогда и никто не сказал еще, что ты — хорош.
Лучше враг со звериным лицом, чем подобная дрянь!
Проклинает народ тебя всюду, куда ни пойдешь.

Сына хуже тебя ни один не дождется отец!
Плачу об Исатае, — погиб непреклонный боец!..
Ты же, проклятый всеми, купаясь в народных слезах,
Существуешь еще, не подох, гололобый подлец!..

Хан, разъяренный, вскочил с трона и обнажил меч. Шернияз продолжал еще громче:

Меч, красив ты — живая разящая молния сеч!
От тебя даже камень не сможет себя уберечь!

¹ *Шуршут* — мифические существа казахских сказок, говорившие на неведомом языке.

Но когда рукоять твою хана сжимает рука, —
То по глупости ханской не будь ты жестоким, о, меч!

Хан, ты петь приказал мне, и я отказаться не смог.
А теперь, позабыв свое слово, — ты злобен и строг!..
Пес побитый уходит от юрты, не зная куда, —
Я — не пес, чтоб шататься в голодной стени без дорог.

Сам меня упросил ты — и слово нарушить посмел!
Но — певец Исатая, Шери — неподкупен и смел.
Я — горячий скакун, грязь к моим не пристанет ногам!
Сокол вольнолюбивый я: где захотел, там и сел.

Посмотри, глупый хан, разве напоминает мой вид
Человека, которому близкая смерть предстоит?

Пораженный гордой его смелостью, Баймагамбет сдержался и
оставил Шернияза своим акыном.



НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Бывает, что отрубают голову, но никогда не было обычая отрезать язык.

Честь сильнее смерти.

Палка бьет по телу, слово пронизывает кости.

Правдивое слово приведет к истине, лживое — только к его хозяину.

Метко сказавшему ничего не ответишь.

Если борешься — побори и родного отца.

В правдивом слове нет ничего постыдного.

У кузнеца — руки золотые, у акына — слова золотые.



Бекет-Батыр

(Отрывки из поэмы)

Поэма «Бекет» — создание безымянного акына, повествующего от имени самого героя поэмы. Бекет — лицо историческое: уроженец Актюбинской области, он жил в середине девятнадцатого века. Бекет организовал отряд повстанцев, убил царского ставленника — хана Арыстана, роздал беднякам имущество. Царская власть преследует Бекета, придерживаясь новой тактики: чтобы не усилить недовольства народа, за ним не высылают карательного отряда, а подкупают его друга Шер-Нияза (не поэта Шернияз, а бия, ханского прислужника), обещав тому место помощника уездного начальника. Нияз обманным путем вызвал Бекета в Оренбург и предал его.

Бекета отправили в ссылку в Сибирь. Жена его, переодевшись татариним-торговцем, нагоняет его в пути и передает ему кинжал, с помощью которого Бекет освобождается от кандалов и, вместе с сыном Кенесары — Жапаром, возвращается на родину и убивает предателя Шер-Нияза.

1. ПЕСНЬ БЕКЕТА ПО ДОРОГЕ В СИБИРЬ

Могучий батыр Бекет
Шлет правоверным привет!
Шел всегда я предков стезей,
Был народу я друг всегда,
Но стряслась надо мною беда,
Насмеялся друг надо мной, —
Меня предал злой Шер-Нияз.
И теперь далеко от вас,
Под звон тяжелых цепей,
В безысходном горе я
Прочь иду от родных степей.

Было мне тринадцать лет,
Когда меч опоясал я,
Когда я оседлал коня,
Когда в руки я взял ружье,
На врага направил копье
И вражью пролил я кровь.
Через степи, через пески
Доходил я до Ор-реки,
Знамя предков я нес впереди,
И, заступник от ханских обид,
Стал батыр Бекет знаменит,
И любил батыра народ.
Моя слава в степях растеклась, —
Шомен, Алшин и Жаппас¹
Узнали имя мое.

Стал народа я головой,
Стал я ханской Орды грозой,
Думал: первый я меж людей,
С ханов спесь я недаром сбил,
Недаром ко мне народ
С каждою тяжбой идет
И с поклоном мне говорит:
«Бекет-жан нашу тяжбу решит!»

Сам, я знаю, виновен в том,
Что неверными я пленен:
Потерял свой разум я,
Другом стал Шер-Нияза я!
В Оренбург по совету его,
По совету врага моего,
Я приехал — и я в плену.
Горе мне! Коварный Нияз
В Оренбург меня заманил.
Я сажился на Тай-Каску,
А ко мне подошел Есет.
«Брат, не езди!» — сказал он раз,
«Брат, не езди!» — сказал в другой,
В третий раз повторил свой совет, —
Ох, зачем тебя, дорогой,
Не послушался твой Бекет!
Поскакал мой конь по песку,
Помчала меня по степи
В Оренбург моя Тай-Каска...

¹ Название казахских родов.

И вот я иду по степи,
Сердце гложет теперь тоска.
Я словам Есета не внял,
Я народу верить не стал,
И теперь я одежду рву,
Как волк голодный, мечусь,
Как нар-верблюды я реву,
Тщетно к родине в мыслях мчусь.
Пропала моя голова,
Сбылись, брат мой, твои слова!
Где ружье мое и копье?
Нет при мне ни ружья, ни копья.
Без оружия бессилен я!
Ох, проклятый пес Шер-Нияз!
Я, как другу, верил ему...

Я недолго народу служил, —
Тридцати трех отроду лет
Во вражий попал я стан.
Еще вовсе юным я был, —
Пришел к нам хан Арыстан.
На коня лихого я сел
И хана злого убил,
Все добро я отнял у него,
Серебро я отнял у него,
Иноходцев его я отбил,
Правоверным все раздарил.
Если мне умереть суждено,
Мне на бога роптать не след:
На донене, лихом скакуне,
На вскормлённом в степях коне
Мчался я на вражеский стан,
Я четыреста вел бойцов
На Орду, где стоял Арыстан.
Я ворвался в Орду тогда,
И разбил я ханскую рать,
И со всех четырех сторон
Запылала в тот день Орда.
Я у хана отнял коня,
Повелел с него тон я снять
И надеть его на меня...
Если даже умру сейчас,
Я не стану на бога роптать:
Много я одержал побед,
Надменных торé не раз

За бороды я хватал,
Как ягнят, я их колол.
Первым был среди первых Бекет!

Безрассуден я был и смел:
Моего народа посол,
Я во вражеский стан пошел,
Но цепью сковали меня,
К телеге привязали меня,
В изгнание погнали меня...
Кто Бекету может помочь?

2. ПЕСНЯ МАТЕРИ И ОТВЕТ БЕКЕТА

О, мой сын, мой статный тулпар!
По степям, по лугам, чрез леса
Мчалась я к тебе, мой тулпар!
Выбегала ль из чащи лиса —
Ты лисицу рукою ловил.
Выбирал ли себе ты коня —
Иноходцев всегда находил.
Враг ли злой замышлял свой удар —
Взор пылал твой жарче огня,
И не смел подойти к тебе враг.

Сокол ясный, рожденный мной!
Ты коня в телегу запряг
И ушел от матери вдаль, —
Иль родимой тебе не жаль?
Будь же счастлив, любимый мой!
Разве может быть, чтобы сын
Бросил отца и мать?
О, Бекет, ты у нас один,
Дай мне, сын мой, тебя обнять!
Расскажи мне, куда твой путь?
Долгожданный ты мой, родной,
Ненаглядный, любимый мой,
Возвращайся скорей домой!

В Ургенчу и в Бухару
Весть жестокая донеслась,
Что с тобой приключилась беда, —
Взволновался родимый дом,
Взволновался народ тогда:

Помнит он, что ты всех сильней,
Знает он, что ты всех смелей!
Сирота аул без тебя,
Кобылицей примчалась я,
У которой вымя полно,
Жеребенок же взят давно!..

И Бекет промолвил в ответ:

О, любимая мать моя!
Далеко мой родимый дом,
Был ретивым твой сын конем,
Но в неволе теперь Бекет,
На цепи у неверных я!
Мать, отцу передай поклон,
У него Кершабак и Курен¹,
Пусть три года меня он ждет,
Пусть коней не седлает он.

И скажи ты моей жене,
Пусть меня поджидает она,
Пусть тоскует она обо мне.
Моя участь теперь темна,
Но — кто знает? — раздастся весть,
Что скачет Бекет домой,
Пусть верна мне будет жена,
Взором пылким пускай она
Не следит за веселой толпой,
Крепко пусть бережет свою честь
И мое добро бережет.
На шектинцев пусть не глядит,
Золотых застежек с груди
Никому пускай не дарит.

Мать моя! В наши степи иди,
К тебе выйдет навстречу народ,
Моим сверстникам, мать, привет
Передай от меня в степях.
К тебе выйдет навстречу Есет,
Передай ты ему мой поклон,
Пусть в набег отправится он,
Но скажи, мать моя, ему:
Пусть он лучше падет в бою,

¹ Имена коней Бекета.

Но не выдаст свободу свою,
Не пойдет в кандалах в тюрьму!
Прощай, любимая мать!
Были меч и копье у меня,
Были два любимых коня,
А теперь безоружен я!
Скован я по рукам и ногам,
И не мил мне господень свет,
И душит меня печаль!..

К телеге приник Бекет
И горько стал он рыдать,
Стал тяжело стонать батыр.
Но суров был его конвоир,
И погнал он батыра вдаль.

3. ВОЗВРАЩЕНИЕ БЕКЕТА ПОСЛЕ БЕГСТВА ИЗ СИБИРИ

Догнал батыра отряд,
Обступили со всех сторон.
В бой со стражей вступил Бекет,
Разит он царских солдат,
Поражает неверных он,
Точно коршун, врагов клюет,
Точно конь, что рвет удила,
Подступивших врагов он бьет.
Точно волк, что добычи след
Находит в дремучих лесах,
Наскочил на врагов батыр,
Сталь сверкает — остра, светла,
И врагов повергнул он в страх,
И бежал от батыра враг.

Весь узнал о батыре мир.
Вот примчался домой батыр,
Вот, стекаясь со всех сторон,
Ликует казахский народ.
Где ж Нияз, где коварный друг?
Что ж в толпе его нынче нет?
Ищет юрту его Бекет,
Раскрывает копьем тундук,

Направляет на грудь копье,
И Нияза пронзает он,
Кровь злодея, как воду, льет.
Так погиб предатель Нияз,
Так своей же кровью в тот час
Обагрил он злодейство свое.



НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Народ захочет — бездну перескочит.

Народ — золотая колыбель.

*Если в кочевьи народ разъединится —
иди с большинством: море не вы-
сохнет, народ не заблудится.*

*Народ редко говорит, но когда гово-
рит — не ошибается.*

*Если делу сузжен успех, к его нача-
лу подоспеет хороший человек.*

*Отказ от своих слов — смерть для
мужчины.*

*Вкуса опаленной на костре шкуры,
которую ел во время голода, нико-
гда не забудешь.*

*Пока умный думает, решительный
сделает.*

Друзей — двое, врагов — восемь.

*Ты думаешь — нет волков? Взгляни
в овраг. Ты думаешь — нет врагов?*

Загляни под свою шапку.

Переноси удары, как сталь.

Побежденному бороться не надоест.



ПОЭТЫ «ЭПОХИ СКОРБИ»



Шортамбай

Шортамбай — акын второй половины девятнадцатого века. Развитие торгового капитала в казахской степи и нарождение богачей новой формации — купцов, отмирание старого феодального быта и древних традиций, критика различных новшеств — вот, в основном, темы поэзии Шортамбая.

Шортамбай — поэт с более широким кругозором, чем Досхожа или Насынбай. Он сумел заметить социальные изменения своей эпохи и верно их описать. Особая ценность Шортамбая в том, что он правдиво и ясно сумел обрисовать безжалостную эксплуатацию народа со стороны богачей нового нарождающегося типа. Шортамбай является основоположником пессимистического направления в казахской письменной литературе, получившего наименование «Зар-заман» (эпоха скорби) по названию одной из его поэм.

ОБМАННАЯ ЖИЗНЬ

Жизнь имеет, чем подкупить,
Жизнь имеет, чем обмануть.
Смело вырвись из плена зла,
Стань на праведный, верный путь;
Что твое — бери не спеша,
О стяжаниях позабудь.
Встретишь яму в пути — объезжай:
Осторожность нам не в укор;

И не думай, что дома ты:
Возле дома прячется вор.

Благородства нам не купить,
Не купить никакой ценой.
Есть способные люди — они
С осьмигранной, светлой душой;
Ограниченный человек
Мнит, что он, пожалуй, герой.
Если труса донять — и он
Расхрабрится, бросится в бой.
Сильный волею человек
Неизменно в ладу с собой.

Всюду сети ставят враги,
Нет свободы — куда ни взгляни.
О, злосчастный, бедный народ,
О, злосчастные наши дни!
Чуть поссорятся двое, уже
За перо берутся они
И ссылаются на закон
И; тягаясь, терпят урон
От чиновничьей западни.
Лучше б вам ходить за скотом,
Мирно спать, не зная тревог.
На несчастье, друзья мои,
Появился у нас острог!
Вырви душу из плена зла
И, чтоб жизнь спокойно текла,
Береги свой кров, свой порог!

Даже лучшим людям у нас
Мирно спать уже не дают:
Пустяжковое дело, с глаз,
Превращают в озеро, лгут,
Лжесвидетельствуют на врага,
Подкупают и скачут в суд.
Тяжелее всего, друзья,
Когда бедный наш, темный люд
Сам идет на себя войной,
Задыхаясь от собственных пут.

О, злосчастный добрый народ,
О, злосчастные времена!
Божий гнев, как видно, тебя

Поразил, родная страна!
Чуть поссорились двое — у них
Уж угроза, тяжба, война, —
И ссылается на закон,
Обличает мужа жена:
«Мне не пара мой муж», твердит
Посторонним людям она.

А ведь много еще угроз
От чиновников царских есть:
Так не будем, друзья, в огонь,
В раскаленное пламя лезть!

БАЙ ПРОКЛЯТ БОГОМ

Проклят богом жестокий бай,
Проклят богом: шерсть продает.
Тяжело у нас бедняку:
При зимовке он круглый год.
Роет летом бедняк арыки,
Вплоть до осени сено гребет,
День и ночь работает он
И не знает, чем проживет, —
Вечно голоден, гол, разут,
Нет покоя от тяжких забот.
Если есть у него коза —
И ее тильмаш¹ отберет,
А не выплатит он шигин² —
Бедняка чиновник пригнет.
Если есть корова — она
На согум³ аулу пойдет.
Жадный бай бедняка обложил
Податями — и кровь сосет,
И велит теленка его
Взять татарину на учет.
Трудно, трудно жить бедняку —
Он кругом, по пояс, в долгу.
Уж коза на шигин сведена,
А его щеголиха-жена
В новом платье хочет ходить,

¹ *Тильмаш* — переводчик при чиновнике.

² *Шигин* — налог, подать.

³ *Согум* — заготовка на зиму при ауле.

С каждым встречным любовь водить:
Презирает мужа она.
От таких тревог и помех
Как не впасть человеку в грех!
А десятников выдумал кто? —
На забаву себе сатана!
В наше время, чуть стал кто бай,
Подавай ему только чай,
Ближний — враг ему, так и знай,
А мурза, что сулит нам рай,
Первый друг ему, негодяй!



НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

*От зачесавшегося места не оторвется рука,
о больном вопросе не прекратятся толки.
Не ценишь коня — намучаешься пешком,
не ценишь пищи — узнаешь голод.
Катаясь на кобыле — не жди жеребенка,
лакомясь молоком — забудь о кумысе.
Дружишь с хорошим человеком — дости-
гнешь цели, дружишь с дурным — нажи-
вешь срам.
Там, где прошел сильный верблюд, не оста-
лось неподнятого груза.
Конец торговца — разорение, конец дек-
ханина — богатство.
Лучше одна своя овца, чем стадо чужих.
Со смиренного верблюда удобнее снимать
шерсть.*



Мурат-акын

Мурат родился в 1843 году, умер в 1906, жил в нынешней Гурьевской области. С шестнадцати лет он разъезжал верхом по степи для участия в «айтысах» с другими акынами. Он знал наизусть все песни Махамбета и считал себя его учеником. Многие его песни посвящены восстанию букеевских казахов 1869 года. Мурат является также автором ряда юмористических стихотворений.

ТРИ ЭПОХИ

Вольной Волги долина — эпоха боев,
Степь Яика¹ — эпоха обильных пиров,
Мангышлак — был эпохою пыльных ветров.
Три несчастных эпохи лежат позади.

Честь мужей, далеко знаменитых кругом,
Тех, кто, знамя подняв, на коне боевом
Мыл в горячей крови свой алмазный клинок,
Побеждая и радуясь встрече с врагом, —
Эту честь навсегда поглотила земля,
Стены юрт их развеяла прахом земля,
И в бессилии пальцы кусал Исатай,
О возврате могущества небо моля.

Голубой, быстроволный Яик опустел.
На тулпарах, с колчанами, полными стрел,
Уводя за собой всех, кто честен и смел,
Разъезжали батыры по этой земле.
Тучи белых баранов паслись средь степей,

¹ Яик—Урал.

Табуны — в сотни тысяч горячих коней;
Всем огромным богатством природы своей
Любовалась просторная эта земля:
Красотой вислогубых коней дорогих,
Блеском спин их — дубоподобных, крутых,
Грив их, выующихся, шелкоподобных, густых
И хвостов, распускающихся, как цветок.
На таких скакунах, днем и ночью, в седле
Разъезжали батыры по этой земле!

Степи отобрал солдатский штык —
Царь в карман нам руку запустил,
А когда отнял у нас Яик —
То и вовсе за ворот схватил.
Замысел он свой осуществил:
Воровская черная рука
Навсегда отобрала Уил,
Полуострова Мангышлака.
Волоча арбу, он шел вперед —
В Ургенчи, в Ташкент и в Бухару,
Все беря дорогой на учет:
Женщин, и мужчин, и детвору,
Скот и землю... Поглядишь вокруг,
О, жигиты, — над страной родной
Жизни день, как злая полночь, глух,
От него хоть в омут головой!

Снова говорю я сам с собой, —
Горьким горем наша жизнь полна,
Но не время этому виной:
Так же, как всегда, плывет луна,
И обычен солнечный восход.
Все невзгоды — породил народ!

Стали люди все развращены:
Если двое, ярости полны,
Подрались — никто не мирит их,
А наоборот, лъстецы, лгуны
Раздувают ссору, свой карман
Взятками набив... У мусульман
Дети скоро падаль будут есть!..
Милосердья нет, везде обман.
Верности нет места средь родных,
Даже средь жигитов удалых.
Потеряли очаги уют,

Позабыли славу дел своих,
Силу растерявшие мужи.

Носит он костюм без рукавов,
Прям, как палка. Между кушаков
Пальца не просунешь, — стянут весь,
Словно отощавший без кормов
Старый нар или ишак больной...
И подумать только — всей страной
Правит этот голоштанник-плут!..
Власти — как борзые; мы — лиса.
Убегай хоть в горы, хоть в леса,
В нору влезь, — достанут все равно
Под землей или на небесах.

Вышел в путь — того гляди, убьют.
В долг ли дашь — назад не отдадут.
Едущему на базар — нельзя
Заказать покупку: может — плут.
Милость растеряли богачи,
Воины забыли про мечи;
Иноверцам покорясь, они
Гнутся под ударами камчи...
И одна беда — покорность их —
Породила тысячи других.

Как оздоровишь эпоху ты?
Бием стал — потомок мелкоты;
Черною неправдой этих дней
Изумлен народ до немоты:
Самых знатных батырей сыны
Стад своих и пастбищ лишены,
Сборища идут без них! — купец
Стал великим ханом всей страны.
От коспак детеныш, хил и мал,
Рядом с наром благородным стал!

Так, вертясь вертушкой, сыновья
Этих дней, продажных, шутовских,
Стали сами плутами, и я
Говорю об этом, затая
Страх: а вдруг детей грядущих лет
Наших дней отравит страшный яд?
Юная душа чиста, рука
Словно корень камыша гибка, —

Волосы им окорнает плут,
Выбреет усы до волоска,
Искалечит вовсе юный стан,
Горькой водки поднесет стакан...

Оттого и ненавижу я
Этих дней неправду и обман.



НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

*Не мужчина лжёт, его ничтожество
лжёт.*

*Заяц погибнет от шума в кустах, муж-
чина погибнет за честь.*

Девяносто слов затемняют смысл.

*Лучше кусочек жареного, чем тысяча пу-
стых слов «мы» да «вы».*

Преддверье счастья — в единении сил.

Солнце не даёт воли утру подняться.

*Глядя на сосны, кустарник растёт, глядя
на эпоху, молодёжь растёт.*

*Возле теза¹ не будет лежать кривое
дерево.*

Место, где нашёл золото, рой по пояс.

*Чем говорить о серебре на своём ружье,
поговори лучше о его попаданиях.*

*По местности — окраска лисы, по эпохе —
характер смеха.*

¹Тез — выдолбленное дерево, род пресса.



Ибрай Алтынсарин

(1841—1889)

Дед поэта, Балгожа, бий б. Кустанайского уезда, учитывая перемены, происходившие в жизни степи, отдал Ибрая в семилетнюю русско-казахскую школу. Окончив ее, Ибрай стал работать в области просвещения, одновременно пропагандируя в своих стихах необходимость образования для казахов. Просветительство — основная тема творчества Ибрая. Одним из первых казахских поэтов Ибрай приступил к сбору и печатанию фольклорного материала.

КТО ЭТО?

«Дитя, дитя, не плачь!» — в глухую ночь,
В испуге просыпаясь, говорит
И долго-долго, низко наклонясь
Над колыбелью маленькой, стоит.
Младенца нежит, нянчит, не бранит
И, как бурдюк со сливками, хранит.

Его пеленки греет на груди,
Когда мороз за окнами трещит,
Иль, вокруг ребенка пищу разложив,
За тем, чтоб он не смог упасть — следит.
И мягко-мягко на руки берет.
Ходить в рубашке грязной не дает,
Чтоб был он, словно яблоко, душист.

РЕКА

С громом с гор низвергаясь в глубокий провал,
Огибая последние выступы скал,
Затихает река — и в долине блеснит
Гладь ее, как поверхность спокойных зеркал.

Сердце радо реке. От объятий ее
Хворь оставит недужное тело твое.
Скот, измученный зноем, в прохладных волнах
Отдыхая, находит блаженство свое.

Безъязычные рощи, дойдя до воды,
Вдруг начнут говорить с ветерком молодым,
И любая песчинка долинной земли
Сохраняет живительной влаги следы.

Сочным травам расти помогает вода.
Вдоль реки по долине пасутся стада,
В светлых струях под берегом — рыба идет
Косяками, — готовь для нее невода.

Сотни стад не сумеют реки замутить,
И ничем невозможно ей путь преградить!
Лев придет отдохнуть в ней — и возле, резвясь,
Рыбы станут за шкуру его теребить.

ВЕСНА

Апрель до краев напоён благодатью земной:
Гусиные стаи гогочут в дали голубой,
Дожди проливные летят водопадами с гор,
В долинах мерцают озера воды снеговой,
И, в росном тепле испарений, бескрайный простор
Уже покрывается свежей душистой травой.

По воле творца — день и ночь скоро станут равны,
И солнце с земли нам покажется ближе луны.
Все твари земные воскреснут в лучах золотых.
И, словно ребята, для утра забывшие сны,
Дрожащие венчики солнцу откроют цветы,
Подобно глазам удивительной голубизны.

Когда же прохлада с дождем упадет с высоты,
То воздух степной, как струю родниковой воды,

Глотать будут все, кто живет и умеет дышать.
А малые дети на бархате трав молодых
По тихим долинам начнут беззаботно играть,
Скакать и кататься, как шарики, с горок крутых.

Бог создал апрельские дни для того, чтоб живым
Влить новые силы и дать исцеленье больным.
В апрельское время двоятся стада у декхан,
Аул расстается на лето с зимовьем своим,
И женщины, затемно в путь снарядив караван,
С веселыми шутками следом уходят за ним.

Куланы, сайгаки — в просторах весенней земли
Заскачут, довольные тем, что опять расцвели
Высокие травы. И на воду чистых озер
Опустятся с криками лебеди и журавли.
А в час, когда солнце слепит человеческий взор,
Манящий мираж задрожит в лучезарной дали.

Большого веселья дождется народ, наконец.
От радости станут сосун и большой жеребец
Скакать и резвиться, и радость свою изольют
Мычаньем — коровы, и блёяньем — стадо овец,
Степенно и гордо пройдет, колыхаясь, верблюдо...
О, сколько чудесного создал великий творец!

А подвечер солнце уйдет за вершины гольца,
Полнеба окрасив в цвет золота и багреца.
И, славу творцу воздавая, ночью порой
В счастливом блаженстве сольются влюбленных
сердца,
И девушка милого выпустит перед зарей
Из юрты, платком прикрывая румянец лица.

ДАВАЙТЕ, ДЕТИ, УЧИТЬСЯ!

Дитя, когда учиться станешь ты,
То знание средь полной темноты
Светлее ламп осветит путь тебе,
И станут явью все твои мечты.

Давайте же, дети, учиться начнем,
И знания светлые нити навек
В свою благодарную память вплетем!

Богат скотом ты. Но как дым пройдут
Твои богатства, если грянет джут.
Ученому ж не страшен джут любой:
Его богатства с каждым днем растут.

Твою рубашку ткач учился ткать.
Сорб́ка пищу учится искать.
И всем искусствам и наукам всем
Возникнуть помогло ученье-мать.

Кто вовсе не хотел себя учить,
Тот никогда не сможет умным быть,
Как черного от белого вовек
Баран иль бык не сможет отличить.

Давайте же, дети, учиться начнем,
И знания светлые нити навек
В свою благодарную память вплетем!

Скакун, идущий шагом, свеж всегда, —
Так знание не стареет никогда.
А неучу, попавшему в беду,
Помочь не сможет сам Кадыр-ата ¹.

Учение, как старое вино:
Тем больше крепость, чем старей оно.
Ученый сталь заставит воском стать,
Он видит там, где для других — темно.

Давайте же, дети, учиться начнем
И знания светлые нити навек
В свою благодарную память вплетем!

Чтоб лучше неизвестное узнать,
Все дети умные за книжками сидят.
Лишь глупые мальчишки-шалуны
Стараются ученья избегать.

Растившие тебя из года в год
Родители — состарятся. Придет
Унылый день, тяжелый день, когда
В загоне их переведется скот.

¹ Кадыр-ата — святой, приносящий счастье.

Когда лишатся старики скота, —
Надежною опорой им тогда
Останется учение твое,
И в дом их тихий не войдет нужда.

О том, чтоб сын смог человеком быть,
Родители не устают молить.
Но если от детей не ждать добра,
Тогда зачем у бога их просить?

Давайте же, дети, учиться начнем
И знания светлые нити навек
В свою благодарную память вплетем!



НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

*Труд, труд и труд — вот три вечных сокровища.
От малого труда — ничтожные плоды.
Нужный камень — не тяжесть.
Ученье — дитя науки, изобилие — дитя ученья.
От бездельника даже бог отворачивается.
У лентяя двойная работа.
Руки поборют одного, знание поборет тысячу.
Хвост у лжи — не длиннее ладони.*



Шангерей

(1850—1921)

Шангерей Букеев — внук хана Жангира, с которым вели непримиримую борьбу Исатай и Махамбет. Обучался в Оренбургском кадетском корпусе, но не закончил его. Получив за заслуги отца русское дворянство, Шангерей удалился в свое имение Борсы, на берегу Волги, где, не вмешиваясь в вопросы политики, жил помещиком, увлекаясь сложением стихов. В его поэзии, проникнутой тоской о прошлом, большое место занимают описания природы, любовные и философские мотивы.

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

* * *

Вам пишет с озера Борсы ваш раб и младший брат.
Живу, приветствую восход, сменяющий закат.
Господь пусть щедро ниспошлет здоровье мне и вам,
Да не лишит вас и меня он жизненных отрад!

Но счастья истинного нам в сей жизни не найти.
Полна тоскою грудь моя... Вам пишет младший брат:
С тех пор, как родили меня на свет отец и мать,
Мне двадцать шесть минуло лет — их не вернуть назад.

Когда я понял, что прошло и что я упустил, —
Я испытал всю горечь слез и всю печаль утрат.

* * *

В степи, как во дворце большом, всегда я жить привык,
За тесной каменной стеной — немеет мой язык.

О, милый стих! Как скрипка, лад твой за сердце берет,
Один ты гонишь грусть, когда я головой поник.

Брат! Ум твой — выше всех умов. Он как гора велик.
Опора ты для тех, чей клич «архар!» среди боев.
И если гордый стяг Аблая ты поднять готов,
Я за твоим конем пойду среди степи сынов.

У человека жизнь отнять сумеет бог всегда,
Ни ум, ни знатность не спасут, когда придет беда.
Но опрометчиво попасть и ястреб может в сеть,
И пыль покроет водоем, где высохла вода.

* * *

О, гость аллы! ¹ когда б твой жезл достался мне в удел
И Соломоново кольцо на палец я б надел,
Но с ними молодость мою поставили бы в ряд
И мне сказали бы: «Возьми, что по сердцу тебе!» —
Я б за скрижалями не брел на гору Тор с жезлом,
Я не хотел бы через Нил пройти сухим путем
И не стремился бы понять пчелы или цветка язык:
Пусть рыба давится кольцом твоим, о, Соломон!

* * *

За горем — радость, за зимой — весна в степи идет.
В день наурыза лето нам несет солнцеворот, —
Тогда наполнится Борсы текучею водой,
От шума уток и гусей наш берег оживет.
Скорей, жигит, коня седлай и кречета бери!
Пуускай борзая за тобой на привязи идет!
Гарцуя на коне своем, ты ястреба спускай:
Приличен вид такой тебе на лучшей из охот!
Кто молод смолodu и полн кипучих сил живых, —
Отказа не узнает тот, он все в любви возьмет.
Пусть до украшенных серьгой ее ушей дойдет
Звук барабана, крики птиц и соколиный лёт,
Пусть улыбнется про себя: «О, там вчерашний друг
Спускает сокола с руки и с маху птицу бьет...»

¹ Пророк Моисей.

Один, на озере Борсы сложил я песнь для вас.
Вам нравится ль напев того, кто здесь для вас поет?

* * *

Всех красотой ты превзошла, красе твой равен ум,
А белизной лица — белей ты самых светлых лун.
Как слабый лебедь, заплутав, все ищет гладь озер, —
Так я ищу груди твоей, пока я сердцем юн.

* * *

Когда б мне мир подвластен был и я б построил трон,
Чтоб, золотой, он выше гор был в небо вознесен;
Когда б живой воды испить я у бессмертья смог
И жил бы десять сотен лет, презрев смертей закон;
Когда бы ангелы сошли из кущей рая к нам
И светлым током райских вод я был бы упоен;
Когда б мне мраморный дворец был в Багираме¹ дан,
Когда б я гурий обнимал — и сквозь прекрасный сон,
Как откровение, читал божественный коран;
Когда бы с шейхом уль-ислам беседовать я мог,
И стал бы приходить ко мне за мудростью ишан;
Когда бы яростью своей, как пламенем, я жег
Див, фараона и даджала, духа зла;
Когда б на гору Кап² я сел, увидя край земной,
Когда бы я, как мощный кит, моря пересекал, —

Я благ бы этих не хотел. Мне б только быть с тобой!
О, только бы в Нарыне ты, прекрасная, жила!

* * *

Подругой истинной тебе лишь будет та, жигит,
Чья о тебе к ногам Аллы всегда мольба летит,
Кто любит искренне к тебе ласкаться, как дитя,
Кто только к одному тебе желанием горит.

¹ Багирам — легендарный сад счастья.

² Горы Кап, по преданию, окружают край земли.

Качается в ушке серьга, подвесками звенит,
Когда в объятиях твоих она, как лань, дрожит.
Стечением совершенств она усладу принесла,
Ее умом и красотой ты покорен, жигит.

Когда на озере большой охотой занят ты
И, вверх заброшен, ястреб твой клекочет и когтит,
Когда с такой подругой ты и есть вокруг друзья,—
Знай, друг, что счастлив ты: судьба к тебе благоволит...

Я ж в одиночестве моем утешен только тем,
Что одинокому алла и друг и щит.

ЛЕС

Когда в тяжелый черный год гиганты-деревя,
Чьи ветви в высь вознесены и смотрят в глубь небес,
Чья на ветру едва дрожит широкая листва,
Чья тень прохладна и свежа, — засохнут от жары,
Усталым путникам такой не даст улады лес,
Он не предстанет им, как встарь, во всем избытке сил:
В нем тлен вступил в свои права.
Не сможет ястреб отдохнуть среди ветвей сухих,
Соколий клекот здесь давно на высоте затих,
Пустых гнездовий легкий пух качают деревья.
Смертельной сухью мощный ствол охвачен до корней,
Валится наземь, если ветер его качнет сильней,
И, лежа, долго будет гнить, — чтоб стать землей.

Когда дни юности пройдут,
Тогда лишь люди узнают, —
Что предначертано судьбой.

ОЗЕРО

Проснулось озеро. Кипит от чаек все кругом,
И кажется тебе вода — текучим серебром.
От птичьих криков и хлопков стоит повсюду гром.
И, приходя на водопой, вспугнет табун степной
На солнце греющихся рыб. Сверкая чешуей,
Они взволнуют лоно вод, чтоб прятнуть в водоем.

Когда ж ветра гудят, шумны,
И гребни по валам бегут, —
То, словно на гору гора,
Волна идет против волны.

А если обмелеет гладь, песком занесена,
И все ключи ее глубин покрыть не смогут дна, —
Что будет с озером таким, скажи?
Движенья рыбьих косяков стеснила скудость вод.
Они, расправив плавники, едва идут вперед,
С натугой пастью шевелят, как в одури, во сне,
Об отмель трутся головой, сдирая чешую,
Уже для птиц и для зверья готовый корм вполне.
Что будет с озером таким? С землею водоем
Сравняется. Его следов ты не укажешь мне.

ИТОГИ

Как, от погони уходя, лиса летит стрелой,
Вплотную уши к голове, хвост вытянув трубой, —
Не так ли, покидая мир, и ты скользишь вдали,
Жизнь милая, чтобы поймать тебя мы не могли?

Я за тобою много лет,
Как сокол, гнался, мчась вослед,
Я то взмывал до облаков,
То камнем падал вниз к земле.
Был, как базар, мой шумен день,
А ночь была — как пир друзей.
Пути не омрачала тень,
И мне казалось: не пройдет
Веселой молодости день.

Но старость в дверь стучит мою,
Давно без сверстников стою
И в одиночестве пою.
Исчезло все,
И все — в былом.



Абай Кунанбаев

(1845—1904)

Предки Абая и его отец были начальниками родов. До тринадцати лет Абай обучался в мусульманской школе в Семипалатинске, там же, в течение трех-четырёх месяцев, он выучился и русскому языку. Затем образование его прервалось, так как отец вернул его в аул, в Чингиставский район Восточного Казахстана, с целью приучить сына к административной работе главы рода. В начале своей сознательной жизни Абай отдаётся этой деятельности, урегулированию внутриродовых распрей, обид, тяжёб, но вскоре целиком посвящает себя учебе и творческой работе.

Сложением стихов Абай начинает заниматься с тринадцати-четырнадцати лет, подражая арабским и персидским поэтам, затем увлекается классиками русской литературы. В шестидесятых-семидесятых годах он заводит знакомство с сосланными в Семипалатинск народниками — Михаэлисом, Долгополовым и другими. Под их влиянием Абай приступает к глубокому изучению Пушкина, Лермонтова, Крылова, Толстого, Щедрина, затем начинает переводить их на казахский язык. Вместе с тем, изучив творчество акынов, живших до него, Абай критически его осваивает и обогащает казахскую поэзию, введя в нее восемнадцать новых форм стиха.

Абай в своем творчестве безжалостно критиковал как отживающий феодальный строй, так и дурные стороны нарождающегося торгового капитала, реалистически изображая быт степи. Просветитель и гуманист, он призывал народ к свету, к знанию.

Абай — лучший казахский поэт, хорошо знакомый с художественной литературой Запада и Востока, с наследием русских классиков и казахских акынов, крупнейший поэт девятнадцатого века, поднявший свое творчество до непревзойденной высоты, родоначальник современной казахской художественной литературы, основоположник казахского литературного языка.

* * *

На щеках у них лед и жар.
С сердцем, бьющимся сердцу в лад,
Уходя от людей чужих,
Лишь друг к другу они спешат.

Оба чувствуют ту же страсть—
И не в силах с пути свернуть.
И в тенистый огромный сад
Их уводит короткий путь.

Осторожно оба идут,
В жарком сердце смиряя кровь,
Но по легкому шагу знак
Подает им всегда любовь.

В холодеющих пальцах дрожь,
Дышат оба так тяжело.
Беспричинный какой-то страх
Заставляет бледнеть чело.

Чуть коснется плечо плеча,
Уж склоняется голова,
Губы ищут горячих губ
И пьянеют, забыв слова.

Рядом — дерево шелестит,
В небе — звезд золотой узор,
И, как звезды, дрожат они,
Отражая во взоре взор.

Так собою они полны,
Что весь мир для обоих молчит.
В сердце, слабое от любви,
Наслаждение льет лучи.

Таит сердце, побеждено,
И слабеют колена, и
Наслажденье заволокло
Взоры легкой слезой любви.

Где вы, мысли, и где слова? —
Он уж близок, забвенья час.
Победительница-любовь
Обойдется теперь без вас!

* * *

Вдоль спины заплетенные косы лежат,
И шолпы¹ отвечают движениям в лад.
Взор под шапкой бобровой — кумыс для глаз.
Нет, такой красоты не встречал еще взгляд!

Бархатистые черные звезды очей
Льют в смятенное сердце потоки лучей.
Что за голос! Улыбка! Как телом нежна!
Кто посмел бы сравниться средь девушек с ней?

Высока, с легкой ножкой, пленительный стан...
Ты другой не ищи средь полуденных стран.
Все мне кажется, где-то я видел уже
Это зрелое яблоко, нежный шафран.

Если пальцы чуть тронут ее локоток,
В самом сердце почувствуешь крови толчок.
А лицо к ней наклонишь, горячая страсть
Разольется по жилам, как бурный поток.

1889

ПОСЛАНИЕ ЖИГИТА К ДЕВУШКЕ

Привет тебе, Каламкас!
И жизнь и скот хоть сейчас
Отдам тебе. От тоски
Уж слезы льются из глаз.

Красавиц видывал свет,
Но лучшей девушки нет.
Лишь ты узнаешь одна
Души моей жар и бред.

Я сам человек прямой,
Я верен тебе душой,
И если нас разлучат,
То сердце будет с тобой!

¹ Шолпы — украшения, вплетенные в косы.

На дев не гляжу других,
Совсем мне не нужно их;
Ах, если б я мог вдыхать
Грудей аромат тугих!

О, дай забыть обо всем,
С душой, опьяненной сном.
Пусть расплетется твоя
Коса на плече моем.

О, как я люблю твой стан!
Слова мои — не обман;
Тобой обладать одной
Мне жребий прекрасный дан.

Когда в дыханьи тепла
Сольются наши тела,
И пылкая плоть моя
В блаженстве сгорит дотла.

Когда в порыве страстей,
К тебе я лечу живей, —
В стремленьи добычу взять,
Я словно сокол степей.

Во всем ты отрада глаз,
Гляди хоть тысячу раз.
Все больше к тебе влечет,
Милее ты, что ни час.

Ты — пестрокрылый фазан,
Давно я тобою пьян,
Прижмись всем телом ко мне,
Дай крепче обнять твой стан!

ПОСЛАНИЕ ДЕВУШКИ К ЖИГИТУ

Так тонка твоя похвала,
Что кружится голова,
Девичий податлив ум:
Ты должен беречь слова.

Немало у нас примет —
Хороший парень иль нет.
И если хороший — то
Торопит сердце ответ.

С умом твоя дружит речь,
Должна я себя беречь,
Я — масло, она — огонь,
Ну как ей меня не сжечь?

Полюбишь — я вся твоя,
Разлюбишь — несчастна я,
И станет всех на земле
Несчастней доля моя.

Ведь ты меня втопчешь в грязь,
Уйдешь, надо мной смеясь.
Не дай же привыкнуть к тебе,
Твою почувствовать власть.

Я стану тоски мрачней,
А дух мой земли черней,
Постель, где я без тебя,
Могилой станет моей.

Как сокол ты, чей полет
К высокой славе ведет.
Я ж только одна из тех,
Что ждут у твоих ворот.

И коль полюблю я, знай,
То хлынет страсть через край;
О, сокол, я твой фазан,
Когти меня, рви, терзай!

В объятьях твоих, гибка,
Согнусь я стеблем цветка,
И будет, о, милый мой,
Мне тяжесть твоя легка!

Обдумав, сказала я,
И взвешена мысль моя.
Поймите, юноши все,
Что в слове таила я.

Кто вправду меня поймет,
В ком слово костер зажжет,
Пусть сложит песню любви
И для других пропоет.

Собравший стих за стихом,
Поющий, как мы поем,
И сам попадет в беду,
Коль с этой песней знаком.

1889

ЯЗЫК ЛЮБВИ

Бессловесен язык любви.
Сердце к сердцу взором зови.
Юность знает всегда свой путь,
Если только любовь в крови.

Сам ты этот знавал язык
И умел итти напрямик,
Но теперь его понимать
Ты уже навсегда отвык.

1894



Красивой песней под струнный звон
Ты весь охвачен в ночной тиши.
Песни меня забирают в полон,
Как я, люби их от всей души!

От дел привычных уйти спеша,
Я забываю весь белый свет.
Внимает песне моя душа,
И сердца пламенем я согрет.

Так воду нашедший в степи глухой
К ней приникает жадным ртом.

И что ему люди с их толкотней,
Его оттесняющие плечом!

Я вспоминаю былые дни:
То горе, то радость, то любовь,
И все, что было мечте сродни,
Живою плотью одето вновь.

Снова, глотая прежний яд,
Я утопаю в нем с головой,
Люди, которые вокруг галдят,
Кажутся истиною самой.

И начинает земную лесь
Правдой считать душа моя.
Разве на свете отрава есть,
Какой бы не выпил до капли я?

* * *

Радость жизни, о, сердце, пей,
Но стихи для тебя нужней,
Ведь когда ты их говоришь,
Ты уходишь от всех скорбей.

О, язык мой, рыдай и пой!
Пусть проснется душа с тобой,
Пусть поплачет, и слезы пусть
Мне на грудь побегут струей!

Слов моих не понять глупцам,
Что во тьме бродят здесь и там,
Только умный услышит их,
Тот, кто сердцем пылает сам.

А никто стихов не поймет —
Им откликнется сердце мое.
Насладится сокрытым в них
И печаль души всколыхнет.

Пусть плывут они чередой,
Пусть огнем встают надо мной.
А потомкам, когда умру,
Пусть останется стих живой.

Неудачный, как я, поэт
Обратит к ним души привет,
Отзовется на голос мой,
Будет словом моим согрет.

Что хвала мне толпы глупцов,
То, что каждый сказать готов.
Пусть один, но умный, поймет
Верный смысл сокровенных слов.

1890

* * *

Стих — это вождь средь слов, ценнейший их отбор,
Талантливый поэт слагает речь в узор,
Где все слова равны, густы, округлены,
Легки для языка, ласкают слух и взор.

Излишнему в стихе, конечно, места нет,
И слов не бережет ничтожный лишь поэт.
Из тех, кто говорит иль слушает, он тот,
Кому напрасно бы давал ты свой совет.

1887

КУМЫС

Кумыс, питье казаха,
Ты пища нам или честь?
Ведь жирный нужен кусок,
Чтоб этот кумыс заесть.

Прохладному кумысу
Баранину вслед готовь.
А если молоды мы,
Кумыс горячит нам кровь.

Пей лучше тихий айран,
На смирном ездь коне,
Чтоб вору не послужить
Добычей в родной стране.

19*

291

За табуном с холма
Следит он — во все концы.
Нет, если прикинуть умом,
Чем лошадь лучше овцы?

Не стоит из-за коней
Гнуть спину перед толпой.
Не хвастайся, говоря,
Что сладок кумыс степной.

Не стоит кичиться зря,
Внимать совету глупца.
Уж лучше — в кармане грош,
Одна, но своя овца!

1901

ПОЭТ

Человеческий дух иногда
Прекращают тревоги мучить, —
И божественный песен дар
В нем, как солнце, пронижет тучи.

Зазвенит в нем созвучий хор,
Как волна в потоке весеннем,
И рванется сердце в простор,
Чтобы смыть прах жизни и тленья.

Яркий день засверкает огнем.
Дух свободный проснется!.. И снова
Озаренное мысли огнем,
Равным солнцу, разыграет слово.

И тогда безраздельно поэт
Рвется в будущее и в былое
И, стряхнувши с себя пепел лет,
Заполняет весь мир мечтою.

Как орел — видит в даль без конца
И, охваченный болью и горем,
В грозной ярости против глупца
И тирана — бушует, как море.

Взвесив разумом мудрым своим,
То, что сердце, прозревши, познало,

Возвращает родным и чужим
Все, что к песне его вдохновляло.

И кровь сердца, и жгучий язык,
Яд чернил, мышцы рук, буйно-смелых,
Честно выразят все напрямик!
А не нравится вам, — ваше дело...

КОГДА УМРУ

Во прахе ложе я найду, когда умру,
Стыдливой девой смолкнет мой язык, когда умру,
И сердце, полное и злобы и любви,
Оледенеет вдруг во мне, когда умру.

Всевластная судьба придет, — и я умру,
Судьба — как друг живым. Но я умру!
И сердце буйное за каждый ложный шаг
Все станут осуждать, лишь только я умру.

Я, — мертвый, — не смогу тогда ответить вам...
Свобода полная придет клеветникам!
Но справедливо ли два раза на костре
Гореть измученным, израненным сердцам?

Глубоко, искренне продумайте в сердцах:
Я жил непонятым до смертного конца,
В пустыне вырос я без вех и без дорог,
Боролся против всех, — оставьте ж мертвеца!

В тяжелой юности мне мысль была чужда,
Но сжег и злобу я, и хитрость навсегда.
Проснулась рано мысль, но цели не достиг, —
Подняться на ноги мне не дала среда.

Я мыслить стал, но жил, как раб цепной.
Бесплодно дни прошли... Не следуйте ж за мной!
Людьми-врагами я всю жизнь унижен был, —
Спокойно дайте мне уснуть в земле сырой.

Отравлена душа. Я вижу смерти взгляд...
Бесплодно жил, — умру! И нет путей назад...
Но чтобы тайн моих не знать клеветникам,
Стихи мои навек пусть в сердце замолчат.

Далекий путь за моей спиной,
В лицо мне веет могильной тьмой,
Но все еще ловок мой язык,
В слове моем — лазурь и зной.
Все хорошо, — но я говорю
С непонимающей толпой.

Я столько прожил на свете лет,
Душа во мне едва жива,
Но разве нашелся хотя б один,
Кто бы услышал мои слова?

Я шел высокой тропой средь скал,
Я бился с невежеством, я устал,
Но вот уже близок перевал.
Без всякого страха, легко дыша,
Не замедляя и не спеша,
Над пропастью ставь свой шаг, душа.
Пускай не давит тебя печаль.
Не думай о том, чего нам жаль,
Учись бесстрастно глядеть вдаль.

Как птенчик, ершащийся в гнезде,
Не прячь свою голову под крыло,
Забудь о страхе и ринься ввысь,
Где так просторно и так светло.

Но на душе густая грусть,
Бессилен пред нею мой язык.
Я чувствую — время моим словам
Уйти в исступленный и горький крик.

Она созрела, моя печаль,
Уже занялся в груди пожар —
Мучительно хочется мне отдать
Последнему слову последний жар.

Но кто же, душа, тебя поймет?
Во тьме и неволе живет народ!
Вседневной преданный суете,
И сам был охвачен я властью зла,
Не отвращал от него лица,
И часто душа моя лгала.

Но не ищу я далеких стран
И не уйду от земли родной.
Пускай я в невежестве темном жил,
Мне очень стыдно, что я такой.

* * *

Не хвастай, коль не учен,
Будь скромностью наделен.
Зачем походить на тех,
Кого зовем: «пустозвон»?

Пяти вещей избегай,
Пять качеств приобретаай,
И будешь ты человек,
Который болел душой,
Чтоб честно прожить свой век.

Вот пять твоих злых врагов:
Лень, сплетня, ложь, хвастовство,
Растрата добра своего.

И пять друзей тебя ждут:
Ум, воля, незлобивость, труд
И то, что терпением зовут.

При виде позорнейших дел,
Желаньям своим ставь предел,
При виде добра — за ним
Иди, непоколебим.

Учись всему, чтоб потом
Быть знающим, жить умом.
Ученым можешь не стать,
Но стремись ему подражать.

Коль знание полюбил,
Не говори, что не хватит сил.
В учении — добро и свет,
Так слушай ученых совет:
Иди с любовью за тем,
В чем слове науки свет.

Не имя запомни, а мысль
Того, кто это писал.



Жусуп Копеев

(1860—1931)

Жусуп Копеев, прозванный «Машур-Жусуп» («известный Жусуп»), большую часть жизни посвятил сбору материалов по казахской истории и генеалогии казахского народа. Оставил много работ исторического и мемуарного характера. Основные темы его поэзии — старина, просвещение, критика чиновников.

ПОУЧЕНИЯ В СТИХАХ, НАПИСАННЫЕ В ПРЕЖНИЕ ВРЕМЕНА ИЗВЕСТНЫМ ЖУСУПОМ

От раздумий бесчисленных мозг мой сух.
Просыпайся, очнись и взгляни вокруг:
Вот нашел я родник, и бежит струя,
Ты, как чашу, до края наполни слух!

Каждый смертный стремится продлить свой век,
Но не силится зла избежать человек.
Каждый бродит без смысла в одном кругу,
Но не жаждет вперед устремить свой бег.

На базар, торопясь, ты примчал верхом,
Ходишь там, поражаясь всяким добром, —
Но напрасно без дела блуждаешь там:
Кончив торг, все уйдут, — станет пусто кругом!

Молодым — выступай, выходи вперед,
Совершай все деяния в свой черед:
И захочешь — да все уже будет не в прок,
Если юности мощь из тела уйдет.

От зари на закат — солнцу век итти.
Так тебе не свернуть с земного пути.
Если горе настигнет, не будь смущен, —
Ведь в смятениях толку не сыщешь ты.

Нет без ночи дней — и ночей без дня,
И чисты, говорится, лишь бог да луна:
Друг за другом радость и горе идут,
Так всему своя очередность дана.

Камень ценный таится на дне морском,
Ни к чему не пригоден навоза ком:
От невежды, что мудрым считает себя,
От глупца такого — спасайся бегом!

Не толкуй отвлеченно о «вас» и о «нас», —
Зря твердить «вы» иль «мы» хоть тысячу раз,
Но учись высказывать правду в глаза,
Хоть и горькой бывает она без прикрас.

Труд начав — силу рук ты умерь и язык.
Не хватайся за груз, что с гору велик.
Душу другу отдай — но не тайну свою,
Если хочешь, чтоб недруг ее не постиг.

По заслугам старшим и младшим воздай,
Бедняка ты вниманьем не обделяй,
На того, кто в жизни сильнее тебя, —
Первым в ссоре и в споре не нападай.

Ты познания умножь и к делам предназначь.
Знаньем — бедный богат и украшен богач.
Но живым человека ты не считай,
Если знания он не постиг задач.

Для отрады и юных и зрелых дней
Ты на благо народа усердно радей
И, открыто являя познания свои,
Труд свой сделай полезным для всех людей.

Вздорный — щедр на посулы, но пуст внутри,
С ним погибнешь, его в друзья не бери.
Льстясь на выгоду, пищи нечистой не тронь:
Лучше, честь сохранив, — голодным умри.

Пошутив неудачно, не смейся ты.
Обманувшись в мечте, не досадуй ты.
Чужаку, что тысячью черт пленил,
Не узнав его, не вверяйся ты.

Не роняй ты просьбами чести своей
И к наживе грошовой не возжелай.
Коль от низшего станешь зависеть ты,
Знай, что нет на земле нужды тяжелей.

Нар к работе негоден, лишенный сил:
Коль ты скареден — жизнь свою пользы лишил.
Не бросай того, что имеешь в руках,
Коль диковинки вид покажется мил.

Если кто-то в глаза любезен с тобой,
Но порочит тебя за твоей спиной,
С виду добр, а за пазухой камень таит, —
Ты скорей лицемерье того открой.

Не живи ты, без дела дни проводя,
За работу берись, хороша иль худа!
Образумить того не пытайся ты,
Кого вразумить не сумели года.

Кто не знает раздумий о беге лет,
Для кого в зле и в благе примеров нет, —
Если жизнью самой не наставлен он,
Не направить того на истинный след.

В тез¹ кладут жердь кривую, чтоб стала прямой,
И срастается рана под бязью тугой,
Но советом и речью красивой никак
Не исправить того, кто слаб головой!

Другу ты, что бессменно с тобою везде,
Постарайся всемерно помочь в беде.
Если хочешь ты честь сохранить свою —
Призови ты на помощь мысль о стыде.

Не хватайся за дело, коль навыка нет, —
Тяжко ляжет почина неверного след.
Ничего без уменья не начинай,
Если в жизни ты хочешь избегнуть бед.

¹ Тез — выдолбленное дерево, род пресса.

Слово словом толкая, бросаю я зов,
Плавит золото мыслей медь моих слов:
Чтоб от сплетен свой кров верней сохранить —
Бойся сплетней ворваться в чужой ты кров.

Сделай пешим желанье, не дай сесть верхом.
Если ж вскочит — коня не пускай бегом.
Вслед за зрением ты мечтой не лети,
Много нужно упорства в борьбе со злом!

Кто ушел от желаний — избегай западни.
Кто уступит — несчастья узнает одни.
Если ты умудренным стремишься стать,
То, как в зеркало, ты на других взгляни.

Вот разглядывай мудрых и озорных:
По душе ли тебе поступки их?
Ни на шаг один не сближайся с тем,
Чье ничтожество ты на деле постиг.

Если ж кто-либо радует делом своим,
Ты шаги свои устремляй за ним.
Чтоб исправить себя, — как в зеркале ты
Наблюдай за прохожим, добрым и злым.

С малых лет ты к познаниям готовь себя,
Как аул, откочует ведь юность твоя!
В ссору ты не вступай, тяжбы ты не веди,
Если ищешь спокойного бытия.

Не бросай ты на ветер мудрых речей:
Пусть как серьги золотые они для ушей!
Если хочешь народу любезным быть, —
Всех почтить и всех оберечь сумей.

Прячась дома, не ешь от других тайком.
Не неволь не желающих итти добром.
А слабейших ты, как чабан — овец,
Береги, сражаясь за них с врагом.

Ты врагу сурово в глаза смотри,
Чтоб не телом одним — дрожал он внутри.
С человеком жестоким ты не водись,
Лишь достойного спутником быть — избери.



Нуржан Наушабаев

Акын, живший в Кустанайской области в конце девятнадцатого — начале двадцатого века. Большинство его песен напечатано при его жизни в казанской типографии старым арабским алфавитом: «Мазлумат Казахстана», «Загадки и пословицы» и др.

Особое внимание Нуржан уделял басне. Кроме того, он собирал фольклор, произведения устной литературы и издал казахские пословицы.

Б А С Н И

БЫК И ОСЕЛ

Я прекраснейших слов находил сочетанья для вас
Вот в такой — золотой, вдохновеньем отмеченный час.
А сегодня Нуржан для любого, кто слушать готов,
Про быка и осла приготовил короткий рассказ.

Кто широкой землей проходил, любопытен и смел,
Кто премудрость наук тайнословных постигнуть сумел, —
Тот вам скажет, что некогда в дальней заморской стране
Жил один человек, что звериный язык разумел.

Из рабочей скотины имел человек тот всего
Лишь быка да осла. Но не делал осел ничего.
Бык один за двоих, надрываясь, работу справлял,
И от тяжких трудов искривились ноги его.

Из-под палки на бая работая, бык исхудал,
Нес покорно ярмо и об отдыхе только вздыхал.
А бездельник-осел поедал у хозяина хлеб
И весь год на боку в своем стойле лежал-припухал.

На любую работу великим стал мастером бык:
Боронить, и пахать, и телегу возить он привык.
И однажды под вечер спросил его хитрый осел:
«Как здоровье твое? Как работал сегодня, старик?»

Отвечал ему бык: «От работы покоя мне нет.
Еле-еле хожу: отдохнуть не дают столько лет!
Эх, мой друг! Сам не знаю я, скоро ль конец мне придет,
И в который из дней перестану глядеть я на свет...»

Удивился осел: «Это чувство неведомо мне...
Хочешь, дам я сегодня совет тебе наедине? —
Как хозяин придет — ты ложись и не ешь ничего
И, хотя бы они тебя били вдвойне и втройне —

Больше чем на работе, — лежи на боку, не вставай,
Притворись заболевшим и глаз своих не открывай.
А слюну распусти, чтоб она потекла, как вода.
И, сквозь ноздри дыша, осторожно и тяжело вздыхай!

Ведь нетрудно все это проделать тебе над собой?
Так не трусь же! Ведь бай разговор наш не знает с тобой!»
А хозяин, подслушавший каждое слово осла,
Усмехнулся и тихо из хлева вернулся домой.

К заговорщикам рано под утро хозяин вошел,
Вспомнил их разговор и подумал: «Ну что ж? Я не зол.
Если бык заболел и лежит на боку недвижим,
То пускай за него нам ответит сегодня осел».

И хозяин сейчас же позвал батрака своего:
«Если болен один — пусть другой заменяет его,
Пусть до пота осел поработает вместо быка,
Потому что давно уж не делает он ничего!»

И осел до полуночи баеву землю пахал.
Пыль мешала дышать, и глаза ему пот заливал.
Через ум свой — осел оказался в беде: для быка
Отыскал он уловку, а сам на работу попал.

Липли синие мухи к глазам. А малаи еще
Били палками голову, больно кололи в плечо.
Справедливость пословицы: «двое посредника бьют» —
Осознал наш осел, когда палкам потерян был счет.

У быка ж — много сена и нет недостатка в воде.
Поздно в стойло вернулся осел, поумневший в беде.
Обессилив на пашне, он еле стоял на ногах,
И рубцы от ударов виднелись на шкуре везде.

И в терпении и в силе — ослу до быка далеко;
Словно дым, разлетелись довольство его и покой.
«Думал сделать добро — вышло худо», подумал осел,
Совершенно убитый тяжелой судьбою такой.

И когда, утомясь погонять, чуть живого, без сил,
Здоровенный работник осла в его стойло впустил:
«Как твое самочувствие, друг, расскажи поскорей!» —
У осла запыленного бык торопливо спросил.

Отвечает осел: «Не ребенок я, чтобы устать...
Разве кто-нибудь может меня в пахотьбе обогнать?
Я почувствовал нынче к работе такой интерес,
Что меня даже в год не сумеет она изломать».

Так осел говорил ему, лежа в хлеву на боку,
И ответ его бодрый понравился очень быку.
Бык сказал: «Был совет твой хорош: ты — дождался похвал,
Я же — смог отдохнуть здесь свободно, впервой на веку!

Но, мой друг, долго был ты с хозяином наедине...
Не сказал ли тебе он чего-нибудь и обо мне?» —
«Да, — ответил осел, — он под утро тебя навестит,
Чтоб в болезни твоей самому убедиться вполне.

Если будешь лежать ты, как дохлый, — ни взад, ни вперед,
То тебя освежают, а мясо получит народ».
Бедный бык испугался, услышав такие слова:
«Вдруг и вправду хозяин меня, как больного, убьет?..»

И спеша показать, что болезни минула пора,
Стал скакать он, чтоб видел хозяин его со двора.
Не дождется, когда его снова в работу впрягут,
И жалеет о том, что больным притворился вчера.

Не желая, чтоб завтра лилась под ножом его кровь,
Бык мычит громогласно, чтоб слышали все этот рев.
Видят люди — действительно: бык свое сено поел,
Выпил воду и — весел! И снова, как прежде, здоров.

Хвост задрал, в своем стойле и скачет и бегаёт он,
Чтобы видели все, что болезнью он не удручен...
Снова хитрый бездельник-осел в своем стойле стоит,
Вновь быку на работе ярмо натирает плечо.

А Нуржан для веселья лишь вспомнил, домброю звеня,
То, что было когда-то, давно, меж глупцами двума.

ЛИСИЦА И ПЕТУХ

«Эй, Нуржан, пиши об этом, — говорят друзья, —
Поговорок и пословиц забывать нельзя!»
Что же, если будет время — посижу в тиши,
По листу пером веселым медленно скользя.

На заборе, хорохорясь, восседал петух,
Собираясь прогорланить песню во весь дух.
И, заметив то, лисица вздумала его
Съесть, — пока кричал он, словно пес на лунный круг.

«Здравствуй, — говорит лисица, глядя на забор, —
Новость: есть приказ, чтоб вместе жили с этих пор
Волки с овцами, а лисы — с гончими в ладу.
Ты не слышал? Вот так диво! Весь степной простор

Говорит о том, как ястреб с голубем в гнезде
Будут жить — и кушать вместе, и летать везде!..
Дав обет любить друг друга и не делать зла,
Звери все друзьями стали в сей великий день.

Будем мы отныне в мире и в довольстве жить.
Птички на бараньих спинах станут гнезда вить!
Я к тебе зашла об этом рассказать... Ведь нас
До сегодня каждый сильный вправе был убить.

Побеседуем же! Кто нам сможет помешать?
Нынче вправе мы свободно воздухом дышать...» —
«Правильно! — лису с забора поддержал петух, —
Верно!..» А лиса упорно продолжает врать.

Петуха живьем бы слопал этот хитрый вор
Вместе с пухом и костями, — да высок забор,
И с земли его лисице не достать никак!
А петух (сказать по правде) тоже был хитер.

Оглянувшись, он лисице, будто бы спроста,
Говорит: «Ты видишь, кто-то к нам идет сюда?» —
«Где? Я ничего не вижу, — говорит лиса, —
Мне ведь снизу видно хуже, чем тебе с шеста.

Кто ж идет там? Опиши мне цвет, походку, рост!..»
Говорит петух: «Бежит он — книзу держит нос.
Кроме двух ушей лохматых, что стоят торчком,
У него четыре лапы и как палка хвост.

А походка — как у гончей, ищущей обед.
Прямо к нам его приводит чей-то свежий след...»
Задрожав, как лист, от страха, петуху лиса
Молвила: «Однако мне здесь долго быть не след:

Хоть и мир, а все ж — собака мой давнишний враг,
Да и... торопиться надо мне домой в овраг...»
Был петух весьма доволен хитростью своей,
Глядя, как бежит лисица, хоронясь в кустах.

Так лиса хитрила много, а ни с чем ушла,
Радуюсь, что хоть сама-то убралась цела.
Весь народ свой надувала, — против петуха ж
Отыскать она уловки хитрой не смогла.

Так, другому тайно роя яму на пути,
Помни, что тебе он сможет тем же отплатить.



НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

*Если не устанешь бить, бог — и тот помрет.
Коли суждено упасть, падай с хорошего нара.
Слепой курице — всё зерно.*



Испандиар Кубеев

Родился в 1878 году в семье бедного скотовода Кустанайского уезда; окончив двухклассное училище, стал учителем в ауле. В настоящее время — учитель средней школы, в 1939 году награжден орденом Ленина за выдающиеся заслуги в педагогической работе.

Кубеев — первый прозаик письменной казахской литературы. Роман его «Қалым» (1908), глава из которого печатается здесь, — был первым казахским романом.

ҚАЛЫМ

(Глава из романа)

Под окнами своего дома Итбай собрал аксакалов аула для совещания: недавно овдовевший богатый шестидесятилетний бай Турлукул сделал предложение его дочери, Гайше. Между стариками шел медленный и важный разговор — какой запросить от бая калым. Абиш, посланец Турлукула, дожидался решения.

Гайша, словно чувствуя недоброе, откинулась от окна и окликнула мать, возившуюся у печи:

— Апа, о чем беседуют старики? О каком скоте, о каких деньгах они говорят? Я слышала: «она создана для других...» О ком это, апа?

Мать, уже догадавшаяся, зачем приехал Абиш, сказала со слезами на глазах:

— Родная, ты прекрасный плод, обреченный на гниение...

И, скрывая волнение, она отвернулась к печи. Гайша не

поняла смысла ее слов, но необъяснимая тревога овладела ее душой.

Между тем, аксакалы одобрили предстоявший брак, и Абиш заявил, что было бы хорошо заодно справить теперь же и обряд обручения, потому что новый прием сватов и гостей введет Итбая, человека небогатого, в большие расходы.

— Я думаю, что и нашему баю это будет удобнее, — закончил он. — Человек он одинокий, у него и так много забот о своем большом хозяйстве. Что ему тратить время на посылку сватов и на прием многочисленных гостей? Как вы смотрите на это, уважаемые Амеке и Жамеке?

Аксакалы аула Итбая, Амантай и Жамантай, согласились, добавив, что и для Итбая это будет лучше всего, ибо его состояние не позволит ему тягаться с баем в приеме гостей.

— Что угодно старикам, угодно и мне, — ответил Итбай. — Пусть будет так! Оставляйтесь ночевать, а завтра, благо и день счастливый — среда, — устроим обручение...

Собравшиеся поднялись, гурьбой вошли в дом, и Амантай обратился к жене Итбая:

— Келин, поздравляю тебя: мы решили выдать Гайшу за Турлукула. Сама знаешь, ей суждено быть замужем за человеком другого рода и края!

Амантай хотел этим польстить ей, отмечая, что в родном ауле для ее дочери нет достойного жениха. Акслу поняла, какую гнусность задумали старики, и с отчаянием ответила:

— Кайнага¹, вы же сватаете Гайшу за Турлукула не потому, что мы равны с ним, а потому, что соблазнились его богатством! Не издевательство ли такое поздравление? Я не согласна отдать Гайшу за старика, пусть подавится он своими стадами!

В гневе она отвернулась от гостей.

Итбай был крайне озадачен ответом жены. Он всегда мечтал выдать красавицу-дочь за богатого и знатного человека, чтобы и самому выйти, наконец, в люди. Он со злобой и смущением смотрел на высокую и стройную фигуру жены, бледнел, краснел, его даже бросило в пот. Наконец, он нашелся.

— А кто просит у тебя, собаки, совета? — закричал он и, обругав жену, выгнал ее за дверь.

Вместе с красотой природа наделила Акслу и спокойным, рассудительным характером. Она поняла, что перебранкой делу не поможешь, и вышла в сени.

Абиш, желая сгладить впечатление, произведенное ответом Акслу, пошутил:

¹ *Кайнага* — почтительное обращение к старшим родственникам мужа.

— Ничего, пройдет! С женщинами так бывает...

Старому Амантаю было стыдно, что он не сумел с достоинством ответить на ее решительный отпор, и он поддержал Абиша.

— Что обращать внимание на слова женщины? — сказал он, скрывая смущение. — Думы женщин не идут дальше очага.

Другой из аксакалов, Сергазы, еще в начале совещания стариков настаивал, что сперва нужно узнать мнение матери. Теперь он сокрушенно качал головой и бормотал себе под нос: «Говорил я вам тогда, ведь говорил!»

В доме наступило молчание, каждый был занят своими мыслями.

«Что за беда, если муж старик? — думали одни. — Дом у него — полная чаша, большие стада, много всякого добра, а молодых жен и детей нет. Все это перейдет ей, чего же еще нужно?» Дядя Гайши, Каракул, хмурился, опасаясь, что свадьба расстроится: у него были свои расчеты, — калым обогатит и его, и он сумеет обзавестись собственной семьей. Итбай молча кипел гневом на упрямую жену. Только Сергазы жалел о том, что впутался в такое нехорошее дело, и в глубине души сочувствовал Гайше, да за дверью, в сених, мучилась Акслу, горько думая, как бы спасти самое дорогое для нее существо — единственную дочь. Она успокоилась на том, что впереди еще есть время.

На другой день, после заочного обручения Гайши и сытного обеда, Абиш уехал, пригласив Итбая в аул жениха.

Проводив его, Итбай перестал нападать на жену. Теперь он старался убедить ее и все твердил:

— Разве я меньше тебя думаю о милой Гайше? Разве я не пекусь о ее будущем счастье? Подумай, она делается байбише, у нее будет все. Что же надо больше?

— Оставь меня. Ты своего добился! — с презрением отвечала Акслу.

Итбай стал готовиться к поездке в аул жениха. По старинному обычаю, сватовство считалось состоявшимся, когда отец невесты вместе с видными аксакалами аула и родичами приезжал к жениху. Итбай тщательно обдумывал это важное в его жизни событие. Чтобы показаться в ауле жениха в подобающем виде, он постарался раздобыть у соседей лучшую одежду для себя и для провожатых, хороших лошадей, красивую упряжь. Наконец, в один из солнечных зимних дней, он отправился в путь в сопровождении аксакалов Амантая, Жамантая и шести-семи других. Сергазы, как ни упрашивали его ехать с Итбаем, остался дома. Дорогой Итбай чувствовал себя на вершине блаженства: дочь его выходит замуж за богатого бая, впереди почет, довольство, богатство...

Дома остались одни женщины. Акслу, наконец, решилась открыть дочери правду. Бедная Гайша, полная отчаяния и горя, с рыданием кинулась на грудь матери. Обе женщины, подавленные сознанием беспомощности, проплакали весь день. Вечером к ним зашел молодой Кожак — сын Жусупа.

Это был плечистый, чернобровый красавец, пользовавшийся любовью сверстников за свою прямогу, честность, смелость и правдивость. Он и прежде часто захаживал в дом Итбая, восхищался его красавицей-дочерью и был одним из многих влюбленных в нее жигитов аула. Сватать ее он и не осмеливался: ни по своему положению, ни по состоянию он не был ей парой и потому был уверен в отказе Итбая. Сватовство старика Турлукула было ему уже известно, и он зашел узнать, как относится к этому сама Гайша.

За чаем он завел об этом разговор и поздравил Акслу со сватовством.

— Поздравляют тех, кто выходит замуж по любви, — горько ответила Акслу. — Нас поздравлять не с чем. Все, что сделано, сделано помимо нашего желания.

Новость эта сильно его обрадовала. Надежда вспыхнула в нем, и, выразительно взглянув на Гайшу, он сказал:

— «В кипящем котле бурлит большая сила, а рук у котла нет», говорил когда-то один неудачник... Что ж делать, когда нет ни власти, ни богатства?..

— «Не знатность решает участь жигита, а счастье», — ответила поговоркой Акслу.

Они были вдвоем, никто не мешал им обмениваться мыслями, и они долго просидели в задушевной беседе. Кожак тоже нравился Гайше, она давно отмечала его среди жигитов, но до этого вечера они не имели возможности поговорить по душе. Теперь чувство Гайши возрастало, и, поняв это, мать ее, под предлогом работы, вышла в сени, чтоб не мешать им. Но влюбленные ничего не могли решить. Они только жаловались на судьбу, объяснялись в любви и клялись в привязанности друг к другу.

Через несколько дней вернулся Итбай с целым косяком лошадей, полученных в калым. К нему стали ходить с поздравлениями, он заставлял Акслу готовить сытные обеды, хвастался перед гостями приемом, оказанным ему будущим зятем, и расписывал его богатство и знатность.

Однажды, когда у Итбая сидели гости и он, по обыкновению, рассказывал им о достоинствах Турлукула, Гайша не выдержала. Всякое упоминание о Турлукуле было для нее невыносимо, и, сидя в сенях, она, полная горя и отчаяния, запела:

Отец, не отдавай меня за старика!
Гайше он не пара, он хуже врага,
Ты за богатство меня продаешь,
Ты позавидовал добру чужака.

А я, несчастная, словно в огне,
Хочу умереть — и нет смерти мне,
Разрывают слезы сердце мое,
И нету мне радости даже во сне.

Не знала, что гибель близка моя,
Сегодня об этом узнала я,—
И если покину я дом родной,
Навеки радость уйдет от меня.

От страха моя леденеет душа,
Брожу я, измучена, еле дыша.
Когда-нибудь правду люди поймут!
Пока — только горе тебе, Гайша!

Жила и не знала, что меня ждет,
Что впереди — только скорбь и гнет.
О, где же возлюбленный твой, Гайша,
Кто радость былую тебе вернет!

«Дочь выдам за милого ей молодца», —
О, где ж это доброе слово отца?

Иссякнет ли горькая слез река?
Ужель меня сгубит твоя рука?
Иль все ж пожалеешь дочку ты
И не отдашь ее в когти врага?

Когда Гайша замолчала, в комнате наступила мертвая тишина. Гости смущенно смотрели друг на друга, не зная, что сказать. Тогда Итбай знаками вызвал во двор жену и там накинулся на нее с кулаками:

— Это ты, собака, тревожишь все время Гайшу и доводишь ее до слез! Разве она сама что-нибудь смыслит?

— Ей уже пятнадцать лет, — ответила Акслу, — она умеет сама отличить плохое от хорошего.

Итбай, бормоча ругательства, пошел к гостям.

Вернувшись домой, Кожак не находил себе места. Все его чувства и мысли были заняты Гайшой, — дни и ночи, во сне и наяву, он думал о ней. Работа по хозяйству не давалась,

даже еда не шла ему в горло. Он осунулся, побледнел, не шутил с товарищами, как бывало. Это его состояние заметила дружившая с ним жена его старшего брата.

— Что с тобой, не болен ли уж ты? — спросила она как-то.

Кожак рассказал ей все и закончил:

— Я не болен... Страдания мои — моя любовь, не знаю, что и делать...

Невестка всем сердцем поняла его. Она посоветовала ему не сидеть дома, сложа руки и мучаясь думами, а наоборот — рас-сеяться, проехаться верхом, съездить в аул Гайши, поста-раться повидаться и поговорить с ней и пока держать все в секрете от других.

— И постарайся снискать к себе доверие матери, — сказала она. — Раз Акслу не одобряет брака Гайши, она, конечно, по-может вам. Поезжай, поезжай, да смотри: Гайша, говорят, ма-стерица на песни, не осрамись перед ней, коли случится с ней состязаться!.. — пошутила она, чтобы подбодрить его.

Не в силах усидеть дома, Кожак оседлал коня и выехал к аулу Амантай, чтобы как-нибудь встретиться с Гайшей. За-думавшись, он медленно ехал вдоль берега Есиль. Вдруг из-под бугра выскочила лиса и пустилась по снегу. Он погнался за ней коня, но она юркнула в кусты и исчезла. Он остановился на холме, оглядываясь, и заметил беркута, кружившегося над кустами. Тогда Кожак решил выгнать лису из кустов и поскакал по ее следам. Расчет его оправдался: беркут заметил зверя, быстро взмыл вверх, камнем упал на лису, вонзил в нее свои острые когти и начал ее терзать и клевать. Кожак остановился, наблю-дая, и сердце его сжалось: не так ли лютые когти хищника-бая скоро вонзятся в тело и в душу Гайши?.. Он отогнал беркута, поднял лису и, привязав ее к седлу, продолжал путь.

Подъехав к аулу, он встретил пастуха и узнал от него, что у Сергазы сегодня собралась молодежь по случаю рождения у него сына и что даже из соседнего аула ожидают девушек на двух подводах. Обрадованный этим, Кожак направился к Сер-газы. Тот радушно встретил гостя.

В доме за чаем сидело уже несколько девушек и жигитов, и Сергазы, по обычаю, предложил гостю занять место по своему выбору. Увидев Гайшу, Кожак замер, не сводя с нее глаз, и Гай-ша, радостная и оживленная, освободила для него место рядом с собой.

Кроме обычных приветствий, они, конечно, ничего не могли здесь сказать друг другу. Но глаза их сияли, и в них легко можно было прочесть слова: «Я тебя люблю!» — «Я все время тебя жда-ла...» Оба они были тронуты встречей, и каждый готов был до дна испить сладость свидания.

Обе комнаты были переполнены молодежью. Сергазы решил отпраздновать рождение первого сына как можно радостнее и собрал к себе всю молодежь. Когда угощение кончилось, хозяин предложил начать игры и сообщил, что праздник будет продолжаться три дня и что он просит всех собраться здесь и завтра. Молодежь шумно благодарила, но больше всех обрадовало это Гайшу и Кожака.

Начиная игры, двое жигитов начали рассаживать гостей и подошли к нашим влюбленным, собираясь посадить между ними девушку.

— Не стоит,— смеясь, ответила Гайша.— Нас разлучить трудно, найдите ей другое место!

Наконец, все расселись, и жигиты обратились к хозяину:

— Сергазы-ага, кто же начнет песни?

— Дай сюда домбру, я сам открою начало игр!

Он взял в руки домбру. Заскорюзлые его пальцы быстро забегали по ладам. Он спел веселую песню и передал домбру соседу:

— На, милый Жумали, пусть теперь каждый поет по очереди!

Домбра пошла по кругу, каждый старался спеть лучше предшественника. Дошла очередь и до Кожака; он прекрасным голосом спел три куплета из народной песни «Калкам-шрак», гости шумно одобрили его и попросили спеть еще что-нибудь. Кожак иной раз и сам сочинял песни, и теперь, настраивая домбру и поглядывая на Гайшу, он решил спеть песню, тут же пришедшую ему в голову. В ней иносказательно, непонятно для остальных, он пел о судьбе Гайши, о своей любви к ней, и песня всем понравилась.

Теперь очередь подошла к Гайше, и Сергазы, стесняясь сам попросить ее петь, повторил Жумали, чтобы тот не допускал пропусков в очереди. Гайша охотно взяла домбру.

— Я и не отказываюсь,— сказала она и запела.

Если смысл песни Кожака остался для других непонятным, то она поняла ее всю, до последнего звука. Все, что хотела она ему ответить, все, что клокотало у нее в душе, все, что она переживала, вылилось теперь в песню, и она, в прекрасно сложенных стихах, поведала всем свое горе. Окончив песню, она отбросила домбру и прижалась к Кожаку, словно ища у него защиты. Кожак обнял ее и, пока в комнате стоял еще гул одобрительных возгласов, успел ей шепнуть:

— Я выручу тебя, мое сердце... Хотя я не бай, но если ты согласна пойти со мной...

Опьяненная счастьем, она прошептала нежно и страстно:

— Согласна... С тобой — куда хочешь...

Случайный полумрак (лампа давно уже коптила) помог им слиться в горячем поцелуе. Целовались и другие пары, но поцелуй наших влюбленных был клятвой на всю жизнь, знаком безмерной преданности, любви и дружбы.

Лампу поправили, но веселье омрачилось. Все слушавшие песню Гайши погрузились в раздумье, кое-кто из женщин даже плакал. Это были те, кто на себе испытал всю дикость обычая, кто был продан родителями за калым. Они оплакивали погубленную молодость и жизнь с нелюбимыми мужьями. Даже беспечная молодежь не осталась безучастной:

— Неужели Итбай такая собака, чтобы продать Гайшу старику, какой бы богач он ни был? — громко сказал один из жигитов.

Сергазы, и так ошеломленный пением Гайши, услышав это, отошел в угол и предался думам. Турлукулу шестьдесят лет, а то и больше, а Гайша такая молодая, — какой он для нее муж? Какой прок от того, что она будет жить в холе и хорошо одеваться? Как же ей, бедняжке, не горевать? Вот подошло время, когда ей надо беззаботно наслаждаться жизнью, веселиться, а ее ждет старый и ненавистный муж... Жаль ее, ах, как жаль! И зачем он ввязался в это дело, зачем пошел на совет аксакалов? Как бы помочь ей выпутаться из беды?..

Между тем молодежь продолжала игры, веселье кипело в доме. Гайша с Кожаксом переговорили обо всем, дали слово следовать один за другим, вырваться из расставленных Турлукулом сетей. Наступила ночь. Молодежь разошлась. Кожак остался ночевать у Сергазы. Гайша, позабыв горе, радостная и бодрая вернулась домой. Оба они долго не могли заснуть, думая о том, как бы скорее соединиться навеки.

Следующий день показался им вечностью, часы текли, как годы. Акслу заметила возбужденное состояние дочери и улыбнулась ей:

— Вижу, ты не можешь дожидаться вечера, видно игры были веселые?

Гайша бросилась к ней в объятия.

— Апа, вчера там был Кожак, мы сидели рядом. Какой он славный! — И она вдруг заплакала. — Права ты была, апа, когда сказала, что я плод, обреченный на гниение!..

— Милая Гайша, — ответила, целуя ее, Акслу, — знай, где бы и как бы ты ни встречалась с Кожаксом, я препятствовать этому не буду...

На этот раз молодежи собралось немного. Гайша опять сидела рядом с Кожаксом, и опять они забыли свое горе. Игры на этот раз продолжались недолго, жигиты и девушки, утомленные бессонной ночью, стали рано расходиться. Гайша замешка-

лась в сених, разыскивая свои кебис, и Сергазы попросил ее остаться попить чаю, — ведь итти ей близко. Жена Сергазы поддержала мужа:

— Помоги мне, пожалуйста, поставь маленький самовар!

Сергазы вернулся в комнату и тихонько сказал Кожаку:

— Вот что, дружок. Я вижу твои отношения с Гайшей. Она сама и мать ее — обе против этого брака, да и я — противник его. Иди-ка в сени, воспользуйся случаем и поговори с ней, о чем нужно, пока она одна. — Он повернулся к жене и добавил: — смотри, чтоб никто не знал об этом!

Кожак вышел в сени. Гайша клала в самовар уголья и, увидев его, бросила щипцы и кинулась к нему:

— Я замерзла, возясь с самоваром для тебя, согрей меня!

Он крепко обнял ее. Обнявшись, они прошли в темный угол сеней. Самовар был забыт.

— Когда мы увидимся? — спросила она его, когда он, наконец, вспомнил, что надо итти в комнату. Кожак посчитал по пальцам, соображая, что ждет его по хозяйству, и ответил, что дней через девять он приедет в аул. После чая Гайша ушла последней, все оглядываясь назад, будто она что-то забыла в гостях, а Кожак опять остался у Сергазы ночевать.

Они долго не ложились. Сергазы говорил о том, что он считает себя ответственным за это сватовство и не может себе простить, что не настоял на своем на совете аксакалов, что ему до боли жаль Гайшу и он готов всеми силами помочь ей избавиться от ожидающей ее участи. Кожак тоже ничего не скрыл от него. Он признался, что давно любит Гайшу, что сватать ее не смел, будучи уверен в отказе Итбая. Он рассказал, о чем они говорили с Гайшей, что она его любит тоже и дала ему слово.

— Ладно, Кожак, будем надеяться, — закончил разговор Сергазы. — Пока никому ничего не говори, старайся с ней чаще видаться. Дом мой к твоим услугам, но будь осторожен, соблюдай приличия, не подведи меня!

На душе у Гайши была весна, она ликовала всем существом. Радостная, она вернулась домой и легла спать подле матери, думая только о том, как пройдут эти девять дней, которые отделяют ее от нового свидания с возлюбленным.

Утром, подарив Сергазы случайно добытый лисий мех, Кожак отправился в обратный путь. Ему очень хотелось попрощаться с Гайшей, но, опасаясь навлечь подозрения, он оставил в стороне дом Итбая.

В степи он встретил трех знакомых жигитов — Жунуса, Алкена и Бирке. Они ехали навстречу, под ними были резвые кони, и беззаботный громкий хохот жигитов далеко разносился по степи. Они остановились поболтать и, узнав, что он был на

вечеринке у Сергазы, стали добродушно подтрунивать над Кожак, намекая на свидание его с Гайшей. Но потом Жунус сказал серьезно:

— Слушай, Кожак, а что, если ты увезешь Гайшу на родину, в Кокчетау? Не думаю, чтоб нашлись охотники выручать ее отсюда для нелюбимого жениха-старика!

Бирке покачал головой:

— Ну, Турлукул найдет охотников!

— Где он их найдет? — возразил Жунус. — Из наших жигитов ни один не шевельнет пальцем ради Турлукула. Я первый.

— Я тоже, — заметил Алкен. — Все мы помним обиды бая. Разве не он через плута Абиша отнял для своего родственника невесту у бедняка Куекена?

И он рассказал, как это произошло. На выборах род Алкена — Медеу — отказался поддержать кандидата в управители, выставленного Турлукулом, с тех пор бай начал преследовать медейцев, отнял у Куекена невесту. Недавно медейцы запретили баю гонять свои табуны на водопой через пастбища Медеу, и Турлукул в отместку, путем подкупа судей и управителя, задумал отобрать у них лучшие сенокосные угодья Кен-шалгын.

— Чего бы я ни сделал, чтобы насолить баю, — подхватил Бирке. — Я бы отдал последнюю лошадь тому жигиту, который увезет Гайшу!

— Правильно сказал Бирке, — подтвердил Жунус. — Запомним это на случай, если найдется такой удалец!

— «Слово порождает слово, мысль порождает мысль», — говорят старики, — задумчиво сказал Кожак. — Судьба Гайши наводит меня на тяжелые думы... Везде и всегда бедный люд зависит от произвола биев, баев, управителей. Вот я сам — работал батраком у бая Турпая. Кормил он плохо, впроголодь, одежду не давал, а на работе подгонял и грозил плетью. Я не выдержал и ушел за месяц до срока, а он, собака, мне и денег не заплатил. Я дал слово взять у него свои трудовые гроши, — да вот до сих пор не могу добиться. Разве мы, бедняки, в силах сделать что-нибудь против баев?

Жигиты, поговорив еще, распрощались, Бирке обернулся к Кожаку и крикнул:

— Так помни, Кожак, если понадобится тебе помощь, мы готовы в любое время!

Турлукул, действительно, собирался проучить род Медеу. Сопротивление медейцев было ему хорошо понятно: если бы Турлукул стал пользоваться водопоем у Тас-уткула, то его многочисленные табуны потравили бы все пастбища бедняков-

медейцев, лишив корма их собственный скот. Поэтому было ясно, что медейцы не так легко отдадут ему спорное право. Одному ему с ними было трудно справиться.

Оттого он так обрадовался, когда однажды к его аулу подъехала толпа всадников, среди которых он узнал биев Байгазы и Курмангалия и волостного управителя. Он задержал гостей на три дня, всячески угощая и обхаживая их, и потом завел разговор о спорном праве на водопой у Тас-уткула и о сенокосе Кен-шалгын.

— Как бы мне рассчитаться с медейцами за их обиды? Надо утихомирить эту шайку голодранцев и зазнавшегося босяка Бирке!

Оба бия выразили готовность помочь ему:

— Ваша обида — наша общая обида. Как-нибудь сообща расправимся с ними!

Абиш вмешался в разговор. Он сказал, что бай давно уже советовался с ним об этом и все собирался послать его к властям. и что они приехали во-время, как бы сами почувств желание бая. Курмангалий заметил, что вопрос можно легко разрешить в этот же приезд: надо собрать побольше своих людей, направиться в аул Медеу, устроить там сход и вынести на нем решение о передаче водопою и Кен-шалгын Турлукулу.

Слух об этом быстро разошелся по окрестным аулам. Одни жалели медейцев, но упрекали их в излишнем упрямстве: «Зачем им нужно было идти против всесильного бая, вот и лишились всего!» — говорили они. Другие высказывали свое возмущение Турлукулом, грабящим один род за другим.

Грозная весть дошла и до аула Медеу. Бирке, Жунус, Алкен собрали аксакалов и других влиятельных лиц аула на совещание. Отважные жигиты убеждали оказать сопротивление насилию, не допускать биев и управителя в аул, сорвать предполагаемый подстроенный сход. Аксакалы их не поддерживали. Они считали неблагоразумным вступать в открытую борьбу, предвидя все ее последствия и считая, что лучше лишиться Кен-шалгына, чем накликать на себя судебное разбирательство.

Решено было отказаться от участия в разрешении вопроса, просить управителя и биев устраивать сход, где угодно, только не в их ауле, и решать вопрос по своему усмотрению, без их участия. Все это поручили Жунусу передать волостному управителю. Но не успел он выехать из аула, как подъехала большая толпа баевских прихлебателей, во главе с биями, управителем и самим Турлукулом.

Гости прожили в ауле три дня. Эти дни были полны беспокойства: надо было кормить и угощать людей, приехавших с недобрыми намерениями. Наконец, незваные гости проехали

к аульному старшине, и произвол совершился. Лучшая земля бедняков была отнята. Искать справедливости они не могли: в этом мире только знатные и богатые были правы. Турлукул мог смело попирать исконные обычаи рода.

Бедный люд! Тяжела ваша участь! Взойдет ли когда-нибудь для вас светлая заря, будет ли когда-нибудь солнце светить и для вас?..

В ауле у Кожака был закадычный друг Бекарстан, жигит одних с ним лет. Никаких тайн они друг от друга не имели, и Кожак рассказал ему о Гайше.

— Когда наступит лето, я ее увезу,— закончил он,— так я решил. Не говори никому об этом. Наступит время, не откажись помочь мне.

— Ладно,— ответил Бекарстан,— сделаю все, что в моих силах. И не только потому, что я твой друг. У меня есть свои счеты с Турлукулом. Ты знаешь, что он сделал с нашим Жанарстаном? Несколько лет назад у Турлукула украли кобылицу, а в то время Жанарстан искал своего пропавшего жеребенка и осматривал табун бая. Этого было достаточно, чтобы обвинить Жанарстана в краже и отнять у него последнюю корову и лошадь.. Сказать по правде, я и сам собирался сватать Гайшу, но теперь отказываюсь и даю тебе слово помогать во всем. А теперь вот что: Урию выдают замуж. Не то в среду, не то в четверг будет свадебный вечер. Поедем повеселиться? На моей лошади едет брат, запряжем твою и поедем, а?

На другой день пять-шесть жигитов вместе с Кожакком и Бекарстаном поехали в аул Алтыбая, где происходила свадьба. Аул этот находился рядом с аулом Турлукула и жил с ним не только в добрососедских отношениях, но и в тесной связи: Турлукул сумел заставить оба аула переплести общие интересы, направленные на грабеж и притеснение соседних аулов.

Скоро открылась обычная картина казахского аула: низкие саманные домики, занесенные до труб снегом, высокие сугробы заслоняют не только жилье, но и скот, кормящийся возле него, и лишь дым из труб выдает присутствие в степи людей.

Кожака и его товарищей приняли очень приветливо, радушно, хотя и не знали, кто они и откуда,— таков закон и обычай степи. Свадебный обед подходил уже к концу, и скоро с улицы послышались голоса;

— Байга, байга!

Из всех землянок народ высыпал на улицу. В толпе Кожак встретил Бирке, Жунуса и Алкена, и вместе с Бекарстаном

и приехавшими с ним друзьями они составили обособленную группу.

Жунус, оказывается, выставил свою лошадь на скачки. В группе Кожака был жигит Бирмен — парень простой, беспечный и легкомысленный. Он, поддавшись настроению праздника, решил пустить на скачки и свою немудрящую лошаденку, к тому же совсем не подготовленную для скачек. Несмотря на все угрозы товарищей, он нашел мальчика-наездника и с гордостью провел лошадь под общий хохот к месту сбора.

Казахская байга назначается на большие расстояния — верст на тридцать, на двадцать: скачут в степь до условленного места, поворачивают там обратно, и финишем считается исходная точка. Под крики зрителей наездники сорвались с места и исчезли в снежной пыли.

В ожидании их возвращения, народ решил открыть традиционную борьбу. Владелец скакуна, вызвавшего хохот, Бирмен, так увлекся происходящим, что решил попытать счастья и в борьбе. Из-за пристрастия его к борьбе друзья шутя называли его палуаном¹, и в минуты увлечения он и сам верил, что он настоящий палуан. Его вытолкнули в круг, противником его выставили известного борца с богатырским телосложением. Разумеется, схватка решилась не в пользу Бирмена, но, почесываясь и охая, он, не смущаясь, стал ожидать возвращения скакунов.

Наконец, кони показали вдали. Впереди, далеко обогнав остальных, мчались два скакуна, — конь Жунуса и гнедой, стяжавший себе славу конь Шалкана, сына бия Балгазы.

Шалкан, уверенный в победе, надменно пробирался через толпу вперед, лихо сдвинув набекрень лисий малахай.

— Назад, Шалкан! — вызывающе остановил его Жунус. — Чья лошадь придет первой — увидят все, не торопись!

И действительно, лошадь Жунуса стрелой пролетела мимо финиша, опередив знаменитого скакуна. Несмотря на то, что все это видели, Шалкан стал оспаривать приз, указывая, что после финиша его конь все-таки обогнал жунусовского. Жунус горячо протестовал и доказывал свою правоту. Шалкан замахнулся камчой.

— Вот тебе приз, негодный медеу! — закричал он и ударил его камчой. Жунус кинулся на него, началась свалка, но их растащили.

— Подожди, собака, — кричал Шалкан, — мы поотбирали у вас, у медейцев, жен и земли, доберемся и до ваших голов!

Произошла бы общая драка, но внимание всех отвлек старик Смаил, случайно попавший на свадьбу. Он был обижен тем, что

¹ Палуан — профессиональный борец.

его обошли при раздаче свадебных подарков: по обычаю, ему как старейшему полагался халат. Он вопил на весь аул. Наконец кто-то догадался принести ему извинение и подарить какой-то пустяк.

На свадебной вечеринке Кожак сидел грустный. Ему невольно вспомнилась вечеринка у Сергазы, образ Гайши встал перед ним. Он не шутил с девушками, не пел песен, безучастно смотрел на окружающих и сидел, погруженный в свои думы.

В разгаре игр в комнату вошел Шалкан. Он оглядел молодежь и властным тоном потребовал, чтобы жигиты-медейцы покинули вечеринку. Бирке вскочил, готовый дать ему отпор, но их окружили, уговаривая и того и другого, и, наконец, заставили Шалкана оставить медейцев в покое. Уходя, он пригрозил:

— Подождите! Я еще вам покажу!

Игры возобновились, началось шумное веселье. Уж занималась заря, когда собрались расходиться. Гостей одарили обычными подарками от жениха: Бирке, Жунус и Кожак вместе с товарищами решили остаться еще на один день и участвовать в проводах Урии в аул жениха. Это был только предлог, на самом деле им во что бы то ни стало хотелось столкнуться с обидчиком Шалканом.

Шалкан был женат на единственной дочери Турлукула. Все, что было связано с ненавистным именем Турлукула, было ненавистно нашим жигитам. Кроме того, Шалкан, отстаивая честь своего знатного тестя, все время оскорблял медейцев и придирался к ним, и они решили проучить наглеца и задеть этим и самолюбие бая.

Утром следующего дня случай этот представился. Человек тридцать жигитов и девушек собрались верстах в трех от аула, чтобы проводить Урию, пожелать ей счастья и, по обычаю, получить от жениха выкуп за увозимую из аула невесту. Большинство их было из бедняков, сочувствовавших Бирке, вместе с ним они были озлоблены выходками Шалкана, верного пса их вечного угнетателя — бая Турлукула.

Долго ждать не пришлось. На дороге показались всадники — это ехал Шалкан в сопровождении десяти жигитов из аула Турлукула. Все они были хорошо одеты, на головах лисьи малахаи, под всадниками — сытые, добрые кони. За ними ехали сани с невестой и с провожающими. Жигиты-медейцы преградили дорогу, поздравили молодых и в обычной шуточной форме потребовали выкупа.

— Какой вам выкуп? — закричал Шалкан. — Не вам, босякам, требовать выкупа за невесту из аула Алтыбая и Турлукула!

— А что за важность ваши аулы? — возразили медейцы. — Обычай обязателен для всех.

— Дорогу! — вскрикнул Шалкан, подымая камчу. — Что за шутки с Турлукулом? Забыли вы, что ли, как он среди белого дня отнимал у вас жен и земли?

Слова Шалкана, как кнутом, стегнули жигитов. Жунус первым бросился на него с плетью, Кожак — за ним, и на гордого мурзу посыпались удары. Окровавленный, он свалился с седла.

— Кончайте, на первый раз хватит! — остановил жигитов Берке. — Придет время, посчитаемся еще!

Медейцы повернули и поскакали прочь от валявшегося в снегу Шалкана.

Вернувшись домой, Кожак занялся работой по хозяйству, торопясь освободиться для свидания с Гайшей. Утром назначенного дня он оседлал коня и выехал, сопровождаемый дружескими напутствиями невестки. По дороге он решил заехать к Бирке и Жунусу.

Бирке сообщил ему, что аксакалы рода Медеу не могут забыть обид, нанесенных медейцам Турлукулом, и ищут случая отомстить за все. Зная, что Гайша выходит за него замуж против воли, они считают, что похищение невесты было бы хорошей отмсткой баю. Они всячески помогут жигиту, который решится на это.

— Когда мы узнали о решении аксакалов, мы сразу подумали о тебе, — закончил Бирке. — Как ты смотришь на это, скажи откровенно?

— Ты угадал мои желания и мысли, — ответил Кожак. — Я сам давно мучаюсь, как все это сделать. Теперь, когда вы обещаете мне помочь, я готов на все. Я верю вам, вы не подведете!

Они крепко пожали друг другу руки, и Кожак поехал дальше.

Сергазы с радостью принял его. Пошли взаимные приветствия, расспрос о здоровье домашних, подали чай. За чаем Сергазы спросил жену:

— О чем вы давеча говорили с Гайшей?

— Я звала ее вечером к себе пошить с ней вместе кое-что, — с хитрой улыбкой ответила она, взглядывая на Кожака.

— Чего же она не идет? Пошли за ней.

Кожак несказанно обрадовался, близость свидания с любимой взволновала его. Хозяйка подозвала пастушка и послала его за Гайшей. Скоро появилась и она сама. Увидев Кожака, она вся зарделась от смущения и счастья и села рядом с хозяйкой.

Выражать свои чувства в присутствии посторонних влюбленные не могли. Из скромности они даже стеснялись смотреть друг

на друга, но внимательный наблюдатель мог бы заметить, как тянуло их друг к другу.

После ужина долго сидели за общим разговором, наконец наступило время сна, и хозяин с гостем улеглись, а Балкумус с Гайшей остались в передней комнате за шитьем. Сергазы тихо, так, чтобы не слышали его женщины, заговорил:

— Гайша все время ходила к нам, она ничего не скрывает от Балкумус. Дела твои, кажется, налаживаются... Что думаешь ты сам? До лета ведь недалеко, Итбай скоро начнет готовиться к свадьбе.

— Не знаю, как и быть, — ответил Кожак. — Я жизнь отдать готов за Гайшу. Но человек я бедный и не здешний, родичей у меня тут нет. Если Турлукул не считается с целыми родами и все окрестное население держит в кулаке, что я могу поделаться с ним?.. Посоветуй.

Сергазы задумался.

— Увезти Гайшу, оставив здесь дом, нельзя, — сказал он. — Тогда здесь мигом разделаются с твоим братом и его хозяйством. Я думаю вот что. С наступлением весны вам нужно откочевать отсюда на родину, и тебе, и брату с его семьей. Потом возьми с Кокчетава такого же молодца, как ты, приезжай сюда и увези Гайшу. Ты сам знаешь, что население не на стороне Турлукула. Турлукул, сват его Байгазы, приятель его Курмангалий, все эти бии и управитель сидят на спинах забитого народа, и никогда в народе не найти им сочувствия. Наоборот, при удобном случае, каждый готов схватить их за глотку... Конечно, Турлукул примет все меры, чтобы вернуть невесту. Но не забудь, что у тебя на родине, в Кокчетаве, немало родственников, да и род ваш не из слабых, в обиду тебя там не дадут. А здесь — поговори с медейцами, все они точат на Турлукула зубы, особенно молодежь — Алкен, Жунус, Бирке, они всем готовы пожертвовать, чтобы насолить баю. Поговори с ними откровенно...

Кожак поразился, как Сергазы угадал то, что говорили ему медейцы. Он сообщил ему, что с Жунусом он уже говорил и что тот обещал ему помощь всех медейцев, даже аксакалов. Они обсудили план действий, порешили, что брат Кожака немедленно начнет собираться на родину, и, наконец, Сергазы уснул.

Женщины кончили работу, Балкумус пошла спать, и Кожак остался наедине с Гайшей. Некому было мешать их разговорам и ласкам. Занялась заря. Кожак собрался в путь, чтобы в ауле не знали о его приезде.

Гайша вскарабкалась на крышу дома и долго смотрела ему вслед, пока он не скрылся за холмами. Будущее пьянило ее любовью и свободой.



Сабит Донентаев

(1894—1932)

Родился в семье бедного крестьянина Павлодарской области, учился в татарской школе в г. Уфе. Начал писать мелкие сатирические стихи в 1913 году. В 1915 году выпустил сборник стихов «Мелочи», сразу давший ему славу поэта. Уже тогда в форме басни и сатирического иносказания поэт высмеивал деятельность националистов, забывавших о народе. После революции Донентаев бесповоротно становится на сторону советской власти, свои стихи он посвящает новой жизни казахского аула и Великой пролетарской революции.

ПАСЫНОК

У бая умер младший брат.
«Так богу надо», говорят.
Бай в жены взял келин
И с нею сын был приведен.
Ну что же, разве хуже он,
Чем бая старший сын?

Приемыш вырос, взрослым стал,
А бай и думать перестал
О найме батрака:
Сиротка, помня доброту,
С утра до вечера в поту
Работал за быка.

Без жалоб, не прося помочь,
Ворочал парень день и ночь.
И просьбу лишь одну,
Стеснясь сам, передавал
Через людей: чтоб подыскал
Отец ему жену.

А бай твердил из года в год:
«Женю, лишь осень подойдет...»
«Женю, лишь будет май,
Мне без работника — беда...»
А что «беда» была всегда —
В том невиновен бай.

Была зима. И сквозь пургу,
По горло в бешеном снегу,
Засыпавшем следы,
Спасая табуны коней,
Скитался парень десять дней
Без сна и без еды.

Когда же перестал буран,
С трудом приплелся он на стан
И лег передохнуть;
Но лежа — только больше мерз:
Стоял такой лихой мороз,
Что боль ломила грудь.

Тогда скорей в аул скакать
Решил, но трудно было встать,
Чтобы пуститься в путь:
Окаменела вся спина,
Из ног сгибалась лишь одна,
Другой — не шевельнуть.

С тех пор не поправлялся он
И, подавляя тяжкий стон,
Чтобы мученье скрыть,
Смотрел, как таял грязный снег...
К могиле стало по весне
Приемыша клонить.

Сзывает бай друзей своих,
Совета попросить у них:
«Чтоб сирота совсем
Не истомился, может быть
Его нам следует женить?»
«Женить!» — решили все.

Пошли (легко умеет всяк
Махать руками после драк!),
Сосватали. Больной

Был должен радоваться... но
Язык его умолк давно,
Он лишь махнул рукой.

А бай своею добротой
Был умилен: «Теперь больной
До глубины души
Доволен, раз махнул рукой...»
Но то ли значит жест такой,
Кто это разрешит?

1916

ЖАВОРОНОК

Как-то кобчик жаворонку крепко досадил,
Но поддержки жаворонок ни в ком не находил,
И решился он чоглоку ¹ жалобу подать,
Чтоб чоглок обидчика строго осудил.

День-денской за чоглоком он всюду летал,
Над землею стелился, к облакам взмывал,
Слезно моля бога душу ему сохранить,
Наконец, он чоглока на лугу отыскал.

На каком-то бревнышке чоглок сидит,
Еле-еле дышит, так зоб набит,
Сидит, словно каменный, не шевелясь,
Только глазом ворочает, за кем-то следит.

Поклонился жаворонок ему, едва дыша,
От страха чуть держится в нем душа,
Рассказал он чоглоку, как обидели его,
Рассказал все подробно и не спеша.

Не дослушав жаворонка, чоглок изрек:
«Разве подождать ты немного не мог?
Не видишь, я занят делом сейчас,
Не сдохнешь, потерпишь еще денек».

Раз вельможа так говорит,
Кто вельможу переубедит?
Полетел жаворонок прочь, в кусты,
Видит — в кустах перепелка сидит.

¹ Чоглок — малый сокол-самец.

Перепелка шепнула: «Лети сюда,
Взгляни, что там делает моя беда?
Чоглок, злодей, сидит на бревне
И смотрит, и смотрит, и смотрит сюда.

Поймал он и съел дружка моего,
Боюсь, что и мне не уйти от него.
Сбежала в кусты, вот сижу и дрожу,
И нету защитников никого!»

Охнул наш жаворонок-простак,—
«Значит, чоглок, как и кобчик,— враг?
Видно, не ждать от него добра.
Полечу-ка я к ястребу, если так!»

В поиски ястреба бросился он,
Чтоб рассказать, как он был обойден.
Видит — на озере уток тьма,
Слышит утиный жалобный стон:

«Спасайтесь! Ястреб! Беда! Беда!»
Он видит — покачивает вода
Ястребом брошенных мертвых чирков.
«Куда же лечу я, — он вскрикнул,— куда?

О, где же найду я к правде пути?
О, как мне душу свою спасти?»
Он вспомнил — могучий, как бек-зада,—
Есть сокол. Его он решил найти.

Он долго летал и долго искал,
И голод жестокий его донимал.
Нашел и увидел: его «бек-зада» —
Под тополем жирного гуся терзал.

О горе! Владыка, кто думать бы мог?
Нет, видно, мы к правде не сыщем дорог,
Защиты ничьей не дождется бедняк,
Терпи же, терпи, как советует бог.

Так бедный жаворонок скорбел,
Он дважды всю землю вокруг облетел,—
Царя всех пернатых решил он найти,
Он беркуту жаловаться хотел.

Нашел ли он беркута в доме его,
Боль сердца умерил ли своего,
Доволен, спокоен, и где он теперь?
Я больше не слышал о нем ничего.

ВОЛКУ, НАЕВШЕМУСЯ ЯДА

Так писано и волку на роду:
Удачу знать не каждый день в году.
Еще вчера, когда тебе везло,
Не думал ты, что попадешь в беду.

По всей земле нет уголков таких,
Где б ты не рыскал в поисках своих.
Для всех живущих, даже для друзей,
Ты был «батыр», проглатывавший их.

Еще недавно мог ли кто шепнуть,
Что будешь слабым ты когда-нибудь?
Но все теперь осталось позади,
Могущества былого не вернуть.

Едва таская ноги от невзгод,
Теперь лишь вспомнил ты про «свой народ»,—
Бей сам себя; к беде тебя вели
Твой жадный зоб и ненасытный рот.

Но где же польза от разбойных дел?
Ты выбросил обратно все, что съел!
Чужой среди народа своего,
Несчастен ты, и горек твой удел!

НАЦИОНАЛИСТУ

«О, мой народ! О, мой несчастный брат!»
Так ты твердишь немало лет подряд.
Когда тебе опасность не грозит,
Ты жизнь свою отдать народу рад.

Покамест сыт — хлопочешь ты весь день,
Помочь готовый всем, всегда, везде.
Но лишь беда постигнет твой народ,
Ты исчезаешь сразу, словно тень.

С утра до ночи говорит твой рот,
Ты все оберегаешь свой народ,
Советуя ему, как надо жить,
А сам жиреешь за его же счет.

Когда «возьмись за дело!» — говорят,
Ты пятишь своего коня назад,
Любое дело на словах вершишь,
А руки неподвижными висят.

Среди народных бедствий и невзгод,
Оберегая только свой живот,
Как можешь, не стыдясь, ты говорить,
Что поднимал и возглавлял народ?

Пусть замыслы твои всегда чисты,—
Не чувствует народ их чистоты,
И это будет до тех пор, пока
Народу делом не поможешь ты.



НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

*Схватившийся за две лодки — обязательно
утонет.*

*Пятна у пегого скота — снаружи, пятна
у дурного человека — внутри.*



Султан-Махмуд Торыайгыров

(1893—1920)

Поэт, романист и публицист, родился в бедняцкой семье в Павлодарской области, получил образование в татарской медресе. Разойдясь идейно с редактором журнала «Ай-Қап», где он работал после школы, Султан-Махмуд задумал основать свою газету. Отсутствие материальной базы не дало возможности осуществить это, и Султан-Махмуд стал учителем в ауле.

Писать начал в 1912 году, связав свое творчество с освободительным движением казахского народа. Творческое его наследие — две поэмы: «Заблудившаяся жизнь» и «Бедняк», два незаконченных романа: «Красавица Хамар» и «Кто виноват?», около трехсот стихотворений.

Творчество Султан-Махмуда явилось новым этапом казахской литературы, в которую он ввел политически-насыщенные стихи и публицистический роман, впервые освещая тяжелую жизнь казаха-пролетария, шахтера и рабочего.

ОДНОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Семейных ценностей музей, веков минувших лик,
Нам показал в своем доме один седой старик.
«Вот здесь медаль,— он говорил, — вот дедовский халат,
Смотрите: золотом горит узорный воротник».

Я думал: «Предки у него, одним увлечены,
Хватали, совесть запродав, награды и чины...
Как все же дорого они ценили честь свою:
Нашивки, пуговики, тряпье, кухонные чаны!»

Я думал, видя пред собой портреты гнусных лиц,
Что оплатил народ чины кретинов и убийц
Ценою слишком дорогой, что пуговицы их
Должны давно бы получить известность без границ!

«С халатом поздравляю вас, — сказал я, — от родни
Досталось вам хранить посев; он вырос в наши дни.
Родимых пятен вам не смыть, в них ваших предков кровь,
И вы пожнете все сполна, что сеяли они!»

Я безучастным быть не мог, бродила злость во мне,
И золотой посуды блеск я видел, как во сне,
Все думая: «Какой бедняк все это оплатил
И чей ребенок голодал и плакал в тишине?..»

ДУМЫ УЧАЩЕГОСЯ

На темное небо казаха взойду,
Хорошее, новое солнце найду
И там водружу, чтоб светило оно
В отмщение за темноту, —

Чтоб народа стынувшая кровь
В солнечных лучах согрелась вновь.

И труд расцветет, как в долинах цветы,
Откроет пути, перекинёт мосты
К народному счастью, — и солнца лучи
Осушат моря темноты,

И трава зеленая взойдет,
Чтоб стада откармливал народ.

Для бая пузатого и для муллы
Подобные дни будут слишком светлы,
И станут они защищать темноту,
Но мы до конца осветим все углы, —

И уже не замутит слеза
У подруги черные глаза.

СЛЕПОЕ ДЕРЕВО

Стояло слепое дерево тысячи лет подряд.
«Не трогай меня,— говорило оно, — если не хочешь в ад!»
Слуги его грозили всем: «Грехи вас не пустят в рай!
Лишь тот, кто пожертвует нам стада, увидит небесный сад,
Где гурий любовь, словно мед, сладка». И темный, простой народ
Работал для дерева день и ночь, пустой подтянув живот,
И червь — вместо гурий — любил его за гробом, а на земле
Тянулся к бесплодному дереву он, страдая из рода в род.

Я — РЕБЕНОК

Я — ребенок. Тепло обняла меня мать,
Ее белую грудь мне спокойно сосать,
Ее руки — пусть даже запачкаюсь я —
Так же ласково будут меня обнимать.

Я невинен, как свет лучезарного дня.
Что такое несчастье, обман, западня,—
Я не знаю. Я делаю то, что хочу,
Не боясь, что за это накажут меня.

Что такое любовь, если каждый мне друг?
Что такое печаль, недовольство, испуг,
Хитрость, зависть, коварство? — не ведаю я,
Все мне близко и мило, что вижу вокруг.

Я не знаю совсем пресмыканий, мольбы,
Власти, бога, законов, велений судьбы.
Что б ни сделал я — верю, что это должно
Только так, а не иначе сделано быть!

Я — ЖИГИТ

Я жигит настоящий с пятнадцати до тридцати.
Много дать я могу в эти годы и много найти,
Мир, простой и доступный, как будто кричит: «Выбирай:
Пред тобою открыты все тайны мои, все пути!»

Как цветок распутившийся, облик волнующий мой:
Очи — звезды лучистые, зубы — снежинки зимой,

Красотою и радостью юноша светится весь,
Гибкий, черноволосый, и станом — как пальма прямой.

Каждый день прибывая и силясь найти себе путь,
Беспокойная мощь распирает широкую грудь.
Начинает казаться возможной любая мечта,
И волнуется кровь, по ночам не давая заснуть.

Закипевшие страсти душа удержать не вольна,
Сердце рвется куда-то в неясную даль, где весна,
Сердце ищет любви, неустанно подругу зовет,
Хоть не знает еще, кто она — и какая она?..

ДЛЯ ЧЕГО ЖИВУ

Пустыни, где нет ни травы, ни куста,
Озера, где влага от соли густа,—
Покамест мы их не пройдем до конца,
Не станет для волка сestroю овца,
И жизнь наша будет без дружбы пуста;
Пока человечность в душе подрастет,
Пока все дурное снаружи — сойдет...
И только очистившись, к жизни иной —
Большой, настоящей — пробьется народ.
И много волос поседеет в пути,
И много идущих земля поглотит,
Немало засохнет измученных жил,
И многих друзей будет нам не найти.

Живу не за тем, чтоб, посеяв цветы,
Увидеть расцвет их живой красоты:
Живу, чтобы песней потомкам помочь,
Чтоб были пути их легки и просты.

НЕНАСЫТНЫЕ КРОВОПИЙЦЫ ГОРОДА

Разве только в аулах работал я?
Разве чужд мне города горький яд?
Разве я годы не жил под землей,
Добывая то, что таит земля?

В темных шахтах, мертвец живой,
Рубил я уголь тяжелой киркой,
Угольною пылью я годы дышал,
Пот омывал меня едкой струей.

Возводил я насыпи для железных дорог,
Камни дробил и таскал песок,
С восхода и до захода солнца работал я,
Копейки сберечь, как ни бился, не мог.

Таяли деньги, что добывал в поту,
Разве без взятки работу дадут?
Разве отец мой не голодал?
Разве мать не терпела нужду?

Долг за одежду и за сапоги,
Долг, — ведь зимой брали круп и муки,
Брали на рубль, — но у лавочника свой счет, —
Вдесятеро вырастали наши долги.

Случалось, не хватит двух-трех рублей, —
Лавочник скажет: «У коровы твоей
Будет теленок, за долг мне отдашь!»
Нашей бедою жирел богатей.

Едва лишь в вола превратится телок,
Душитель спешит: «Отдавай-ка должок,
Или мне отслужи!» Так вот из года в год
Ему отдаем свой последний кусок.

Разве мог я не делать долгов всегда?
Разве меня не толкала нужда?
Когда я не мог ступить на вороний шаг, —
Разве не добивали меня тогда?

СРАВНЕНИЕ СЕБЯ С МУРЗАМИ

Резвится Жакуп без забот день-денской,
Не в час ли один родился он со мной?
Обмылка, чтоб вымыть меня, не нашлось, —
Его мыли мылом и теплой водой.

У матери не было даже «калжи»,¹—
Отец пошел к баю: «Не откажи,
Продай мне барашка!» Сказал ему бай:
«Плати, а за милость потом отслужи».

В рожденье Жакупа, как в праздник, был той,
Все аулы наелись, не только что свой,
Дарили подарки и брали дары,
Мулле был подарен скакун молодой.

И дядюшки, тетушки — все с ним добры,—
Понавезли ему дружно дары,
Жакупу — ишаны, муллы и хаджи
На благословения были щедры.

И при обрезаньи устроили той,
И кровь жеребья струилась рекой.
Скот резали к свадьбе, и столько скота
За век не добудет бедняк никакой.

Приставили няньку — люльку качать,
Ему все желали жигитом стать,
Меня же кусали в качалке вши,
Наш бай попрекал мной несчастную мать.

Была моя жизнь, словно ночь, черна,
Никому моя жизнь не была нужна.
С детства я слышал лишь байский крик:
«Отдайте скорей мне долги сполна!»

Я к голоду, холоду с детства привык,
Подушка — седло, одеяло — потник,
Болея я, — родные бросали меня,
Спеша на хозяйские ругань и крик.

Когда же, случалось, Жакуп болел,—
Все беспокоились, всякий скорбел,

¹ *Калжа*—традиционный ягненок, закалываемый для родильницы.

К нему прибегали муллы, лекаря,—
И денег никто для него не жалел.

В подростка едва превратился Жакуп,—
Он стал с бедняками надменен и груб,
Он весь превратился в котел для жратвы,
Без дела шатался, доволен и туп.

Когда начинали с ним в бабки играть,—
Всегда он старался всех нас обижать.
Он крал наши бабки и ябедничал,
И нас же ругала его злая мать.

На слуг подымал он, крича, кулаки:
«Собака, надень мне скорей сапоги!»
Соседских ребят он до слез доводил,
Немало стерпели обид старики.

Вот стал он жигитом, он в юрте лежит,
Кумыс попивает, доволен и сыт,
Бездельник не знает, что делать с собой,—
Зазорно бранится, на домбре бренчит.

На добром коне, на охоту, как псов,
Он гонит с собою толпу бедняков.
И люди едва поспевают за ним,
Измучены жаждой, по зыби песков.

Он девушкам мимо пройти не дает,
И каждая молча обиду несет:
Ведь он богатей, и своих же быков,
Овец и коней — он и сам не сочтет.

Жадней и жаднее он день ото дня,
Чужую собаку, чужого коня
Он правдой-неправдой добудет себе,
Попросят его, — скажет: «нет у меня».

Он тяжбы заводит, клеветает и лжет,
Он в городе взятки вельможам дает,
И суд в его пользу решает дела,—
Издержки свои — он с народа дерет.

БЕДНЯК

(Глава из поэмы)

Травы — осени посеребрила рука,
Над ночною землей плывут облака.
Ночь темна. Сторожу я с собакой овец,
И ни одного в темноте огонька.

Вся одежда — лохмотья, я почти что раздет,
И другой у меня не бывало и нет.
Я трудился всю жизнь, и все же я нищ,
Хоть и больше полсотни мной прожито лет.

Холодно мне здесь, в степи, без огня,
Вши заедают, и не было дня
С самых пеленок — лохмотьев купи¹,
Чтобы эти вши не терзали меня.

Чем согрешил я, еще не родясь,
Что обречен я на муки и грязь
С раннего детства? Сыта мною вошь,—
Сам же я не был сыт отродясь.

Мне говорят: «Ты трудись, не ленись,
Потом свой хлеб заработать стремись,
Бай в благодарность одарит тебя,
Хлебом и кровом, а ты лишь трудись».

Доброе детство — утеха людей.
Детство — когда без забот и затей
Ловишь куруком ягнят и телят,
Лук изгибаешь из камышей.

Детство — когда деревянным мечом
Ты начинаешь войну с камышом
(Игры — как пища для детской души),
Разве я знал это в детстве своем?

Только и слышал: «Чертенок, назад!
Бездельник, ты баловаться только рад!»
Байская спину стегала камча,—
Чтоб пас я прилежнее байских ягнят.

¹ Купи — стеганная на вате одежда.

Но прежде, чем сделался я пастухом,
Возился я с маленьким байским сынком,
В тележке таскал его, вместо коня,
Довольствуясь брошенным хлеба куском.

С рождения вечно я голоден был,
У матери, плача, я пищи просил,
Из байской похлебки украдкою мать
Давала мне косточку с ниточкой жил.

«Скорее, сынок мой, спеши прожевать,
Увидят — опять меня будут ругать,
Глотай же, глотай, — торопила она, —
Ведь кто-нибудь может тебя увидеть».

Я с детства охвачен мечтою одной, —
Наесться досыта хорошей едой,
Всю жизнь, словно вол, день и ночь я тружусь,
И все же мечта остается мечтой.

Ревел ли буран на промерзлой земле,
Когда и свой нос не увидишь во мгле,
Гремели ли грозы и лили дожди,
О, мог ли остаться я в доме своем?

Мороз мне одежду деревянил,
И ветер холодный мне тело студил,
И ныла спина, и кололо в груди,
От боли в ногах мне не было сил.

Холодный, голодный, я плелся домой,
Но разве был добр мой хозяин со мной?
Бросал, как собаке, остатки еды,
Ругал ненасытной и жадной свиньей.

Не я ль ему сено все лето косил?
Не я ль рыл колодцы и стадо поил?
Я глину месил, строил дом для него,
Я доски для крыши из леса носил.

Не я ль ему кошмы руками катал?
Не я ль стриг овец и клещей убивал,
Во время кочевок носил сундуки
И молча все слушал, что б он ни сказал?

Варил ему пищу, доил я коров,
А ночью, как пес, сторожил от воров,
Топил ему печи и грел ему дом,
Таская дрова с отдаленных холмов.

Я мыл и лелеял, как деток отец,
Покрытых червями и вшивых овец,
Я воду носил для питья, для белья,
На плече натирая кровавый рубец.

Я пас лошадей, утопая в снегу,
Валялся, как пес, на промерзшем лугу.
Не раз от буранов спасал лошадей,
От голода, стужи сгибаясь в дугу.

И в лютую стужу во мраке ночном
Мы вместе с собакой овец стережем,
Пугая воров, я кричу до зари,
А бай в теплой юрте спит сладостным сном.



НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

*Чем невежественнее народ, тем пышнее
чалма у муллы.*

*Бык эсиреет на хорошей траве, мулла —
на покойниках.*

Два муллы — один человек.

Богач богачу дает — ручей в ручей течет.

*Ячмень и пшеница — пища, золото и се-
ребро — только металлы.*

*От хорошего остается слава, от плохого —
пыль.*

*Брошенная дубина попадает в лоб не-
счастному.*

*Кому не везет, того собака и на верблюда
укусит.*

ПЕСНИ ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА



В июне 1916 года царское правительство издало указ о призыве казахов в возрасте от девятнадцати до тридцати одного года в армию для выполнения прифронтовых работ. Эта мобилизация и связанные с нею злоупотребления байских ставленников — волостных управителей, составлявших списки мобилизуемых исключительно из аульной бедноты, а также и предательство националистов, всеми силами старавшихся обеспечить выполнение царского указа, вызвали восстание, переросшее в гражданскую войну. Народ выдвинул героических руководителей восстания — Амангельды, Жалбыра, Бек-Болат и других. Борьба с карательными отрядами, посланными в степь, продолжалась до Февральской революции. В народе осталось множество песен, сложенных повстанцами.

ПАЛАЧИ

(Народная песня)

Носятся слухи над степью,
Слухи о горе людском.
Погиб Айтхожа под плетью,
Умер Узах под штыком.
Над синей волной Иссык-куля
Жаркая схватка была —
От царской смертельной пули
Жигитов толпа легла.
И в Караколе кровавом

Над пленной жертвой своей
Вершили власти расправу
За сталью тюремных дверей:
Покорно стреляли солдаты
В тюрьме, среди каменных плит,
И падали делегаты,
И кровью был двор залит,
И к ночи тюрьма опустела,
Свалили убитых в овраг,
И, кончив ужасное дело,
В аулы помчался наш враг.

ГОРЕ НАРОДНОЕ

(Отрывок из народной поэмы)

Куда я направлюсь, к кому я пойду?
Где слова возмущенья для песни найду?
Где слова утешенья для братьев найду?
Куда из степей разоренных пойду?

Здесь дети смеяться отвыкли давно.
Здесь жить, не боясь, никому не дано.
Здесь овцам без страха пастись не дано.
Здесь ветхие юрты пустуют давно.

А дети и жены кочуют меж скал.
В бесплодных горах я их долго искал.
Невест, матерей и детишек искал —
И к ночи нашел их в слезах между скал.

Сначала увидел — шальную лису,
Потом ребятишек увидел в лесу,
И девушек после увидел в лесу —
Они в карагане ловили лису.

Пусть даже всю степь я кругом обойду,—
Везде только раны и слезы найду,
Отрепья, и холод, и голод найду,—
Куда ни пойду я, куда ни приду.

Отчаялись люди, пал духом народ,
Для смеха никто не откроет и рот,

Привычная пища не лезет в рот,
В тоске отощал, почернел мой народ.

Здесь с волком, как с лошадьё, люди живут,
И есть привыкают сухую траву,
Кладут в изголовье сухую траву,
И кони, как дикие звери, живут.

Сыграй же о горе народном, домбра!
Давай пожелаем кедеям добра,
Поищем в степи для кедеев добра!..
Но пальцы не гнутся. Не звякнет домбра.

Ой, враг ты свирепый, вот плод твоих рук:
Чем слезы голодных детишек утру?
Чем слезы невест овдовевших утру?
Враг, помни — не минешь и ты наших рук!

Луна бледнолицая в небе встает.
Полночная птица в утесах поет.
Над трупом шакал заунывно поет.
Я ухом ловлю, как народ мой встает.



Народный акын
Кулбаш

**ПИСЬМО
АБДРАХМАНУ И ЕГО ОТВЕТ**

1

О, старший мой брат Абдрахман,
Прими нижайший поклон:
Прочти, мудрый, строчки письма —
Не лесь то, не праздный звон.

Ты видел указ царя,
Ты дней тесноту узнал.
Недаром ты, гневом горя,
Открыто все написал.

Испортились времена
Под тяжестью царской руки.
Чего ждать от власти нам?
Для власти мы — ишаки.

Сердца к ней злобой горят,
Жигиты восстанья ждут, —
Не подчиниться хотят
Указу — а в бой пойдут.

Он принят — Усмана призыв!
Посланцы от Амангельды
Приехали, нас оживив.
Мы стали собирать ряды.

Своих всех созвали мы,
Мы все — как один человек.
Один, под покровом тьмы,
Сбежал сын Теке — Алимбек

И с ним старший брат. Тебе
Известны их, подлых, следы.
Себя предоставив судьбе,
Они исчезнут, как дым.

Гнилые — иль к власти бегут
(Чужды им народа пути),
Иль бродят то там, то тут,
Не зная, куда итти.

Никто не изменит из нас,
Никто не дрогнет, о, нет.
Вестей новых ждем от вас.
Пишите. Горячий привет.

2

Кулбаш! Получил твой поклон.
Ошибки в словах твоих нет:
Народ, коль не дрогнет он,
Дождется счастливых лет.

Мы к бою готовы, как ты.
Жигиты бодрствуют, брат.
Расчесаны гривы, хвосты,
Под седлами кони стоят.

Да — в город ушли и от нас
Враги и гнилая слизь.
Но те, кто остался, — сполна
Борьбе отдадут свою жизнь.

И от кипчаковцев весть,
Мой брат, получил я, — они
Всех нас, как это и есть,
Считать своими должны.



Акмал Каржаубаев

ПИСЬМО

Караван гусей прилетел
На безводный остров — и сел
На твердой земле отдохнуть
Перед тем, как тронуться в путь.
Ни кусточка нет на земле,
Ни листочка нет на земле...
Как подняться гусям над землей?
Сторожит их охотник злой,
Жалость он позабыл давно.
Ты не скажешь ему: «грешно!»
Ты не тронешь его мольбой.
И гогочут гуси во мгле,
Рвутся все в поднебесный простор,
Рвутся к шири родных озер.
Но ты разве посмеешь сказать,
Что придет к ним весна опять?

Стая села передохнуть,
Перед тем как тронуться в путь.
Коли будет не дождь, а снег,
То и грязи не будет вовек;
Коль спасется гусь от стрелка,
Он в апреле начнет свой лёт...
Хоть дорога и далека,
Он к озерам дорогу найдет.
Но пока в поднебесный простор
Сквозь туман не взвоется гусь,
Но пока до родных озер
Вольный не донесется гусь, —
Будет скорбен казахский народ!



Бзаубак

ПРИЗЫВ АҚЫНА БЗАУБАҚА К ВОССТАНИЮ

Царь Николай растерян и смущен:
Войска врагов идут со всех сторон.
Немало есть и внутренних врагов, —
Враги повсюду, и в смятении он.

А царедворцы жалкие кричат,
Советы подают — все невпопад,
Хотят забрать всю нашу молодежь, —
Своих им недостаточно солдат!

Пускай сейчас мы подчинимся им,
Пошлем полки мы к рубежам чужим, —
Царь все равно нас будет угнетать,
Хоть за него и жизнь мы отдадим!

Тебя, народ мой, испытанье ждет,
Чело твое покрыл холодный пот...
Но если, как один, восстанем мы, —
Нас всех не истребить, о, мой народ!

Нет сострадания в царском сердце, нет!
Казахи! Дайте же царю ответ!
Ужели стоит рабьей жизнью жить,
Чтобы преклонных лишь достигнуть лет?!

Послушай, что акын тебе поет:
Тебя от царских рук погибель ждет,
Хотя бы сына отдал ты царю...
Иди же на царя войной, народ!..

И скот, и жизнь мы в жертву принесем,
Неволи дом мы обречем на слом,
Держать народ наш в рабстве хочет царь,
Но царские мы цепи разобьем!

Храни, казах, простор родных равнин!
Что пользы ныне от твоих старшин?
Чем на чужбине голову сложить,
Погибни здесь, народа верный сын!

Где ж аксакалы, мудрые вожди?
Иль силы больше нет в руках? Гляди!
Красу твою, народ, ведут к царю!
Что ж ты молчишь? Иль сердца нет в груди?

Мы не владеем собственной землей!
Скотину отнимает недруг злой!
Всего мы, братья, ныне лишены!
Восстаньте же! Без страха — все — на бой!

О, юноша! Ты родины краса!
Час наступил! Внемли, гремит гроза!
Сядь на коня, и пусть сверкает сталь
В руке твоей, как смертная коса!

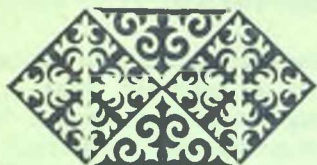
День испытаний тяжких настает...
Сходитесь все! Смыкай ряды, народ!
Не верьте трусам, сдавшимся врагу!
К оружию! Нас родина зовет!

О, мой народ! Ты горд, силен, ты жив!
Услышь мой клич, горячий мой призыв!
Ты счастлив будешь после жарких битв,
Врагов своей свободы победив!



НАРОДНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

*Слезинки народа могут образовать озеро.
Одинокому жигиту бием не быть, оди-
нокому дереву домом не стать.
Много лисиц выроют себе нору и ушами.
Слово народа — пушка.
Где народ, там и бог.
У народа пятьдесят ушей.
Стальной меч в мешке не удержится.
Пропавшая стрела одного человека не оты-
щется, след массы выпущенных стрел
отыщется.
Если убегаешь — и тогда оставляй поле
засеянным.*



ПЛАЧ ЖЕНЫ АМАНГЕЛЬДЫ

Амангельды Иманов — народный герой, вождь повстанцев 1916 года и впоследствии командир партизанских отрядов и военный комиссар города Тургая. Верный сын народа, крупный военный и организаторский талант, Амангельды сумел вооружить повстанцев и в короткий срок создать из них серьезную силу, которая смогла бороться с карательными отрядами в течение всей зимы 1916—1917 года. Недовольные политикой Амангельды, который для снабжения повстанческих отрядов реквизировал скот крупных баев, алаш-ордынцы, пришедшие к власти после Февральской революции, отдали Амангельды под суд, требуя от него возмещения баям «убытков».

С первыми известиями об Октябрьской революции Амангельды возглавляет красногвардейские казахские отряды и борется с дутовскими бандами. Алаш-ордынцы, лишившись своих тайных союзников, дутовцев, переменяли тактику: они пробрались в органы советской власти, введя в них и «султана» Абдугафара, который в течение всего восстания 1916 года играл предательскую роль. В январе 1919 года, пригласив Амангельды на совещание, алаш-ордынцы предательски убили его в сенях дома штаба. Труп его не был найден отрядами Красной гвардии, пришедшими на поддержку Тургая.

В народе создано множество песен об Амангельды. Здесь приводится «жсоктау» (поминальный плач) его жёны, записанный со слов тетки его—Бабиш.

Жигиты, вы слышите слово мое? —
Покинул ваш сокол гнездовые свое!..
Кто скажет, куда он направил полет
И где обретет он иное жильё?

И разве возможно, чтоб яростный лев
Остался один, тишины захотев,
Чтоб солнце, взошедшее из-за дерев,
Померкло, полнеба пройти не успев?

Так пусть же ослепнут враги навсегда,
Пусть лживые их онемеют уста!
Как смели стрелять они в сердце того,
Чье имя — надежда народа всего,
Кто с юности доброю славой своей
Известен среди иноземных людей,
Кому становились друзьями навек
Татарин и русский, казах и узбек,
Кто равен султану величием был,
Врагов не боялся, хоть бить не любил,
Чье слово любой понимал человек —
Татарин и русский, казах и узбек.

При нем я резвей жеребенка была,
Но грянуло горе — и темная мгла
Глаза мне накрыла, и слезы с лица,
Сгоняя румянец, бегут без конца.
Мой гений, краса моя, крылья мои! —
Ты, словно камыш у озерной струи,
Был гибок, но если врывался в бои —
Был крепок, как корни того камыша,
Боец мой, моя золотая душа!

Ты сам, богатырь, охранял мой покой,
Я знала, что черные руки врагов
Не смогут достать до вершины такой.
Ты — хан мой, рожденный народом простым,
Мой нар одногорбый, властитель пустынь,
Рожденный двугорбым верблюдом простым,
Мой быстрый, как ветер, крылатый скакун,
В степи далеко обогнавший табун!

Народ прославлял благоденствия дни,
Укрывшись в твоей благодатной тени.
Ты с детства лишь правду умел говорить,
Ты вырос из сердца толпы, чтобы быть
Героем ее, — и, героя храня,
С тобою, с тех пор как ты сел на коня,
Шел вместе народ весь, готовый, любя,
И тело и душу отдать за тебя.

Народ подымался и шел за тобой
На счастье, на муку, на праведный бой.
Тому, кто споткнулся, — опорой ты был.
Раздетому, голому — шубой ты был.
Боялся богатый изменник тебя,
А каждый бедняк уважал и любил.

Ты юношей начал жигитов собирать,
А в сорок три года — великая рать
Пошла за тобою, врагов одолев;
Ты вел ее — сильный и храбрый, как лев.
Когда, по приказу царя, богачи
Забрать попытались казахов-мужчин
В годах с девятнадцати до тридцати,
Чтоб всей молодежи в солдаты итти, —
Ты смело повел за собой молодежь,
Проклявши царя и чиновничью ложь,
Которой народ оплели богачи,
За кровь богачей покупавшие чин.
Пусть смерть, но погибший с оружием — не раб!
Ты стал знаменит и велик, как Зораб,
Ведя за собою в последний поход
Ликующий, освобожденный народ.

Но кончился праздник: ты мертв, ты один, —
Великий народа великого сын.
И все, кто ходил за тобою в бои,
Тоскуют, как младшие братья твои.

Для славы в роду Казгедельском рожден —
Ты стал Казгедельского рода вождем.
И силой могучей и светлым умом
Сумел доказать ты, что в деле твоём
Обмана и несправедливости нет:
Честна твоя помощь и мудр твой совет,
И власть твоя, не сотворявшая зла,
Повсюду священный законом была
Для всех, не имевших угла и еды.
И все же не смог избежать ты беды
И пал средь предателей подлой орды,
Предателей, полных трусливого зла,
Всегда нападающих из-за угла.

И не было близких в час смерти с тобой.
Не слышал никто, как свершался разбой.

Никто в изголовьи твоём не сидел —
Лишь солнце затмилось и день потемнел.
И рвали предатели тело твоё,
Как тризну справляющее воронье.

Из рода Тора боевые друзья
К убийцам явились: моля и грозя,
Просили, рискуя своей головой,
Хоть тело твоё, если ты — не живой...
Но глухи остались убийцы к словам,
Посланцы ни с чем воротились к нам.

От быстрого бега устал аргамак:
Ты мертв, ты один, и в глазах твоих — мрак.

Твой род — образцовый, но, ставши бойцом,
Ты был в образцовом роду образцом.
Мудрей, чем коран, твои были слова,
Когда защищал ты народа права.
И в трудное время твоя голова
С любой задачей справлялась сама
И в долг никогда не просила ума.

Считая себя пред народом в долгу,
Ты шел, не сгибаясь, навстречу брагу,
И люди справлялись с любой бедой,
И был ты для них путеводной звездой.

И все же никто не увидел из них,
Как ты, не свершив своих дел боевых,
Один, среди подлых убийц, умирал —
Прекрасный и гордый, как белый марал.

Ты светлым миражем в полуденный час
Прошел пред народом и скрылся из глаз,
И все — от старейших до малых ребят —
О горестной смерти батыра скорбят:
Сердца их наполнены горем одним,
Как черные горы — туманом седым.

Ведь раньше бандит и разбойник любой,
Народ обижавший, — карался тобой,
И целый народ твой, покой обретя,
Во всем был доволен своею судьбой.
И вот ты погиб... У меня тебя нет.

Я стала вдовой девятнадцати лет,
Со мною малютки — твои сыновья.
Но ты не грусти: не исчезнет семья,
Воспитывать станут твоих сыновей
Весь род, все твои боевые друзья.

Мы знаем: с аргынами¹ Абдугафар
Спокойно обдумал злодейский удар —
И ты был убит... Твой возлюбленный брат,
Твой Бектепберген² подготовил отряд
И выступил, чтоб за тебя отомстить.
И мы сыновей твоих будем растить
Для мести — и сами (клянемся тебе!)
Или отмстим, иль погибнем в борьбе.
И не успокоимся мы до тех пор,
Пока не погибнет предатель и вор —
Аргын с сыновьями и с кучей родни.
Куда бы ни откочевали они!

Тебя не забудет народ, ибо ты
Был ханом, рожденным народом простым,
И в жизни великое место твое,
Я верю, не сможет остаться пустым.

Пред скорбью народа я слезы сдержу,
Я в сердце горючую боль заглушу.
И вы все, кто ныне собрался сюда,
Запомните слово мое навсегда:
Боясь, не обидеть бы память его,
Сегодня я вам не сказала всего,
Но все же хоть это запомните вы,—
Средь нас, как бурьян среди сладкой травы,
Скрывался предатель. Он с нами дружил,
Он вместе с друзьями в доме нашем жил,
И мы от него уберечь не смогли
Надежду и славу родимой земли!
Пусть Искандер иль султан Сулейман,
Когда-то имевшие трон мусульман,
Услышат сегодня вот эти слова
И скажут, что я в укоризне права.

И все, кто сегодня явился сюда,
Не зная еще, что случилась беда,—

¹ Аргын — один из казахских родов.

² Брат Амангельды—погиб в 1920 году в бою с бандами Койке и Кокембая.

К батыру вы шли и несли в его дом
Кто — просьбу, кто — жалобу в сердце своем,
Но вас не утешит никто и ничем:
Душа, приносившая счастье всем,
Как птица, взлетела и скрылась из глаз.
Одни вы. Я тоже — одна среди вас.

Но было же время, когда и средь пуль
Мы радовались, как Жамал и Сапфуль,
И сердце от счастья сжималось в груди...
А что же теперь ждет меня впереди?

И Абдугафар, виноватый в беде,
Ушел, ускользнул, точно мыло в воде.
И плачут родные, и плачет народ,
Тоскует батыра лишившийся род,
И дети притихли, и смех их несмел,
И дом без хозяина осиротел.
А мы все, прощальную песню сложив,
По воле судьбы превратились в жирши.

Что может народ, как не песню сложить,
Когда ему нечем становится жить,
Когда он теряет вождя своего,
Когда он тоскует о смерти того,
Кто мирному дому хозяином был,
Кто лошадей для безлошадного был,
Кто теплою шубой для голого был,
Кто бедный народ по-отцовски любил,
Чей дом днем и ночью открыт был для вас,
И в дом тот, когда уходили одни,
С надеждой другие входили тотчас...

Но где же вы ныне, счастливые дни!



ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ







М. Ритман

ЛИТЕРАТУРА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО КАЗАХСТАНА

Творчество основоположника письменной казахской литературы Абая Кунанбаева (1845—1904) и великана народной поэзии Джамбула Джабаева определило основные традиции советской казахской литературы.

Воспитанный на идеях великих русских просветителей шестидесятых годов, на произведениях Пушкина, Лермонтова, Салтыкова-Щедрина, классиков Запада и Востока, Абай является родоначальником современной казахской поэзии и создателем литературного казахского языка. Советские казахские поэты и писатели всегда помнят о заветах великого Абая — осваивать наследие мировой и русской культуры, стремиться к классическому совершенству выражения больших мыслей в поэтических образах, творить во имя интересов народа.

С именем трижды орденоносного Джамбула справедливо связывается целое направление в современной казахской литературе. Творчество Джамбула сочетает в высшем художественном синтезе своеобразие национальной формы с социалистическим содержанием и обобщает мудрость и художественный опыт народного творчества. Сердце каждого, кто пишет или поет в Казахстане, наполнено тем великим чувством братства народов, которым насыщена волнующая жизненной правдой автобиографическая поэма Джамбула «Моя жизнь». Нерушимой заповедью, законом для старшего и молодого поколения казахских литераторов стало утверждение Джамбула:

Тот не поэт, кто к борьбе не зовет,
Кто сердцем с народом своим не живет,
Кто песен о родине не поет.

Сочетание эпического размаха с тончайшим лиризмом в разработке актуальнейшей тематики, красочная выразительность образа, афористическая сжатость, покоряющая прелесть метафоры, определенной особенностями народного песнетворчества Казахстана, — вот наиболее замечательные свойства поэзии Джамбула.

Стиль Джамбула, вызванный к жизни революцией, ею оплодотворенный и развитый, составляет часть социалистической по содержанию и национальной по форме культуры Советского Казахстана. Общие успехи этой культуры определяют и рост литературы.

На огромной территории Казахстана, до революции пустынной и первобытно-нетронутой, цветет богатейшая культурная жизнь. За последние пять-шесть лет создана национальная казахская опера, казахский академический театр драмы, филармония, национальные хоры и оркестры. В Казахстане, где прежде не было ни одного театра, сейчас имеется тридцать семь стационарных театров. Десятки высших учебных заведений, свыше ста техникумов, тысячи школ, разветвленная сеть художественных училищ, около трехсот периодических изданий, клубы, радиоузлы, киноустановки, обслуживающие самые отдаленные аулы, — все это дает ясное представление о размахе и темпах культурного строительства.

Союз советских писателей Казахстана включает в себя до семисот поэтов, писателей, драматургов и акынов. Только в социалистическом Казахстане стала возможной планомерная и организованная работа в области литературы. С дружеской помощью великого русского народа Казахстан стал республикой высокоразвитой промышленности, социалистического земледелия и передовой культуры, и деятельность любого работника культуры окружена теперь любовной заботой народа, советского правительства и партии Ленина—Сталина.

Тщетно пытались троцкистско-бухаринские и буржуазно-националистические выродки задержать рост социалистической культуры. В классовой борьбе с враждебной народу буржуазно-националистической литературой победителем вышла советская народная литература. В этой борьбе под руководством партии закалялись и воспитывались лучшие кадры казахских писателей.

Богатейший многовековой опыт устного народного творчества бережно хранится и развивается в наши дни акынами, певцами-импровизаторами. Во главе с командармом акынов — Джамбулом — выступают такие любимцы народа, как Саядиль Керимбеков, Нурпеис Байганин, Доскей, Айманкуль Тажибаева, Ильяс Манкин, Орунбай, Сапаргали Алимбетов, Сатугул Жангабуллов, Кенен Азербает, Тюлео Уркимбаев, Утеп Онгарбаев, Абдыгали Сырыев, Умурзак и др. Это наиболее выдающиеся и талантливые мастера из числа более двухсот акынов, слагающих песни о советском Казахстане. Акыны Иса Байзаков и Саядиль Керимбеков в числе других казахских поэтов и писателей награждены орденами Союза ССР.

Творчество акынов — многообразно, и это многообразие — свидетельство поэтической силы казахского народа. У каждого акына — свое творческое лицо, свои оригинальные художественные приемы.

Талантливые мастера устной импровизации Доскей, Нурпеис Байганин, мастерски используя прием контраста, сопоставления прошлого

и настоящего, дают картины жизни родины, вводя в народную форму «жирату» (поэтического размышления) философию социалистической эпохи. Более конкретное представление о произведениях такого типа можно составить по известной поэме Джамбула «Моя родина».

Вторая значительная группа акынов (Нуртай Бекежанов, Калка Жансарбаев, Кошен Елеуов и др.) продолжает традицию эпических поэм. В отличие от поэм героического эпоса, современные поэмы рассказывают не о сказочном герое-батыре, а о реальных героях Сталинской эпохи. Так художественные формы обновляются и обогащаются развитием новой культуры, новой жизни.

Третья группа акынов (Уркимбаев, Утеп, Сатугул Жангабуллов и др.) всецело посвятила свое поэтическое дарование разработке самых злободневных тем повседневной народной жизни. В условиях дореволюционного Казахстана, где совершенно не было печати и газет, акыны заменяли прессу, являясь агитаторами, глашатаями общественного мнения. Эта своеобразная форма устного творчества, заменявшая периодическую печать, культивируется и в условиях советской литературы. Акыны-агитаторы выполняют огромную общественную и воспитательную работу, бичуя в своих импровизациях и фельетонообразных монологах недостатки работы, разоблачая антиобщественные элементы, откликаясь оперативно, смело и остроумно на все события жизни колхоза или производства.

Орденосец Иса Байзаков, Кенен Азербайев, Естай, старый друг Джамбула Шашубай — акыны-композиторы. Они создают не только песни, но и музыкальные мелодии к ним. Поэтическое и музыкальное творчество, сочетаясь в едином творческом процессе, с особенной силой выражает личные переживания и мысли акынов.

Как подлинники представители народа, акыны обладают высоко развитым чувством нового. Выпестованные народом на протяжении многих веков, поэтические традиции зазвучали с новой силой в эпоху, когда народные таланты смогли проявить себя во всей полноте. Целеустремленность песен изменилась, в них главным теперь является утверждение социалистической действительности. И если раньше голос акына слышали лишь немногие из его рода, то теперь он звучит на весь Казахстан, на весь СССР. Социальная действенность песен акынов огромна, что лучше всего подтверждается творчеством Джамбула — исключительным, но не единственным явлением советской казахской литературы.

Акыны во главе с Джамбулом представляют выдающийся отряд современного искусства Казахстана. Социалистическая революция призвала их к жизни, воодушевила величием своих побед, создала все условия для плодотворной творческой деятельности и обеспечивает широчайшие возможности для дальнейшего поэтического развития.

В тесном, постоянном идейно-художественном взаимодействии с народным творчеством выросла и бурно развивается письменная казахская советская литература.

В силу неблагоприятных социально-экономических условий казахский народ, создавший высокую культуру устно-поэтического творчества, не мог в дореволюционную эпоху развивать и создавать письменную литературу в полную меру своих возможностей. Поэтому преобладающее место в ней занимала поэзия, а проза была представлена в последние дореволюционные десятилетия единичными произведениями Кубеева, Торыайгырова и Шарипова.

Но как только народ получил свободу и условия для культурного развития, в литературе происходит исключительное творческое оживление.

Уже в первые годы Великой Октябрьской социалистической революции выступает большая и талантливая группа молодых советских писателей: Сабит Муканов, Шарипов, Сыздыков, Шолпан Иманбаева, Бекенов, Тлепбергенов и многие другие. Тематика и идейно-художественное содержание их произведений полностью определяются активной борьбой молодой советской литературы за утверждение завоеваний социалистической революции. Радостные гимны в честь Великой Октябрьской социалистической революции, партии Ленина—Сталина, организовавшей и возглавившей народы бывшей царской империи для всемирно-исторических побед, полны революционного пафоса.

Начиная с 1923—1924 годов, в связи с общим ростом литературы, широкое развитие получает казахская проза. Эти годы являются переломными в истории казахской литературы: казахские литераторы начинают осваивать новые для них жанры, которые раньше находились в зачаточном виде или даже совсем не встречались в казахской литературе. Огромную роль в воспитании и выращивании новых писательских кадров играет большевистская печать. Буржуазные националисты, проникнув в литературные организации и советскую печать, всеми силами старались задерживать рост советских писателей. Дело доходило даже до того, что эти враги народа препятствовали изданию книг писателей, вышедших из среды казахской бедноты. В напряженной идеологической борьбе на литературном фронте победу одерживают здоровые, полные жизни кадры советской литературы.

С каждым годом казахская литература обогащается все новыми и новыми талантами. В 1925—1926 годах начинают печататься писатели и поэты второго поколения советской литературы — Аскар Токмагамбетов, Абдильда Тажибаев, Таир Жароков (все трое награждены в 1939 году орденами Союза ССР), Калмакан Абдыкадыров, Галим Малдаев и др. Молодые таланты получают боевое крещение в ожесточенной классовой борьбе, которая развернулась в связи с проведенной в 1928 году в Казахстане ликвидацией феодалов и баев.

Сабит Муканов прошел до революции тяжелую жизненную школу. Он родился в семье батрака, восьми лет остался сиротой. Только в 1917 году

с помощью народного мугаллима¹ молодой батрак обучился грамоте и затем поступил на двухгодичные учительские курсы в городе Омске. Учитель, активный деятель большевистской печати Казахстана — Муқанов начал работать в литературе. До 1926 года стихи Муқанова печатались в периодических изданиях, в 1927 году вышла первая его книга.

Особенно широкую популярность доставил Муқанову его роман в стихах (первый и пока единственный в казахской литературе) «Сулушаш». В основе романа лежит известная народная легенда. Описывая взаимную страстную любовь дочери бая Сулушаш и батрака Алтая, их стремление отстоять право на свободу своих чувств, автор с особенной любовью рисует образ батрака Алтая. Его человеческое благородство, высоко развитое сознание достоинства личности вызывают искренние симпатии читателей.

Тематическое многообразие, сложный характер сюжетного развития, а главное — широта поэтических обобщений характеризуют такие поэмы С. Муқанова, как «Тулпар», «Сиротка», «Броды Октября», «Вороной жеребец», «Ущелье Ала-Тау», «Белый медведь» и др. Много законных споров вызвал роман С. Муқанова «Сын бая». В образах Буркута, сына бая, и дочери бая Батес автор стремился раскрыть процесс разложения и полного распада эксплуататорских классов. Однако объективно получилось так, что эти образы оказались чрезмерно романтизированы.

Достоинство Сабита Муқанова — в его напряженном стремлении к созданию образов положительных героев советской эпохи. Если образ коммуниста, участника гражданской войны, организатора классовой борьбы в ауле против баев — Темиртаса в одноименном романе отмечен чрезмерно рационалистическими, малоубедительными в художественном отношении чертами, то в последнем романе «Загадочное знамя» положительные образы отличаются большим совершенством.

Роман «Загадочное знамя» (1937) — одно из крупнейших событий в советской казахской литературе за последние годы. В романе ярко изображены социально-бытовые взаимоотношения, показаны такие крупнейшие исторические события, как разложение русского царизма в предвоенные годы, империалистическая война, мобилизация казахов, вызвавшая народное восстание, партизанское движение в Казахстане, подпольная деятельность большевиков, контрреволюционная работа алаш-орды, победа советской власти.

В прозе С. Муқанова весьма заметны следы учебы у А. М. Горького. Не случайно автобиографическая повесть С. Муқанова «Мои университеты» построена по образцу одноименного горьковского произведения.

Упорно и продуктивно работая в области прозы, С. Муқанов продолжает писать и стихи. Недавно вышел новый сборник его стихотворений «Слово — советская армия». Под значительным влиянием В. В. Маяковского С. Муқанов смело выступает с ломкой традиционных поэтических

¹ Учителя.

приемов. Он вводит в стихи необычную для казахского стихосложения пятисложную рифму, включает варваризмы в поэтические строки, создает неологизмы, новые, крайне неожиданные метафоры и сравнения и т. д. Многие в этих новаторских исканиях поэта спорно, многое вызывает недоумение. Однако значение этой работы несомненно: она является признаком качественного роста, жизнеспособности и неограниченных перспектив казахской советской литературы.

Своеобразный и сложный творческий путь прошел один из крупнейших казахских писателей Мухтар Ауэзов.

Долгое время Ауэзов, начавший писать еще до революции, находился под влиянием реакционных идей буржуазно-националистической литературы. В произведениях, написанных до 1930 года, Мухтар Ауэзов обращается к безвозвратно минувшему дореволюционному аулу, идеализирует его, грустит о прошлом.

Однако талант реалиста не позволяет писателю отрешиться от исторической действительности: реалист побеждает тенденциозно-искаженные и субъективно-ошибочные представления о прошлом и настоящем. Так, в замечательной пьесе «Энлик-Кебек» (1921), не сходящей до сих пор со сцены казахских театров, автор реалистически раскрывает, как феодально-родовые отношения старого аула уродовали и губили лучшие человеческие чувства, стремления, силы. Кебек и Энлик страстно любят друг друга, но на пути их к личному счастью встает варварский закон «аменгер», по которому Энлик, просватанная за человека соседнего рода, становится собственностью этого рода и не может выйти замуж за любимого человека. В этом же реалистическом плане написана и повесть «Дни беспризорных». Нельзя без волнения и ненависти читать страницы правдивого повествования о трагической судьбе бедных, одиноких людей аула, над которыми дико издевается аткаминер, богач-управитель. Образы слепых старух, влачащих жалкое существование, оставленных без всякой поддержки, и образ молодой девушки, изнасилованной баем, надолго остаются в памяти читателей.

В последние годы Мухтар Ауэзов выступает преимущественно как драматург. Он написал первую в казахском искусстве музыкальную комедию «Айман-Шолпан». В пьесе «Тунги-сарын» («Ночные раскаты») драматург обращается к историческим событиям 1916 года, когда, под водительством легендарного батыра Амангельды Иманова, казахский народ боролся против деспотизма и произвола царских властей и своих феодальных верхов.

Драматическое мастерство Мухтара Ауэзова общепризнано. Он владеет сложным искусством драматической композиции, умеет создать художественно отшлифованные и сценически выразительные образы, используя богатство и красочность народной речи.

Для развития казахского театрального искусства Мухтар Ауэзов сделал и делает очень много ценного. Его имя тесно связано с историей оперного казахского театра и театра казахской драмы. Кроме нескольких русских

советских пьес Мухтар Ауэзов перевел «Ревизора» Гоголя и «Отелло» Шекспира. Переводчику удалось передать на родном языке всю силу бессмертной трагедии, всю красоту и содержательность языка.

Мухтар Ауэзов — авторитетный знаток казахского фольклора и истории восточной литературы. Им осуществлен ряд критических исследований о литературно-художественной и идейно-философской деятельности классика казахской литературы Абая Кунанбаева, написано исследование о киргизском героическом эпосе «Манас».

В последнее время начата публикация исторического романа Мухтара Ауэзова «Абай». Ауэзов в совершенстве владеет историко-биографическим материалом и, как показывают первые опубликованные главы, с честью справится с задачей воссоздания художественного образа Абая Кунанбаева.

Поэт-орденоносец Аскар Токмагамбетов — признанный мастер разнообразных жанров политической поэзии. Высоко развитая способность быстро, почти с газетной оперативностью откликаться на все важнейшие общественно-политические события, очевидно, была пробуждена еще в те годы, когда Аскар выступал акыном в родном ауле. Это качество поэта-публициста получило дальнейшее развитие во время длительной работы в республиканской большевистской печати. Созданные молодым поэтом-сатириком образы бюрократов во время чистки государственного аппарата, баев — во время кампании по их ликвидации, — привлекли общее внимание и по достоинству были оценены читателями.

Умение найти и образно запечатлеть в злободневном факте общие, типичные, непреходящие черты объясняет счастливую удачу многих стихов Аскара. Аскар Токмагамбетов является автором массовых, широко популярных песен: «Красная армия», «Марш Буденного», «Турксиб». Эти песни любимы народом, поются повсеместно, — что лучше может свидетельствовать о силе искусства поэта?

Созданные А. Токмагамбетовым поэмы «На улицах Берлифа» (1932), «Каскелеп» (1933), «Охрана» (1934), «Уборщица» (1936), «Сталинский маршрут» (1937) далеко не равноценны, некоторые из них экспериментальны, но лучшие из них («Уборщица», «На улицах Берлина») — яркое свидетельство роста поэта. В поэме «Уборщица» А. Токмагамбетов рисует яркий образ уборщицы ледокола «Челюскин». Описывая переживания этого рядового участника прославленной экспедиции, он умело раскрывает героинку беспримерного единоборства советского коллектива с грозной полярной стихией.

А. Токмагамбетовым написаны две пьесы: «Два закона» (1928), посвященная теме раскрепощения женщины, и «Азрет-Султан» (1933). Особенное значение имеет последняя пьеса, в которой впервые в казахской драматургии ставится антирелигиозная тема. В этой пьесе автор разоблачает омерзительную деятельность служителей ислама в известной мечети Азрет-Султана (г. Туркестан).

С пьесой «Азрет-Султан» тематически связана первая часть романа

Токмагамбетова «Шаульдер», в которой он также разоблачает религиозные суеверия, особенно развитые в туркестанской части Казахстана.

Впечатления детства, юности, окружающая в период формирования человека социальная среда накладывают неизгладимый отпечаток на характер поэта. Без учета этого многое не будет понятно в творчестве поэта орденоносца Таира Жарокова.

Родился он в Западно-Казахстанской области, где национально-освободительная борьба с русским царизмом, упорная и непрерывная, особенно сильно развила в народе дух воинственности, черты воинской доблести. Воинственные традиции были воплощены в прошлом в поэзии таких казахских поэтов, как Шернияз, Мурат и национальный герой — поэт и вождь национально-освободительного движения первой половины XIX века — Махамбет. С детства Таир Жароков прислушивается к популярнейшим песням отважного Махамбета, и позднее мужественные, страстные, полные ненависти к врагам и любви к народу интонации Махамбета отчетливо звучат в произведениях советского поэта.

Таир Жароков тщательно работает над формой и общей инструментальной стиха, добиваясь часто прекрасных результатов, любит гиперболу, которую кладет иногда в основу всего произведения (поэма «Солнце заговорило»). Увлекаясь красочностью формы, он нередко забывает об идейной насыщенности произведения, и только поэтическое чутье спасает его от крайностей, граничащих с формализмом.

Таир Жароков не сразу выдвинулся в первые ряды казахской советской поэзии. За плечами поэта — опыт тринадцатилетней творческой работы, в списке его изданий около десятка сборников.

Первые сборники стихов Таира Жарокова: «Свет звезды» (1930) и «Заря коммунизма» (1933)—еще носят явные следы литературного ученичества, неуверенных поисков своего поэтического пути. В этих сборниках можно найти немало стихов злободневных, острых по теме, но схематичных и примитивных.

Поэт находит свой стиль в поэме «Солнце заговорило» (1934), посвященной четырем трагически погибшим завоевателям стратосферы. Эта поэма является одним из лучших поэтических произведений казахской литературы.

В поэме и стихах: «Песня мотора», «О Риддере», «О Караганде», «О колхозной зажиточной жизни», «Миллионы волн», «Молот пятилетки»—Таир Жароков стремится к созданию конкретных образов людей нашей современности, умеет изобразить их характеры, портреты.

В последнее время Таир Жароков перевел на казахский язык поэмы А. С. Пушкина «Цыганы», «Кавказский пленник» и цикл лирических стихов, и эта работа заметно сказалась на оригинальном творчестве переводчика. Поэма Таира Жарокова «Поток» (1937) написана в пору особенно сильного пушкинского влияния. Не исключена возможность, что самый замысел поэмы родился при чтении «Медного всадника». Наводнение, губящее счастье Евгения, возможно, ассоциировалось со стихийным разруши-

тельным действием мощного грязевого потока («сила»), нанесшего немало бед столице Казахстана в 1921 году. Но если грозная стихия сто лет назад разбила личное счастье бедного Евгения и он сошел с ума, то теперь трагедия Кайсара, потерявшего мать и дом, разрешается иначе. Кайсар не остается одиноким, его поддерживает страна, он достигает личного счастья наперекор стихии: она больше не вольна над судьбами людей.

В картине потока особенно ярко проявились особенности поэтического стиля Жарокова. Стремительное движение непобедимого потока, все ломающего и уничтожающего на своем пути, ощутимо передается в ритмах поэмы, блестящей инструментовке стиха, оттеняется и короткой фразой, и выразительными метафорами, сравнениями, и прерывистыми интонациями. Здесь сказалась плодотворность изучения изумительной техники пушкинского стиха.

Творчество поэта-орденоносца Абдильды Тажибаева отличается тематическим и формальным разнообразием, оригинальностью избранных сюжетов. Поэт среди других своих поэтических учителей особое предрасположение проявляет к гениальному мастеру социальной лирики — Генриху Гейне.

А. Тажибаев — лирик больших страстей, большого социального содержания. Для него главное в стихах — мысль, смысловая насыщенность строки, и потому так настойчиво изгоняет он из своих произведений внешний блеск, стремится к глубокой и оригинальной трактовке взятой темы.

Сборник первого периода творчества «Новые ритмы» (поэт печатается с 1928 года), конечно, не характерен для А. Тажибаева сегодняшних дней. Агитационные стихи, схематический характер образов — это была лишь первая ученическая проба сил. Свой стиль Тажибаев находит в таких стихотворениях, как «Сыр-Дарья» и «Разговор с Тарасом» (1935): здесь налицо эмоционально насыщенное глубокое содержание, настоящая поэтическая страсть, влюбленность в родную и близкую природу, которая покорно подчиняется преобразовательным замыслам человека социалистического Казахстана. Уверенною рукою настоящего поэта автор вводит читателя в сокровенный круг своих размышлений. Смелая мечта уносит в будущее, когда безбрежные живительные волны Сыр-Дарьи принесут, подобно ее брату Днепру, на землю с небес «дивный свет недостижимых звезд». Тема преобразования природы по единому плану во имя блага трудящихся нашла волнующее воплощение в поэтическом образе близкой и родной для поэта Сыр-Дарьи.

Стихотворение «Разговор с Тарасом» как бы заключает большую популяризаторскую переводческую работу над произведениями великого поэта, революционного демократа. Беседа советского казахского поэта с поэтом-борцом, который когда-то под конвоем царских солдат с грустной песней проходил по казахской степи, рождает мысль о политическом и культурном единстве всех национальностей нашей родины.

Поэмы «Куткару» («Спасение», 1936) и «Экижихан» («Два мира», 1937) являются наиболее зрелыми произведениями А. Тажибаева, в которых чув-

ствуется самостоятельная мысль, темпераментность и свежесть поэтического мироощущения.

В поэме «Два мира», написанной в стиле политической лирики Гейне, дана картина двух миров — мира социализма и мира капитализма. Герои поэмы — великий поэт Генрих Гейне и сам автор. Они совершают совместную прогулку по Советскому Союзу, и автор с гордостью рассказывает о чудесной действительности победившего социализма. Картина грандиозного парка культуры, где бурлит радость и счастье отдыхающего после трудов народа, встает перед читателем, как обобщенный образ освобожденного мира. Литературная техника Тажибаева значительно обогатилась после осуществленной им серьезной работы над переводами «Германии» Г. Гейне, пушкинской поэмы «Руслан и Людмила», стихов Тараса Шевченко.

Габит Мусрепов — вполне сложившийся талантливый мастер короткого рассказа. Его новеллы: «Мать» (1934), «Косшалкар» (1928), «Талпак Танау» (1934) и другие, свидетельствуют о значительной профессиональной культуре и о плодотворной учебе автора у А. М. Горького.

Габит Мусрепов начал и частично опубликовал романы: «Соседи синего дома» (1929), «Сказка жизни» (1930), «Непрерывный рост» (1932), «Туннель» (1935). Однако начатые произведения не закончены, взятые темы, очевидно, утратили интерес для автора, и он работает над другими произведениями.

В последние годы Габит Мусрепов выступил и как драматург. В основу его пьес («Кыз-Жибек», «Козы-Корпеш и Баян-Сулу») положены сюжеты исторических поэм казахского фольклора. Эти пьесы художественно более удачны, чем пьеса «Амангельды» (1936), где автору не удалось показать во всей полноте героический образ народного батыра.

Сабир Шарипов (родился в 1880 году) — один из старейших прозаиков казахской советской литературы. Большой знаток дореволюционной жизни Казахстана, он в незаконченном романе «Алтыбасар» (первая книга вышла в 1924 году), в рассказах «Въезд в город», «Пиявка», в повести «Бекбулат» (1937) изображает картины прошлого. В последней повести, охватывающей «тридцать лет жизни аула» Шарипов завершает повествование описанием событий гражданской войны 1919 года. Критика обоснованно отметила ряд недостатков повести: неумение индивидуализировать героев, бедность языка, отсутствие продуманной интриги. Это особенно досадно потому, что повесть в целом представляет значительную художественную ценность.

В самое последнее время выступил с первой своей книгой Альджаппар Абишев (родился в 1907 году), воспитанный славным пролетарским коллективом Караганды. Основная тема Абишева — индустриализация Казахстана и рост новых людей на промышленных предприятиях. В замечательной повести о Караганде молодой писатель на истории жизни знатного карагандинского шахтера Тусупа Кузембаева раскрывает историю социалистической Караганды.

Талантливый прозаик, уже написавший ряд повестей, рассказов и пьесу «За родину» (1938), Абишев переживает период творческого самоопре-

деления, овладения сложным искусством реалистического изображения жизни. Альджаппар Абишев награжден орденом, и эта высокая награда не только обязывает писателя упорно совершенствоваться, но и является свидетельством огромных перспектив развития казахской прозы.

Творчество преждевременно погибшего Саттара Ерубая (1911—1937) развивалось под благотворным воздействием А. М. Горького. Молодой писатель сразу завоевал себе известность целым рядом лирических баллад. Но одаренность писателя с особенной силою проявилась в романе «Друзья» (1937) — произведении, овеянном духом советского патриотизма.

Тема романа — проблема подземной газификации в Караганде. Академик Вознесенский и его сотрудники — дочь Лиза и молодой специалист казах Рахмет работают над практическим разрешением этой проблемы, исключительно важной для народного хозяйства и обороны. Роман заканчивается картиной возможной будущей войны капиталистического мира с СССР, где с исключительной убедительностью выявляется могущество и непобедимость советского народа.

Выдающимся явлением казахской прозы является роман Габидена Мустафина «Жизнь и смерть». Рисуя рост социалистической Караганды, автор показывает и рост людей, осуществляющих сталинский план индустриализации страны, и ожесточенные попытки врагов народа задержать развитие угледобычи. Образ советской патриотки, красавицы Жибек, разоблачающей родного отца-кулака и вредителя, надолго сохраняется в памяти.

За последние годы казахская проза окрепла. Если на первом съезде писателей Казахстана о жанре романа еще говорилось как о проблеме, подлежащей творческому разрешению, то ко второму съезду казахская литература пришла с большими и бесспорными достижениями в области прозы. Такие произведения, как «Загадочное знамя» и «Эсиль» — Сабита Муканова, первая часть романа «Абай» — Мухтара Ауэзова, «Жизнь и смерть» — Габидена Мустафина, «Бекбулат» — Шарипова, «Шаульдер» — Аскара Токамагбетова, «Друзья» — Саттара Ерубая, повести «Амансыздар» — Альджаппара Абишева, «Течение мечты» — Абдулла Сланова, «Сатбаев» — Калмакана Абдукадырова, рассказы Мусрепова, Мухтара Ауэзова, Сейтжана Омарова, незаконченные еще произведения Абишева, Хашима Джумаалиева, Тажибаева доказывают, что роман, повесть, новелла — жанры, не существовавшие в дореволюционной казахской литературе, — освоены казахскими писателями.

Широко развивается в советской казахской литературе драматургия. Десятки пьес уже вошли в репертуар театров Казахстана. «На границе», «Эплик-Кебек», «Ночные раскаты» — Мухтара Ауэзова, «Кыз-Жибек» — Габита Мусрепова, «За родину» — Абишева, «Боран» — Хусаинова, «Исатай и Махамбет» — Ахмжанова, «Правда» — Еркимбекова, «Теренкуль» — Тажибаева и многие другие пьесы идут на сценах казахских театров.

Переводная литература Казахстана обогащается все новыми и новыми выдающимися произведениями русской и мировой литературы. Переведен почти весь Пушкин, отдельные произведения Лермонтова, Тургенева, Гончарова, Некрасова, Достоевского, Гоголя, Горького, Чернышевского, Короленко, Чехова, Куприна, Шолохова, Серафимовича, Фурманова, А. Толстого и других. Переведен Байрон (лирика и отрывки из «Чайльд-Гарольда»), Гейне (лирика и «Германия»), романы Бальзака, В. Гюго, отдельные произведения Мопассана, Барбюса, Ромэн Роллана, Раблэ, Даниэля Дефо, Джека Лондона, Майн-Рида, Жюль Верна, Марка Твена. Литература братских республик представлена переводами Шевченко, Шота Руставели, Сулеймана Стальского.

Развитие казахской советской литературы вызвало к жизни совершенно не существовавшие в дореволюционном Казахстане литературоведение и критику. В начале критической деятельностью вынуждены были заниматься сами писатели, ибо кадров советских критиков еще не было. Долгое время критика ограничивалась беглым разбором появлявшихся в печати произведений. Глубокая теоретическая и исследовательская работа началась лишь после исторического постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года. Вскоре появились отдельные литературоведческие и критические труды (С. Муканов — «Абай и казахская литература», М. Ауэзов — «Поэты вокруг Абая», Е. Исмаилов — «Поэтика Абая», Бекенов — «О казахской литературе XX века»). В 1935—1939 годах были составлены учебники и литературные хрестоматии для школ. Дискуссия о формализме 1936 года вызвала ряд новых работ Тажибаева («О политической поэзии»), Исмаилова («О лирике», «О молодых писателях», «О пьесах Ауэзова»), ряд статей Бекхожина, Муканова, Ахинжанова и других. Появились переводы статей Белинского, Добролюбова, Писарева, Плеханова, Чернышевского, Луначарского.

Большое внимание казахская критика уделяет пропаганде среди казахских читателей великих русских и западных классиков. Больше всего написано о Горьком: о его творчестве появлялись статьи еще с 1921 года.

Крупные историко-литературные труды выпустили Хажим Жумаилов («О поэзии Махамбета», «Теория литературы для средней школы»), Мухтар Ауэзов (биография Абая, монография «Абай и западные классики», «Киргизский эпос — Манас»); им же подготовлен к изданию в казахском филиале Академии наук второй том казахских пословиц. Е. Исмаилов написал теорию литературы для высшей школы, подготовил к изданию том казахских сказок, а Сабит Муканов — том состязательных песен (айтыс). Молодые научные работники Божаяев, Габдуллин и другие написали ряд работ, посвященных различным проблемам казахской литературы.

Казахский народ, освобожденный социалистической революцией от векового рабства, выдвигал и выдвигает тысячи талантливых деятелей во всех областях общественно-политической, экономической и культурной жизни. Ежегодно пополняется молодыми талантами и советская литература Казахстана.

За годы, прошедшие после исторического постановления ЦК ВКП(б) о ликвидации РАППа и создании единого Союза советских писателей (1932), выдвинулись молодые писатели и поэты: А. Абишев, Д. Абилев, К. Аманжолов, Е. Ерубаяев, А. Есмамбетов, Ж. Джумалиев, Х. Бекхожин, К. Сатыбалдин, Ж. Саин, А. Сарсембаев, А. Адамбеков, Омаров, Сланов, Айтбаев и многие другие.

Мудро и просто Джамбул формулирует задачу, которая вдохновляет казахских поэтов и писателей на создание художественных произведений, достойных великой Сталинской эпохи:

Пойте, акыны, пусть песни польются,
Пойте о Сталинской Конституции.
С песней, акыны, идите на сходы,
С песней о братстве великих народов,
С песней о родине нашей цветущей,
С песней, к труду и к победам зовущей:
Заботой согрел миллионы сердец —
Сталин — мудрейший, любимый отец!

В этих бессмертных строчках трижды орденоносного великана народной поэзии — грандиозная программа творческой работы всех поэтов и писателей социалистического Казахстана на ближайшие годы.





Абдукадыров Калмакан

Родился в 1903 году в семье бедного крестьянина в Қзыл-Ординской области, до 1922 года был батраком.

Ранние произведения его носят подражательный характер (главным образом, арабской литературе). Начиная с 1925 года, поэт выступает со своими оригинальными произведениями. С 1927 года по 1936 год выходят сборники его стихов: «Батрак» («Жалши»), «Темпы» («Екпин»), «Шахтер» и др. и сборники рассказов: «Сладкие дыни» («Татты Қауы») (1936), «Сатпаев» (1936).

ТУЛПАР — КРЫЛАТЫЙ КОНЬ

Сытые, выхоленные кони всегда красиво бегут. На таких конях легко одолевать пространства.

Когда мчишься на скакуне — кажется, будто поднимаешься на воздух, и радость сжимает сердце. Когда же успокоишь бешеной скачкой разгоряченную кровь, когда устанешь захлебываться упругим воздухом, — приятно бывает натянуть поводья и ехать шагом. Хороший жигит складывает тогда камчу вдвое и разглаживает ею гриву коня, мурлыча песенку.

Такая привычка была и у старика Жакипа. Вряд ли жил в аулах другой человек, который знал бы и любил лошадей так, как он. Когда при нем кто-нибудь ударит камчой своего коня, он обязательно сделает замечание:

— Милок, надо иметь жалость к животному! Если конь не бежит, значит плох уход за ним. «Не гони кнутом, а гони овсом...» Думаешь, зря говорят так казахи?..

Сам Жакип, как бы он ни спешил, никогда не гнал свою лошадь быстрее легкой рыси. Если кто-нибудь хотел его обскатать, он всегда останавливал:

— Сдерживай коня, разве он дан тебе только на один день? Если жигит не жалеет коня, как он может делать добро для людей? Разве не кони спасают героев? Если конь выручает нас из беды, то только благодаря уходу. Тайбурыл, конь Кобланды-батыра, до пятилетнего возраста получал молоко яловой кобылицы. А мы даже овсом как следует не кормим наших коней, зато любим мылить им бока в бестолковой скачке. Милые лошади, сотворенные из ветра, — на них весело ездить и шажком!..

Так говорил старый Жакип и сейчас, направляясь с восемнадцатью всадниками из колхоза «Ленин» в колхоз «Октябрь». Жакип ехал не спеша, помахивая камчой и изредка дотрагиваясь ею до блестящего крупы. У него все было на учете — сколько раз его конь бросил кизяку за день и сколько раз хмурил он брови. Если случалось, что конь бросал кизяку больше обычного, Жакип очень тревожился.

— Япырай, — говорил он, — что стряслось с этим жануаром?

На этот раз Жакип ворчал по адресу людей, которые не бегут своего коня.

— Был такой Ашир, — говорил он, тихонько покачиваясь в седле, — настоящая собака! Если он садился верхом на коня, всегда его замыливал. Кончилось тем, что коняга-жануар сдох, и даже собаки не стали есть его мясо. А Байги-кер был знаменитым скакуном! Попал конь к Едилу — будь ему неладно! — тот выбил ему спину и окончательно загубил. А когда Байги-кер находился в руках Кулета — он целый аул кормил, получая призы на скачках...

Так перечислял старый Жакип всех погибших и издохших коней. Очевидно, ехавшие были ему по душе, потому что он никого не бранил, хотя некоторые усердно дергали поводьями и ударяли каблуками по бокам лошадей.

— Что такое с нашим уважаемым Жакипом? — смеялись жигиты, ехавшие рядом. — Он хоть и ворчит понемножку, но не на нас. Очевидно, ему не на что сердиться.

— Ай, ребята, вы думаете, если я сержусь, то желаю вам зла? — сказал Жакип. — Если крупы ваших коней будут такими, что даже вошь не удержится на них, и будут лосниться от жира, как бобр, — вас же будут ставить в пример. Люди станут говорить: «Вот как нужно холить коня!..» Помните коня закирской конторы? Если твой конь будет похож на него — запаленный, с отвисшими, как у барана, ушами, — то какой от такого коня толк?

— Жаке, ты видишь сам: здесь восемнадцать всадников, а разве есть хоть под одним из них истощенная лошадь?

— По сравнению с прошлым годом, можно сказать, слава

богу... Но все же я не скажу, что уход достаточный. Если бы стали ухаживать за конями по-настоящему, то они стали бы, как тот пегий тулпар, которого вырастил сын Талыбая.

— Уважаемый Жаке, просим тебя, Расскажи о сыне Талыбая! Это укоротит наш путь,— стали упрашивать жигиты.

— Милые дети! — ответил Жакип. — Мы хотим, чтобы коровы были у нас молочные, кони быстрые, бараны шерстистые, верблюды сильные. Рассказ о Талыбае — это рассказ о быстром коне, о том, что тулпаров создает только хороший уход.

...Это было, — продолжал Жакип, удобнее усаживаясь в седле, — в те времена, когда Сары-Арка находилась под властью хана. А раз хан, значит, вы сами, дети, знаете, какой была тогда жизнь... Хан — черный орел, и он не может прожить, не сядя на живое мясо. В то время все зависело от белой кости и острия пики. За одной пикой, находящейся в руках белой кости, следовали тысячи пик, послушных велению хана. Ханы натравляли народы друг на друга, и кровь лилась рекой... «Врагов побеждает большинство, а слава остается за знаменем», говорится в пословице. Так было и здесь — добыча оставалась за белой костью...

Талыбай был знаменитым знатоком скакунов. Когда враги разгромили его народ, Талыбай с женой погибли, дочь где-то спряталась, а трехлетний сын попал в плен. Его отдали в рабство одному баю — пасти баранов. Мальчик пробыл у бая много лет и достиг двадцатилетнего возраста.

Сколько ни перенес сын Талыбая оскорблений, как его ни унижали, ничто не могло заглушить его врожденной любви к скакунам. Он знал достоинства каждой лошади и жалел тех, которым жилось слишком плохо.

Сын Талыбая еще в юности отличался умом, но что бы он ни сказал — его не слушали. «Это слова раба», говорили все и не считались с ним. Поэтому он не смел раскрыть рот и говорить, что хотел. Правда, он не подавал вида, но внутри горел в нем пламень возмущенья. Но вот он нашел, наконец, собеседника, которому мог излить свое горе. Это был давно высохший конский череп, который лежал на вершине холма, куда юноша гонял порой пастись баранов. Усевшись возле конской головы, сын Талыбая жаловался ей на свою горькую жизнь.

Бай, хозяин юноши, часто объезжал свои табуны и пастбища, наблюдая за состоянием скота и подножного корма. Он не любил, когда баранов даже три дня пасут на одном месте. То, что его пастух уже семь дней держал баранов на одном и том же холме, сильно удивило бая. Он счел излишним спросить, в чем тут дело, а решил понаблюдать сам. Когда в пол-

день он приехал к отаре, то увидел юношу сидящим на холме. Пастух обнимал старую конскую голову и пел. Бай притаился и выслушал песню:

Поведаю горе тебе, старая голова,
Друг мой среди безлюдной степи!
С молодых лет стал я рабом,
Никто пусть не станет подобным мне.
Трогает ли тебя, единственный друг,
Слеза, проливаемая мной на грудь?
Мертвую высушило солнце тебя.
Живого высушило горе меня,
Если б и тебе я жаловаться не мог,
Кто другой стал бы слушать меня?
И кто догадается, мертвая голова,
Что был ты первый на свете тулпар?
Об этом знаю один только я,
Талыбая сын — знаток коней.
Об этом не знает больше никто...

Выслушав песню юноши, бай смекнул, что ему делать дальше, и незаметно вернулся домой. Вечером, по возвращении табуна, он позвал сына Талыбая и спросил ласковым голосом: «Свет мой, ты знаешь коней?» Юноша не стал скрывать своих способностей. Тогда бай освободил его от пастыбы баранов и заставил обойти свой табун в семьсот лошадей, чтобы посмотреть, нет ли среди них тулпара. Но мальчик сказал баю: «Скакуны тут есть, но тулпаров нет». Тогда бай сел на коня, взял с собой юношу и объехал табуны всех своих соседей. «Нигде нет тулпара», упрямо твердил сына Талыбая.

Рыская, как лягавая, ищущая зверя, бай, наконец, пришел в отчаяние. Он собрался возвратиться домой и перестать думать о тулпаре, когда возле одного аула встретил башкира, торговца всякими безделушками. Когда подъехали к стану торговца, сын Талыбая заметил привязанных к телеге трех пегих лошадей, и глаза его загорелись огнем восторга. «Бай, — сказал он, — вон та, средняя из пегашек, то, что мы ищем!» Бай сразу же начал вертеться вокруг башкира, чтобы купить у него всех трех лошадей. Кое-как ему удалось уговорить башкира и взять себе коней, уплатив за них втридорога.

...Вот пришло вам, дети, послушать о самом главном, — сказал Жакип, весело поглядывая на жигитов. — Я расскажу, как одна из этих замученных ездой кляч стала тулпаром, благодаря заботливому уходу.

Не жалея зерна и сена, сын Талыбая откармливал всех трех лошадей в течение целого года. Когда кончился год, он заре-

зал одну из пегашек, посмотрел на ее кости и заметил, что позвоночный столб на две четверти темный. Остальные места уже побелели. Он сказал тогда баю: «Еще далеко то время, когда побелеют все кости тулпара».

Через год юноша заставил зарезать другого коня. Позвоночные кости его не побелели только на два пальца. На третий год, к осени, мальчик начал ставить третьего коня, настоящего тулпара, на выстойку. В это время один знаменитый бай объявил скачки. Приз был назначен богатый — невеста с новой кибиткой, девять косяков кобылиц и двухгодовалый жеребенок. В байге принял участие и пегий тулпар.

— Ну, и как? — не выдержали жигиты, останавливая коней и прерывая Жакипа.

— Подождите, — улыбнулся старик. — Дайте сказать несколько слов о том, как сын Талыбая выходил тулпара.

«Не конь скачет, а уход скачет», говорил всегда Талыбай. Его сын с малых лет твердо запомнил слова отца, и хотя был молод, но хорошо научился ухаживать за лошадьми. Своего тулпара, которого он холил три года, в первый день он пустил только шагом и потом поставил на выстойку. Затем он пускал его трусцой, постепенно все ускоряя бег, и все время выстаивал его. После выстойки юноша кормил тулпара вычищенным до белизны ячменем и давал вымытое сухое сено. Как охотник с соколом, возился сын Талыбая с тулпаром, не досыпая ночей. Он ходил вокруг коня и, не смыкая глаз, встречал новый рассвет.

Выхоленный конь похож на обмолоченный хлеб, лежащий на току: это не конь, а ветер. Он всегда доставит хозяина в желаемое место. Выстойный конь всегда разборчив в корме. Он требует его в полночь, перед рассветом, перед глубоким вечером. Откормить коня очень легко, но надо уметь его выстоять. Плохо выстойные кони быстро портятся и жиреют. «Конь стал красным салом», говорили раньше казахи. Редко кому удастся поправить однажды испорченную лошадь. Мы, колхозники-животноводы, должны уметь ухаживать за скотом, уметь его холить. Вот, сынки, давайте так же заботиться о коне, как сын Талыбая! Тогда и наши кони станут тулпарами, быстрыми, как ветер, сильными в работе и выносливыми! — закончил свой рассказ Жакип.

— Жаке, а дальше как было? Тулпар участвовал на байге? Почему ты молчишь? — посыпались вопросы жигитов.

— Да, участвовал. Через шесть месяцев конь сына Талыбая стал как закаленная сталь. Он был лучше всех скакунов, съехавшихся на байгу, хотя там были такие кони, которые настигали птиц, и всадники ловили фазанов за хвосты.

На тулпаре решил скакать сын Талыбая. Гонщик подал сигнал, и кони помчались, но юноша придержал тулпара и пустил его только тогда, когда участники скачки уже скрылись из виду. Когда передние лошади достигли половины пути, за ушами тулпара выступило немного пота, глаза у коня разгорелись, и, натянув поводья, он понесся свистящей стрелой. Сын Талыбая мчался уже, как катящаяся с неба звезда. Он то и дело протирает тулпару глаза шелковым платком и мягко натягивал, поводья. Не успели мигнуть скачущие впереди всадники, как тулпар стал легко обгонять их, в том числе и бая — своего хозяина. «Слушай, бай! — закричал юноша, — твоя доля труда в том, что ты хотел тулпара, а моя — в том, что я разыскал его, ухаживал за ним и выходил его. Тулпар должен быть моим! Он доставит меня на родину...»

О том, что сын Талыбая едет на тулпаре домой, приснилось его единственной сестре, красавице Берша. Она рассказала об этом своему народу и указала овраг, через который он должен прискакать. Тогда в этом месте протянули стальную проволоку и шелковые канаты. Если тулпар не остановится, сорок жигитов должны были снять с него сына Талыбая, накинув на него аркан из шелковой веревки... Сразбегу тулпар разорвал в клочья и проволоку и шелковые канаты. Жигиты едва успели ссадить с тулпара седока, накинув на него петлю, а тулпар, как ураган, пронесся мимо и бесследно исчез...

Так закончил свою легенду о тулпаре старик.

Всадники уже подъехали к белевшему, как дворец, большому зданию в середине нового аула, построенного правильными улицами. Отовсюду раздавались радостные, веселые песни и смех. Краснощекие, улыбающиеся и жизнерадостные юноши придержали у приезжих коней и, взяв под уздцы, повели их в просторные и высокие сараи, выстроенные во всю длину аула.

Это была конюшня колхоза «Октябрь».

СТАЛИНСКИЙ ЗАКОН

Прохладна осень, воздух свеж, без мух;
Как будто дождик пролился на луг;
Пропала тень зимы, и лето — вновь,
И радостны глаза людей вокруг.

Высоко в небе месяц золотой,
И с небом слился гор хребет крутой,

Над ними — звезды в бездне голубой,
Рассыпанные, как шашу¹ на той.

А степь сияет, словно бирюза...
Посмотришь прямо — набежит слеза:
Одет в цветные, чистые шелка —
Прекрасный город ослепит глаза.

Поток народа, как прибой волны,
Как будто все от радости пьяны,
Дворцы и клубы праздничной толпой
Давным-давно, давным-давно полны.

Как море, город ходит ходуном,
Глаза людей горят сухим огнем:
Как свет зарниц, как блеск падучих звезд,
Упавший с неба в тихий водоем.

И малыши, минуту улучив,
Уже летят, как пестрые мячи,
К садам, где горло говорящих труб
На целый мир, проснувшись, прозвучит.

Согбенные годами старики,
И маленькие дети-игрунки
Ждут сталинских великих слов: они
Для всех людей понятны и легки.

И вот они раздались, наконец,
Кристаллами ложась на дно сердец,
Как мед, который «мягок на язык
И тепел сердцу», как сказал певец.

Мы, расходясь, хранили тишину,
Как будто думу думали одну:
«Велик народ душой: быстрее всех
Он постигает слова глубину.

Закон наш новый! Он — залог побед,
Мечта народов столько тысяч лет,

¹ На казахской свадьбе было принято, чтобы гости кидали на ковер перед невестой «шашу» — сладости, пряники, конфеты.

Людского счастья голубой залив,
Где горя нет и слез голодных нет.

Для баев он — карающий топор,
Для наших ног — гранитный он упор,
Кольчуга на стране: копьё врага
Не прободать стальных колец набор.

Развязка трудного узла борьбы:
Впервые стали вольными рабы,
Великий Сталин указал им путь
Свободной человеческой судьбы.

И Сталинский закон на всех фронтах
Оружьем стал. И если только враг
Захочет нам мешать — мы разнесем
Его ряды, как вихрь разносит прах!»

Так думая, средь гулкой тишины
Мы шли, высокой гордостью полны,
Что наш великий вождь живет для нас,
Что мы навеки Сталину верны.



Абилев Дихан

Родился в 1906 году в Павлодарской области, начал писать с 1929 года очерки и рассказы, в 1937 году выпустил сборники стихов «Энергия» и «Шалкима».

ШОТА РУСТАВЕЛИ

Я окинул зорким взглядом тайники минувших лет.
Горы древнего Кавказа улыбнулись мне в ответ,
И прояснились столетья, как чарующий рассвет:
Ты во мне проснулся, Шота, гордой Грузии поэт!

Витязь правды, витязь гнева, ты поднялся, огнелик,
Напоил сердца народов светлых дум твоих родник.
У дворца стоять согбенным ты, великий, не привык,
Негодую гордым сердцем, песней ты разил владык.

Прогонял ты ночь глухую, загораясь, как алмаз.
Песню слушали герои, ожидая битвы час,
И Абай в степях казахских о тебе слагал рассказ,
И к тебе стремился Пушкин пылким сердцем на Кавказ.

Вижу я перо лебяжье, многозвучный слышу стих,
Слышу голос Тариеля, он в столетьях не затих.
Ты воскрес, великий Шота, в юртах радостных моих,
И твоя гнездится песня на вершинах гор крутых.

Крым, Кавказ и Ала-Тау видят песни этой влет.
Иноходцем эта песня на байге поэм идет:

Ей навстречу степь седая, —
Песня радугой цветет,

Ей навстречу пляшет море, —
Песня лебедем плывет,
Ей навстречу скал громады, —
Песня выше, чем скала,
Ей навстречу враг выходит, —
Песня знамя подняла,
Песня вызов принимает,
Песня в битву повела.

Высыхали тихо реки, годы шли, теряя счет,
Осыпались с шумом горы, звезды падали с высот,
Смерть крутая не щадила ни рабов и ни господ, —
Но пронес родную песню, как бессмертие, народ.

Ты пришел к великой славе, стих держа, как меч, в руках,
Месх безвестный из Рустави, покоряющий века...
Ты пришел в страну родную, дум бессмертных великан,
И твоя большая песня дорога большевикам.

ИСПАНСКАЯ ДЕВУШКА

(Отрывки из поэмы)

1. ПОСВЯЩЕНИЕ

Сердце, песенных струн коснись,
Разливайся, песня моя!
Кличем беркута, голос, звучи,
Вздымайся в небесную высь!
Из казахских, из желтых степей
Улетай в чужие края,
Над морской волной пронесись, —
До испанских гор и степей
Мое братское слово домчи!
Слово гнева! Гранатой рвись,
Пулей быстрой лети в ночи,
Стрелы молний в недруга кинь!
Разливайся, песня моя,
Вздымайся в небесную синь!

2. РАЗГОВОР РОДИТЕЛЕЙ ОДЕННЫ

Комсомолка Оденна в бою.
Пламень битвы в ее очах.

Бьется пыль под ее конем.
Вражьи пули льются дождем.
Но она неизменно в бою.
Флаг алеет в ее руках.

Посвист пуль разбудил в дому
Больного ее отца;
Он лежит, не спится ему,
И все мысль об одном без конца.
Поле брани мнится ему...
«Что-то родине бой принесет?
Жизнь иль смерть с собой принесет?»

С постели поднявшись едва,
Шатаясь, старик больной
С жесткой постели встает,
Забывает он недуг свой,
Пред очами все недруг злой,
Гневом грудь старика полна...
Вспоминает он дочь свою,
Вспоминает ее слова:
«Верь, отец мой, верь, моя мать!
Поклялась я — и клятве верна:
Встречусь я с врагами в бою,
Меч остер мой — и крепко держать
Буду наше знамя в бою!»

И старик закричал: «Жена!
Прильни-ка ухом к земле,
Слышишь, — все нарастает гуд, —
Не дружины ль наши идут
По кровавым полям во мгле?
Наша дочка Оденна там,
Где пуль беспрерывен лёт:
Не выдаст испанский народ
Свободы своей — врагам!»

«На кого ты похож, старик!
Не блестят уж очи твои,
Стали сухи щеки твои,
Как пересохший пруд,—
Как же в бой ты пойдешь, старик?!»

«Пусть по горсти воды принесут —
Станет вновь полноводным пруд!

Пусть потух мой старческий взор,
Чем-нибудь и я помогу...
Я на горный выйду простор,
Я на бранное поле пойду,
Пулю в сердце пошлю врагу!
Иль умру за тебя, мой народ,
Иль увижу счастья звезду
И узнаю зари восход!»
И с оружием в руках старики
Поступью слабой пошли,
Но шаги их были легки,
Когда они к штабу шли.

3. ВСТРЕЧА В БОЮ

...Вот в дыму офицер мелькнул,
Пыль неслась из-под конских ног,
Над Оденной он саблей взмахнул,
И слышался сабли свист
Сквозь битвы кровавый гул.
Но крепкой рукой отвела
Оденна вражий клинок,
В горло вражье вцепилась она,
С великаном билась она.
Комсомолку Оденну враг,
Точно беркут, зажал в когтях,
Он терзает, душит ее...

Удисса на поле была,
Увидала дитя свое,
Увидала, как смерть и жизнь
В беспощадной схватке сплелись.
И помчалась к дочери мать,
Забывая раны свои.
Добежала — и видит мать:
Офицер лежит в крови, —
Чьей-то меткою пулею он
Был насмерть на месте сражен!

4. РАНЕННЫЙ БОЕЦ

В горы ночью со всех сторон
Отряды бойцов сошлись.
Костры вокруг разложив,
Подсчитали дневной урон,
Подсчитали, кто цел и жив.

... Слышен топот чьих-то коней,
Двое скачут на блеск огней:
То Оденна спешит во мгле.
Рядом с нею боец другой,
Зажимает он рану рукой
И, едва доскакав, к земле
Склоняется он главой.
Подбежали братья к нему,
Расстегнули платье ему
И увидели: то не боец,
То в припадке последних мук
Женщина рвется из рук!
Стонет женщина: «Близок конец...
Отпустите меня на бой...
Поднимите меня... кто-нибудь...»
И внезапным движением грудь
Обнажила — и стала цедить
Наземь белой струей молоко!..

Кто посмеет врагу простить
Этой женщины скорбный путь,
Этой раненой женщины грудь,
Наземь льющую молоко?!

Успокоилась женщина вдруг,
И, глаза закрыв, прилегла.
И кажется ей: кричит
Оставленный ею сынок,
Он плачет, зовет он мать:
«Посмотри, я совсем изнемог!..» —
«Бедный мой сирота, сынок!
Слышишь ты, как земля дрожит,
Видишь, мальчик, кровавая мгла
Еще на земле лежит!
Слушай, сын мой! Вчера в бою
Смерть отец твой нашел свою!
Сын мой, крепче, бесстрашней будь,
Знаю, жить тебе будет легко,
Помни, сын, материнскую грудь,
Наземь льющую молоко!
Помни, помни, — за волю твою
Отец твой погиб в бою!
Я должна за него отомстить!» —
«Не печалься, мать, обо мне!

Не оставит народ наш меня!
Встань, седлай своего коня
И лети на лихом скакуне
За отца моего отомстить!»

5. ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ ОДЕННЫ

Чей там конь печальный заржал!
Кто на землю упал, сражен,
Окровавив сухой песок?
Чей вдали раздается стон?
В чьей руке блестящий кинжал
Указывает на восток?
То в крови Оденна лежит!
Враг жестокий стрелял в упор...
Мать Удисса к Оденне бежит,
«Мое дитятко!» — стонет она
И седые волосы рвет.
Оденна лежит бледна,
И безмолвно стоит народ,
Смыкая горестный строй,
И следит героини взор...

Пуля грудь пробила насквозь,
И кровавая каплет роса
С черных, как ночь, волос,
По плечам разметалась коса...
И все стынет и стынет взор,
И объятья земли сырой
Героиню Оденну ждут.
Все теснее люди вокруг,
И склоняется алый стяг,
И последние блески огня
Еще блещут в черных очах,
Но алмазный кинжал, звеня,
Не выскальзывает из рук...
«Не рыдай, о мать, не рыдай!
Наши воины смены ждут,
К полю бранному, мать, ступай!
Сам собою не вспыхнет свет!
Счастье людям — борьба дает!
Будь же, мать моя, сердцем сильна,
Ты сражаешься не одна, —
С тобою весь наш народ!
Мать моя! Последний привет

... Слышен топот чых-то коней,
Двое скачут на блеск огней:
То Оденна спешит во мгле.
Рядом с нею боец другой,
Зажимает он рану рукой
И, едва доскакав, к земле
Склоняется он головой.
Подбежали братья к нему,
Расстегнули платье ему
И увидели: то не боец,
То в припадке последних мук
Женщина рвется из рук!
Стонет женщина: «Близок конец...
Отпустите меня на бой...
Поднимите меня... кто-нибудь...»
И внезапным движением грудь
Обнажила — и стала цедить
Наземь белой струей молоко!..

Кто посмеет врагу простить
Этой женщины скорбный путь,
Этой раненой женщины грудь,
Наземь льющую молоко?!

Успокоилась женщина вдруг,
И, глаза закрыв, прилегла.
И кажется ей: кричит
Оставленный ею сынок,
Он плачет, зовет он мать:
«Посмотри, я совсем изнемог!..» —
«Бедный мой сирота, сынок!
Слышишь ты, как земля дрожит,
Видишь, мальчик, кровавая мгла
Еще на земле лежит!
Слушай, сын мой! Вчера в бою
Смерть отец твой нашел свою!
Сын мой, крепче, бесстрашней будь,
Знаю, жить тебе будет легко,
Помни, сын, материнскую грудь,
Наземь льющую молоко!
Помни, помни, — за волю твою
Отец твой погиб в бою!
Я должна за него отомстить!» —
«Не печалься, мать, обо мне!

Не оставит народ наш меня!
Встань, седлай своего коня
И лети на лихом скакуне
За отца моего отомстить!»

5. ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ ОДЕННЫ

Чей там конь печальный заржал!
Кто на землю упал, сражен,
Окровавив сухой песок?
Чей вдали раздается стон?
В чьей руке блестящий кинжал
Указывает на восток?
То в крови Оденна лежит!
Враг жестокий стрелял в упор...
Мать Удисса к Оденне бежит,
«Мое дитятко!» — стонет она
И седые волосы рвет.
Оденна лежит бледна,
И безмолвно стоит народ,
Смыкая горестный строй,
И следит героини взор...

Пуля грудь пробилась насквозь,
И кровавая каплет роса
С черных, как ночь, волос,
По плечам разметалась коса...
И все стынет и стынет взор,
И объятья земли сырой
Героиню Оденну ждут.
Все теснее люди вокруг,
И склоняется алый стяг,
И последние блески огня
Еще блещут в черных очах,
Но алмазный кинжал, звеня,
Не выскальзывает из рук...
«Не рыдай, о мать, не рыдай!
Наши воины смены ждут,
К полю бранному, мать, ступай!
Сам собою не вспыхнет свет!
Счастье людям — борьба дает!
Будь же, мать моя, сердцем сильна,
Ты сражаешься не одна, —
С тобою весь наш народ!
Мать моя! Последний привет

Молодежи ты передай...
Пусть ряды смыкают плотней,
Пусть идут вперед и вперед,
Им—дождаться радостных дней,
Им—увидеть солнца восход!
Мой кинжал завещаю я им,
Друзьям моим боевым...
Не рыдай же, мать, не рыдай!»

И вздохнула, и взор погас
Ее черных горячих глаз.
Мать сидела, тиха, бледна;
Долгий, скорбный, безмолвный час
На Оденну глядела она.
И потом с земли поднялась:
«Дочь! Оденна! Родная! Прощай!
Твой исполню предсмертный завет!
Мы врага своего победим,
И тогда запылает свет!
За тебя мы врагу отомстим,
Отомстим убийцам твоим!
Миллионы идут на бой,
Как пошла твоя мать с тобой.
Так смыкай же ряды, народ,
Мать Оденны в битву идет!»



Аманжолов Касым

Родился в 1911 году в Карагандинской области, поэтическую работу начал в 1936 году рядом стихотворений и поэмой «Дочь Китая».

ГОРДЫЕ СОКОЛЫ

«Нет крепости, что большевик не возьмет»,
Так вождь говорит, нашей жизни оплот,
И слову вождя отвечает герой:
«Нет больше для нас недоступных высот!»

Летит краснокрылый сокол стальной,
Приподнял он грудью курпе голубой,
«Счастливой дороги!» — кричит ему мир,
И сокола солнце зовет за собой.

Сверкания крыльев — как молнии свет!
Вдогонку летит за приветом привет,
А там, за стеною Кремлевскою — вождь
С улыбкою соколу смотрит вослед.

Готовился в путь самолет. И тогда
К станкам собрались батыры труда,
Заводов и фабрик был радостен гуд.
И родины ярко блистала звезда.

Стотонные краны водила рука,
И в шахтах далеких стучала кирка,
И нефти фонтаны вздымались — и сталь
В мартенах рвалась, как весною река.

В такт сердцу Земли — проносился экспресс, —
И шли самолеты в пустыне небес,
И шелком ковер расстился степной,
И рожь колосилась, и кланялся лес.

По шири озерной гуляла волна,
И песня акына струилась, вольна,
И вторил той песне жигит удалой,
И девушка пела с ним, счастьем полна!

Неслась эта песня по родине всей,
Ее на степях подхватил соловей,
И, песне внимая, старец Джамбул,
Ответил призывною песней своей.

И вот раздалось из арктических льдов:
«Летим все вперед. Байдуков, Беляков.
Командует Чкалов. В порядке мотор.
Мы бодры. И к подвигу каждый готов.

Над нами, под нами — вихрится снег.
И там, где еще не бывал человек,
Где тяжек туман, где ревет ураган,
Стремим мы наш вольный, крылатый набег.

Земную уже пролетели мы ось, —
Над нею багряное знамя взвилось,
В сердцах наших — мудрое слово вождя,
И пламенем каждое сердце зажглось!»

Все дальше! — Оставлен Полярный круг,
Мотора уверен и точен стук,
Летит самолет-победитель вперед,
Вздывая в просторах небесный тундук.

И с быстрыми вихрями вперегонки
Над безднами мчится, над лентой реки,
Над ширью озер, над вершинами гор, —
И светят ему звезд чужих огоньки.

Америка! Вот он над этой страной, —
Он путь проложил меж мирами прямой,
И марш коммунизма победно звучит,
И родина правит радостный той.

Исполнен приказ твой, советский народ!
Спускается плавно к земле самолет,
И каждый свой взор обращает на Кремль
И славу вождю и героям поет.

Дивятся народы большевикам,
Дивятся простым и великим делам.
Герои спокойны. И ждут, чтобы вождь
Им путь прочертил к неоткрытым мирам!



Ауэзов Мухтар

М. Ауэзов — виднейший драматург Казахстана. Родился в 1897 году, в семье середняка-скотовода в Восточно-Казахстанской области. Образование — медресе, двухклассное училище, учительская семинария, Ленинградский государственный университет; прошел курс аспирантуры по восточным литературам в Ташкентском государственном университете.

Увлечение литературой начинается у Ауэзова с 1914—15 годов, когда он с жадностью читает арабскую литературу и казахского классика Абая, под сильным влиянием которого написаны первые стихи Ауэзова. Позднее появляются первые его пьесы: «Эль-агасы» и «Байбише-токал» (1918). В 1920 году повестью «Беззащитная» Ауэзов начинает работу над прозой, в 1922 году пьесой «Енлик-Кебек» — работу над драмой.

В раннем периоде своей литературной деятельности Ауэзов в значительной степени находился под влиянием казахской буржуазно-националистической интеллигенции, что нашло свое отражение и в его творчестве. С 1932 года Ауэзов решительно переходит на позиции советского писателя и создает лучшие свои пьесы «Тунги сарин» («Ночные раскаты») — о восстании 1916 года, «Тастюлек» — о колхозном строительстве, «За Октябрь» — о гражданской войне, «Айман-Шолпан» (переработка народной поэмы), «Тартыс», и ряд повестей и рассказов, отображающих жизнь казахского народа до и после Октябрьской революции. В последнее время работает над историческим романом «Абай», написал оборонную пьесу «На границе» и, совместно с Тажигазывым, пьесу «Ак-каин», премированную на казахтанском конкурсе. Ауэзов известен не только как драматург и прозаик, давший ряд мастерских рассказов, не только как переводчик мировой и русской классики и советских пьес («Отелло», «Ревизор», «Аристократы»), но и как исследователь истории казахской литературы, казахского и киргизского эпоса.

КАК ЗАПЕЛА ТАТЬЯНА В СТЕПИ

(Отрывок из романа «Абай»)

В это солнечное зимнее утро, когда домашние и гости вышли на улицу, Абай остался в своей просторной комнате. Он сидел на обычном своем месте, у высокой кровати, украшенной резьбой по кости. Большая белая подушка (всегдашняя соседка его, где бы и в чем бы доме ни сидел Абай) лежала под правым локтем. То облокотясь на край низкого круглого стола, то упершись широкими ладонями в колени, Абай подолгу не менял позы, погруженный в безмолвное раздумье, и во взоре его дальними огоньками теплились лампадки мысли. Ярко освещенные утренним солнцем холмы Ак-Шоки, закутанные в снега, сияли в окне. Каким мудрым спокойствием, какой незыблемой мощью веяло от них!..

Эта зима, когда судебные тяжбы казахов как-то сократились и не вынуждали Абая к частым разъездам по степи, была одной из самых плодотворных для поэта. Оставаясь в ауле, он мог отдаваться любимому труду. Целыми днями он вглядывался в эти холмы, проводя счастливые часы внутреннего затаенного волнения.

В утренние и предвечерние часы размышлений грустное сердце находило себе отклик в молчании вершин. В пасмурные дни горы тоскуют о солнце, в солнечном морозе зимы — они мечтают о весне. Они были в постоянной тоске о неисполнимом, вечно неудовлетворенные, могучие холмы.

Сейчас Абая показалось, что оживились хмурые брови их: по склонам карабкалось пестрое многочисленное стадо. Одинокие и безмолвные холмы! Пусть песнь пастуха рассеет вашу грусть!..

Учтивый и догадливый жигит Абая, Кара-Сакау, давно заметив раздумье хозяина, сидел поодаль, не нарушая тишины. Чтобы не сидеть зря, он достал плетку Абая и принялся мастерить петлю из сыромятного ремня, изредка взглядывая на Абая, делающего какие-то жесты и шепчущего невнятные слова. Раньше таких привычек у хозяина не было, они появились в эту зиму. И Кара-Сакау уже знает, что скоро Абай спросит бумагу и карандаш. Но Абай неожиданно повернулся и, рассеянно взглянув на жигита, молча протянул левую руку к углу комнаты. Кара-Сакау проследил за его взглядом, вскочил и положил на стол две толстые потрепанные книги.

Абай раскрыл одну из них, нашел нужную страницу и снова задумался, увлеченный своими мыслями. Взгляд его переходил с одной книги на другую.

Эти две книги не были понятны никому в этом ауле и во всей

окрестности. Язык их берег от всех заключенные в них тайны. Только одному Абаю понятны и дороги книги двух поэтов из далекого мира и далеких времен.

Пушкин и Лермонтов. Оба они прошли жизненный путь вдаль от степей, где жили деды Абая, и кончили жизнь в неведомых дальях, — чуждые и неизвестные казахам люди. Но за эту зиму они стали так близки и приветливы к нему. Явились из чужого мира и на чужом языке изъяснились с ним, как родные, — двойники его в огорчениях и в грусти. Разгадав его душу, они как бы говорили ему: «И ты своими печальными мыслями подобен нам!»

С тех пор, как Абай подружился с ними, отошли в тень и коран, и Суфи-Аллаяр, и даже Неваи. А ночевавшие часто у Абая суеверные и набожные старики или фанатики-муллы, наблюдая, как сидит над этими толстыми книгами Абай, довольно качали бородами: «Он читает шариат, — думали они, переговариваясь между собой, и пускались в догадки: — это, верно, поминальные молитвы из корана. Не мулле поручает, а читает сам, благочестивый человек!»

Но когда они замечали, что книга раскрывается странно — слева, что страницы ее — с рисунками, и когда, взглядевшись, они видели вместо затейливых арабских букв ровное и спокойное течение русских строк, — они, пораженные, шарахались от книги и тут же умолкали. И почтенные главы казахских родов, уходя от Абая, спрашивали друг друга: «Для чего же он, как прикованный, сидит за этим левым письмом?» Другие отвечали: «Гордость. Разве ты не чувствуешь, что он хочет сказать: вот, мол, я ближе вас к властям...»

Абай знает, что его тайные немые друзья беспокоят многих, как недобрая загадка. Но он нимало не тревожится этим.

Друзья его — мертвы. Но разве можно назвать смертью такую смерть? Навеки бессмертные, они заповедали миру помнить их имена. От человека остается только могильная насыпь, с годами она сравнивается с землей. Так же меркнет и воспоминание о недавнем призрачном существовании. Когда насыпь исчезнет, человек проглочен вечностью.

А эти два человека утвердили на земле память о себе, как мощные, незыблемые горы. Они подобны двум вершинам Ак-Шоки, вознесшимся надолго, на века. Абай со вздохом подумал: «Благословен народ, имеющий родину и просветленный знанием!» Оба поэта представляются ему такими близкими друг другу, родными: «Это братья, вся жизнь которых — ярко пылающий и неугасимый факел для последующих поколений, для всех носителей мысли, среди всех народов и всех времен...»

С глубоким вздохом Абай наклонился над письмом Татьяны.

«Какие искусные слова! Не слова — дыхание и трепетное биение сердца... Нежная глубина!»

С восхищением он отвел глаза от книги и неожиданно для себя легко сложил строчки:

Язык любви — язык без слов,
Послушай — и пойми его...

К нежному голосу татьяниного письма в ритм и в тон ему он присоединил свой голос. Покоренный ее волнением, он намечал начало нового своего напева.

«Такие дни прошли для меня, — думал он. — Но как жаль, что в те дни не слышал я подобного голоса! Пусть хоть теперь отзывчивые сердца прислушаются и вникнут в эту песню, они поймут ее...»

Последние два дня он помогал Татьяне заговорить скромным казахским языком. Чем дальше, тем больше слов находил его Татьяна в мягком, покоряюще-нежном напеве. Все благороднее в своей грусти, все красноречивее становилась эта девушка, покорившая его.

Он сравнивает письмо, продиктованное ей им самим, с письмом, написанным по-русски. Иногда не так, как у Пушкина; Татьяна порой говорит слишком обычными словами. Но это невольная дань новым слушателям. И то — поймут ли они ее? Он вспомнил Кокпая и Муха. Что, если и они не поймут этих слов?

В страницы «Евгения Онегина» было вложено полученное недавно письмо. Занятый новой мыслью, Абай положил за губу свой насыбай¹ и, перелистав книгу, нашел листок. Вернувшийся вчера из Семипалатинска Кара-Сакау привез Абаю вместе с десятком новых книг и это письмо. На восхищение «Евгением Онегиным» просвещенный друг Абая — Михаэлис отвечал: «В последние годы роман «Евгений Онегин» переложен на музыку. Передают, что эта музыка достойна пушкинской Татьяны и Ленского. Говорят, культурные круги Петербурга и Москвы буквально ею дышат. Но что делать — нам не судьба наслаждаться ею», писал ссыльный невольник...

Перечитывая это, Абай думал о Кокпае и о Муха.

«Красивым пением они, бедные, украшают вздорные стихи», подумал он, беря стоявшую возле него домбру, и улыбнулся: «Я дам этим мелочным торговцам вместо бязи дорогие шелка...»

И снова шепчут его губы какие-то слова, а помутневший, смягченный взор часто устремляется к двум вершинам Ак-Шоки. Но сейчас этот взор не видит предметов. Это уже взор мысли.

¹ Насыбай — жевательный табак.

Взор глубоко взволнованной души поэта. Пальцы торопливо перебирают струны. Еще в прошлую ночь, ложась в постель, он смутно улавливал отдаленно звучащие и гаснувшие звуки, а сейчас так быстро пришли они в его память и так легко начали ложиться в струны его домбры. Повторяя эти обрывки, он попробовал тихо, но внятно вторить им своим голосом. Размер близок:

Я вам пишу, чего же боле...

Стыдливая тайна Татьяны еще робко, еще неуверенно начинается звучать в напеве домбры. Еще строка... Еще...

То облокотясь на подушку, то резко выпрямляясь, он торопливо понукает домбру. Парные струны тихо рокочут, порой резким звуком выходя за нужный, уже найденный, уже ошупанный предел. Дорого достались две последние строки, но и они стали в лад со струнами.

Абай без перерыва исполнил три строфы татьянинного письма. В восторге он выбросил старый насыбай из-за губы и заложил тут же новую горсточку. То громко, то тихо перебирает он струны. Как будто запомнил... Вдруг он круто повернулся всем своим массивным корпусом в сторону Кара-Сакау. Глаза его на этот раз сверкали весело и задорно и тут же мягко потухли.

— Эй! что ты тут сидишь? Ты понял что-нибудь!?

Растерявшийся от неожиданного оживления Абая жигит показал плетку:

— Починяю вот, Абай-ага!

— А что я делаю, не догадался?

— Думаю, вспоминаете русскую песню...

— А, ну так? И то хорошо... Ступай, позови Кишкене-Молду, — сказал Абай и, чтобы не забыть только что созданный им мотив, заиграл его снова.

Кара-Сакау раскрыл дверь, и Абай увидел возвращающуюся с улицы свою старшую жену Дильду. За ней входили приезжие! В руках у них — плетки, лица покрасневшие — с холода. Люди в овчинных тулупах, чекменях и стеганых халатах. У двоих передних покррой шапки не тобыктинский¹, а шестигранный, узковерхий, шапки рода Уаков. Абай, все еще продолжая перебирать струны домбры, поморщился:

— Фу, какой ворвался мороз!..

Дильда встревожилась:

— Какой мороз, Абай? На улице «и сало не застынет»...

— Показалось, мороз, оказывается — люди, — ответил Абай и поздоровался с приезжими. Дильда приняла слова Абая как один из многих непонятных и загадочных его поступков и про-

¹ *Тобыкты* — род Абая.

шла в соседнюю комнату. Оттуда вышел учитель его детей, Кишкене-Молда. Абай быстро взглянул на него:

— Ты переписал письмо Татьяны? Она ведь решила петь, знаешь?

— Хорошо придумала. Письмо переписал.

— Так напиши Кокпаю и Муха. Скажи, им шлет привет Татьяна и хочет, чтобы они были знакомы с ней. Мухамеджан едет в город, пусть отвезет им колос ее привет.

Приезжие не поняли, о ком идет речь, но по виду их было ясно, что это их нимало не интересует. Слова Абая настороженно слушал вместе с Кишкене-Молдой только Мухамеджан — молодой, румяный, сероглазый жигит, присевший рядом с Абаем.

Мухамеджан в самом деле ехал в город. Он, так же как Муха и Кокпай, был одним из лучших певцов, кроме того он и сам изредка слагал стихи. Освободившись от верхнего платья, он спросил Абая:

— Кто же это поет, Абай-ага?

Вместо ответа Абай взял домбру и спел ему три строфы письма и потом, не вступая с ним в разговор, отложил домбру и обратился к приезжим с расспросами.

Не уловив мелодии, Мухамеджан сильно заинтересовался словами новой песни. Среди всей молодежи окрестности Мухамеджан одним из первых узнавал и заучивал новые стихи и песни Абая. Но этой песни он еще не знал и нигде раньше не слышал. Повидимому, не знают ее и Кокпай и Муха. Тут он сообразил, что Абай поручил ему заучить и довести до них новую песню.

Мухамеджан хотя и был одним из близких родственников Абая, но, будучи гораздо моложе его, не смел попросить Абая спеть еще раз: он отлично знал, что Абай не любит приставаний. Поэтому решив остаться у Абая на обед и заучить песню, он тут же пошел к Кишкене-Молде.

Абай уже занялся приезжими.

Задавая им обычные вопросы о пути и о цели его, Абай был странно поражен только теперь замеченным обстоятельством. Он вспомнил, что в эту же зиму он видел у себя этих двух Уаков и этого же Кокше, в этих же одеяниях, буквально с таким же выражением лиц и в этих же позах. Они приезжали тогда с тяжбой об украденном скоте. И тогда этот конокрад из рода Кокше, Турсун, сидел так же скромно, молчаливо, тихо, с опущенной головой, как и сейчас. И тогда этот же истец Сарсеке, низкий и тучный, пыхтел, так же широко рассевшись. И так же, как теперь, Сарсеке требовал тогда у Турсуна возвращения украденного скота. Но тогда он ведь получил полностью своих коней?..

Жизнь так быстра, так изменчива. Почему эти выходцы из различных родов обречены так нудно и серо оставаться неизмен-

ными? Которая из этих двух картин — сон?.. Тогда или теперь?.. Глядя на них, можно подумать, что время не шло, а застыло.

Абай рассеянно слушал Сарсеке и думал об этом странном сходстве уже бывшего с настоящим.

Голос Сарсеке звучал монотонно, как пест и ступа, сделанные из дерева:

— Вот что думал этот вор, Абай-жан: «Тогда ты так и не дал мне присвоить тот скот. Привел к Абаю и заставил срыгнуть обратно. Так я ж тебе насолю еще!» — вот что он думал. И решил, что если он снова украдет у Уака, ничего не случится. Назло украл! В тот раз угнал трех коней, а теперь угнал целых пять голов. Ну, разве это не дело рук мстительного вора, Абай-жан?

Абай теперь понимал эту новую тяжесть. Он хотел разгадать правду по лицу конокрада, но тот сидел, наклонив голову в длинношерстой рыжей шапке с крепко завязанными наушниками, показывая только кончик толстого носа и половину редкой черной бороды. Исподлобья следя за каждым движением Абая, он сидел молчаливый и недвижимый, словно каменное изваяние.

В спор, затеянный Сарсеке, он еще не вмешался ни единым звуком, слушая, как посторонний разговор, и показывая всем своим видом, что заставить его заговорить сможет только Абай, а Сарсеке никогда не сдвинет его с места. Хочет ли он выразить этим свое уважение к Абаю как к большому бию, или же он хочет остаться неуязвимым для истца?

Абай решил посмотреть на его лицо и сурово окликнул:

— Эй! что ты скажешь?

Рыжая шапка медленно повернулась, и упрямое лицо только теперь глянуло на Абая. Крепкий, весь квадратный Турсун взметнул на Абая свои маленькие серые глаза и опять опустил голову. Толстые веки и отвислые щеки, — и лицом и всем телом он подобен цельному сучковатому обрубку. Нарушив, наконец, молчание, он покачнулся на месте и заговорил:

— Абай-ага, недавно этот же Сарсеке по твоему приказу отобрал у меня все. Тогда ты повелел расплатиться, и я исполнил, покорился. А как опять пропал скот у Уаков, так — прав-неправ — а все-таки платить только мне, что ли? — спросил он.

Снова бесконечные препирательства. Где истина, где ложь? Есть ли конец таким тяжбам и таким тяжущимся? Пока добьешься истины у упрямых сторон, измотаешься до конца. Где Пушкин и где шелковые волокна чувств Татьяны с ее прозрачной истиной, идущей из правдивого сердца?.. Истец в погоне за своим скотом. Упрямый вор, живущий, поедая чужое. Бесконечная муть запутанной жизни... Как утомляют эти люди и как они губят душу! Где твой голос, Татьяна? Помню ли я его еще?..

Он взял домбру, пытаясь найти покоривший его напев.

Двуструнная домбра недавно еще была говорливой и послушной. Теперь она, как конь в путах. Звуки вразброд. Нет недавно найденной песни. Забыта...

Слушая ответ Сарсеке, Абай долго ищет эту мелодию. Но ей как будто нет возврата. Она ускользает от него. Абай отложил домбру.

Сарсеке огорченно говорил:

— Снова ты украл мой скот, Турсун. Снова ты. Со зла, в отместку за то, что я гнался за собственным скотом и разыскал его у тебя!

— Слепой цепляется за нащупанное однажды,— отвечал Турсун.— Что ж, в степи нет людей, кроме меня, и скота, кроме твоего? Не только в тот четверг,— за весь месяц хоть раз садился я на коня?

Они спорили теперь открыто, быстро отвечая друг другу. Абай слушал их молча и с болью, нахмутив брови, сказал:

— Послушайте, шли бы вы для разбора к другому! Шли бы к Акилбаю, он ваш сосед, он легче узнал бы истину...

Но на это ни Сарсеке, ни Турсун не были согласны. «Да или нет? чист или грязен? — нам достаточно вашего решения», настаивали они.

Тогда Абай резко и громко обратился к Турсуну:

— Скажи правду, Кокше. Умри, но скажи: взял ты скот у Уака или нет?

Он гневно уставился на Турсуна. Но тот не смутился и ответил сразу же:

— Абай-ага, я дал клятву умереть перед тобою с правдой. Пусть я крал, но и у вора есть честь. Вот моя истина: на этот раз я не виновен! — сказал он отчетливо и при этом, резко заломив верх своей шапки назад, он открыл свое лицо и в упор взглянул на Абая.

Слушая его, Абай долго пристально смотрел на его лицо и думал про себя: «Пусть он вор, но это лицо — лицо истины». Убежденность Турсуна его поколебала.

Абай решил:

— Да, он говорит правду. У него нет твоего скота, Уак. Ищи у другого!

Турсун поправил шапку. Ни он, ни Сарсеке не молвили больше ни слова. Сарсеке опустил голову, Абай, закончив их дело, снова взялся за домбру:

— Ну, ваша тяжба кончена. Пить и есть будете в комнате для гостей, идите туда!

С домброй в руках он наклонился над письмом Татьяны.

Сарсеке и Турсун поднялись одновременно. Турсун, кото-

рый при входе в комнату дал дорогу Сарсеке как человеку из дальнего рода, и сейчас также пропустил его в двери первым. Прежде чем войти в комнату для гостей, они должны были пройти темный коридор. Идя по нему, Турсун беззвучно засмеялся, — он умел так смеяться долго, незаметно для других. Он остался доволен собой.

В самом деле, он проявил себя настоящим артистом. Осенью, когда он угнал трех лошадей этих Уаков и, поленившись ехать далеко, заколол у себя, — истцы приволокли его к Абаю почти насильно. Тогда, еще в самом начале допроса, у него возник свой план, и когда Абай спросил его: «Взял или нет? — скажи только правду!» — он немедленно ответил: «Взял, вынеси свой суд, я виновен». Никогда Абай не видал раньше так откровенно сознающегося вора и заявил: «Плата, которую я беру у вора, — это его правда». Турсун все это переварил в себе и, переждав два месяца, угнал у того же Сарсеке пять лошадей и ловко сплавил их в ту же самую ночь. Никто не заметил налета, была суровая буранная ночь, она замела все следы. Сарсеке мог на этот раз только подозревать, но улики, следов или свидетелей он не имел. Обдумав все это, Турсун ехал к Абаю с твердым решением — на этот раз отрицать все, пусть даже рискуя погибнуть. Его расчеты оправдались. Он выиграл не только у Сарсеке, но и у Абая. И теперь в темном коридоре он смеялся над этим.

Оставшись один, Абай опять принялся искать песню Татьяны, перебирая струны, но его старания не увенчались успехом. В комнату вошли Кишкене-Молда, Мухамеджан и впереди них, неся в одной руке доску, а в другой — кожаную сумку с шариками «тогуз-кумалак»¹, любимой игры Абая, шел Корпобай.

За четыре дня своего пребывания в ауле Корпобай ни разу не дал Абаю выиграть. Играли они с увлечением, с утреннего чая до обеда. Вчера весь вечер Абай просидел за книгой и работой, и игра прервалась.

Увидев Корпобая с тогуз-кумалаком, Абай понял, что заниматься уже не дадут, и закрыл Пушкина.

— Ну, раскладывай кумалаки. Постараюсь тебе отомстить!

Блестящие шарики из желтой кости с мерным треском падали один за другим в ямки. Правая рука Корпобая плыла над доской, его пальцы работали удивительно быстро. Трудно было понять, как отсчитывают они из целой горсти безошибочно по девяти шариков.

¹ «Тогуз-кумалак» (буквально — «девять шариков») — сложная национальная игра.

Абай, засиживаясь в зимнее время подолгу дома, держал у себя неделями таких игроков в кумалаки, как Макишев Исмагул, как Маркабай или Корпобай. Сам Абай тоже слыл одним из сильнейших игроков в округе.

Противники приступили к игре. Первые привычные три-четыре хода они сделали быстро и взяли друг у друга по небольшой горсточке шариков. Они не дошли еще до отыгрывания туздуков¹. Мухамеджан, Кишкене-Молда и Кара-Сакау следили за игрой.

Мухамеджан уже списал у учителя все письмо Татьяны и проверил его с Кишкене-Молдой, который знал его наизусть. Рукопись Абая Мухамеджан сложил вчетверо и положил в карман, — Абай обычно не спрашивал свою рукопись, если она переписана и заучена, и поэтому Кокпай, Муха, а иногда и Мухамеджан забирали себе его карандашные черновики.

Мухамеджан ждал случая, чтобы вторично послушать письмо Татьяны. Но Абай, увлеченный игрой, и не думал возвращаться к нему. Видя это, певец достал из кармана свою запись, разложил ее на коленях и стал заучивать первые строки. Незнакомый ритм, необыкновенный язык излияний Татьяны поразили его. Никогда еще не читал он у Абая таких стихов. «Вот это новость!» — думал Мухамеджан, наклонившись над рукописью.

Абай сидел безмолвно, словно забыв Татьяну, целиком отдавшись борьбе с Корпобаем. Мухамеджан успел уже заучить первые строфы. Он взял домбру и, тихо перебирая струны, попробовал спеть про себя: «Я вам пишу, чего же боле». Он перебрал все известные ему мотивы казахских песен, но ни одна не подошла к этим словам, — ни знаменитая «Ак-Каин», ни «Топай-гок». Письмо так и не пелось. Раздосадованный, он посмотрел на Кара-Сакау. Жигит, знавший, чего ждет Мухамеджан, решил осторожно отвлечь внимание Абая от игры в кумалаки.

— Не хочет, видно, Татьяна знаться с «Ак-Каин»? — спросил он молодого певца.

— Не только с «Ак-Каин». Она не хочет запеть ни на один знакомый мотив.

— Пожалуй, байт или жир² подошли бы лучше, — сказал Кара-Сакау, искоса посмотрев на Абая.

Абай только теперь обратил на них внимание:

— Вы так думаете? Татьяна, видно, останется Татьяной. Она не Ак-Бала³. Она не пойдет за песней ни в Багдад, ни в Каир!

¹ Туздук — отвоёванная у противника ямка. Все шарик, находящиеся в ней, достаются отвоёвавшему ее игроку.

² Байт — книжные стихи с речитативным напевом, жир — тоже речитативная форма стиха-рассказа.

³ Ак-Бала — имя героини одного песенного состязания.

Он оживленно придвинулся к доске, начав быстро пере-
кладывать шарики, и последним попал в среднюю ямку против-
ника. Он радостно засмеялся, трясаясь всем телом. Ошеломлен-
ный Корпобай нахмурил брови. Кишкене-Молда, следивший
за игрой, воскликнул:

— Здорово! Туздук отменно хорош! — и засмеялся вместе
с Абаем.

Действительно, Абаю удалось после долгих расчетов взять
у мастера очень чувствительный туздук в самом центре его ла-
герьа, и настроение его изменилось. Видя, чего хотят от него
жигиты, он сказал:

— Ну что ж, Кара-Сакау, Татьяна теперь отказывается спеть
свою песню? Она, верно, думает: «Пусть споет за меня Мухамед-
жан, не буду же я сама петь всем казахам, — их так много!»

И Абай протянул руку к домбре. Мухамеджан, сгорая от не-
терпения, уставился в свою записку.

Абай заиграл. Утренняя, забытая было мелодия отчетливо
и точно сразу зазвучала у него.

— Нет, оказывается, уже поет снова, — сказал Абай под
переборы струн. — Так слушайте, что она говорит...

Он запел. Дверь комнаты открылась, и вошла Дильда. Слу-
шая пение Абая, она села около него.

На второй строфе Мухамеджан стал про себя подпевать
Абаю. Но тут Корпобай, обходивший своими шариками задние
ряды абаевских ямок, с треском бросил свой последний шарик
во вторую из передних ям Абая. Он взял самый значительный
туздук — «туздук закабаленной шеи».

Абай оборвал пение.

— Опрмай, что он сотворил!

Он передал домбру Мухамеджану и наклонился над кума-
лаками. Мухамеджан с раздражением шепнул Дильде:

— Ишь как испортил все этот дохлый замухрышка!

— А что, дорогой? что он сделал? — спросила Дильда и то-
же посмотрела на игру.

— Я задержался в пути, чтобы заучить новую песню Абай-
ага. А теперь, когда он потерял такой туздук, разве он об-
ратит внимание на нас?

Кара-Сакау сочувственно покачал головой. Дильда поверну-
лась к Мухамеджану:

— Попробуй все-таки спеть. Давно мы не слышали твоего
голоса.

— Да я с одного раза не запомнил ее, женеше, — сказал он
и попытался подобрать мотив на домбре. Абай, сделав свой очеред-
ной ход, протянул к ней руку.

— Ты начинаешь неверно, — заметил он и повторил мотив

несколько раз. И когда от отдал Мухамеджану домбру, тот, наконец, запел первые строфы.

— Эге, видно, Татьяна познакомилась с Мухамеджаном! — сказал Абай. — Тогда пой дальше!

Ободренный этим, Мухамеджан запел во весь свой высокий и чистый голос. Искоса поглядывая на свою запись, он пел теперь все письмо Татьяны с самого начала.

Игра была забыта.

Абай, бледный, застыл с остановившимся взором, устремленным на вершины Ак-Шоки. Он вспоминал Пушкина, которого он недавно сравнивал с этими горами, и слушал татьянин напев преклоненно, чувствуя озноб восторга. Его же слова и сложенный им самим напев — теперь, в исполнении молодого, искусного и красивого певца взволновали его очень глубоко.

Заметив волнение Абая, все присутствующие также замерли в восхищенном внимании, не спуская глаз с певца. Песня была не казахская, но грусть ее понятна всем. Она плыла, как мягкие и тихие волны.

Мухамеджан, чтобы лучше запомнить заученную с таким трудом мелодию, пел долго. Его самого покорила побеждающая и захватывающая сила этих чувств.

Закончив, наконец, пение, он не сдержался:

— Какая покоряющая сила любви!.. Кто же зажег ее так, Абай-ага?

Вопрос этот интересовал и остальных, все ждали разъяснений Абая, но тут вмешался говорливый Кишкене-Молда:

— Это же ведь ей написал Фошкин!

Мухамеджан раздраженно оборвал его:

— Помолчи, Молда... Фошкин!.. даже имя называешь не так!

— А как же? Я говорю правильно.

— По-моему, Абай-ага называл его Пошкин... Как правильно его имя, Абай-ага?

Абай рассказал им про жизнь и смерть Пушкина и вернулся снова к письму Татьяны. Просматривая копию Мухамеджана и в раздумье исправляя отдельные места, он заметил:

— Это он дал слова девичьему сердцу. По правде говоря, такого акына не видели и вы, дети казаха, не видел еще и ты, весь мусульманский мир!..

— Эта бедная девушка, в самом деле, умело излила свое горе, — сказал Кара-Сакау. Корпобай наклонился было над доской, но Мухамеджан как бы нечаянно сдвинул ее коленом в сторону и обратился к Абаю:

— Но справедливо ли, Абай-ага, такое признание Татьяны оставить без ответа? Не лучше ли будет, если жигит достойно ответит ей?

Кара-Сакау поддержал его. Абай отвечал задумчиво:

— Вы, пожалуй, правы. Придется, видно, послушать и Онегина,— и после небольшой паузы добавил: — Но только как же? Он ведь оказался недостойным?..

И он придвинул к себе Пушкина.

Победав у Абая, Мухамеджан в тот же день уехал в Семипалатинск.

Весь вечер Абай сидел над Пушкиным. Этот день был первым днем, по-настоящему сблизившим Абая с Пушкиным. Закрывая перед поздним ужином пушкинские страницы, Абай сказал вслух:

— Ты раскрыл мне глаза на мир, дорогой Михаэлис... Теперь переключивается моя Каабба, и запад становится востоком, а восток стал западом для меня... И пусть же будет так!

После ужина домашние не расходились и, как всегда, ждали рассказов Абая. Проведший весь этот вечер в думах далеко от родной семьи, Абай, видя теперь рядом Дильду и друзей, решил рассказать им что-нибудь.

И до глубокой ночи Абай рассказывал друзьям недавно прочитанную им впервые одну из ночей Шехерезады — о Шаркене и Зукуль-Макане.

Вечером на западной окраине Семипалатинска в доме Танжарыка, мелкого торговца, сошлась молодежь.

У Танжарыка снимал комнату молодой жигит Кисатай, один из родственников Абая. Кисатай не забывал привычек аула, любил гостей и хотя сам был молчалив и застенчив, но всегда собирал вокруг себя людей.

Сегодняшними гостями его были близкие родственники и ученики Абая. Как бы возглавляя общество, на почетном месте сидел акын Кокпай, человек геркулесовского сложения, горбоносый, обладатель могучего голоса. Там, где отсутствовал Абай, он любил поговорить, чрезмерно захваливая то, что ему нравится, и беспощадно высмеивая то, что ему не по вкусу. Он был прекрасным рассказчиком и умел веселить компанию.

Другой почетный гость — Шубар-акын, мужчина с густой черной бородой, один из младших братьев Абая. Кокпай знал только арабскую грамоту, Шубар же — и русскую и, подражая Абая, читал русские книги. Так же, как и Кокпай, он при Абая бывал неразговорчив, зато, когда Абая не было, оба они давали себе волю, считая себя много выше остальных казахов. Одевался он тщательно, холил себя, золотая цепь недавно купленных золотых же часов блестела на жилете. Он говорил сдержанно, но значительно.

Здесь был еще любимый сын Абая — Магавья. Ему нет еще

восемнадцати лет, он юношески худощав, несколько бледное его лицо нежно, лоб широк, нос тонок и прям, и среди других он выделяется приятной наружностью и изяществом образованного человека. Несмотря на молодой возраст, он держал себя непринужденно и говорил смело. С ним вместе пришел известный певец Муха. Муха был высок ростом, прекрасно сложен, голос его был звучен. Два года назад Абай взял его в жигиты к Магавья, оценив его голос и игру на домбре и на скрипке. Рядом с ним сидел Исхак, сын Рыспая. Он силен в другом: если Кокпай и Муха были признанными знатоками казахской летописи, то Исхак, отчасти с помощью Абая, отчасти самостоятельно, изучил арабский и персидский эпос — «Жамшид», «Бах-тажар», «Рустем», «Тысячу и одну ночь».

Все они собрались заночевать здесь, отправив возниц по домам. В разгаре беседы открылась настежь дверь и, kloчoca в руках жигита, появился пузатый самовар, а за ним — полная румяно-белая жена Танжарыка со скатертью. Гости, удобно устроившиеся на мягких и пышных курпе и подушках, разбросанных по просторной комнате, подобрали ноги калачиком, уступая место самовару. Пока накрывали на стол, жигит Кисатая достал из шкафа коньяк и зубровку. На столе вместе со сладостями появились тарелки казы и вкусные куски конины. Исхак развеселился:

— Это умно, Кисатай! Что же ждать, пока там сварится мясо?

Гости, рассевшись вокруг низкого круглого стола, продолжали нести всякую веселую боть и небыль. Немало было ост. рот и шуток друг над другом. Веселый шум напомнил Шубар-акыну, как любит Абай такой сбор молодежи.

— Напрасно не приехал в этот раз Абай-ага, — пожалел он Кокпай возразил:

— Пусть уж лучше сидит дома. Похоже, что он взялся за книги и стихи.

Шубар-акын иронически взглянул на него.

— Ой, брат, если этот старик будет все цвести, боюсь, наши стихи засохнут, — сказал он, обращаясь к Магавья, намекая на то, что у многих молодых поэтов нехватает смелости давать на отзыв Абаю свои новые стихи. В глубине души он сам завидовал Абаю.

— Если так, подождем пока не расцветут наши собственные стихи, — сказал Магавья смеясь.

Шубар-акын покачал головой с комическим огорчением:

— А как ты угадаешь их расцвет? Нынче я показал ему свой «сегиз-аяк»¹, по-моему хороший. Он посмотрел и говорит, что

¹ Сегиз-аяк — восьмистишие, новая форма казахского стихосложения, введенная Абаем.

сегиз-аяк пишется не так, лучше, мол, напишу сам, — и отобрал, старик!

Вспомнил о своей обиде и Кокпай:

— Он было дал мне «Шокпардай кекили бар»¹ для моей поэмы. Пусть, говорит, он будет золотым конем твоего Наурызбая!² А потом подумал и взял обратно: не жирен ли, мол, будет конь?

Про этот случай присутствующие слышали впервые. Рассказ вызвал дружный смех. Магавья повернулся к Кокпаю:

— Ты бы должен привыкнуть, Коке: вспомни, как он взял назад все свои стихи!

Акыны опять расхохотались. Все знали, что Абай долго выдавал свои стихи за стихи Кокпая, и только год назад, написав «Знойное лето», решил, наконец, раскрыть свое авторство. Чтобы вознаградить Кокпая, Абай сказал ему: «Возьми себе рыжую кобылу, а стихи свои возьму я сам».

— Кобылу я зарезал для вас же, вспомните, казы было на два пальца. И в этот день, наевшись, я сказал себе: пусть он берет себе свои стихи, зато я власть наелся! — сказал Кокпай, вызывая хохот окружающих.

— И знаете, — продолжал Кокпай, — когда я недавно рассказал это Абаю, он ответил мне, улыбаясь: «Когда генерал, покоривший Ташкент, вступал в город с войсками под громкий барабанный бой, один курильщик опиума сказал: «пусть он берет себе Ташкент, зато какая у нас теперь чудесная музыка!» Ты подобен этому курильщику опиума, Коке...»

Гости изнемогали от хохота, а жена Танжарыка, до этого молчавшая, покатила со смеху, слезы потекли из ее глаз, и она не могла разливать чай. В самый разгар веселья открылась дверь, и вошел еще один гость. В руках его была камча, борода и усы заиндевели, одежда туго промерзла, — было видно, что он прямо с дороги.

— Ассалю маликум! — громко приветствовал он компанию.

Сидящие приняли его не совсем приветливо, нехотя прекратили смех, разглядывая нового человека. Первым узнал его Исхак.

— Эй, ты — Мухамеджан, что ли? — воскликнул он, засияв. Прояснились лица и у остальных.

Мухамеджан прямо из аула заехал в этот дом. Отвечая на расспросы, он снял зимние сапоги, оставшись в ичигах, скинул верхнюю одежду и очистил усы и бороду от примерзшего льда. Его наперерыв приглашали занять почетное место.

¹ *Шокпардай кекили бар* — знаменитое стихотворение Абая о коне-бегунце.

² *Наурызбай* — герой поэмы Кокпая.

— Сегодня позвольте мне занять место между Муха и Кокпай, — сказал он.

Муха уступил место, передвинувшись ниже. Кокпай оглядывал молодого певца с каким-то смутным подозрением: не было никакого сомнения в том, что Мухамеджан и в песнях и в сложении стихов считает себя выше всех сидящих здесь акынов. Кокпай сам иногда говорил, что если бы Мухамеджан не был так беден и не кичился бы так своим происхождением из рода Иргизбая, — он при хорошем воспитании дал бы мастерские вещи. Сегодня он что-то уж очень самоуверен... Поэтому, не успев еще Мухамеджан удобно сесть, как Кокпай съязвил:

— А я-то думал: кто это идет, скрипя сапогами, с замерзшей бородой? Оказывается — аул?

— Если аул плох, почему же ты бежал в него, оставив божий дом? — быстро ответил Мухамеджан, намекая на то, что Кокпай учился в медресе, чтобы стать муллой. Молодежь оценила ответ дружным смехом.

— Молчи, брат, и в ауле есть бесценный клад, — добавил он.

— О каком кладе ты говоришь? — забеспокоился Кокпай.

— Узнаешь — только дай, пожалуйста, напиток чаю, — ответил Мухамеджан, свысока смотря на сидящих, и умолк, принявшись за еду. Остальные, уже насытившиеся, продолжали прерванные появлением Мухамеджана шутки и рассказы, Шубаракын предложил перейти к песням.

— Пусть начнут петь старшие, тогда другие не будут стесняться. Ну, Коке, вспомни состязание твоего Наурызбая с девушкой Тлеукабах!

Кокпай, не спеша, откашлялся и спел полным голосом сочиненную им этой зимой песню. Потом Магавья подбил Шубаракына исполнить его «Сегиз-аяк». Шубар не считал уместным петь сам, и за него спел его жигит, плешивый Орумбек. Мухамеджан, проголодавшийся и замерзший, спокойно уплетал казы и отогревался чаем, как будто совершенно не слушая песен. На вопрос Исхака, был ли он в ауле Абая, он ответил односложно:

— Был. Абай здоров, шлет привет.

Напившись чаю, он отодвинулся от стола. Теперь в комнате раздавался звучный голос Муха, певшего «Топай-гок». Когда Муха закончил песню, Мухамеджан, не дожидаясь пока его будут просить, потянулся к нему за домброй. Настроив ее по-своему, Мухамеджан с усмешкой сказал:

— Собралось столько знаменитых акынов, а поют: «жеребенок худ, тай¹ сыт». Если уж слушать песню, так настоящую. Слова должны быть вот какие!

¹ Тай — годовалый жеребенок.

И он запел, сразу привлекая к себе внимание.

Это были чудесно-грустные слова Татьяны. Гости притихли, не шевелясь, внемля каждому слову песни. Мухамеджан умел как-то особенно выразительно и ясно передавать каждое слово. Вначале слушатели все же не могли понять — какую песню они слушают, казахскую или русскую? Однако было ясно, что новая песня, прекрасная и грустная, содержит глубокие мысли. Особенно очаровывал ее язык. Молодые акыны как будто впервые поняли, как нужно петь о любви. Такую искреннюю грусть, такую нежность они слышали в первый раз. Замечательные стихи захватили всех. Какое в них волнующее чувство, какая сдержанная гордость! Как будто теплое, нежное сердце заговорило этой песней и льет перед людьми слезы из самой своей чистой глубины!..

Смотря на раздумывавшегося Мухамеджана, взволнованный прелестной песней Исхак воскликнул:

— Ой, айналаи¹, горло твое!

Такой возглас мог бы вызвать общий смех, но сейчас никто не рассмеялся.

Певец пропел письмо Татьяны до конца, потом, вздохнув, стал вытирать пот со лба. Все в комнате молчали.)

Кокпай и Шубар-акын были бледны и нахмурены. Они и не смотрели на Мухамеджана, будто боясь прочесть что-то на его лице. Кокпай недаром предчувствовал, что Мухамеджан сегодня чем-то поразит. «Не зря, оказывается, он держался так высокомерно», думал он и не находил в себе мужества спросить, что за песню спел Мухамеджан. То же чувствовали и остальные акыны.

Тишину нарушил Магавья. Смотря с любовью на молодого певца, он спросил:

— Ну, скажи же теперь нам, откуда эта песня?

Шубар-акын и Кокпай с тревогой подняли глаза на Мухамеджана. Тот не заставил ждать. Он вытащил из кармана письмо, написанное Кишкене-Молдой, и развернул рукопись Абая.

— Стихи эти — большого русского акына Пушкина. Это письмо девушки, по имени Татьяна, жигиту, в которого она влюблена. Абай-ага на-днях перевел стихи на казахский язык и сам сочинил к ним музыку.

Шубар-акын засиял.

— Уф, теперь легче стало на душе! Я трепетал, вдруг он скажет, что сочинил сам! — сказал он.

¹ «Да буду я жертвой!» — восклицание, выражающее высшую степень готовности служить чему-либо до последнего вдоха.

Облегченно вздохнул и Кокпай:

— Ой, спасибо! Ну, если бы такие красивые слова, такую прекрасную музыку сочинил ты,— как бы я стал соревноваться с тобой? Чуть было не перебил счастья! Спасибо тебе, Мухамеджан, большое спасибо!..

Остальные бурно засмеялись. Мухамеджан передал Кокпаю письмо и рукопись Абая и вышел на улицу, вспомнив про своего коня.

Поставив в конюшню продрогшего после быстрой езды коня, Мухамеджан вернулся в комнату,— и глазам его предстала любопытная картина.

Лампа, раньше стоявшая на печке, была теперь на столе, и вокруг нее все акыны, во главе с Кокпаем и Шубар-акыном, вооружившись карандашами и бумагой, наклонились над столом, списывая стихи Абая.

Мухамеджан постоял у дверей молча, потом засмеялся.

— Э, они все превратились в писарей, переписывающих мой приказ! Ну, Пушкин, айналайн, твой дух! — сказал он.

Акыны тоже рассмеялись, но для остроумного ответа у них не было времени. Переписав стихи, они занялись заучиванием новой песни,— кто на домбре, кто подпевая. Те, кому трудно давался мотив, учились у Мухамеджана, подпевая ему по-двое и по-трое.

Когда, далеко за полночь, акыны собрались, наконец, спать, они все уже заучили письмо Татьяны.

Через два дня Муха был приглашен на свадебную вечеринку рода Уак. На этой свадьбе впервые перед большим собранием,— перед женихом и сватами, перед девушками, перед стариками и молодежью,— прозвучало в устах известного певца письмо Татьяны, волнуя слушателей печальной мелодией и искренностью чувства.

Когда Муха закончил пение, старик, слушавший не мигая, сказал певцу:

— Живи долго, лебедь мой... Ты расплавил всю мою душу. Теперь скажи, кто создал эту песню?

— Был давным-давно русский акын Пушкин, такой же, как я. Слова песни — его, а на казахский язык перевел Абай...

И Кокпай, и Исхак, и Мухамеджан, и другие мастера — на сборах, на вечерах пели только письмо Татьяны.

Так в зиму тысяча восемьсот восемьдесят седьмого года великий русский акын Пушкин впервые вступил в простор казахских степей, ведя за руку милую свою Татьяну.

ОХОТНИК С ОРЛОМ

Дул прохладный осенний ветер, когда два охотника вышли из юрты и торопливо отвязали оседланных коней. Пожилой, с редкой проседью в бороде, Бекпол проворно заткнул чембур за пояс и занес было ногу в стремя, как вдруг услышал позади тревожное фыркание коня. Бекпол обернулся: с ближайшего холма стремительно мчался всадник, за плечами которого ритмично покачивалось ружье. В предрассветной мгле трудно было узнать едущего.

Спутник Бекпола — Жанибек, высокий молодой жигит, недоуменно спросил:

— Кого это несет к нам в такую рань?

Бекпол молча нахмурил брови. Видно было, что неожиданное появление всадника не только удивило, но и встревожило его.

— Да ведь это же Оспанкул, бригадир конезавода! Куда же он чуть свет мчится? — изумленно крикнул Бекпол.

Могучий охотничий орел, видимо опьяненный свежим осенним воздухом после тесной и душной юрты и мирно дремавший на руке Бекпола, вдруг встрепенулся и распростер свои огромные, синевато-стальные крылья. От шумного взмаха крыл все оперение орла затрепетало, как трепещет и шуршит сухой камыш, вспугнутый порывистым ветром. Кзыл-Балак — так звали орла — всегда встряхивался с такой силой, что кони испуганно шаркались. Надобно заметить, что Бекпол, выдавший на своем веку немало ловких, необычайно проворных, с острым глазом и тонким охотничьим чутьем птиц, особенно дорожил этим орлом, и потому порой, может быть не в меру бахвалясь, он говорил: «Перья Кзыл-Балак ярки и шумны, как лучший атласный халат красавицы».

Гнедой конь Бекпола насторожился, всхрапнул и, закусив удила, повел своими янтарно-огненными глазами.

Жанибек в это время мирно сидел на корточках. Его беркут Кара-Кер пытался сбить правой ногой со своей головы кожаную шапочку: молодой орел еще не совсем усвоил навыки охотничьей птицы. Беспокойный, шальной, он проявлял повышенную нервность и старался освободиться от стесняющего его головного убора, желая видеть окружающий мир своими зоркими глазами.

— Не позволяй сбивать ему шапку! — повелительно сказал Бекпол. — Дашь ему волю, отобьется птица от рук, и хорошего на охоте от нее тогда не жди!

Жанибек, с восхищением глядевший на всадника, вдруг воскликнул:

— Да это же лысая бедеу! Ее наверное готовят к октябрьской байге!

— Это не конь, а пылающий костер! — любуясь стремительным, плавным бегом лошади, сказал Бекпол.

Под всадником легко и изящно танцевала сдерживаемая поводьями тонконогая лошадь. С месяцеобразной светлой лысиной на темном лбу, с большими горячо сверкающими глазами — конь был как-то женственно красив, и недаром так восхищенно заглядывались на него охотники.

— Ты куда это, милый? Все ли у тебя в табуне благополучно? — спросил, наконец, Бекпол, не без тревоги вглядываясь в Оспанкула.

На посеревшем, измятом лице Оспанкула можно было легко заметить следы изнурения и бессонницы. Отдышавшись, Оспанкул, не слезая с коня, начал свой рассказ, но разгоряченная стремительным бегом лошадь не могла успокоиться. Она нетерпеливо перебирала упругими, точеными ногами и мешала говорить всаднику.

— Ты слезь, — посоветовал ему Жанибек.

И всадник, спешившись, продолжал свой рассказ.

В эту ночь на холмах и в ложбинах Сарымсақты, видневшихся отсюда, бригада Оспанкула пасла один из табунов конезавода. Долгая осенняя ночь была непогожей, черной и ветряной, тяжелые плотные тучи покрывали небо. В глухую полночь табун был встревожен пронзительным ржанием, странным гулом, неясными криками и свистом. Лошади, точно окруженные волчьей стаей, бросились врассыпную. Заметались из стороны в сторону растерянные пастухи. Но в этой ненастной ночной мгле им не удалось собрать мгновенно рассыпавшегося по степи табуна. Только на рассвете, после долгих усилий, Оспанкул собрал разбежавшихся лошадей и, пересчитав, обнаружил пропажу девяти отборных коней. По словам табунщиков, лошади были напуганы не зверем, а человеком и, причем, человеком чужим. По всем признакам, пропавшие кони попали в руки конокрадов. Разослав табунщиков на поиски лошадей, Оспанкул сам помчался в пограничную комендатуру за помощью. По пути он решил предупредить охотников, обычно блуждавших в этих безлюдных пограничных горах.

— Беке, ты не раз выслеживал и ловил со своим беркутом не только четвероногих хищников. Это будет новое испытание твоей охотничьей сноровки. Ты понимаешь, пропали лучшие лошади! Пропали три коня, которых я готовил к октябрьской байге! Садись же, Беке, скорей на своего коня! Бери своего верного помощника, свою зоркую птицу и обшарь сегодня же

весь Керге-Тас, — указал Оспанкул на мягко синеющие вершины высоких гор.

— Видишь ли, мой друг, — после некоторого раздумья ответил Бекпол, — если лошади угнаны, то вору, надо думать, с той стороны... Положим, они не смогли еще добраться до границы. Днем они не пойдут. Стало быть, будут ждать следующей ночи и на день спрячутся в горах Сарымсакты. Поэтому тебе, пожалуй, следовало бы поискать их там у себя!

Бекпол собрал в левую руку поводья, а правую, на которой держал орла, положил на балдак и легко вскочил в седло. Тронув коня, он обернулся к Оспанкулу и, указывая на синеющие вдалеке скалы, бросил:

— Ты скажи в комендатуру, а мы выедем на Ожар.

Это не совсем понравилось Оспанкулу. Решение Бекпола ехать на Ожар он истолковал как отказ помочь в поисках. Мрачные, почти непроходимые ущелья Керге-Тас были доступны только одному Бекполу. Там он знал каждую чуть приметную звериную тропу, знал каждый камень. И потому Оспанкул решил настаивать, чтобы охотник ехал именно в эти горы.

— Беке, я пришел к тебе за помощью. Неужели лисицы тебе дороже девяти лучших коней? — не скрывая обиды и огорчения, сказал Оспанкул с несвойственным для него раздражением.

— На Керге-Тас наши охотники с гончими. И если вору там, они не уйдут, — ответил Бекпол кратко.

Оспанкул знал охотников, о которых шла речь.

— А ну тебя с этими зелеными юнцами! — иронически усмехаясь, сказал он. — Они и гор-то не знают... Что, они со своими гончими на вершины поднимаются? Да и о ночной тревоге они не слышали!..

Жанибек тоже вскочил на коня и нетерпеливо ерзал в седле, прислушиваясь к не совсем дружелюбному разговору. По совести сказать, ему очень хотелось побывать на Ожаре. Последняя их охота на Керге-Тас была не из удачных. Его Кара-Кер, прежде ловивший ежедневно по лисице, за последние дни преступно мазал и не взял ни одной. А на Ожаре, как слышал Жанибек, лисицы водятся, и до сих пор ни один охотник не побывал там со своим орлом. Эти места давно прельщали Жанибека. В обольстительных и красочных охотничьих снах видел он несметное множество пышных лисиц, покорно распластавшихся под стремительно падающим на распростертых крыльях Кара-Кером. Ах, эти неповторимые, волнующие охотничьи сновидения! Ах, эта древняя и всегда юная охотничья страсть! Как все это близко, дорого, знакомо Жанибеку... Он понимал, что для охоты прямой расчет ехать именно на Ожар. «Но как

же быть с пропавшими лошадьми?» — задумался Жанибек, и рассудок начал медленно подавлять пылавшую в нем страсть молодого охотника. Вот почему он решительно заявил Бекполу:

— Отвечай прямо, Беке: мы едем на охоту или отправимся в погоню за конокрадами? Давай решим это скорее и не будем задерживать Оспанкула.

Помедлив с ответом, Бекпол, наконец, заявил Оспанкулу:

— Вот что, друг мой, поезжай-ка в комендатуру и скажи там Александру, что Бекпол не послушался тебя и уехал на Ожар... Ведь ты сам не нашел следов конокрадов. Следовательно, надо прежде разыскать эти следы, — заключил Бекпол и, тут же прищпорив своего коня, крикнул Жанибеку:

— За мной! Мы с тобой будем сегодня ловить не только лисиц!

Оспанкул долго с недоумением, смешанным с обидой, смотрел вслед удаляющимся всадникам: мелкой ровной рысцей уходили они туда, к далеким горам, мягко и нежно окантованным голубоватой дымкой.

Поведение Бекпола казалось Оспанкулу тем более странным, что о Бекполе шла слава как о знаменитом колхозном охотнике, встречи с которым старательно избегали нарушители границы. Бекпол слыл по всей степной пограничной округе надежным помощником пограничного отряда. Это обстоятельство и привело Оспанкула к Бекполу. Отягощенный сомнениями, он направился дальше, к месту погранотряда. Изредка оглядываясь, он видел смутные очертания двух удаляющихся в сторону Сарым-сакты всадников, на плечах которых мерно покачивались неясные силуэты неподвижных птиц.

Предгорье, по которому ехали охотники, было покрыто густым, низким, пепельно-серым ковылем. Наметанный, острый глаз Бекпола сразу же заметил, что, несмотря на непогожую ночь, здесь не выпало ни капли дождя и пыль лежала на изредка попадающихся каменных клочках земли. В воздухе висела мгlistая, слегка колеблющаяся завеса предутреннего тумана. Склоны гор с пожелтевшей, словно покрытой ржавчиной растительностью и угрюмые громады скал были подернуты синеватой мглой. Но небо было безоблачно, свежо, умыто и по-осеннему холодно. Глядя на это небо, старый охотник уже отлично знал, что день будет погожим, сияющим.

Вот блеснули первые, ярко заигравшие на зубчатых вершинах Керге-Таса лучи восходящего солнца. Особый ободряющий холодок предгорий потянул навстречу всадникам. Невдалеке виднелись глубокие, головокружительно-темные

ущелья Ожара. В разреженном горном воздухе отчетливо звенели кованые копыта коней, наполняя мелодичным стуком ущелье. И даже орел, мирно дремавший на руке Бекпола, не видя из-под кожного колпачка, куда увлек его охотник, инстинктивно ощутил приближение гор. Кзыл-Балак приподнял свой тонкий, с сизоватым отливом клюв, похожий на отшлифованный кремль, и жадно вдыхал теперь прохладу вскормивших его гор, овеванных древними ветрами.

Жанибеку показалось странным, что Бекпол продолжал свой путь, не меняя направления. Он знал, что надо было свернуть влево, и тогда они не раз успели бы снять со своих орлов колпачки и пустить птиц на нужную добычу. Уже далеко позади остались прославленные пики с лисьими норами у подножий, а Бекпол упрямо продолжал свой путь, не отвечая на неоднократные вопросы Жанибека.

Так они ехали до тех пор, пока не поравнялись с холмами Сарымсақты. И только тут Бекпол вдруг встрепенулся, точно охотничья птица, почуявшая добычу, и решительно повернул влево к Кабаньему ущелью Ожара. Жанибек послушно последовал за старым охотником. Петлю, сделанную стариком, он приписал задумчивой его рассеянности, признаку старческой забывчивости Бекпола.

Свернув в горы, Бекпол перешел на рысь, все время возбужденно подгоняя своего коня. Жанибек, нагнав Бекпола, неотступно следовал за ним по пятам. Молодой охотник пылливо озирался вокруг. Он рассматривал груды камней в ущельи и с минуты на минуту ждал, когда настанет время снять колпачки с орлов и пустить их с вершины этих пиков на добычу.

Когда всадники спустились в ущелье, Бекпол, придержав коня, поехал шагом: «Ага, боится спугнуть лисицу!» — обрадованно подумал Жанибек. Но Бекпол, выехав на поросшую мелким ковылем небольшую площадку, вдруг остановился, всмотрелся в этот ковыль и, обернувшись к спутнику, вполголоса сказал:

— Поди-ка сюда, дорогой!

Жанибек нерешительно приблизился к Бекполу и недоуменно посмотрел на показанный Бекполом чуть заметный след лошадиных копыт.

— Смотри, — почти шопотом произнес Бекпол, — следы жеребенка...

Пристально взглядевшись в следы, Жанибек иронически рассмеялся:

— Уж не думаешь ли ты, Беке, что обнаружил пропажу? Напрасно! Здесь вчера паслись наши кони.

Холодно посмотрев на смеющегося молодого охотника, Бек-

пол ничего не ответил ему и молча поехал по следам дальше. Однако они скоро пропали в густой, плотной горной траве. Тогда Бекпол повернул на другую площадку, прошитую мелким редким ковылем. Отъехав сотню шагов, он снова подозвал Жанибека и снова сказал ему:

— Старого воробья на мякине не проведешь. Вот смотри! Видишь кизяк? Он совсем свежий. Кони здесь были ночью. Ты понял меня? А наших лошадей мы отсюда угнали вчера в полдень... И потом, — продолжал он после минутной паузы, — посмотри, как разбросан кизяк! Так кизяк падает только на сильном скаку лошади, а не на вольном выпасе. Это тебе говорит старый Беке, и ты, молодой, должен верить ему.

Жанибек молчал. Он был явно сражен проницательностью старого охотника.

Посмотрев на Жанибека своими старчески потухающими глазами, Бекпол с улыбкой явного превосходства заметил:

— Я знаю, Ожар велик. Они, конечно, расставили караулы. Они наблюдают за нами. Но будем хитрее их. Пусть не подумают бандиты, что мы их преследуем.

Старый Бекпол словно обрел утраченную юность. В его когда-то светлых глазах зажегся былой, молодой задор.

— Мы же с тобой охотники! — с хитрой усмешкой сказал он. — Так давай мирно продолжать охоту на лисиц. Не забывай, мы должны действовать медленно, умно, осторожно, как требует неписанный древний закон. Только таким образом мы обнаружим логово зверя. Ты понял меня, мой друг?

Жанибек с готовностью указал налево:

— Хорошо! Поднимись, Беке, на эту скалу, а я обещаю вот эту грудку камней внизу. Я чувствую, что здесь водится лисица!.. — и он, прищипнув коня, стал спускаться вниз.

Бекпол поднялся на вершину и, сняв колпачок со своего красноногого, точно обутого в сафьяновые ичиги, Кзыл-Балака, спустил птицу. Орел встрепенулся и, охваченный все нарастающей внутренней дрожью, начал пристально смотреть вниз, где у подножья горы проезжал Жанибек. Кзыл-Балак нетерпеливо поводил упругой шеей и тревожно шуршал своим золотым оперением. Птица чувствовала близость добычи, и ее нарастающее беспокойство мало-помалу начало передаваться охотнику. Он тоже заметно нервничал, беспокойно перебирал сухим упругим пальцем повод, настороженно озирался вокруг.

Жанибек же не спеша обшаривал каждый камень. Он ударял в ладоши и коротким, отрывистым посвистом старался поднять лисиц. Не видевшие в этих местах охотников, не пуганные ими, лисицы после ночной охоты не поднимались из теп-

лых, наложенных логовищ. Только приблизясь вплотную, охотник мог вспугнуть этого чуткого, умного зверя.

Бекпол снял длинный ремень с ноги орла, привычным жестом заткнул его за пояс и, доверив предстоящую охоту только Жанибеку и своей птице, сам не сводил зорких, потускневших от напряжения глаз с далеких, грозных вершин Ожара. Ни малейших признаков жизни не видно среди этих немых скал. «Остановились они на Ожаре или ушли дальше? Где приютились они — в этих далеких, недоступных теснинах или в густом лесу?» — думал Бекпол.

Для него было ясно только одно, что конокрады укрылись в надежном месте, что они отлично знают эти ущелья и скалы и что у них, видимо, есть надежный проводник, прекрасный знаток этих почти непроходимых мест.

Пронзительный крик Жанибека прервал размышления старого охотника, и огромный орел, судорожно дрогнув, мгновенно сорвался с его руки и камнем упал вниз, но тут же могучим толчком, словно самолет, вышедший из штопора, взмыл к сияющим в солнечном ореоле вершинам Ожара. И трудно было понять, голос ли Жанибека поднял чуткую птицу, или сама она чутьем, свойственным ей, — тонким, проникновенным чутьем хищной горной птицы, — учуяла давно ожидаемую добычу.

Зачарованный необычайным взлетом Кызыл-Балака, Бекпол, не отрываясь, смотрел на взмывшего в голубую высь орла. Он любил эту сильную, красивую, вдохновенную птицу. Что можно сказать про орла, сумевшего только за последние десять дней добыть для колхоза тридцать отличных лисиц!

Тот, кто видел этот величественный полет орла, парящего в синем высоком небе, тот, кто хоть раз ощутил трепет птицы, почуявшей добычу, — тот поймет волнение, охватившее в эту минуту охотника.

Бекпол, не спуская глаз со своей птицы, быстро спускался с вершины. Стремительно мчался по ущелью Жанибек. Бекпол еще не видел лисицы, но чувствовал, знал, что она мечется где-то меж камней, норовит спрятаться в трещинах, уйти от орла. Но орел, сделав еще один вираж, ослепительно сверкнул на солнце стальным переливом распластанных крыльев, вдруг упал вниз и мгновенно исчез за грудой камней.

И в эту минуту, вслед за орлом, кубарем скатился вниз упавший с коня Жанибек. Бекпол осадил коня и, явно волнуясь и нервничая, стал наблюдать, как возьмет хищник зверя — сразит ли его прямым смертельным ударом или взовьется над ним снова? Это было решительным испытанием для орла, о котором так много думал требовательный охотник. Всегда сдержанный, хладнокровный и расчетливый, Бекпол, несмотря на

огромное волнение, не терял самообладания в этот азартный миг и не упускал из вида Кзыл-Балака.

Орел не взлетел...

Не торопя коня, Бекпол перевалил через груды камней. А Жанибек уже спокойно сидел на корточках и кормил разгоряченного орла языком убитой лисицы.

Не слезая с коня, Бекпол спросил:

— Ну как? Каков удар?

— Переломил позвоночник! — ответил Жанибек и расправил на вытянутых руках мертвую лисицу.

— Молодец, Кзыл-Балак! Нынче я впервые вижу такой полет, — восторженно отозвался Бекпол.

Охотники долго молча любовались орлом и взятой им добычей. Но вот они встрепенулись, встревоженные глухим, порывистым свистом, и, подняв голову, увидели, как проплыла над ними какая-то хищная птица. Это был самый обыкновенный степной коршун. Не отрывая от коршуна своего зоркого взгляда, Бекпол озадаченно спросил:

— Куда направил он свой путь? Чего-то завидел стервятник...

— Наверно, добычу Кзыл-Балака, — предположил Жанибек.

— Нет, — горячо возразил Бекпол. — Он, наверное, спешит к завтраку на вершину Ожара. — И тут же, не отрывая глаз от удалявшейся к вершине птицы, Бекпол молвил: — Постой, друг! А вот и другой! Он тоже держит путь туда же. Знаешь, Жанибек, это неспроста... Забирай лисицу в коржун и скорей на коня!

Послушный и проворный жигит Жанибек никогда не перечил Бекполу на охоте. Он быстрым привычным движением передал Кзыл-Балака Бекполу, снял с камня своего Кара-Кера и вскочил в седло.

Бекпол продолжал следить за коршунами. Он знал, что если его подозрения верны — эти хищные птицы потянутся косяками со всех сторон. Наконец, он задумчиво посмотрел на Кара-Кера.

— Послушай, Жанибек, поднимись на эту груды камней и оставайся там. Я же отправлюсь на ту скалу, — показал он рукояткой плети на красный утес, неясно выступавший из глубины ущелья.

— И когда я дам знак отъезда, ты выпусти Кара-Кера. Кзыл-Балак неподатлив. Он не взлетит, не увидев добычу. Много труда положил я на то, чтобы сделать Кара-Кера быстролетным и послушным. Я птенцом взял его из гнезда, он падок на приманку, на мясо и всегда дает знать о том, где находится. Он будет нам полезнее Кзыл-Балака...

Бекпол тронулся в сторону утеса и, едва поднявшись на первый выступ скалы, подал условный знак. И не успел Жанибек сорвать колпачок с Кара-Кера, как орел мгновенно взмыл вверх. Прекрасно тренированная птица, Кара-Кер послушно и быстро взлетал с любого места и сам разыскивал незримую добычу.

Жанибек смотрел за своим орлом: в том же направлении, куда тянул Кара-Кер, шли один за другим три огромных черных беркута.

Видно было, что орел летел, тщательно озирая окрестные ложбины, но, заслышав тревожный клекот диких коршунов, он набрал еще большую высоту и стремительно пошел вслед за ними. Это испугало Жанибека. Ему показалось, что орел, увлеченный стаей беркутов, уйдет за ними. Жанибек помчался к Бекполу, но, поравнявшись с ним, он, к своему изумлению, не заметил на лице старого охотника ни малейших признаков беспокойства и тревоги. Старик спокойно смотрел вдаль, мысленно проводя в воздухе ту тропу, по которой шли и исчезли коршуны. И когда Жанибек попытался было высказать свое беспокойство Бекполу, старик властно протянул жигиту своего орла и сказал:

— Брось, друг мой! Не говори мне что не следует. На, заberi мою птицу.

«Он, наверное, расплачивается со мной за Кара-Кера своим орлом», огорченно подумал Жанибек, еще не зная, брать или не брать этот дорогой подарок за утраченного Кара-Кера.

Однако Бекпол сказал:

— Ты не думай, что я дарю тебе своего орла. Я не отдам тебе его. Я не отдам тебе его потому, что твой орел еще вернется. Послушай, — сказал он еще проникновеннее и тише, участливо тронув за локоть своего молодого друга, — послушай, я знаю, я чувствую, что враги здесь. Они на Ожаре, по ту сторону этих вершин. Это они подзывают на завтрак коршунов. Видимо, они уже закололи одного жеребенка... Только кто будет есть этого жеребенка — они или мы, вот вопрос!..

Бекпол лукаво улыбнулся и потом уже сурово и требовательно сказал Жанибеку:

— Немедленно скажи с моим орлом в комендатуру погранотряда. Мчись к Александру. К вашему приезду я постараюсь выпустить Кара-Кера, и если удастся, то выпущу прямо со стоянки врагов. Следите — это будет моим условным сигналом!

Жанибеку стало все ясно. И он, не дожидаясь лишних слов и объяснений, решительно повернул своего коня и помчался в противоположную сторону, к границе. Бекпол же, не спеша,

стал подыматься к синеющим вдалеке вершинам, по ту сторону которых скрывались, по его расчетам, хищники.

Когда охотники расстались, солнце уже поднялось над пирамидальной вершиной пика. И Бекпол определил, что люди из комендатуры придут, когда солнце перекочет на западный склон Ожара. До этого он должен обнаружить врагов и подать обусловленный знак.

Но круты и почти неприступны склоны Ожара. Конь, напрягая последние силы, идет мелким шагом — даже легкая рысь не под силу ему. Древний, дремучий лес осеняет путь. Первобытной, влажной прохладой полны эти густо проросшие елями уступы скал. Тишина... Изредка прострекочет поодаль сорока. Изредка донесется приглушенный окрик копчика, неумоимо парящего в вышине. И среди этой дремотной горной тишины осторожно пробирается одинокий путник — охотник в сером тулупе, в сурковой шапке. Он едет, напряженно вслушиваясь в тишину. Напряжено зрение, напряжен слух. Кажется, напряжен каждый нерв, каждый мускул. Он едет среди безмолвных угрюмых скал, все дальше и дальше углубляясь в их теснины по тропе архаров и тау-теке... Всегда зовут, всегда манят к себе одинокого путника эти купающиеся в лучах осеннего солнца вершины гор. Они величественны и прозрачны. Кажется, они горят своим внутренним светом. Как легко дышится в эту пору! Как хочется скорей достичь цели! И чем труднее путь, тем острее желание преодолеть его...

И Бекпол спешил.

Вот он спрыгнул с коня и поднялся на высокую скалу. Перед ним широко распахнулся другой склон Ожара, внизу тянулась темная ажурная полоса леса, пересеченная кое-где глубокими впадинами, обрывами, провалами.

«Но где же враги? В котором из этих ущелий скрылись они от зоркого глаза? Под защитой каменных скал или в лесу?» — задает себе эти вопросы и пока не находит ответа Бекпол. Лежа на выступе острой скалы, Бекпол, зачарованный красотой виднеющихся вдали колхозных полей, озирает красоту близкой, родной его сердцу земли, которую так ревниво, так бдительно, вот уже много лет, помогает он охранять пограничникам от вторжения закордонных нарушителей. Долго и пристально вглядывался он в темную полосу леса внизу. Неширокой, длинной и густой чащей тянулись эти леса по склону. Он начал свой осмотр с левого края и вдруг впереди, в густой чаще елей он увидел чуть заметный дымок... «Верно ли, не показалось ли?» — подумал он, протирая глаза.

Слабый дымок, сливаясь с окружающей синевой, медленно поднимался и рассеивался и исчезал, еле успев подняться

над лесом. «Так и есть! — подумал Бекпол. — Зачем им храбриться и разводить костер на открытом месте? Они выбрали камни. Опытные веры! И огонь развели под густыми ветвями елей, думали — дым рассеется, пока пройдет сквозь чащу. И огонь маленький, незаметный, — видно, не торопятся, на целый день расположились... В камнях каждый звук отдавался бы эхом. Лошадей много, заржет какая-нибудь и скажет: «Я тут», а в лесной чаще и звуки тихи и немые...»

Бекпол снова сел на коня и направился прямо к стойбищу укрывшихся в еловом лесу врагов.

И вот он, наконец, наткнулся на них. Их присутствие выдали кони, которые после долгой скачки теперь остывали, связанные попарно — по-калмыцки. Бекпол заметил, что на саврасом и рыжем конях — не здешние седла. Это были седла, обычно употребляемые наездниками из рода Кызайцев и рода Суан — из родов китайских казахов, — и Бекпол сразу же понял, что воры пришли с той стороны. Внимательно оглядев лошадей, Бекпол заметил, что кони были измучены длительным и трудным путем. «Однако где же люди? — мысленно спросил себя Бекпол. — Может быть, они спят?»

И в то же мгновение он услышал грозный окрик:

— Стой!

Бекпол, уронив руку на пустой балдак седла, встревоженно оглянулся и увидел в чаще человека с бескровным смуглым лицом, — вернее, скорей почувствовал, чем увидел. Человек, высунувшийся из густой заросли деревьев, направил на него в упор темное дуло своего ружья и с каким-то презрительным спокойствием, не повышая голоса, приказал:

— Слезай с коня!

— Слезу, дорогой, — невозмутимо ответил Бекпол. — Но тебе следовало бы сначала спросить — враг я или нет? Ведь я же один! Ты принял меня за погоню? Чудак! Я просто охотник. Ищу потерянную свою птицу.

Эти слова, произнесенные Бекполом с неподдельным спокойствием и теплой дружеской иронией, видимо, подействовали на бандита. Он быстро спрыгнул с дерева, почти подбежал к Бекполу и вырвал у него из рук чембур. Потом, не говоря ни слова, он стал позади Бекпола и жестом указал ему, чтобы тот двинулся к стойбищу воров.

Бекполу пришлось подчиниться. Только теперь он заметил, что в глубине чащи сидели еще три человека. Они словно выросли из земли. Эти люди были вооружены ружьями. И неподалеку от седобородого бандита сидел на пне Кара-Кер. Птица сосредоточенно и с увлечением клевала жилистый кусок свежего мяса.

Вдруг Бекпол, мельком взглянув на бородатого вора, от неожиданности сделал шаг назад и замер. Отшатнувшись и изумленно раскрыв глаза и сам этот бородатый человек.

— Как! Бекпол! Как! это ты! — изумленным и враждебным голосом воскликнул бородатый.

Бекпол, мгновенно овладев собою, стараясь казаться обрадованным, закричал в свою очередь:

— Сатбек! Дорогой мой! Сатбек, ты жив! Я не верю своим глазам... Ты жив!

Двое других бандитов приблизились к охотнику и, недоуменно переглянувшись, выжидая молчали. Сатбек нерешительно приблизился к Бекполу и глухим голосом спросил:

— Ты свой? или... ты враг?

В эту минуту остальные трое бандитов начали быстро обыскивать охотника. Было неприятно ощущать их торопливые и грубые прикосновения; однако Бекпол не протестовал. Он продолжал стоять спокойно, не сводя с Сатбека притворно-радостного взгляда. Он так искусно играл, что было похоже, будто и на самом деле он переживает эту радость встречи всем своим существом.

— Конечно, свой! Я попрежнему предан тебе, Сатбек, — тоном, исключаящим всякое подозрение в неискренности, сказал Бекпол.

— Это правда?

— Я никогда не лгу.

Обыскав Бекпола и не найдя ничего подозрительного, бандиты отступили.

Бекпол, между тем, внимательно изучал знакомое лицо старика и нашел, что Сатбек, как и пять лет тому назад, был подвижным, изворотливым, хищным и быстрым. Это был тот же самый наглый и хитрый пройдоха, известный всей округе. Родовитый бай и аткаминер, он ловко избежал конфискации, выдав свою дочь замуж за одного из крупных областных работников, под защитой которого он сумел во-время скрыться от заслуженной кары. Только несколько лет спустя прошли по степи смутные слухи, будто он осел где-то в Сибири. Другие говорили, что он поступил на службу где-то под Ташкентом. Третьи давно уже похоронили его. Было верно только одно, что человек этот появлялся и ночевал то здесь, то там, искусно маскировался, петлял и путал свои следы, как загнанный зверь. Бекпол в прежние годы батрачил у него. Это за его орлами ухаживал Бекпол. Жалкий конь, да не менее жалкая убогая юрта — вот и все было имущество Бекпола. Ровесник Сатбека, Бекпол со своей семьей всю свою жизнь провел в работе на этого аткаминера и кроме унижительных оскорблений ничего у него не

заработал. И теперь, встретив его в этом горном глухом углу; Бекпол понял опасность, которая ему грозила. Вот почему он собрал свои нервы в комок. Вот почему он, подавляя в себе прилив злобы и ненависти к этому человеку, искусно и тонко вел игру, изображая прежнего покорного и преданного слугу аткаминера.

Не спускал с Бекполя глаз и Сатбек. Он и верил и не верил ему.

— Ну, иди сюда, — уже более мирным тоном сказал он ему, приблизившись к костру. Потом он стал расспрашивать его: — Сколько вас, охотников? Кто твои товарищи? Где они сейчас?

— Товарищей у меня нет. Я один. Поэтому я и потерял орла. Если бы был товарищ, он помог бы мне поднять лисицу, и орла не пришлось бы мне отпускать далеко, — с наигранным спокойствием ответил Бекпол.

Видимо, не вполне доверяя этим объяснениям, попрежнему настороженный Сатбек, кивнув в сторону Кара-Кера, иронически заметил:

— Разве это орел! Это нищий, собирающий случайные по-
дачки! Разве может быть такой орел у тебя?

Маленькие пронизательные глазки Сатбека забегали по лицу Бекполя. Но этот пронизательный, испытующий взгляд не смутил старого охотника. Бекпол усмехнулся и с прежним не покидающим его спокойствием, ответил:

— Зорек ты, Сатбек! Это верно. Ты прав. Дело в том, что птица эта принадлежит одному молодому неопытному охотнику. Он испортил ее...

Сатбек молчал, искоса поглядывая на охотника, точно готовился к новому прыжку. Подошли остальные трое бандитов и тоже стали расспрашивать Бекполя, норовя выудить у него нужные им сведения. Их интересовало — нет ли погони? Ищут ли пропавших лошадей? Кого он видел в горах со вчерашнего вечера?

Но что мог видеть одинокий охотник? Никого он не видел, кроме своего орла. И ничего он не знал, этот скромный старик.

— Хорошо, — решительно вмешался в беседу Сатбек. — Хорошо, я согласен. Но если ты свой человек, то пойдешь с нами? — спросил он, в упор приблизившись к Бекполу.

После секундной паузы Бекпол нашелся и твердо ответил:

— Не гляди на меня так сурово, Сатбек. Если я с первого слова скажу — да, вряд ли ты поверишь мне. Я сказал тебе, что перед тобой прежний, преданный тебе Бекпол. Ты говоришь со мной, мой прежний Сатбек. Разве этого недостаточно?

Ничего не ответив, Сатбек взглянул на товарищей и подал

им знак. Все четверо мгновенно поднялись и отошли в сторону. По приглушенному говору их Бекпол понял, что они совещаются. Он знал, что проницательные степные глаза Сатбека следят за ним и сейчас, и потому он внешне сохранял то же спокойствие. Минуту спустя, голоса людей, говоривших полупотом, стали громче. Один из них — черный, точно обуглившийся, — яростно спорил с Сатбеком.

Вдруг трое бандитов неожиданно набросились на Бекпола. Не дав ему опомниться, они надели на него, и в глазах его тускло блеснул нож с яркой желтой рукояткой. Двое других навалились на ноги Бекпола. Но Сатбек ловко схватил одного из бандитов за руку.

— Жигиты! ради меня отпустите его!.. Это мой родственник. Дайте мне поговорить с ним...

— О чем говорить с ним! Не о чем говорить! — кричали люди, не отпуская Бекпола.

— Тогда спросите сами его, и если он вам солжет, убейте! — заявил Сатбек.

«Ага, вот на что он пошел!» — сообразил Бекпол.

— Пусть твой старик поклянется быть с нами. Иначе ему конец. На острие сабли нет дружбы! — злобно кося взглядом, крикнул черный бандит, надавливая коленом на грудь старого охотника.

Но это ничуть не испугало Бекпола. Гнев и ненависть нарастали в нем с каждой секундой. В старческой памяти, как в калейдоскопе, замелькали безотрадные картины былых дней. И чувство ненависти к Сатбеку подавило в нем всякое чувство страха. Больше того, чувство протеста и ненависти было сильнее в нем даже чем инстинкт самосохранения. Вот почему, крепко стиснув свои пожелтевшие от времени, но еще крепкие старческие зубы, упрямо молчал Бекпол. И это злобное безмолвие старика взбесило бандитов.

— Да ты что, онемел, что ли? Ты видишь, я заступился за тебя, я просил... — начал было Сатбек.

Но Бекпол не дал договорить ему и крикнул:

— Так уберите их прочь!

Он рванулся изо всех сил. Сатбек отстранил от него своих людей, и когда Бекпол поднялся, обратился к нему с такой речью:

— Хорошо, я поручусь за тебя. Присоединись к нам и помоги нам ночью перегнать этих коней за границу. Не беспокойся, когда мы придем туда, я позабочусь о твоей судьбе. Мы станем прежними Бекполом и Сатбеком. Ты согласен?

Бекпол незаметно глянул на солнце и с радостью увидел, что оно уже приблизилось к противоположной стороне Ожара.

— Слушай, Сатбек, и слушайте меня вы, жигиты! Хорошо. Я согласен, — непринужденно и почти весело сказал он. — Довольно разговоров! Давайте-ка лучше варить мясо, подкрепим себя пищей — и скорее в путь. Надо спешить! Пошли нам бог удачу!

Эти слова оказали на окружающих людей явно благотворное действие. Они засуетились. Весело запылал костер. Густым горьковатым запахом потянуло от костра, от варящегося мяса. Сатбек и Бекпол сидели вокруг костра и уже совсем мирно беседовали, как беседуют только старые друзья после давней разлуки.

— Я ухожу с вами, — сказал Бекпол, — а вот с птицей мне надо проститься. Орла надо выпустить на волю.

Увлеченные хлопотливой возней вокруг варящегося мяса, воры рассмеялись. Бекпол заглянул в глаза орла, ласково провел рукой по его груди и трогательно сказал:

— Останься же памятью о нас с Сатбеком на нашей родине! Я не сниму колец с твоих ног... Прощай! Улетай, мой вольный друг! — он высоко, с привычной ловкостью подбросил Кара-Кера, и птица, сорвавшись с руки, мгновенно начала набирать высоту, чертя плавные круги над вершинами елей и зарослей. Не отрываясь, долго смотрел за орлом Бекпол, словно и в самом деле прощался с любимой птицей.

Затем Бекпол подсел поближе к костру. Черный котел стоял на потухающих углях. И старый охотник подбросил на угли давно уже приготовленную им горсть полугнилых листьев и сухой травы. Над елями гуще за клубился синий дымок.

Скоро мясо было готово. Проголодавшиеся люди ожесточенно и быстро расправлялись с ним.

Вдруг один из них заметил нечто неладное: оседланные кони тревожно наостригли уши и подняли головы.

— Что это? — тревожно спросил Сатбек, инстинктивно хватаясь за свое ружье.

Мгновенно повскакали со своих мест и схватились за ружья и остальные. Воры рассыпались, прячась за стволами деревьев, за выступами скал. Сатбек бросился к дереву, где были привязаны кони, Бекпол последовал за ним.

Прозвучал первый выстрел, за ним последовал второй, более глухой, — по всем признакам — выстрел ответный. И в эту минуту Бекпол увидел, как, взмахнув руками, упал навзничь черный высокий бандит, сраженный пулей.

— Руки вверх! — раздалась повелительная, громкая команда и по-русски и по-казахски. — Сдавайтесь!

— Бросай оружие! — раздавались дружные окрики то здесь, то там.

Сатбек судорожно задрожал, щелкнул затвором и повернулся к ликующему Бекполу:

— Умрешь и ты с нами!..

Бекпол крикнул ему в ответ:

— Бросай оружие!

Сатбек направил было ствол своего ружья на Бекпола, но тот быстро ударил его ногой в живот. Сатбек тяжело грохнулся на землю. В это мгновение пограничник Александр, давнишний друг Бекпола, подоспел на помощь старому охотнику.

Александр, обнаружив врагов, не переставал думать о судьбе Бекпола, опасаясь за его жизнь, боясь, что в решительную минуту банда прикончит старика. Вот почему он с такой осторожностью приближался к бандитам и вот почему, когда заметил Бекпола, так стремительно и проворно бросился к нему на помощь.

В этой схватке был наповал убит один из бандитов. Все остальные были взяты живыми.

И Оспанкул, и Жанибек, и красноармейцы-пограничники радостно бросились к найденным лошадям.

Трогательно обнявшись с Александром, Бекпол подвел его к Сатбеку и, показав на него рукой, сказал:

— Посмотри, Александр, это Сатбек! Он родился в один год со мной, и до прихода советов, до моих седин, он сидел барсуком на моей шее. Не раз ты слышал от меня об этом человеке...

— Ну, Бекпол, поздравляю тебя еще раз, — горячо пожимая руку старого охотника, сказал Александр. — Поздравляю тебя с твоей девятнадцатой задержкой врага! Да, да, девятнадцатой!.. — подчеркнул он, еще крепче сжимая худую руку Бекпола в своей руке и необычайно тепло, сердечно улыбаясь прямо в его обвеянное горными ветрами, мужественное и умное лицо.



Айманкуль

Айманкуль Тажибеева—женщина-акын, родилась в 1888 году в семье рыбака Далдабая в Кзыл-Ордынской области. С двадцатипятилетнего возраста становится известной в своем ауле как автор поминальных песен. («жоктау»). В печати песни Айманкуль появляются с 1936 года.

ПЕСНЯ МАТЕРИ

1

Я из песен тесьму плету,
Слышу сердца тревожный стук,
Как стук копыт на мосту.
Льется жемчуг слов с языка,
Я из песен тесьму плету...

Голос пламенный не уснул.
Много песен мне спел Джамбул,
Приезжая в родной аул.
Соловьиным кюем домбры
В мое сердце он заглянул.

Он, столетний певец степей,
Научил это сердце петь.
Как же радости не кипеть?
Как же голосу Айманкуль
Песней юности не звенеть?

Собирайтесь, мои сыны,
 Дети солнечной стороны,
 Мастера напевов степных!
 Вам седая споет Айманкуль
 Песню ярче первой луны.

По степным кочевьям была
 Жизнь матери тяжела.
 От порога и до котла,
 По измятому ковылю,
 Тропка узенькая вела.

Старый бай погулять охоч.
 За калым уводили дочь...
 Кто же матери мог помочь?
 Жизнь страшною сказкой шла,
 Как тысяча и одна ночь.

Называли меня «келин»,
 Всем я кланялась до земли,
 Путы жизнь мою оплели,
 Говорила я всем: «Салем!»
 А из сердца слезы текли.

Трепетали мои слова,
 Как подстреленная сова,
 Болью скована голова,
 Мою душу лечил баксы, —
 Ядовита была трава!

И с отравой на душе
 Одевала я кемешек, —
 Он грязней, чем собачья шерсть, —
 И несла я тоску свою,
 Как Баян о Козы-Корпешё.

Встречала меня темнота,
 И, как тень в степи от куста,
 Крылья черные распластал
 Поперек дороги моей
 Свекор страшный, злой Кайн-ата.

Был он хуже, чем сатана,
Хуже ведьмы — свекровь Кайн-ана.
Становилась всегда она
Поперек дороги моей,
Как затмившаяся луна.

Я поклон им должна отдать,
С ног вонючих ичиги снять,
И постели для них постлать,
И портянки их сушить
По ночам в степи у огня.

Так теряла юность следы,
Становились косы седы,
Душа — холоднее воды,
Горб показывался на спине,
А в глазах вместо блеска — дым.

На джайляу в степи весной
Пели девушки под луной.
Я за мельницею ручной
Свое горе делила в тиши
С безобидной пташкой степной.

Боль сжимала кости в ногах,
Смерть играла на позвонках,
И, раздетая донага,
Под унылый собачий вой,
Я рожала у босага.

Это страшная правда, брат!
Это правда жизни, сестра!
Это черная, злая пора!
Этих волчьих дней кемешек
Сжег Октябрь на своих кострах..

4

Повернула жизни арба,
Улыбнулась сыну судьба,
И родила я не раба:
Я родила счастье свое,
Называемое — борьба.

Сын любимый рос у меня,
Кровь его горячей огня,

Мой батыр, он сел на коня,
В руки пику острую взял
И меня горячо обнял.

И помчался он, как стрела,
На утес, — там гнездо орла,
Золотая там пиала
Материнское молоко,
Слезы матери сберегла.

Вышел Сталин к его седлу,
Сталин дал ему пиалу,
Своих глаз подарил он луч
И повел его за собой
Выше черных суровых туч.

И сказал: «Ты, жигит, испей
Слезы всех степных матерей, —
Никогда ты не будешь стареть.
Ты для родины дорогой
Будешь лучшим из сыновей.

Счастье матери ты верни,
В белых юртах пыль отряхни,
Руки муз к седлу приверни,
Баев, биев и байбише,
Как паршивых собак, разгони, —

Чтобы род их проклятый сдох,
Чтоб от них не велось и блох,
Чтоб никто — ни султан, ни бог —
Ни овцы, ни земли твоей
Отобрать у тебя не мог!»

5

Щеки старой, седой Айманкуль
Зацвели, как месяц июль.
В этой песне сказать смогу ль
Я спасибо тому, кто жизнь
Подарил мне, как солнце гюль!

Не слыхала я никогда
Про далекие города,
Про чудесные поезда.

Моя жизнь долгая шла
По верблюжьим степным следам.

И была я окружена
Дымом старого казана,
Тихим шумом веретена,
Степью, серою, как узор
Домотканного полотна.

Мою радость саман давил,
Мою душу баксы травил,
Мое сердце курай овил,
Смерть дышала в мое лицо:
Сталин смерть остановил.

6

Сердце матери — дня ясней.
На земле так много огней,
Будто небо столкнулось с ней!
Сталин дал мне такую жизнь,
Что тускнеет солнце пред ней.

Море света в ней и тепла.
Я от дедовского котла
В юрты пышные перешла,
И теперь через мой порог
Ни шагнут ни бай, ни мулла.

И походка моя легка,
Силы свежей полна рука,
Воду жизни струит река —
Там, где билась юность моя,
Похороненная в песках.

Новый мой кипит самовар,
Электричества ярок дар,
Высоко летит мой тулпар,
А поющие провода
Мне приносят свежий хабар.

В небеса гляжу — самолет.
Подойду к реке — пароход.
На песок смотрю — там завод.
По степям — из Москвы родной
Светлоглазый поевд идет.

Паровоз пронесится наш,
 Далеко остался Балхаш.
 Я с Джамбулом, с родной Куляш
 Еду в солнечную Москву,
 Мчится радостный поезд наш.

Там красавица есть река,
 Говор там на всех языках,
 Там, как дома, живет казах.
 Не бывает в Москве ночей,
 Солнце плавится в облаках.

Там меня у Красных ворот —
 Уносила под мраморный свод
 Чудо-лестница-самоход,
 А в сиянии подземных солнц
 Ждал волшебный змей-скороход.

Он, как вихрь степных бегунцов,
 Он, как в старой сказке отцов,
 Нес меня. Ветер бил в лицо,
 Песню радости пела я
 В красоте подземных дворцов.

Солнце льет лучи на гранит,
 Мавзолей там в Москве стоит,
 В нем великий Ленин лежит.
 Он, живой, и он каждый день
 С народом своим говорит.

Как синица к гнезду орла,
 С дрожью трепетною в крылах,
 К изголовью я подошла.
 Я с цветами родных степей
 Сердце матери принесла.

— Счастья нашего великан!
 Нашей радости океан!
 Быстрокрылой мысли вулкан!
 Он глаза открыл и сказал:
 — Айманкуль, родная, аман!

Не забуду до смерти я,
Как в сияньи майского дня
Айманкуль, Джамбул и Куляш
С песней солнечною вошли
В золотые дворцы Кремля.

Сталин двери нам отворил,
С нами, радостный, говорил,
Нам он молодость подарил,
И улыбкою счастья он
Нашу жизнь навек озарил.

Нас одел в богатый наряд,
Песней счастья сердца горят:
— Здравствуй, родина Октября!
Сталин — сын твой, и ты горда,
Мать великого богатыря!

Для народов, для всех времен
Он, могучий, тобой рожден,
Человечества радость — он.
Он рукой своей написал
Лучезарной жизни закон.

В МАВЗОЛЕЕ

Сердце светлого мира — его мавзолей;
Там лежит он, родной миллионам людей,
С красным орденом на бездыханной груди, —
Ленин — солнце и месяц отчизны моей.

Пусть закрыты глаза на открытом лице,
Но о судьбах земли и о каждом бойце
Продолжает он думать, для всех бедняков
Их борьбы освещая великую цель.

Чище горного снега весенней порой,
Он лежит — неподвижный, безмолвный, прямой,
Но при виде его прозревают глаза,
Словно жизнь пред тобою открылась впервой.

Странно мне, что никто близ вождя своего
Не смеется от счастья, что — видит его
Яснооки́м, живым, поднимающим в бой
Миллионы трудящихся мира всего!

Я была в мавзолее. У гроба, как вал,
Всех племен и наречий поток проплывал.
Я не знаю язык их, но я поняла
Слово ЛЕНИН, которое каждый шептал.

Значит, все сюда ходят к вождю своему
Посоветоваться, поучиться уму!
И от ленинской мудрой и щедрой души
Получает любой все, что нужно ему.

Я увиделась с Лениным радостным днем,
Рассказала, как весело все мы живем,
И я счастлива, словно ребенок, была
От того, что сама говорила с вождем.

И с тех пор, облетая родные края,
Полилась материнская песня моя;
Неизменно о солнечном счастье пою
Для народа, любимого Лениным, я.

Вижу Сталина, — облик вождя и бойца,
Как заря, целый мир осветил до конца, —
Он на Ленина станом похож, ведь они —
Сыновья Революции — два близнеца.

И когда я о Ленине песню пою,
Сталин входит немедленно в песню мою,
И она, прославляя великих вождей,
Все звенит и звенит в нашем вольном краю.



Бектембетова Мариам

Родилась в 1908 году в бедной семье. Образование—начальная школа и совпартшкола. Литературную деятельность начала в 1928 году на работе в женсекторе байнеткорского райкома ВКП(б).

ДЕНЬ

Печальных прошлых лет туман
Рассеялся давно,
И равенства счастливый день
Глядит в мое окно;
Казашка-девушка поет,
Свободу получив:
«Октябрь! Как солнцу над землей
Тебе — светить дано!

Рассвет сияет, как павлин,
В моем родном краю,
Я — словно сливки — каждый день
Его дыханье пью!
Как вешняя вода с вершин,
Лети из сердца, песнь
Об Октябре, что в небесах
Зажег зарю мою!

Свободного народа дочь,
Я — девушка-поэт,
И радость глаз моих ясна,
Как звезд небесных свет;
В кудрявом сталинском саду
Ягненком я росла

И песни петь — у соловья
Училась с малых лет!»

Так будь же вечно молод ты,
Как солнце в небесах,
Октябрь, зажегший счастья свет
В девических глазах!

С О Ю З

Счастливым день! Кремлевские палаты
От всех земель вместили делегатов,
И прозвенел нам Сталинский закон
На всех наречьях — звучных и крылатых.

Одиннадцать республик, в озареньи
Закона светлого, — охвачены цветеньем,
Одним дыханьем живы и одним
Могучим сталинским сердцебиеньем.

Над городами дым встает кудрявый,
Цветут сады и зеленеют травы.
Веселый труд на радостной земле
Стал делом чести, доблести и славы.

Лишь только в небе луч восхода брызнет,
Ручьями льются песни по отчизне.
Встречая луч, казашка говорит:
«И я хозяйка новой светлой жизни!»



Джамбул

Трижды орденоносный народный акын Казахстана Джамбул Джабаев родился в 1849 году¹ и праздновал в 1938 году семидесятипятилетие своей творческой деятельности.

Мощные, искренние песни Джамбула дали ему всесоюзную славу; некоторые его песни переведены и на западноевропейские языки. Расцвет песенного дара престарелого акына вызван расцветом его родины, идущей по ленинско-сталинскому пути социалистической революции.

В настоящее время Джамбул проживает в колхозе Ер-Назар в районе его имени возле Алма-Ата.

МОЯ РОДИНА

Джамбулу сейчас девяносто лет,
Но крепко Джамбул сидит в седле.
Приехал он в радостный, новый стан.
Встречает певца родной Казахстан!
С почетом певца встречает аул.
Песни пой во весь голос, Джамбул!
Пришли и мои немере-шубере:²
«Спой нам, отец, и сыграй на домбре!»
Народ мне настроил душу мою,
И я для народа песню пою:

... Девяносто лет табуны паслись,
Девяносто лет ковыли цвели,

¹ Часто упоминающиеся в его стихах 1936—37 гг. строки «Девяносто лет прожил Джамбул» неверно ориентировали русскую прессу в годе его рождения. Казахи вели счет по лунным годам, и в 1936 году Джамбулу было 87 лет.

² *Немере-шубере* — сыновья моего сына и моего внука.

Девяносто лет в облаках несли
Песни свои журавли.
Девяносто лет стремяна звенят,
Девяносто лет согнули меня.
Девяносто лет я берег коня,
Чтоб подъехать к новым дням...
Смотрите, моя голова седа,
Смотрите, бела моя борода,
Смотрите, в глазах кровь и вода.
Много в жизни я видал,
Мой род не седлал степных бегунцов,
Тавро украшало мое лицо,
Но я в состязаньях песней отцов
Побеждал степных певцов.

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же вспомню я сум-заман?¹
Семьдесят лет в старом седле
По чужой я скитался земле,
По чужой я скитался стране
На усталом и бедном коне.
Пропасть путь преграждала мой,
Тучи сходились над головой,
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.

Много ханов ты знала, степь моя,
Море слез пролила ты, степь моя,
На плечах своих пронес мой народ
Суровых законов гнет.
Врывалась коканов² волчья орда,
С пастбищ наши сгоняли стада,
Бешеный хан Куспега налетал,
Кровь его ядом была налита,
В глазах его вечно стояла ночь.
Хан у народа любимую дочь
В жены насильно к себе уводил.
Сердце он вырвал из нашей груди.
Тогда на джайляу пыль поднималась,
Тогда в озёрах вода волновалась,
Тогда над степями с клеткотом злым
Тревожно летали орлы...

¹ Сум-заман — горькая эпоха.

² Коканы — кокандские ханы.

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же вспомню я сум-заман?
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.

Был хан Аблай. Как голодный шакал,
Он по аулам добычу искал.
Юрту хана датки окружали,
Нукеры¹ хана оберегали...
Баям с Аблаем привольно жилось,
Баям он дал золотое седло.
А тем, чьи плечи сдавила сума,
Был он — как злая степная зима!
Память открыла мне повесть одну...
Любимому сыну вез хан жену.
Красавица ехала на коне,
Рабыни усталые шли за ней,
Судьба им хомут тяжелый дала —
Дешевле овцы их жизнь была.
Слушала степь их беспомощный стон
И проклинала ханский закон.

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же вспомню я сум-заман?
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.

Жангира какой забудет аул?
В степях проносился далекий гул,
И змеи ползли из разных концов,
Край мой сжимало тугое кольцо.
С русским царем принес Жангир-хан
В подарок народу плетъ да аркан.
Как волки зубами степь они рвали,
Раны горячие оставляли,
Лучшие выпасы наши брали,
Лучшие реки у нас украли,
Лучший табун из степей увели,
Наши родные кибитки сожгли!
Оставили нам пески да пустырь,
Душу народа они на пласты

¹ Датки — ханские наместники в степях;
нукеры — наемные солдаты.

Резали! Ханское было кадэ¹ —
Защиты народ не нашел нигде...

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же вспомню я сум-заман?
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.

Царских приказов хитрый вершитель.
В степь пришел волостной управитель,
Коварный и злой, как сам сатана;
С ним появились: мурза, старшина.
В байскую юрту сам бий приезжал,
На мягких подушках бий ночевал,
На бийской груди блестела медаль...
Кипели котлы. Бурлила вода...
В юрте, белее, чем вымытый мел,
Бай на коврах сыр-дарьинских сидел.
Керсень² — дорогой, с узорами лис,
Пенился в нем золотистый кумыс.

.....
Кедей-бишара³ был похож на тень,
На голом теле колючий чекмень.
Малай-бишара⁴ с домброй да кнутом
В долинах ходил за байским скотом...
Сжигал его летом солнечный зной,
Бураны его заметали — зимой.
Родная жена и две сестры —
Для байбише разводили костры.
Сынишка любимый ласки не знал,
Отцовская доля и сыну верна —
Пас он в отарах байских ягнят,
С детства на сердце обиду храня.

Эй, скажи мне, судьба-великан,
Чем же я вспомню сум-заман?
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет.

Когда перешло мне за семьдесят лет,
Ленин, Сталин открыли мне свет.

¹ Кадэ — лакомство.

² Керсень — чаша.

³ Кедей-бишара — раб.

⁴ Малай-бишара — пастух.

Труб золотых разносился зов,
Армия вечных рабынь и рабов,
Сильная, грозная армия шла,
Дворцы захватила и троны снесла,
Волчьих законов разрушила строй...
В грязь покатился венец золотой.
Тогда над степями, ярко горя,
Взошла моего народа заря!
Верных коней казахи седлали,
На гребнях гор костры зажигали, —
Чтоб родная Москва увидала,
Как по горам, долинам, увалам
Степь выходила к бунтарским гонцам!
С именем Ленина бились сердца,
С именем Сталина радость пришла,
С именем Сталина степь зацвела!
Их имена кедеи несли,
Барскую свору, как падаль, жгли.
С байских халатов кедеи сорвали —
Царские золотые медали.

Я в песнях прославил тот смелый год.
С ним вместе родился и мой народ,
Источники жизни забили в нем,
Смел и велик он в движеньи своем!
С тем годом воскресла моя душа,
Я счастье нашел, и бодр мой шаг.
Проклятый заман отошел, как буран.
Спасибо, Сталин, тебе, данишпан!¹
Расстался Джамбул с своей горькой судьбой,
Спасибо тебе, Сталин родной!

Едет Джамбул в богатом седле,
Едет Джамбул по родной земле,
Едет Джамбул по родной стране
На сытом степном скакуне.
С почетом певца встречает аул:
«Пой свои песни громче, Джамбул!
В них молодость, сила и слава побед
За двадцать советских лет!»
В колхозном ауле радость живет,
В колхозном ауле сердце мое,
В роскошном ауле звонко поет

¹ Данишпан — мудрый.

Старик, проклинавший недавно судьбу, —
Счастливый певец, Джамбул!

Сталин! Ты крепость врагов сокрушил!
Любимый! Ты житель моей души!
Сравнений тебе не найдут жирши.
И у акынов, степных мастеров,
Таких не найдется жемчужин-слов.

С пророком хотел я тебя сравнить,
С пророком не мог я тебя сравнить;
Правду пророк не умел говорить.
В словах твоих, Сталин, правда и свет
Меркнут пред ними фарыз и сундет¹.

Хотел с океаном тебя сравнить,
Не мог с океаном тебя сравнить:
И в океане порой корабли
С распоротым дном сидят на мели...

С полярной звездой хотел сравнить,
С полярной звездой не мог сравнить:
Она, как приколотая гвоздем, —
Вечно стоит на месте одном...

С горами хотел я тебя сравнить,
Не мог я с горами тебя сравнить:
Из гор тебе не равна ни одна, —
У каждой горы — вершина видна...

Хотел тебя с полной луной сравнить,
Не мог тебя с полной луной сравнить:
В небе она холодна и бледна —
Свет свой лишь ночью струит луна.

И с солнцем хотел я тебя сравнить,
Не мог тебя я и с солнцем сравнить:
Может и солнце порой изменить —
Светит оно лишь в ясные дни.

Сталин! Сравнений не знает старик...
Сталин — как вечный огонь горит.

¹ *Фарыз, сундет* — законы религии ислама.

С родной домброй по степям я пойду,
Сокровища слов — в народе найду.

Я песни посею в пылких сердцах,
И вырастут песни степного певца.
В песнях этих найдут поколения —
Достойные Сталина сравненья!

Спасибо тебе, Сталин мой!
Расстался Джамбул с горькой судьбой.
Едет Джамбул в богатом седле,
Едет Джамбул по родной земле,
Едет Джамбул по родной стране
На сытом, степном скакуне.
С почетом певца встречает аул:
«Пой свои звонкие песни, Джамбул!
В них молодость, сила и слава побед
За двадцать советских лет!»

ПЕСНЯ О ВЕСНЕ НАРОДОВ

Коня мне седлайте! Мне юрта тесна.
Над степью плывет голубая весна.

Запели в степях черноглазые кыз,
Запенился нежный, душистый кумыс.

Над гнездами вьются веселые птицы,
И ржаньем зовут жеребят кобылицы.

Белые лебеди в небе плывут
Над степью, зеленою, как изумруд.

Пурпурные маки пылают, как пламя.
Степные тюльпаны блестят лепестками.

Но степи весенней чудесней и краше
Цветешь ты, любимая родина наша.

Одиннадцать стран в окруженьи врагов
Цветут, как одиннадцать пышных садов.

Как гул водопадов, у нас голоса,
У нас богатырские чудеса.

Немало героев шагает меж нами,
Отмеченных славою и орденами.

Ни грозы, ни бури для нас не опасны —
И море, и суша, и высь нам подвластны.

Недаром же нас зарубежный народ
Ударной бригадою мира зовет.

Наш век был наполнен громами походов.
Наш век стал весною счастливых народов,

И песня вскипает, и кровь горяча,
И жизнь, как и степи, сияет в лучах.

Ликуйте и пойте, народы! Над нами
Великого Сталина имя и знамя,

И клич большевистский его боевой,
И слово, и воля, и гений его!

ПЕСНЯ О БРАТСТВЕ НАРОДОВ

Снова звенит по просторам степей
Песня домбры обновленной, и с ней
Снова несется по дальним аулам
Пылкое сердце акына Джамбула!

Я прошлое в песне своей вспоминаю,
Я в песне шакалий заман проклиная,
Заман, при котором из года в год,
Как в зимние ночи, стонал народ,
Как в день похоронный, рыдал народ,
Подбитым орлом трепетал народ,
Как в пору чумы, вымирал народ...

Забудет ли степь ненавистный заман?
С востока на запад прошел Чингис-хан.

Его знаменосцы пощады не знали,
На месте аулов — груды развалин
Ханские нукеры оставляли.
Резали скот и зимовки громили,
Девушек наших с собой уводили,
Позорили их и в пустыне бросали.
Вражду вековую в степях разжигали.
И сговором биев, манапов да беков
Стравили казахов, киргиз и узбеков.
Пока же кипела, как пена, вражда,
Они забирали степные стада,
Богатства джайляу, пастбища и воду.
Могилу глубокую рыли народу...

Забудет ли степь, как гулял Тамерлан,
Народную кровью залив Туркестан,
Чтоб выполнить черную клятву свою,
И, волком промчась в незащитном краю,
Построить жене своей новый дворец
Из наших голов, из наших сердец?

Забудет ли степь ненавистный заман,
Когда как гроза пролетел Кене-хан
По нашим аулам, по нашим кистау?
Он от Тянь-Шаня до Кокче-Тау
Солью осыпал кровавые раны
Забитых, бесправных сынов Казахстана.

Но самая грозная, самая злая
Над степью летела метель Николая.
Коршуна царского черная сила
Лучших сынов из степей уносила,
И выли шакалы в глухих пустырях,
Почуяв кровавого друга-царя.
Он пищу горячую им приготовил
Из трупов народа, залитого кровью.

Забудет ли степь как Октябрь пришел?
Тогда мой народ свою радость нашел,
И счастье аулам родным принесли
Ленин и Сталин — батыры земли.
От стен Бухары до истоков Иргиза
Братались узбеки, казахи, киргизы,
Братались монголы, уйгуры, дунгане,

Братались калмыки, грузины, армяне.
И от Кавказа до Бетпак-дала
Великая дружба народов росла.

Она расцветала, как склоны Алтая, —
Великая дружба, большая, святая.
А с ней расцветала в горячих боях
Любимая родина, радость моя.

Народ мой счастливый могуч и богат.
Но слышу я дальнюю поступь врага,
И песни народного гнева несутся
Оттуда, где братья китайские бьются,
Оттуда, где в грозном последнем бою
Народ добывает свободу свою.

И там мое сердце и песня моя —
С братьями вместе в суровых боях.

Пусть же звенит по просторам степей
Песня домбры обновленной моей!
Сегодня несет эту песню певец
Тебе, мой любимый, великий отец,
Тебе, несравненный учитель мой, Сталин!
С тобой мои степи счастливыми стали,
А в сталинском нашем саду зацвели
Одиннадцать гордых жемчужин земли!

И песни счастливые радостно льются
О Сталинской солнечной Конституции,
Песни колхозов, степей и заводов,
Песни о братстве великих народов.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Чтобы ты, малыш, уснул,
На домбре звенит Джамбул.
Струны он перебирает
Доброй дедовской рукой,
Колыбель твою качает
И тихонько напевает,
Чтоб слетел к тебе покой.

Дремлет синяя звезда.
На джайляу спят стада.
Спят пуховые козлята,
Верблюжата спят в степи,
Золотые жеребята,
Крутолобые телята,
Тонкорунные ягнята.
Ты, малышка, тоже спи!

Спят кузнечики в траве,
Рыбки спят в Аму-Дарье.
Тишине глубокой внемля,
Над рекою спит камыш,
Спят цветы, озера, земли.
Отчего же ты не дремлешь,
Черноглазый мой малыш?

Засыпай, малыш-казах,
Ты в испытанных руках:
Сталин смотрит из окошка —
Вся страна ему видна,
И тебя он видит, крошка,
И тебя он любит, крошка,
За тебя, мой теплый крошка,
Отвечает вся страна.

Ты один из сыновей
Светлой Родины своей.
О тебе — отца ревнивей —
Сталин думает в Кремле,
Чтоб ты вырос всех счастливей,
Всех умнее, всех красивей,
Всех отважней на земле.

С детской голубой поры
Получаешь ты дары —
Их страна несет с любовью,
В час, когда дрожит звезда:
Мысли дар и дар здоровья,
Дар в беду не хмурить брови,
Золотого счастья дар.

Пред тобою мир широк
И просторы всех дорог.
Хор весенний соловьиный

Для тебя в садах поет.
Все цветущие долины,
Все заводы-исполины,
Руды, золото, рубины —
Это, милый, все твое.

Звезд ясней твои глаза,
Мягче шелка волоса,
Сложен складно ты на диво,
Ты собою красишь мир,
Проживешь свой век счастливо,
Черноглазый и красивый,
Славный завтрашний батыр.

Мы росли совсем не так.
Нас держали, как собак.
И когда под солнцем мая
Пионерский шелк флажка
Алым маком мне кивает,
То дрожит слеза скупая
На глазах у старика.

Вырастай, жигитом будь.
Пред тобою светлый путь.
В возрожденном Казахстане
Зашагаешь прямиком:
Пионером резвым станешь,
Комсомольцем смелым станешь,
Вырастешь большевиком.

Засыпай, малыш-казах,
Кзыл-аскеры на часах.
Отошли навек напасти,
Не вернется горе к нам.
При родной советской власти
Сталин всем принес нам счастье —
Малышам и старикам.

ДЖАЙЛЯУ

Колхоз Ер-Назар пробуждался от сна.
Погода стояла свежа и ясна.
Гурьбою пришли в голубой тишине
Колхозники с просьбой ко мне:

«Веди нас, отец, на джайляу — туда,
Где травы цветут и синее вода,
Где теплые ветры шумят, словно шелк...»
Я встал и сказал: «Хорошо».

Я сел на коня и повел табуны.
Заржали, почуяв простор, скакуны.
За мною поехал и юрты повез
Родной мой, веселый колхоз.

Я видел, волнуясь и сердцем горя,
Как пригоршни яхонтов сыплет заря,
Как росы дымятся и как в Каракол
Летит белоплечий орел,

Как в гулкой, большой вышине надо мною
Горит Ала-Тау жемчужной чалмой,
И слышал, как где-то, спадая с громад,
Камнями гремит водопад.

Я знаю на тысячи верст этот край —
Пырей и полынь, саксаул и курай...
Закрывши глаза, я джайляу найду,
По тропам стада проведу.

«Смотрите, — сказал я на горной тропе, —
Вон сочные пастбища Суук-Тобе,
На травах его от начала веков
Пасутся стада облаков.

Черта снеговая там глазу видна,
Вода ледниковая там холодна,
Весна там кочует, кругом разостлав
Ковры зацветающих трав.

А вот зеленеют, прохладу струя,
Кочевья Актасты и Кара-кия,
Там росы сияют девичьей слезой,
Озера горят бирюзой.

В цветущих и благословленных краях
Пугливые гуси гостят в тогаях,
И лебеди белые гнезда там выют,
Найдя тишину и приют.

Там россыпью золота блещут утра.
Мерцают там, как серебро, вечера.
Там воздух пьянящ, как весенний кумыс,
А ветер — как песенка кыз».

Так я говорил, и восход был хорош,
И слушала жадно меня молодежь,
Которую вырастил светлый аул,
Забывший про баев и мулл.

Меня окружали, как семь сыновей,
Семь мужественных белозубых друзей,
Семь славных, бывавших в Кремле чабанов,
Имеющих семь орденов.

«Смотрите, — сказал я, — и верьте жирши:
Джайляу вокруг — как мечта, хороши,
Но только на них табуны и стада
Пасти мы могли не всегда.

Я припоминаю: лет двадцать назад
Здесь так же, кипя, бушевал водопад,
И радуги так же сияли вдали,
И сочные травы цвели...

Но мы, бедняки, не пасли здесь стада...
Трава и прохлада, цветы и вода —
Все байским считалось, а бай-богатеи
Был дикого волка лютей.

Он в зверствах своих поощрялся царем,
Топтал бедноту одичалым конем,
Камчою наотмашь без жалости бил
И злобными псами травил.

И шли, проклиная судьбу, бедняки
В голодные степи, на солончаки,
Где соль, проступая, белела вдали,
Как горькие слезы земли...

А нынче — смотрите, любуйтесь, друзья,
Колхозные земли измерить нельзя!
Пасутся у нас миллионы голов
Овец, кобылиц и коров...»

Все наше — и воздух, и пенье воды,
Джайляу, просторы полей и сады.
При жизни такой — смеется, поет,
Талантами блещет народ.

Так взвейся же, песня, звени и кипи
В пронизанной солнцем, счастливой степи!
Я правду несу из аула в аул,
Певец поседевший — Джамбул...

Кричу я ветрам, что бушуют в листве,
Шепчу я ручью, что бормочет в траве,
Прошу лебедей, что плывут в синеве:
Снесите привет мой Москве!

Снесите мой теплый, сердечный привет
Тому, кто принес для нас солнечный свет,
Кто выпрямил спины от рабских горбов
И снял с нас одежды рабов.

Тому, с кем мы, выиграв битвы, нашли
Все тайны вселенной, все счастье земли,
Всю правду, всю мудрость, все знанья веков,
Тому, кто в священной борьбе закалил
Армию большевиков.

О, Сталин, отец наш, живущий в Кремле,
Мудрейший из мудрых на нашей земле,—
Прими благодарность, восторг и привет
За двадцать советских лет!

КЛИМ-БАТЫР

Чингис-хан, с твоей сабли кривой
Кровь стекала густою струей.

Где ступала твоя нога,
Степь лежала мертва и нага.

Там, где двигались орды твои,
Утопали народы в крови.

Ты был хищник, палач и тиран —
Вот в чем слава твоя, Чингис-хан...

Ты умел только жечь и рубить,
Не могу тебя с Климом сравнить!

Клим, тебе, Чингис-хан — не чета,
Ему славу кричат кречета.

Не потоки крови и слез —
Ворошилов нам счастье принес.

И счастливый, свободный народ
Другом Сталина — Клима зовет.

Славен был легендарный Али,
Дау якобы мог он свалить,

Не сдержи-де его Азраил —
Он бы землю на плечи взвалил.

Так несла его славу молва,
Но ведь это — одни лишь слова,

Это вымысел мулл и ложь, —
Только в сказках Али хорош.

Как я Клима сравню с Али?
Силу Клима мы видеть могли.

Пой, акын, силу Клима славь,
Его сила — не сон, а явь!

Клим арстаном сражался в боях,
Он не знал, что такое страх,

В годы трудной, большой войны
Разбросал он врагов страны.

Неспроста возрожденный народ
Другом Сталина — Клима зовет!

Я смотрю в глубину времен —
Много было великих имен!

Искандер был известен всем,
Возвеличен в поэме Рустем,

У киргизов был славен Манас,
Кене-хан был в степях у нас...

Шли кровавой дорогой войны
Белоснежные их скакуны.

Полководцы вели полки,
И знамена вились, высоки.

Но их слава недолго цвела,
Кратковременною была.

Каждый, сколько ни был знаменит,
В новых битвах бывал разбит.

И в залитых кровью степях
Оставался от славы прах...

Ты один, звездоносец Клим,
С полководцами несравним.

Ты проходишь дорогой побед,
У тебя поражений нет.

Ты народом крепко любим
И поэтому — непобедим.

Тебя Ленин учил борьбе,
Тебя Сталин учил борьбе,

Ты мужал, закалялся в борьбе,
Нет по силе равных тебе.

Климу-джан я подарок ишу,
В табуне жеребенка рошу.

Тонконового сосунка
Холю, словно родного сынка.

По весне сосунок будет тай,
Станет шерстка нежна и чиста.

Подрастет — будет резвый кунан,
Подивится ему Казахстан.

А потом зашумят по стране
О чудесном донен-скакуне.

Май повеет душистым теплом,
Станет конь мой ходить под седлом,

Через горы и реки скакать
И в дороге не уставать.

И тебе, Клим, кто равен звезде,
Я вручу драгоценный дар:

Это будет в узорной узде
Золотой, огнегривый тулпар!

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Оборвана трель соловья Сулеймана —
Не стало на свете певца Дагестана,
Иссяк его песен взволнованный гул.
Звезда отсияла. Печален Джамбул.

Но звонко рокочат домбровые струны,
И плещется песня свободно и юно.
В орлином просторе, в счастливом краю
О друге ушедшем я песню пою.

Заман мой, не знающий слез и ненастья,
На старости лет расцвело мое счастье!
Сияет, как солнце, лучистый заман.
Зачем ты покинул его, Сулейман!

В цветении радуг и звездном сияньи
Сбываются все вековые мечтанья.
Мир песен широк, как большой океан.
Зачем ты покинул его, Сулейман?

Мы вместе с тобой свои песни слагали,
И песни в стране родниками журчали

И пели, как синей весною ручьи,
О нем, кто принес золотые ключи —

О самом любимом и сильном батыре,
Кто нужен, как солнце весеннее в мире,
Кто слово сказал — и ковром зацвела
Песчаная, голая Бетпак-дала,

Кто сделал цветущею степь Казахстана,
Украсил садами пески Дагестана
И наш Ала-тау — орлиный приют —
Покрыл жемчугами, одел в изумруд.

Мы вместе о Сталине песни слагали,
И песни неслись в бирюзовые дали,
И каждая песня любовью цвела
И славилась гений его и дела.

Что смерть и студёные ветры забвений
Для нас, прославляющих сталинский гений?
Бессмертны в народе лезгин и казах,
Что пели стране о бессмертных делах.

Ты умер, певец, но живут твои песни,
Звенят они горных потоков чудесней,
Их помнит, лелеет счастливый народ,
Он песни, как гордое знамя, несёт.

Мой друг задушевный и мой современник,
Я песен твоих — и ценитель и пленник.
Твои вдохновенные песни любя,
До смерти своей не забуду тебя.

Свободней, чем в гулких горах непогода,
Душистей и слаще пчелиного меда
И шире, чем синий в лучах океан,
Была твоя песня, ашуг Сулейман!

Я слышу ее, расцветая душою,
Такою просторной, такою большою,
Что кажутся тесными ей небеса —
И слезы в глазах, как на травах роса.

Ты жив, ты не умер. К чему эти слезы?
Светлы твои песни, как молнии в грозы,
Они шелестят в наших пышных садах,
Бушуют в аулах, шумят в городах,

Они, твои нежные чистые трели,
Детей убаюкивают в колыбели,
Они на границах в дозорах стоят
И в зорях весеннего сева горят.

Нас тронуть не смеют забвенье и тленье...
И скажут, на смену придя, поколенья —
Бессмертны в народе лезгин и казах,
Что пели стране о бессмертных делах.

ПЕСНЯ О ЖИЗНИ

Песня цветет в девяносто лет:
У песни народной старости нет,
Песню родную народ не теряет,
Звонкую песню смерть не ломает.
Песня и сердце в дружбе живут,
Песня и сердце к счастью зовут.

Мчатся столетия на скакуне...
Песни степные вспомнились мне:
Вижу, стремится в бескрайние дали
Счастья искатель, вечный страдалец.
Степь моя знает Асана Кайгы,
Песни Асана в песках умирали.

Мчатся столетия на скакуне...
Песни степные вспомнились мне:
Народ мой седлал ковер-самолет,
Соколом он собирался в полет.
Выше могучих вершин Ала-тау
Подняться мечтал казахский народ.

Мчатся столетия на скакуне...
Горькая жизнь вспомнилась мне.
Ветер сухой мне в сердце хлестал,
И засыхала моя мечта.

Песню любимую спеть не мог
Джамбул в своих дорогих местах.

Много преданий запомнил, сберег
Я в перепутьях крутых дорог.
Вижу: несется над грозной стремниной
Песня, как взлет горделивый орлиный —
Витязь народа, Шота идет,
Равный жемчужным кавказским вершинам.

Грузии гордый пламенный сын,
Вижу, идет по ущельям один.
Вьется туман над горами, как дым,
Идет он, где барс оставляет следы,
Он песни народа, любовь и мечты
Несет, сберегая векам молодым.

Вижу: змеятся пугливые гады,
Слышу: рокочут, гудят водопады,
Пеной холодной хотят заглушить
Горячую песню кипящей души.
А витязь, скрываясь под барсовой шкурой,
С любимую песней к народу спешит.

Мчатся столетия на скакуне...
Песни степные вспомнились мне:
От зноя густая горит трава,
Идет без дорог, без пути караван,
Ветры пустыни гонят пески,
Идет по следам каравана буран,

Усталый верблюд тихо идет.
Песню в песках седок не поет,
Слезы в глазах, кровь на губах,
Едет любимый певец Украины,
Едет Тарас на верблюжьих горбах.

Мчатся столетия на скакуне...
Едет Тарас на верблюжьей спине,
Замкнуты губы — певец не поет, —
Он видит истерзанный рабством народ...
Песня в душе тяжелей залегла,
А в небе кружится двуглавый урод.

С любимым Тарасом, как верные люди,
Ехали мы на страдальце-верблюде,
Нас жажда томила. Шумели пески;
Погоны блестели, блестели штыки;
Барханы под ветрами шли без конца;
В барханах терялася песня певца.

Мчатся столетия на скакуне...
Пушкин едет в простом чапане,
Арба худая, колеса скрипят,
Клячи, хомут разрывая, пыхтят.
Кружатся вороны черною стаей,
Сердце поэта вырвать хотят.

Арба худая поэта везет,
Песню народа Пушкин поет.
Царь испугался. Доволен народ.
Пушкин, скитаясь, как наш Кайгы,
С диких и снежных Кавказских высот
Славит великий русский народ.

Песня его неслась, не смолкая,
Песня запала в душу Абая,
И у предгорий седого Тянь-Шаня
Заговорили Онегин с Татьяной
На близком народу родном языке,
На золотом языке Казахстана.

Мчатся столетия на скакуне...
Едет Джамбул по любимой стране.
Он, как орел над вершиной Кавказа,
Взлетает душой, не кривившей ни разу.
Он перед баями спину не гнул...
Едет овеванный славой Джамбул.

Тот не певец, кто к борьбе не зовет,
Кто сердцем с народом своим не живет,
Кто песни о родине не поет.
Пойте, поэты! Пусть наша земля
Сияет, как вечная слава Кремля,
Сияет, как слава того человека,
С кем песню о братстве запела земля.

Сталин — родная народа мечта,
Радость народа и красота.

Сталин — любимый, равного нет,
Сталин — великой планеты поэт,
Сталин — народных песен певец,
Сталин могучий Джамбула отец.

НА РОДИНЕ СТАЛИНА

Могу ли молчать я, могу ли не петь я,
Встречая, как радость, второе столетье?
Мои сыновья коммунистами стали,
Внуки мои комсомольцами стали,
Правнуки пионерами стали,
А струны Джамбула петь не устали,
Глаза у Джамбула ярче хрусталин,
Сердце Джамбула смерти сильнее,
Песни Джамбула ветра вольней,
Душа у Джамбула неба ясней.

Дума моя не бросает меня.
Я внукам сказал: «Оседлайте коня!
Пусть снова мои стремена зазвонят.
Поеду я родину посмотреть,
Поеду я к самой высокой горе,
Где — радость народа — Сталин родился,
Где счастья орел над вершиною взвился».

Внуки мои оседлали коня,
Мои сыновья проводили меня.

Я ехал полями, где вел за собой
Чапаев стальные дивизии в бой.
Я видел Каспийского моря прибой,
Я видел одетые в бархат долины
Богатой и радостной Украины,
Где слава о Щорсе-батыре живет,
Где Днепр могучие волны несет.
Я видел кипучие волжские воды,
Я видел счастливую жизнь народа, —
Как сказка, как слава легенды степной,
Родина встала передо мной.
Сравню ли ее с серебристой луной,
Сравнится ли солнце с любимой страной?
Найдется ль на небе такое светило,
Чтоб с ним мою родину песня сравнила?

Сталин! Тебе эту песню пою.
Я видел твой домик зимовку твою,
И медную лампу и окна подвала,
Я видел постели твоей покрывало,
И самовар и узор урамала,
Тарелку из глины и ящик для хлеба,
Я видел над домиком вечное небо,
И целая жизнь в душе воскресала —
Обнять мне хотелось, поцеловать
Родную, простую, хорошую мать,
Что счастье земли в подземельи родила,
Что сына, как солнце, векам подарила.

Акын, твои струны полвека звенят,
Жолдас, посмотри, ты моложе меня.
Ты знаешь, как волки режут ягнят,
Ты знаешь, как степи летом горят,
Ты знаешь, как джут табуны уносил,
Ты знаешь, как голод аулы косил,
Ты видел, как ворон в небе носил
Царским раздавленное сапогом
Счастье народа, жолдас, твоего.
Ты посмотри и увидишь: из стен,
Сбросивших древнего времени плен,
Обложенных камнем, обмазанных глиной,
Выйдут любимцы казахской долины.
Выйдут герои народной былины —
Выйдут Бекет, Исатай, Кобланды,
Выйдет с жигитами Амангельды.
И скажут: вот в этой зимовке сошлись
Мечты и надежды народов земли,
Мечты и надежды всех угнетенных,
Мечты и надежды всех разоренных,
Мечты и надежды всех матерей,
Мечты и надежды всех дочерей,
Мечты и надежды всех сыновей,
Мечты и надежды наших отцов
И лучшие песни наших певцов.
Их Сталин собрал и сберег и принес
Народам сквозь море лишений и слез.

Сталин любимый, тебе мое слово,
Ты вывел народ мой из темных зимовок,
Ты с теплой заботой родного отца
Нас поселил в величавых дворцах.

Ты реки хрустальные в степи пустил,
Ты наши пустыни в сады превратил,
Ты гордость народов, их сила и слава,
Их вечная дружба, их вечное право
На радость, на счастье, на жизнь и на труд —
Народные думы тобою живут.
Любовь твоя — молодость, силу вдохнула
В столетнее сердце седого Джамбула,

И я свои песни и жизнь свою
Тебе до последнего дня отдаю.



Жароков Таир

Родился в 1908 году в семье бедняка Западно-Казахстанской области. Образование получил в педагогическом институте и в Ленинградском институте литературы и лингвистики, где прошел курс аспирантуры. Печатается с 1926 года; лучшими считаются его поэмы «Солнце заговорило» (1933), «Пленники льда» (1934) и «Поток» (1936).

1 февраля 1939 года награжден орденом «Знак почета».

ПОТОК

(Глава из поэмы)

1

На отшибе от города, словно пришелец чужой,
Среди грязи и пыли домишко стоял небольшой.
Жил в нем — как вороненок, и ростом с ворону всего —
Черный худенький мальчик с печальной, недетской душой.

Целый день этот мальчик справлял по хозяйству дела,
Делал сам кирпичи и, чиня ими, вместо стекла,
Дыры окон,— смотрел, как играет вокруг детвора,
Но всегда его дума грустна и тосклива была.

Далеко-далеко пики гор пламенеют, и там,
То как грива кулана, то волчьим подобны хвостам, —
Колыхаются сосны в просветах седых облаков,
Где проходит закат по угрюмым, по диким местам, —

Превращая прозрачные льды девогрудых вершин
В слитки чистого золота, где в первозданной глуши
Происходит слияние солнца и горных снегов
И где ветра дыханье смолкает в прохладной тиши.

Как серебряный змий — то крутятся, то летя напрямик —
Вниз на скалы упал там веселый хрустальный родник
И, с серебряным девичьим смехом рассыпав вокруг
Жемчуга и топазы, к подножью ущелья приник.

Ты видал ли ту гору хоть раз полуночной порой? —
Словно дева любви, убаюканная тишиной,
Распахнула во сне покрывало из шелка свое,
Белоснежные груди стыдливо открыв пред луной...

2

Мальчик видел ее. Но следя, чтоб в оконных пазах
Кирпичи не шатались, — к земле опускал он глаза;
Гордых гор красота — некрасивой казалась ему,
И в ресницах его, словно искра, таилась слеза.

Сирота, — может быть, пораженный утратой злой,
Думал он об отце... А пред ним, на степи голубой,
Город смирно лежал у подножия гор снеговых,
Кстау рваной цепочкой стелилися вровень с землей.

На поблекших холмах дерева с пожелтевшей листвою —
Да дорог столбовых колеи, уходящие в зной,
В степь и в пыль... И по ним с Каскелена пройдут иногда
Иль воловья упряжка, иль ослик в тележке смешной.

Крыши маленьких домиков, крытых соломой гнилой, —
В темных дырах и схожи с прогнившей черной кошмой.
Вот на трех из них шум поднимают лохматые псы,
Громко лая на пьяных, неверно бредущих домой.

Пыль над городом тучей стоит... А вечерней порой,
Вдоль по улицам шествуя пестрой мычащей гурьбой,
Городские коровы, пузатые, как барабан,
Тучу новую пыли с полей принесут за собой.

Мимо стен глинобитных домов и дувалов кривых
Разъезжают купчины на тройках... И, глядя на них,
Черный маленький мальчик припомнил, как ранней зарей,
Год назад, он проснулся и, скованный страхом, притих...

Ту далекую ночь он спокойно проспал до зари
В материнских объятьях. Когда же, поля озарив,
Из-за горных вершин протянулись поля над землей,
Он проснулся, испуганный... С грохотом дверь отворив,

В дом вошел человек и свалился на пол земляной,
Глухо харкая кровью. Казалось, что алой тесьмой
Перевиты усы его — тонкими струйками кровь
Вытекала из губ. И теряло лицо его свой

Удивительный свет, словно гасло... Дыханье рвалось
Из пробитой груди вместе с кровью... Раскинувши врозь
Непослушные руки, на грязном, холодном полу
Молча он умирал, но в глазах его не было слез.

И покамест жена, в оцепенении, раны его
Омывала водою, не видя от слез ничего,
Шевелил он руками, как будто кого-то ловил,
Будто видел опять пред собою врага своего.

Это чудился бой ему: перед глазами, звеня,
Вражьи шашки сверкали, как злые полосы огня...
И, теряя сознание, стиснул он косу жены,
Словно падал с седла и хватался за гриву коня.

«Ну, прощай, мой кунан, мой Кайсар!» — чуя скорый конец,
Тяжело прошептал и замолк, задохнувшись, отец.
Сжав винтовку в руке, встретил он беспощадную смерть,
Не слагая оружия — как настоящий боец.

В сердце самое сыну пришелся жестокий удар.
И, впервые почувствовав слез иссушающий жар,
Возле трупa отца, привалясь головою к нему,
Безутешно рыдал черный маленький мальчик Кайсар...

Год назад это было. По дымным равнинам тогда
За Октябрь подымалась и шла на фронты беднота.
Был отец вместе с нею, и пуля пробила его
В партизанских рядах, перед взятием Алма-Ата.

Потому-то и был этот мальчик печалью томим.
И, пока вспоминал он несчастную ночь, перед ним,
Как отцовская кровь, запылал исполинский закат,
Обнимая полнеба зловецим сияньем своим.

Полусонные горы в туман, словно в дымчатый шелк,
Завернулись, и мрак надвигался — угрюм и тяжел.
Провожая глазами последние солнца лучи,
Черный маленький мальчик в родную лачужку пошел.

Хмуро брови насупив, седой Ала-Тау дремал.
Ветер тучи тяжелые над перевалами гнал;
Словно горные звери от близкой беды, торопясь,
Улетали они, клочья дыма теряя меж скал.

Но, о жизни своей размышляя, никак не заснет
Утомленный Кайсар. Та же дума заснуть не дает
Горемычной вдове... И к тому же у самых дверей
Почему-то мяукает, стены царапая, кот.

Да и пегая сука чего-то визжит под окном:
То скребется у двери, то дом обегает кругом,
Подвывая протяжно, то жалобно вдруг заскулит,
Словно ищет кого-нибудь или жалеет о ком...

Глухо сердце Кайсара тоскует в несчастьи своем.
За стеною лачуги, в клокочущем мраке ночном,
Заглушая свист ветра и гул проливного дождя,
Как ядро, разорвался над самою кровлею гром.

Горы — словно больные: массивы гранитных пород
Пробирает озноб, будто их лихорадка трясет.
Камни судорожно закачались на склонах крутых,
Вылетая из гнезд, чтоб лавиной рвануться вперед.

Ливень бьет по вершинам, и мокрого снега пласты
Тяжело оседают все ниже и ниже — на льды.
Не с того ль в гневе бешеном горы дрожат, нороя
Вскинуть камни тяжелые в небо, в потоки воды?

«Стойте, гордые горы, не гневайтесь! — им прокричал
Дикий ветер, слабея. — Ведь слишком ничтожен и мал
Этот дождик невзрачный, идущий из сереньких туч,
Чтоб могучий хребет ваш уколы его замечал!»

Даже день обозлился — и темным остался восток.
«Дай-ка снежные горы тряхну я!» — подумал поток
И понесся, угрюмые черные скалы круша,
Стопудовые камни с собой унося, как песок.

Он ревушей лавиной на город упал с высоты:
Все сметая с дороги, могучая сила воды,
Словно мячики, камни швыряла, стирала с земли
Крепостные валы и в щепу разносила мосты.

Люди в страхе великом стремились уйти от беды.
Чей-то крик: «Дверь закрой!» потонул в клокотаньи воды.
Кто-то рвался из дома наружу, где в яркой игре
Волны рушили стены, одну за другой, в темноте.

Плач детей, вой собак, посвист ветра и крики: «Потоп!..»
Кто молился, кто двери захлопывал, спрятаться чтоб...
В смертной жажде спасенья о боге забыли муллы.
Все несло... И пред каждым волна раскрывалась, как гроб.

Разрушались дома. Целый лес вековых тополей
Плыл, — как руки, вздымая обрывки узластых корней...
И, сбивая бегущих, поток волочил по камням
Их тела... Дети в страхе теряли своих матерей.

Скот ревел, утопая в холодных свирепых волнах;
Пену к тучам подбрасывал ветра свистящий размах;
В дикой злобе и ярости, одолевая поток,
На дыбы подымались — и гибли медведи в горах...

Но, увлекшись давно описанием бешеных волн,
Размывающих стены домов и дувалов заслон,
Мы, любезный читатель, совсем позабыли с тобой —
Где наш черненький мальчик и что теперь делает он?

4

Ранним утром, когда, разметав по дороге дувал,
В стены домика грянул всей силою яростный вал,
Вместе с матерью старой Кайсар, сквозь разбитую дверь,
На залитую улицу выбрался — и побежал.

Но еще беглецы не успели и глазом моргнуть,
Как волна повалила их, смаху ударившись в грудь,
И Кайсар оторвался от матери... Ливень шумел,
Все вокруг застилала слепая рассветная муть.

С белым гребнем из пены опять накатилась волна:
Высоко над землей подымаясь, от глины черна,
Как орел остроклювый, готовый лису закогтить,
Шелестя в темноте, над Кайсаром нависла она...

А с вершин ледяных, с поднебесной седой высоты,
Все неслись и неслись злобных волн вороные хребты,

Словно тысячи беркутов ринулись с гор, и, свистя,
Исполинские крылья их бьются среди темноты.

Задыхаясь, Кайсар убежал... А навстречу, как щит,
Подымался поток — и сбивал, и обратно тащил.
Мальчик трясся, как лист. Волны били, рыча, по лицу,
Мимо—камни летели, стремительно, как из пращи.

Но, не глядя назад,— вновь вставал он и снова бежал
Босоногий, без шапки... А следом поток грохотал,
Словно топот погони, и мальчик не видел конца:
Может, будет спасен, может, камнем убьет наповал.

Предоставим ему от свирепой беды убежать
И вернемся назад, где волна залила его мать.
Среди каменной каши, в грязи повалилась она,
Нет поблизости сына, и сил нехватает, чтоб встать.

Смерть к земле потянула, зачавкала черная грязь.
Мать кругом оглянулась... Из гаснущих горестных глаз
Будто градинки, слезы, спеша, поползли по лицу:
Если б милого сына пред смертью увидеть хоть раз!..

Посерело лицо, а в груди—будто целый костер
Загорелся и жжет... Ей почудилось: темный простор
Расступился внезапно вокруг, и умерший давно
Муж ее из могилы к ней бледные руки простер.

Грязь все туже и туже сжимала дыхание ей,
Жилы старые лопались... И миллионы огней
Закружились в глазах ее. Пальцы раскинутых рук
Грязь царапали, ногти срывая о грани камней.

Пенный вал налетел, и на острые выступы глыб
Бросил слабое тело... Последний икающий всхлип —
И дыханья не стало. И не было близко людей,
Чтоб ее увидали они и спастись помогли б.

5

Дождь и ветер затихли. Поток перестал бушевать.
Над продрогшей землей показалось солнце опять.
В грязной жиже по улицам плавали лодки, спеша
Унесенные вещи и трупы погибших собрать.

Ала-Тау под солнышком мирно заснул, присмирив.
Над головой его тучи, прекрасней и ласковой дев,
Проплывали в лазури, и легкий, как сон, ветерок
Лепетал старику: «Аксакал, позабудьте свой гнев!..

Трудно было поверить, что в гневе обломками скал
Час назад он швырялся в долину, и рвал, и метал.
«Уф!» — вздыхала вершина: прозрачный, как облачко, пар
От вспотевшего темени в синюю высь улетал.

Плыли лодки по улицам, вещи спасти торопясь.
Старики головами качали, несчастьем дивясь.
Вековые огромные камни торчали везде,
Словно серые нары, по горло залегшие в грязь.

СТЕПЬ КАЗАХСКАЯ ПОЕТ

Как солнце всходит, горизонт золотя,
Как степь сверкает, весной цветя, —
Засиял молодой и счастливый закон,
Лучистой звездой народам светя.

Счастья людского сверкают огни,
Радостью степи и горы полны,
Сталину песню свою я дарю
В эти счастливые юные дни.

Сталинской это мудрости луч,
Солнца светлей она, выше всех горных круч,
Спаяна сталью жизнь, велики дела,
Мысли его глубоки, и разум его могуч,

Мы слышали много про разных царей,
Нас давил закон тяжелее цепей,
Но этот, дарящий свободу закон,
Счастьем наполнил сердца людей.

Старых веков рассеялся тяжкий плен,
Светлую жизнь Сталин дал нам взамен,
Вместе с народом свободным своим
Выше цветы, годов побеждая тлен!

Шире небес казахская степь в цвету,
Озера синеют, в пустыне песни живут,
Радуюсь новым законам страны,
Вместе с народом жизни пою весну.

ПЕСНЬ ДУШИ

Сияло в небе солнце золотое,
Пред ним века вставали из пучин,
Клубились облака на хмуром тое,
Скрывая белоснежные лучи.

С родным народом, в рубище одетый,
Блуждал и я без крова, без дорог,
А жизнь, как злая мачеха, как ветер,
Глушила голос и сбивала с ног.

Стонали степи; нищие аулы
Скитались в безмолвии долин.
От запада смертельным ветром дуло,
С востока баи наши юрты жгли.

Сгибались, как в последний час, колени,
И песни сердца стыли в пустыре...
Но в этот час—на баррикады Ленин
Повел народы в гневном Октябре.

Он вывел солнце из-за гор косматых,
Сорвал туман с затмившейся луны
И разогнал в блистающих раскатах
Угрюмых туч седые табуны.

Маяк свободы! Счастья вечный светоч!
Его встречал у золотых ворот,
В наряд борьбы и радости одетый,
Счастливый и могучий мой народ.

Душа заржавленная засияла
И реки с рокотом пошли в поля,—
Укрылась изумрудным одеялом
Измученная черная земля.

Вернулся голос пламенный к поэту!
Душа, весельем юности полна,

Несется вновь к мерцающим планетам,
Где стадо вечных звезд пасет луна.

Вот с той поры в душе моей поющей
Костер неугасающий горит...
На родине, счастливой, и цветущей,
И горделивой, как прибой Дарьи,—

Живет великая семья народов.
В ее садах бьют золотом ключи.
И, ясное над вечным небосводом,
Ей солнце сталинское льет лучи.

Страна моя! Ты—родина сокровищ,
Ты дар всеутоляющей реки.
В твоих горах бьют золотою кровью
Напруженные жилы-рудники.

Орел, твои вершины облетая,
Не может зорким глазом осмотреть
Богатства молчаливого Алтая —
Свинец, и цинк, и золото, и медь,

И хлопок белый на просторах юга,
Блестящий, равный в блеске серебру,
И яблоки румяные, и уголь,
И нефть — земли горячую сестру.

Моя страна! Пою твои просторы,
Колхозы горные, степной тулик¹,
Озер медовых сладостный тростник
И с солнцем породнившиеся горы...

Небесных волн прилив бушует пенный
У лебединых крыл большой луны.
Любуется красавица вселенной
Величием моей родной страны.

Любуется весь мир. Найдется ль краше
Земля, что и луне свой блеск дарит?
Найдется ли земля, красивей нашей,
Где сердце сталинское пламенно горит?

¹ Тулик — стада скота.

Такой земли столетьями искали
Народы всех веков, племен и стран...
Одиннадцать жемчужин заблистали —
Ты среди них, любимый Казахстан!

Моя страна! Ее сияет слава,
Столетние стирая рубежи.
В ней человек нашел большое право
На счастье и на радостную жизнь.

Ей Сталин путь, как солнце, озаряет,
Сгоняет тучи с вековых вершин.
Он — сокол счастья. Мир он одаряет
Величьем человеческой души.



Жумагалий Саин

Родился в 1912 году в Северо-Казахстанской области. Начал писать в 1931 году. В 1936 году выпустил сборник стихов «Пилот-жиры» («Песнь пилота»).

ВИДЕНЬЕ ПИЛОТА

Целый мир в этот полдень мне шлет привет,
Поклониться мне каждый готов предмет.
Так во всем обходительна степь со мной,
Словно стукнуло восемьдесят мне лет.

Тешит взор мне родимый степной простор,
Брачным ложем он зелень вокруг простер;
И с улыбкой, светлой, как солнечный луч,
Я прилег на зеленый этот ковер.

Мягче пуха трава для моей спины,
И цветы моей песней восхищены...
Лишь надменного солнца коварный глаз,
Усмехаясь, на степь глядит с вышины.

Верно думает солнце: «За что молодцу
Тот почет, что луне золотой к лицу?»
Знай же, солнце, светило вселенной всей,—
Не завидую я твоему венцу!

Я землю богат, чьи цветы — шелка
И в лощинах — не вдоволь ли тростника?
Лебединые стаи плывут, резвясь,
Посреди серебристого озера.

Вот они мне привет свой крикливый шлют,
Свой зеркальный хотят покинуть приют,
Хоть воде разлучиться со стаей жаль,—
Но уж белые крылья о воду быют.

Мы ревниво следим за движением крыл,
Но их тут же простор голубой укрывает,
И наш острый не видит их больше взор...
Кто б догнать этих вольных способен был?

«Вот и нет лебедей... Не видать вдали!» —
«Видно, лебеди впрямь тебя увлекли?» —
«Да, полет их красив... Он понятен тем,
Кто и сам подымался ввысь от земли...»

Он лежит и молчит, мой друг, предо мной.
Смотрит в озеро он, любуясь волной,
Стороной ветерок подлетит к нему
И нацелит в лоб поцелуй озорной.

«Тешит взор твой полетом лебедь-кликун,
Но, как лебедь,— и ты недурной летун...
Что-нибудь мне из прошлого расскажи,
Ты ведь — летчик, и опытен, хоть и юн».

Оглянувшись, глазами мой друг сверкнул:
«Раз я,— начал он,— к солнцу взлететь дерзнул,
И когда удалился я от земли —
Окружил меня грома враждебный гул.

Змеи молний шныряли вокруг меня...
Средь клубящихся туч я не взвидел дня,
Мне казалось — что это война, и враг
Хочет сбить меня наземь силой огня.

Но задор состязанья все выше влек,
От смущенья, от страха я был далек,
И пропеллером, вздернутым к облакам,
Я небесный просверливал потолок.

Самолет мой вгрызался в синюю высь,
И грозовые тучи вокруг неслись...
Вдруг мне солнце, плывя, преградило путь,
Полыхая, сказало: «Ничтожный, брысь!»

Видно, мало тебе, что земной свой шар
Получил от судьбы ты навеки в дар?
И, пресытись богатствами недр его,
Возмечтал ты у солнца похитить жар?

Воспевали поэты мой властный зной,
И возлюбленных сравнивали со мной,
Но из смертных ты первый, дерзкая тварь,
Долетел до меня на птице шальной!

Видно, мало тебе покоренных стран?
Твой железный везде прошел караван,
И теперь ты меня покорить решил?
Дерзновенной мечтой твой дух обуян!

Здесь опасности ждут на каждом шагу,
Ты не к другу приблизился, а к врагу,—
И тебя самого, с машиной твоей,
Я всем пламенным телом моим сожгу!»

И ответил я солнцу: «Понизь-ка тон!
Не поэт я, и в девушку не влюблен!
Я хозяин природы, а не червяк,
Я могуч, и я техникой вооружен.

Я не смерти от стрел твоих жажду здесь,
Я посбить твою только хотел бы спесь!
Уступи же, о, солнце, отваге моей
И поклон побежденного мне отвесь!

Не боюсь я огня, не боюсь воды,
Отпечатал в горах я мои следы,
И подводные глубины я одолел,
И полярной пустыни мертвые льды.

Их зовут — Невозвратность, «барсакельмес»,
В этих льдах я немало свершил чудес,—
Не пора ль мне и солнцу завоевать,
Ибо холоду солнце — противовес?

Символ времени, дряхлый, седой старик,
Между мною и солнцем тогда возник,—
Голос Времени я услышал тогда,
Был понятен мне мудрый его язык:

«Ты, — сказал он, — украсил свой лоб звездой
Преисполнен отваги ты молодой, —
Так бери же, мой правнук, пример с меня
И, как время, — в пути никогда не стой!»

«Да, ты прав, — отвечал я, — пращур-баба,
Хоть еще и безуса моя губа,
Но рука комсомольская для борьбы,
Для защиты отечества — не слаба».

И сказало мне Время: «Так будь здоров,
Будь готов полететь на почетный зов!
Мне известно, что Сталин вас всех ведет
И что выше он горных земных орлов!»

Тут мне руку свою старик протянул
И коснулся губами горячих скул, —
И, утроенных сил ощутив прилив,
Я машину свою к земле повернул.

И внизу, пеленой подо мной клубясь,
Облака растянулись в красную бязь,
И, сквозь дыры в той бязи, с моей землей,
Сквозь четыре прореза держал я связь.

И на букву похож был каждый прорез:
Три из них мне казались утроенным «С»,
И четвертый казался мне грозным «Р», —
И лучи проникали сквозь них с небес.

И лежала от них на земле печать,
И четыре те буквы мог мир читать,
Что от края до края, горя, легли
Через все твои земли, родина-мать!

Устремился я в буквенный тот прорыв
Мимо конницы туч и облачных грив,
И, как лебедь на воду, на аэродром
Я спустился, к товарищам подрулив.

Пусть рассказ мой — фантазии только игра,
Как мираж, что в степи рождает жара, —
Но я знаю: мы завтра добьемся того,
Что легендою было еще лишь вчера!»



Кенен

Кенен Азербасв, народный акын, родился в 1889 году в Алма-Атинской области в семье байского пастуха. Начал петь с 15-летнего возраста.

Кенен известен не только как поэт, но и как композитор, автор многих замечательных мелодий.

ПЕСНЯ О ЖЕЛЕЗНОМ НАРКОМЕ

Тебе, Каганович, под домбру пою,
Лучшую песню тебе отдаю
За то, что прорезал железным путем
Ты Сары-Арка мою...

Его не сравнишь ни с одною из стран,
Его не проскачет и в месяц кулан —
От Каспия и до китайских границ
Раскинулся Казахстан.

Мы были просторов степных рабы,
Как дети, боялись шайтан-арбы,
По выжженным солнцем солончакам
Верблюды качали горбы.

Вставала и меркла звезда-шолпан,
Бубенчики плакали, шел караван,
И нужно было двенадцать лун,
Чтоб весь пройти Казахстан.

Но нас ты, железный нарком, посетил.
Помог проложить стальные пути
И кара-айгыра по этим путям
Через пустыни пустил.

Он из железа, в ноздрях его пар,
Грива из дыма, глаза — словно жар,
Сбруя на нем в самоцветах горит,
Он быстроног, как тулпар.

Кара-айгыр быстрее, чем тайфун,
Силы в нем хватит на целый табун,
Среди отборных степных скакунов
Он самый лучший скакун.

Пошли поезда, с твоей волей в ладу,
Из Кокчетава на Караганду,
На бирюзовый, как небо, Балхаш,
И мы забыли беду.

Кара-айгыра взнуздал казах,
Шпалы Турксиба клал казах,
Кадры твои, Каганович, растут
Быстро у всех на глазах.

Я повернусь лицом на юг,
Слышу гудение, звон и стук —
Это новые рельсы кладут
Тысячи смуглых рук.

Гляжу я на запад и на восток,
Где степь широка, где Алтай высок,
Везде, Каганович, поступь твоя,
Рельсы твоих дорог.

Много еще пустынь и степей,
Много богатства в недрах степей,
Много нам нужно, железный нарком,
Строить железных путей.

Ленинец верный и преданный ты,
Сталинец в каждом дыхании ты,
Там, где трудности, где прорыв,—
Там непременно ты.

Ты из железа и стали возник,
Ты закаленный в боях большевик,
Рельсы гудят нам славу твою,
Сталинский ученик!

ПЕСНЯ ОБ УМЕРШЕМ СЫНЕ

Белошерстая козочка, горько ты плачешь сейчас
По козленку, который сосал молоко только раз...
Подойди ко мне, вместе поплачем. Быть может, тогда
Наше горе дойдет до ушей сотворившего нас.

Белошерстая козочка, сразу лишилась ты двух;
Был из павших один лопухим и мягким, как пух...
Но не надо, не плачь, и у нас будут дети еще,
И весною опять запестреет цветами наш луг!

Вдоль по Мати-булак вновь уходит народ кочевать,
И соседи, поссорившись, будут ругаться опять...
У жигита отважного жизни потухнет свеча,
Если будут и дальше все дети его умирать.

По пути Кебеке бесконечно проходит народ.
Ветер злой,— до костей через тонкий шапан проберет,
А врага ядовитое слово, что я — одинок,
Наболевшее сердце настигнет мое и убьет.

Человек — для ребенка, оказывается, живет:
Первый лепет ребенка родителям сладок, как мед.
Вот вернешься с дороги усталый, а маленький сын
Обоймет твою шею — и сразу усталость пройдет.

По Базару, по сыну тоскую: не стало его...
Одиноким остался я у очага своего.
Нет Базара, нет сына — и нет утешения мне.
Нет лица по округе бледнее лица моего.

Посмотрю, как с козлятами мирно играет коза,—
Вспомню, что у Базара блестящие были глаза...
Не устанет сосед одиноким меня называть,
Не одна на шапан мой горячая капнет слеза.

Посмотрю я, как овцы ласкают ягнят и как
Бьют ягнята ногами, топча прошлогодний кизяк...
Ни пред кем не был грешен, я мирно работал и жил,
Что же сделал я богу, что он наказал меня так?

И верблюдицы ведь с верблюжатами любят играть...
Бог же дал мне ребенка затем, чтоб обратно отнять;

Что я сделал создателю, мирный, простой человек,
Чтоб меня заставлял он теперь безутешно рыдать?

Скачут степью, играя, трехлетка и тай-сосунок...
Разрывает тоска мое сердце: откликнись, сынок.
Будут вечно со мною ругаться соседи-враги,
Горше всякого яда слова их, что я—одинок.

Без верблюда кочевье немало теряет в красе,
Неуместное слово обидою кажется всем...
У меня умирают все дети — один за другим,
Неужели домбра моя осиротеет совсем?

Дальний путник коня погастись у дороги пустил...
Все надеясь, что сына не мертвым я похоронил,
Что лишь обморок был с ним, и он отзовется теперь,—
Я три раза его окликать на могилу ходил:

«Отзовись! Без тебя запылится твой зонтик цветной,
Заскучал без хозяина ласковый конь вороной,
Дома мать горько плачет, а здесь, на могильном бугре,
Побелевший от горя, сидит твой отец, чуть живой!..»



Куат

Куат Терибаев, народный акын, родился в 1890 году в Алма-Атинской области. В настоящее время он член колхоза «Тас-богет», где работает агитатором. Известны его песни и поэмы «Ленин», «Доля акына», «Қосай-батыр» и др.

ПАРТИИ ВЕРИТ НАРОД

Широка и могуча страна моя,
Необъятны, как небо, родные края.
Новую радость в родной колхоз
Сталинский мудрый закон принес.
Радостно выберем мы в Совет
Того, чье имя, как солнечный свет,—
Учителя друга, родного отца,
Сталина — жизни счастливой творца!
Ленин, Сталин — их имена
Гордо несет на знаменах страна.
Нашей партии верит народ,
Партия к новым победам ведет.

Мой счастливый, свободный народ
Самых лучших в Совет изберет:
Сталинских верных учеников,
Преданных, стойких большевиков.
Я их предлагаю от всей души,
За них моя песня и голос жирши.
Ленин, Сталин — их имена
Гордо несет на знаменах страна.
Нашей партии верит народ,
Партия к новым победам ведет.



Муканов Сабит

Виднейший казахский прозаик, родился в 1900 году в семье батрака в Северо-Казахстанской области, образование получил на рабфаке и в Институте красной профессуры в Москве. Первые рассказы написаны им в 1923 году, еще во время учебы на рабфаке. К тому времени, когда появились два сборника его стихов, он был уже признанным в степи поэтом. В 1927 году Муканов написал поэму «Сулушан», создавшую ему прочную славу. В дальнейшем он начинает писать прозу; его перу принадлежат большие романы: «Сын бая» и «Темиртас», не свободные от ошибок, явившихся результатом влияния националистов.

Творчество Муканова обширно и разнообразно: поэмы и повести, посвященные темам первой пятилетки, романы, рассказы и стихи, в которых писатель отзывается на различные события в жизни страны. Последним произведением Муканова является роман «Загадочное знамя» — о прошлом казахской степи.

ВЕЛИКИЙ САДОВОД

Мое перо — мои стальные крылья —
Не устает: свободно, без усилия
Я над землей взлетаю высоко.

Я знаю вихрь. Я гром руками трогал.
Я пролетел по ветровым дорогам,
Срезая крошки туч и облаков,

Я над Сибирью пролетал кудрявой,
Слышал Урала и Алтая славу,
Магнит магнитогорский я видал, —

И он не снизил моего полета,
А молнию, что бороздит высоты,
Он без труда в разгар грозы снижал!

Я на Эльбрус спускался; вечный камень,
Молчащими покрытый ледниками,
Хранит селений и долин покой.

Потом летел на Эверест — и снова
Летел вперед, чтоб льдов хребта седого,
Хан-Тенгри льдов достичь до тьмы ночной.

И каждый раз, куда б ни заносили
Меня в пути мои стальные крылья,—
Я видел незакатный блеск лучей:

СССР! Четыре солнца счастья
Сверкали над одной шестою частью
Земного шара,— над страной моей!

Восходы наши — никогда не меркнут.
Я вижу ясно, словно зоркий беркут,
Незыблемую родину мою:

Казахи, сваны, чувашаи, тунгусы,
Карелы, русские, грузины, белоруссы —
Слились в большую, дружную семью.

Гнездо их недоступно черным тучам.
Оно на дереве, высоком и могучем,
Ветвистом, стройном, гордом, молодым,

Что возвращено Великим Садоводом
И отдано свободным всем народам:
Его мы Конституцией зовем!

Его хранит, готовый в бой с врагами,
Клим Ворошилов с красными полками.
И все народы, как один народ,

В одном порыве голоса сливают,—
И слышит мир от края и до края:
— Да здравствует наш вождь, наш мудрый Сталин!
Да здравствует Великий Садовод!

ДВА ОРЛА

Ленин — горный орел...

Сталин.

В ту памятную ночь метели выли,
И вздрагивала цепь Кавказских гор,
И над Эльбрусом на промерзших крыльях
Летел орел ветрам наперекор.

Орел тот — Сталин. Встречный черный ветер
Хлестал в глаза, но, с бурями знаком,
Орел летел туда, где звезды светят
Над Таммерфорсом, финским городком¹.

Через леса, равнинные просторы
Призыв донесся старшего орла:
«Мой смелый брат, покинь до срока горы,
Лети ко мне во весь размах крыла!

Лететь нам дальше — вместе...» И сквозь выюги
В озерный дальний край орел летел
На голос Ленина... Ночной буран в испуге
Вдруг выронил колчан морозных стрел.

Орлы прорвали мертвой ночи тучи,
Большой весне на землю путь открыв,—
И всем, кого тяжелый мрак измучил,
Сверкнуло солнце через тот прорыв.

Враг не дремал. Он, прячась, караулил.
Он выстрелил, как гад, из-за угла.
Враг подлый знал, кому готовит пулю,—
Попала пуля в старшего орла.

Орел не умер. Но былых походов
Сказались бури. Нехватало сил.
Он угасал. Побед грядущих годы
Сподвижнику и другу поручил.

И Сталин выполнил завет орлиный,
По-ленински ковал в борьбе орлов.

¹ Ленин впервые встретился со Сталиным в 1905 году в Таммерфорсе.

Не проползут на мирные равнины
К нам больше гады из сырых углов!

Цветет земля от края и до края
Богатой родины. Густы ее сады.
Поет народ, под солнцем собирая
В равнинах—хлопок и в садах — плоды.

ЗДРАВСТВУЙ, МАЙ!

1

Здорово, Май, товарищ мой давнишний,
Веселый спутник юности моей!
Играют встречу яблони и вишни
И лучшей песней дарит соловей.

И я пою ту песню, под которой
Шел человек сквозь хвойные века,
Напевом грея ледники и горы,
Леса и пастбища материка.

Ты помнишь, Май, как на пологих склонах
Я расстилал каракуль борозды,
Чтобы овес в метелочках зеленых
На зорях славил майские труды?

В пустых песках — я рыл тебе арыки,
Чтоб шахматной доской из края в край
Легли поля. Мой спутник солнцеликий,
Тебе — мой заступ, труд и урожай!

Покров земли стал радостен и ярок,
Стал на ковры персидские похож.
Прими, товарищ, мой простой подарок,
Кто скажет, что подарок нехорош?

Вот я пою в день твоего рожденья,
Я прославляю песнями тебя,
Твою походку, сердца твоего биенье
И молодость твою любя.

Добро пожаловать! Шуми в сердцах, в березках,
Труби на речках, травы шевели,

Расти в цехах, на шахтах и в колхозах!
Добро пожаловать! Ты лучший гость земли!

2

Товарищ Май, природа с колыбели
Учила нас на солнце прорасть,
И в дни болезни тяжкой у постели
Дежурила, как ласковая мать.

Из всех сынов ее — я самый беспокойный;
И ей со мной справляться нелегко.
Мне мало, что, звеня, течет в подойник
Душистое парное молоко.

Оно доступно из детей любому,
А я — поэт: пытлив и суетлив,
Я проникаю в чашу, в горы, в омут
И в дальний неизведанный залив.

Я непоседа: я ищу и рыщу,
Под облаками и в земных пластах
Я нахожу для звонких песен пищу,
Мой ум пытлив, и мне неведом страх.

В дыму борьбы сжимаюсь, как пружина,
Чтоб метче бить по вражеской груди.
Я часть машины; а моя машина —
Под маркой «Маркс и Ленин...» Погляди:

Мы на одной шестой большого мира
Машине этой возвели завод.
Идем на штурм за крепким командиром, —
Товарищ Сталин нас вперед ведет.

Текут полки рабочие с окраин,
И я, как знамя, поднял песнь мою:
Я — сын земли и я — ее хозяин,
Поэт и каменщик — идут в строю.

3

Природа-мать, ты помнишь злое детство?
Ты часто ночью плакала над ним...
То детство ползало среди обид и бедствий
Щенком забитым, брошенным, слепым,

Всё в синяках от ласки толстых баев,
В кровоподтеках от щипков муллы —
Дрожало, никогда не согреваясь,
Больное детство, тыкаясь в углы.

Нас в юности душили богатеи,
Бараном был трудящийся для них.
Веревки мыльные для нашей шеи
Всегда лежали в ханских кладовых.

Но мы порвали мыльные веревки
И в Октябре зажгли большой маяк!
Трудящимся мы роздали винтовки,
Мы грели жизнь в пороховых боях.

Пятнадцать лет, как сабли отсверкали:
Страна Советов — крепче, чем гранит.
Товарищ Май, на нашем пьедестале
Звезда пятиконечная горит!

Миллионы глаз горят в полночной стыни
На медных проводах из края в край:
Покрыты сплошь созвездьями густыми
Урал, и Ала-Тау, и Алтай.

В своей стране справляемся без хана.
Нет сил таких, чтоб задержать разбег, —
Мы покорили большевистским планом
Волну Днепра, и степи, и Казбек.

В моей стране сияет власть Советов,
Весна ломает ребра льдистых призм.
Прибоем электрического света
Разбита ночь: у нас — Социализм!

4

Товарищ Май, в день твоего рожденья
Все песни лучшие мы принесли тебе.
Мы знаем — сердца твоего биенье
Все, безраздельно, отдано борьбе.

И мы не только радуемся птицам,
Не просто смотрим на твои сады, —

Мы в этот день в колхозах и в столицах
Крепим свои рабочие ряды.

Товарищ Май, в ряды рабочих армий
Я призван вместе с песней боевой.
Я — знаменосец, большевик, ударник,
И я — горнист, сзывающий на бой.

Мы в юности с винтовками прогнали
Всех тигров-баев со своей земли
И на ветру, на горном перевале,
Звезду пятиконечную зажгли,—

В любой стране она видна под вечер,
Ее хранит республика труда,
Большая Родина всех рас и всех наречий,
Трудящихся Великая Орда!

Сегодня мы подводим вместе с Маем
Всем неполадкам и победам счет.
Мы тем сильны, что нашу землю знаем,
Как знает мастер — до винта — завод.

Товарищ Май, в день твоего рожденья
Все песни лучшие мы принесли тебе.
Мы знаем — сердца твоего биенье
Все, безраздельно, отдано борьбе.

Добро пожаловать! Шуми в сердцах, в березах,
Труби на речках, травы шевели,
Расти в цехах, на шахтах и в колхозах!
Добро пожаловать! Ты — лучший гость земли.

ПАКЕТ

(Глава из романа «Загадочное знамя»)

В один из обычных для Кокчетова холодных и бурных ноябрьских дней полицейский урядник Кошкин выехал из поселка Бурабай, направляясь в аул волостного управителя Итбая. Вез его ямщик Кенжетай.

Буран свирепствовал вторые сутки. Мороз иглами колол лицо, обжигая, как раскаленное железо; плевков замерзал на лету. Дорога была занесена, и вся степь кругом лежала сплошным белым саваном.

Лошадь Кенжетая, умная и привычная к зимней степи, не раз пробегала по этой дороге в любое время года. Она хотя и вязла по колена в рыхлом снеге, но все же не сбивалась с пути, находя ощупью невидимый твердый грунт дороги. То и дело ноги ее проваливались в глубокие сугробы, и она вытаскивала их с трудом. Урядник сердился на это и, поминутно награждая Кенжетая подзатыльниками, кричал:

— Гони же, сволочь!

Кошкин был сурового вида здоровенный мужчина с длинными усами и густыми бровями. Одет он был в черный бараний тулуп, на голове — высокая косматая шапка. Усы его слиплись в ледяные сосульки, а ресницы и брови покрылись инеем, отчего взгляд его казался еще суровее.

Кошкин спешил. Он вез срочный пакет, доставленный ему от пристава из Алексеевки другим урядником. Вместе с пакетом, запечатанным сургучной печатью, он передал Кошкину записку пристава: «Уряднику Кошкину. Вам надлежит лично вручить волостному управителю Итбаю Байсакалову прилагаемый пакет». Судя по печати, пакет был от омского генерал-губернатора.

— Как ты едешь, мерзавец! — крикнул опять урядник и неожиданно ткнул Кенжетая в спину. Тот чуть не упал с козел вперед, между оглобелей, и, рассердившись, хотел облатить урядника, но, повернувшись, только зло посмотрел на него.

— Ну, чего глаза вытаращил? — закричал урядник и, встав в санях во весь рост, растянул нижнюю губу и оскалил зубы, как собака, собирающаяся укусить. Кенжетай растерялся:

— Чего прикажете, ваше благородие?

Кошкин, далеко откинув правую руку назад, нацелился ударить его по голове, но промахнулся, и кулак его больно стукнулся о передок саней.

Кошкин зарычал, как медведь:

— Останови лошадь!

Кенжетай натянул вожжи, и урядник рванулся к нему, намереваясь ударить. От тяжести их сани наклонились, и оба вывалились в глубокий снег. Усталая потная лошадь, видя выпавших седоков, остановилась. При падении урядник оказался под Кенжетаем, тот хотел скорее подняться, но не смог, — руки и ноги его вязли в глубоком снегу и не находили опоры. Барахтаясь под Кенжетаем, Кошкин вдруг испугался до пота: он вспомнил, что в прошлую зиму одного урядника нашли убитым в степи и виновник остался необнаруженным.

— Пусти! — крикнул Кошкин, толкая Кенжетая в грудь. — И, когда они с трудом поднялись, Кошкин, чтобы скрыть свой страх, погрозил Кенжетая кулаком: — Я тебе еще покажу!.. Погоняй лошадь!

Рыжая лошадь Кенжетая, бороздя саями, как плугом, рыхлый снег, довезла своих седоков в аул Итбая только к закату. Ветер несколько ослаб, и буран начал стихать, но мороз усилился, и не только людям — даже скотине трудно было поворачивать голову навстречу ветру.

Аул звался по имени деда Итбая — Байкадамским. У Байкадама было три сына — Байсакал, Жансакал и Далабай. Все трое жили и зимой и летом отдельно, но все же считались из одного аула Байкадам. Чтобы различить эти аулы, население присвоило им названия — старший, средний и младший, прибавлявшиеся к слову Байкадам, соответственно возрасту каждого из братьев.

Волостной управитель — Итбай — был третьим сыном Байсакала. Итбай, которому было около сорока лет, был женат с семнадцати лет и имел пятерых сыновей: Султангазы был женат, холостой Ергазы занимался дома хозяйством, Сарыбас учился в Омске, а остальные были еще детьми.

Братья Итбая жили в шести просторных деревянных домах городской постройки, поставленных у подножья гор, далеко от помещений для скота и от жилищ пастухов. Среди их домов возвышалась большая мечеть под железной крышей, выкрашенной в зеленый цвет, и рядом с ней стояла школа в восемь комнат. У домов своих Байсакаловы допускали содержать только запущенных, исхудавших лошадей и голов двадцать верблюдов, весь остальной свой многочисленный скот держали далеко от аула. Небольшой загон для лошадей, сделанный из плетня, был расположен между домами Итбая и его отца Байсакала.

Когда Кенжетай, понукая усталую лошадь, подъехал к загому, у ворот его оказался сам Итбай в лисьем треухе, в перепоясанной волчьей шубе с широким воротником. Услыша колокольчики, Итбай сперва повернул голову с заплывшим от жира затылком, потом обернулся всем корпусом. Приезд чиновника Итбаю был не в диковинку: их приезжало к нему много. Он принимал их соответственно чину и положению, — последнее определялось им по тому, как кто приезжал: если летом в повозке и на паре, а зимой в крытых саях и на лошадях, запряженных гуськом, — значит, приезжал большой человек; если же на одной лошади и в открытой тележке или в кошеве, — значит, урядник или иной малый чин. Были волостные, которые боялись и урядников, но Итбай к ним не принадлежал: он был в хороших отношениях с самим губернатором и с уездными начальниками. Об этом знали и сами урядники, и перед Итбаем не очень хорошились. Урядникам, которые ему чем-либо не понравились, Итбай иногда не оказывал даже и простого гостеприимства.

В этом году, при перевыборах волостных управителей, голо-

са избирателей каким-то путем забрал некий Агайлар, Итбай же был забаллотирован, получив лишь четыре голоса. Тогда он спешно поехал в Омск, был принят там самим степным генерал-губернатором, который на основании статьи семидесятой «Положения по управлению степными областями» приказал назначить Итбая волостным без новых выборов. Урядник Кошкин хорошо знал это обстоятельство, и потому, увидав Итбая, он прыгнул с саней, сам подошел к нему и поздоровался за руку:

— Я к вам по важному делу.

— Говорите.

— Здесь не годится... Эх, и замерз же!

Урядник потирал руки и бил ногой об ногу. Итбай важно указал на свой дом:

— Заходите, я скоро приду, вот закончу по хозяйству...

Урядник повернулся к Кенжетаю, который, дрожа от холода, дожидался, боясь, как бы урядник не заставил его везти еще куда-нибудь:

— Поезжай, больше не нужен,— и при этом пригрозил: — погоди еще, я тебе!..

Дом Итбая состоял из шести комнат, одна была отведена под волостную канцелярию. Там же жил волостной писарь Горбунов. Горбунов этот уже семнадцать лет подряд служил у Итбая писарем, он научился говорить по-казахски, досконально знал все тонкости взаимоотношений казахов, сумев даже завоевать себе общую симпатию, и был хитрым и изворотливым плутом.

Когда, весь в снегу, Кошкин вошел в комнату в сопровождении жигита Итбая — Буркутбая, Горбунов лежал на кровати и курил. Увидев постороннего, он поднялся с кровати.

— Здравия желаю, Гаврила Гаврилыч! — воскликнул Кошкин, еле владея замерзшими губами. В комнате был полумрак, и Горбунов не мог разобрать, кто это приехал. Он приказал Буркутбаю зажечь лампу.

— Не узнали, Гаврила Гаврилыч? Это я, Кошкин.

— А!.. Отлично! Рад и счастлив вас видеть. Замерзли? Раздевайтесь!

Пока урядник окоченевшими пальцами с трудом расстегивал пуговицы шинели, Буркутбай снял с него тулуп.

— Идите к печке, грейтесь,— ухаживал за гостем Горбунов.— С чем приехали?

— С серьезным поручением... Вот пакет,— и Кошкин сунул руку во внутренний карман. Но пакета там не оказалось.

Кошкин побледнел, глаза его вылезли из орбит.

— Ах! — воскликнул он в ужасе.— Потерял, Гаврила Гаврилыч!

— А что?

— Пропал я!..

На Кошкине не было лица, и Горбунов понял, что случилось что-то серьезное.

— Пакет от губернатора... потерял,— прошептал Кошкин ему на ухо.

— Где же?

— Не знаю... В поле или в санях...— от страха ли, или от того, что он еще не согрелся, у урядника тряслись челюсти и стучали зубы.

— Поищем, пошлем к саням человека,— сказал Горбунов.

— Нет, пойду сам... Нельзя доверять... Только бы не уничтожил его этот подлец!

— Кто это?

— Да ямщик!..

Когда, встретившись с урядником, Итбай остался у ворот загона, у него, по существу, никаких особенных дел там не было: он не пошел с Кошкиным только для того, чтобы дать тому понять, что он не особенно считается с ним. Поэтому Итбай вскоре оказался дома и застал растерянного урядника. Горбунов объяснил, в чем дело, и Итбай с достоинством сказал:

— Если только пакет не потерян в поле, ямщик не посмеет его тронуть.

— Как раз этот-то подлец и украдет! — в отчаянии воскликнул Кошкин.

«Что же может быть в этом пакете?» — подумал Итбай, видя как дрожит урядник.

Попадая в аул Итбая, Кенжетай, который жил в версте от него, там, где жили бедняки, всегда заходил к Аскару, учителю, проживавшему в школьном доме.

Это Аскар посоветовал Кенжетаю посещать школу в свободное от работы время. Школа эта существовала в ауле Итбая всего второй год. Правда, и до этого, начиная с 1906 года, Итбай держал в ауле мугаллимов (учителей). Но они, обучавшиеся сами в татарских медресе — «Рассулие» в Троицке, «Галие» в Уфе или «Мухамедие» в Казани — обучали казахских детей по-татарски. Не только школы, но и грамматики родного языка у казахов тогда не было. Кенжетай в детстве учился как раз у таких мугаллимов. За три года учения он приобрел кой-какое представление о татарской этимологии, отрывочные сведения по географии и научился с грехом пополам решать задачи на четыре действия. Все это, кроме умения читать и писать, было потом забыто Кенжетаем.

Посещая теперь, по совету Аскара, школу, Кенжетай бы-

стро восстановил старые знания и начал уже изучать дробь. Самым любимым предметом его была русская грамматика. То, что не удавалось Кенжетая как следует понять в школе, терпеливо объяснял ему на квартире Аскар, который полюбил Кенжетая за его ум и дружил, проводя с ним большую часть свободного времени. Кенжетай и его мать Ульберген также полюбили Аскара, часто приходившего и к ним в дом.

Так и теперь, увидев Аскара на дворе, Кенжетай, подъезжая, крикнул:

— Аскар, поедешь к нам?

Рыжая лошадь Кенжетая, почуяв близость дома, бежала быстро, забыв усталость. Кенжетай по дороге рассказывал Аскару о поведении урядника, и оба они смеялись над ним. Подъезжая к дому, Кенжетай закончил разговор:

— И раньше был важный истукан, как русский деревянный бог, а нынче совсем ошалел... Видно, по важному делу ехал, а по какому — кто его знает!

Посуда и утварь в доме Кенжетая были старенькие, починенные, одежда — в заплатках, но Ульберген держала дом в чистоте, и это особенно нравилось Аскару. Пустой чай у Кенжетая нередко казался ему вкуснее, чем обильное угощение в грязных байских домах.

Когда они вошли, в доме было темно. Ульберген растапливала печь.

— Апа! — позвал ее Кенжетай.

— Ау, сыночек! Сильно замерз?

— Я распрягу лошадь, а ты поставь самовар. Аскар приехал!

— А, садись, садись, светик мой!

Пока Аскар раздевался, Ульберген налила самоваром и положила в него угли из печи.

— Кажется, кончился у нас керосин, — сказала она потом и, поднеся к огню лампу без стекла, посмотрела на свет. — Пойду, спрошу, не привез ли керосина Кенжетай... — пробормотала она и вышла из дому.

Аскар прилег на торь, ожидая хозяев.

— Ой-бой, ой-бой!.. — донесся вдруг снаружи отчаянный женский вопль. Аскар, как ужаленный, вскочил на ноги. Ульберген с криком открыла дверь и грохнулась на пол.

— Апа! Что случилось?

— Уби-и-ли!..

— Кого?

— Кенжетая!

— Как... что вы говорите, апа?

— Ой-бой, светик мой, беги туда!

Выбегая из дома, Аскар в темных сенях сильно ударился лбом

о подпорку. Искры посыпались у него из глаз, и он чуть не лишился сознания. Пересиливая острую боль, прижав лоб ладонью, он выбежал на двор. В сумраке он еще смог различить, как рослый человек с остервенением колотил дубиной другого, лежащего у саней. Тут же рядом спокойно стоял третий и равнодушно смотрел на происходящее. Аскар подбежал и схватил за руки колотившего. Тот заорал на него: «Это кто?» и набросился было с кулаками. Аскар осадил его, сердито крикнув:

— Осторожно! Вы не имеете права бить меня, я учитель!

Урядник снова зарычал:

— Найди скорее, подлец! — и рванулся к лежавшему Кенжетаю. Аскар удержал его и спросил:

— В чем же дело?

— Я вез важнейший пакет от генерал-губернатора волостному управителю, а этот мерзавец его украл!

— Украл? Этого не может быть.

— Вы хотите еще оправдывать его?

— Поищите хорошенько!

Слыша это, Кенжетаю, лежавший без движения, со слезами в голосе простонал:

— Зачем мне его пакет?.. Подтереться, что ли, нужен он мне?.. За что так бить?..

Глаза Аскара начали привыкать к темноте. Подойдя к Кенжетаю, он увидел, что у того из носа струей льется кровь. Аскар вспылил, но горло перехватила спазма, и он не мог сказать уряднику ни слова. Третий человек пошарил в санях и крикнул:

— Нашел! Вот он, здесь!

Судя по голосу, это был Горбунов, и Аскар спросил:

— Горбунов, вы? Нашли пакет?

— Да вот он, в санях!

Аскар вырвал у него из рук пакет и, передавая уряднику, с озлоблением сказал:

— Вот ваш пакет... Вы сами выронили его в санях, а ямщика избили ни за что... А ведь вы тоже «власть», управляете населением!..

— Ну-ну, помолчите,— сказал Кошкин смущенно.— Неприятностей хотите?

«И ничего важного в этом «важнейшем пакете» нет, наверное какое-нибудь обычное распоряжение», подумал Итбай, когда урядник и Горбунов вернулись к нему с найденным пакетом.

Сургучная печать на нем оказалась поврежденной. Очевидно Кошкин сел на него в санях и сам же сломал сургуч. Однако это его обеспокоило, и он воскликнул:

— А может быть, его уже прочли?

— Да кто его читал,— спокойно возразил Итбай.— Сами ж вы на нем сидели. Вскрывайте скорее!

Обычно всю почту вскрывал Горбунов и, не торопясь, прочитывал сперва сам, а потом объяснял Итбаю то, что находил необходимым. Хотя урядник и волновался, но Горбунов стал медленно читать про себя извлеченную из пакета бумагу. Вдруг выражение его лица изменилось, глаза забежали по бумаге. Он вскочил со стула и в радостном возбуждении обратился к Итбаю на ломаном казахском языке с сильным русским акцентом:

— Итбай Байсакалович, мне ты деньги дает... давай... Как его, чорт! — закончил он по-русски. Он хотел просить у Итбая «шуюнчи» — подарок за сообщение радостной вести, но этого казахского слова он второпях не мог вспомнить.

— Что за деньги!? — спросил Итбай.

— Тебе дал бог... — опять по-казахски заговорил писарь.

— Ну скажи же, что?

— Царю императору исполнилось триста лет... тебе большой честь прибежал!

— Честь?

— На юбилей вот ты ехал, говорит бумага...

— Что, что?

— Торжество, говорит, царь делал будет...

— Что за торжество?

— Я тебе повтори: царю исполнилось триста лет, он дед-царем стал... Большие торжества делал будет... На торжества ты ехал будет, скажет тут генерал-губернатор...

— В ауле надо делать торжество, что ли? Губернатор приедет?

— Что с тобой, Итбай Байсакалович? Ты не поймет... я говори тебе: губернатор тут говори, ты ехал будет на торжество в Петербург, говори тут губернатор...

Только теперь Итбай начал догадываться, что хочет объяснить ему Горбунов:

— Тут, видно, написано, что исполняется трехсотлетие царскому дому?

— Да, да.

— Тут, видно, написано, что мне надо ехать в Петербург на торжества?

— Да, да.

Итбай радостно засмеялся, засмеялся и Горбунов. Урядник, ни слова не понимавший по-казахски, заглянул тем временем в бумагу и теперь тоже льстиво заулыбался.

— Шуюнчи получишь,— сказал Итбай, хлопая Горбунова по плечу.— Прочитай-ка теперь бумагу полностью!

Горбунов прочел. Но Итбай, претендовавший на знание русского языка, доброй половины не понял. Разъяснения Горбунова на ломаном казахском языке тоже ничем ему не помогли. Итбай приказал позвать для перевода Аскара. Узнав, что он в соседнем ауле, он велел немедленно послать за ним лошадь.

В ожидании, пока Буркутбай привезет Аскара, Итбай ушел в свою комнату. Кошкин, успокоенный тем, что бумага оказалась цела, остался у Горбунова пить чай.

Хотя Итбай и не понял всего содержания бумаги, но то, что в Петербурге будут торжества и что на эти торжества посылают его, Итбая, было для него яснее свежего тавра на ляжке стригуна. Радостью наполнилось сердце Итбая. Довольный жизнью и судьбой, он прилег на кровать и, закрыв глаза, отдался воспоминаниям.

Николая Второго он видел ровно двадцать лет тому назад. В 1892 году, будучи еще наследником, Николай приезжал в Омск. Желая показать будущему царю быт казахского народа, омский генерал-губернатор вызвал всех волостных управителей и приказал им разбить юрты на берегу Иртыша, против города, готовить кумыс, привезти самых красивых девушек и молодых женщин, собрать лучших скакунов, беркутов, соколов, лучших борзых.

В Акмолинской области насчитывалось тогда больше восьмидесяти волостей. От каждой из них было привезено в Омск и поставлено на берегу Иртыша по одной юрте. Среди них первое место заняла юрта Итбая.

Получилось это потому, что Итбай заранее узнал о предстоящем приезде наследника. Он собрал всех лучших мастеров области и поручил им весь остов юрты, обычно деревянный, сделать из кости с серебряными украшениями. Ковры для юрты он выписал из Ташкента через проживавшего в Кокчетаве торговца-узбека Бадельхана. Лучшая лошадь в степи стоила тогда двадцать рублей, а самая жирная овца — рубль. Юрта же обошлась Итбаю в восемь с половиной тысяч рублей.

Но ни одной копейки Итбай не выложил из собственного кармана. Он даже заработал на этом. Правда, статья 137 «Стелного положения» запрещала волостным управителям производить какие-либо самовольные сборы с населения, кроме покибиточного сбора в четыре рубля в казну и на содержание волостных управлений. Но Итбай нашел в «Положении» статью 156, по которой губернаторам предоставлялось право обязывать казахов выставлять юрты и доставлять для резки баранов. Опираясь на эту статью, Итбай добился не только полного возмещения

своих расходов на юрту, но собрал с населения эти расходы вдвойне.

Пышная юрта Итбая, единственная среди всех остальных, удостоилась внимания Николая. Наследник зашел в юрту, полюбовался ее украшениями и спросил, кто же хозяин юрты? Губернатор представил ему еще юного, едва достигшего двадцати лет, расторопного Итбая. Николай потрепал его по спине и сказал: — Молодец!.. Но только еще очень молод!

Итбай смутился: по закону лица моложе двадцати пяти лет на должность волостного управителя не допускались.

— Мне двадцать семь лет, ваше высочество, — ответил он.

С приветствием от лица собравшихся у юрт баев, волостных управителей и аксакалов выступал сын Вали-хана и внук Аблай-хана — престарелый и родовитый Чингиз. Губернатор доложил наследнику, что отец Чингиза — Вали — был инициатором принятия казахами Средней Орды русского подданства. Несмотря на это, Николай только поздоровался с ним за руку и никакой благосклонности к нему в дальнейшем не проявил. Итбая же Николай не отпускал от себя до самого конца устроенной на берегу Иртыша торжественной встречи. Улучив удобный момент, Итбай даже успел показать Николаю грамоту, полученную его предками от Екатерины Второй. Уезжая, Николай тепло пожал Итбаю руку и в присутствии всех поручил губернатору оказывать ему всяческую поддержку.

С тех пор губернаторы не оставляли без внимания Итбая, и он ни разу не был лишен должности волостного управителя. Какие бы ни подавались жалобы на злоупотребления Итбая и какие бы серьезные дела ни возбуждались против него, — когда они поступали для окончательного решения к губернатору, они всегда оставались без всяких последствий. И на последних выборах, когда Итбая забаллотировали, его поддержал губернатор. В конце концов, у всех создалось убеждение, что всякая борьба против Итбая, всякие жалобы на него — бесцельны. И жалобы прекратились совершенно...

В прошлом году, летом, дочери губернатора, приехав отдохнуть в Барабай, прогостили у Итбая около двух недель. Это также подняло его авторитет в глазах населения.

Итбай с удовольствием представлял себе вторичное свидание с царем, который двадцать лет назад вручил ему ключи к вечному счастью. Тогда Николай был еще не совсем окрепшим молодым человеком с только что пробившимися усами, — вспомнил Итбай, — а теперь, судя по портретам, у него выросла густая борода, и он стал солидным человеком.

«Узнает ли он меня? — подумал Итбай и решил: — Наверно узнает! Ведь жал же он мне тогда руку...»

Когда, обнаружив пакет, Кошкин и Горбунов поспешно сели в сани и уехали, избитый Кенжетай с трудом поднялся на ноги и хотел идти домой. Но, сделав несколько шагов, он пошатнулся и упал.

— Как ты себя чувствуешь, родной? — спросила его прибежавшая мать, дрожа от страха. Она хотела было поднять Кенжетая, но, поскользнувшись, упала сама. Аскар растерялся.

— Апа, — сказал он Ульберген, — что с вами! Встаньте же скорее! Давайте поднимем и поведем его домой... Что с тобой, родной?

— Голова кружится, — ответил тот.

Аскар обнял его и поставил на ноги. Около них собрались соседи, прибежавшие на крик. Все спрашивали, что случилось.

— Узнаете дома, помогите его довести, — ответил Аскар. Соседи тотчас начали строить свои догадки.

— Это дело рук нечистого духа, — прошептал один, — не ко времени он на двор выбежал...

— Не иначе, не иначе, — соглашались другие, — Сейчас как раз грань между сумерками и ночью, нехорошее время...

Причиной этих разговоров была ходившая в ауле молва, будто в зимовке Кенжетая вообще водятся духи. Кое-кто начал читать про себя предохранительную молитву.

— Надо бы послать за муллою Сагитом, пусть полечит молитвами и заклинанием, — громко высказал кто-то свое соображение. Аскар разозлился:

— Какой там нечистый дух! Его поразили дух людской, человеческий...

Одна из женщин вскрикнула. Она поняла слова Аскара так, как будто он говорит об особенном духе, поражающем только людей.

Аскар, с помощью соседей, осторожно ввел Кенжетая в темную комнату и попросил принести керосина для лампы. Кенжетая положили на торь.

— Ну, как, Кенжетай? — спросил Аскар, — апа очень волнуется...

— Ох, спина, — простонал Кенжетай, делая попытку шевельнуться. — Кажется, все кости в осколках... Ох, как больно!..

Глаза всех устремились на него, стараясь в отблеске печи рассмотреть его лицо. Аскар рассказал о случившемся, и только тогда всем стало ясно, что за «дух» выместил свой гнев на Кенжетая. Возмущенные соседи заговорили, перебивая друг друга:

— Разве закон позволяет начальству бить?

— Для чего закон, если могут бить?

— А что, если подать жалобу начальству?

— Подай! Разве ворона вороне глаз клюет?

— Лучше было б умереть, сопротивляясь, чем безмолвно терпеть обиду!

— «С сильным не состязайся, начальству не сопротивляйся», говорит пословица. Что с ним сделаешь?

— Надо все же сообщить через волость об этом; а то, пожалуй, в конце концов и убьет кого-нибудь...

— А разве это не убийство?

Аскар не вмешивался в разговор. Скучный свет печи тускло освещал комнату, лицо Кенжетая казалось мертвым.

В раздраженном состоянии редко зарождаются у людей глубокие мысли. И у Аскара мысли эти дальше признания несовершенства закона не пошли. Правда, как-то мельком прошло в его голове, что если один конец цепи таких безобразий упирается в урядника, то другой должен восходить до царя. Но какова эта цепь, насколько она длинна, толста и прочна, и нужно ли разорвать ее, — он не пытался разрешить.

Принесли керосин, и лампа была зажжена. Несколько человек осторожно раздели Кенжетая. Вся спина его оказалась черной, опухшей, в сплошных кровоподтеках. Окружавшие ужаснулись, и в комнате опять возник общий разговор.

— Япр-ай! Целы ли твои кости, дорогой?

— Не беспокойте, уложите его поудобнее.

— Надо сообщить начальству, это же убийство!

— Какие сильные руки у собаки!.. Здоров, как бык!..

— Опр-ай, оказывается среди кяфиров этот — самый лютый!

— Как бы опухоль не пошла внутрь! Надо приложить казы, она вытянет наружу...

— У кого ты здесь найдешь казы?

— К баю послать! Пусть даст!

— Дожидайся, даст тебе бай!

— Если сейчас не даст, когда же ждать от него добра?

Переговариваясь так, соседи повернули Кенжетая на бок. Одна щека его и нос оказались раздутыми. Все лицо сплошь было покрыто запекшейся кровью.

— Самое страшное, оказывается, вот где! — воскликнули многие, испугавшись изуродованного лица Кенжетая. За спинами их раздался громкий самодовольный голос:

— Полноты и благоденствия всем вам!

Все обернулись на это обычное приветствие, прозвучавшее так некстати, вглядываясь, кто пришел. Раздались возмущенные голоса:

— Кто это так весело разгуливает в такую несчастную пору?.. На пир, что ли, пришел? Закрой дверь, холода напустил!

— А что? Разве с неба вместо снега идет кровь? — засмеялся вошедший.

— Кто это?

— А зачем вам знать? Ну, вот я — Буркутбай.

Появление Буркутбая озадачило присутствующих, и все замолчали в ожидании, что скажет он. Он показал камчой на Кенжетая: «Чего это он лежит?»

— Побил урядник, — ответил кто-то.

— Экая гниль! Есть от чего валяться, подумаешь, какие нежности!

— Что ты бредишь? — вызывающе крикнул один из казахов, угрожающе подступая к Буркутбаю. Но тот шагнул вперед и позвал:

— Аскар!

Аскар обернулся, но не отозвался.

— Тебя зовет Итбай, просил приехать скорее.

— А для чего я ему?

— Хочет, чтоб ты прочитал ему какую-то бумагу.

— Разве Горбунов не писарь?

— Кажется не может объяснить как следует.

— Поеду завтра, что за срочность!

— Если я правильно понял, либо сам царь едет сюда, либо от населения требует людей... Словом, большое дело... Бумага важная...

— Значит, из-за нее и страдает Кенжетай, — сказали многие.

— А как же иначе можно было полагать! — воскликнули другие.

Аскар примерно догадался, о чем была бумага. Ехать на зов Итбая ему не хотелось, но затем он подумал, не лучше ли, во-первых, своими глазами прочесть полученный приказ, а во-вторых, не следует ли, в самом деле, сообщить Итбаю и самому уряднику о положении Кенжетая? Но ему было жаль оставлять Кенжетая, и он посмотрел на него, как бы прося совета.

— Иди, иди, — тихо сказал Кенжетай.

Аскар пощупал у него пульс. У него начинался жар, тело горело, лицо начало краснеть.

— Можно бы и не ехать, — колеблясь, сказал Аскар. Но большинство настаивало, чтоб он поехал, если не ради Итбая, то хотя бы для официального заявления ему о поступке урядника.

— Хорошо, поеду, — согласился Аскар, — но сейчас же вернусь. Освободите комнату, а то больному тяжело...

До дома Итбая Аскар ни о чем другом, кроме состояния Кенжетая, думать не мог. Приехав, он прошел прямо в канцелярию и застал Горбунова и урядника сильно выпившими.

— Айда, выпьем за царя! — сразу же стал приставать к Аскару еле державшийся на ногах Кошкин, поднося рюмку.

— Нет, не хочу.

— Что? — воскликнул урядник, вытаращив глаза. — Вон как!.. Не хочу!.. Как, то есть, не хочу!.. За царя не хочешь выпить? Это, брат...

Аскар быстро вышел. Сзади слышалось бормотание урядника, но Аскар не стал прислушиваться.

— Где волостной? — спросил он Буркутбая, выйдя во двор. — Я поеду назад, чего я его искать буду...

— Как же можно? Пойдем, он, наверное, в «старшем доме».

Они зашли в дом Байсакала. Передняя комната оказалась битком набита женщинами. Пройдя меж ними, с любопытством глядевшими на него, Аскар открыл дверь комнаты Байсакала. Здесь собралось почти все его потомство. Вопреки обыкновению, не произнеся даже традиционного приветствия, Аскар, не раздеваясь, сел на сундук у дверей.

— Поднимайся выше, на торь, дорогой, — приветливо сказал старик Байсакалов. Остальные пробормотали обычные слова приветствия.

— Я спешу, — ответил Аскар, — у меня неотложное дело.

— Ты пришел как раз на той, раздевайся, — настаивал Байсакал.

— А какое дело, нельзя узнать? — поинтересовался Итбай, которому поведение Аскара не понравилось.

— Кенжетай, сын Туякбая, почти при смерти.

— Я недавно видел его, — сказал Итбай. — Что случилось с ним за такое короткое время?

— Его избил дубиной урядник.

— Э, только-то! — одновременно воскликнуло несколько гостей, и все стали осуждать Кенжетая: — Быть может, урядник и ткнул его разок-другой, а он, конечно, оскорбился и теперь лежит...

— Наверное, больше от злости, чем от боли! — подхватили другие. — Подумаешь, какая щепетильность!

— Ушибы очень серьезны. Он может умереть, — сдерживаясь, сказал Аскар.

— Очень уж самолюбив, несдержан и не к лицу спесив этот Кенжетай, — усмехнулся Жансакал. — Уж конечно, он сам задел дерзостью урядника, тот поделом его и ударил.

— Оставьте вы пустяковые разговоры, — нахмурился Итбай и повернулся к отцу. — Покажите же ему бумагу!

Байсакал торжественно полез в карман и передал бумагу Аскару, попросив его громко прочесть всем.

— А что поймут по-русски, отец? Пусть прочтет сам и объяснит нам содержание, — заметил Итбай. Аскар внимательно прочел бумагу и, сложив ее, возвратил Байсакалу.

— Ну, говори, дорогой, говори подробно, что там написано? — не скрывая нетерпения, сказал тот.

— Бумага эта от омского губернатора. В ней говорится, что двадцать первого февраля будущего года исполняется трехсотлетие царствования дома Романовых. В Петербурге будут большие торжества. На них от казахов Акмолинской и Семипалатинской областей должен поехать в Петербург один представитель. «Представителем этим наметил тебя, Итбай Байсакалович», пишет губернатор.

— Так, так... вот это я понимаю! — перебил его Жансакал, сияя. — Только теперь я получил истинное удовольствие! А дальше?

— Далее губернатор пишет, что выезжать придется в январе и что к этому времени, возможно, приедет сюда он сам.

— Даже так! — вместе воскликнули Байсакал, Жансакал и Далабай и, перебивая друг друга, стали выражать свой восторг. Гости льстиво поддакивали. Итбай слушал их молча, искоса поглядывая на Аскара: равнодушие Аскара его раздражало.

— Вот и все, что здесь написано, — закончил Аскар, обращаясь к Байсакалу. Тот ласково кивал ему головой.

— Исполнение всех желаний тебе, дорогой!

— Если позволите, я теперь пойду.

— Нет, нет! Что ты, дорогой? Не отпускай ни за что! Судьбой ты заброшен к нам, стал жигитом нашего аула, — оставайся же с нами и подели нашу радость!

Запах варившейся жирной конины, доносившийся через открытые двери из других комнат, раздражал обоняние гостей, и они переглядывались, ожидая обильного угощения.

— Мясо скоро сварится, оно в изобилии, посиди, покушай с нами! — настаивал Байсакал. Аскар повернулся к дверям.

— Прошу извинения, баи, очень благодарен. Я не могу, я топлюсь.

— Отец! — сказал тогда Итбай. — Что ты пристал к человеку? Сказал раз — и достаточно. Очевидно, у него есть дела.

И Аскар вышел на мороз. Лошади ему не предложили, и он торопливо пошел к аулу Кенжетая, раздумывая, застанет ли он его в живых.



Мусрепов Габит

Прозаик и драматург, мастер короткого рассказа. Родился в 1900 году в семье бедняка-скотовода Северо-Казахстанской области. Начал писать в 1926 году. С тех пор в печати появилось много его повестей и рассказов — «Соседи из синего дома», «Шаг назад, два вперед», «Шугла», «Мать», «Талпак-танау» и ряд других. Лучшие его произведения посвящены гражданской войне и колхозному строительству.

Мусрепову принадлежат пьесы «Кыз-Жибек», «Козы-Корпеш» (переработка для театра народного эпоса), пьеса и сценарий «Амангельды» — о восстании 1916 года.

МАТЬ

Когда мы были детьми, невежественный мулла учил нас невежеству в доме седого Айтилеса. Похожие на ягнят, пригнанных арканом, мы готовились стать безмолвными рабами: ударят тебя в правую щеку — подставь левую.

Неподвижная жара. На холмах играет мираж. Скот находит прохладу в озере, входя в воду по шею. В полдень солнце стоит прямо над головой, и тогда тень человека, не найдя себе места, прячется под ногами. Пастухи пекутся на солнце, похожие в своих сыромятных куп¹ на худых бычков, у которых не вылезла еще зимняя шерсть. Кажется, что они сожжены солнцем и что купи, съжививаясь и топорщась, ссыхаются на их телах. Женщины, ходившие за шесть холмов собирать кизяк, едва бредут с мешками на спинах; пыльные их лица пересечены струйками пота.

Таща подмышкой истрепанный, как старая кошма, арабский букварь, я приходил к Айтилесу. Если дети еще не собрались, Айтилес обычно беседовал с муллой или с всегдашним своим гос-

¹ Куп¹ — верхняя стеганая одежда из бараньей или верблюжьей шерсти весенней стрижки.

тем—торговцем Рамазаном, рыхлым, как мешок для кумыса. Разговаривая, Айтилес, слепой старик с белоснежной бородой, разглаживал могучими пальцами широкую бороду. Белая и пышная, она покрывала его халат, словно вышитый серебром нагрудник. Старые, покрытые ржавчиной забвения события Айтилес подчищал, подновлял, и они в его передаче сверкали и блестили. Старик, после потери зрения собравший весь свет в груди и в ушах, перетряхивал давно прошедшие дни, как слежавшиеся меха.

— Ай, молодая пора наша, когда мы еще играли над ушами коня! — начинал Айтилес.— В то время палуану¹ Жанаю было восемьдесят два или восемьдесят три года. Стальное сердце его было еще горячо, хотя силы начали его покидать. Звучный голос его играл над шанраком. Когда рассказывал этот человек, мы, бывало, сидели на корточках у юрты, приподняв кошму у косяка двери, впитывая каждое слово.

— Вот слушайте, что рассказывал раз Жанай...

«Дело было давно, мы были тогда еще молоды,— так рассказывал однажды Жанай.— Палуан Жалпак собирал нас в барымту на аулы Ергенека. Вышло это так. Палуан Жалпак приходился названным зятем Бала-бию. Как-то бий вызвал к себе палуана и говорит ему:

— Уа, Жалпак! Дважды Ергенек совершал налет на наши аулы: один раз они ограбили меня, в другой раз — ограбленным оказался ты. У меня они взяли скот. Ты же отдал душу. Разве не душу отдал ты, если отдал свою невесту, за которую отец твой уплатил все сорок семь голов скота?.. Правда, в то время ты был еще мал. Ты был так еще мал, что не только не мог отомстить врагам, но даже, встретившись с ними в степи, еле избавился от них сам, отделавшись конем, на котором сидел. Но сейчас ты называешься палуаном. Как же ты забываешь о мести?

В те времена можно было стерпеть что другое, но не оскорбление чести.

— Бий! — вскричал Жалпак, вскакивая на ноги.— Я не знал, что на лбу моем темнеет черное пятно... Мне говорили — та невеста была не моя! Мне было шесть лет, когда они отняли у меня коня... Если победа будет со мною — убью врагов. Победят они — останусь мертвым в степи, но без позора на лбу. Прощай! я сяду на коня в счастливый день — в среду!

— Подожди, батыр! — говорит Бала-бий. — Поехать — ты поедешь, и набег ты совершишь. Но выслушай совет: не гонись

¹ Палуан — борец-профессионал, силач.

за прежней невестой, она давно уже стала женщиной. Лучшие кинь глаза на густые табуны лошадей!

И вот мы отправились в барымту,— сорок отборных жигитов, держа запад на лбу и юг на левом локте. Жалпак (в плечах, как юрта, кулаки, как дубины, смотреть сзади — как печь!) ехал впереди на расстоянии выстрела. Светло-саврасый лысый его конь, взматывая головой, изгибался, как садак, скакал, как сайгак. Ни один конь не поспевал за ним!..

В сумерки на седьмую ночевку, Жалпак сказал, спрыгивая с коня:

— Э, не простой, верно, был человек! Переночуем на его могиле.

Все мы сошли с коней. Большая черная могила на шестьдесят шагов в круге, на входе — надпись. Ее мы не прочли, из сорока жигитов ни один не знал грамоты...»

— Когда вспомню об этом,— говорит Айтилес, отвлекаясь от рассказа,— нутру моему становится тепло, что дети учатся. Пусть до уездных не достать рукой, но хоть волостным собакам не позволят рвать себя на куски!.. Дайте детям курт! — кидает он через плечо своей старухе и продолжает рассказ Жаяна.

«...Мы зажгли кремнем огонь, развели костер. Кинув в рот по две горсти сушеного мяса, улеглись спать, положив под головы седла, под себя — потники.

Когда Плеяды поднялись к небесному своду, а красивая звезда Уркер — на высоту лба, батыр Жалпак вскочил на ноги:

— Жигиты! Ослабьте переднюю подпругу, заднюю стяните покрепче, не жалея коней!.. Когда солнце подыметесь на высоту копья, мы встретим добычу. Если сбудется мое желание — встретимся с врагами, если сбудется желание бия — налетим на лошадей...

— Оказывается, это могила старого палуана Байсары, — сказал еще Жалпак. — Ночью он говорил мне: «Вы, кому я дал приют над своей мертвой головой, вы, чьи кони щипали траву у моей могилы, — не смейте трогать мой народ. Тронете — не пеняйте». Мы спорили с батыром всю ночь, но к согласию не пришли. Если он батыр, мы что же — бабы? Садитесь на коней, жигиты!

Кони, выдержанные для похода и подготовленные для пути, грызли удила, вертелись, как веретена, изгибаясь, как садаки.

Солнце поднялось на высоту копья, и мы увидели табуны, покрывавшие низины и холмы. Гикая, мы кинулись к табунам. Двое всадников выскочили из их гущи и дали ходу к холмам. Мы не стали гнаться за ними.

Когда, свернув табуны с одного конца, мы с гиком и свистом погнали коней, я заметил чернооую девушку с мешком кизяка за спиною. Глаза ее были, как у верблюжонка. Все мое тело заныло. Конь подо мною звался «Кудай-кок»¹, — я подлетел к ней стрелой, подхватил ее на седло, засунул обе руки ее себе за пояс и полетел дальше. Издали послышался вопль ее матери, она причитала: «Жеребеночек мой!», распустив волосы. Вопль матери задел меня меньше, чем укусы мошки.

Вскоре ударами куруков мы собрали большой табун и отогнали его за два холма. Тут палуан Жалпак увидел у меня девушку на седле, и, видно, она пришлась по душе батыру.

— Сауга!² — звонко приветствовал он.

— Если она приглянулась тебе, чего же ей больше желать? Бери, батыр! — сказал я.

Он поровнялся со мною, погладил девушку по голове, поцеловал ее волнистые черные волосы и проехал дальше.

С этой минуты девушка, прикосновение которой все время кидало меня в жар, стала для меня холодной лягушки.

Мы отбили столько лошадей, что с трудом не давали им разбегаться. В давке жеребята падали под ноги кобыл и отставали с тонким ржаньем. Мы угнали табуны уже на расстояние полкочевья, когда в степи за нами зачернела точка.

Она неслась, как падающая звезда. Не успели мы мигнуть, как гнедой конь врезался в наш отряд, неся на себе старика. Это был старый, опытный табунщик, выдавший виды: на нас он и не взглянул, а прямо подскакал к палуану Жалпаку:

— Положим, все хорошо: ты совершил набег, ты угнал байские табуны... Но зачем тебе, батыр, единственная дочь табунщика? Нужен раб — возьми меня. Но верни дочь, — несчастная мать осталась в горе. У нее одно дитя, которое расширило тесный живот, расплавало каменную грудь матери.

Разве батыр слушает такие слова?

Жалпак усмехнулся себе под нос и мигнул жигиту Кейки, ехавшему рядом. Кейки был жигит быстрый и могучий: он вонзил копьё в грудь табунщика, покрутил стариком в воздухе и бросил наземь.

Гнедой конь, как красивый сайгак, ринулся прочь. Трое жигитов кинулись в погоню, но гнедой только хвостом махнул, будто прискакал только за тем, чтоб доставить табунщика и мчаться обратно.

Девушка зарыдала и вмиг высвободила руки из-за моего пояса. Я посадил ее впереди седла, внимательно осмотрел ее. Глаза

¹ Кудай-кок — серый бог.

² «С добычей». По старому обычаю, казахи отдавали часть добычи тому, кто первый приветствовал.

ее были как у верблюжонка, по лицу лились потоки жемчужных слез. Бывает же, оказывается, красота в человеке, как нежный весенний цветок! Я даже сжалился и не мог обнять ее окаменевшими руками...

Прошли по степи еще один переход ягнят. От случая с табунщиком не осталось и тени в голове. Лошади горячились. Пугаясь криков, табун шел, давя друг друга.

Вдруг — смотрим назад: стрелой, как охотничья птица, летя, как звезда, опять показалась в степи чернеющая точка. Не успели мы крикнуть «ау! остановись!» — точка обходом вылетела вперед, мы заметили лишь что-то белеющее.

— Шешетайм-ай!¹ — крикнула девушка с моего седла.

Оказывается, это был тот же гнедой, и теперь на нем сидела жена табунщика, мать девушки. С гиканьем она подлетела к табуну, потом, повернув, вылетела вперед и понеслась вправо.

И весь табун — как ринется за ней!..

Мы пытаемся свернуть его в сторону — он скачет в другую. Мы хотим поймать женщину — гнедой не подпускает, нельзя вонзить копье или достать дубиной. Несколько раз мы заворачивали табун назад, но тогда он пускался врассыпную, не помогали ни куруки, ни камчи, ни дубины. Наконец, табун ударился через единственный проход на широкий остров посреди реки. Оттуда его уже нельзя было выгнать...

Посреди острова был холмик. Женщина выехала на тот холмик и машет нам жаулыком². Ну, думаем, теперь-то проткнем ее пикой!..

— Я — женщина, я — мать этой девушки! — крикнула она. — Я — мать всем вам! Каждого из вас родила такая же мать... С матерью не воюют. Чем виновата перед вами моя единственная?... Иди ко мне, верблюжонок мой!

Не знаю, как спрыгнула девушка с моего седла и как повисла она на шее матери. До нас, кто еле дышит от гнева, у кого кровь капает с бровей, — им нет никакого дела: мать ласкает дочь, дочь ласкается к матери, они — сами по себе.

Кейки не выдержал.

— Батыр, — обратился он к Жалпаку, — если позволите, свяжу их и повезу на жеребчике. Дочь пойдет в жены, а мать будет таскать дрова!

Жалпак посмотрел на Кейки, окинув его широкими, как ладонь, глазами, потом повернулся к женщине:

— Что ты за человек? Твоя смелость удивляет меня. Скажи, кто ты такая?

Женщина ответила:

¹ Мамочка!

² Головной платок замужней женщины.

— Батыр, слезь с коня. Некому гнаться за тобою: если вы совершили набег на этот аул, то и наши жигиты с утра поехали в барымту на соседний. Ты сможешь угнать табуны, не торопясь.

Мы слезли с коней, расположились вокруг холмика. «Какой бред черной женщины будет он слушать?» — думали мы, недовольные Жалпаком.

Женщина выпустила из объятий дочь и начала говорить:

— Я — мать этой девушки. Ей пятнадцать лет. В том же возрасте и со мной было такое же несчастье; черное тавро тех дней лежит на мне и сейчас...

О каком народе говорить мне вам? Рассказывают, был аул Ит-Кула из чetyрех юрт, что влачили жизнь по берегам рек. Я — дочь Сыным из того аула... Был — не знаю, какого рода, родиться бы ему в пустыне! — бий, Бала-бий. Раз, по случаю обрезания сына, он устроил той. В приз на байгу он поставил девять голов скота и главным призом — раба. В приз на борьбу — тоже девять голов и главным призом — рабыню. Разве кто отдаст для приза свою дочь? Бий послал жигитов искать девушку в степи...

Отец чинил арбу, мать варила кашу, подлетели десять всадников, я смотрела на них из-за шалаша. — «Э, жигиты, да будет счастлив ваш путь!» — приветствовал их отец. — «Пусть не будет счастлив путь, была бы девушка!» — ответили они и поскакали дальше, подхватив на седло меня...

На другой день после веселья байги и борьбы, меня посадили на нара с коврами и отдали в приз. Победителем в борьбе оказался палуан Байсары, чья могила в этой степи. Прибыв в свой аул, он подарил меня баю Култеке. Бай помолвил меня с одним из своих рабов и поставил дояркой. Я прожила так два года.

Култеке выдавал дочь замуж и устроил той. Меня поставили в приз второго скакуна, а помолвленный со мною раб был поставлен в главный приз. Он ушел в одни руки, я в другие, к баю Сары, чьи табуны вы сегодня угнали. У Сарыбая был табунщик по имени Кайрак, он выпросил меня себе в жены. «Всю нашу жизнь будем псами у ваших дверей», умолял он бая. «Будь табунщиком, она пусть будет дояркой. Поработаете — освобожу», обещал Сарыбай.

С тех пор прошло пятнадцать лет. Мужа сегодня освободила смерть, а я вот стою перед вами. Длинный аркан рабства накинута сегодня на шею дочери, поэтому я поскакала за вами: дайте мне жеребчика, посажу дочь и увезу обратно...

Жигиты, готовые вначале разорвать женщину, опустили глаза. Нет ни вопроса, ни ответа, взоры легли на землю.

Женщина, видно, заглянула в наши сердца. Она протянула к нам черные ладони:

— Как равный с равным, жила я с мужем пятнадцать лет тело его видела и знаю. Силу руки, острие копья вы обратили не к сильному и широкоплечему батыру. Разве он был грозным врагом, а не умоляющим калекой? Как же вы платите за него? Взвалив на седло, увозите дочь? Походит ли это на храбрость или на справедливость? У вас — дочь моя будет рабыней. Останется со мной — будет свободно расти. Я беру дочь с собой.

Глуповатый Кейки, в первый раз в жизни слышавший такие слова от женщины, сказал:

— Женщины созданы чтобы быть женами мужчин, что им больше делать в степи? Купишь девушку — будет женой, отобьешь в походе — тоже будет женой. Жигиты! Заставим эту старуху замолчать, заберем с собой и ее! Кизяк и у нас есть, чтобы ей собирать!..

Палуан Жалпак долго сидел в задумчивости, как бы свалившись с горы. Потом он вскочил и подвел своего саврасого к той женщине.

— В искупление вины, — сказал он, — отдаю то, что принадлежит мне. Возьми, не думай, что мало! Если хочешь избавиться от рабства, бери из этого табуна коней, сколько хочешь, и кочуй с ними до края земли. Только что-то не слышал я, что есть на земле народы, где нет рабства. Поэтому иди за мной: я не дам никому бить вас крылом, терзать клювом!

— Сколько лошадей из этого табуна достанется вам самим? — спросила женщина.

— Может быть, ни одной... Про это знает бий, — отвечал Жалпак.

— Тогда не предлагай табуна, не отдавай и своего коня. Итти за тобой не могу: ты — свободный батыр, пока не доедешь до своего аула; а там и ты лишишься свободы и превратишься в простую дубинку твоего бая или бия. Немало видела я батыров и палуанов. Тобой помыкают, как батыром, мной — как женщиной, — только и разницы. Ты не свободней меня. Разве не так, мой батыр?

Палуан Жалпак опять опустил голову.

— Мы — слепые хищные совы, жигиты, — сказал он. — Шевельнемся, когда ткнут в глаза, не будут тыкать в глаза — не видим. Ты сняла с моих глаз бельмо, апа! Я думал сделать твою дочь ненадолго игрушкой в широкой своей жизни. Теперь я отступаю от этой мысли... Пока я свободен — и я хочу дать свободу человеку. Дочь твоя принадлежит тебе, живите вольнее ветра!

У несчастной — платье в лохмотьях, руки — как пальцы галки, черны-пречерны, губы растрескались в сорока местах. Но от нахмуренных ее бровей, от сыплящих огонь глаз — душа

трепещет. Нет в них ни мольбы, ни страха,— она овладела сорока жигитами.

Будто обе только и ждали последних слов палуана: одна вскочила на саврасого, другая — на гнедого — и понеслись. Только тогда опомнились мы».

— «Ширкин¹, женщина из женщин», — так всегда заканчивал этот рассказ палуан Жанай,— сказал слепой Айтилес, и мы, дети, рассевшись полукругом, затаили под указку муллы «Агузе... бесмелляй... ирасири, ирасири...»²

¹ Восклицание, выражающее высшую степень восхищения чем-либо.

² Арабские слова из корана, которым муллы обучали детей, сами порой не понимая их значения.



Орманов Гали

Современный поэт, родился в 1907 году в Алма-Атинской области, образование получил в Казахском педагогическом институте. Печатается с 1930 года; на казахском языке выпущено несколько сборников стихов и поэм.

У ГРОБА

(На смерть С. М. Кирова)

Любимый вождь, ужели ты молчишь?
Вокруг тебя земная встала тишь,
Не верю, нет, что сердца яркий свет
Навек угас... Ужели ты молчишь?

У гроба твоего печали полон я,
Душа тоской истерзана, скорбя.
И как не рваться сердцу моему?
Вся кровь с лица сбежала у тебя.

Сжимает горло мне угрюмая тоска,
Скорбь тяжело давит грудь, и льется слез река.
Вчера еще был жив бесстрашный вождь —
Сегодня камнем падает рука.

Не ты ли к нам недавно приезжал,
В сердца — отвагу, в душу — свет вливал?
Могучий лев и пламенный трибун,
Сон или явь, что я у гроба встал?

Ты посетил далекий наш аул,
С колхозником встречался на току,

В шапане пыльном подходил казах —
Ты руки жал, беседея, как друг.

И горд аул, и рады мы тому,
Что рук твоих узнали теплоту.
Но скорбь томит людей моей страны:
Любимый сын ее лежит в гробу.

Из сердца храброго ушло тепло,
И жизнь ушла из взгляда твоего...
У гроба, на часах, нахмурившись, стоит
Костер знамен, склонив свое чело.

Как ветра по степи идет порыв —
Так клонит скорбь народы всей страны,
Так нестерпимо нас утраты горечь жожет,
И скорбью — сердце и душа полны.

Нам вражья пуля принесла беду,
Злой умысел нашел дорогу тут.
Не усмотрели мы, не сберегли тебя,
Пути не преградили мы врагу!

Душа объята пламенем тоски,
И нет твоей, ведущей нас, руки...
За это отомстить, сметя врагов,
Клянусь тебе у гробовой доски!

Нет с нами Кирова, но труд его живет.
Мы — дело рук его. И мы идем вперед.
Бесстрашны мы и грозны для врага,
И знамя Ленина к победе нас ведет.

Вся жизнь твоя звездой светит нам.
Ты разбудил народ от векового сна,
Ты в сердце каждого из нас живешь,—
Исчезнет ли такая жизнь, подумай сам?

Прощай, расстаться надо... и, скорбя,
В последний раз взгляну я на тебя,
В твое любимое бесстрашное лицо.
Безмолвен ты. Ты в сердце у меня.

Прощай, Сергей! Прощай, любимый друг!
Так тяжело твоих лишиться рук.
Но будь спокоен: крепость, что построил ты,
Твои собратья зорко стерегут!



Орунбай

*Орунбай Тайманов — народный акын, родился в Чимкенте.
Известен песнями «Желание», «Избранник сердца», «Домбра» и др.*

ДОМБРА

Звени, моя домбра,
Золотой играй струной!
Много песен собрал
Орунбай в степи родной.

Но лучшую из них
Я молча нес, как суму,
И даже в большие дни
Не пел ее никому.

В той песне горечь была
И жгла сильнее огня,
Как мачеха, жизнь дала
Горбатого мне коня.

Тощ был конь, и не мог
Поспевать за песней он.
А бросить его — бог
Не велел. И степной закон.

Был голоден я и бос
И не знал родной земли,
По чужим дорогам нес
Я домбру и песни свои.

С лохмотьями на плечах
Шагал из края в край,
И только одну печаль
Знала моя домбра.

На грязный байский порог
Нужда нас часто вела
И дарила, как плевок,
Объедки с чужого стола.

Я семьдесят лет прошел
На старых своих ступнях,
И счастье свое нашел,
И нашел своего коня!

Тулпар яснокрылый мой
В родной аул прилетел.
Играй, домбра, и пой,
Орунбай помолодел!

Песня, нарушь тишину,
Сокровища слов открой!
Прославить свою страну
Я пришел с родной домброй.

... Пой, домбра! за песней новой
Люди издали приходят,
Мы нальем сердца полнее
Этой смелой, новой песней.

Пусть ее услышит каждый
На степных колхозных станах,
В ковылях родных кочевий,
В Сыр-Дарьинских тогаях,

Табуны услышат песню,
Встрепенутся и помчатся...
На крутых хребтах Кегена
Табуны услышат песню.

Рыбаки услышат песню
Там, где старый плещет Каспий,
Где кипит его пучина,
Рыбаки услышат песню.

И охотники услышат
Эту песню на Талгаре,
Эту песню — знак удачи —
И охотники услышат.

Все услышат эту песню:
И в горячем сердце Эмбы,
И на дальних перегонах
Неумолчного Турксиба,

И у светлых вод Эльтона,
В камышах густых балхашских
Разольется эта песня
О колхозной светлой жизни,

О любимом человеке,
О тебе, великий Сталин!
Это ты послал тулпара,
О котором мы мечтали.

При тебе, любимый Сталин,
Из степей ушло ненастье,
Домбры петь свободно стали
Кюй про молодость и счастье.

Это молодость вернулась.
Дни мои — как в сказке, стали,
Вместе с песней твое имя
Я несу, великий Сталин!

ИЗБРАННИК СЕРДЦА

Привет от души, родная моя,
Привет тебе, степь золотая моя!
Поет Орунбай в цветущих краях,
Здравствуй, счастливая юность моя!

Здравствуй, мой Сталин! Прими мой привет,
Ты — избранник сердца в Верховный Совет!

Здравствуй, горячая песня моя,
Здравствуй, степных караванов маяк,
Здравствуй, любимая, здравствуй, моя
Родина! Гордых народов семья!

Здравствуй, мой Сталин! Прими мой привет,
Ты — избранник сердца в Верховный Совет!

Сталин принес мне сады и стада
С песнями радостного труда.
Сталин! Он вечное солнце мое,
Не потухающее никогда.

Здравствуй, мой Сталин, на тысячи лет!
Ты — избранник сердца в Верховный Совет!

Сердце не знает ни горя, ни бед,
Старость моя потеряла свой след,
Иду я по самой богатой земле,
Иду, как жигит восемнадцати лет.

Здравствуй, мой Сталин, на тысячи лет!
Ты — избранник сердца в Верховный Совет!

Сказочный дар из волшебной руки
Приняли дети и старики,
Приняли матери, сестры и внуки,
Как силу живущей жемчужной реки.

Здравствуй, мой Сталин, на тысячи лет!
Ты — избранник сердца в Верховный Совет!

Славлю я в песне великий закон,
Лучами его целый мир озарен,
Славлю я пламенным сердцем акына
Того, кто для нашего счастья рожден.

Здравствуй, мой Сталин, на тысячи лет!
Ты — избранник сердца в Верховный Совет!

Он душу открыл мне, чтоб песня звенела,
Чтобы пшеница в степях зашумела,
Чтоб на хребтах заилийских гор
Колхозной отарой трава зеленела.

Здравствуй, мой Сталин, на тысячи лет!
Ты — избранник сердца в Верховный Совет!



Оспантай

Народный акын, родился в 1883 году в Алма-Атинской области. Член колхоза имени десятилетия Казахстана, стахановец. Широко известна его поэма «СССР создал новый мир».

ПЕСНЯ О СВЕКЛЕ

Проснувшись с зарею, открыл я глаза,
Должно быть, над степью промчалась гроза.
Блестели алмазами капли дождя,
И в небе цвела бирюза.

Рассеялся сон, будто пар, и пропал.
Я к свекле, посаженной мной, зашагал.
Вложил я всю душу в нее, и она,
Как дочка, была дорога.

Как девушка парню улыбку дарит.
Степная заря на востоке горит.
И слышу я голос, как шелест листов —
Мне свекла моя говорит:

«С постели вставай с пробуждением дня,
Люби, тормоши хорошенько меня,
Сердечной отцовской заботы я жду,
Душевного жду я огня.

Взгляни на меня — я ребенка слабей,
Склевать меня может любой воробей,
Нежны изумрудные листья мои,
Храни их, расти и лелей.

Опасен мне холод, опасен мне жар,
И жук Ала-кум мне готовит удар.
Начнет бедокурить в полях Ала-кум —
Спалит меня, словно пожар».

Я каждое утро слышал эту речь,
Старался я свеклу, как дочку, сберечь,
Рассаду мы перенесли на поля,
Но дела не сбросили с плеч.

Чернели плешины, соседей смеша,
От шуток соседских болела душа.
За дело взялась, засучив рукава,
Наш бригадир Бигайша.

Побеги сначала были хилы.
Чтоб их поддержать — мы вбивали колы,
И, в день рассадив десять тысяч кустов,
Добились высокой хвалы.

Кусты посвежели — сочны, хороши,
Не стало на поле позорных плешин,
Явилась надежда на урожай,
Камень свалился с души.

Мы вынесли, сильные, как верблюды,
Шестнадцать тысяч ведер воды
И, досыта землю водой напоив,
Свеклу спасли от беды.

Мы видели — сочная свекла растет,
Мы видели — пышная свекла цветет
И, как Толегена резвый скакун,
Безудержно рвется вперед.

Как девушка парню улыбку дарит —
Степная заря на востоке горит,
И слышу я голос, как шорох листов, —
Мне свекла моя говорит:

«Шесть раз из голодных и голых лугов
Ползли ко мне черные орды жуков,
Но ты и друзья твои, взяв кетмени,
Бросали их трупы в ров.

За то, что заботой меня окружал.
За то, что врагов-жуков отражал,
Я дам тебе в этом году, Оспантай,
Сказочный урожай».

Не может свекла меня обмануть,
Не может дочка меня обмануть,
Я вижу сладкие горы — и тут
Мне радость волнует грудь.



Сатыбалдин Капан

Родился в 1917 году в семье кочегара Спасского медеплавильного завода. Образование и воспитание получил в Каркаралинском детдоме и в Казахском педагогическом институте имени Абая. Начал печататься в 1935 году.

Я ПОЮ

Луч золотой прорвался на востоке.
Луна, в ночи свои окончив сроки,
Рассвет приветствовала. Над водой
Всплывал горячий шар золотоокий.

С ночной кошмы, лежавшей на откосах,
Вскочил и мчится в ковылях и росах,
Свободный ветер — легкий конь степей,
Любимец давний трав светловолосых.

Омыло горы солнце молодое,
Как море ласковое в час прибоя...
Я вижу утро Родины моей,
Друзей улыбку вижу пред собою.

Шумят знамена алые без края,
Огнем веселым в синеве играя.
Простор степей. Покой моих садов.
И жаворонка песня ключевая.

Вот девушка у яблони ветвистой
Снимает плод, тяжелый и душистый,
И песню нежную поет, поет
В садах своих кудрявых и тенистых.

Сестра поет о юности счастливой,
Со смехом звонким тянется за сливой.
Веселых зорь веселые края!
Шелк синих полдней над богатой нивой!

Прими привет, землячка, от поэта!
Горячей дружбой наша жизнь согрета...
Но чья там песня скорбная вдали
Одна тоскует без тепла и света?

То девушка испанская несмело
Поет о сердце, что осиротело:
В бою погибли братья и отец —
Борцы за мир, за доблестное дело.

Лети, мой стих, сквозь волчью мглу Европы,
Туда, к друзьям, в мадридские окопы,
В ущелья гор, где красный партизан,
Как зоркий беркут, охраняет тропы.

Шумят знамена, к бою призывая,
Ползет, клубясь, завеса дымовая...
... Прозрачно утро Родины моей.
Срывай плоды, красавица степная!

Поднимем песнь над степью золотою
За то, чтоб мир, перекипев борьбою,
Всю нечисть уничтожив, жил и пел,
Как мы живем, как мы поем с тобою!

Покуда сердце бьется, не устану
Я песни петь могучему арстану —
Народу моему, друзьям, садам,
Свободному степному океану!



Сарсенбаев Абу

Родился в 1905 году в Западно-Казахстанской области, начал печататься в 1937 году (поэма «Волна Волги» и сборник стихов).

ПУШКИН У ЧЕРНОГО МОРЯ

Между морем и ветром опять начинается бой.
За волною волна — нарастают громадой рябой
И сшибают друг друга, — и в сизом клокастом дыму,
Разбиваясь о скалы, сердито грохочет прибой;
Он безумствует, словно кого-то на битву зовет,
Как горячий батыр, совершивший внезапный налет.
И, внимая могучему голосу бури, поэт,
Погруженный в раздумье, по берегу моря идет.

Вкруг — лишь море, да ветер, да чаек взволнованный крик.
Но поэту понятен свободный стихии язык:
Это — голос восстания, голос великой борьбы,
Как призывная песня, он в душу поэта проник.
Вдаль, на грозные волны задумчиво смотрит поэт, —
Пусть нахмурилось небо и берег туманом одет,
Но слагается песня, и ветер уносит ее,
Чтобы Байрона сердце откликнулось песне в ответ;
В ней — беглянка-волна, что к земле возвращается вновь,
В ней — поэта опального бьется горячая кровь,
Горечь соли морской и старинная, злая тоска,
И мятежной души безграничная к воле любовь.
Пушкин — море и скалы, прибоя стихающий гуд.
Вот закат загорелся, но тучи его стерегут:
Снова сумрак, и только — покорно, одна за другой —
Волны Черного моря к ногам петербуржца бегут.

Облака, потемнев, обступили Одессу кругом,
И она, затаясь, утонула в тумане глухом.
И казалось: в молчаньи нахмурились злобно дома,
Словно город разгневан каким-то безвестным врагом.
Почему же Одесса так переменилась с лица?
Что в ней — злобность ли вора, иль честная ярость бойца? —
Грозное молчание хмурых высоких домов
Только сердце поэта способно понять до конца.
Чутко слушает Пушкин, как полночь свершает свой путь,
Давит тихою тьмою, и — душно, и — нечем вздохнуть...
Буря! — громко зовет он, склоняясь над черновиком,
Будто с бурей лишь только свободно вздохнет его грудь: —
«Буря, грозная буря! От радости плача навзрыд,
Разгони этот сумрак, пока горизонт не закрыт!
Стаи волн подыми и обрушь на свинцовую ночь
И лети в поднебесье, где только Свобода царит!»
Чтобы камни разбить, чтобы горы разрушить сполна,
Не какой-нибудь ветер, а буря поэту нужна,
Та, которая тучи, как дым, на клочки разорвет,
Чтоб глядели на солнце Одесса, Москва, вся страна!

Так поэт ежедневно подолгу над морем стоит,
И ему свои сказки седая волна говорит.
Ночь ведет его в комнату — к милой работе, к столу,
Где стихи оживут, где под утро свеча догорит.
И «Кавказского пленника» строчки ложатся вразброс...
Все, что в сердце живет, что с собою в изгнание привез —
Оставляет поэт воплощенным в бессмертных словах:
Горской шашки удар, тонкий запах девических кос...
То не звезды на небе, не отблеск далеких зарниц, —
То Черкешенки очи глядят из-под черных ресниц,
Меж камней в темноте пробирается тихо она
К человеку в цепях, на земле распростертому ниц.
И поэт различает, как пленника поит она
Кумысом кисловатым из глиняного кувшина
И, внимая печально рассказу о жизни чужой,
Гладит голову пленника, сердцем ему отдана.

Ночь. Еще одна ночь. И поэмы последняя треть
Просыхает... Светает. Но мысль не устала гореть —
И «Евгений Онегин» ложится в чеканных строках,
Чтобы завтра по миру на всех языках прогреметь.

МАТЬ ДИНА

*Посвящаю Динѐ—народному
композитору Казахстана.*

Мать Дина́, ударь по струнам, милым сердцу моему,
Радуя напевом легким, равным ветру одному;
Вновь рожденная для новой доли радостной своей,
Взвейся выше Алатау, словно птица-соловей,
И, тебя встречая песней, вечно молодой Джамбул
Подберет слова простые для мелодии твоей.

Мать Дина́, играй, чтоб в горы звук струны твоей проник,
Чтобы камни задрожали, лес, заслушавшись, поник,
Чтоб народы стран соседних говорили там и тут,
Что течет по Казахстану светлой музыки родник,
Что в стране, где Сталин — знамя человеческой судьбы,
Словно ключ — из недр народных бьет стальная песнь борьбы.

Пусть под пальцами твоими засмеются две струны,
Пусть их голоса вольются в песенный родник страны,
Песнь победы над врагами — песня матери для нас:
Наша мать Борьбой зовется, все мы ею рождены!

Пусть напев твой будет грозен и широк, как океан,
Пусть летит над всей землею, как палящий ураган,
Чтоб, звуча чудесной песней для трудящихся всех стран,
В пепел превратил врагов он и развеял, как туман.

Пусть в пылающем Китае эта песня зазвучит
На устах бойцов народа, чтоб дрожали палачи,
Пусть она придаст им силы разгромить навек врагов,
Чтоб сияли над Китаем солнца вольного лучи;

Пусть твою простую песню наш советский часовой
Носит, как оружие, вместе с трехлинейкой боевой.

А теперь, акын столетний¹, вышла очередь твоя
Словом пламенным и ясным, как напевы соловья,
Поддержать Дину́ — недаром говорил ты: «У меня
Вновь прорезались зубы, вновь на свет родился я».

Вдохновение, как волны, пусть затопит берега,
На строку нижи слова ты, как на нитку жемчуга,

¹ Джамбул.

Пусть они в свободной песне самоцветами горят,
Пусть они войдут, как пули, в сердце черное врага.

Расскажи о самом мудром человеке наших лет,
О вожде, с которым равен, может, только солнца свет,
Расскажи о серебристой, милой родине своей,—
О стране труда, которой равных во вселенной — нет.



Саядиль

Саядиль Керимбеков, народный акын, родился в 1900 году в Алма-Атинской области, член колхоза имени десятилетия Казахстана. Первые песни создал в 1925 году. Известны его песни: «Угасшая — зажглась», «Вдохновение поэта» («Акын шабты»), «Пять винтовок» («Бес мылтык») — поэма о восстании 1916 года.

1 февраля 1939 года награжден орденом «Знак почета».

ПОЙ, АҚЫН

Ярче солнца великий закон
Озарил страны небосклон,
Высоту заилийских гор,
Необъятный степной простор.

Пусть разносится громкая слава,
Про великое наше право.
Про ученье, отдых и труд
Пусть на всех языках поют!

Пой, акын! твоих песен звон
Славит гения всех времён,
Вдохновителя наших побед, —
Здравствуй, Сталин, на много лет!

Кто страну от врагов хранит
С волею твердою, как гранит?
Кто могучий, свободный народ
От победы к победе ведет?

Это партия большевиков.
Ей — все сердце и пламя стихов!

Пой, акын! твоих песен звон
Славит гения всех времен,
Вдохновителя наших побед,—
Здравствуй, Сталин, на много лет!

Моя Родина — солнечный сад,
Каждый в ней счастлив и богат.
Мы за радость своих трудов
Получаем обилье плодов.

Мы увидели солнца свет,
И сердца наши счастьем полны.
Изберем в Верховный Совет
Лучших сталинцев нашей страны!

Пой, акын! твоих песен звон
Славит гения всех времен,
Вдохновителя наших побед,—
Здравствуй, Сталин, на много лет!

ЧУДЕСНЫЙ САД

Миллионами ярких знамен
Полыхает степной небосклон.

Воздух в небе кристально чист,
Изумрудный сверкает лист.

Как алмаз дорогой горя,
Над степью взошла заря.

За Лениным мой народ
Вдохновенно пошел вперед.

И не виданные никогда
Он построил в степи города.

Он здания светлых школ
В городах, в аулах возвел.

Солнце теплые льет лучи.
Радость в сердце моем стучит!

Расцветают сады и поля,
Урожаем богата земля.

И сплетаются, как мечты,
По горам и ущельям цветы.

От душистых тяжелых плодов
Низко клонятся ветви садов.

Гений Сталина — в этих садах,
Гений Сталина в их плодах.



Сыздыков Жахан

Родился в 1902 году в Петропавловской области в семье бедняка. Писать начал в 1924 году. На казахском языке вышли сборники его стихов «Плоды труда» (1929), «Достижение» (1931), «Қызқалдақ», «Найвагай» (1934).

ТАЙНЫ ГОР

Час вечерний, царство тишины,
И мечта — как сказка, хороша!..
Вижу я холодный блеск волны,
Слышу гордое дыханье Иртыша.

Сгустки пены белой вижу я,—
Извиваясь, как в песках змея,
Их река торжественно несет
В час, когда луна улыбки льет.

Мой Иртыш! Холодный, как слюда,
Он в безмолвии бывает не всегда,
И порою у Еке-горы
Слышен буйный взмах орлиных крыл

В шуме волн я слышу зов орла,
Вихорь волн порывист, как стрела.
Песню смелую Иртыш поет,
В скалы вековые грозно бьет.

Хмурит брови золотой Алтай,
Он хранит сокровищницу тайн.
Залегли в глуби его теснин
Девяносто золотых морщин.

Чингис-Тау — гор великий хан,
Он окутан в шелковый туман.
И — любимец туч — под гневный крик
Над вершиною его орел парит...

Пестрокаменный Тарбагатай!
По ущельям горный ветер лют,
Он высок — утес тот — как мечта
И как одногорбый горд верблюд.

Тайна вековая глубока
В сердце вечных гор Сары-Арка.
Но сравнится ль блеск большой скалы
С красотой вершин Каркаралы?

Острый пик целует облака,
У подножья поступь серн легка...
Знают только тучи да буран,
Как вздыхает иногда гора.

Тайн ее не разгадал никто.
Знает их один туман густой...
Так стоит в величии она,
Неприступна, хмура, холодна,

В сердце каменном она хранит
Изумруды, золото, гранит.
В сердце каменном одна беда —
Сердце радости не знало никогда!

Жеты-Шатр! Ты, любимец мой,
Ты послужишь для страны родной.
Я пришел, чтоб тайны разгадать,
Я пришел твои богатства взять!

Я пришел, чтоб в каменную грудь
Жизнь свою горячую вдохнуть.
И для родины богатства взять твои
В Сталинские солнечные дни!

ОТ СТАЛИНСКИХ ЛУЧЕЙ

О сердце! Что так бьешься ты?
Тобой рожденные мечты
Так широки, что мало им
Степей бескрайной широты...

Ты взмыло над клыками гор,
Где сокол крылья распростер,—
И я пою, и песнь моя
Летит, как ветер, на простор.

Был слеп мой род во тьме времен,
А я — впервые окрылен,
И глаз моих лучи горят,
И уши слышат славы звон.

В сияньи ласковых лучей
Весь мир смеется, как ручей,
И сердце гордое мое
От счастья бьется горячей.

Как яблоко осенним днем
Прозрачным светится огнем,
Так радость: глубоко в груди,
А светится в лице моем!

Ведь дни глубоких дум моих
Бездонней пропастей глухих,
И если песни счастья вокруг —
Как сердцу не услышать их?

Как соколу не видеть даль
С высокогорного гнезда?
Как мне сдержаться и не петь,
Раз ветер свеж, как никогда?

На целый мир, на весь народ
Сегодня радость песни льет!
Кюй счастья — золотым лучом
Зажег далекий небосвод

Поет те песни Сталин. Он —
Как солнце, светом окружен.

Кюй счастья — трепетным огнем
От солнца-Сталина зажжен.

Земля величием горда,
Ей Сталин крылья птицы дал,
В пустыне вырастил сады,
До неба поднял города.

Народ великий счастьем полн:
Так ярок солнца свет,— но он
Не более животворящ,
Чем счастья Сталинский закон.



Тажибает Абдильда

Родился в 1909 году в Кызыл-Ординской области, писать начал в 1928 году. На казахском языке вышло несколько сборников его стихов, поэма «Освобождение», посвященная челюскинской эпопее, перевод «Германии» Гейне.

1 февраля 1939 года награжден орденом «Знак почета».

СЫР-ДАРЬЯ

Я тебя навеки полюбил,
Старая, седая мать моя,
Ты меня баюкала в ночи
Звоном струй прозрачных, Сыр-Дарья.

Если был для Гейне вольный Рейн
Настоящей матерью его,
То теперь и ты, седая Сыр,
Вырастила Гейне своего.

О тебе, о родине моей,
Почему же мне не петь сейчас,
Если Пушкин воспевал Неву,
О Днепре стихи писал Тарас?

Мать всего народа, мать моя,
Сыр-Дарья, прекрасная река,
Из груди поэта твоего
Песня вырывается, легка.

Всю свою страну я исходил,
Но любовь моя — тебе одной,

Обними меня и поцелуй
Ласковой, прохладною волной.

Ты была стара, но этот век,
Мать моя, тебя омолодил,
И теперь вовеки у тебя
Не иссякнет молоко в груди.

Но могучий Днепр, твой давний друг,
Перерос тебя: по проводам
Гонит молний бешеную мощь
Ярая днепровская вода.

Вот и я прошу тебя, о мать:
Встань во весь свой исполинский рост,
Принеси на землю мне с небес
Дивный свет недостижимых звезд!

И тогда все ночи напролет
Буду я писать стихи, и в них
Током электрическим замрет
Перезвон прозрачных струй твоих.

Песнь моя, как голубой канал,
Ляжет через ночь, и ты, о мать,
Хлынешь руслом песни на закат,
Чтобы Волгу-матушку обнять.

Но не останавливайся там,—
До кремлевских докатись ворот,
Красный Кремль тебе, как старший брат,
Множество подарков поднесет.

И когда, как яркая звезда,
Вспыхнет орден на твоей груди,—
Снова уводя тебя в простор,
Улыбнется солнце впереди.

Так, играя в золотых лучах,
Вечно будешь течь ты, Сыр-Дарья,
И тогда, гордясь тобою, мать,
Настоящим Гейне стану я.

РАЗГОВОР С ТАРАСОМ

Грезой убаюкан,
Думой успокоен,
Я изведаль песен
Радостную власть,—
И перо бежало по бумаге.
Мысль водила смело
Пылкою рукою,
Песнь струей широкой
В строфах разлилась,—
О любви, о счастье, об отваге.

Дверь закрыл я крепко.
Тихо. В доме целом —
Я и мои песни.
Мерно дышит грудь.
Никого не жду я ночью этой.
Плотны занавески,
Лунный луч несмелый
Не найдет лазейки
В комнату скользнуть,—
Стол мой озарить холодным светом.

Но раздался голос
Надо мной могучий,
Звучно кто-то молвил:
«Здравствуй, милый сын!»
Вздрыгнул я, и оглянулся быстро,
И лицо увидел:
Брови, словно тучи...
Опускались низко
Сивые усы,
И в очах играли жарко искры.

Медленно ступая,
Подошел он ближе,
Ласково меня он
Оглядел опять,—
Словно одарить хотел приветом.
«Кто вы? — я промолвил: —
Вас впервые вижу,
Сердце же велит мне
Вас отцом назвать!»
Старец, гость мой, не спешил с ответом.

Наконец сказал он:
«Ты меня ни разу
Не встречал на свете.
Прах печальный мой

Погребен на милой Украине...
Звали меня люди
Добрые Тарасом,
Песни мои пели,
Плача надо мной,

Помня, как погиб я на чужбине...»

«Вы — Тарас Шевченко?
Как же из могилы
В дом мой путь-дорогу
Ныне вы нашли?

Как возникли вы для жизни снова?
Иль сильнее смерти
Стали жизни силы
Оттого, что вечно
Для родной земли

Живо ваше огненное слово?»

«Слушай!.. Угасал я
В страшном заточеньи —
То была лихая,
Трудная пора!

Выплакал в те дни свои я очи!
Прошлое пред взором
Проходило тенью,
Помнил я раздолье
Вольного Днепра,

Звону кандалов внимая ночью...

Ждал я: разольется
Вешним половодьем
Днепр — и разнесется
Над землей набат,

Всех рабов на битву созывая.
Знал я: вспыхнет в мире
Песня о свободе,
И пожаром будет
Целый мир объят —

Будет радость на земле живая!

Шел я под конвоем
Незнакомой степью:

Пыльные просторы,
Желтая трава...
Далека была ты, Украина!..
Шел я, горемычный,
Громыхали цепи,
Мне вослед смеялась
Глупая сова —
Страшен был тогда мне смех совиный!

Я узнал казахов,
Видел вашу долю,
Слышал ваши стоны,
Стоны бедняка —
И болел я вашей мукой горькой.
Но сидел бессильный,
Скованный неволей,
И рвалась напрасно
Все к перу рука,—
Сторожили мою песню зорко!

День пришел желанный,
Светлый день победы,—
И ликуя реет
Алый стяг родной
Над преображенною землею.
Все пришло, что ждали
Встарь отцы и деды,
Даже холм могильный
Стал теперь иной,
Даже стала грусть теперь иною!

Дети-пионеры
Шли к моей могиле,
Роз и незабудок
Щедро нанесли
И мою могилу украшали,
Пели мои песни
О далекой были
И на холм надгробный
Принесли земли,
Влажной от росы моей печали...

Сын мой, как ты счастлив!
Видишь стройки, школы,

Скорби позабыты,
И ушла печаль,—
Хорошо сегодня быть поэтом!
Не верблюд унылый —
Паровоз веселый
Пролетает птицей
В радостную даль,
Где залито все электросветом!

Стала Украина
Навсегда свободной,
Казахстан родной твой
Вольным стал навек,—
Все отрадней жить и все чудесней!
Будь, поэт, бесстрашным!
Будь певцом народным!
Счастлив в новой жизни
Новый человек!
Сын мой! я тебе вручаю песню!»

Так промолвил старец
И ко мне склонился,
Обнял крепко-крепко
И потом ушел,—
Растворился светлой струйкой дыма...
Наяву ль то было?
Или сон приснился?
Вижу: те же стены
И привычный стол...
Просидел я долго, недвижимый.

Как он появился?
Как возник он тенью?
Отчего он столько
Излучал тепла,
Радостного, нежного, живого?
Это песнь Тараса,
А не привиденье,
Только что была здесь,
В разум мой вошла,
Это ожило Тараса слово!

И прекрасной этой
Грезой успокоен,

Снова светлых песен
Я изведал власть,—
И перо бежало по бумаге!
Мысль водила смело
Пылкою рукою,
Песнь струей широкой
В строфах разлилась —
О любви, о счастье, об отваге.



Токмагамбетов Аскар

Родился в 1904 году в Южно-Казахстанской области в семье бедняка. Печатается с 1925 года, издал несколько сборников стихов, поэму «Уборщица». В последние годы пишет прозу (роман «Шаульдер», отрывок из которого помещен здесь) и пьесы («Хазрет-Султан»).

1 февраля 1939 года награжден орденом Трудового Красного Знамени.

АЛА-ҚОРЖУН

(Глава из романа «Шаульдер»)

Невдалеке от станции Темир одиноко высится могила Арстана-бапа. Рассказывают, что жил он будто бы тысячу лет. А тысячу лет жил потому, что такова была воля пророка Мухамеда: предугадав, что через тысячу лет родится хазрет Султан, пророк, умирая, призвал Арстана, передал ему священный финик и сказал, что Арстан должен будет хранить его для хазрета Султана. Арстан спрятал финик под языком и стал ждать рождения святого. Потянулись долгие столетия. Но вот сбылось предсказание — родился и подрос хазрет Султан. И, когда люди признали Султана святым, тысячелетний Арстан передал ему священный финик.

— Баба,— воскликнул хазрет Султан, принимая финик, — весь его сок остался у вас, мне вы даете лишь косточку! Поэтому паломники будут ночевать над вашей могилой, а с молитвами пусть обращаются ко мне. Лишь тогда я смогу передать всевышнему их просьбу об исполнении желания.

Вскоре Арстан-бап умер. Над его могилой выстроили мечеть. Старцы в белых чалмах объявили мечеть священной. С той поры начались паломничества к могиле Арстан-бапа. Конные, пешие, на лошадях, на ишаках — тянутся нескончаемой вереницей богомольцы. Среди них — и бездетные женщины, и без-

утешные матери, и старики, жаждущие войти в тот мир праведниками, и беспечная молодежь.

По дороге богомольцев от Туркестана до мечети копошатся, как муравьи, старцы в белых чалмах. Они пристают к каждому. Они вопят: «Несете ли что-нибудь святому? Приберегите что-либо для святого!» И думают паломники: «Не дашь просящему — не примет просьбы святой!» — и вытряхивают последнее из того, что не успели выпросить у них ходжи Туркестана. Так всю дорогу, до самой мечети, со всех сторон терпят паломников, и каждый из них подобен здесь свежей шкуре, доставшейся голодным собакам.

А путь длинен, а зной неумолим. Нелегко убогим старушкам сделать тридцать-сорок километров. Но, скрипя костями, ведут они древних стариков своих, веря, что на могиле Арстана получают отпущение грехов и отойдут в тот мир праведниками. «Только бы добраться до могилы святого, а там можно и умереть», шепчут их спекшиеся губы. Это единственная мечта. Идут, едва передвигая ноги, — не люди, а тени. И неумолим стеклянный, сгустившийся зной желтых июльских степей.

Спрятав за пояс по сухой лепешке, идут молодые женщины. «Помолюсь на могиле святого и получу ребенка», говорит каждая из них. Такова вера в силу святого. Понукая кривоногих ишаков, тянутся древние старики. Их слипающиеся глаза слезятся. «В Самарканде — бап-Сандыз... В Туркестане — бап-Тумен... Самый старший, самый святой — бап-Арстан» — лепечут эти беззубые старцы. Они сами не понимают слова «бап» и верят, что святейший из святых — Арстан. На шеях у старцев — грязные четки. Восседа на ишаках, дряхлых, как они сами, старцы непрерывно лепечут что-то, перебирая четки. Они всю жизнь знали одно слово «лахуал», арабское заклинание, и твердят его с утра до ночи, пока не пересохнет во рту. Иногда в безлюдной степи старцы останавливаются и, неистовствуя, заклинаят, молятся, вертятся, напоминая обвеявшихся сорняками верблюдов.

Вокруг могилы Арстана — ни деревца, ни родника. Голая дикая пустыня. Лишь три-четыре лачуги ходж, оберегающих мечеть и живущих приношениями богомольцев, торчат возле мечети. В колодце вода соленая. Ходжи вещают богомольцам: «Бог сказал так: если дать здесь пресную воду, ее будут пить все, и место станет проходным. Поэтому-то воду в колодце он сделал соленой». Верующие плачут от умиления, и никому не приходит в голову, что здесь просто солончаковая почва.

В тысяче шагов от мечети Арстан-бапа есть холмик Отрар. Это — древние развалины. В знойный полдень они сияют не-

стерпимо, и только они останавливают взор человека. На западе возвышается холм Пшакши, у подножья его пенится вода Арыси. Воду к могиле Арстан-бап возят отсюда.

Сегодня паломников больше, чем обычно. Снуют из мечети и обратно в мечеть пузатые, усатые мурзы. Встречаются и декхане в ичигах с развалившимися голенищами, в томаках с ободранными ушами. Есть тут и важные аульные бии — охотники до разговоров и зачинщики всяческих скандалов. Накинув на себя белый халат, с медным кувшином в руке, магзум Алеухан гордо обходит мечеть: он доволен, что съехалось много народа.

Пригнанный в дар господу скот пугливо разбредается, хозяева с криками бегут за овцами и гонят их обратно. Шум и гомон стоит вокруг мечети.

— О, благословение! Искот пришел к святому — видишь? — разговаривают два старика, совершая обряд омовения. Рядом копошится третий — толстяк с тонкими обвисшими усами, с бородкой, подстриженной полукругом. Он делает вид, что тоже совершает омовение. Это — торговец.

Поодаль в трех казанах варится мясо. Густобородый мужчина возится над тушей барана. В руках у него блестит кривой нож. Мужчина зорко поглядывает на женщин, суесящихся у казана. Лишь только те отворачиваются — острый нож сверкает, и жирный кусок мяса исчезает в кожаных шароварах. Широкие шаровары полны мясом и кишками. Чтобы никто этого не заметил, мужчина важно шагает вокруг казана, широко расставляя ноги, не в силах присесть. Иногда он отгоняет двух собак, не переставая следить за казанами и то и дело пробуя пену закипающей сурпы.

Тут же бродит женщина — Хадиша. Кажется, что она едва оправилась от болезни. Ее распухшие глаза красны, словно от постоянных слез, иногда она глубоко вздыхает. Глаза ее ловят плавающие в жирной сурпе куски доброго мяса. «Хоть бы кусочек!» — говорят ее глаза, но стоит женщине приблизиться к казану, — густобородый кидается на нее с ковшом.

— Что уставилась на казан? — кричит он. — Не умеешь разжигать огонь! Надо, чтобы огонь горел ровно, за такую работу тебе и жидкой сурпы нельзя дать!

Женщина отворачивается и утирает слезы подолом старого платья. Она проклинает судьбу, вспоминая, как, подгоняемые нуждой и голодом, они с мужем Аманжолом оставили родной аул и с малюткой-сыном за спиной пошли искать работы. В дороге, в одном ущелье, настиг их страшный силы туркестанский ураган, сметающий все на своем пути. Простая случайность перевернула всю жизнь Хадиши. Бросившись за слетев-

шей с ноги и подхваченной ветром кебис, она долго не могла найти ее. Аманжол, борясь с ураганом, шел впереди с сынишкой за плечами и ничего не замечал. Найдя кебис, Хадиши пыталась догнать мужа, но, ослепленная песчаным дождем, обессиленная свирепым ветром, — упала и потеряла сознание. В таком состоянии ее подобрали паломники и увели на Арстанбап...

С тех пор она, больная и разбитая, за жалкие объедки разжигает огонь, выносит золу и таскает воду. Над нею хозяйничают все, кому не лень. Этот густобородый, разжиревший от сурпы вор — и тот кричит на нее. И хотя Хадиша работает с раннего утра до позднего вечера, ей редко перепадает больше чашки жидкой сурпы.

Стоит свариться мясу, как к казанам сбегаются со всех сторон люди и кричат, как голодные вороны. Хотя шаровары густобородого и полны мясом, он все равно выпивает по восемь-девять пиал сурпы. Хадиша знает, что он ворует, но сказать об этом боится, опасаясь потерять и то последнее, что у нее есть; она слышала, что густобородый приходится родственником третьей жене хранителя мечети — Нарымбета.

Земля застлана цветным ковром. Как нарядные девушки, красуются тюльпаны. Белые, зеленые, красные, желтые цветы играют тысячами оттенков. Соловьи заливаются, пьяные богатством природы. Сытые кони гулко вздыхают и дремлют, не в силах шевельнуть спутанными ногами. Сороки не дают покоя облезлому серому ишаку со сбившимся на бок седлом. На вершине могилы важно сидит широкоголовая сова, словно она единственная здесь хозяйка. Двое мулл, наклонившись над покойником, шевелят губами, будто читая коран. Женщины набирают земли около мечети и шепчут: «Святая земля!» У них вид людей, делающих какое-то большое и святое дело.

Просторная юрта набита народом. Здесь люди разных сортов. У всех на уме — как бы кого обмануть, у кого что перехватить. Они притворно смиренны. На самом почетном месте сидит магзум Алеухан в белой чалме. Под круто подвитыми усами — широкий рот: подвернись подходящий момент, такой рот не прочь слопать целого верблюда. Глаза Алеухана, как у мертвой рыбы, тускло смотрят из-под лба. Сидит он на курпе, сложенном вчетверо, по бокам валяются подушки. В какую бы сторону ни нагнулся Алеухан, живот его переваливается туда же, как будто это не живот, а кожаный мешок для кумыса. В руках Алеухана четки, камни которых он медленно перебирает пальцами.

Рядом сидит худощавый, длинный, как цапля, и с длинным вытянутым лицом Нарымбет. С каждым глотком по длинной

его шее прокатывается ком. «Дай камень — и камень сглотну!» — как бы говорит он. На коленях у него книга в засаленном кожаном переплете. Когда он говорит, заглянув в книгу, все окружающие умолкают.

Перелистывая книгу, Нарымбет пророчествует:

— «Калан наби — галай селям», сказал пророк. На том свете в аду появилось чудовище, имя которому Курайшуна. Голова его будет над небом, хвост — под семью пядями земли, губами (тут голос Нарымбета звучит грозно, устрашающе) — губами достанет он с востока до запада!

Окружающие озираются в страхе. Нарымбет продолжает, повысив голос:

— Курайшуна накажет, ужалит тех, кто не молится богу, кто не дает зякет, кто много говорит в мечети о делах мирских...

Когда Нарымбет начал о «сорока муках», невзрачный паломник, до этого поддакивавший ему, случайно заснул. Зная, что собаки того дома, где они ночевали, не могли успокоиться, пока не прекращался его могучий храп, сосед толкнул его под бок и разбудил.

— Во время проповеди заснул. Эх, ты, несчастный! — зашипел он, но паломник не стал его слушать.

— Ох, святой человек! Весь коран знает наизусть! И какие милые слова говорит! — громко сказал он и даже прослезился. Два смиренные старца рядом засморкались, захныкали. Нарымбет продолжал проповедь. Люди в юрте не шевелились.

Магзум Алеухан иногда вставлял свое слово, поддерживая Нарымбета и вызывая его на продолжение проповеди. Окружающие слушали еще внимательнее, становилось все тише, люди еще ниже опускали головы и делались похожими на преступников, брошенных в тюрьму. Словно загипнотизированные, сидели они, удивляясь тому, что из всей этой грозной проповеди они ничего не могут понять, а головы кружатся, как у пьяных. Немудрено: все здесь, кроме двух-трех мулл, были неграмотны и вместо подписи умели лишь прикладывать палец. Они раньше и не слышали многих слов, произнесенных Нарымбетом, знают только смысл слов «ад» и «пророк». Но не в этом дело. Пусть темно и непонятно, — но ведь это слова пророка, слова корана! Нельзя не умиляться им, хотя они и недоступны уму!

Долго сидевший молча магзум Алеухан открыл глаза и оглянулся. «Что скажет он?» — говорили глаза окружающих. Алеухан выпрямился и стал говорить в свою очередь.

— Я удивляюсь, что есть люди, которые верят сказкам, будто падиша-агзам Николай свергнут с престола! Если падиша-агзам свергнут с престола, что хорошего будет нам? Ку-

дай, наш создатель, в сто семнадцатой главе корана сказал через пророка, что если справедливый царь сойдет с престола — это признак конца света... Коран говорит, что, когда приблизится конец света, появится светловолосый народ с синими глазами, отцы потеряют нежность к детям, дети потеряют стыд, пропадет жалость друг к другу, умножатся безмолитвенники и еще — появятся страшные чудовища яжуж-мажуж, будет потоп, со страниц корана сотрутся письма. Как только пошел в народе разговор о свержении падиша-агзам, тут и появились люди по имени «большай». Они точь-в-точь такие, как сказано в коране: глаза синие, волосы светлые. И я боюсь их! — закончил магзум Алеухан, подправляя свисший на сторону живот.

Слушатели, напуганные его речью, стали похожи на пух камыша, готовый при легком дуновении ветра улететь в пространство.

— Говорят, эти «большай» поддерживают бедняков и дают им все, — вмешался было в разговор один из слушателей, но на него прикрикнул шустрый человек, сидевший ближе к магзуму:

— Получишь от них добро, наделят тебя эти «большай»!

— Они, говорят, отрицают бога! — Я слышал, что они хотят крестить всех казахов! — набросились на него другие. — Если хорошо не знаешь, держи язык за зубами! Нет большего срама, как не быть хозяином своего языка перед учеными!..

Разговор утих, все взялись за кумыс. Те, кто думал только о кумысе и мирно дремал до сих пор, стали жадно глотать прохладный напиток. Кумыс быстро исчезал в глотках, как бы переливаясь из одной посуды в другую. Таяла и гора баурсаков, на которую набросились, как волки.

Беседа перешла на обыденные темы. Магзум Алеухан разомлел от кумыса. Еле двигая руками, сидел он на почетном месте, а живот его, совершенно отказавшись подчиняться хозяину, лежал на раздвинутых коленях, как мертвая овца.

Один долговязый Нарымбет старался поддержать старую тему. Перелистывая страницы черной книги, он опять перебил соседей:

— Ох, блаженные! Трудно становится понимать наше время! Этих яжуж-мажуж, о которых сейчас говорили, господь, нам известно, запрятал под кавказскими горами. Проклятые слуги яжуж-мажуж постоянно лижут языками камни гор, стараясь пролизать дыру. Если прокричать азан, то слизанные камни нарастают и дыра закрывается. Чем реже слышится азан, тем тоньше становятся горы. Теперь, когда намаз делается короче, я опасюсь, как бы они не пробились через горы, как бы не настал конец света! Мусульмане, давайте больше милостыни! После намаза самое сильное средство — милостыня...

Соседи растерянно переглядывались, как бы ожидая, что вот-вот чудовища эти ворвутся в юрту. Один из них спросил с озабоченным видом:

— Таксыр, а как узнать, когда эта тварь, яжуж-мажуж, просверлит гору и вылезет?

— Они сидят на больших ишаках, и к каждой шерстинке ишаков привязано по колокольчику. Звон колокольчиков раздается по всему миру. Ишаки эти страшны, как змеи-драконы и играют ноздрями на трубах. Поэтому все люди, следующие музыке из труб, пойдут в ад,— ответил Нарымбет, и спросивший вскопчил, как ужаленный.

— Япр-ай! Если так, таксыр, господь покарал нас! — завопил он.

— Ну? А что случилось? — встревожились остальные.

— На-днях я был в Ташкенте. По улицам города шла длинная цепь вооруженных людей. Они шли под голоса труб! Вслед за ними проходили и мы... Вдруг эти кяфиры и были те самые яжуж-мажуж? — скороговоркой сообщил он, весь трясаясь от страха, готовый выбежать на улицу. Соседи насилу усадили его. Нарымбет не оставил его слов без ответа.

— Сядь, почтенный, сядь! — сказал он. — Все возможно... Сказать, откуда и как они появятся, трудно. Но не скупитесь на милостыню, просите бога и пророка! Они могут появиться и среди вас в виде черных кошек без пятен... Те, кого ты видел, были наверное большаи. Они еще хуже яжуж-мажуж! Только бы господь сберег нас от них!..

Паломники, сидевшие безмолвно, тихонько всхлипывали. Мелкие слезы бежали по их щетинистым бородам.

Женщины собрались в другой юрте и тоже завели беседу. Старшая жена Нарымбета поучала съехавшихся к святому больных женщин.

— В прошлом году,— говорила она,— к нам приехала молодая женщина просить ребенка у святого. Была она замужем уже шесть лет, а ребенка не имела. Получив полное благословение ишана и удовлетворив его душу, она переночевала на могиле бапа и в слезах уехала. В нынешнем году эта женщина приезжала опять. На руках ее был толстоногий сын. Приехала же она для того, чтобы ишан дал имя ребенку, и привела корову. Теперь она довольна.

— Исполнилась просьба бедной! — поддакнули слушательницы.

— Не знаем, как будет, но вот и мы приехали! — вздыхали некоторые. Те же, кому не было дела до детей и до молитв, упи-

сывали все, что было на скатерти, не обращая внимания на разговоры.

Казалось, что и у жен, как у всех пригревшихся вокруг мечети, была одна забота: как бы обмануть, как бы обвести вокруг пальца богомольцев. Все вокруг оплетено тонкой паутиной, и каждому, кто сюда приблизится, не миновать западни. Здесь с радостью ждут даже смерти: если услышат, что кто-нибудь умер, веселятся все обитатели мечети. Они уже прикидывают, что дадут ишану и им родственники покойного. Они похожи на черных воронов, слетевшихся к падали.

Но не совсем радостно в юртах, где сидят молодые жены ишанов. Они, как случайно залетевшие в комнату воробьи, льнут к окнам и томятся, не зная, как выйти на улицу, к людям. Особенно тяжело им, когда у мечети соберется много народа. Смотреть в лицо мужчины считается позором, но если мимо юрты пройдет молодой парень, жены наперебой кинутся к дверям, ссорясь между собою, толкаясь и визжа. «Какой красавец! какой у него нос!» — восторгаются жены. Они еще и жадны, и всякую вещь стараются захватить себе.

И как бы в насмешку над их жадностью, набожный торговец привязал нынче своего коня у самой их юрты. Через седло был перекинут богатый коржун в красных, синих и белых узорах. Торговец, будучи почтенным человеком, приехав помолиться на могиле Арстан-бапа, считал своим долгом посидеть за одним блюдом с магзумом Алеуханом. Думая, что в ауле ходжи можно не беспокоиться о сохранности вещи, он не снял ала-коржун с седла и надолго задержался в юрте магзума.

Коржун был дорог торговцу. Он купил его в прошлом году в Бухаре за пару лошадей, — знающие люди утверждали, что коржун этот соткан туркменками по личному приказу эмира бухарского. Во время революции коржун попал в чьи-то ловкие руки и, наконец, перешел к торговцу. Это была вещь изумительных красок, тончайших и хитроумных узоров. Шелка переливались на коржуне нежными тонами. Трудно было поверить, что нашлись люди, сумевшие сделать такое чудо.

Улучив удобный момент, одна из дочерей ишана сбегала посмотреть, каков коржун. Рассказ девушки еще сильнее разжег страсти женщин, и без того не отрывавших глаз от коржуна. После колебаний женщины решили украсть соблазнительную вещь. Одна из наиболее ловких и смелых жен отвязала коржун от седла и принесла его в юрту. Жены ишана знали, что они будут вне подозрений, да и дело было сделано ловко.

Одна Хадиша, несшая к казану щепки, видела, как жена ишана отвязывала коржун, но не обратила на это внимания.

Откуда она могла знать, что это за коржун и зачем его берут? У нее были свои мысли — о своем горе.

Когда у казана не осталось никого, густобородый отнес домой краденое мясо. Вернувшись, он сразу накинулся на Хадишу.

— Что ты поганишь своими нечестивыми руками пищу? Кто это дал тебе ковш? — закричал он и сильно толкнул ее. Хадиша чуть не упала в пылающий очаг и обожглась о раскаленную золу. Лицо ее вспыхнуло гневом, сердце застучало в груди, словно копыта скачущего коня.

— Не оскорбляй человека!.. Зачем накидываешься, как пес, стерегущий байский двор, черный пес, покрывшийся кровью! Что я — нечестивее тебя? Вор!..

Густобородый вскочил.

— Что болтает эта сука! Проклятая! — заорал он. — Будь проклят твой род, кому ты это говоришь, собака? А? Я—пес? — и черным толстым кулаком он так ударил женщину по голове, что из глаз ее посыпались искры. Хадиша еле удержалась на ногах, но дала волю своему языку, — пусть прогонят, но хоть раз в жизни она выскажет все...

— Ты — пес, жиреющий на трупах покойников! Ты — пес, набивший живот кровью и мясом зарезанного на похоронах скота!.. — крикнула она, уходя.

Хадиша не могла более сдерживать рыданий. Был бы здесь Аманжол — разве переносила бы она такую жизнь, разве издевались бы над ней так?

«Ведь никто не остановил этого пса, хотя все видели, что он бьет меня, — думала она. — Я пришла к святому молить о помощи, чтобы мне помогли найти мужа и сына, а тут... Разве святые не помогают сиротам и вдовам?»

Слетевшиеся к казанам на кровь битого скота, вороны пугливо и шумно крутились в воздухе, увидев Хадишу. Они поднялись гам на весь аул. Сопровождающие их сороки стрекотали, перепрыгивая с камня на камень. Если б Хадиша была мертва, птицы мигом выклевали бы ей глаза. Сытый, обожравшийся кровью черный пес отгонял лаем ворон.

— Так, так, задай им, Быры-басар! — довольно ухмылялся густобородый.

«Два пса стерегут казан» — подумала Хадиша.

Солнце стояло в зените. Наевшись мяса, паломники разбрелись по аулу, чтобы совершить обряд омовения перед полуденной молитвой. Кучка людей во главе с магзумом Алеуханом и Нарымбетом уселась у могилы Арстан-бапа, накрытой доро-

гим шелком. Каждый, кто подойдет к могиле, должен погладить ладонью шелк, потереть им себе глаза, а потом тихонько поцеловать край покрывала. Целуют и большую черную каменную четку. Оттого, что ее часто берут в руки, она вся потускнела и засалилась. Края шелкового покрывала тоже потемнели и износились.

Трупный смрад охватывает каждого, кто входит в могильный склеп. В передней части склепа стоят еще три гробницы, красиво убранные кирпичом и полированным камнем. Паломникам рассказывают, что это — гробницы дедов Нарымбета, хранителя мечети. Сначала у богомольцев принимают дары, предназначенные для этих гробниц, потом уже допускают к гробнице Арстан-бапа. Приношения для Арстан-бапа должны быть особенно дорогими. Их принимают люди в белых чалмах, стоящие с протянутыми руками, как изваяния.

Над могильным склепом возвышается огромная мечеть, где днем молятся, а ночью заклинают бога и где толстые, как быки, служители святого сходятся с женщинами, приехавшими просить у бога ребенка. Мужчины и женщины всю ночь беснуются, заклинают, неистовствуют, выкрикивая все, что придет на язык. Несколько дней тому назад Хадише пришлось провести здесь ночь. Заперев в мечети десять женщин, служители бога заклинали всю ночь, воя на всю мечеть; Хадиша носила им чай и воду. Наконец и она свалилась в изнеможении вместе со всеми. Ей не спалось, она давно потеряла сон, перед глазами у нее все время стоял сын ее, Медикара, и нередко она тянулась к нему, чтобы обнять плачущего ребенка. Только к утру засыпала она, истерзанная воспоминаниями. Так было и в мечети. Все мирно храпели, некоторые во сне зывали к богу. Рядом с Хадишой лежала байская невестка — тонкая, как яблоневоый ствол, розовая, круглоокая молодая женщина. Приехавший с ней мурза был где-то в ауле. Женщина мечтала о ребенке, всю ночь она молилась о нем и, утомленная, свалилась, близкая к мысли, что вот-вот ей явится Арстан-бап. Толстоносый жигит, один из тех, кто заклинал в мечети, в ту ночь не давал этой женщине покоя. Та возражала: «Как можно в мечети говорить о таких вещах? Дух проклянет!» Тогда жигит начал вздыхать, словно его мучили, потом встал на колени и вслух начал молиться: «Что мне делать? Я и сам не хочу итти к ней, понуждает Арстан-бап, а подойдешь к ней — не подпускает! Кого мне слушаться — святого или ее?» — бормотал он. Молодая женщина — кто знает? — может, и поверила этому, ведь она ждала помощи святого. Словом, она не отогнала жигита...

При воспоминании о той ночи Хадишу кидало в дрожь. «Я думала — мечеть, а тут что такое? Разве в мечети можно так?

И где же духи?» — мучилась она и не могла после без отвращения смотреть на толстоногого жигита.

В зале мечети росли два деревца. Происхождение их объясняли паломникам так: «В древние времена хлопок рос на таких вот деревьях. Хлопок шел на ткань, а стволы на домашние поделки. Деревца эти были посажены самим Арстанбапом тысячу лет назад. Преклонитесь перед деревцами и, если есть приношения святому, — дайте, и благословение сойдет на вас!» Паломники верят этой болтовне, обнимают деревца и целуют их. Хотя и видят богомольцы, что перед ними самая обыкновенная арча, но сказать этого не смеют. «Разве может лгать святой?» — шепчут они.

Многие срезают с деревьев кусочки коры, чтобы отваром их поить дома детей для долголетия. Кора поэтому напоминает пчелиные соты. Другие насыпают в мешочки землю с могилы, третьи срывают с деревьев сухие листья и прикладывают их к больным зубам.

Но вот на минарет мечети поднялся азанчи и затянул азан. Все, услышав призыв к молитве, застыли каждый на том месте, где стоял. Только густобородый толстяк и черный пес попрежнему продолжали суетиться вокруг казана да обессиленная рыданиями Хадиша лежала поодаль на земле. Никто не подумал о ней, никто не дал ей хотя бы чашку жидкой сурпы. Черный пес с окровавленной мордой бродил возле, отгоняя собак и ишаков, один нарушая мертвую тишину, изредка подвывая азану. И порой нельзя было понять, воет ли собака, или это слышится протяжный зов азанчи с минарета.

Свершив намаз, люди стали собираться домой. Отрывая жирной сурпой и глотая ее снова, торговец, засидевшийся у ишана, благодаря бога за такое счастье, подошел, наконец, к коню. Красный от кумыса, он вспомнил о коржуне лишь тогда, когда закидывал ногу в стремя. «Может быть, убрал кто-нибудь, чтоб лошадь не запачкала?» — подумал он, прохаживаясь, пока жигиты искали коржун.

Но коржун пропал. Весть об этом мгновенно долетела и до Нарымбета и до магзума Алеухана.

— Кто украл коржун, будь он проклят? Кто отрекся от истинной веры? — заголосил Нарымбет, торопясь к торговцу. — Кто из чужих был здесь? Никого не было? Бродяги эти запятнают имя святого... Найдите сейчас же, несчастные! — голосил он на весь аул.

Юркие, как собаки, жигиты обшарили все, кроме юрты жен ишана, но не могли найти пропажи. Пересчитав и перебрав всех, кто сегодня был у мечети, хранители могилы решили, что, кроме Хадиши, некому больше украть.

— Конечно, она! Она потеряла мужа и сына и теперь ищет средств, чтобы добраться до Ташкента... Притом известно, что она нечиста на руку, — подтвердил густобородый.

— Приведите сюда проклятую! — крикнул Нарымбет, багровея от гнева.

Хадишу нашел тот толстоносый жигит, которого она видела в мечети с байской невесткой. Он сразмаху ударил ее каблуком, чуть не переломив ребро. Хадиша вскрикнула и подняла голову, не понимая ничего.

— Мало тебе, что тут тебя кормят, окаянная, ты и воруюешь, пятнаешь имя святого! — закричал жигит и еще раз ударил ее ногой в бок.

— Что вы, околдовал кто вас, что ли?

— Отдай коржун, говорю! Кто может у нас взять его, кроме тебя? Видели, как ты отвязывала коржун, говорят тебе, отдай! — рявкнул он и начал таскать женщину за косы.

Хадиша отчаянно сопротивлялась, но толстоносый жигит приволок ее к Нарымбету. Хадиша немного успокоилась: она верила, что он — один из святых в мечети — расспросит ее, выяснит и напрасно не обидит. Но Нарымбет и спрашивать ни о чем не стал.

— Давай коржун! — грозно и коротко сказал он.

— О каком коржуне вы спрашиваете?

— Смотрите, как притворяется проклятая! — зашумели кругом.

Волоча за косу, ее притащили к юрте, где был привязан конь торговца, и там сказали, указывая на густобородого:

— Вот он сам видел, как ты отвязывала коржун с этого седла!

Густобородый даже не смутился:

— Я послал ее за щепками, а она пропадала целый час. Я думаю, где она, проклятая, запропастилась? Оказывается, прятала украденный коржун!

Хадиша едва устояла на ногах. Ей хотелось исцарапать его черное лицо, выколоть его бычьими красными глазами.

— Что ты мелешь? У меня нет кожаных шаровар, куда прячешь ты краденные кишки и мясо! — крикнула она возмущенно. — Астафир-алда, пусть на меня обрушится гнев божий, если я взяла коржун!

— Клятвoprеступница, она оскорбляет бога! — закричали все, хватаясь за ворот и отворачиваясь. Нарымбет плюнул ей в лицо. Жены ишана, толпясь у дверей, визжали:

— Противная, она развела вшей в сених, пусть пропадет!

Среди них Хадиша заметила третью жену ишана, ту, которая сняла коржун с седла, и увидела в этом свое спасенье.

— Я знаю! — крикнула она. — Украла токал ишана — Бадыгул!

Окружающие заволновались, зашумели.

— Бейте! — только и мог сказать озверевший Нарымбет.

Люди, следившие за тем, что скажет ишан, мигом набросились на Хадишу. Одни схватили ее за косу, другие за руки — и потащили.

— Посадите ее на черного ишака, вымажьте лицо сажей! Спустите на нее собак! Гоните подальше от мечети! — кричал им вслед Нарымбет.

Мальчишки не отставали от взрослых, — они дергали Хадишу за полы платья, кидали в нее камнями, плевались и кричали. Тут же нашелся и черный ишак одного паломника, с него сняли седло. Вымазав лицо Хадиши сажей, шумя и глумясь, ее посадили на ишака лицом к хвосту. Хадиша беззвучно плакала, слезы, смешавшись с кровью и сажей, совершенно обезобразили ее лицо. Оно теперь ничем не напоминало лица человека.

Ишака кололи в нос и в живот, крутили ему хвост. Взвыв от боли, он запрыгал, сбросив Хадишу. Ее опять посадили. Толпа у мечети каркала, как воронье, и гоготала. Ишак бешено скакал к подножью Отрара, то скидывая с себя Хадишу, то снова неся ее на спине. Вокруг мечети — лай собак, карканье ворон, крик сорок, визг ребятишек и гогот взрослых.

Так мучили Хадишу до вечера.

К закату солнца, утомленные палачи сняли ее с ишака и бросили одну среди степи. С Хадишой остались лишь вороны.

Мечеть Хазрет-Султан высилась вдаль, в зареве заката.

КРОВЬЮ НАПИСАННОЕ

Здесь над водой туман седой, и сквозь прозрачный дым
Меж склонов — озеро в зенит глядит зрачком одним,
Всё в переливах голубых, оно слепит глаза,
И шепчется шуршащий шелк лесных вершин над ним.

Травой пахучей и густой кругом опушено,
Оно высокий свод небес свело к себе на дно;
Все реки к озеру спешат, все родники — бегут:
Их с незапамятных времен влечет к себе оно.

И хочется уже давно с ним встретиться луне,
Поколыхаться в полусне на голубой волне,

А зори сыплут жемчуга в его широкий ковш,
И звезды дремлют по ночам в туманной глубине.

Бессменно скалы сторожат покой озерных вод,
Талгар вершиной снеговой — от солнца бережет.
Когда над озером буран швыряет ключья туч,
В седых усах Талгар-горы блестит осевший лед.

Всегда сумеет красоту увидеть умный глаз,
А слово умное создаст о виденном рассказ;
Набрав строку из верных слов, как снизу жемчугов,
Искусник виденное им — заставит видеть вас.

Но как мне описать Есык? Каких стихов лады
Подскажут нужный сердцу звук и слов каких ряды?
И есть ли на земле слова, чтоб воду описать,
И есть ли в мире что-нибудь прекраснее воды?

Я память перерыл до дна, но мысль была бледна:
Конечно, без воды земля пустынна и бедна,
Конечно, ни травы, ни птиц и ни зверей там нет —
На голой высохшей земле живет лишь смерть одна.

В тени скалы, взлетевшей вверх над нами напрямик,
На ласковых ладонях волн нас колыхал Есык.
Здесь все влекло наш взгляд к себе, все изумляло нас:
Туманный лес, закатный плёс, скалы суровый лик.

Зеленый камень расколов, на свет из темноты
Пробилась капля и, кипя, упала с высоты.
Сквозь кряжи неприступных гор сочатся родники:
Они, как детская слеза, — прозрачны и чисты.

И Ала-Тау в облаках — могуч, белобород,
Над горным озером воссев, молчит за годом год.
Толпятся сосны и дубы по склонам голубым,
Оберегая берега от зимних непогод.

Сто раз линяли деревья, но каждый год весной
Возобновлялся легкий шелк их шубы вырезной.
А скалы круто залегли на вольных берегах,
Чтоб не могли мутить воды ни пыльный вихрь, ни зной.

Склонивши шеи с высоты, недвижны навсегда,
Они глядятся в водоем, прозрачный, как слюда,

И отраженье темных морд задумавшихся скал
Колелеблет в светлой глубине студеная вода.

Подует легкий ветерок — и лес зашелестит,
Как будто шепчется тайком с любимую жигит,
И лепет листьев молодых, как зов лукавых губ:
И убегает от тебя — и за собой манит.

О мой Есык! Из кряжей гор, что подошли в упор,
Гранитной груди молоко сосешь ты с давних пор,
И, чашу берегов твоих наполнив до краев,
К тебе спешат, журча, ключи со всех окрестных гор.

Как щеголиха, к празднику надевшая наряд,
Земля здесь дремлет — вся в цветах, как соловьиный сад,
Одежда соткана ее из шелковой листвы,
И ягоды в густой граве, как огоньки, горят.

Следили мы, как тенью день вершины гор чернил,
Где с облаками наравне седой орел парил,
И вдруг заметили слова на камне, над водой,
И поразил нас яркий цвет неблекнувших чернил.

Шестнадцатый жестокий год записан кровью был:
Был вид скалы, где надпись шла, неласков и уныл.
И мы решили, что бедняк, обиженный судьбой,
Оставил надпись, чтобы мир его не позабыл.

Иль, может быть, то был жигит, похоронивший мать,
Иль мать, любимца потеряв, грустила здесь, — как знать?
Молчит скала, молчит вода, и облака молчат...
Кто сможет нам теперь помочь загадку отгадать?

Больное сердце, может быть, устало в грудь стучась,
Писало кровью на скале в неповторимый час:
«Пусть о моей глухой тоске скала расскажет вам...»,
И надпись время донесло нетронутой до нас.

Шептало озеро, волной лаская письмена:
«Горящих знаков потушить не смогут времена,
И дети радостной поры еще придут сюда,
И эту надпись перечтут, и вспомнят все сполна!

Я пыль смываю двадцать лет с горящих строк волной,
И выжечь надпись на скале не смог палящий зной,

И ветер выветрить не смог ее горячих букв:
От всех напастей роковых она хранима мной».

Так озеро шептало мне... А скос скалы рябой
Вздымался прямо над водой, как мрамор голубой,
И словно маки, чья-то кровь цвела на той скале,
И тайной надписи слова я видел пред собой...

Она гласила, с высоты сбегая вниз, к волнам:
«Пусть о моей глухой тоске скала расскажет вам...»
Но тайну горькую храня, молчал седой утес,
Лишь волны, сонно лепеча, ласкались к берегам.

Вдруг девушку увидел я. С ее тяжелых кос
Сбегали капельки воды — светлее светлых слез;
Она стояла на скале и улыбалась мне,
Просушивая на ветру густую прядь волос.

Спросил глазами я глаза русалки молодой:
«Не ваша ль надпись там горит на камне над водой?»
Но, не поняв меня, она ответила, смеясь:
«Я каждый день купаюсь здесь под осыпью крутой!»

Потом со стариком и с ней катался в лодке я.
Огнем горела за кормой озерная струя.
Старик словоохотлив был, и с девушкой вдвоем
Мы слушали его слова, дыханье затая.

На веслах лодка шла вперед, сквозь брызги проносясь,—
Так жеребенок крутит пыль копытами, резвясь;
Серебряные пузырьки всплывали над водой,
И полоса их за кормой, как дымный шелк, вилась.

А я за девушкой следил, сидящей над бортом:
Как яблоко — ее лицо в загаре золотом,
А тело, сбитое в комок, упруго и легко,
Как сердца мышечная ткань в биении крутом.

И долго-долго на воде качала лодка нас,
Казалось озеро в тот час прозрачным, словно глаз;
Мы пели песенку свою под трубы лебедей,
И плыли вдаль, — и лодки след, как отзвук песни, гас.

Стал день прохладней и нежней, стал солнца свет алей,
Туман над тихой травой нас поманил к земле;

К причалу лодка подошла, вдоль берегов скользя,
И вдруг увидели мы все ту надпись на скале.

«Был год шестнадцатый»,—вздохнув, прочел нам аксакал,
И ни на что спокойный вид его не намекал.
Он лишь замолк на краткий миг, задумавшись слегка,
Как будто нужные слова в молчании искал.

Затем проговорил: «В тот год мне было сорок лет.
Был сын любимый у меня, один — как солнца свет.
Двадцатилетний Тангатар настолько был умен,
Что равных, может, до сих пор в округе этой нет.

Он чутким, как листок травы, и непреклонным рос,
Он в детстве горя не видал, не знал угрюмых слез,
А будущность его всю жизнь заботила меня».
И слово «будущность» старик с волнением произнес,

И сразу поняли его и девушка и я...
Цеплялась лодка, проходя, за облаков края,
И ветер слушал старика, и волны, замолчав,
Застыли, в тайной глубине вершины гор двоя.

Лишь говорливый ручеек в камнях не умолк...
«...И Тангатар мергеном¹ стал, ведь я и сам стрелок,
И следа зверя не терял и промаха не знал,
И от меня уйти не мог ни колонок, ни волк,

Снимал козла я со скалы — как шапку с головы,
Умел ходить я по траве, не потоптав травы;
За всяким зверем круглый год охотясь по горам,
Я знал все тропы между скал, все осыпи и рвы.

И хоть не нажил я себе ни денег, ни коня,
Зато хороших два ружья имелось у меня.
И сильным вырос Тангатар,— к охоте приучен,
Без сытной пищи никогда он не сидел ни дня.

Скитаясь по следам зверей с утра до самой тьмы,
Пересекая по пути ложбины и холмы,
Про все несчастья позабыв, не ведая забот,
На вольной воле, средь лесов, в безлюдьи жили мы.

¹ Мерген — меткий стрелок.

Когда вернулись мы домой — в смятении был аул,
Над перепуганной толпой катился смутный гул:
Пришел приказ — жигитов брать в окопы, на войну —
И весь народ из края в край, как море, всколыхнул.

Столетия горя и обид, побóров воровских
Соединились, наконец, в крик гнева и тоски:
«Попробуйте притти сюда, мы закопаем вас
В пески, куда загнали нас, в проклятые пески!»

Все Семиречье поднялось, весь Казахстан восстал,
И, прокатившись по степям, как океанский вал,
Он с Бекбулатом во главе к правителям пришел
И слово веское свое правителям сказал:

«Вы у казахов взяли все — и реки и луга,
Вы оттеснили в горы нас, в сыпучие снега,
Голодной смерти обрекли, позору, нищете,
Забравши все, чем людям жизнь красна и дорога.

Мы кочевали дальше, вглубь, в пески... Но вы сейчас
Хотите, чтоб враги свинцом пересчитали нас,
Вы на погибель шлете нас, в окопы, на войну?
Мы не пойдем?» — сказал народ правителям в тот час.

Как с Ала-Тау грозный силь¹ стремится вниз, спеша,
Так всколыхнулись берега седого Балхаша,
Мы все клялись не отступать, не победив врага,
Стоять, пока не упадем на землю, не дыша.

И землю родины потряс могучий клич войны.
Собрался наш аул в поход, но местные чины
В жигитов начали стрелять, и обозлились мы
И с плеч тяжелую башку снесли у старшины.

Объединились все роды, все поднялись на бой.
Со всеми вместе я пошел, и Тангатар со мной.
Мы проливали вражью кровь, мы мстили за народ,
В лихих набегах Бекбулат водил нас за собой.

Тогда отряды царских войск заполонили край,
У них одна задача: «грабь!», один девиз: «карай!»
И вот пришлось нам отступить: нас обошли кругом
И если сразу не уйти — ложись и помирай...

¹ Силь — грязевой поток.

Мы с Тангатаром добрались до этой вот скалы,
Здесь увидеть смогли бы нас лишь горные орлы...»
Старик замолк, но взгляд его сверкал из-под бровей,—
Так пробивается огонь сквозь пелену золы.

Мы не нарушили ничем молчания его,
В свиданьи с прошлым старика оставив одного.
Наверно, думал он тогда о людях, о себе,
О трудных пройденных путях народа своего.

Затихли весла по бортам, и замерла вода,
Как будто, тоже и они задумались тогда...
Скала над нами вознеслась высоко в небеса,
И в буквах надписи на ней горела кровь — руда.

Старик глядел на эту кровь, не отрывая глаз,
Его седая борода меж пальцев пролилась.
Казалось, с нами целый мир замолк, насторожась,
И ожидал, когда старик продолжит свой рассказ.

«...Меня, однажды, далеко охота завела,
А Тангатара по следам погоня здесь нашла.
Он укрывался наверху, среди больших камней,
Но взводом царских войск была окружена скала.

И Тангатар, увидев смерть, от пуля не убежал.
Испуг его не поразил, и сердце страх не сжал:
Двум нападавшим он всадил по пуле между глаз,
А остальных не подпустил к скале, где он лежал.

Но пуля и его нашла — она найдет везде, —
И Тангатар не мог стрелять... Он был один в беде.
Враг не добрался до него и про себя решил,
Что в озеро упал стрелок и утонул в воде.

Я сына дома не нашел, когда пришел домой,—
И стал без сил. И яркий день покрыл мне очи тьмой.
Я ползал, шаря, по скале, рыдал и звал его...
Но отозваться мне не мог веселый сокол мой.

Я, потерявший все, чем жил, — в невзгоде был один.
Лишь хмурый камень мне внимал, что холоднее льдин.
Он слез моих не понимал и безответен был,
И не сказала мне скала, куда исчез мой сын.

Я к солнцу слезы обращал, я плакался луне,
Но были солнце и луна безмолвны в вышине.
Я слезы в озеро ронял, они тонули в нем,
Охладевая, как свинец, без отзвука на дне.

Тогда с подоблачной скалы я вниз спускаться стал,
Минуя пасти пропастей, нагроможденья скал,—
«Ты, Озеро, немало слез видало на веку,
Будь сострадательно ко мне», — я озеру сказал.

«Под покровительством твоим, средь облачных отар,
Как птицы, жили на скале — и я и Тангатар,
Его душа, как ты, была чиста и глубока,
Он крепок был, он гибок был и строен, как чинар.

Ты видишь пламень роковой, сжигающий меня?
Плесни ж волною, потуши недобрый жар огня!»
Но гладь озерная была спокойна, как стекло,
Играла зыбь у ног моих, по камешкам звеня.

И вдруг заметил я вблизи — волны неверной след.
Там плыло тело, шевелясь в седой вечерней мгле...
И парусом взлетел туман — и запад озарил
Разбег кроваво-красных букв, горевших на скале...»



Умурзак

Народный акын, родился в 1857 году в Алма-Атинском районе. Член колхоза имени Калинина. Известен ряд его поэм: «Я — Умурзак-акын», посвященная Сталину, «Ворошилов-батыр», песни о выборах в Верховный Совет СССР.

Я — АКЫН УМУРЗАК

Я — семидесятилетний казах,
Седовласый акын Умурзак.
Если слезы в моих глазах —
Блещет радость в этих слезах.

Он далек, мой родной Казахстан, —
Я проехал пять тысяч верст,
Чтоб тебя, мой бесстрашный арстан,
Доблестный батыр-великан,
Крепость наших советских стран,
Угнетенного Востока шолпан,
Мой могучий горный хребет,
Мой алмаз, мой чистый кристалл,
Кто на всех языках воспет, —
Мне увидеть на старости лет.

Если мне этот день дан,
Если я пред тобой стою,
О тебе мою песню пою, —
То родиться я не опоздал.

Ковыляла веков череда,
Шли десятилетия, года,

Караваны унылых дней
Шли по голой стране моей.
Что они приносили ей?
Горе было у них в тюках,
Море слез в их бурдюках.
Караванщиком была нужда.
Что нашел я в жизни тогда?
Правил хан, да бай, да алда:
Цепи я носил на руках,
Были скованы мои уста,
На двенадцати были замках
Радость жизни и красота.

Но в стране моей смолк плач,—
Не вернется ни царь-палач,
И ни бай, паразит-богач;
Когти им отрубили мы,
Пастбищ их лишили мы,
Племя их удушили мы.
Стал народ мой и я стал зряч,
К новой жизни мы мчимся вскачь,
Плещет воли нашей кумач.

Сталин, вождь величавый ты,
Наша гордость и слава ты,
Светишь слева ты нам луной,
Солнцем светишь нам справа ты,
Наш учитель, отец родной!
Светоч мира, Сталин-джан!
Ты горишь, как маяк-великан,
Величайший в мире герой,
Высочайшей стоишь горой,
Ты — безбрежное море ума,
Мысли бурной ты океан,
Воплощенная мудрость сама.

Был народ мой и я был раб,
Голос мой до тебя был слаб,
Волю дал ты мне и ему,
Силу дал языку моему,
Но не так мой силен язык,
Чтоб сказал он, как ты велик,
Чтоб сравненья мог твоему
Несравненному найти уму.
Сталин, сокол мой, мой орел!

Вдохновение дал мне ты,
Моего народа мечты
Не в твоих ли делах я обрел?

Казахстан-страна — далека,
Степь казахская — широка,
Алатау-гора — высока!
Ждали мы крылатых коней,
Снился нам легконогий тулпар,
Чтобы мчал нас без усталы вдаль.
Ты нам дал коня посильней:
Круп его — блестящая сталь,
Пышет в чреве его пожар,
В нем бурлит и клокочет пар.
Я б к тебе шесть месяцев брел,
Он домчал меня за шесть дней:
Обернулся Турксибом тулпар.

И лелеяли мы мечты
О чудесной птице — Сункар,
Чей полет, как молния, скор,
Чтоб несла нас через хребты
Ледяных, неприступных гор,
Через воды горных озер.
Самолеты выпустил ты,
Клекот их — громовый гул.
В синеве крыла распластав,
Перемахивает Алатау,
Опускается в мой аул
Легендарная птица Сункар.

Я простой, я старый казах,
Я седой жирши Умурзак,
Вырос я в народных низах,
И хоть мне и семьдесят лет,
Песен ключ в душе не иссяк,
И, хоть бел уже волос мой,
Так не пел еще голос мой,
Не звенел никогда он так,—
Он обрел молодую мощь.

Звонких слов благодатный дождь
В эти дни, что так хороши,
На тебя излить разреши!

Ведь обязан я всем тебе,
Коль не песней, то чем тебе
Отплачу я, любимый вождь?
Э, горячий салем тебе,
Э, великий тебе рахмет!¹
Так поет тебе от души
Умурзак, казахский жирши.

¹ *Салем* — привет; *рахмет* — спасибо.



Утеп

Утеп Онгарбаев — народный акын и кюйши (композитор пьес для домбры), родился в 1904 году в Кастекском районе. Член колхоза «Қарасу». Известны его песни «Великий Октябрь», «Наш край — край счастливый», «Поэма о жигите Макише», музыкальная пьеса для домбры «Кузнец колхозов».

БАТЫРА ДЕЛО

Сладкогласный певец Казахстана, Джамбул
Для Москвы ты покинул родной аул,
Перед Сталиным ты, безмерно почтен,
Слог за слогом стихи свои развернул.

Казахстана акына ты званья достиг.
На груди твоей ордена алый блик.
В пору царскую, в пору народных слез
Ничего бы не значил такой старик.

Сталин славен, победа его велика,
Жизнь его, как отцовская, мне близка.
Изобильную жатву, плоды Октября
Собирает сегодня твоя рука.

Был вчерашней колонией Казахстан,
А теперь нам свет ослепительный дан.
Подневольный прежде, забитый край,
Равноправным стал средь цветущих стран.

На колонию пали лучи Октября,
На страну, обездоленную вчера.

Орден снова Джамбулу молодость дал,
В девяносто лет загорелась заря.
И хваления Сталину все несут,
«Долго-долго живи!» — ему говоря.

ПОЭМА О ЖИГИТЕ МАҚЫШЕ

Что я видел, о том и пою...
Появился могучий сырттан¹,
Он седую шкуру свою
Нес по степи из стана в стан.
Его зубы — кривые ножи,
Его мех — как седой ковыль.
Он, как хан родовитый, жил,
Резал телок, овец и кобыл.
Он посеял в аулах страх,
Пастухи трепетали пред ним.
Он, бывало, с бараном в зубах
Исчезал, как кизячный дым.

Что я видел, о том и пою...
Был в ауле охотник Мақыш,
Знал он степи, как юрту свою,
Понимал, что шепчет камыш.
У него вороной аргамак.
У него старинный соил².
Уезжал он бесстрашно в мрак
И без промаха зверя бил,—
Бил волков он и рыжих лис,
Барсов бил и беркутов бил,
Даже в час, когда пенил кумыс,
Он держал наготове соил.

Что я видел, о том и пою...
Снег был иссиня-бел и глубок.
Носом чуя добычу свою,
К стаду шел серошкурый волк.
Тут вскочил Мақыш на коня
И помчался за волком с камчой,
Словно зарево от огня,

¹ *Сырттан* — букв. «непобедимый» — сказочный волк необыкновенной силы.

² *Соил* — длинная палка для охоты в степи.

Кровь к щекам прилила горячо.
Был Мақыш искусен в езде,
Аргамак его к гонке привык,—
При вечерней дрожащей звезде
Он седого сырттана настиг.

Что я видел, о том и пою...
Слез с коня отважный жигит,
Взял он в руку камчу свою,
А сырттан наготове сидит.
Волк бы сделал прыжок как раз,
Горло рвал бы, упершись в плечо,
Но ударил его между глаз
Разъяренный Мақыш камчой.
А потом беспрерывно бил,
Бил по морде и между ног,
Бил, покуда не перебил.
Волчьи ребра и позвонок.

Что я видел, о том и пою...
Возвращался Мақыш домой,
А в ауле, в родном краю,
Топот, выстрелы, ржанье и вой.
А в ауле — пожар и раззор,
Обесчещенных девушек плач,
И по степи в сторону гор
Белой банды веселый скач.
Да, оглядываясь порой,
Освещая пожаром лицо,
Уезжал офицер седой
На гнедом жеребце рысцой.

Что я видел, о том и пою...
Ничего не сказал Мақыш.
Сбросил волка — и лошадь свою
Повернул от горящих крыш.
Был Мақыш от усталости сер,
Спать хотел он и голоден был,
Но, боясь, что уйдет офицер,
Он усталость свою позабыл.
Он камчою взмахнул и помчал,
Как в разгаре степной байги,
Так столкнулись клинок и камча,
Так столкнулись ночью враги.

Что я видел, о том и пою...
Закричал Магыш и умолк.
Он почуял в ночном бою,
Что пред ним самый лютый волк.
Зарубил бы актaр¹ как раз,
Кровь бы хлынула горячо,
Но ударил Магыш между глаз
Офицера с размаха камчой.
А потом беспрерывно бил,
Бил на память, бил, как мог,
Бил, покуда не перебил
У врага своего позвонок.

Что я знаю, о том и пою...
Коль враги перейдут рубежи,
Мы за родину встанем свою,
За счастливую встанем жизнь.
Коли ружей не будет у нас,
Мы камчи свои в руки возьмем
И в тревожный для родины час,
Как Магыш, на врагов пойдем.
Будем биться Магыша лютей
На песках пограничной реки
И за счастье своих детей
Перебьем у врагов позвонки.

¹ *Актaр* — белогвардеец.



*Сабит Муканов, Аскар Токмагамбетов,
Таир Жароков, Абдильда Тажибаяв*

СТАЛИНУ

1

Молнией — в адрес Москвы, Кремля,
В адрес того, кем дышит земля,
Сталин-жолдасу — оваций гром,
Пламенно выраженный пером.

Равный средь равных, юный казах
Встал у поэзии на часах.
Опытен в песнях всегда был он,
Он, кто стада лишь когда-то пас,—
К вам в этой песне, Сталин-жолдас,
Слог его пламенный обращен.

Верный искусству отбора слов,
Был он в оценках своих суров:
Много он слышал разных речей,
Знает, как шлет стрелу тетива,
Но не слышал он слов горячей,
Метче слов, чем ваши слова!
В древнем искусстве строить речь
Не было зодчих, подобных вам.
Так величаво рекам не течь,
Блеском таким не сверкать снегам!

Вами на пир истории зван
Красноречивый наш Казахстан.
Даром даров считая язык,
Сильное слово он чтить привык.
Как же он должен благоговеть

Перед тобой, звенящая медь
Сталинских слов, чьей правде греметь,
Греть и светить вовеки веков!
О как прочна их мудрая ткань!
Слыша их, с места, сидящий, встань!
Пересыхай от счастья, гортань!
Прячьтесь, стыдясь, языки врагов!

Думы и чувства облекши в жыр,
Ясности мысли учась у вас,
Мы тут помянем, Сталин-жолдас,
Предков, в тряпье из заплат и дыр,
Предков, чьей пищей был скудный сыр,
Да не забудутся муки их!
Мы тут покажем, как жил Джамбул,
Как родниками вокруг нас плеснул
Вами открытый Джамбулов стих,
Да не умолкнет его домбра!
Мы тут покажем, что степь цветет
Под Ала-Тау, чей кряж встает
Склонами снежного серебра,
Да не подступятся вору к ним!
Явим тому, чью ласку храним,
Образы в красках и без прикрас,
Да озарит он, неугасим,
Множество лет и множество зим,
Мудрый, как Ленин, Сталин-жолдас!

2

Память о прошлом черной тропой
Вьется, в туман преданий скользя.
Никнут колючей сорной травой
Годы, которых забыть нельзя.
Пройденный путь суров и далек,
Он сквозь гряды столетий пролег.

Вот всеядный хищник вдали
Топчет гладь казахской земли:
Это вторгается Чингисхан,
Это взвывает он свой аркан;
Кисть руки растопырив, летит,
Злые зрачки расширив, летит,

И, багровеющая от ран,
Долго отчизна кровоточит.

Властвует Золотая Орда,
Властвуют орды и послабей,
Но неколеблема, но тверда
Воля воспитанников степей.
«С нами, жигиты, солнце само!
Надо же смело попруть ярмо,
Надо же с тела содрать клеймо,
Хворостом вспыхнуть на очаге!» —
Это восстал батыр Едиге,
Это его раздается крик,
Это за ним остается пыль,
В ногу батыру льется Жаик,
Ждет — не дождется его Эдиль¹.

Он не печальником слезным был, —
Военачальником грозным был,
Он по стремнине мечами греб,
Чайки о нем кричали взахлёб.
Он не успел из ущелья бед
Вывести нас на светлый хребет:
Он разможил об утесы лоб,
Степью он был навеки воспет.

Сила его в Кобланды жила,
Сила священной вражды жила;
Слава его в Ораке жила,
Алая, словно маки, жила;
Смётка его в Мамае жила,
Стяг Едиге вздымая, жила.

Вот на кого двуглавый орел
Четырехкратный взор обратил,
Вот чей народ он жадно когтил,
Вот кто мятежные вихри взмел,
Вот кто борьбу неравную вел.
Воин-казах, в пудовой броне,
На баснословном своем коне,
Кровом любовным пренебрегал,
Криком условным друга искал,
С темною ночью наедине
Лязгом подковным зверя пугал.

¹ Жаик — Урал; Эдиль — Волга.

Там, где Тарас Шевченко был,
Присланный к нам из застенка, был,
Внял нашей скорби вещий певец:
Вник он в печаль казахских сердец;
Внукам в урок, поведал кобзарь,
Кем был для нас чужой государь,
Как выжигали степи вконец,
Как расстилалась черная гарь.

В дым, застилавший солнечный свет,
В гущу исправничьих волчьих стай,
Самоотверженный Исатай, *Исатай*
В гневе несдержанный Махамбет *Махамбет*
Ринулись так же, как ер-Бекет
Ринулся через десяток лет:
Выйдя, чтоб биться тесно, вдвоем,
Биться с баями и с царем,
С пиками выйдя наперевес,
Шли против пушек, чей рев и гром
Был равносилен гулам небес.
Булькала кровь под каждым конем,
Хлюпал кровавой глины замес,
И, по седло увязая в нем,
Спел Махамбет в один прием
Песню о том, как мятежный бес,
Бес беспокойствия, жжет огнем
(Мы и сейчас ту песню поем):

«Если ты в жизни правил конем,
Если простор буравил копьем,
Если удачу уздой хватал,
Ветром неистовым грудь хлестал,
Если твой пот в седло проник,
Если от мыла сгорел потник,
Если ты дебри одолевал,
Если еду в стремях жевал,
Если тревожен был твой привал,
Если ты женщину забывал,
Если подругу в скачке степной
Ты и поправить не успевал;
Мучась бессонницею сквозной,
Красил лицо свое желтизной;
Если, звездистым небом влеком,
Брезгая чистым пуховиком,
На ночь кремнем подперев скулу,

Взор закреплял на Звездном Колу;
Если миры, что глядят в века,
Льнули к тебе взамен тюфяка;
Если сын, зачатый тобой,
Встретился, бородатый, с тобой, —
Значит, умрешь без кручины ты,
Значит, был истым мужчиной ты!»

Все, что наш дух томило и жгло,
Сгустками в этой песне легло,
Чувствами, мыслями в ней текло.
Рыскал батыр по степям верхом,
Рыцарей вел, не простых бродяг;
Стук их сердец был сводом присяг;
Стяг над войсками шумел стихом,
Стих обращался в священный стяг.
Дух испутив, пронзенный в бою
Песню живым оставлял свою:
Стяги касались стынувших уст,
Гневный напев бушевал в крови,
Скрежет зубовой и костный хруст
Клятвой звучали, клятвой любви.
Чище отцы не знали святынь,
Слаще мечты, чем грозная месть...

К тысяче лет девятьсот прикинь,
К ним еще десять, к ним еще шесть —
Год сотрясенья царских твердынь,
Год возмущенья сможешь прочесть.
Самый глубокий и гневный гул
Степи и горы тогда встряхнул;
Самый высокий и хлесткий вал
Смело тогда их поколебал;
Самый зловещий и дерзкий зов
Слил воедино в тот год бойцов.
Плавились недра, кипели льды,
Славя батыра Амангельды,
Славя лихих сарбазов его,
Верных словам приказов его.

В нем воплотилась наша борьба,
Месть возмутившегося раба.
Пули жужжали, выла шрапнель,
Но не клонил он гордого лба, —
Грудью встречал их сорок недель.

Враг был достаточно с ним знаком.
Трусил пред ним, как пред львом шакал,
Враг уверял, что одним прыжком
Этот батыр луны достигал.
Враг ошибался, он просто лгал:
Амангельды не луны искал —
К солнцу он в подвиге был влеком.
Солнца действительно он достиг:
Жадно вкусив долгожданный миг,
Ленинско-Сталинские труды
Страстно воспринял Амангельды.

Ленин и Сталин! Мы, их сыны,
Вровень с народами всей страны,
Взяли труднейший горный уступ.
Как же на песню тут будешь скуп?
Ленин и Сталин! Наша страна
Славному знамени их верна,
Ими мы выведены из тьмы,
Их сладкозвучные имена,
Стоя и чтя, произносим мы.
Произнося их, на смертный бой,
В сердце присягу вписав резбой,
Выйдет, клянемся, из нас любой —
Будь он безус иль будь седовлас,
Ибо для мира стали судьбой
Ленин и вы, Сталин-жолдас!

3

Песня народная горяча.
Вылечит хворь лучше врача,
Дверь отомкнет лучше ключа.
Песня в устах акынов дошла,
В горе их не покинув, дошла,
К нам, от жары не сгинув, дошла,
В холоде не остывув, дошла.
Славились в ней испокон веков
Битвы и подвиги смельчаков;
Стрелы батыров жужжали в ней;
Было и много печали в ней:
Слышались жалобы стариков,
Вдовьи рыдания минувших дней.

«Что ж, — сказал акын-горькоуст, —
Труд мой напрасен, коржун мой пуст...
Станем-ка рыскать, песня моя,
Друг мой, горбастый мой Желмая!»
Где уж не ставил своей ноги
В поисках счастья Асан-Кайги? —
В песнях верблюдицей голося,
Чей верблюжонок волком примят,
По свету рыскал, глину меся,
Пылью покрыт с головы до пят,
Взор ястребиный книзу скося:
«Где, мол, земля, чей народ богат?»...
Скудной достиг воды горькоуст:
Где ж он, цветущий желанный мыс?
Мертвенно-сух надмогильный куст,
Солоно море, и берег лыс...

Гнет нарастал, густел туман.
В дни лихолетья, в скорбный век,
В так называемый Зар-заман¹,
Бился без воздуха человек,
Словно щука, словно сазан
На приозерных отмелях рек.
В дни Зар-замана пел Шортамбай:
От песнотворца тех тяжких лет
Был заслонен грядущий свет.
«На справедливость не уповай!»
Так Шортамбаев звучал завет.

Жил в те дни акын Суюмбай:
Мальчика взял он в ученики,
Жажду созвучий в него вдохнул,
Жаром степей на него подул,
«К песне народы, — сказал, — влеки!»
Мальчик, чье имя было Джамбул,
Сделал рабами властной руки
Струны, что в детстве сам натянул.

Жил он и рос и лет не считал:
Первой сединкою заблистал,
Пепельным стал, но, полный сил,
Песни тревожные разносил.
Мало кто в прошлом акынов знал:

¹ Зар-заман — эпоха скорби.

Царь их в забвение окунал,
Били их, кровь стекала со скул,
Голос певца в камышах тонул,
Все же был слышен людям Джамбул,
Лебедем правды все же взмывал.
Звезды — и те Джамбул чаровал;
Птицам он дар свой передавал;
Ветер отчизны, полный чутья,
Слушал поющего, как судья.
Раньше лишь эхо, древний толмач,
Переводило струн его плач;
Отклик, рождавшийся в щелях скал,
Он лишь Джамбула перелагал, —
Ныне с Джамбуловым языком
Весь стоязыкий Союз знаком;
Ныне звучит великий Джаке
Не на одном своем языке,
Стих свой, оттиснутый на кружке,
Слушает, пальцы прижав к щеке.
Ржавчиной горя в родной глуши
Струны его разъедало встарь.
Он их сменил, казахский бахши,
Лирник, шахыр, баян, кобзарь.
Наше содружество славит он,
Силу и мужество славит он,
Землю, что дали нам, славит он,
Всех, кто со Сталиным, славит он.

Тем, что с народом так связан он,
Тем, что талант его не угас —
Ленину этим обязан он,
Вам он обязан, Сталин-жолдас!

4

Что мог делать в прошлом народ,
Если ему зажали рот?
Если на речь наложен запрет
И вдохновенью выхода нет, —
Не из гортани исходит стих,
Но, обходя язык немой,
В пальцы течет он, и через них
Соприкасается со струной.
Стих, как зверь, свою клетку грыз,

Грудь он царапал, крича «открой!»
Взял, наконец, он в гонцы кобыз,
В заговор тайный вступил с домброй.

В столах и вздохах крученных жил
Дух игровой над степью кружил.
Лад звуковой Коркыту служил,
Им сберегаемый под поллой
От рассыхания, от мглы сырой.
Сгинул не знавший счастья Коркыт,
Сник, но в кобызе дух его скрыт.

Стон игровой продолжал Ихлас:
Смутную струнную длил он боль.
В Каспий текла слеза его глаз,
Вот, отчего там горечь и соль.
Клекотом ненависти живой,
Гневом наполнил стон игровой
В год мятежа, в блеске грозы,
Друг Махамбета, Курмангазы.

Реки, что в руслах нашей земли,
К западу стянутые, текли, —
Это был тоже струнный набор:
Скорбный он с небом вел разговор.
Звук направляя все вниз да вниз,
В Каспий он тек с довременных пор...
Если бы птица кинула взор,
Ей бы огромный предстал кобыз!

Горы и степи животворя,
Грянул победный марш Октября.
Страх вековой — преданьем стал.
Стон игровой — ликованием стал.
Жаждой он был — напитком стал.
Жалобой был — избытком стал.
Омутом был он — бродом стал.
Окисью был он — медом стал.
Был он нуждою — пиром стал.
Был он враждою — миром стал.
Немощью бывший — пляской стал.
Нежности чуждый — лаской стал.

В тысячетонный лад звуковой
Каспий стозвонный влил прибой.

Этот прибой рокотал в Москве,
Слышали все его слитный строй,
В десятисуточном торжестве
Дух мы захватывали игрой.
В радио-токи и в провода
Струны кобыза вплелись тогда;
Звон их над миром чертил круги:
Слыша их, пальцы грызли враги;
Тысячи братьев в честь наших ста
Хлопали, бросив свои места;
Сами вы в тот незабвенный час
Рукоплескали, Сталин-жолдас!
Проникновеннейший свой мотив
Памяти Ленина посвятив,
Шлём мы стране яснейший мотив,
Звоном струны ей слух уладив;
Вам же, чье слово — диво из див,
Шлем мы любовнейший свой мотив!

Если речь была стеснена,
Если рвалась в гнев струна,
Были еще в запасе две,
Скрытые в мыслящем существе.
Это — те две чудесных струны,
Что от природы горлу даны,
Те, чей приют — розовый зев,
Те, что возьмут любой напев.
Гордо тая в гортани их,
Чтили всегда в Казахстане их,
Чтили в аулах и на войне,
Чтили со стрелами наравне
Голосовые связки мы:
Пели не по указке мы.
Голос, что шел из казахских губ,
Стоил ночных лебединых труб,
Бьющих с предутренней синевы
В гущу весенней степной травы.

Лебедь завистливый взор бросал,
Слыша, как тешится Биржансал,
Лепет ручья, всхлипы дождя
В песне своей воспроизводя.
Песню свою заглушал не ты ль,
Пеной журчащий древний Эдиль,
Слыша, как страсть Мухита текла,

Словно меж глыб гранита текла,
Сквозь резцы, знаменито текла?

Всадников, пеший, валил с коней
Битвенной песней Джаяу-Муса.
Меканьем коз казались пред ней
Львиный и тигровый голоса.
Чашечки складывали цветы,
Делалось оловом серебро,
Если, как мох могильной плиты,
В песне скорбел Ахан-соро.

Ныне — поём на сотни ладов.
Песне открыты сотни путей.
Облачный раздирая покров,
Ринулась песня влагой дождей,
Сплошь оживляя ветви садов
И прославляя наших вождей.
Голос, что хрип в зажиме когтей,
Ленин от мертвой хватки спас,
Песне вы нашей, как чародей,
Радость вернули, Сталин-жолдас!

5

Склоны цветущей горы Баян
В облачную уходят мглу.
Ходит средь тамошних поселян
Слух о прекрасной Баян-Сулу.
С Козы-Корпешем обручена,
Злою с ним волей разлучена,
Птицей подбитой билась она.

Столь же печальный влачила век
И несравненная Кыз-Жибек.
Розой любви в ней сердце цвело,
Розой жених украсил чело,
Но отнесло беднягу с пути
Вражеской зависти помело.
Смерть его видели шесть гусей
И возвестили родине всей.
Девушки всех родов и колен
Знают с тех пор, как пал Толеген.

Памятна, будто жила вчера,
Песнеслагательница Сара.
Как иноходец на поводу,
Дух сладкогласья за ней шагал,
И на четырнадцатом году
Знали акыншу стар и мал.
Юноша бредил пылкой Сарой;
Старец пленялся ее игрой;
На состязаньях, чтоб тешить слух,
Тщетно акыны смыкали строй,
Тщетно за честь вставляли горой:
Живо из них выпускала пух
Девушка, гордость жен и старух.
Но миновала страсти пора,
И не узнала счастья Сара:
Сделать товаром ее красу
Скряги хотели на Джетысу¹.

За нос водили отца и мать,
Чтоб на позор себя не отдать,
Чтоб не могли их петлей достать,
Норовом жеребят подстать,
Две тароватые на обман
Пташки-подружки Шолпан-Айман.
Был, Котибар, уж и меток ты,
Пташек тех прочил для клеток ты,
К ним подъезжал так и этак ты, —
Но и тебя, как старый чурбан,
Все ж обкрутили Айман-Шолпан!

Слезы казашек долго текли,
Реки вместить их слез не могли.
Меч Октября — лишь он рассек
Пути из чортовой конопли,
Что оплели, казалось, навек
Наших Баян, наших Жибек.
Плохо ль любой из казашек быть,
Не как пугливый барашек быть,
Ладной, не из замарашек, быть,
Ласточкой ранних вспашек быть,
Летчицей, мельче букашек, быть?
Женщине, встарь лишь умевшей прясть
И на жаровню лепешки класть,

¹ Джетысу — Семиречье.

В нашей стране доверена власть!
Женщина — знать, она — грамотей,
Ленинский стяг вьется над ней,
Женщина — враг чалмы и ряс,
Женщина — мать счастливых детей,
Мать поколений, племен и рас,
Наша и ваша, Сталин-жолдас!

6

О, далеко он не был слаб
В творчестве слова, наш предок-раб!
В том сомневающийся, ответь:
Много ль оставить наш предок мог
В письменных знаках внукам в залог.
Если рука висела, как плеть,
Если нам нечем тысячи строк
И не на чем было запечатлеть?

Соль оседает в густых морях,
Золото нарастает в ручьях,
Солнце крепчает в гроздьях лозы,
Смерч накапливает в ходе грозы...
Где же художественная речь
Впрок и надолго могла залечь,
Если не в знаках печатных строк,
Тех, что закон карал, как порок?

Славен вовек наш предок Абай
Тем, что из тьмы пошел напрямик,
Тем, что над твердью им вбитых свай
Город познания в топи возник,
Тем, что он, писчий срезав тростник,
«В путь по бумаге, — сказал, — ступай!»
И наградил нас благами книг.
Мох предрассудков им соскребя,
Тучи невежества он вспорол
И обращал, как Звездный Кол,
Солнце и Месяц вокруг себя.
В дело Абай, как сито, взял
Вкус и чутье на добротный слог,
Речь на просев деловито взял,
Золото слов из-под сита снял,
Мусор же выкинул за порог.

Он благородную видел цель
В том, чтобы песни дальних земель
Перелагать на казахский лад:
С Пушкиным был, как русский, знаком,
Думал над Лермонтовским стихом
И переводами бил впопад.
Степи возжаждали перемен,
И вековечный внимал бурьян
Песне о том, как жигит-Евген
Был недоступен для кыз-Татьян.
В мыслях и в чувствах шел перетрях,
И «одинокый парус белел»
В песне жигита, что о морях
И представления не имел.
Нам, на пиру искусств и наук,
Видно: не был Абай близорук.
Он, не метавший как будто стрел,
Втайне сочувствовал бунтарю
И за туманами рассмотрел
Освободительную зарю.
Он, угадав, что этой заре
Скоро порадуются аул,
Лежа на смертном уже одре,
Зная, что соки бродят в пере,
Саженцем в землю его воткнул.

От пауков и змей сотворясь,
Трижды-изменническая мразь
В образ Абая швыряла грязь.
Ныне их дело мертвым-мертво,
Братство народов свято для нас,
Свято великих культур родство,
Русской культуры прежде всего,
Святы, как мудрость и соль земли,
Пушкин, Абай, Шота, Тарас —
Те, чьим садам расцвести помогли
Ленин и вы, Сталин-жолдас!

7

Справа — Алтай поверх облаков,
Слева — Эдиль, Каспий, Жаик,
Снизу — Тянь-Шань в броне ледников,
Сверху — тайгой шумит материк.

Посередине — чаша из чаш,
Тиграми славившийся Балхаш
И стохребетный круг Арка,
Перед которым луна жалка...
Вот кругозор естественный наш,
Вот простор торжественный наш!
Нам и безжизненный мир знаком:
К северу лег он солончаком
От Кокчетау, дивной горы.
Плешью, и хуже, чем плешь, он был:
Прежде в губительстве грешен был,
Прежде там смерть справляла пиры.
Не было корма стаду там,
Было привольно лишь гаду там,
Змеи лишь странствовали ползком,
Черным довольствуясь пауком.
Это Голодная Степь была.
Ширью Бесстыдства, «Бетпак-дала»,
В нашем народе та степь слыла.

Что же случилось? Веришь едва...
Мир, над которым лишь смерч кружил,
Силой советского волшебства
Влагу обрел для иссохших жил.
Мир, где лишь змеи копили яд,
Преобразился в цветущий сад:
Хлопком белеет, пчелой жужжит,
Хлебом и пажитями шуршит,
Хлещут их ливнями облака,
Хлынула гуща каучука,
Хлынули реки — и все вершит
Воля и смелость большевика!

Кто это? — Ухо — прямей копья,
Глаз — поворотливей воробья,
Шея — как серп в тугом черенке,
Мышцы — как волны в бурной реке,
Выгиб крестца — обозный котел,
Выдох ноздрей — как туман, тяжел,
Ноги — в подобиях башмака,
Волосы напоминают шелка...
Это — казахский колхозный конь,
Годный в работе и на войне,
Ждет наготове, лишь только тронь,
Ржет в многотысячном табуне.

Кто это? — Грудь, как утес, крепка,
Плавны движенья, поступь мягка,
Холка и ноги в густом руне,
Холм одинокий прирос к спине...

Это степной одnogорбый нар,
Переносающий холод и жар,
Чинно влачащий вьючный товар,
Нашей обширной родины дар.

Кто это? — Туловище — как дуб,
Ноздри — как чаны, у влажных губ,
Темя с клыком сочетает клык,
Месяцем юным блестит их стык...
Это, конечно, Урдинский бык!

Пастбища наши, наши луга,
Лошадь, готовую гнать врага,
Весь урожай и весь удой,
Все, что течет на колхозный той
Нашей республики молодой,
Все, начиная с влаги сырой
Вплоть до скрипящего кожурой
Яблока, слаще, чем ананас,
Дали нам партия, новый строй,
Ленин и вы, Сталин-жолдас!

8

Просто кочуя в вечном кругу,
Правя верблюдом, мерным в шагу,
Прах попирая древних могил,
Пресной водой не питая сил,
Прямо в эпоху рельс и колес
Притчу про реки предок пронес.
Притча гласила: «Словно настил,
Кто-то на реках из рудных жил
Родину нашу расположил,
Русла потоков, несущих ил,
С жилами залежей он скрестил.
Каждая залежь — тоже поток,
Он, как Эдиль, могуч и широк,
Недра прорвет он, как минет срок...»

Что же? Сбывается древний сказ,
Притча про клад, что в недрах увяз!
Правда, что лег переплетом он,
Правда, что выглядит сотом он.
Прятаться, что ль, от свёрл-пролаз? —
Стал он доступен для наших глаз:
Прочно скрестив множество раз
Прииски, штольни и рельсы баз,
Он величайшей из сеток лег,
На чертежах пятилеток лег.
Каждый из прутьев, как плес, велик,
Каждый из них, как ветвь, узловат.
Озеру узел равен в обхват,
И у любого из них — рудник,
И у любого город возник.

Вот протянулся жгут золотой:
Географической широтой
Он обегает выгиб крутой.
Выйдя с Алтая к Баян-горе,
Мимо Баяна — к Джеты-Каре,
Степь до Урала он полоснул.
Он навсегда уж, было, заснул,
Но, пробужденный, в слитках сверкнул.

Вот протянулся свинцовый жгут:
Руд его воды не перетрут,
Землетрясения не пожрут,
Вражьи вторжения не запрут.
Риддер на нем наплывом залег,
В жиле узлом счастливым залег.
То, в чем нуждается пулемет,
То, чей напев захватчик поймет,
То, что хранит советский боец,
Красная конница, Красный флот,
Всякий хозяйственник, наконец,
Вот он, прославленный наш свинец,
В тигле расплавленный наш свинец!
Рвется, для жизни воспрянув, он,
Льется, дрожа, из кранов он.

Вот протянулся медный жгут:
Если предания нам не врут, —
От Соломоновых древних дней,
Сидя на голой груди камней,

Ныла балхашская птица-сыч:
«Ныне и вечно — тут глушь и дичь,
Носа, искатель, сюда не тычь!»
Смолкло нытье птицы слепой.
Наши дела, соловей, воспой,
Ибо мы смело медной тропой
Тянем с Ак-Тау медный спай
На Джез-Казган и на Карсакпай!

Вот протянулся угольный жгут:
Домны без топлива не замрут,
Нам не грозят ни мрак, ни мороз,
В печь не придется кидать навоз,
Ибо от самой Караганды
Тянется ствол горючей руды!

Вот протянулся жгут нефтяной:
Он через Джем, Уил и Сагыз
Струями хлещет солнечный зной,
Снизу идет и падает вниз.
Так, по следам вековой мечты,
Подняты мертвенные пласты.
Степь, где лишь вихри пускались в пляс,
Пылью клубясь до самых светил,
Ленин для подвигов разбудил,
Вы разбудили, Сталин-жолдас!

9

Жег очагом песчаный накал,
Жёсток был путь из людских костей,
Гусь на лету дух испускал,
Конь на бегу копыта сжигал:
Так солончак встречал гостей.
Впрочем, одну он гостью любил,
Был с ней любезен, не торопил:
Гостья, что, кстати, звалась чумой,
К нам заявлялась, будто домой,
Но намекнул ей советский врач,
Что не видать ей ныне удач.

Необозримость солончаков,
Неумолимость сухих песков,
Неодолимость ширей степных
Все сознавали — от стариков

И до младенцев, почти грудных.
И кочевали, вопрос тая:
Правда ль, что сказочный Желмая
Мчаться, нивесть докуда, мог,
Шибче любого верблюда мог,
Мчаться в любом обличи мог
Вихрем мог и по-птичьи мог?
Думали — правда ль, что Тай-Бурыл,
Конь Кобланды, быстроходней был
Всех жеребцов и всех кобыл?
Правда ль, что, задней задев ногой
Гору внушительной высоты,
Он уж передней смущал покой
Столь же высокой ее четы,
Что перемешивал, взмыв дугой,
Почву одной с почвой другой?
Думали: правда ль, что некий хан,
Чей-то там правнук, чей-то внук,
Зодческим рвением обуян,
Цепью сковав сто тысяч шей,
Вытянул в нить сто тысяч рук
И, как соткавший ту нить паук,
Тешился шествием кирпичей,
Делавших путь от раба к рабу
Впятеро спористей и ловчей,
Чем на верблюжьем можно горбу?

Правдой ли были россказни те
Или священной ложью певца,
Но, как роса на пыльном листе
Зноем глушимого деревца,
В них отлегла, во всей чистоте,
Боль, что томила наши сёрдца,
Их подсказала верность мечте,
Жажда движенья, вплоть до конца,
По бороздам на земном щите.

Жаждой движенья и быстроты
В жизни томим был, Пушкин, и ты!
Чтоб засвидетельствовать, что нас
Вел Пугачев громить Арзамас,—
К братьям, скитавшимся, как песок,
Вынес тебя почтовый возок,
И станционный Илецкий тын
Взором ожег великий акын.

К нам же, столбы круша впопыхах,
С гостем-невольником в кандалах,
Несся фельдъегерь, гроза и страх.
Перекладных лошадей моря.
Жертву он вез в объятья пустынь.
Валом каспийским, о гнев наш, хлынь:
Автора славного «Кобзаря»
В ней угадаешь — взор лишь кинь...

Там, где верблюд, печален и тих,
Косной ногой по пескам ступал, —
Кончился век беспутий глухих,
Кряжем железнодорожным их
Вяжет сейчас позвоночник шпал.
Чтоб не грозил нам никто войной,
Наши батыры в небе кружат,
Родичи тех, чьей славой тройной
Мир через полюс дружески сжат.
Средства для связи — мало ль их есть?
В них воплощенный обрел свой знак
Слухопроводчик «узун-кулак»,
Способ наслышки, каким степняк
Передавал за вестью весть,
Словно пыльцу, которую мак
На одноцвётке просит осесть.
Воздух и житель столбов, «тыльсым»,
Вести роняют ливнем косым.
Там, где нехитрым зыбким жильем
Был вековечный войлок юрты, —
Горы, меняя свои черты,
В таинство стройки входят сырьем.
Город, где Фрунзе духом созрел,
«Праотец яблок», Алма-Ата,
В кружеве парков и улиц-стрел,
Старому Верному не чета.
Всходим всё вверх по ступеням мы,
Бьем впопад по мишеням мы,
Нечисть штыком подденем мы!

В нашей Республике Киров был,
Встречен он рокотом жиров был.
В годы грозы, чей желанный гул
Мир и аул равно потряс,
Молнией вешней Ленин сверкнул,
Радуга ж наша — Сталин-жолдас!

Вдумавшись, вжившись, вникнув в суть
 Звуков и знаков — Сталинский путь —
 Видят писатели, чем их рать
 Стала и чем должна еще стать.
 Ляжет в веках как огненный след
 Песня дерзаний, битв и побед.
 Станет наш слог вынослив, как плуг,
 Станет, как руды Риддера, туг.
 Слог наш сагызской нефтью забьет,
 Станет светлей, чем горные льды,
 Слог наш в горючести превзойдет
 Черные угли Караганды.
 Слог самолетом должен гудеть,
 Должен огнем, как тулпар, дышать,
 Молнией бури должен блеснуть
 И соловьиной дробью звучать.
 Надо пером, как штыком, владеть,
 Надо пером врагов поражать.
 Нашим законом нам дан простор,
 Бывший мечтою до этих пор.
 «Все есть в законе, —

Поет Джамбул, —

На небосклоне, —

Поет Джамбул, —

Краше звезды нет, —

Поет Джамбул, —

Сердцем он принят, —

Поет Джамбул.

Голос Джамбула — свежий родник,
 Ткань его песен — шелк и атлас,
 Стих его в наши стихи проник,
 Вами открыт он, Сталин-жолдас!
 Мудрость его песнопений — вы!
 Наш светозарный гений — вы!
 Луч золотой из-за тени — вы!
 Лучший отстой поколений — вы!
 Учимся твердости мы — у вас!
 Можно ль без гордости петь — о вас?
 Вечное наше спасибо — вам!
 Жизни мы в дар принесли бы — вам!
 Вами мы вписаны в сад имен,
 Вами он вскопан, вами вспоен!

Тысячу наших звенящих строк
Шлет вам в Москву Тянь-Шаньский отрог,
Шлет вам отчет Казахской земли,
Шлет вам взволнованный свой рассказ,
Шлет, чтобы тысячи братских глаз,
С вашими вместе, его прочли.
Мы же клянемся честью своей
Стать еще тверже, еще смелей,
Вместе с работниками полей,
Вместе с отрядом учителей,
Вместе со всей Советской страной
В ногу идти дорогой одной!
Мы вам клянемся домом своим
В том, что отечество отстоим,
Если лишит нас жизненных благ
Только взмечтает презренный враг!
Мы вам клянемся нашим трудом —
Выбору слов учась у вас,
Знать наизусть ваш авторский том,
Этот бездонный чистый алмаз!
Да почерпнем мы богатство сил
И вдохновенья вечный запас
В песне ума, что Ленин сложил,
В вашей поэме, Сталин-жолдас!

*Обращение принято вторым съездом пи-
сателей и народных акынов Казахской ССР
23 июня 1939 года*

№13755



Областная
библиотека им. ГОГОЛЯ
Фундаментальное
отделение





С Л О В А Р Ъ

А

А з а м а т — молодец, удалец.
А з а н — призыв к молитве.
А з р а й л — ангел смерти.
А й р а н — кислое молоко специального приготовления.
А й т ы с (айтысу) — состязание акынов-импровизаторов.
А й з л ь — женщина.
А к с а к а л — старец, старейшина аула (дословно: белая борода).
А к ы н — поэт-импровизатор.
А л а ш-о р д а — контрреволюционная буржуазно-националистическая организация.
А л д а (алла) — бог.
А л ы — один из учеников Магомета.
А л к а — ожерелье.
А л т ы-к а з — шесть гусей.
А л т ы н — золото.
А л ы с — далекое расстояние.
А м а н — приветствие.
А н т у р г а н — клятвопреступник.
А п а — мать.
А р г а м а к — породистая верховая лошадь.
А р к а — см. Сары-арка.
А р с т а н — лев.
А р ч а — степной вереск.
А р ы к — оросительный канал.
А с к ё р — воин; К з ы л-а с к ё р — красноармеец.
А с с а л а у м а л е й к у м — приветствие.
А с т а ф а р-а л д а — «прости, господи» (арабск.).

А й т — говори.
А т т а н — на коней.
А т к а м и н ё р — старейшина, прислужник бия.

Б

Б а й — богатч.
Б а й б и ш ё — старшая жена;
Б а й г а — скачки; приз на скачках.
Б а к а л ы — лягушка.
Б а к с ы — знахарь, колдун.
Б а л д а к — костыль; подставка на луке седла для охотничьего орла.
Б а п — святой.
Б а р х а н — песчаный холм; б а р х а н ы — пески.
Б а р ы м т а — набег с целью увода коней и скота; насильно захваченный скот в результате набега.
Б а т ы р — богатырь.
Б а у р с а к и — жаренные в масле шарики из теста, угощение к чаю.
Б е д ё у — кобылица.
Б е к — знатный человек; б е к-з а д а — почтенный.
Б ё р к у т — большой орел.
Б е т п а к-д а л а — Голодная степь.
Б и й — старейшина рода; судья.
Б и ш а р а — бедняк; несчастный.
Б о с а г а — порог юрты, наименее почетное место в юрте.
Б у н ч у к — погребушки, надеваемые на шею коня.
Б у р а — верблюд-производитель. символ ярости и мощи.

Г

Гу́рия — дева рая.
Гю́ль — роза.

Д

Дау — легендарный великан.
Декха́нин — землероб.
Джа́йляу — летний выпас скота; летнее стойбище аула.
Джал — грива коня; конское сало загривка.
Джиде́ — род дерева.
Джин — злой дух.
Джорга́ — конь-иноходец; ко́к-джорга — серый иноходец.
Джу́т — гололедица в степи, когда скот, не в силах добыть изпод корки льда корм, погибает.
Доне́н — конь-трехлетка.
Дуру́с — ладно.
Дувал — глиняный забор.
Дувала́к — дрофа.

Е

Ер — муж, герой, батыр (буквально: «храбрый»).

Ж

Жама́н — плохо, беда.
Жану́ар (жанывар) — ласкательное обращение к животному.
Жауры́н — кость, лопатка.
Желй́ — конская привязь.
Женге́ — жена старшего брата.
Жибё́к — шелк.
Жигй́т — юноша.
Жир (жыр) — песня; стихотворная форма эпоса со свободной строфой от семи до четырнадцати строк со свободной рифмой.
Жи́ршй́ — певец; поэт (отличие от понятия «акын» состоит в том, что жирши, главным образом, является пересказчиком народного эпоса, который, впрочем, он украшает и видоизменяет, создавая иной раз самостоятельный вариант).
Жолба́рс — тигр.
Жолда́с — спутник, товарищ.

З

Заман — эпоха, определенный исторический период времени.
Зяке́т — жертвоприношение.

И

Изе́нь — род полыни.
Ирга́й — жимолость; рукоятка из нее — для плети или топора.
Иска́нде́р — Александр Македонский.
Йчиги́ — мягкие легкие сапоги.
Иша́н — духовное лицо.

К

Казан — котел для варки пищи.
Казарка́ — дикий гусь.
Казы́ — конская колбаса.
Калма́к — калмык.
Калы́к — народ, племя.
Калы́м — выкуп за невесту.
Камча́ — плеть.
Канджа́р — кинжал.
Кара-а́йгы́р — вороной жеребец; в переносном смысле — паровоз.
Карага́н — низкорослая дикая акация.
Каты́н — женщина, жена.
Ке́йс — кожаные калоши, надеваемые сверх ичиг.
Ке́дей — бедняк.
Келй́н — жена брата; невестка; обращение к младшей женщине.
Кемешё́к — головной убор замужней женщины, род платка.
Кер-ма́рал — олень.
Кетпе́н — мотыга.
Кешке-тома́к — ужин.
Кзы́л — красный; кзы́л-сака́л — рыжебородый.
Ки́йм — одежда.
Ки́йк — дикая коза.
Ки́зйк — сухой навоз, топливо для очага.
Киста́у (кстау) — зимовка аула.
Киса́ — походная сума.
Клы́ш — сабля.
Кобы́з — музыкальный инструмент, род скрипки.
Койшй́ — овчар.
Койя́н — заяц.
Кокежа́н (кокешим) — ласкательное обращение к брату.

К о р а м с а к — колчан.
 К о р ж у н — переметная сума.
 К а л а - к о р ж у н — пестрая сума.
 К о с п а к — верблюжонок.
 К у д а й — бог.
 К у л а н — дикая лошадь.
 К у л м а м б е с — степное растение.
 К у н а н — конь-двухлетка.
 К у м ы с — заквашенное кобылье молоко.
 К у р а й — тростниковое растение.
 К у р п е — стеганое ватное одеяло.
 К у р т — сыр.
 К у р у к — длинный шест с петлей на конце для поимки коней.
 К ы з — девушка.
 К ы р — равнина; к ы р - д а л а — ровная степь.
 К ы р а н — сильная охотничья птица.
 К ю й — музыкальная пьеса без слов для домбры.
 К ю й ш ы — виртуоз на домбре; композитор.
 К ю й м е — повозка.
 К я п - к я п! — ой-ой! (Восклицания.)
 К я ф и р — неверный, иноверец.

Л

Л е й л и — Лейли и Мажнун — герои ирано-тюркского лирического эпоса.

М

М а г з у м — духовное лицо.
 М а л — скот.
 М а л а и — пастухи.
 М а л т а — лепешки из отходов сыра.
 М а н а с — герой киргизского эпоса.
 М а т а — род полотна.
 М е д р е с с е — мусульманская духовная школа.
 М у р з а — знатный человек.
 М у р у н д у к — палочка, продаваемая в ноздри верблюда для управления им.
 М ы л т ы к — ружье.

Н

Н а й з а — копые.
 Н а м а з — молитва; н а м а з - д и г е р — вечерняя молитва.
 Н а р — одногорбый верблюд.
 Н а р ы н — местность в Западном Казахстане.
 Н а у р ы з — месяц весеннего равноденствия.
 Н у к е р — воин хана.

О

О р д а — 1) политическое объединение казахов, которые делились на три Орды — Большую (район Восточного Казахстана), Среднюю (центральная часть степей) и Малую (Западный Казахстан, Каспий, Волга). 2) Ставка хана, вообще юрта знатного бая.
 О й - б о й! — восклицание горести.
 О п р м а й! — восклицание удивления.
 О т а р а — стадо овец.
 О т а у — юрта молодых.

П

П и а л а — деревянная чашка.
 П э р и — мифическое существо, муза.

Р

Р у с т е м — герой поэмы Фирдоуси «Шах-Наме».

С

С а б а — кожаный мешок для приготовления и хранения кумыса.
 С а д а к — лук.
 С а й г а к — степное животное, антилопа.
 С а л е м — привет.
 С а м а н — глина, материал для постройки домов.
 С а р а й — дворец хана; вообще большое здание.
 С а р ы - а р к а (буквально «Желтая спина») — казахское название Арало-Иртышского водораздела.
 С а у г а ! — «С добычей!» По казахскому обычаю, первому приветствовавшему отдавали часть добычи.

Сауклè — головной убор не-
весты.
Сулý — красавица.
Сурпà — бараний бульон.

Т

Тазшà — паршивый; больной
паршой.
Тай — годовалый жеребенок.
Таксыр — господин, начальник.
Тарлàn — сивый конь.
Тарлау — сочная трава на влаж-
ных местах.
Татры — солончаки.
Тобылгà — кустарник, таволга.
Тогай — береговая заросль,
чаща.
Той — пиршество, праздник.
Томак — меховая шапка с уша-
ми.
Тон — кожаная одежда.
Токàл — младшая жена.
Торè (тюре) — потомок ханов,
аристократ.
Торь — почетное место в юрте;
в доме — нары.
Туйгын — охотничий сокол.
Тулпàр — легендарный кры-
латый конь батыров; отсюда —
вообще хороший конь.
Тундýк — верхнее (дымовое) от-
верстие юрты.
Турман — конская сбруя.

У

Урамàл — расшитое полотенце.
Урàn — боевой клич рода.

Х

Хабàр — новости.
Хазрèt — святой.

Ханкèй — дочь хана.
Ханым — госпожа.
Харалýг — сталь, булат.
Хожà (ходжа) — проповедник
ислама, «потомок» пророка.

Ч

Чабàн — пастух.
Чай-ханà — чайная.
Чекмèнь — род короткого каф-
тана.
Чембýр — повод уздечки.
Чий — степной тростник.
Чòглок — малый сокол.
Чокпàр — кистень, дубина.

Ш

Шайтàn — дьявол, сатана.
Шанрàк (шанграк) — верхнее
кольцо деревянного остова юрты.
Шапàн (чапан) — верхняя одеж-
да, род халата.
Шейх — высшее духовное зва-
ние у мусульман.
Ширкйн! — восклицание вос-
хищения.
Шолпàн — «утренняя звезда»,
Венера.
Шуюнчй — награда за хорошее
известие.

Ы

Ыным — младший брат.

Э

Эркек — мужчина.

Я

Япырай, япрмай! — воскли-
цание удивления и недоумения.





СОДЕРЖАНИЕ

Л. Соболев. От составителя.	5
-------------------------------------	---

Часть первая

ЭПОС И СТАРИННЫЙ ФОЛЬКЛОР

Мухтар-Ауэзов. «Казахский эпос и дореволюционный фольклор».	11
---	----

Героический эпос

«Кобланды-батыр». Перев. М. Тарловского.	17
«Ер-Саин». Перев. Л. Пеньковского.	30
«Ер-Таргын». Перев. Л. Пеньковского.	47
«Камбар-батыр». Перев. <u>Г. Владимирского</u>	60
«Плач по Мамаю его матери Кары-Улек».	68

Лирический эпос

«Козы-Корпеш и Баян-Сулуг». Перев. М. Тарловского.	74
«Кыз-Жибек». Перев. М. Тарловского.	92
«Айман-Шолпан». Перев. П. Шубина.	108
«Смерть древнего воина». Перев. П. Шубина.	127

Обрядовые песни

«Жар-Жар». Перев. <u>Г. Владимирского</u>	128
«Кыз-таньсу». Перев. <u>Г. Владимирского</u>	131
«Бет-ашар». Перев. Вс. Рождественского.	132
«Айт-келин». Перев. Вс. Рождественского.	133
«Естирту». Перев. П. Шубина.	135
«Баксы-жиры».	138
«Песни о скоте». Переводы Вс. Рождественского и П. Шубина.	141

Народные сказки

«Сорок небылиц». Перев. Л. Соболева.	146
«Мудрый Жиренше и красавица Карашаш».	152
«Богатый и бедный». Перев. Л. Макеева.	158

✓ «Алдар-Косе и Шигайбай»	166
✓ «Алдар-Косе и черти». Перев. Л. Соболева	170
«Невидимый вор»	174
«Пискун»	182
«Аяз-бий». Перев. В. Ваздаева	188
«Лиса, верблюд, волк, лев и перепелка».	204
«Лиса, медведь и пастух»	208
«Храбрый осел»	211

Часть вторая

ЛИТЕРАТУРА XIX и НАЧАЛА XX ВЕКОВ

С а б и т М у к а н о в «Казахская литература XIX века»	215
--	-----

«Придворные» поэты

Б у х а р - ж и р а у. «Обращение поэта Бухара к хану Аблаю». Перев. М. Фромана	223
Н а с ы н б а й. «Плач по Кенесары и Наурызбаю певца Насынбая, бежавшего из киргизского плена». Перев. М. Фромана	226
Д о с х о ж а - б и й. «Песня, спетая перед переселением Кенесары с Кокчетава». Перев. М. Фромана	229

Поэзия «Эпохи восстаний»

И г и л м а н Ш у р е к о в. «Исатай и Махамбет». Перев. Э. Левонтина	236
М а х а м б е т. Стихи. Перев. М. Фромана	245
«Герой»	246
«На нашем пути — грязь по колено».	246
«Метис, рожденный аргамакон»	247
«Призыв»	248
«Что толку?»	249
«Камышовые озера»	249
✓ «Обращение батыра Махамбета к султану Баймагамбету»	250 ✓
Ш е р и н я з. «Обращение Шериняза к хану Баймагамбету». Перев. П. Шубина	253
✓ Бекет-Батыр. (Отрывки из поэмы). Перев. Э. Левонтина	259

Поэты «Эпохи скорби»

Шортамбай. ✓ «Обманная жизнь»	266
«Бай проклят богом»	268
✓ Муратакын. «Три эпохи». Перев. П. Шубина	270

Письменная литература XIX века

Ибрай Алтынсарин. Стихи.

Перев. П. Шубина:

«Кто это?»	274
«Река»	275
«Весна»	275
✓ «Давайте, дети, учиться!»	276

Шангерей. Избранные стихи.

Перев. Г. Владимирского:

«Вам пишет с озера Борсы».	279
«В степи, как во дворце большом».	279
«О, гость аллы!»	280
«За горем — радость»	280
«Всех красотой ты превзошла».	281
«Когда б мне мир подвластен был».	281
«Подругой истинной».	281
«Лес».	282
«Озеро»	282
«Итоги»	283

Абай Кунанбаев. Стихи.

Перев. Вс. Рождественского:

«На щеках у них лед и жар»	285
«Вдоль спины заплетенные косы».	286
«Послание жигита к девушке»	286
«Послание девушки к жигиту»	288
«Язык любви»	289
«Красивой песней под струнный звон»	289
«Радость жизни»	290
«Стих — это вождь»	291
«Кумыс»	291
«Поэт»	292
«Когда умру».	293
«Далекий путь».	294
«Не хвастай, коль не учен»	295

✓ Жусуп Копеев. «Поучения в стихах», написанные в прежние времена известным Жусупом. Перев. В. Голубевой.	296
---	-----

Н у р ж а н Н а у ш а б а е в. Басни. <i>Перев.</i>	
<i>П. Шубина:</i> «Бык и осел»	300
«Лисица и петух»	303

Письменная литература начала XX века

И с п а н д и а р К у б е е в. «Калым» (Глава из романа)	305
С а б и т Д о н е н т а е в. Стихи:	
«Пасынок». <i>Перев. П. Шубина</i>	321
«Жаворонок». <i>Перев. М. Фромана</i>	323
«Волку, наевшемуся яда». <i>Перев. П. Шубина</i>	325
«Националисту». <i>Перев. П. Шубина</i>	325
С у л т а н - М а х м у д Т о р ы а й г ы р о в. <i>1893-20.</i>	
Стихи. <i>Перевод. П. Шубина:</i>	
✓ «Одному человеку».	327
✓ «Думы учащегося».	328
✓ «Слепое дерево».	329
«Я — ребенок».	329
«Я — жигит».	329
«Для чего живу».	330
«Ненасытные кровопийцы города». <i>Перев.</i>	
<i>М. Фромана</i>	330
«Сравнение себя с мурзами». <i>Перев. М. Фро-</i>	
<i>мана</i>	331
✓ «Бедняк» (Глава из поэмы). <i>Перев. М. Фромана</i>	334

Песни восстаний 1916 года

«Палачи» (Народная песня).	337
«Горе народное» (Отрывок из народной поэмы).	338
К у л б а ш. «Письмо Абдрахману и его ответ».	
<i>Перев. Л. Архангельского</i>	340
А к м а л К а р ж а у б а е в. «Письмо». <i>Перев.</i>	
<i>Э. Левонтина</i>	342
Б з а у б а к. Призыв акына Бзаубака к восста-	
нию. <i>Перев. Э. Левонтина.</i>	343
«Плач жены Амангельды». <i>Перев. П. Шубина.</i>	345

Часть третья

КАЗАХСКАЯ СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

М. Ритман. Литература социалистического	
Казахстана	351
А б д у к а д ы р о в К а л м а к а н. «Тулпар —	
крылатый конь». <i>Перев. М. Воронцова.</i>	364
«Сталинский закон». <i>Перев. П. Шубина.</i> . . .	369

А билев Дихан. Стихи. «Шота Руставели».	
Перевод Э. Левонтина	372
«Испанская девушка». (Отрывки из поэмы).	
Перев. П. Кузнецова	373
А манжолов К а с ы м. «Гордые соколы».	
Перев. Э. Левонтина	379
А у э з о в М у х т а р. «Как запела Татьяна в степи».	
Перев. с авторского подстрочника Л. Соболева	383
«Охотник с орлом». Перев. с авторского подстрочника И. Шухова	400
А й м а н к у л ь.	
«Песня матери». Перев. П. Кузнецова	416
«В мавзолее». Перев. П. Шубина	422
Б е к т е м б е т о в а М а р и а м. Стихи:	
«День». Перев. П. Шубина	424
«Союз».	425
Д ж а м б у л. Стихи:	
«Моя родина». Перев. П. Кузнецова	426
«Песня о весне народов».	432
«Песня о братстве народов». Перев. П. Кузнецова	433
«Колыбельная песня»	435
«Джайляу»	437
«Клим-батыр»	440
«Прощальная песня». Перев. П. Кузнецова	443
«Песня о жизни». Перев. П. Кузнецова	445
«На родине Сталина». Перев. П. Кузнецова	448
Ж а р о к о в Т а и р. «Поток». (Глава из поэмы)	
Перев. П. Шубина	451
«Степь казахская поет». Перев. Н. Бутовой.	457
«Песнь души». Перев. П. Кузнецова	458
Ж у м а г а л и й С а и н. «Виденье пилота».	
Перев. М. Тарловского	461
К е н е н. «Песня о железном наркome»	465
«Песня об умершем сыне». Перев. П. Шубина	467
К у а т «Партии верит народ». Перев. В. Копытина	469
М у к а н о в С а б и т. «Великий садовод».	
Перев. Н. Сидоренко	470
«Два орла». Перев. Н. Сидоренко	472
«Здравствуй, Май!» Перев. Н. Сидоренко	473
«Пакет» (Глава из романа «Загадочное знамя»)	476
М у с р е п о в Г а б и т. «Мать». Перев. Л. Соболева	491

Орманов Гали. «У гроба». Перев. Н. Бутовой	499
Орунбай. «Домбра». Перев. П. Кузнецова	501
«Избранник сердца», Перев. П. Кузнецова	503
Оспантай. «Песня о свекле».	505
Сатыбалдин Капан. «Я пою». Перев. Н. Сидоренко	508
Сарсенбаев Абу. «Пушкин у Черного моря». Перев. П. Шубина	510
«Мать Дина». Перев. П. Шубина	512
Саядиль. «Пой, акын». Перев. В. Копытина	514
«Чудесный сад». Перев. В. Копытина	515
Жахан Сыздыков. «Тайны гор». Перев. П. Кузнецова	517
«От Сталинских лучей». Перев. П. Шубина	519
Тажибаев Абдильда. «Сыр-Дарья». Перев. П. Шубина	521
«Разговор с Тарасом». Перев. Э. Левонтина.	523
Токмагамбетов Аскар. «Ала-коржун» (Глава из романа «Шаульдер»).	525
«Кровью написанное». Перев. П. Шубина.	540
Умурзак. «Я — акын Умурзак». Перев. Л. Пеньковского.	548
Утеп. «Батыра дело». Перев. В. Голубевой.	552
«Поэма о жигите Макыше».	553
Сабит Муканов, Аскар Токмагамбетов, Таир Жароков, Абдильда Тажибаев. «Сталину» (Поэма). Перев. М. Тарловского.	556
Словарь.	579

Редактор Е. Мозольков.
Художественный редактор И. Масляницко.
Технический редактор А. Цыппо.
Корректоры
Л. Каплан и Е. Павлова.

Сдано в набор 27/X 1938 г. Подписано к печати 20/II 1940 г. х-60. П28. Зак. изд. № 289. Зак. тип. № 830. Формат бум. 60×92¹/₂. 36²/₄ печ. лист. 31,21 авт. лист. Тираж 10 000. Уполномоченный Главлита № А-21180.

Типография «Искра революции». Москва, Филипповский пер., 13.

Цена в переплете 22 р. 50 к.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строки	Напечатано	Следует
7.	2 сверху	к нам все	к нам все
218.	13 снизу	...колонизацию,	...колонизацию“,
293.	7 снизу	зам ной!	за мной!
587.	2 сверху	Перевод Э. Левонтина	Перевод П. Кузнецова
„	4 сверху	Перевод П. Кузнецова	Перевод Э. Левонтина